ТИТЪ ЛИВІЙ.

РИМСКАЯ ИСТОРІЯ ОТЪ ОСНОВАНІЯ ГОРОДА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

подъ редакціей

П. Адріанова.

ТОМЪ I.

КНИГИ I—V.

Изданіе второе.

МОСКВА.
Типографія Е. Гербекъ, 2-я Мѣщанская ул., д. № 26.
1897.

Въ началѣ минувшаго года I тома редактированнаго нами перевода Ливія въ продажѣ уже не было, а такъ какъ спросъ на него продолжался, то мы охотно приняли предложеніе типографіи Е. К. Гербекъ приступить къ 2-му изданію. Оставаясь вѣрны принципамъ, изложеннымъ нами въ предисловіи къ 1-му изд., мы конечно не преминули, по мѣрѣ возможности, воспользоваться замѣчаніями, сдѣланными на нашъ переводъ въ спеціальныхъ журналахъ „Гимназія“ и „Филологическомъ Обозрѣніи“. Пересмотрѣнъ переводъ по комментированному изданію Вейссенборна. (I и II кн.—VII изд. III—V кн.—V изд).

Оренбургъ.

Февраль 1897 г.

П. Адріановъ.

КНИГА I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Будетъ ли стоить труда, если я напишу исторію римскаго народа съ основанія города, я хорошенько не знаю, да еслибы и зналъ, то не рѣшился бы сказать: дѣло въ томъ, что предпріятіе это, какъ я вижу, и старое и многими испробованное, при чемъ постоянно появляющіеся новые писатели думаютъ или привнести нѣчто новое со стороны фактической, или превзойти суровую древность искусствомъ изложенія. Какъ бы то ни было, все же пріятно будетъ и мнѣ, по мѣрѣ силъ, послужить увѣковѣченію дѣяній перваго народа на землѣ; и если имя мое въ такой толпѣ писателей останется въ тѣни, то я стану утѣшать себя славой и величіемъ соперниковъ. Кромѣ того, дѣло это большого труда, такъ какъ приходится воспроизводить событія болѣе, чѣмъ за 700 лѣтъ, и притомъ изъ жизни государства, начавшаго съ малаго и возросшаго до того, что величина его становится ему уже въ тягость; наконецъ большинству читателей несомнѣнно доставитъ мало удовольствія исторія возникновенія города и ближайшихъ къ тому событій; они вѣдь спѣшатъ ознакомиться съ новѣйшимъ, ближайшимъ къ намъ временемъ, когда силы черезъ чуръ могучаго народа уже давно истребляютъ сами себя. Я же буду вознагражденъ также

и тѣмъ, что отвернусь отъ переживаемыхъ нами въ теченіе столькихъ лѣтъ бѣдствій хоть на то время, пока всѣми силами моей души буду занятъ воспроизведеніемъ тѣхъ древнихъ событій; тутъ я не буду испытывать никакой тревоги, которая, если и не въ состояніи отклонить умъ писателя отъ истины, то все-же можетъ безпокоить его. Я не намѣренъ ни утверждать, ни опровергать извѣстій о событіяхъ, предшествовавшихъ основанію, или—вѣрнѣе—мысли объ основаніи города: всѣ они болѣе изукрашены поэтическими вымыслами, чѣмъ опираются на несомнѣнные историческіе памятники: древности дозволяется освящать начало городовъ, примѣшивая божеское къ человѣческому. И если какому народу должно дозволить освятить свое возникновеніе и приписать его богамъ, то римскій народъ пріобрѣлъ это право своей воинской доблестью, и народы, переносящіе власть его, должны столь же безропотно сносить, когда онъ называетъ своимъ родоначальникомъ и родителемъ основателя своего города не кого иного, какъ Марса. Я не придамъ, конечно, особеннаго значенія тому, какъ взглянуть и оцѣнять это и ему подобныя извѣстія; для меня важно, чтобы каждый внимательно прослѣдилъ, какая была жизнь, какіе нравы, какіе люди и какими средствами въ мирное и военное время пріобрѣли и увеличили могущество государства; пусть онъ затѣмъ прослѣдитъ, какъ нравственность съ постепеннымъ паденіемъ порядка начала колебаться, какъ она затѣмъ все болѣе и болѣе стала клониться къ упадку и наконецъ рухнула; такимъ образомъ мы дошли до настоящаго положенія, когда уже не можемъ выносить ни пороковъ, ни средствъ противъ нихъ. Въ этомъ то и состоитъ нравственная польза и плодотворность изученія исторіи, что примѣры всякаго рода событій созерцаешь точно на блестящемъ памятникѣ: отсюда можно взять и для себя, и для своего

государства образцы, достойные подраженія, тутъ же найдешь и позорное по началу и концу, чего слѣдуетъ избѣгать. Впрочемъ, или меня обманываетъ любовь къ предпринятому труду, или дѣйствительно никогда не существовало государства болѣе великаго, болѣе нравственнаго, болѣе богатаго добрыми примѣрами, государства, въ которое бы столь поздно проникли жадность и роскошь, и гдѣ бы дольше оказывался столь великій почетъ бѣдности и воздержанію; ибо чѣмъ меньше было средствъ, тѣмъ меньше гонялись за ними; только недавно богатства породили жадность, а обиліе въ удовольствіяхъ страсть губить себя и все роскошью и распутствомъ. Но пусть хоть начало столь великаго предпріятія свободно будетъ отъ жалобъ, которыя и тогда не будутъ пріятны, когда ихъ, быть можетъ, нельзя будетъ избѣжать. Еслибы у насъ, какъ у поэтовъ, это было въ обычаѣ, то мы гораздо охотнѣе начали бы съ добрыхъ предзнаменованій, съ обѣтовъ и молитвъ богамъ и богинямъ, чтобы они даровали счастливый успѣхъ приступившему къ столь великому дѣлу.

1. Прежде всего достаточно извѣстно, что за взятіемъ Трои послѣдовала свирѣпая расправа со всѣми троянцами; только къ двумъ, Энею и Антенору, Ахеяне вовсе не примѣнили права войны вслѣдствіе стариннаго гостепріимства и вслѣдствіе того, что они постоянно совѣтовали помириться и вернуть Елену. Затѣмъ, послѣ разныхъ приключеній, Антеноръ прибылъ въ самый отдаленный заливъ Адріатическаго моря съ горстью энетовъ, которые за мятежъ были изгнаны изъ Пафлагоніи и, лишившись подъ Троей царя Палемона, искали вождя и мѣста для поселенія; прогнавъ евганеевъ, жившихъ между моремъ и Альпами, энеты и троянцы завладѣли этой землей. Мѣсто, гдѣ они высадились въ первый разъ, называется Троей, а оттуда и область носитъ имя Троянской; народъ же весь названъ

венетами. Эней, бѣжавшій вслѣдствіе той же бѣды изъ отечества, но предназначаемый судьбою для болѣе великихъ начинаній, сперва прибылъ въ Македонію, оттуда, ища мѣста для поселенія, занесенъ былъ въ Сицилію, а отъ Сициліи присталъ съ своими кораблями къ Лаврентской области. И это мѣсто зовется также Троей. Вышедши здѣсь, троянцы, какъ люди, у которыхъ послѣ чуть не безконечнаго блужданія не осталось ничего, кромѣ кораблей и оружія, захватили находившійся на поляхъ скотъ; тогда царь Латинъ и аборигены, владѣвшіе тогда тѣми мѣстами, сбѣжались съ оружіемъ въ рукахъ изъ города и деревень, чтобы отразить нападеніе пришельцевъ. О послѣдующемъ существуетъ двоякое преданіе: по одному, Латинъ, проигравъ сраженіе, заключилъ съ Энеемъ миръ, а затѣмъ и породнился съ нимъ; по другому, когда оба войска стояли готовыми къ битвѣ, прежде чѣмъ поданъ былъ сигналъ, изъ толпы старѣйшинъ выступилъ Латинъ и вызвалъ вождя прешельцевъ для переговоровъ. Затѣмъ онъ спросилъ, что они за люди, откуда и по какому случаю ушли изъ дому и чего ради высадились въ Лаврентской области; услыхавъ, что народъ—троянцы, а вождь ихъ—Эней, сынъ Анхиза и Венеры, что бѣжали они съ родины послѣ сожженнія отечественнаго города и ищутъ мѣста для поселенія и основанія новаго города,—Латинъ, дивясь знатности народа и вождя и готовности ихъ помириться или сражаться, закрѣпилъ будущую дружбу рукопожатіемъ. Затѣмъ вожди заключили договоръ, а войска привѣтствовали другъ друга; Эней сталъ гостемъ Латина, а затѣмъ предъ пенатами Латинъ скрѣпилъ союзъ политическій домашнимъ, выдавъ за Энея дочь свою. Это обстоятельство окончательно укрѣпило въ троянцахъ надежду, что ихъ блужданія наконецъ-то кончились, и они нашли постоянное и прочное мѣсто для поселенія. Они основываютъ городъ, и Эней по имени супруги

называетъ его Лавиніемъ. Немного спустя у молодыхъ супруговъ родился сынъ, котораго родители назвали Асканіемъ.

2. Затѣмъ аборигены и троянцы одновременно подверглись нападенію. Царя рутуловъ Турнъ, за котораго до прибытія Энея просватана была Лавинія, оскорбленный предпочтеніемъ пришельца, напалъ на Энея и Латина. Оба войска вышли изъ битвы съ ущербомъ: рутулы были побѣждены, а побѣдители аборигены и троянцы потеряли вождя Латина. Тогда Турнъ и рутулы, не довѣряя своимъ силамъ, искали защиты у извѣстныхъ своимъ могуществомъ этрусковъ и царя ихъ Мезенція, повелѣвавшаго Церою, сильнымъ въ то время городомъ. Уже съ самаго начала онъ былъ недоволенъ возникновеніемъ новаго города; тогда же, считая, что силы троянцевъ ростутъ гораздо болѣе, чѣмъ то позволяетъ безопасность сосѣдей, онъ охотно соединилъ свое оружіе съ оружіемъ рутуловъ. Эней, желая въ виду столь грозной войны привлечь къ себѣ сердца аборигеновъ, назвалъ оба народа латинянами для того, чтобы всѣ имѣли не только одни законы, но и одно имя. И съ тѣхъ поръ аборигены не уступали троянцамъ въ усердіи и преданности царю Энею. Надѣясь на мужество двухъ народовъ, со дня на день болѣе и болѣе сближавшихся другъ съ другомъ, Эней вывелъ войска въ поле, хотя слава могущества Этруріи разнеслась не только по землѣ, но и по морю вдоль всей Италіи отъ Альпъ до Сицилійскаго пролива, и хотя онъ имѣлъ возможность защищаться въ стѣнахъ. Послѣдовавшее сраженіе было удачно для латинянъ, а для Энея оно было и послѣднимъ подвигомъ. Погребенъ онъ у рѣки Нумика; какъ подобаетъ именовать Энея, я не знаю, зовутъ же его Юпитеромъ туземнымъ.

3. Сынъ Энея Асканій не достигъ еще того возраста, чтобы вступить во власть, но царство осталось нетро-

нутымъ до его возмужалости; латинское государство, царство его дѣда и отца, охраняемое женщиной, уцѣлѣло; такой способной женщиной была Лавинія! Я не стану спорить,—да и кто рѣшится говорить съ полной увѣренностью о столь древнемъ событіи!—былъ ли это тотъ Асканій, или другой, старшій, родившійся отъ Креузы еще во время существованія Иліона, сопровождавшій отца въ бѣгствѣ, словомъ, тотъ, котораго, подъ именемъ Іула, родъ Юліевъ считаетъ своимъ родоначальникомъ. Этотъ-то Асканій—все равно, гдѣ и отъ какой бы матери онъ ни родился, во всякомъ случаѣ достовѣрно, что онъ былъ сыномъ Энея,—вслѣдствіе избытка въ населеніи оставилъ цвѣтущій, по тому времени, городъ матери (или мачехѣ), а самъ основалъ у подошвы Албанской горы новый городъ, который назвалъ Альбой Лонгой, такъ какъ онъ тянулся вдоль горнаго хребта. Между основаніемъ Лавинія и выведеніемъ колоніи Альбы Лонги прошло почти 30 лѣтъ, тѣмъ не менѣе могущество государства, особенно послѣ пораженія этрусковъ, возросло до того, что ни послѣ смерти Энея, ни во время управленія женщины, ни даже въ первые годы царствованія юноши ни Мезенцій съ этрусками, ни другіе какіе сосѣди не рискнули поднять оружія. По мирному договору границей между этрусками и латинянами стала рѣка Альбула, именуемая теперь Тибромъ. Затѣмъ царствовалъ сынъ Асканія Сильвій[1]), по какому-то случаю родившійся въ лѣсу. У него былъ сынъ Эней Сильвій, а у этого Латинъ Сильвій. Онъ вывелъ нѣсколько колоній, которыя получили названіе древнихъ латинянъ.

[1]) Древніе римскіе писатели приписывали основаніе Рима или самому Энею, или Ромулу, называя послѣдняго внукомъ его. Но такъ какъ основаніе Рима пріурочивали къ 400 или даже 432 г. послѣ разрушенія Трои, то получался слишкомъ большой промежутокъ; чтобы сгладить это противорѣчіе, около времени Суллы составленъ былъ приводимый Ливіемъ списокъ Альбанскихъ царей.

Затѣмъ за всѣми царями Альбы осталось прозвище Сильвіевъ. У Латина былъ сынъ Альба, у Альбы—Атій, у Атія—Капій, у Капія—Капетъ, у Капета—Тиберинъ, который утонулъ, переплывая Альбулу, получившую отъ того славное впослѣдствіи имя Тибръ. Затѣмъ царствовалъ Агриппа, сынъ Тиберина, послѣ Агриппы—Ромулъ Сильвій, принявшій власть отъ отца; онъ пораженъ былъ ударомъ молніи; ему непосредственно наслѣдовалъ Авентинъ; этотъ погребенъ на холмѣ, получившемъ отъ него имя и составляющемъ нынѣ часть Рима. Затѣмъ царствовалъ Прока. У него были сыновья Нумиторъ и Амулій. Старинное царство Сильвіевъ завѣщано было Нумитору, какъ старшему сыну. Но сила оказалась выше воли отца и права старшинства: прогнавъ брата, воцарился Амулій; къ одному злодѣянію онъ присоединилъ другое, умертвивъ сына брата; дочь же брата — Рею Сильвію—онъ лишилъ надежды на потомство, сдѣлавъ ее подъ видомъ почести весталкой и обязавъ такимъ образомъ вѣчно оставаться дѣвой.

4. Но, я полагаю, столь сильный городъ и государство, уступающее лишь могуществу боговъ, обязано было своимъ возникновеніемъ соизволенію судьбы. Когда изнасилованная весталка родила близнецовъ, то она объявила отцомъ этого безвѣстнаго потомства Марса или потому, что вѣрила въ это, или потому, что считала болѣе почетнымъ выставить бога виновникомъ своего преступленія. Однако ни боги, ни люди не въ силахъ были защитить ее и дѣтей отъ жестокости царя: жрица въ оковахъ была брошена въ тюрьму[1]), а дѣтей приказано было выбросить въ рѣку. Но по волѣ рока Тибръ выступилъ изъ береговъ и образовалъ болота, такъ что нигдѣ нельзя было подойти къ настоящему руслу его; вмѣстѣ съ тѣмъ посланные надѣялись, что

[1]) Право выбора и наказанія весталки принадлежитъ царю, какъ верховному жрецу.

дѣти потонутъ хоть и въ стоячей водѣ. Итакъ, считая себя исполнившими повелѣніе царя, они бросили дѣтей въ ближайшую лужу, гдѣ теперь находится Руминальская [1]) смоковница (говорятъ, что она называлась Ромуловой). Въ тѣхъ мѣстахъ былъ тогда обширный пустырь. Существуетъ преданіе, что, когда плавающее корыто, въ которомъ были выброшены мальчики, послѣ спада воды осталось на сухомъ мѣстѣ, жаждущая волчица, шедшая изъ окрестныхъ горъ, направилась на плачъ дѣтей; она съ такой кротостью припала къ нимъ и кормила ихъ грудью, что главный царскій пастухъ, называвшійся, по преданію, Фаустуломъ, нашелъ ее лижущей дѣтей. Послѣдній принесъ ихъ домой и отдалъ на воспитаніе женѣ своей Ларенціи. Нѣкоторые полагаютъ, что Ларенція за распутство называлась среди пастуховъ lupa, и это послужило основаніемъ удивительной сказки [2]). Такъ родились они и такъ воспитались: когда же подросли, то, не оставаясь безъ дѣла въ хижинѣ пастуха или около стадъ, они охотясь бродили по лѣсамъ. Укрѣпившись среди такихъ занятій тѣломъ и духомъ, они не только

1) Руминальская смоковница (ficus Ruminalis), по показанію древняго грамматика (Festus, p. 270), названа такъ потому, что подъ ней волчица кормила Ромула и Рема грудью, грудь же называется *rumis*. Смоковница эта находилась на той части Палатинскаго холма, которая именуется Cermalus и лежитъ противъ Капитолія. Во времена Ливія ея уже не было; надо, слѣдовательно, полагать, что Ливій не точно выразился, или смѣшалъ эту смоковницу съ другой, которая росла на комиціи и существовала еще при Пливіи Ст. Наименованіе этой смоковницы Ромуловой основано на смѣшеніи имени богини Rumina, которой она была посвящена, съ именемъ Ромула.

2) Acca Larentia, мать Ларовъ, подъ именемъ Lupa или Luperca почиталась какъ воспитательница боговъ — покровителей римскаго государства—Пика и Фавна; въ честь ея установленъ былъ праздникъ Ларенталій. Позже ее превратили въ историческую личность— кормилицы Ромула и Рема, а такъ какъ слово lupa имѣетъ и предосудительное значеніе, то эту кормилицу стали считать публичной женщиной. Въ основѣ сказки о волчицѣ, лежитъ, какъ полагаютъ, тоже сходство имени богини Lupa съ именемъ волчицы (lupa).

преслѣдовали звѣрей, но нападали и на разбойниковъ, обремененныхъ добычею, дѣлили награбленное ими между пастухами и съ этой со дня на день увеличивавшейся дружиной занимались и дѣломъ и шутками.

5. Уже въ то время существовало, по преданію, совершаемое и нынѣ празднество Луперкалій [1]) на горѣ Палатинской, называвшейся сперва отъ имени аркадскаго города Паллантія [2]) — Паллантейской, а потомъ Палатинской. Тамъ Эвандръ, родомъ аркадянинъ, много лѣтъ раньше жившій въ тѣхъ мѣстахъ, установилъ взятое изъ Аркадіи празднество, состоявшее въ томъ, что нагіе [3]) юноши бѣгали, сопровождая шутками и весельемъ поклоненіе Пану Ликейскому [4]), переименованному впослѣдствіи римлянами въ Инуя. Этотъ праздникъ сталъ извѣстнымъ; и вотъ, когда они предавались играмъ, разбойники, раздраженные потерею добычи, устроили имъ засаду; Ромулъ отбился, а Рема они захватили, немедленно представили царю Амулію и сами же еще стали обвинять его. Главное обвиненіе состояло въ томъ, что братья нападаютъ на поля Нумитора и съ шайкой юношей угоняютъ оттуда скотъ, точно непріятели. Вслѣдствіе этого Ремъ былъ переданъ Нумитору для наказанія. Уже съ самаго начала Фаустулъ подозрѣвалъ, что у него воспитываются царскія дѣти; онъ зналъ, что они выброшены по повелѣнію царя; совпадало и время, когда онъ нашелъ ихъ; но, не увѣрившись окончатель-

1) 15 февраля совершалось празднество въ честь бога плодородія Фавна Луперка; въ приводимомъ сказаніи это празднество отожествляется съ греческимъ Λύκαια.

2) Городъ къ западу отъ Тегеи, признанъ былъ родиною Эвандра едва-ли ранѣе Варрона.

3) Юноши были покрыты только козлиной шкурой, какъ и находившееся въ храмѣ у подножія Палатинскаго холма изображеніе Пана.

4) Ликейскимъ называется Панъ отъ имени горы Lycaeus, лежавшей близъ Паллантея; тамъ родился Панъ и тамъ же былъ храмъ его.

но, онъ не хотѣлъ открывать этого, развѣ выпадетъ случай или принудитъ необходимость. Необходимость явилась раньше. И вотъ подъ вліяніемъ страха онъ открываетъ все Ромулу. Случайно и Нумиторъ, содержа подъ стражею Рема и слыша о братьяхъ близнецахъ, вспомнилъ о внукахъ, сопоставляя ихъ возрастъ и характеръ плѣнника, вовсе не похожаго на раба. Путемъ разспросовъ онъ пришелъ къ тому же результату и почти призналъ Рема. Такимъ образомъ царю со всѣхъ сторонъ куются козни. Ромулъ, не считая возможнымъ дѣйствовать открытой силой, нападаетъ на царя не съ шайкой юношей, а приказавъ каждому пастуху своей дорогой явиться къ опредѣленному времени около дворца, со стороны же жилища Нумитора является на помощь Ремъ, приготовившій другой отрядъ. **6.** Такъ они убиваютъ царя. Нумиторъ въ началѣ суматохи, заявляя, что непріятели вторглись въ городъ и напали на дворецъ, отозвалъ альбанскую молодежь для защиты кремля; когда же увидѣлъ, что братья, умертвивъ царя, идутъ къ нему съ привѣтствіемъ, тотчасъ созываетъ собраніе, выставляетъ на видъ преступленіе брата противъ него, указываетъ на происхожденіе внуковъ, какъ они родились, какъ воспитались, какъ были узнаны, какъ затѣмъ убитъ тиранъ, и объявляетъ, что онъ виновникъ этого. Юноши, стройно выступивъ на средину собранія, привѣтствовали дѣда царемъ, а послѣдовавшія единодушныя восклицанія толпы закрѣпили за нимъ царское имя и власть.

1—37 г. Предоставивъ такимъ образомъ альбанское царство Нумитору, Ромулъ и Ремъ пожелали основать городъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были выброшены и воспитаны. Къ тому же былъ избытокъ въ альбанскомъ и латинскомъ населеніи; къ нимъ присоединились пастухи, а это все вмѣстѣ естественно подавало надежду, что и Альба и Лавиній будутъ малы въ сравненіи съ тѣмъ городомъ,

который собирались основать. Но затѣмъ въ этомъ дѣлѣ сказалось вредное вліяніе дѣдовскаго зла — страсти къ царской власти, слѣдствіемъ чего былъ позорный бой, возникшій изъ-за довольно маловажнаго обстоятельства. Такъ какъ братья были близнецы и нельзя было рѣшить дѣла на основаніи уваженія къ старшинству, то Ромулъ избираетъ Палатинскій, а Ремъ — Авентинскій холмъ для гаданія [1]), чтобы боги, покровители тѣхъ мѣстъ, указали знаменіями, кому дать имя новому городу и кому управлять имъ. **7.** Разсказываютъ, что знаменіе — 6 коршуновъ — явилось ранѣе Рему, и оно уже было возвѣщено, какъ Ромулу явилось двойное число; и вотъ того и другого окружающая толпа привѣтствовала царемъ: одни требовали царской власти для своего вождя, основываясь на времени появленія птицъ, другіе — на числѣ ихъ. Поднялась брань, а вызванное ею раздраженіе привело къ рѣзнѣ, во время которой въ толпѣ былъ убитъ Ремъ. Болѣе распространено, однако, преданіе, что Ремъ, смѣясь надъ братомъ, перепрыгнулъ чрезъ новыя стѣны; разгнѣванный этимъ Ромулъ убилъ его, сказавъ: „такъ будетъ со всякимъ, кто перепрыгнетъ черезъ мои стѣны“. Такимъ образомъ Ромулъ одинъ завладѣлъ царствомъ, а основанный городъ былъ названъ именемъ основателя [2]).

Прежде всего онъ укрѣпилъ Палатинскій холмъ, на

---

[1]) Авгуръ (здѣсь самъ Ромулъ) ставитъ опредѣленные вопросы, на которые боги должны отвѣтить опредѣленными же знаменіями. Обычай вопрошать волю боговъ предъ вступленіемъ во власть или передъ началомъ какого-либо важнаго предпріятія остался и впослѣдствіи. Коллегіальное устройство авгуры получили при царѣ Нумѣ (гл. 18).

[2]) Ливій оставляетъ открытымъ вопросъ, происходилъ ли споръ до или послѣ основанія Рима. Впрочемъ, этимологически невозможно производство Roma отъ Romulus; изъ имени Romulus вышло бы Romula, но такъ какъ уменьшительная форма имени могла имѣть дурное значеніе для будущаго государства (omen), то она и измѣнена была въ Roma.

которымъ самъ выросъ. Священнодѣйствія всѣмъ богамъ онъ установилъ по альбанскому ритуалу, Геркулесу же по греческому, какъ это было положено Эвандромъ. Разсказываютъ, что Геркулесъ, убивъ Геріона, пригналъ въ эти мѣста удивительно красивыхъ быковъ его и, переплывъ вслѣдъ за стадомъ черезъ Тибръ, улегся на лугу, чтобы дать отдохнуть и покормиться на хорошей травѣ скоту, да и самому оправиться отъ усталости съ дороги. Когда, отяжелѣвъ отъ пищи и вина, онъ заснулъ, жившій въ тѣхъ мѣстахъ пастухъ, по имени Какъ [1]), страшной силы, плѣненный красотою быковъ, задумалъ присвоить себѣ ихъ, какъ добычу; но понимая, что если онъ прямо погонитъ скотъ въ пещеру, то самые слѣды приведутъ туда хозяина, когда онъ станетъ искать быковъ, онъ перетаскалъ туда самыхъ лучшихъ изъ нихъ за хвостъ. Проснувшись на зарѣ, Геркулесъ обвелъ глазами стадо и, видя, что части его недостаетъ, направился къ ближайшей пещерѣ посмотрѣть, не туда ли ведутъ слѣды; видя, однако, что всѣ они направлены изъ пещеры и нейдутъ никуда дальше, смущенный и въ недоумѣніи, онъ погналъ стадо изъ этого злого мѣста. Но когда нѣкоторыя коровы, уходя и тоскуя по оставшимся, начали, какъ это обыкновенно бываетъ, мычать, отвѣтное мычаніе запертыхъ въ пещерѣ заставило Геркулеса вернуться. Какъ пробовалъ заградить ему силой доступъ въ пещеру, но пораженный палицею палъ, напрасно взывая о помощи къ пастухамъ. Царствовалъ тогда въ этихъ мѣстахъ, болѣе опираясь на свое нравственное превосходство, чѣмъ на власть, Эвандръ,

1) Какъ у поэтовъ является чудовищемъ съ получеловѣческимъ видомъ; онъ потомокъ Вулкана. Весьма вѣроятно, что Италійскіе греки отожествляли его имя съ прил. κακός (злой), и въ этомъ смыслѣ онъ удобно противопоставляется „доброму мужу“ (Эвандру). Жилъ Какъ, по однимъ, на Палатинѣ, гдѣ и позже показывали „лѣстницу Кака“ (Scalae Caci), ведущую къ цирку, по другимъ,—на Авентинѣ.

бѣжавшій изъ Пелопоннеса; мужъ этотъ пользовался уваженіемъ за удивительныя письмена [1]), невѣдомыя грубымъ людямъ, а еще болѣе вслѣдствіе вѣры въ божественную силу его матери Карменты, предъ пророчествами которой преклонялись обитатели Италіи еще до прибытія туда Сивиллы [2]). Этотъ-то Эвандръ встревоженъ былъ суетней пастуховъ, въ страхѣ бѣгавшихъ около чужестранца, явно виновнаго въ убійствѣ. Узнавъ о преступленіи и причинѣ его и видя, что ростъ и вся внѣшность этого мужа значительно больше и внушительнѣе, чѣмъ у смертнаго, онъ спросилъ, что онъ за человѣкъ. Услыхавъ имя его, его отца и отечество, онъ сказалъ: „привѣтъ тебѣ, Геркулесъ, сынъ Зевеса! мать моя, правдивая истолковательница воли боговъ, предсказала, что ты увеличишь число небожителей и что тебѣ будетъ здѣсь посвященъ жертвенникъ, и нѣкогда могущественнѣйшій народъ на землѣ будетъ именовать его величайшимъ [3]) и поклоняться ему по обычаю, тобою установленному!“ Подавъ правую руку, Геркулесъ, сказалъ, что онъ принимаетъ пророчество и готовъ исполнить волю судьбы, основавъ и посвятивъ жертвенникъ. Тутъ впервые принесена была въ жертву Геркулесу избранная изъ стада корова; къ участію въ служеніи и пиршествѣ приглашены были Потиціи и Пинаріи, какъ роды, пользовавшіеся тогда наибольшимъ по-

1) Латинскому алфавиту приписывается греческое происхожденіе (или отъ Эвандра, или отъ Геркулеса); занесенъ объ былъ въ Лацій, вѣроятно, чрезъ Кумы.

2) Сивилла прибыла въ Италію, по преданію, послѣ разрушенія Трои.

3) Ara maxima—жертвенникъ Геркулеса—вмѣстѣ съ часовней находился у входа въ циркъ (circus maximus) на „бычачьей площади“ (forum boarium), названной такъ потому, что здѣсь, по преданію, остановился Геркулесъ съ своими быками. Такъ какъ Геркулесъ былъ Dius Fidius (богъ вѣрности), то при его жертвенникѣ заключались договоры; въ даръ ему приносили десятую часть пріобрѣтеннаго, а въ древности и военной добычи.

четомъ въ тѣхъ мѣстахъ. Случайно вышло, что Потиціи явились во-время и имъ предложены были внутренности, Пинаріи же поспѣли къ остальной части пира, когда внутренности были уже съѣдены. Отсюда сохранился обычай, что, пока существовалъ родъ Пинаріевъ, они не ѣли внутренностей отъ праздничныхъ жертвъ. Наученные Эвандромъ[1]) Потиціи много вѣковъ были предстоятелями этихъ священнодѣйствій, пока не исчезъ родъ ихъ вслѣдствіе того, что это священное служеніе ихъ было поручено общественнымъ рабамъ. Эти-то священнодѣйствія единственныя Ромулъ принялъ отъ чужестранцевъ, вообще же уже тогда онъ былъ почитателемъ пріобрѣтеннаго доблестью безсмертія, къ которому вела его собственная его судьба.

8. Когда богопочитаніе было устроено надлежащимъ образомъ, то онъ, созвавъ собраніе, далъ толпѣ законы, такъ какъ ничѣмъ инымъ нельзя было сплотить ее въ одинъ народъ. Полагая, однако, что они только въ томъ случаѣ будутъ уважаемы поселянами, если внѣшніе знаки власти внушатъ имъ почтеніе къ нему самому, онъ возвысилъ себя въ ихъ глазахъ, какъ всей вообще обстановкой, такъ особенно присвоивъ себѣ 12 ликторовъ. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ выбралъ это число, сообразуясь съ числомъ птицъ, которыя предрекли ему царскую власть; я же склоняюсь къ мнѣнію тѣхъ, которые думаютъ, что и служители этого рода, и число ихъ заимствовано у сосѣдей этрусковъ, откуда взято и курульное кресло, и тога претекста; а у этрусковъ было такъ установлено потому, что у нихъ 12 племенъ сообща избирали царя, и каждое племя давало по одному ликтору.

---

1) Жертву надлежало приносить съ непокрытою головой, жертвенный пиръ съѣдать сидя и не допускать къ нему женщинъ; все это, по однимъ, было установлено Эвандромъ со словъ Геркулеса, по другимъ, самимъ Геркулесомъ.

Между тѣмъ, съ присоединеніемъ все новыхъ и новыхъ мѣстъ, укрѣпленія города росли; но они возводились больше въ расчетѣ на будущій прирость населенія, чѣмъ сообразно съ тѣмъ, которое было тогда. А затѣмъ, чтобы большой городъ не оставался пустымъ, для увеличенія населенія открыто было убѣжище, которое находится за загородкой, если спускаться съ Капитолія[1]), и называется „inter duos lucos". Руководился Ромулъ при этомъ старымъ обычаемъ основателей городовъ, которые, привлекая къ себѣ толпу темнаго и низкаго происхожденія, сочиняли потомъ, что народъ родился у нихъ изъ земли. Туда сбѣгался изъ сосѣднихъ племенъ всякій сбродъ, безъ различія, свободные и рабы, желавшіе перемѣны своего положенія, и это было основаніемъ слагавшагося величія. Когда уже не было недостатка въ людяхъ, онъ учреждаетъ совѣтъ, избравъ сто старѣйшинъ или потому, что считалъ это число достаточнымъ, или потому, что было всего сто человѣкъ, которыхъ можно было выбрать въ „отцы". „Отцами" они названы были, конечно, вслѣдствіе почета, которымъ пользовались, дѣти же ихъ получили наименованіе „патриціи".

9. Уже Римъ окрѣпъ настолько, что могъ помѣряться силами съ любымъ изъ сосѣднихъ государствъ; но за отсутствіемъ женщинъ это могущество могло продолжиться лишь вѣкъ человѣка, такъ какъ у нихъ дома не было надежды на продолженіе рода, не было и брачнаго союза съ сосѣдями. И вотъ по совѣту отцовъ Ромулъ отправилъ къ сосѣднимъ племенамъ пословъ просить союза и договора, обезпечивающаго для но-

---

1) Въ ложбинѣ, находящейся между двумя вершинами Капитолія, въ то время покрытыми лѣсовъ, находился храмъ бога Veiovis, защищавшаго и очищавшаго бѣжавшихъ къ нему рабовъ, должниковъ и преступниковъ. Подобныя убѣжища существовали и въ другихъ мѣстахъ Италіи.

ваго народа право вступать въ браки. „Города“, говорили они, „какъ и все остальное, возникаютъ изъ ничтожества; затѣмъ кому помогаетъ своя доблесть и боги, тѣ пріобрѣтаютъ великое могущество и великое имя. Намъ достаточно извѣстно, что и боги помогли возникновенію Рима, и въ доблести не будетъ недостатка. Итакъ, вы—люди—не гнушайтесь вступить въ кровное родство съ людьми!“ Нигдѣ послы не были выслушаны привѣтливо: такъ презирали ихъ и въ то же время боялись за себя и потомство въ виду того, что среди ихъ крѣпнетъ такая сила. Большинство отвергло ихъ, спрашивая, отчего бы не открыть имъ убѣжища и для женщинъ: вотъ было-бы какъ разъ подходящее супружество! Это очень оскорбило римскую молодежь, и очевидно дѣло стало клониться къ насилію. Чтобы дать время и мѣсто къ тому, Ромулъ, скрывъ огорченіе, преднамѣренно затѣваетъ торжественныя игры въ честь Нептуна, сотворившаго коня, и называетъ ихъ Консуаліями [1]). Затѣмъ приказываетъ объявить о предстоящемъ зрѣлищѣ сосѣдямъ и, чтобы придать ему блескъ и интересъ, онъ дѣлаетъ къ играмъ роскошныя приготовленія, какія только были извѣстны и возможны въ то время. Сошлось много людей, желавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и посмотрѣть на новый городъ, преимущественно же сосѣди — жители Ценины, Крустумеріи, Антемны; пришелъ и весь народъ сабинскій съ женами и дѣтьми. Радушно приглашенные по домамъ, ознакомившись съ положеніемъ города, его стѣнами и многочисленными зданіями, они дивятся, что могущество римлянъ выросло въ столь короткое время.

1) Имя бога, соотвѣтственно названію празднества, было Consus; онъ былъ покровителемъ земледѣлія; его жертвенникъ находился въ концѣ цирка и оставался весь годъ засыпаннымъ; отрывали его всего три раза въ годъ, преимущественно въ дни Консуалій — 21 августа и 15 декабря.

Когда наступило время игръ, и взоры всѣхъ съ напряженнымъ вниманіемъ обращены были туда, согласно уговору, происходитъ нападеніе: по данному знаку римскіе юноши бросаются въ разныя стороны похищать дѣвушекъ: большею частію хватали кому какая попадалась; но нѣкоторыхъ, выдававшихся красотою и назначенныхъ главнѣйшимъ изъ отцовъ, приносили въ ихъ дома простолюдины, которымъ было поручено это дѣло. Разсказываютъ, что одна дѣвушка, далеко превосходившая всѣхъ красотой и фигурой, захвачена была шайкой нѣкоего Талассія, и когда многіе спрашивали, кому несутъ ее, то во избѣжаніе оскорбленія ея много разъ кричали: „Талассію“; отсюда этотъ возгласъ вошелъ въ употребленіе при свадьбахъ [1]). Вслѣдствіе происшедшей отсюда паники игры разстроились, и печальные родители дѣвушекъ бѣжали, жалуясь на нарушеніе закона гостепріимства и взывая къ богу, на торжественныя игры котораго они пришли, будучи безбожно и вѣроломно обмануты. Да и похищенныя были также въ отчаяніи и не менѣе негодовали. Но самъ Ромулъ обходилъ ихъ и объяснялъ, что это произошло вслѣдствіе гордости ихъ родителей, отказавшихъ сосѣдямъ въ брачномъ договорѣ; тѣмъ не менѣе онѣ, ставъ законными супругами, будутъ участницами въ имуществѣ, гражданскихъ правахъ и, что всего дороже людямъ, будутъ имѣть законныхъ дѣтей; пусть онѣ только смягчатъ свой гнѣвъ и отдадутъ сердца свои тѣмъ, кому судьба отдала ихъ тѣла. Часто изъ обиды со временемъ возникаетъ расположеніе, и онѣ пріобрѣтутъ себѣ тѣмъ лучшихъ мужей, что каждый съ своей стороны, по мѣрѣ силъ своихъ, будетъ стараться, выполнивъ обязанности супруга, вознаградить ихъ и за тоску

1) „Talassio“ кричали невѣстѣ при входѣ ея въ домъ жениха; значеніе этого слова неизвѣстно было уже древнимъ; полагаютъ, что это было имя бога брака.

по родителямъ и родинѣ. Присоединялись сюда ласковыя рѣчи мужей, оправдывавшихъ свой поступокъ страстной любовью, а для женщинъ это наиболѣе дѣйствительное средство.

10. Уже сердца похищенныхъ были очень смягчены, а родители ихъ тѣмъ временемъ въ траурной одеждѣ, слезно жалуясь, волновали общины; выражая свое негодованіе, они не ограничивались своими предѣлами, а стекались сами и присылали посольства отовсюду къ сабинскому царю Титу Тацію, такъ какъ имя его пользовалось извѣстностью въ тѣхъ предѣлахъ. Въ числѣ обиженныхъ были жители Ценины, Крустумеріи и Антемнъ; считая Тита Тація и сабинянъ слишкомъ медлительными, эти три народа сообща стали готовиться къ войнѣ; но и жителей Крустумеріи и Антемнъ крайне раздраженные ценинцы признали не достаточно энергичными, и вотъ они одни нападаютъ на римскіе предѣлы. Но Ромулъ съ войскомъ встрѣчаетъ ихъ, когда они вразсыпную производили опустошенія, и въ легкой стычкѣ показываетъ имъ, что безсильный гнѣвъ ни къ чему не ведетъ: войско ихъ онъ разсѣяваетъ, обращаетъ въ бѣгство и преслѣдуетъ, царя ихъ убиваетъ въ битвѣ и снимаетъ съ него доспѣхи, а вслѣдствіе гибели непріятельскаго вождя и городъ беретъ при первомъ натискѣ. Возвратившись домой съ побѣдоноснымъ войскомъ и будучи мужемъ столь же великимъ по своимъ подвигамъ, сколько любящимъ блеснуть ими, онъ повѣсилъ доспѣхи съ убитаго вражескаго вождя на нарочно для того устроенныя носилки и вступилъ на Капитолій [1]); положивъ здѣсь ихъ у дуба, чтимаго пастухами, и принесши дары, онъ назначилъ мѣсто для храма Юпитера и далъ богу новое

[1]) Это еще не былъ тріумфъ, учрежденіе котораго Ливій приписываетъ Тарквинію (38 гл.).

прозвище: „Юпитеръ Феретрійскій!“ сказалъ онъ: „я, побѣдоносный царь Ромулъ, приношу тебѣ это царское оружіе и посвящаю храмъ въ этихъ предѣлахъ, которые я мысленно только-что обозначилъ [1]), мѣсто для „тучныхъ доспѣховъ“, которые, слѣдуя моему примѣру, будутъ приносить потомки, убивъ непріятельскихъ царей и вождей“. Таково происхожденіе перваго храма, посвященнаго въ Римѣ [2]). Такъ затѣмъ и рѣшили боги, чтобы не напрасны были эти слова основателя храма, возвѣстившаго, что потомки будутъ приносить сюда доспѣхи; но вмѣстѣ съ тѣмъ честь принесенія этого дара не сдѣлалась обычною, такъ какъ она выпала на долю немногихъ: въ послѣдующее время, въ теченіе столькихъ лѣтъ и при столь большомъ числѣ войнъ, дважды [3]) только были пріобрѣтены „тучные доспѣхи“: такъ рѣдко посылала судьба это отличіе.

11. Тѣмъ временемъ полчища антемнатовъ, пользуясь удобнымъ случаемъ—отсутствіемъ римскаго войска, напали на ихъ предѣлы. Но и противъ нихъ быстро приведено было римское войско и захватило ихъ, когда они рыскали по полямъ. Вслѣдствіе этого при первомъ натискѣ, при первомъ крикѣ непріятель бѣжалъ, а городъ былъ взятъ. Ромулъ торжествовалъ двойную побѣду, и жена его Герзилія, уступая просьбамъ похищенныхъ, убѣждаетъ его простить ихъ родителей и принять въ число гражданъ, указывая, что такъ путемъ соглашенія, община можетъ усилиться. Ромулъ легко склонился на ея просьбу. Затѣмъ онъ отправился на жителей Крустумеріи, сдѣлавшихъ вражеское нападеніе.

[1]) Ромулъ совершаетъ дѣйствія, приписываемыя въ другихъ мѣстахъ авгуру (ср. гл. 18).

[2]) Храмъ этотъ находился на Зап. склонѣ Капитолійскаго холма.

[3]) Въ первый разъ послѣ Ромула „тучные доспѣхи“ принесъ А. Корнелій Коссъ, убивъ вейентскаго царя Толумнія (IV 19), во второй—М. Клавдій Марцеллъ, убивъ инсубрійскаго царя Виридомара (222 г. до Р. Хр.).

Тутъ борьба была еще короче, такъ какъ непріятели пали духомъ вслѣдствіе пораженій, понесенныхъ другими. Въ обѣ области были выведены колоніи; такъ какъ крустуминская земля была очень плодородна, то туда нашлось больше охотниковъ; а оттуда многіе переселились и въ Римъ, преимущественно изъ родителей и родственниковъ похищенныхъ.

Слѣдующее нападеніе сдѣлано было сабинянами, и оно было всѣхъ серьезнѣе. Они дѣйствовали не подъ вліяніемъ раздраженія и увлеченія, и объявили войну, лишь когда начали ее. Къ обдуманному плану присоединилось коварство. Начальникомъ римскаго кремля [1]) былъ Спурій Тарпей. Его дочь, дѣвушку, Тацій подкупилъ золотомъ, чтобы она впустила вооруженныхъ въ кремль — она случайно пошла тогда за городскія стѣны за водой для священнодѣйствій. Вошедши въ кремль, они забросали ее оружіемъ, или съ тою цѣлью, чтобы казалось, будто они силой заняли кремль, или, — чтобы показать примѣръ, что по отношенію къ предателю вовсе не обязательно держать слово. Присоединяютъ баснословный разсказъ, будто она выговорила себѣ то, что они носятъ на лѣвой рукѣ, такъ какъ у всѣхъ сабинянъ на лѣвой рукѣ были тяжелые золотые браслеты и большія кольца съ камнями; но они вмѣсто даровъ изъ золота набросали ей щитовъ. Нѣкоторые говорятъ, что она въ условіи передачи кремля прямо требовала оружія, которое у нихъ было въ лѣвыхъ рукахъ, вслѣдствіе чего была заподозрѣна въ коварствѣ и умерщвлена тѣмъ, что сама себѣ выговорила, какъ плату за услугу.

[1]) Ю.-З. вершина Капитолійскаго холма (mons Tarpeius) занята была во время Ромула крѣпостью; позже на ней былъ выстроенъ храмъ Юпитера и она вмѣстѣ съ храмомъ получила названіе Капитолій. С.-В. вершина занята была сабинской крѣпостью и называлась въ тѣсномъ смыслѣ arx („кремль“).

12. Такъ или иначе, но кремль былъ въ рукахъ сабинянъ, и на слѣдующій день, когда выстроившееся римское войско наполнило все пространство между Палатинскимъ и Капитолійскимъ холмами, они спустились въ равнину лишь тогда, когда раздраженные римляне, горя желаніемъ вернуть кремль, пошли на приступъ. И тутъ и тамъ къ битвѣ поощряли вожди — со стороны сабинянъ Меттій Курцій, а со стороны римлянъ Гостій Гостилій. Стоя въ первомъ ряду, онъ своею бодростью и смѣлостью поддерживалъ римлянъ, хотя они занимали невыгодную позицію. Какъ только Гостій палъ, римское войско тотчасъ дрогнуло и побѣжало по направленію къ старымъ воротамъ Палатинскаго холма. Ромулъ, также увлекаемый толпою бѣгущихъ, поднявъ оружіе къ небу, воскликнулъ: „Юпитеръ! по приказанію посланныхъ тобою птицъ я положилъ здѣсь, на Палатинскомъ холмѣ, основаніе городу. И уже сабиняне, купивъ преступленіемъ кремль, владѣютъ имъ; оттуда съ оружіемъ въ рукахъ они стремятся сюда и уже перешли средину долины; но ты, отецъ боговъ и людей, хоть сюда не пусти враговъ, освободи римлянъ отъ страха и останови позорное бѣгство. Здѣсь я посвящаю храмъ тебѣ, Юпитеру Статору [1]), который да послужитъ на память потомству, что городъ спасенъ твоей явной помощью“. Такъ помолившись и какъ бы чувствуя, что молитва его услышана, онъ сказалъ: „отсюда, римляне, всеблагой и всемогущій Юпитеръ приказываетъ остановиться и возобновить битву!“ И римляне, точно по мановенію небеснаго голоса, остановились: самъ Ромулъ выбѣгаетъ въ первый рядъ. Со стороны сабинянъ первымъ сбѣжалъ съ кремля Меттій Курцій и гналъ римлянъ по всему пространству, занятому теперь форумомъ. И уже онъ

[1]) Храмъ былъ сооруженъ лишь въ 264 г. до Р. Хр. консуломъ М. Атиліемъ, по обѣту, данному имъ въ битвѣ при Луцеріи.

былъ недалеко отъ Палатинскихъ воротъ, крича: „мы побѣдители вѣроломныхъ друзей и слабыхъ враговъ; теперь-то они знаютъ, что одно похищать дѣвушекъ, а другое сражаться съ мужами!“ Когда онъ такъ похвалялся, на него напалъ Ромулъ съ кучкой самыхъ отважныхъ юношей. Случайно Меттій сражался въ ту минуту, сидя на конѣ; тѣмъ легче было обратить его въ бѣгство; римляне преслѣдовали его. И другой отрядъ, воспламененный смѣлостью царя, разсѣялъ сабинянъ. Меттій бросился въ болото, такъ какъ конь его былъ перепуганъ шумомъ преслѣдующаго непріятеля; это обстоятельство, опасность столь важнаго лица, отвлекло и сабинянъ. И когда онъ, одобренный многочисленными знаками сочувствія и криками своихъ, выбрался, римляне и сабиняне среди равнины, лежащей между двумя холмами, возобновляютъ битву. Но перевѣсъ былъ на сторонѣ римлянъ. **13**. Тогда сабинскія женщины, изъ-за оскорбленія которыхъ началась война, побѣдивъ подъ вліяніемъ бѣды женскій страхъ, съ распущенными волосами, въ растерзанной одеждѣ рѣшились броситься межъ летающихъ стрѣлъ и, протѣснившись съ боку, разнять сражающіяся войска, разнять раздраженныхъ, взывая съ одной стороны къ отцамъ, съ другой къ мужьямъ, они просили ихъ не обагрять себя безбожно кровью, указывая имъ на то, что они тести и зятья, не осквернять потомковъ—одни внуковъ, другіе дѣтей—убійствомъ кровныхъ своихъ. „Если вы негодуете на свойство, если вы негодуете на бракъ, то обратите свой гнѣвъ на насъ; мы причина войны, мы причина ранъ и смерти нашихъ мужей и родителей; лучше намъ погибнуть, чѣмъ жить безъ кого-нибудь изъ васъ или вдовами или сиротами“. Это тронуло и толпу и вождей; сразу водворяется тишина и спокойствіе; затѣмъ выходятъ впередъ вожди для заключенія договора; и не только заключается миръ, но два государства соединяются въ

одно; царское достоинство дѣлаютъ общимъ и всю верховную власть сосредоточиваютъ въ Римѣ. Чтобы и за сабинянами осталось хоть что-нибудь, жители удвоившагося такимъ образомъ города получили названіе Квиритовъ отъ имени города Куръ. Памятникомъ этой битвы осталось названіе Курціева озера за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ остановилась лошадь Курція, выбравшись изъ болота.

Неожиданное и радостное водвореніе мира послѣ столь прискорбной войны сдѣлало сабинянокъ еще болѣе дорогими и мужьямъ, и родителямъ, и прежде всѣхъ самому Ромулу. Поэтому, раздѣляя народъ на 30 курій, онъ назвалъ ихъ именами женщинъ. Относительно того нѣтъ извѣстій, давалось ли право наименованія курій женщинамъ по ихъ возрасту, или по знатности ихъ или мужей, или по жребію, такъ какъ несомнѣнно, что число женщинъ было гораздо болѣе числа курій. Въ тоже время были набраны и три центуріи всадниковъ: Рамны получили имя отъ Ромула, Тиціи отъ Т. Тація, причина же наименованія и происхожденія Луцеровъ неизвѣстна. Съ этого времени оба царя царствовали не только сообща, но и согласно.

14. Нѣсколько лѣтъ спустя родственники царя Тація прогнали пословъ лаврентскихъ и, когда лаврентцы на основаніи международнаго права стали требовать удовлетворенія, Тацій отдалъ предпочтеніе расположенію къ своимъ и ихъ просьбамъ. Вслѣдствіе этого наказаніе, слѣдовавшее имъ, онъ обратилъ на себя: прибывъ въ Лавиній для торжественнаго жертвоприношенія [1]), онъ былъ убитъ напавшею на него толпой. Разсказываютъ, что Ромулъ отнесся къ этому случаю болѣе спокойно, чѣмъ слѣдовало-бы, или потому, что упра-

[1]) Какъ римскій царь, Т. Тацій приносилъ жертву богамъ латинскаго союза на праздникѣ пенатовъ; впослѣдствіи это дѣлали консулы и диктаторы при вступленіи въ должность и оставленіи ея.

вленіе сообща заключаетъ въ себѣ начало невѣрности, или потому, что считалъ это убійство совершенно справедливымъ. Итакъ, воздержавшись отъ войны, онъ однако возобновилъ договоръ между городами Римомъ и Лавиніемъ [1]), чтобы очистить народъ, повинный въ оскорбленіи пословъ и убіеніи царя.

Такимъ образомъ съ ними сверхъ чаянія сохраненъ былъ миръ; но зато возникла другая война ближе, почти у самыхъ воротъ города. Фиденаты, руководясь мыслью, что слишкомъ близко отъ нихъ ростетъ могущественное государство, поспѣшили начать войну, прежде чѣмъ сила его достигнетъ тѣхъ размѣровъ, которыхъ она, очевидно, должна была достичь. Посланы были вооруженные юноши, которые опустошили все пространство между городомъ и Фиденами; затѣмъ, такъ какъ справа мѣшалъ Тибръ, то, повернувъ въ лѣвую сторону, они продолжаютъ опустошеніе, наводя великій страхъ на поселянъ; и неожиданное смятеніе, проникшее съ полей въ городъ, возвѣстило о бѣдѣ. Такъ какъ столь близкая война не могла терпѣть отлагательства, то встревоженный Ромулъ выводитъ войско и располагается лагеремъ въ 1000 шагахъ отъ Фиденъ. Оставивши здѣсь небольшой отрядъ, онъ двинулся со всѣми силами, а части воиновъ приказалъ сѣсть въ засаду въ потаенномъ мѣстѣ, окруженномъ густыми кустарниками; затѣмъ, двинувшись съ большей частью пѣхоты и всей конницей, онъ началъ шумную и грозную битву и, подъѣзжая почти къ самымъ городскимъ воротамъ, вызвалъ непріятеля, а этого ему только и нужно было; въ то же время кавалерійская битва подала естественный предлогъ къ бѣгству, въ которое надо было обратиться притворно. И когда конница какъ-бы колебалась, недоумѣвая, сразиться или бѣжать, а вслѣдствіе этого и пѣхота стала пятиться назадъ, враги, высыпавъ изъ настежъ отворенныхъ воротъ, заставили римское войско отступить и, горя желаніемъ наступать и преслѣдовать, завлечены были въ мѣсто засады. Внезапно выскочивъ оттуда, римляне напали съ фланга на врага; паника усилилась при видѣ двигавшихся со стороны лагеря знаменъ тѣхъ отрядовъ, которые оставлены были на защиту его. Такимъ образомъ пораженные ужасомъ со всѣхъ сторонъ фиденаты бросились бѣжать чуть ли не прежде, чѣмъ Ромулъ и бывшіе съ нимъ всадники успѣли повернуть лошадей. И вотъ тѣ, которые только-что гнались за притворно бѣгущими, неслись къ городу въ гораздо большемъ безпорядкѣ, такъ какъ ихъ бѣгство было настоящее. Однако, они не ускользнули отъ рукъ непріятеля; преслѣдовавшіе по пятамъ римляне, смѣшавшись съ ними, ворвались въ городъ, прежде чѣмъ были заперты ворота.

[1]) Договоръ этотъ возобновлялся ежегодно послѣ латинскихъ ферій (feriae Latinae) даже и тогда, когда латиняне были уже покорены.

15. Подстрекаемые войною, затѣянной фиденатами, ихъ родственниками (фиденаты были тоже этруски), побуждаемые вмѣстѣ съ тѣмъ близостью мѣста, въ случаѣ римляне станутъ грозить оружіемъ всѣмъ сосѣдямъ, вейенты сдѣлали набѣгъ на римскіе предѣлы, скорѣе съ цѣлью произвести опустошеніе, чѣмъ по обычаю настоящей войны; не располагаясь лагеремъ, не дожидаясь непріятельскаго войска, они вернулись въ Веи съ добычею, награбленною съ полей. Напротивъ римляне, не нашедши въ поляхъ врага, перешли Тибръ построившись и внимательно ожидая рѣшительнаго сраженія. Услыхавъ, что они располагаются лагеремъ и собираются подступить къ городу, вейенты выступили на встрѣчу имъ, предпочитая рѣшить дѣло въ открытомъ бою, чѣмъ, будучи запертыми, сражаться за свой кровъ и стѣны. Здѣсь римскій царь побѣдилъ безъ всякихъ искусственныхъ средствъ, опираясь исключительно на силу стараго войска; преслѣдуя разсѣявшагося непріятеля до стѣнъ,

онъ не напалъ на городъ, такъ какъ послѣдній былъ укрѣпленъ стѣнами и самимъ положеніемъ. На обратномъ пути онъ опустошаетъ поля не столько ради добычи, сколько съ тѣмъ, чтобы отмстить врагу. И эта бѣда не менѣе, чѣмъ несчастная битва, побудила вейентовъ послать въ Римъ пословъ просить мира; часть полей была отнята у нихъ, а затѣмъ имъ дано перемиріе на сто лѣтъ.

Вотъ приблизительно все, что совершено было въ царствованіе Ромула дома и на войнѣ; все это нисколько не противорѣчитъ вѣрѣ въ его божественное происхожденіе и признанію, что послѣ смерти онъ причисленъ къ богамъ — ни духъ его, выразившійся въ возвращеніи царства дѣту, ни планъ основанія города и укрѣпленія его военными и мирными средствами. Онъ вѣдь далъ ему столько силы, что въ теченіе послѣдующихъ 40 лѣтъ можно было безопасно жить въ мирѣ. Больше ему преданъ былъ народъ, чѣмъ отцы, но наибольшимъ сочувствіемъ онъ пользовался среди воиновъ; изъ нихъ то не только въ военное, но и въ мирное время онъ всегда держалъ при себѣ, какъ тѣлохранителей, 300 человѣкъ, которыхъ наименовалъ „Быстрыми"[1]).

16. Когда, свершивъ эти безсмертныя дѣла, онъ созвалъ собраніе, чтобы произвести смотръ войску на полѣ у „Козьяго болота", внезапно налетѣвшая буря, сопровождаемая раскатами грома, окружила царя столь густымъ облакомъ, что онъ сдѣлался невидимъ собранію; и послѣ того Ромула не стало на землѣ. Римскіе юноши, оправившись отъ страха, когда за такой бурей наступила тишина и возвратился солнечный свѣтъ, увидали царское сѣдалище пустымъ; хотя они вполнѣ вѣрили стоявшимъ ближе отцамъ, что онъ взятъ бурею на небо, однако въ уныніи долго хранили молчаніе, какъбы пораженные страхомъ своего сиротства. Затѣмъ, по почину немногихъ, всѣ привѣтствуютъ Ромула, какъ бога, сына бога, царя и родоначальника города Рима; въ молитвахъ испрашиваютъ у него благоволенія, чтобы онъ благосклонно и милостиво всегда охранялъ свое потомство. Я полагаю, что уже тогда были нѣкоторые, которые втихомолку подозрѣвали, что онъ растерзанъ руками отцовъ, такъ какъ сохранилось и это преданіе, хотя и очень темное[1]); благоговѣніе предъ этимъ мужемъ и объявшій всѣхъ въ данную минуту страхъ придали больше вѣса первому преданію; къ подтвержденію его послужила еще, какъ разсказываютъ, находчивость одного человѣка. Въ то время какъ государство, тоскуя по царѣ, было въ тревожномъ состояніи и враждебно настроено противъ отцовъ, выступилъ въ собраніи Прокулъ Юлій вѣрнымъ, какъ говоритъ преданіе, свидѣтелемъ, хотя и по чудесному дѣлу. „Граждане!" сказалъ онъ: „Ромулъ, отецъ нашего города, совершенно неожиданно спустившись съ неба, повстрѣчался мнѣ сегодня на разсвѣтѣ. Когда я, пораженный ужасомъ, съ благоговѣніемъ стоялъ передъ нимъ, моля, чтобы позволено было созерцать его, онъ сказалъ мнѣ: „иди и возвѣсти римлянамъ, такъ хотятъ небожители, чтобы мой Римъ былъ главою вселенной; поэтому пусть они усердно занимаются военнымъ дѣломъ, и пусть сами знаютъ и такъ передадутъ потомкамъ, что никакія человѣческія силы не въ состояніи противиться римскому оружію". Такъ сказавши, онъ поднялся на небо". Замѣчательно, какую вѣру придали этому извѣстію и до какой степени признаніе безсмертія Ромула успокоило тоску по немъ въ народѣ и войскѣ[2]).

---

[1]) „Быстрыми" назывались всадники, каковое наименованіе Ливій и другіе писатели ошибочно перенесли на царскихъ тѣлохранителей.

[1]) Возникновеніе этой редакціи сказанія о кончинѣ Ромула относятъ ко времени борьбы патриціевъ съ плебеями.

[2]) Апоѳеоза Ромула относится къ позднѣйшему времени; Энній передаетъ ее въ другой формѣ, говоря, что Ромулъ взятъ былъ на

38 г. **17.** Между тѣмъ умы отцовъ волновало соперничество и желаніе захватить царскую власть. Но такъ какъ никто еще особенно не выдавался изъ среды молодого народа, то борьба шла не между отдѣльными лицами, а партійная, между племенами. Происходившіе изъ сабинянъ, опасаясь потерять обладаніе царской властью, хотя союзъ былъ и равноправный, желали чтобы царь былъ избранъ изъ ихъ среды, такъ какъ послѣ смерти Тація царя изъ нихъ не было; коренные же римляне съ презрѣніемъ смотрѣли на царя иноземца. Такъ какъ прелесть свободы еще не была извѣдана, то несмотря на различіе симпатій, все-же всѣ желали, чтобы былъ царь. Затѣмъ отцы начали бояться, какъ-бы государство безъ главы, войско безъ вождя не подверглось иноземному нападенію со стороны многочисленныхъ, враждебно настроенныхъ, сосѣднихъ государствъ. Поэтому, съ одной стороны желали, чтобы былъ какой-нибудь представитель власти, а съ другой никому и въ мысли не приходило уступить сопернику. И вотъ сто отцовъ достигаютъ соглашенія между собою, установивъ 10 декурій и распредѣливъ между ними отдѣльныхъ лицъ, къ которымъ должна была переходить верховная власть. Управляли 10; изъ нихъ одинъ имѣлъ знаки власти и ликторовъ; пребываніе въ высшей власти ограничивалось пятидневнымъ срокомъ, и такъ шло по всѣмъ вкруговую [2]).

небо въ колесницѣ отца своего Марса. Какъ защитникъ соединенныхъ Рамновъ и Тиціевъ, Ромулъ былъ обоготворенъ подъ именемъ Ромула—Квирина.

[2]) Разсказъ Ливія былъ-бы совершенно ясенъ, если-бы сенатъ состоялъ изъ 100 человѣкъ; но въ гл. 13 упомянуто, что съ принятіемъ сабинянъ въ число римскихъ гражданъ государство, а слѣдовательно и число сенаторовъ, удвоилось, т. е. ихъ было 200. Думать, что участіе въ управленіи принимали не всѣ сенаторы, нельзя; поэтому приходится остановиться на предположеніи, что всѣ сенаторы дѣлились на 10 равныхъ частей, именуемыхъ декуріями, но въ каждой декуріи было не непремѣнно 10 человѣкъ, а могло быть и

Отсутствіе царя продолжалось годъ [1]); названо оно было „междуцарствіемъ“, каковымъ оно было и на самомъ дѣлѣ и каковое имя сохраняется и по настоящее время. Затѣмъ въ народѣ поднялся ропотъ, что рабство усилилось, что вмѣсто одного теперь сто повелителей; и казалось, что они не станутъ болѣе повиноваться никому, кромѣ царя и притомъ ими самими избраннаго. Когда отцы замѣтили, что движеніе принимаетъ такое направленіе, то предпочли сами предложить то, что имъ предстояло потерять; такимъ образомъ, передавъ народу верховную власть, они заручаются его расположеніемъ, хотя предоставленныя ему права были не больше удержанныхъ ими самими. Ибо они постановили, чтобы избраніе народомъ царя только тогда было дѣйствительно, если отцы утвердятъ его. И въ настоящее время, когда предлагаются законопроекты и избираются должностныя лица, сохраняется то же право, хотя оно и лишено значенія; дѣло въ томъ, что прежде, чѣмъ народъ подаетъ голоса, отцы даютъ утвержденіе неизвѣстному еще результату комицій. Тогда междуцарь, созвавши собраніе, сказалъ: „да послужитъ сіе ко благу, счастію и благополучію! Квириты, избирайте царя; таково соизволеніе отцовъ. А затѣмъ отцы утвердятъ, если вы изберете достойнаго стать вторымъ послѣ Ромула“. Это было такъ пріятно народу, что онъ, не желая отстать въ велико-

---

болѣе. Нельзя съ точностью сказать и того, въ какомъ порядкѣ управленіе переходило отъ одного лица къ другому; чередовались-ли между собою сперва всѣ члены I декуріи, затѣмъ II, III и т. д., или же составлялась коллегія изъ 10 первыхъ членовъ каждой декуріи, затѣмъ изъ 10 вторыхъ и т. д. до конца. Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ порядокъ декурій, такъ и порядокъ отдѣльныхъ членовъ каждой декуріи опредѣлялся жребіемъ.

[1]) И тутъ остается неясность: если даже предположить 100 участниковъ въ управленіи, то и тогда междуцарствіе продолжалось не менѣе 500 дней, Ливій же говоритъ о годичномъ промежуткѣ.

души, сдѣлалъ только постановленіе, чтобы сенатъ выбралъ царя для Рима.

39—82 г. **18.** Въ то время пользовался извѣстностью за свою справедливость и набожность Нума Помпилій. Жилъ онъ въ сабинскомъ городѣ Курахъ — мужъ опытнѣйшій въ церковныхъ и гражданскихъ законахъ, насколько это возможно было въ тѣ времена. За отсутствіемъ другого, учителемъ его ошибочно называютъ самосца Пиѳагора, между тѣмъ какъ извѣстно, что этотъ послѣдній, живя на отдаленномъ концѣ Италіи около Метапонта, Гераклеи, Кротоны, собиралъ вокругъ себя толпы юношей, искавшихъ знанія, болѣе ста лѣтъ послѣ того, именно, когда царемъ въ Римѣ былъ Сервій Туллій. И хотя бы онъ жилъ и въ то же время, какъ молва о немъ могла проникнуть изъ тѣхъ мѣстъ къ сабинянамъ? или на какомъ языкѣ бесѣдуя, онъ могъ возбудить въ комъ нибудь желаніе учиться? или при чьей помощи могъ онъ одинъ пробраться чрезъ столько племенъ, различныхъ и по языку и по нравамъ? Итакъ, я считаю болѣе вѣроятнымъ, что умъ Нумы образовался благодаря природнымъ дарованіямъ и развился не столько подъ вліяніемъ иноземной науки, сколько благодаря серіозному и строгому порядку, господствовавшему среди сабинянъ, благочестивѣе которыхъ въ тѣ времена не было народа. Услыхавъ имя Нумы, никто изъ римскихъ отцовъ не рѣшился предпочесть ему ни себя, ни кого-либо другого изъ своей партіи, ни изъ отцовъ, ни изъ гражданъ, и единогласно постановили передать ему царскую власть, хотя и понимали, что съ избраніемъ его сила склоняется на сторону сабинянъ. Получивъ приглашеніе, онъ приказалъ вопросить и о себѣ боговъ по примѣру Ромула, который принялъ царство согласно гаданію, произведенному при основаніи города. И вотъ приведенный въ кремль авгуромъ, который послѣ того получилъ въ видѣ почести свое жреческое достоинство

отъ лица государства и навсегда[1]), онъ сѣлъ на камень, обратившись лицомъ къ югу. Авгуръ, покрывъ его голову, сѣлъ слѣва отъ него, держа въ правой рукѣ загнутую палку безъ сучковъ, именуемую lituus. Обозрѣвъ затѣмъ городъ и поля и помолившись богамъ, онъ обозначилъ предѣлы отъ востока до запада, сказавъ, что правая сторона будетъ считаться на югѣ, а лѣвая на сѣверѣ, а на землѣ мысленно намѣтилъ знакъ на разстояніи, какое только можно было видѣть; затѣмъ, взявъ жезлъ въ лѣвую руку, правую же возложивъ на голову Нумы, онъ молился такъ: „Отецъ Юпитеръ! если есть на то твоя воля, чтобы этотъ Нума, голову котораго я держу, былъ царемъ въ Римѣ, то пошли намъ вѣрныя знаменія въ тѣхъ предѣлахъ, которые я обозначилъ". Затѣмъ онъ исчисляетъ тѣ знаменія, о ниспосланіи которыхъ онъ молилъ; когда же они были ниспосланы, то Нума былъ объявленъ царемъ и сошелъ съ мѣста гаданія.

19. Получивъ такимъ образомъ царство, Нума задумалъ путемъ установленія права, законовъ и обычаевъ снова основать молодой городъ, основанный силою оружія. Понимая, что къ этому нельзя привыкнуть среди войнъ, отъ которыхъ люди дѣлаются дикими, онъ рѣшилъ смягчить суровый народъ, отучивъ его отъ оружія, и для этого построилъ на краю Аргилета[2]) храмъ Яна[3]), который долженъ былъ служить показателемъ мира и войны: если онъ былъ отпертъ, то это показывало, что государство находится на военномъ положеніи, если же запертъ, то значитъ всѣ окрестные народы пользуются миромъ. Два только раза затѣмъ послѣ

[1]) Ср. примѣч. къ гл. 6-й.

[2]) Argiletum находился на С.-В. отъ форума.

[3]) Храмъ Яна имѣлъ только двѣ стѣны и крышу; остальныя двѣ стѣны замѣняли ворота; въ храмѣ стояло изображеніе Яна, во время Нумы единственная статуя бога.

царствованія Нумы храмъ былъ запертъ: въ первый разъ въ консульство Т. Манлія, по окончаніи первой Пунической войны; во второй разъ боги сподобили насъ видѣть это, когда послѣ актійской битвы императоръ Цезарь Августъ водворилъ миръ на морѣ и на сушѣ. Заперши храмъ Яна и привязавъ къ себѣ всѣхъ сосѣдей союзными договорами, Нума, опасаясь, какъ бы народъ, сдерживаемый до сихъ поръ боязнью передъ врагомъ и военной дисциплиной, освободившись отъ внѣшнихъ опасностей, не впалъ среди мира въ распущенность, рѣшилъ прежде всего внушить страхъ передъ богами—средство самое дѣйствительное противъ непросвѣщенной и грубой толпы, каковою были въ то время римляне. Но такъ какъ, не выдумавъ чуда, нельзя было вложить этотъ страхъ въ сердца людей, то онъ дѣлаетъ видъ, что у него бываютъ по ночамъ свиданія съ богиней Эгеріей; по ея-де совѣту онъ учреждаетъ наиболѣе пріятныя богамъ священнодѣйствія и поставляетъ для каждаго бога особыхъ жрецовъ.

Прежде всего соотвѣтственно движенію луны онъ раздѣляетъ годъ на 12 мѣсяцевъ; но такъ какъ лунный мѣсяцъ не заключаетъ въ себѣ полныхъ 30 дней и недостаетъ нѣсколькихъ дней до полнаго года, образуемаго оборотомъ солнца отъ одного солнцестоянія до другого, то, вставляя промежуточные мѣсяцы, онъ устроилъ дѣло такъ, что черезъ каждые 20 лѣтъ дни совпадали съ положеніями солнца, соотвѣтствующими тому году, съ котораго начали, и число дней всѣхъ годовъ вмѣстѣ выходило полное. Онъ же установилъ дни неслужебные и служебные, такъ какъ представлялось полезнымъ опредѣлить, чтобы въ нѣкоторые дни не позволялось вести дѣла передъ народомъ.

20. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на избраніе жрецовъ, хотя большинство жреческихъ обязанностей онъ оставилъ за собой, преимущественно тѣ, которыя теперь

переданы фламину Юпитера. Но такъ какъ онъ думалъ, что среди воинственнаго народа будетъ больше царей похожихъ на Ромула, чѣмъ на Нуму, и что они сами будутъ ходить на войну, то для того, чтобы священнодѣйствія, соединенныя съ званіемъ царя, не оставались въ забросѣ, онъ учредилъ Юпитеру постояннаго жреца - фламина и присвоилъ ему блестящую одежду и царское курульное кресло. Къ нему онъ присоединилъ двухъ фламиновъ—одного Марсу, а другого Квирину [1]) и избралъ дѣвъ Вестѣ; это жреческое званіе идетъ изъ Альбы и не чужое роду основателя Рима. Чтобы онѣ были постоянными предстоятельницами храма, онъ назначилъ имъ жалованье отъ казны, а, обязавъ ихъ быть дѣвами и окруживъ ихъ церемоніаломъ [2]), онъ сдѣлалъ ихъ уважаемыми и неприкосновенными [3]). Онъ избралъ также 12 саліевъ [4]) Марсу-Защитнику и далъ имъ вышитую тунику, поверхъ туники мѣдный панцырь и небесное оружіе, именуемое „ancilia" [5]), которое приказалъ носить, шествуя съ торжественной пляскою

[1]) Упомянутыя 3 фламина назывались „старшими" (flamines maiores) и всегда выбирались изъ патриціевъ; кромѣ того было 12 младшихъ фламиновъ.

[2]) Возведенію въ весталки предшествовали гаданія; онѣ имѣли особенную, приличествующую ихъ званію, одежду и пользовались разными преимуществами.

[3]) Въ храмѣ Весты, этомъ очагѣ римскаго государства, лежавшемъ на склонѣ Палатинскаго холма, обращенномъ къ форуму, онѣ должны были поддерживать неугасимый огонь. Жалованье, о которомъ упоминаетъ Ливій, вѣроятно, не было постояннымъ, а выдавалось единовременно при вступленіи въ жреческое званіе.

[4]) Имя саліевъ уже древніе производили отъ salio, имѣя въ виду совершаемое ими по городу шествіе въ три такта (tripudium).

[5]) Однажды, когда Нума молился, ему упалъ на руки щитъ съ неба и раздался оттуда голосъ, говорившій, что пока этотъ щитъ будетъ у римлянъ, ихъ могущество будетъ незыблемо. Вслѣдствіе этого Нума распорядился сдѣлать 11 такихъ же овальныхъ щитовъ, такъ что нельзя было узнать настоящій и похищеніе его становилось почти невозможнымъ.

въ три такта по городу и воспѣвая гимны [1]). Затѣмъ онъ избралъ изъ среды отцовъ понтифика—Нуму Марція, сына Марка, и передалъ ему точное описаніе всѣхъ священнодѣйствій, какія жертвы, въ какіе дни и при какихъ храмахъ слѣдуетъ приносить и откуда испрашивать деньги на соединенныя съ ними издержки. Равнымъ образомъ всѣ остальныя, общественныя и частныя, священнодѣйствія онъ подчинилъ рѣшенію понтифика [2]), чтобы было къ кому обращаться народу за совѣтомъ, во избѣжаніе нарушенія церковныхъ законовъ, происходящаго отъ небреженія отеческими преданіями или заимствованія иноземныхъ обычаевъ. Тому же понтифику предоставлено было давать наставленія не только касательно обрядовъ, сопровождающихъ служеніе небожителямъ, но и относительно надлежащаго погребенія и умилостивленія тѣни усопшаго, а равно, какія знаменія, посылаемыя въ видѣ молніи или иного явленія, должны быть принимаемы и предотвращаемы жертвами. Чтобы вывѣдать ихъ у боговъ, онъ посвятилъ на Авентинской горѣ жертвенникъ Юпитеру, именуемому Elicius [3]), и узналъ отъ бога при помощи авгурій, какія знаменія слѣдуетъ принимать.

21. Пока обсуждалось и установлялось все это, народъ забылъ совершенно о военныхъ дѣлахъ, умы постоянно были заняты чѣмъ нибудь, а непрестанная забота о богахъ, заставлявшая думать, что они сами участвуютъ въ человѣческихъ дѣлахъ, наполнила сердца такимъ благочестіемъ, что государственная жизнь была болѣе управляема добросовѣстностью и клятвою, чѣмъ страхомъ передъ карою закона. И въ то время какъ самъ народъ подражалъ въ своихъ нравахъ примѣру царя, этого отмѣннаго мужа, и сосѣдніе народы, думавшіе прежде, что среди ихъ возникъ не городъ, а лагерь, чтобы нарушать общій миръ, прониклись уваженіемъ и считали безбожнымъ оскорблять государство, всецѣло обратившееся къ богопочтенію. Была роща, средину которой постоянно орошалъ источникъ, вытекавшій изъ тѣнистой пещеры. Такъ какъ Нума часто удалялся туда одинъ, будто бы для свиданій съ богиней, то и посвятилъ ее Каменамъ [1]), потому что, по его словамъ, тамъ онѣ собирались съ супругой его Эгеріей. Установилъ онъ и почитаніе богини Вѣрности. Къ капищу ея [2]) онъ велѣлъ ѣздить фламинамъ на парѣ въ колесницѣ съ дугообразной покрышкой и совершать жертвоприношеніе рукою, завернутою до пальцевъ, въ знакъ того, что Вѣрность должна быть почитаема и что священное сѣдалище ея находится и въ десницѣ. Онъ учредилъ и много другихъ священнодѣйствій и для совершенія ихъ, освятилъ мѣста, именуемыя понтификами „Argei“ [3]). Но главнымъ дѣломъ всего его правленія была охрана мира

---

[1]) Торжественная процессія саліевъ, обходившихъ городъ въ мартѣ мѣсяцѣ, сопровождалась пѣніемъ гимна въ честь всѣхъ небожителей вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности. Этотъ гимнъ (carmen saliare) есть древнѣйшій памятникъ римской поэзіи и былъ непонятенъ уже при Гораціи и ранѣе.

[2]) Очевидно рѣчь идетъ о *верховномъ* понтификѣ, который, не завѣдуя культомъ опредѣленнаго божества, наблюдалъ за всѣми вообще священнодѣйствіями; это званіе долго оставалось за патриціями, державшими плебеевъ въ зависимости и въ религіозномъ отношеніи.

[3]) Elicius, т. е. вызванный съ неба, являющійся въ видѣ молніи и тѣмъ обнаруживающій свою волю.

[1]) Камены—нимфы источника, имѣющія даръ прорицанія, впослѣдствіи были отождествлены съ музами (у Эннія); посвященная имъ роща находилась у Капенскихъ воротъ (porta Capena); изъ находившагося тутъ источника весталки брали воду для своего храма.

[2]) Капище богини Вѣрности находилось на Капитоліи.

[3]) Въ Римѣ было 24 часовни (по 6 въ каждой городской трибѣ), которыя носили имя Argei; 16 и 17 марта совершался ходъ отъ одной часовни къ другой, причемъ flaminica Dialis (жена flamen'a Dialis) являлась въ траурѣ, знакомъ коего были непричесанные волосы. Вторая процессія совершалась 15 мая; въ ней принимали участіе понтифики, весталки, преторы и тѣ граждане, которые имѣли на то право; всѣ шли на pons sublicius и по принесеніи жертвы бросали въ Тибръ 24 куклы, также называвшіяся Argei.

наравнѣ съ царствомъ. Такимъ образомъ два царя, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, укрѣпили государство каждый по своему—одинъ войною, другой мирными средствами. Ромулъ царствовалъ 37 лѣтъ, Нума—43. Государство было сильно и хорошо организовано и для мира и для войны.

82—114 г. **22.** Со смертью Нумы наступило междуцарствіе. Затѣмъ народъ избралъ въ цари Тулла Гостилія, внука Гостилія, прославившагося битвою противъ сабинянъ у подножія кремля [1]); отцы утвердили избраніе. Этотъ не только не походилъ на своего предшественника, но былъ еще воинственнѣе Ромула. Побуждали его къ тому столько же его возрастъ и силы, сколько слава дѣда. Итакъ, считая, что государство слабѣетъ отъ мира, онъ искалъ повсюду случаевъ затѣять войну. Какъ разъ римскіе поселяне угнали скотъ съ альбанскихъ полей, а альбанскіе съ римскихъ. Во главѣ правленія въ Альбѣ стоялъ въ то время Гай Клуилій [2]). Изъ обоихъ государствъ почти одновременно отправлены были посольства требовать удовлетворенія. Туллъ наказалъ своимъ посламъ прежде всего вести переговоры о томъ, что имъ поручено, хорошо зная, что альбанцы откажутъ; такимъ образомъ можно будетъ объявить войну вполнѣ законно. Альбанцы дѣйствовали безпечнѣе. Любезно и милостиво принятые Тулломъ, какъ гости, они охотно участвуютъ въ царскомъ пиршествѣ. Тѣмъ временемъ римляне первые потребовали удовлетворенія и вслѣдствіе отказа альбанцевъ объявили, что

1) См. гл. 12.

2) Объ отношеніяхъ Рима и Альбы Ливій ничего не говоритъ, и въ существованіи договора, о которомъ упоминается ниже, можно сомнѣваться. На основаніи разсказа объ избраніи Меттія Фуфетія диктаторомъ сомнительно, что и Клуилій былъ царемъ; вѣрнѣе всего, что съ прекращеніемъ рода Сильвіевъ, вмѣсто царей стали избирать ежегодно смѣняемыхъ диктаторовъ.

черезъ 30 дней начнется война. Съ этимъ извѣстіемъ они вернулись къ Туллу; а тогда и онъ предложилъ посламъ высказать, зачѣмъ они пришли. Ничего не зная, они сперва напрасно оправдывались, что противъ воли своей, повинуясь приказанію, должны сказать нѣчто непріятное Туллу: они пришли требовать удовлетворенія, и если оно не послѣдуетъ, то имъ приказано объявить войну. На это Туллъ отвѣчалъ: „возвѣстите вашему царю, что римскій царь призываетъ въ свидѣтели боговъ, пусть они взыщутъ за всѣ ужасы предстоящей войны съ того народа, который первый пренебрегъ требованіемъ пословъ, просившихъ удовлетворенія“. Это извѣстіе и приносятъ альбанскіе послы домой. **23.** И вотъ съ обѣихъ сторонъ начались усиленныя приготовленія къ войнѣ, весьма похожей на междоусобную, болѣе того, чуть не къ войнѣ между родителями и дѣтьми: вѣдь всѣ они были потомки троянцевъ, такъ какъ Лавиній обязанъ своимъ происхожденіемъ Троѣ, Лавинію—Альба, а римляне—роду альбанскихъ царей. Но исходъ войны не былъ особенно печаленъ, такъ какъ до сраженія дѣло не дошло, и оба народа, ограничившись каждый разореніемъ вражескаго города, соединились въ одинъ. Альбанцы первые съ огромными силами напали на римскую область и, расположившись лагеремъ не болѣе, какъ въ 5000 шаговъ отъ города, окапываютъ его рвомъ; въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ ровъ этотъ назывался Клуиліевымъ, по имени вождя, пока время не изгладило вмѣстѣ съ предметомъ и самаго названія. Въ этомъ лагерѣ умеръ царь альбанскій Клуилій, и альбанцы избрали диктаторомъ Меттія Фуфетія. Между тѣмъ Туллъ, храбрость котораго особенно возросла послѣ смерти царя, миновавъ ночью непріятельскій лагерь, двинулся съ войскомъ въ альбанскую область, заявляя, что всемогущіе боги, начавъ съ царя, накажутъ весь альбанскій народъ за эту нечестивую войну. Это обстоятельство заставило

и Меттія двинуться со стоянки; подошедши къ непріятелю на возможно близкое разстояніе, онъ посылаетъ впередъ посла съ приказаніемъ сказать Туллу, что прежде, чѣмъ вступать въ битву, надо переговорить; если они сойдутся, то онъ сдѣлаетъ сообщеніе, несомнѣнно столь же интересное для римлянъ, сколько и для альбанцевъ. Туллъ, не отказываясь отъ приглашенія, на случай неподходящаго предложенія, вывелъ войска на битву. Вышли и альбанцы. Когда оба войска стали другъ противъ друга въ боевомъ порядкѣ, на средину выступили вожди въ сопровожденіи немногихъ старѣйшинъ. Начинаетъ альбанскій вождь такъ: „кажется, я слышалъ, что царь нашъ Клуилій считалъ причиной настоящей войны то, что вы обидѣли насъ и не дали удовлетворенія, хотя оно было потребовано на основаніи договора; увѣренъ, что и ты, Туллъ, выставляешь то же основаніе; но если говорить правду, а не пышныя фразы, то властолюбіе подстрекаетъ къ войнѣ два родственныхъ и сосѣднихъ народа. И я не вдаюсь въ разсужденія о томъ, правильно ли это, или неправильно; пусть объ этомъ судитъ тотъ, кто началъ войну; меня альбанцы выбрали вождемъ, чтобы вести ее. Я хотѣлъ бы тебѣ, Туллъ, указать на одно: живя ближе къ этрускамъ, ты лучше меня знаешь, какія большія силы ихъ окружаютъ насъ и особенно тебя. Они очень сильны на сушѣ, очень сильны и на морѣ. Помни, что, какъ только ты дашь сигналъ къ битвѣ, они будутъ наблюдать за обоими войсками, чтобы одновременно напасть на утомленныхъ и истощенныхъ побѣдителя и побѣжденнаго. Итакъ, не довольствуясь вѣрной свободой и начиная опасную игру въ господство или рабство, изыщемъ, если мы угодны богамъ, способъ рѣшить безъ большой бѣды, безъ большого кровопролитія съ обѣихъ сторонъ, вопросъ, кому надъ кѣмъ властвовать“. Туллъ одобряетъ предложеніе, хотя и по складу характера, и вслѣдствіе надежды на побѣду

онъ былъ болѣе склоненъ къ войнѣ. Изыскивая способъ, обѣ стороны пришли къ рѣшенію, осуществленію котораго помогла и судьба.

24. Случилось такъ, что въ обѣихъ арміяхъ было тогда по три брата близнеца, одинаковыхъ и по возрасту и по силѣ. Точно извѣстно, чуть ли не точнѣе всѣхъ другихъ событій древности, что то были Гораціи и Куріаціи. Но несмотря на эту точность, остается сомнѣніе относительно именъ, къ которому народу принадлежали Гораціи, къ которому Куріаціи? Писатели говорятъ и то и другое, хотя я [нахожу большее число свидѣтелей, именующихъ римлянъ Гораціями. На эту сторону склоняется и мое мнѣніе. Цари начинаютъ переговоры съ тремя братьями близнецами, чтобы они сразились за свое отечество: на чьей сторонѣ будетъ побѣда, тамъ будетъ и господство. Они соглашаются; условливаются относительно времени и мѣста. Передъ поединкомъ между римлянами и альбанцами заключенъ былъ договоръ съ условіемъ, чтобы тотъ народъ, граждане котораго выйдутъ изъ этого сраженія побѣдителями, въ полномъ согласіи повелѣвалъ другимъ народомъ. Всякій договоръ, несмотря на различіе условій, заключается одинаковымъ способомъ. Извѣстій о какомъ нибудь болѣе древнемъ договорѣ нѣтъ, но тогда дѣло происходило такимъ образомъ. Феціалъ [1]) спросилъ царя Тулла такъ: „повелѣваешь ли, царь заключить союзъ съ уполномоченнымъ [2]) народа альбанскаго“? Получивъ приказаніе отъ царя, онъ сказалъ:

[1]) Феціалы были и у другихъ италійскихъ народовъ.

[2]) Pater patratus избирался всякій разъ особо изъ коллегіи феціаловъ и получалъ особое посвященіе, о которомъ говоритъ здѣсь Ливій. При заключеніи договора онъ является представителемъ всего римскаго народа, произноситъ клятву за него; онъ же объявляетъ войну, выдаетъ нарушителя международнаго права. Онъ называется *pater*, какъ представитель всего народа, уподобляемаго семьѣ, *patratus* какъ выбранный и посвященный (гл. patrare) для совершенія всѣхъ необходимыхъ дѣйствій и принесенія клятвы за народъ.

„я требую у тебя, царь, священной травы“ [1]). Царь отвѣчалъ: „вырви чистую траву“. Феціалъ принесъ пучекъ чистой травы изъ кремля, затѣмъ спросилъ царя такими словами: „царь! уполномочиваешь ли ты меня съ моими сосудами и спутниками [2]) быть царскимъ вѣстникомъ римскаго народа Квиритовъ?“ Царь отвѣчалъ: „уполномочиваю, и да совершится сіе безъ ущерба для меня и римскаго народа Квиритовъ“. Феціаломъ былъ М. Валерій, уполномоченнымъ онъ сдѣлалъ Спурія Фузія, коснувшись волосъ на его головѣ священной травой. Уполномоченный назначается для произнесенія клятвы, т. е. для освященія договора, и производитъ это многословно, въ длинной формулѣ, которую не стоитъ воспроизводить. Затѣмъ, по прочтеніи условій договора, онъ говоритъ: „услышь, Юпитеръ, услышь, уполномоченный народа альбанскаго, услышь ты, альбанскій народъ! римскій народъ не уклонится первымъ отъ исполненія всѣхъ условій, которыя безъ злого коварства ясно прочитаны отъ начала до конца изъ этихъ навощенныхъ досокъ и здѣсь сегодня вполнѣ правильно истолкованы. Если же по общему совѣту, съ злымъ умысломъ онъ первый уклонится, то ты, Юпитеръ, въ тотъ день такъ порази римскій народъ, какъ я здѣсь сегодня поражу этого поросенка, но ты порази тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ больше у тебя силы и могущества“! Сказавъ эти слова, онъ поразилъ поросенка кремнемъ [3]). Такъ точно альбанцы чрезъ своего диктатора и жрецовъ произнесли свою клятвенную формулу.

25. По заключеніи договора, братья, согласно условію, берутся за оружіе. Тѣмъ и другимъ соотечественники напоминали, что на ихъ оружіе, на ихъ руки взираютъ теперь родные боги, отечество и родители, всѣ сограждане оставшіеся дома, и всѣ находящіеся въ войскѣ; и вотъ они, мужественные и по своему собственному характеру, и вслѣдствіе одобрительныхъ возгласовъ земляковъ, выступаютъ на средину между двумя арміями. Съ той и другой стороны передъ лагеремъ сѣли воины, скорѣе свободные отъ настоящей опасности, чѣмъ отъ тревоги: дѣло вѣдь шло о господствѣ, и защита его возложена была на доблесть и счастіе столь немногихъ. Итакъ въ крайне напряженномъ ожиданіи они устремляютъ свое вниманіе на это далеко непріятное зрѣлище. По данному знаку шесть юношей, мужество которыхъ равнялось мужеству большихъ армій, враждебно съ оружіемъ въ рукахъ сходятся точно два строя. И ни тѣ, ни другіе не думаютъ о собственной опасности, но о господствѣ или рабствѣ государства, о послѣдующей судьбѣ отечества, которую создадутъ они сами. Какъ только при первой схваткѣ зазвучало оружіе и сверкнули обнаженные мечи, страшная дрожь пробѣжала по членамъ зрителей, и когда побѣда не склонялась ни въ ту, ни въ другую сторону, у нихъ захватывало дыханіе и прерывался голосъ. Уже видны были не только движенія членовъ борющихся и ничего не рѣшающіе взмахи наступательнаго и оборонительнаго оружія, но и раны и кровь, какъ они схватились врукопашную, и два римлянина, ранивъ трехъ альбанцевъ, пали одинъ за другимъ бездыханными. При видѣ этого альбанское войско подняло радостный крикъ, римскіе же легіоны, потерявъ всякую надежду, въ ужасѣ терзались лишь заботою объ участи одного, окруженнаго тремя Куріаціями. По случаю онъ былъ невредимъ, такъ что, далеко не будучи равенъ всѣмъ вмѣстѣ, былъ страшенъ каждому порознь. Итакъ, чтобы раздѣлить битву съ ними, онъ обращается въ

[1]) Трава эта (ее называютъ hierobotane, желѣзнякъ) бралась въ Капитоліи и вырывалась непремѣнно съ землей, что служило символомъ территоріальныхъ владѣній государства. Траву эту вручалъ феціалу царь, а послѣ—консулъ.

[2]) По свидѣтельству Варрона, ихъ обыкновенно было четыре.

[3]) Въ храмѣ Юпитера Феретрійскаго хранился кремень, служившій символомъ Юпитера, карающаго нарушителя клятвы ударомъ молніи.

бѣгство, расчитывая, что они будутъ преслѣдовать, насколько каждому позволятъ раны. Уже онъ пробѣжалъ значительное пространство отъ того мѣста, гдѣ сражались, какъ, оглянувшись, видитъ, что они гонятся за нимъ на значительныхъ промежуткахъ и одинъ очень недалеко отъ него. Стремительно онъ обращается на него, и пока албанское войско кричитъ Куріаціямъ, чтобы они помогли брату, Горацій, убивъ уже врага, побѣдоносно несся для второй битвы. Тогда римляне поддерживаютъ своего воина кликами, въ какихъ обыкновенно выражается участіе къ потерявшему было всякую надежду[1]), и онъ спѣшитъ окончить битву: итакъ, прежде чѣмъ подоспѣлъ третій, находившійся недалеко, онъ убиваетъ второго Куріація, а когда шансы уже уравнялись и оставался одинъ противъ одного, то ни увѣренность, ни силы ихъ не были равны: одному для третьей битвы прибавляло мужества отсутствіе ранъ и двойная побѣда; другой идетъ на встрѣчу побѣдоносному врагу, ослабѣвъ отъ раны, утомленный бѣгомъ, удрученный смертью двухъ братьевъ. И это уже не было сраженіе. Ликующій римлянинъ кричитъ: „двухъ я принесъ въ жертву тѣнямъ братьевъ; третьяго я принесу въ жертву во имя того, что возбудило настоящую битву, чтобы римляне повелѣвали надъ албанцами“. И когда тотъ еле держалъ оружіе, онъ вонзилъ ему мечъ сверху въ горло и снялъ доспѣхи съ убитаго. Римляне, ликуя и поздравляя, встрѣчаютъ Горація тѣмъ съ большею радостью, что дѣло было такъ страшно. Затѣмъ приступаютъ къ погребенію убитыхъ далеко не въ одинаковомъ настроеніи, такъ какъ одни получили главенство, другіе подпали подъ чужую власть. Могилы находятся на тѣхъ мѣстахъ,

1) Ливій прибѣгаетъ къ сравненію, заимствованному изъ обычаевъ гладіаторскихъ игръ, когда бойца, потерявшаго было уже надежду на побѣду, начинаетъ ободрять сочувственными кликами стоящая за него партія.

гдѣ каждый палъ,—двѣ римскихъ вмѣстѣ, ближе къ Альбѣ, три албанскихъ по направленію къ Риму, но на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, соотвѣтственно тому, какъ происходило сраженіе.

26. Прежде чѣмъ разошлись оттуда, на вопросъ Меттія, какой приказъ будетъ отданъ согласно заключенному договору, Туллъ велитъ держать молодыхъ людей подъ оружіемъ: ему нужна будетъ ихъ помощь въ случаѣ войны съ веіентами. Такъ войска были оттуда уведены по домамъ. Впереди шелъ Горацій, неся предъ собой тройные доспѣхи; предъ Капенскими воротами его встрѣтила сестра дѣвица, просватанная за одного изъ Куріаціевъ; узнавъ на плечахъ брата плащъ жениха, ею самой сдѣланный, она, распустивъ волосы, съ плачемъ зоветъ погибшаго жениха по имени. Вопль сестры, несмотря на его побѣду и столь великую радость государства, привелъ въ негодованіе свирѣпаго юношу. И вотъ, обнаживъ мечъ, онъ пронзилъ дѣвушку съ такими бранными словами: „иди отсюда къ жениху съ своей несвоевременной любовью, ты, забывшая о павшихъ братьяхъ и о живомъ, забывшая объ отечествѣ! Такъ погибнетъ всякая римлянка, которая будетъ оплакивать врага“. Этотъ поступокъ признанъ былъ жестокимъ и отцами и народомъ, но недавняя заслуга смягчала его; тѣмъ не менѣе Горацій былъ схваченъ и приведенъ на судъ къ царю [1]). Царь, не желая быть виновникомъ столь печальнаго и непріятнаго народу приговора и вызываемой имъ казни, созвавъ народное собраніе [2]), сказалъ: „на основаніи закона назначаю

1) Царь является высшимъ судьею въ государствѣ; онъ или самъ разслѣдуетъ дѣло и произноситъ приговоръ, или же уполномочиваетъ на то другихъ лицъ, назначая ихъ предъ народнымъ собраніемъ; въ послѣднемъ случаѣ царь уступаетъ свою судебную власть народу, къ которому обвиненный можетъ аппеллировать.

2) Такъ называемое contio, которое, не предпринимая никакихъ рѣшеній, должно было лишь выслушать волю царя.

дуумвировъ [1]), которые будутъ судить Горацiя за государственное преступленiе" [2]). Законъ [3]) заключалъ въ себѣ ужасную формулу: „дуумвиры должны судить государственнаго преступника; если на ихъ приговоръ послѣдуетъ со стороны подсудимаго обращенiе къ народу [4]), то онъ долженъ вести дѣло въ аппеляцiонномъ порядкѣ; если дуумвиры выиграютъ, то голова его должна быть закрыта, его слѣдуетъ повѣсить на несчастномъ деревѣ [5]) и бить или въ городской чертѣ, или за городской чертой". На основанiи этого закона были назначены дуумвиры. Они полагали, что, руководствуясь этимъ закономъ, они не могутъ оправдывать даже невиннаго, и когда обвинительный приговоръ былъ произнесенъ, то одинъ изъ нихъ сказалъ: „я объявляю тебя, Горацiй, государственнымъ преступникомъ; иди, ликторъ, свяжи ему руки". Ликторъ приблизился и уже готовъ былъ набросить веревку, какъ Горацiй, по совѣту Тулла, снисходительнаго истолкователя закона, сказалъ: „я апеллирую". Такимъ образомъ пренiя начались предъ народомъ въ аппеляцiонномъ порядкѣ. При этомъ судѣ наибольшее впечатлѣнiе на народъ произвелъ П. Горацiй — отецъ, заявившiй, что, по его мнѣнiю, дочь убита заслуженно; въ противномъ случаѣ, онъ наказалъ бы сына самъ по праву отцовской власти. Затѣмъ онъ просилъ не лишать вовсе дѣтей его, ко-

1) Коммиссiя для выполненiя какого нибудь дѣла называлась у римлянъ, по числу членовъ,—дуумвиры (2 лица), трiумвиры (3 лица), децемвиры (10 лицъ) и т. д.

2) Хотя Горацiя и выражала сочувствiе врагу ея отечества, но братъ, убивъ ее, присвоилъ себѣ принадлежащее государству право судить виновнаго.

3) Изъ Ливiя не ясно, существовалъ ли законъ о наказанiи государственнаго преступника уже раньше, или былъ изданъ только теперь.

4) Народъ, какъ высшая инстанцiя, представляется выше спорящихъ сторонъ (въ данномъ случаѣ судьи и подсудимаго) и имѣетъ право миловать.

5) Такъ назывались деревья, посвященныя подземнымъ богамъ.

тораго такъ недавно видѣли отцомъ прекраснаго потомства. При этомъ старикъ, обнявъ юношу и указывая на доспѣхи Курiацiевъ, водруженные на мѣстѣ, именуемомъ нынѣ pila Horatii [1]), сказалъ: „ужели вы, Квириты, можете видѣть привязаннымъ къ колодкѣ [2]), претерпѣвающимъ побои и мученiя того, котораго вы только-что видѣли шествующимъ съ трофеями и торжествующимъ побѣду? столь ужасное зрѣлище едва-ли могли-бы перенести даже альбанцы. Иди, ликторъ, свяжи руки, которыя только-что оружiемъ стяжали главенство народу римскому! иди, покрой голову освободителя этого города! повѣсь его на несчастномъ деревѣ, бей его хоть въ чертѣ города, только среди оружiя и доспѣховъ враговъ, или внѣ черты города, только между могилами Курiацiевъ. Куда въ самомъ дѣлѣ вы можете увести этого юношу, гдѣ бы его собственные трофеи не защищали его отъ столь позорной казни?" Не вынесъ народъ слезъ отца и спокойствiя самого подсудимаго, одинаково относившагося ко всякой опасности, и освободилъ его, руководствуясь уваженiемъ къ доблести, а не обстоятельствами дѣла. Но чтобы очевидное убiйство было хоть чѣмъ-нибудь искуплено, отцу приказано было принести за сына очистительную жертву на общественный счетъ. Онъ совершилъ нѣкоторыя искупительныя священнодѣйствiя [3]), переданныя потомъ роду Горацiевъ, перекинулъ черезъ дорогу жердь и, закутавъ голову юноши, какъ-бы провелъ его подъ ярмомъ. Эта церемонiя по сей день ежегодно [4]) устраивается на об-

1) Мѣсто это находилось на краю форума у одного изъ окружавшихъ его портиковъ.

2) Двѣ связанныхъ подъ угломъ палки, которыя накладывали на шею преступника, привязывая къ нимъ руки его.

3) Такъ какъ народъ оставилъ въ своей средѣ преступника, то онъ считался весь оскверненнымъ и необходима была очистительная жертва.

4) 1-го октября близъ амфитеатра устраивалось два столбика

щественный счетъ и именуется sororium tigillum. На могилѣ Гораціи, устроенной на томъ мѣстѣ, гдѣ она была убита, воздвигнутъ памятникъ, состоящій изъ квадратныхъ плитъ.

27. Миръ съ Альбою продолжался недолго. Негодованіе народа, что судьба государства поручена была тремъ воинамъ, поколебало неустойчивый умъ диктатора, и такъ какъ справедливымъ его начинаніямъ не посчастливилось, то онъ пожелалъ снова привлечь къ себѣ сердца соотечественниковъ преступными средствами. И вотъ, какъ прежде во время войны онъ искалъ мира, такъ теперь во время мира началъ искать войны; но видя, что у его государства больше храбрости, чѣмъ силы, онъ побуждаетъ другіе народы начать войну открытую, по рѣшенію народа, а для своихъ, подъ видомъ союзниковъ римлянъ, приберегаетъ роль измѣнниковъ. Вооруженную борьбу начинаютъ Фидены, римская колонія, въ союзѣ съ Веями, обезпечивши себѣ переходъ альбанцевъ на ихъ сторону. Когда Фидены открыто отпали, то Туллъ, вызвавши изъ Альбы Меттія съ войскомъ, двинулся на непріятеля. Перешедши Аніенъ, онъ располагается лагеремъ при впаденіи его въ Тибръ. Между этимъ мѣстомъ и Фиденами перешло Тибръ веіентское войско. Они заняли правый флангъ строя, расположенный около рѣки, а на лѣвомъ, ближе къ горамъ, стали фиденаты. Туллъ направляетъ своихъ противъ веіентовъ, а альбанцевъ помѣщаетъ противъ отряда фиденатовъ. У альбанцевъ было столько-же храбрости, сколько и вѣрности. Итакъ, не дерзая ни оставаться на мѣстѣ, ни открыто перейти на сторону врага, Меттій понемногу двигается къ горамъ. Затѣмъ, считая, что достаточно подвинулся, онъ вытягиваетъ весь строй и

съ перекладиной; подъ такимъ сооруженіемъ отецъ прогналъ своего сына, закрывъ его голову.

въ нерѣшительности, чтобы оттянуть время, разставляетъ ряды. Планъ его былъ склониться на ту сторону, на которой будетъ перевѣсъ. Близко стоявшіе римляне сперва удивлялись, видя, что ихъ фланги за уходомъ союзниковъ остаются открытыми; затѣмъ всадникъ, пришпоривъ коня, возвѣщаетъ царю, что альбанцы уходятъ. Въ критическомъ положеніи Туллъ даетъ обѣтъ учредить 12 саліевъ[1]) и построить храмъ Страху и Ужасу[2]). Выражая порицаніе всаднику такъ громко, что враги могли слышать, онъ приказываетъ ему вернуться на мѣсто: нечего-де бояться; альбанское войско дѣлаетъ обходное движеніе по его распоряженію, чтобы ударить на открытый тылъ фиденатовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велитъ всадникамъ поднять вверхъ копья; это загородило большей части римской пѣхоты видъ удаляющагося альбанскаго войска; а тѣ, которые видѣли, довѣряя словамъ царя, сражались тѣмъ съ большею храбростью. Страхъ переходитъ на непріятелей; они ясно слышали слова царя и, такъ какъ большая часть фиденатовъ были римскими колонистами, то понимали по-латыни; итакъ, чтобы не быть отрѣзанными отъ города внезапнымъ движеніемъ альбанцевъ съ горъ, они обращаютъ тылъ. Туллъ наступаетъ и, разсѣявъ флангъ фиденатовъ, съ ожесточеніемъ бросается на веіентовъ, смущенныхъ чужимъ страхомъ. И они не выдержали натиска, но поспѣшному бѣгству мѣшала находившаяся въ тылу рѣка. Добѣжавъ до нея, одни, позорно бросая оружіе, въ ослѣпленіи кидались въ рѣку, другіе, остановившись на берегу и не зная, сражаться или бѣжать, были смяты римлянами. И никогда до того римляне не сражались съ большимъ ожесточеніемъ.

---

¹) Упоминаемые здѣсь саліи называются Квиринальскими, въ отличіе отъ старшей коллегіи саліевъ (см. гл. 20), именовавшихся Палатинскими; они приносили жертвы на Квиринальскомъ холмѣ и были первоначально, вѣроятно, жрецами Квирина.

²) Божества, приводившія въ смятеніе враговъ; ихъ признаютъ за одно и то же съ Пикомъ и Фавномъ.

28. Тогда албанское войско, оставшееся зрителемъ битвы, выведено было на равнину. Меттiй поздравляетъ Тулла съ рѣшительной побѣдой надъ врагами; Туллъ съ своей стороны привѣтливо разговариваетъ съ Меттiемъ. Затѣмъ, что да послужитъ ко благу, приказываетъ албанцамъ присоединиться къ римскому лагерю; на слѣдующiй день приготовляется очистительное жертвоприношенiе. Съ разсвѣтомъ, когда все было готово, согласно обычаю, царь приказываетъ созвать оба войска на собранiе[1]). Глашатаи, начавъ съ конца, сперва позвали албанцевъ. Эти, заинтересованные еще и новинкой, стали ближе всѣхъ, чтобы слышать рѣчь римскаго царя. Римское войско нарочно становится вокругъ съ оружiемъ; центурiонамъ приказано было немедленно исполнять приказанiя. Тогда Туллъ начинаетъ такъ: „Римляне! если когда раньше во время войнъ вамъ слѣдовало прежде всего благодарить безсмертныхъ боговъ, а затѣмъ уже свою доблесть, то это было во вчерашнемъ сраженiи. Ибо сражались мы не столько съ врагомъ, сколько съ измѣною и вѣроломствомъ союзниковъ, а такое сраженiе и важнѣе и опаснѣе. Не оставайтесь въ заблужденiи—албанцы безъ моего приказанiя двинулись къ горамъ, не дѣлалъ я такого распоряженiя, а сообразилъ и притворился, будто они повинуются мнѣ, чтобы вы, пребывая въ невѣдѣнiи, что васъ покидаютъ, продолжали храбро сражаться, непрiятели же думая, что ихъ обходятъ, испугались и бросились бѣжать. И преступленiе, въ которомъ я обвиняю ихъ, совершено не всѣми албанцами: они послѣдовали за вождемъ, что сдѣлали бы и вы, если бы я вздумалъ куда-нибудь направить войско съ мѣста битвы. Меттiй тотъ вождь, который повелъ ихъ по этому пути, Меттiй же устроилъ эту войну, Меттiй нарушитель договора римлянъ съ албанцами. Пожалуй и другой когда-нибудь отважится на такое дѣло, если я не покажу на немъ примѣръ, знаменательный для всѣхъ“. Вооруженные центурiоны становятся вокругъ Меттiя, а царь соотвѣтственно началу рѣчи продолжаетъ: „да послужитъ сiе на благо, счастiе и благополучiе народу римскому, мнѣ и вамъ, албанцы, я рѣшилъ весь албанскiй народъ переселить въ Римъ, плебеямъ дать право гражданства, старѣйшинъ назначить въ отцы, сдѣлать одинъ городъ, одно государство. Какъ нѣкогда албанское государство раздѣлилось на два народа, такъ теперь пусть соединится въ одинъ“. На эту рѣчь безоружная албанская молодежь, окруженная вооруженными римлянами, отвѣчала молчанiемъ, къ чему вынуждалъ ихъ общiй страхъ, хотя желанiя у нихъ и были различны. Затѣмъ Туллъ сказалъ: „Меттiй Фуфетiй! если бы ты могъ научиться держать свое слово и блюсти договоры, то я живого тебя поучилъ бы этому; теперь же, такъ какъ ты неисправимъ, то по крайней мѣрѣ научи человѣческiй родъ своей казнью считать священнымъ то, что ты осквернилъ. Итакъ подобно тому, какъ недавно ты колебался между фиденатами и римлянами, такъ растерзано будетъ теперь на части твое тѣло“. Затѣмъ подъѣхали двѣ четверки и къ колесницамъ былъ привязанъ распростертый Меттiй; послѣ того настеганные кони были пущены въ разныя стороны и разнесли на колесницахъ привязанные къ нимъ члены. Всѣ отвернулись отъ столь страшнаго зрѣлища. Это была первая и послѣдняя казнь у римлянъ, явившая собою примѣръ забвенiя законовъ человѣчности; въ другихъ случаяхъ можно похвалиться, что ни одинъ народъ не употреблялъ болѣе кроткихъ наказанiй.

29. Тѣмъ временемъ въ Альбу уже посланы были впередъ всадники перевести населенiе въ Римъ. Затѣмъ отправлены были легiоны разорить городъ. Когда они вступили туда, то не было тамъ шума и смятенiя, какъ

[1]) См. примѣч. къ гл. 26.

обыкновенно бываетъ во взятыхъ городахъ, когда ломаются ворота, рушатся подъ ударами тарана стѣны, или какъ бываетъ по взятіи крѣпости, когда крикъ враговъ и бѣгающіе по городу вооруженные люди мечемъ и огнемъ приводятъ все въ смѣшеніе; напротивъ — печальное молчаніе и тихая грусть такъ поразила всѣхъ, что, не помня отъ страха, что оставить, что взять съ собой, въ недоумѣніи спрашивая другъ друга, они то стояли у дверей, то бродили по домамъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на покидаемое. И когда раздался уже крикъ всадниковъ, приказывавшихъ уходить, когда на краю города послышался трескъ разрушаемыхъ домовъ и поднявшаяся съ разныхъ сторонъ пыль точно облакомъ окутала все,—быстро вынося, что было можно, они начали выходить, покидая ларовъ и пенатовъ и жилища, гдѣ они родились и выросли; и уже непрерывная вереница удалявшихся заняла дорогу, взаимное состраданіе при видѣ другихъ вновь вызывало слезы, а порой слышны были жалобные возгласы, преимущественно женщинъ, когда онѣ проходили мимо священныхъ храмовъ, занятыхъ вооруженными, и покидали какъ бы полоненныхъ боговъ. По выходѣ альбанцевъ изъ города, римляне сравняли съ землей всѣ общественныя и частныя зданія и въ одинъ часъ предали разрушенію то, что сооружалось въ теченіе 400 лѣтъ, которыя просуществовала Альба; впрочемъ, храмы боговъ, согласно приказанію царя, были пощажены.

30. Между тѣмъ Римъ съ разрушеніемъ Альбы усилился: число гражданъ удвоилось, присоединенъ былъ Целійскій холмъ и, чтобы онъ гуще заселялся, Туллъ избралъ его мѣстомъ для дворца и жилъ тамъ съ того времени. Старѣйшинъ альбанскихъ онъ избралъ въ отцы, чтобы усилить и эту часть государства; тутъ были Юлій, Сервиліи, Квинктіи, Геганіи, Куріаціи, Клеліи.

Священнымъ мѣстомъ[1]) собраній усиленнаго имъ сословія онъ сдѣлалъ курію, именовавшуюся до времени нашихъ отцовъ Гостиліевой[2]). А чтобы съ присоединеніемъ новаго народа усилились всѣ сословія, онъ набралъ изъ альбанцевъ 10 эскадроновъ всадниковъ[3]), изъ того же источника онъ пополнилъ старые легіоны и набралъ новые.

Опираясь на такія силы, Туллъ объявляетъ войну сабинянамъ, племени въ то время самому могущественному послѣ этрусковъ по многочисленности войскъ. Съ обѣихъ сторонъ были нанесены обиды и напрасно требуемо удовлетвореніе: Туллъ жаловался, что у храма Феронiи[4]) во время многолюднаго торжища захвачены римскіе купцы, сабиняне,—что еще раньше ихъ граждане бѣжали въ рощу и были приняты въ Римѣ[5]). Такія выставлялись причины войны. Сабиняне, хорошо помня, что Тацій переселилъ въ Римъ и отъ нихъ часть войска и еще недавно римское государство было усилено присоединеніемъ альбанскаго народа, тоже стали искать союзниковъ. По сосѣдству была Этрурія и ближе всѣхъ этрусковъ вейенты. Такъ какъ тамъ народъ вслѣдствіе раздраженія, оставшагося отъ войнъ, особенно легко поддавался соблазну нарушить договоръ, то оттуда они

---

[1]) Ливій называетъ мѣсто собраній сената templum потому, что оно должно было соотвѣтствовать всѣмъ требованіямъ ученія авгуровъ и быть посвящено; безъ того рѣшенія сената не могли имѣть законной силы.

[2]) Курія Гостиліева находилась на Ю.-В. склонѣ Капитолійскаго холма.

[3]) 300 всадниковъ набрано было изъ альбанцевъ, соотвѣтственно тремъ центуріямъ Ромула. въ военномъ отношеніи эти три центуріи дѣлились на 10 эскадроновъ по 30 человѣкъ каждый.

[4]) Богиня Феронія почиталась сабинянами, этрусками и латинянами; у храма ея, находившагося на горѣ Soracte, собирались эти народы на празднество, соединявшееся обыкновенно съ ярмаркой.

[5]) Рѣчь идетъ объ убѣжищѣ, открытомъ Ромуломъ (см. гл. 8), но и позже, повидимому, сохранявшемъ свое назначеніе.

и привлекали добровольцевъ: а нѣкоторыхъ бродягъ, изъ подонковъ черни, приманивала и плата; отъ лица же государства они не получили поддержки, и вейенты остались вѣрны заключенному съ Ромуломъ перемирію; вѣрность другихъ народовъ не представляется столь удивительной. Во время напряженныхъ приготовленій обѣихъ сторонъ къ войнѣ, когда выяснилось, что все дѣло зависитъ отъ того, кто первый нападетъ, Туллъ предупреждаетъ враговъ и переходитъ въ сабинскую область. У Злого Лѣса (Silva Malitiosa) произошла ожесточенная битва, въ которой римляне получили перевѣсъ частію благодаря силѣ пѣхоты, но особенно благодаря недавнему увеличенію конницы. Ряды сабинянъ были приведены въ замѣшательство внезапнымъ нападеніемъ конницы, а затѣмъ уже они не могли ни устоять въ битвѣ, ни безпрепятственно бѣжать, не терпя большого урона.

31. Послѣ побѣды надъ сабинянами, когда власть Тулла и все римское государство достигло высшей славы и могущества, царю и отцамъ было возвѣщено, что на альбанской горѣ шелъ каменный дождь. Это извѣстіе представлялось мало вѣроятнымъ, а потому были посланы люди посмотрѣть на это чудо; на глазахъ ихъ дѣйствительно часто сыпались съ неба камни, совершенно такъ же, какъ когда вѣтеръ гонитъ на землю смерзшіяся градины. Имъ показалось даже, что они слышали страшный голосъ, раздававшійся изъ рощи, лежавшей на вершинѣ горы, и повелѣвавшій альбанцамъ совершать священнодѣйствія по отеческому обычаю; между тѣмъ они, какъ будто покинувъ вмѣстѣ съ отечествомъ и боговъ, предали ихъ забвенію; они или приняли римскія священнодѣйствія, или же, разгнѣвавшись по обычаю на судьбу, совсѣмъ бросили почитаніе боговъ. Подъ впечатлѣніемъ того же чуда и римляне учредили девятидневное общественное жертвоприношеніе, или повинуясь небесному голосу, слышанному съ Альбанской горы (существуетъ и такое преданіе), или согласно предостереженію гаруспиковъ; во всякомъ случаѣ остался обычай назначать девятидневное празднество всякій разъ, какъ возвѣщается подобное чудо.

Немного спустя разразилась моровая язва. Хотя она ослабляла энергію къ военной службѣ, но воинственный царь, думая, что юноши бываютъ еще здоровѣе на войнѣ, чѣмъ дома, не давалъ отдыха, пока и самъ не впалъ въ продолжительную болѣзнь. А тогда вмѣстѣ съ тѣломъ сокрушился и его неугомонный духъ предпріимчивости до того, что онъ, считавшій прежде менѣе всего приличнымъ для царя заниматься жертвоприношеніями, сразу поддался всѣмъ большимъ и малымъ суевѣріямъ и на тотъ же ладъ настроилъ народъ. И люди, желая того же положенія, какое было при царѣ Нумѣ, уже вѣрили, что больнымъ можно помочь только въ такомъ случаѣ, если будетъ испрошена милость и снисхожденіе боговъ. Разсказываютъ, что самъ царь, перечитывая записки Нумы, нашелъ, что были какія-то таинственныя священнодѣйствія въ честь Юпитера, именуемаго Elicius, и отправился совершать ихъ; но ненадлежащимъ образомъ начато было или велось это жертвоприношеніе, а потому не только не явилось никакого небеснаго знаменія, но Юпитеръ, раздраженный извращеннымъ поклоненіемъ ему, сжегъ молніей домъ царя вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Туллъ процарствовалъ съ великою военною славою 32 года.

32. По смерти Тулла, согласно установившемуся уже съ начала обычаю, власть перешла къ отцамъ, а они 114—138
назначили междуцаря. На собранныхъ имъ комиціяхъ народъ избралъ царемъ Анка Марція; отцы утвердили избраніе. Анкъ Марцій былъ внукомъ царя Нумы Помпилія, происходя отъ его дочери. Принявъ царство, онъ, помня о славѣ дѣда своего и принимая во вни-

маніе, что предшествующее царствованіе, замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, въ одномъ было несчастливо вслѣдствіе ли небреженія, или ненадлежащаго исполненія богослуженія, счелъ за лучшее совершать общественныя священнодѣйствія согласно уставамъ Нумы, а потому распорядился, чтобы понтификъ, выписавъ ихъ на бѣлую доску изъ комментаріевъ Нумы, выставилъ ее на публичномъ мѣстѣ. Это обстоятельство подало надежду и гражданамъ, жаждавшимъ мира, и сосѣднимъ государствамъ, что царь обратится къ обычаямъ, установленнымъ дѣдомъ. И такъ латиняне, съ которыми въ царствованіе Тулла былъ заключенъ договоръ, подняли головы и, сдѣлавъ набѣгъ на римскія поля, на требованіе удовлетворенія отвѣчали гордымъ отказомъ, расчитывая, что римскій царь будетъ царствовать мирно среди капищъ и жертвенниковъ. По характеру своему Анкъ занималъ средину между Нумою и Ромуломъ; онъ вѣрилъ, что для царствованія его дѣда миръ былъ болѣе необходимымъ въ виду молодости и излишней воинственности народа, но въ то же время понималъ, что ему, не подвергаясь обидамъ, не добиться того мира, которымъ пользовался его предшественникъ; теперь испытываютъ его терпѣніе, а убѣдившись въ немъ, станутъ презирать; вообще по теперешнимъ обстоятельствамъ болѣе пригоденъ Туллъ, чѣмъ Нума. Тѣмъ не менѣе, желая установить церемоніи воинскія,—мирныя были установлены Нумой,—чтобы войны не только велись, но и объявлялись по извѣстному ритуалу, онъ заимствовалъ у древняго племени эквикуловъ [1]) формулы, въ которыя облекается требованіе удовлетворенія и которыми нынѣ завѣдуютъ феціалы. Посолъ [2]), при-

[1]) Эквикулы, составляя часть воинственнаго и разбойничьяго племени эквовъ, жили въ сабинской землѣ.

[2]) Упоминаемый въ гл. 24 **pater patratus.**

близившись къ границѣ народа, отъ котораго требуется удовлетвореніе, надѣваетъ на голову повязку [1]) (покровъ этотъ дѣлается изъ шерстяной матеріи) и говоритъ: „услышь, Юпитеръ, услышьте, предѣлы,—называетъ имя племени, которому они принадлежатъ—услышь, священное право! Я, вѣстникъ, явившійся отъ лица всего римскаго народа; согласно съ божескими и человѣческими законами я являюсь посломъ и да слушаются слова мои съ довѣріемъ!“ Затѣмъ онъ излагаетъ требованія. Послѣ этого онъ призываетъ въ свидѣтели Юпитера: „если я противъ законовъ божескихъ и человѣческихъ требую выдачи поименованныхъ людей и поименованныхъ вещей, то не дай мнѣ никогда больше видѣть отечество!“ Это говоритъ онъ, переходя границу, это говоритъ онъ тому, кто первымъ попадается ему на дорогѣ, это же, вступая въ городъ, это же, прибывъ на форумъ, измѣняя лишь немногія слова формулы и содержаніе клятвы. Если требуемое не выдается, то по истеченіи 33 дней, назначенныхъ въ правѣ феціаловъ, онъ такъ объявляетъ войну: „услышь, Юпитеръ, и ты, Янъ Квиринъ [2]) и всѣ боги небожители, и вы, обитающіе на землѣ, и боги подземнаго царства, услышьте! васъ я призываю въ свидѣтели, что такой-то народъ — называетъ его по имени—не правъ и не исполняетъ долга; но объ этомъ, какъ намъ добиться принадлежащаго намъ по праву, посовѣтуемся дома со старѣйшими“. Затѣмъ вѣстникъ возвращается въ Римъ для совѣщанія. Немедленно затѣмъ царь обращается къ сенату приблизительно въ такихъ словахъ: „что думаешь ты — онъ обращается къ первому, мнѣніе котораго спрашиваетъ,—о всѣхъ тѣхъ предметахъ, о спор-

[1]) Шерстяная лента, которой повязывалась жреческая шапка (арех).

[2]) Прозвище Квиринъ придается Яну потому, что онъ, по объясненію древнихъ, владыка войны, а орудіе ея—копье называется по-сабински curis.

ныхъ пунктахъ и о тяжбѣ, относительно которыхъ уполномоченный римскаго народа Квиритовъ предъявилъ требованіе къ уполномоченному древнихъ латинянъ и ихъ гражданамъ, но которыхъ они не выдали, не уплатили, не исполнили, хотя долгъ ихъ былъ выдать, уплатить, исполнить!" Тогда тотъ отвѣчалъ: „я думаю, что ихъ слѣдуетъ искать войною честною и законною, съ этимъ я согласенъ и такъ рѣшаю". Затѣмъ по порядку спрашивалъ другихъ, и когда большинство присутствующихъ высказывало то же мнѣніе, то война считалась рѣшенною. Затѣмъ, согласно обычаю, феціалъ несъ къ ихъ границамъ желѣзное или обожженное на одномъ концѣ копье, запачканное кровью, и въ присутствіи не менѣе трехъ способныхъ носить оружіе говорилъ: „я и римскій народъ объявляю и открываю войну противъ народовъ древнихъ латинянъ и ихъ гражданъ за то, что народы древнихъ латинянъ и ихъ граждане сдѣлали и погрѣшили противъ римскаго народа Квиритовъ, такъ какъ римскій народъ Квиритовъ повелѣлъ быть войнѣ съ древними латинянами, и сенатъ римскаго народа Квиритовъ высказалъ мнѣніе, согласился и призналъ, чтобы была война съ древними латинянами". Сказавъ это, онъ бросалъ копье въ ихъ предѣлы. Такимъ образомъ было тогда потребовано удовлетвореніе отъ латинянъ и объявлена война, и этотъ обычай приняли и потомки [1]).

33. Поручивъ заботу о культѣ фламину и другимъ жрецамъ, Анкъ набралъ свѣжее войско, выступивъ съ

---

1) Церемонія объявленія войны была сохраняема во все время существованія республики, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что феціалъ бросалъ копье отъ такъ называемой „воинской колонны" (columna bellica) у храма Беллоны. Измѣненіе это вызвано было невозможностью точнаго исполненія, такъ какъ римляне вели войны съ отдаленными народами и государствами, а не съ сосѣдними, какъ это было первое время.

нимъ, взялъ городъ латинянъ Политорій и, по примѣру прежнихъ царей, усилившихъ римское государство принятіемъ въ граждане непріятелей, перевелъ все населеніе въ Римъ. И такъ какъ вокругъ Палація, первоначальнаго мѣста поселенія римлянъ, сабиняне занимали Капитолій и кремль, альбанцы Целійскій холмъ, то новымъ поселенцамъ данъ былъ Авентинскій холмъ. Немного спустя, по взятіи Телленъ и Фиканы, туда же присоединились еще новые граждане. Затѣмъ снова началась война противъ Политорія, который послѣ опустошенія заняли древніе латиняне; это обстоятельство послужило для римлянъ основаніемъ разрушить городъ, чтобы онъ не сталъ постояннымъ пристанищемъ для враговъ. Когда наконецъ вся латинская война сосредоточилась около Медулліи, она довольно долго велась съ перемѣннымъ счастіемъ, такъ какъ побѣда склонялась то на ту, то на другую сторону; дѣло въ томъ, что и городъ силенъ былъ своими укрѣпленіями и надежнымъ гарнизономъ, и войско латинское, пользуясь положеніемъ римскаго лагеря на открытомъ мѣстѣ, не разъ сражалось врукопашную съ римлянами; наконецъ, собравъ всѣ силы, Анкъ сперва побѣдилъ въ битвѣ; затѣмъ съ огромной добычей вернулся въ Римъ, принявъ и на этотъ разъ много тысячъ латинянъ въ граждане; поселены они были около жертвенника Мурціи [1]), чтобы такимъ образомъ Авентинъ соединился съ Палаціемъ. Присоединенъ былъ и Яникулъ [2]) не потому, чтобы было тѣсно, но чтобы когда-нибудь онъ не сдѣлался вражеской крѣпостью. Рѣшено было соединить его съ городомъ не только стѣною, но

---

1) Жертвенникъ Венеры Мурціи (В. „успокаивающей"—имя это приводятъ въ связь съ гл. mulcere) находился въ узкой долинѣ между Палатинскимъ и Авентинскимъ холмомъ, гдѣ потомъ былъ circus maximus.

2) Яникулъ (на правомъ берегу Тибра) былъ присоединенъ съ тѣмъ, чтобы можно было защищаться отъ нападенія со стороны Этруріи.

еще мостомъ на сваяхъ, который тогда въ первый разъ сооруженъ былъ на Тибрѣ; послѣднее было сдѣлано для удобства сообщенія. Анкомъ же вырытъ и ровъ Квиритовъ, весьма важное укрѣпленіе для ровной, а потому и доступной мѣстности [1]). Эти огромныя прибавленія усилили государство, но такъ какъ среди такого множества людей стало путаться различіе между справедливыми и неправильными дѣйствіями и появились тайныя преступленія, то для устрашенія усиливающейся дерзости сооружена была тюрьма среди города [2]) надъ форумомъ. И не только городъ выросъ въ это царствованіе, но расширились и границы области: съ отнятіемъ Месійскаго лѣса [3]) у вейентовъ государство достигло моря и у устья Тибра основанъ городъ Остія; въ окрестностяхъ его устроены бассейны для соленой воды [4]), а за блестящіе успѣхи на войнѣ расширенъ храмъ Юпитеру Феретрійскому.

34. Въ царствованіе Анка переселился въ Римъ Лукумонъ [5]), мужъ дѣятельный и сильный своимъ богатствомъ, руководимый преимущественно желаніемъ и надеждою на большія почести, достичь которыхъ въ Тарквиніяхъ не было возможности, такъ какъ и тамъ онъ былъ чужеземцемъ. Онъ былъ сынъ коринөянина Дамарата, который, бѣжавъ изъ отечества вслѣдствіе мятежа [6]),

[1]) Между Целійскимъ и Авентинскимъ холмами.

[2]) Въ Капитолійскомъ холмѣ были высѣчены своды въ два этажа, изъ коихъ въ нижнемъ находилась тюрьма, именуемая Tullianum и сохранившаяся до настоящаго времени. Въ ней же совершалась и смертная казнь.

[3]) На правомъ берегу нижняго теченія Тибра.

[4]) Вода испарялась, а остававшаяся соль разработывалась для удовлетворенія потребности горожанъ.

[5]) Ливій ошибочно принимаетъ за собственное имя наименованіе лица, стоявшаго во главѣ каждаго изъ 12 племенъ, на которыя была раздѣлена Этрурія.

[6]) Дамаратъ принадлежалъ къ коринөскому царскому роду Бакхіадовъ, сверженному около 660 г. до Р. Хр. тиранномъ Кипселомъ.

случайно поселился въ Тарквиніяхъ, женился тамъ и имѣлъ двухъ сыновей. Имена ихъ были Лукумонъ и Аррунтъ. Лукумонъ пережилъ отца и унаслѣдовалъ всѣ его богатства; Аррунтъ умеръ раньше отца, оставивъ жену беременной. Отецъ не надолго пережилъ сына; не зная, что невѣстка беременна, онъ умеръ, не упомянувъ въ завѣщаніи о внукѣ, который, родившись послѣ смерти дѣда и не получивъ ничего изъ его богатствъ, за свою нищету названъ былъ Эгеріемъ. Напротивъ Лукумонъ, наслѣдникъ всего имущества, гордился своими богатствами; его гордость разжигала жена его Танаквиль, происходившая изъ знатнаго рода и не допускавшая, чтобы положеніе ея мужа было ниже положенія ея рода. А такъ какъ этруски презирали Лукумона, какъ сына изгнанника—пришельца, то она не въ состояніи была вынести этого униженія и, забывъ о врожденной любви къ отечеству, задумала переселиться изъ Тарквиній, лишь бы видѣть мужа въ почетѣ. Наиболѣе удобнымъ для этого представлялся Римъ; среди новаго народа, гдѣ знатность возникаетъ вдругъ и всецѣло основывается на доблести, найдется мѣсто энергичному и дѣятельному мужу; царствовалъ же Тацій сабинянинъ, приглашенъ же былъ на царство Нума изъ Куръ, да и Анкъ, сынъ сабинянки, знатенъ лишь на столько, что можетъ выставить изображеніе одного Нумы [1]). Она легко склоняетъ мужа, такъ какъ ему хотѣлось почестей, да и Тарквиніи были его родиной лишь по матери. Итакъ, собравъ свое имущество, они выселяются въ Римъ. Подъѣхали они случайно къ Яникулу. Когда онъ сидѣлъ съ

[1]) Ливій переноситъ на время царей позднѣйшій обычай, по которому плебей, первый изъ своего рода получившій курульную должность (homo novus—„новый“ человѣкъ), пріобрѣталъ дворянство (nobilitas) и вмѣстѣ съ тѣмъ право оставить потомкамъ свое изображеніе (imago). То была восковая маска, которая помѣщалась въ залѣ (atrium) въ особомъ шкафу (armarium). Чѣмъ больше у кого было такихъ изображеній, тѣмъ знатнѣе считался тотъ.

женой въ повозкѣ, орелъ, паря въ воздухѣ, тихо спустился и снялъ съ него шапку, затѣмъ, летая съ громкимъ крикомъ надъ повозкой, опять ловко возложилъ ее на голову его, точно посланный съ неба для служенія ему; затѣмъ онъ скрылся въ высотѣ. Говорятъ, что Танаквиль, женщина знакомая, какъ всѣ этруски, съ небесными знаменіями, приняла съ радостью это предвѣщаніе. Обнявъ мужа, она увѣряетъ, что его ждутъ высокія почести: такая явилась птица, съ такой стороны неба, вѣстница такого бога; знаменіе свершилось надъ головой: птица сняла возложенное на нее человѣкомъ украшеніе, чтобы вернуть его съ неба. Съ такими надеждами и мыслями они въѣхали въ городъ и, купивъ тамъ себѣ домъ, онъ назвался Л. Тараквиніемъ Древнимъ. Какъ человѣкъ новый и богатый, онъ сдѣлался замѣтенъ въ Римѣ. Этому онъ помогалъ самъ, вступая снисходительно въ бесѣды, любезно приглашая къ себѣ и привлекая, кого можно было, благодѣяніями; такъ молва о немъ дошла и до дворца. Это знакомство съ царемъ онъ скоро обратилъ въ самую тѣсную дружбу, съ достоинствомъ и удачно оказывая услуги, такъ что принималъ одинаково участіе въ общественныхъ и частныхъ, мирныхъ и военныхъ совѣщаніяхъ, и наконецъ, испытанный во всѣхъ случаяхъ, назначенъ былъ по духовному завѣщанію даже опекуномъ царскихъ дѣтей.

138—176 **35**. Анкъ царствовалъ 24 года и былъ равенъ любому изъ предшествовавшихъ царей славой и умѣніемъ править въ мирное и военное время. Его сыновья были близки къ совершеннолѣтію. Тѣмъ болѣе Тарквиній настаивалъ, чтобы поскорѣе были созваны комиціи для избранія царя; когда онѣ были назначены, то къ этому самому времени онъ отослалъ отроковъ на охоту. Разсказываютъ, что онъ первый, обходя всѣхъ [1]), просилъ

---

[1]) Въ республиканское время ищущіе какой-либо должности обыкновенно обходили избирателей (ambitus), брали ихъ за руку, называли по имени и просили о содѣйствіи. Этотъ обычай позднѣйшаго времени Ливій переноситъ сюда.

царства и держалъ рѣчь, составленную такъ, чтобы привлечь на свою сторону народъ [1]). Онъ говорилъ, что не проситъ ничего особеннаго, такъ какъ онъ не первый, что могло бы возбудить негодованіе или удивленіе, а третій, будучи иноземцемъ, стремится къ царской власти; и Тацій не только изъ иноземцевъ, но даже изъ враговъ сталъ царемъ, и Нума, не зная города, безъ просьбъ, добровольно былъ призванъ на царство; онъ же, какъ только сталъ самостоятельнымъ, переселился въ Римъ съ женою и всѣмъ имуществомъ; большую часть той поры, когда люди исполняютъ гражданскія обязанности, онъ прожилъ въ Римѣ, а не въ прежнемъ отечествѣ; дома и на войнѣ подъ руководствомъ опытнаго наставника, самаго царя Анка, онъ изучилъ римскіе законы и римскіе обычаи; повиновеніемъ и почтительностью къ царю онъ соперничалъ со всѣми, а благодѣяніями, оказываемыми другимъ, даже съ самимъ царемъ. Послѣ этой его правдивой рѣчи римскій народъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ высказался за врученіе ему царской власти. Этого мужа, отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ, и на тронѣ преслѣдовало то же честолюбіе, какъ и при домогательствѣ царства; заботясь столько же объ укрѣпленіи своей власти, сколько объ усиленіи государства, онъ избралъ сто человѣкъ въ сенаторы, которые потомъ были названы младшими [2]); эта часть сената, конечно, была на сторонѣ царя, благодаря которому попала въ курію.

---

[1]) Очевидно, Анкъ хотѣлъ сдѣлать царскую власть наслѣдственной въ своемъ родѣ, но пока прежній порядокъ избранія царя народомъ сохранился, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что Тарквиній самъ выступаетъ кандидатомъ.

[2]) Откуда были взяты эти сенаторы, точно нельзя сказать; выраженіе Ливія толкуется въ томъ смыслѣ, что они происходили изъ плебейскихъ родовъ.

Первую войну велъ онъ съ латинянами, взялъ городъ ихъ Апіолы и, привезши оттуда больше добычи, чѣмъ можно было ожидать по слухамъ о той войнѣ, отпраздновалъ игры великолѣпнѣе и съ бо̀льшими приготовленіями, чѣмъ предшествовавшіе цари [1]. Тогда впервые намѣчено было мѣсто для цирка, именуемаго теперь „Величайшимъ“; назначены были мѣста для сенаторовъ и всадниковъ, гдѣ они могли устраивать себѣ ложи [2]); названы эти мѣста fori. Смотрѣли они изъ ложъ, поддерживаемыхъ козлами въ 12 футовъ вышины. Зрѣлища состояли изъ конскихъ бѣговъ и кулачныхъ боевъ; бойцы большею частью вызывались изъ Этруріи. Съ этого времени эти игры стали повторяться ежегодно и именуются различно — то „Римскими“, то „Великими“. Тотъ же царь роздалъ частнымъ лицамъ мѣста около форума для постройки, и были сооружены портики и лавки. **36.** Онъ собирался еще обвести городъ каменной стеной, но осуществленію этого плана помѣшала сабинская война. Она была до того неожиданна, что непріятели перешли Аніенъ прежде, чѣмъ римское войско успѣло выступить на встрѣчу и задержать ихъ. Въ Римѣ господствовало смятеніе. Въ первомъ сраженіи понесены были огромныя потери съ обѣихъ сторонъ, но побѣда осталась нерѣшенной. Затѣмъ, когда непріятель отвелъ свои войска въ лагерь и далъ римлянамъ возможность приготовиться къ новой войнѣ, Тарквиній, видя, что его силы больше всего нуждаются въ конницѣ, рѣшилъ къ центуріямъ Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ, набраннымъ Ромуломъ, прибавить другія и на-

[1]) Ранѣе упомянуты были лишь Consualia (гл. 9), но, очевидно, существовали и римскія игры, которыя теперь празднуются съ большей пышностью.

[2]) Лишь на время игръ, а не постоянныя мѣста. Позже сенаторамъ было отведено мѣсто предъ самой сценой, а съ 67 г. всадникамъ предоставлены были сдѣдующіе 14 рядовъ.

звать ихъ своимъ именемъ. Такъ какъ Ромулъ учредилъ ихъ на основаніи гаданія, то Аттъ Навій, славный авгуръ того времени, заявилъ, что ни измѣненія, ни нововведенія тутъ невозможны безъ согласія боговъ. Раздраженный этимъ, царь, издѣваясь надъ искусствомъ его, говорятъ, спросилъ: „Ну-ка ты, пророкъ, погадай, можетъ ли быть то, что я задумалъ“? Тотъ, узнавъ точно посредствомъ гаданія, въ чемъ дѣло, далъ утвердительный отвѣтъ. „Такъ я задумалъ“, сказалъ царь, „что ты разсѣчешь оселокъ ножемъ; возьми вотъ это и исполни то, возможность чего предсказали тебѣ твои птицы“. Тогда тотъ, какъ говоритъ преданіе, немедленно разсѣкъ оселокъ ножемъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось это событіе, на комиціи, на лѣвой сторонѣ самой лѣстницы, ведущей въ курію, находится статуя Атта, съ покрытою головой; говорятъ, что тамъ же положенъ былъ и оселокъ, чтобы служить для потомства памятникомъ этого чуда. Во всякомъ случаѣ авторитетъ гаданій и жреческаго служенія авгуровъ возросъ настолько, что послѣ того ни дома, ни на войнѣ ничего не предпринималось безъ авспицій: были распускаемы народныя собранія и собранныя войска, и останавливалось все, если только этому противились гаданія по птицамъ. И тогда Тарквиній не произвелъ никакой перемѣны въ организаціи центурій всадниковъ, но только прибавилъ къ существующимъ такое же число всадниковъ, такъ что въ трехъ центуріяхъ стало 1800 всадниковъ [1]); теперь, въ виду удвоеннаго числа, эти центуріи считаются за шесть, а тогда прибавленныя центуріи, сохранивъ прежнія имена, назывались только младшими.

[1]) Ливій противорѣчитъ себѣ: Ромулъ установилъ 300 всадниковъ (гл. 13), Туллъ Гостилій прибавилъ еще 300 (гл. 30), удвоенное число, слѣд., должно было бы быть 1200, а не 1800. Очевидно, это извѣстіе Ливій взялъ изъ другого источника, гдѣ говорилось о неизвѣстномъ намъ увеличеніи числа всадниковъ до 900.

37. По увеличеніи этой части арміи послѣдовало новое столкновеніе съ сабинянами. Но, помимо усиленія римскаго войска, тайно прибѣгли къ хитрости: посланы были люди, которые набросали въ Аніенъ большое количество зажженнаго лѣса, лежавшаго по берегамъ этой рѣки; эти бревна, большею частію связанныя въ плоты, сильно разгорались отъ вѣтра и, зацѣпившись за сваи, зажгли мостъ. Это обстоятельство во время битвы тоже навело на сабинянъ страхъ, а когда они были разсѣяны, то помѣшало имъ бѣжать; и много народу, убѣжавъ отъ врага, погибло въ самой рѣкѣ. Ихъ оружіе, плывшее къ городу по Тибру, было узнано и дало знать о побѣдѣ чуть ли прежде, чѣмъ можно было извѣстить о ней. Въ этой битвѣ особенно отличились всадники; расположенные по обоимъ флангамъ, когда стоявшій въ срединѣ ихъ строй пѣхоты дрогнулъ, они столь стремительно атаковали врага съ фланговъ, что не только остановили яростно наступавшіе на отступающихъ сабинскіе легіоны, но сразу обратили ихъ въ бѣгство. Сабиняне въ безпорядочномъ бѣгствѣ устремились въ горы, но немногіе достигли ихъ: большая часть, какъ выше сказано, была загнана всадниками въ рѣку. Тарквиній, считая необходимымъ преслѣдовать испуганнаго врага, отослалъ добычу и плѣнниковъ въ Римъ, доспѣхи враговъ, посвященные Вулкану, сжегъ, сложивъ въ огромную кучу, а самъ повелъ войско далѣе въ сабинскую область. Хотя сабиняне потерпѣли уже неудачу и нельзя было надѣяться на успѣхъ въ будущемъ, однако, такъ какъ обстоятельства не давали времени одуматься, то они выступили на встрѣчу съ кое-какъ набраннымъ войскомъ, снова при этомъ были разсѣяны и, потерявъ уже почти все, просили мира.

38. Коллація и всѣ сабинскія поля, лежащія по сю сторону ея, были отняты; Эгерій, племянникъ царя, оставленъ тамъ съ гарнизономъ. Я нахожу извѣстія, что

такимъ образомъ совершилась сдача Коллаціи и такова формула сдачи: царь спросилъ: „вы ли послы и ораторы, посланные коллатинскимъ народомъ, чтобы сдать себя и коллатинскій народъ?“ „Да“. „Можетъ ли распоряжаться собой по своей волѣ коллатинскій народъ?“ „Да“. „Сдаете ли вы себя и коллатинскій народъ, городъ, поля, воду, границы, капища, движимость, все принадлежащее богамъ и людямъ во власть мою и римскаго народа?“ „Сдаемъ“. „А я принимаю“. Окончивъ сабинскую войну, Тарквиній съ тріумфомъ возвращается въ Римъ. Затѣмъ объявляетъ войну древнимъ латинянамъ. Тамъ нигдѣ не дошло дѣло до рѣшительнаго сраженія: весь латинскій народъ былъ покоренъ путемъ постепеннаго занятія отдѣльныхъ городовъ. Корникулъ, Старая Фикулея, Камерія, Крустумерій, Амеріола, Медуллія, Номентъ, принадлежавшіе древнимъ латинянамъ или отпавшіе къ нимъ, были взяты. Затѣмъ послѣдовало заключеніе мира.

Послѣ этого онъ приступилъ къ мирнымъ занятіямъ съ энергіей, превышавшей то напряженіе, съ какимъ ведены были войны; онъ хотѣлъ, чтобы народъ дома былъ не менѣе занятъ, чѣмъ на войнѣ: поэтому городъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ онъ не былъ укрѣпленъ, царь собирается окружить каменной стѣной (начало этого предпріятія было пріостановлено сабинской войной); низкія мѣста города около форума и другія равнины, лежащія между холмами, осушаетъ при помощи каналовъ, проведенныхъ покато въ Тибръ, такъ какъ сама вода не могла выйти изъ равнинъ; укрѣпляетъ площадь на Капитоліи для храма Юпитера, обѣщаннаго въ сабинскую войну, уже тогда предчувствуя, какъ священно нѣкогда будетъ это мѣсто.

39. Въ то время во дворцѣ случилось чудо, удивительное и по виду и по результату: говорятъ, что на глазахъ многихъ пылала голова спавшаго мальчика, по

имени Сервія Туллія. При видѣ этого чуда поднялся страшный шумъ, явился царь съ царицею, и, когда кто-то изъ домашнихъ принесъ воды, чтобы затушить огонь, царица остановила его; успокоивъ волненіе, она запретила трогать мальчика, пока онъ не проснется самъ. Вскорѣ вмѣстѣ со сномъ исчезло и пламя. Тогда Танаквиль, уведши мужа въ уединенный покой, сказала: „Посмотри ты на этого мальчика, которому мы даемъ столь простое воспитаніе; очевидно, онъ нѣкогда будетъ спасителемъ нашимъ въ критическомъ положеніи и опорою царскаго дома въ минуту опасности; поэтому будемъ со всею тщательностью воспитывать его, и онъ послужитъ къ великой славѣ государства и нашей!“ Съ этого времени мальчика стали держать, какъ сына, и обучать такимъ искусствамъ, которыя подготовляютъ человѣка къ великой будущности. Такъ какъ это дѣло было угодно богамъ, то оно имѣло счастливый успѣхъ: юноша вышелъ поистинѣ царственнаго ума и, когда пришлось искать зятя Тарквинію, то никто изъ римскихъ юношей не могъ ни въ чемъ съ нимъ состязаться, и царь обручилъ съ нимъ дочь свою. Столь великій почетъ, чѣмъ бы онъ ни былъ вызванъ, не позволяетъ вѣрить, что онъ былъ сынъ рабыни, а въ дѣтствѣ и самъ рабъ. Я склоняюсь болѣе къ мнѣнію тѣхъ, которые разсказываютъ, что при взятіи Корникула захвачена была беременная жена главнаго начальника этого города, Сервія Туллія, который при этомъ былъ убитъ; римская царица, узнавъ ее въ толпѣ прочихъ плѣнницъ, вслѣдствіе знатности ея рода не допустила ее стать рабыней, и она родила сына въ Римѣ, въ домѣ Тарквинія Древняго; столь великое благодѣяніе сблизило женщинъ, и мальчикъ, выросшій съ дѣтства въ домѣ, пользовался любовью и почетомъ. Судьба матери, попавшей по взятіи роднаго города въ руки враговъ, заставила вѣрить, что онъ былъ сынъ рабыни.

40. Около тридцать восьмого года царствованія Тарквинія Сервій Туллій былъ въ величайшемъ почетѣ не только у царя, но и у сенаторовъ и народа. Тогда два сына Анка, уже раньше возмущавшіеся, что опекунъ обманомъ лишилъ ихъ отцовскаго царства, что въ Римѣ царствуетъ пришелецъ, не только не сосѣдняго, но даже не италійскаго племени, особенно начали негодовать, опасаясь, что и послѣ Тарквинія царство не будетъ имъ возвращено, а опускаясь все ниже и ниже, перейдетъ къ рабамъ; такимъ образомъ въ томъ государствѣ, гдѣ около ста лѣтъ назадъ тому царствовалъ Ромулъ, пока былъ на землѣ, сынъ бога, а затѣмъ и самъ богъ, власть захватитъ рабъ, сынъ рабыни. Будетъ безчестіемъ, какъ для всего римскаго народа, такъ особенно для ихъ дома, если, при существованіи мужского потомства Анка, царская власть въ Римѣ станетъ доступна не только пришельцамъ, но даже рабамъ. И вотъ они рѣшаются предотвратить это безчестіе помощью оружія. Но огорченіе за нанесенную обиду болѣе вооружало ихъ противъ Тарквинія, чѣмъ противъ Сервія, и они куютъ ковы на царя, такъ какъ царь, если бы остался въ живыхъ, былъ бы болѣе страшнымъ мстителемъ за убійство, чѣмъ частный человѣкъ, а затѣмъ, по убіеніи Сервія, онъ выбралъ бы себѣ кого-нибудь другого въ зятья и сдѣлалъ бы его наслѣдникомъ царства. Для совершенія злодѣянія были выбраны два самыхъ отчаянныхъ пастуха; вооружившись обычными для нихъ сельскими орудіями, они съ величайшимъ шумомъ подняли притворно драку у самаго преддверія дворца и обратили на себя вниманіе всѣхъ царскихъ слугъ; затѣмъ, такъ какъ они оба звали царя и поднятый ими шумъ услышанъ былъ во дворцѣ, то ихъ позвали къ царю. Сперва оба они кричали и наперерывъ перебивали другъ друга; остановленные ликторомъ и получивъ приказаніе говорить поочередно, они наконецъ перестаютъ спорить, и

одинъ, согласно уговору, начинаетъ разсказъ. Пока царь съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его, другой, поднявъ сѣкиру, ударилъ его по головѣ; оставивъ оружіе въ ранѣ, оба бросились вонъ.

41. Окружающіе приняли умирающаго Тарквинія, а ликторы схватили бѣгущихъ. Поднялся крикъ, сбѣжался народъ, съ удивленіемъ спрашивая, что случилось. Среди этой суматохи Танаквиль приказываетъ запереть дворецъ, удаляетъ свидѣтелей. Одновременно она старательно приготовляетъ все необходимое для лѣченія раны, какъ будто бы еще оставалась надежда, а на случай, если она окажется тщетной, готовитъ иныя средства безопасности. Призвавъ поспѣшно Сервія и показавъ ему почти бездыханнаго мужа, она беретъ его правую руку и умоляетъ не оставлять безъ отмщенія убіеніе тестя, не позволить врагамъ издѣваться надъ тещей. „Если ты мужъ, Сервій,“ сказала она, „то царство принадлежитъ тебѣ, а не тѣмъ, которые чужими руками совершили гнуснѣйшее злодѣяніе. Ободрись и слѣдуй указаніямъ боговъ, которые предсказали тебѣ величіе, окруживъ нѣкогда твою голову небеснымъ огнемъ. Да возбудитъ тебя теперь то божественное пламя, теперь проснись на самомъ дѣлѣ! И мы, несмотря на то, что были пришельцами, царствовали; ты думай о томъ, кто ты, а не о томъ, какого ты рода! Если неожиданность сковываетъ твой умъ, то руководись моими совѣтами!“ Когда крикъ и натискъ толпы почти невозможно было сдерживать, Танаквиль обращается къ народу съ рѣчью съ верхняго этажа дома[1]) черезъ окно, выходящее на Новую улицу[2])—царь жилъ тогда около

1) Нижній этажъ римскаго дома обыкновенно былъ окруженъ портиками и окна изъ него выходили во дворъ, съ верхняго же этажа—и на улицу.

2) Эта улица пролегала по С. и З. сторонѣ Палатинскаго холма.

храма Юпитера Статора[3]). Она приказываетъ не падать духомъ; царь-де былъ ошеломленъ внезапнымъ ударомъ; оружіе не глубоко проникло въ тѣло; уже онъ пришелъ въ себя; кровь отерта, и рана изслѣдована; все обстоитъ благополучно; она не сомнѣвается, что скоро они увидятъ его самого; а тѣмъ временемъ царь повелѣваетъ повиноваться Сервію Туллію; онъ будетъ творить судъ и исполнять другія обязанности царя. Сервій выходитъ въ военной накидкѣ въ сопровожденіи ликторовъ и, сидя на царскомъ сѣдалищѣ, одни дѣла рѣшаетъ, а о другихъ притворно обѣщаетъ посовѣтоваться съ царемъ. Такимъ образомъ въ нѣсколько дней, когда Тарквиній уже скончался, но смерть его была скрываема, онъ, будто-бы исправляя чужую обязанность, укрѣпилъ свое положеніе. Тогда только поднялся во дворцѣ плачъ, и смерть была обнародована. Сервій, окруживъ себя крѣпкою стражей, первый принялъ царство не по рѣшенію народа, а только съ согласія отцовъ. Сыновья же Анка удалились въ изгнаніе въ Свессу Пометійскую еще тогда, когда разнеслась вѣсть, что совершившіе злодѣяніе схвачены, царь живъ, а Сервій заручился такой силой.

42. Для укрѣпленія своей власти Сервій прибѣгалъ столько же къ государственнымъ мѣропріятіямъ, сколько и къ частнымъ: чтобы дѣти Тарквинія не были противъ него такъ же враждебно настроены, какъ дѣти Анка противъ Тарквинія, онъ выдалъ двухъ дочерей своихъ за царскихъ сыновей Луція и Аррунта Тарквиніевъ. Но человѣческія соображенія не отвратили предопредѣленія судьбы: жажда царской власти породила вѣроломство и вражду даже среди домашнихъ. Для сохраненія спокойствія въ настоящее время какъ нельзя болѣе кстати предпринята была, за истеченіемъ срока пере-

3) См. гл. 12.

мирія [1]), война съ вейентами и другими этрусками. Въ этой войнѣ проявилась и доблесть Туллія и счастіе; и, разсѣявъ огромное войско непріятелей, онъ вернулся въ Римъ несомнѣннымъ царемъ, спросилъ-ли бы онъ мнѣніе сената или народа. Затѣмъ онъ приступилъ къ великому мирному труду и, какъ Нума былъ творцомъ церковнаго права, такъ молва среди потомства называла Сервія основателемъ сословнаго дѣленія государства, которое опредѣлило различие въ правахъ и положеніи. Онъ установилъ цензъ, учрежденіе въ высшей степени благотворное для государства, которому суждено было достичь такого величія: на основаніи его, военныя и гражданскія обязанности были распредѣляемы не поголовно, какъ прежде, а по имущественному положенію; тогда установлены были классы и центуріи [2]), и на основаніи ценза сдѣлано было слѣдующее распредѣленіе, удобное и для мирнаго и для военнаго времени. **43**. Изъ имѣвшихъ 100.000 ассовъ или большій цензъ [3]) онъ образовалъ 80 центурій — по 40 центурій старшихъ

1) О какомъ перемиріи говоритъ Ливій, непонятно, такъ какъ о войнѣ рѣчи не было.

2) Дѣленіе граждан на классы было установлено прежде всего для цѣлей военныхъ: чѣмъ состоятельнѣе былъ гражданинъ, тѣмъ болѣе требовало отъ него государство; затѣмъ это дѣленіе важно было и для всей государственной жизни: чѣмъ больше служилъ государству гражданинъ, тѣмъ большими правами пользовался онъ; это выражалось въ числѣ центурій: старшіе классы имѣли больше центурій, младшіе меньше. Самое слово центурія имѣетъ двоякое значеніе: съ военной точки зрѣнія центурія есть отрядъ въ 100 чел., съ политической—она состоитъ изъ неопредѣленнаго числа лицъ, принимаемыхъ вмѣстѣ за единицу при подачѣ голосовъ: чѣмъ старше классъ, тѣмъ меньшее число гражданъ составляетъ центурію.

3) Ливій приводитъ цензъ времени конца республики; первоначально принадлежность къ тому или другому классу опредѣлялась количествомъ земли, которымъ владѣлъ гражданинъ. Переведено оно было на деньги впервые, полагаютъ, при цензорѣ Аппіи Клавдіи, когда ассъ былъ въ пять разъ дороже, чѣмъ при Ливіи (тогда ассъ=фунту мѣди и назывался aes grave, цѣна его была около 18 к.;

и младшихъ [1]); входившіе въ составъ ихъ граждане названы были первымъ классомъ; старшіе предназначены были для охраны города, младшіе для веденія войнъ внѣ города. Оружіе для защиты тѣла опредѣлено имъ шлемъ, круглый щитъ, поножи, панцырь—все изъ бронзы, оружіе наступательное — копье и мечъ. Къ этому классу присоединено было 2 центуріи ремесленниковъ [2]), которые несли службу безъ оружія; на нихъ возложено было сооруженіе военныхъ машинъ. Второй классъ образованъ былъ изъ имѣющихъ цензъ отъ 100 до 75 тыс. ассовъ, и изъ нихъ составлены 20 центурій старшихъ и младшихъ. Оружіе назначено вмѣсто круглаго щита продолговатый, а все остальное то же, кромѣ панцыря. Цензъ третьяго класса опредѣленъ въ 50 тыс. ассовъ; изъ нихъ образовано столько же центурій и съ тѣмъ же подраздѣленіемъ по возрасту. Въ вооруженіи также не сдѣлано никакихъ измѣненій, кромѣ того, что отняты поножи. Цензъ 4-го класса 25000; изъ него образовано столько же центурій; вооруженіе измѣнено: имъ назначены только длинное копье и дротикъ. Пятый классъ многочисленнѣе: изъ него образовано 30 центурій; они носили съ собой только пращи и пращные камни; къ нимъ причислены были [3]) горнисты и трубачи, раздѣленные на двѣ центуріи; цензъ этого класса

со времени I Пунической войны цѣна асса стала меньше въ 3 раза. Слѣд., цензъ I класса составлялъ 20 тыс. тяж. ассовъ или 20 югеровъ земли (по 1000 ассовъ) и т. д. соотвѣтственно.

1) Старшіе отъ 46 до 60 лѣтъ, младшіе отъ 16 до 45; только въ случаѣ крайней опасности первые были призываемы на службу внѣ города.

2) Не принадлежа по цензу къ I классу, они имѣли право подавать голоса вмѣстѣ съ центуріями I класса.

3) Позже подъ именемъ „причисленныхъ“ (accensi) разумѣлись всѣ граждане, выступавшіе на войну безъ оружія и составлявшіе запасныя силы; они брали оружіе убитыхъ воиновъ и становились на ихъ мѣсто.

былъ 14 тысячъ. Изъ остального населенія, имѣвшаго меньшій цензъ, образована была одна центурія, свободная отъ военной службы. Устроивши и распредѣливши такимъ образомъ пѣхоту, онъ набралъ 12 центурій всадниковъ изъ самыхъ состоятельныхъ гражданъ. Кромѣ того, хотя Ромулъ образовалъ всего три центуріи, онъ сдѣлалъ изъ нихъ шесть, давъ имъ тѣ же имена, которыя были утверждены авгуріями [1]). На покупку лошадей назначено было по 10 тыс. ассовъ изъ казны, а по 2000 на прокормленіе ихъ ежегодно должны были вносить вдовы [2]). Всѣ эти повинности съ бѣдныхъ сложены были на богатыхъ. Затѣмъ прибавлены были почести: не дано было одинаковаго права подачи голоса всѣмъ поголовно, какъ это было установлено Ромуломъ и сохранялось при слѣдующихъ царяхъ [3]), а установлены степени, такъ что казалось, будто никто не лишенъ права голоса, и все-же вся сила сосредоточена была у самыхъ состоятельныхъ гражданъ государства [4]): прежде всего приглашались къ подачѣ голосовъ всадники, затѣмъ 80 центурій перваго класса; если тамъ возникало разногласіе, что случалось рѣдко, то должно было приглашать и второй классъ, и почти никогда не спускались такъ низко, чтобы дойти до послѣднихъ. И нечего удивляться, что тотъ порядокъ, который существуетъ теперь, по установленіи 35 трибъ, каковое число удваивается вслѣдствіе дѣленія ихъ на центуріи старшихъ и младшихъ, не сходится съ числомъ, установленнымъ Сервіемъ Тулліемъ [1]). Ибо, раздѣливъ весь городъ, всѣ его части и заселенные холмы, на 4 отдѣла, онъ назвалъ ихъ трибами, какъ я думаю, отъ слова tributum [2]), равномѣрное взиманіе коего, сообразно съ цензомъ, установлено было имъ же; но эти трибы не имѣютъ никакого отношенія къ раздѣленію на центуріи и числу ихъ.

44. Окончивъ цензъ, — дѣло было ускорено закономъ, который грозилъ не предъявившимъ ценза тюремнымъ заключеніемъ и казнью, — царь приказалъ всѣмъ римскимъ гражданамъ — всадникамъ и пѣхотинцамъ — собраться на разсвѣтѣ на Марсовомъ полѣ, каждому въ свою центурію. Здѣсь разставлено было все войско, и онъ принесъ за него очистительную жертву, состоявшую изъ свиньи, овцы и быка. Этотъ обрядъ, названъ былъ „заключительнымъ жертвоприношеніемъ“, такъ какъ послужилъ окончаніемъ ценза [3]). Говорятъ, что при этомъ смотрѣ насчитано было 80 тыс. гражданъ; древнѣйшій писатель Фабій Пикторъ [4]) прибавляетъ, что это число заключало въ себѣ только тѣхъ, которые способны были носить оружіе. Соотвѣтственно такому большому числу населенія

[1]) См. гл. 13. Они различались при подачѣ голосовъ, именуясь Рамны старшіе и младшіе и т. д.

[2]) Сумма на покупку лошади выдавалась единовременно, а кормовыя деньги ежегодно; деньги эти уплачивались всѣми независимыми и состоятельными женщинами, которыхъ указывало государство каждому всаднику.

[3]) Въ такъ называемыхъ центуріатскихъ комиціяхъ

[4]) Въ подачѣ голосовъ сперва приглашались 18 цент. всадниковъ и 80 цент. I класса; если онѣ голосовали согласно, то дальнѣйшая подача голосовъ являлась излишней, такъ какъ онѣ составляли уже большинство (98 изъ 193).

[1]) Это мѣсто представляетъ нѣкоторую неясность; изъ существующихъ объясненій его мы останавливаемся на слѣдующемъ: въ 241 г. до Р. Хр. произошло смѣшеніе дѣленія на трибы и центуріи такимъ образомъ, что каждая изъ 35 трибъ выставляла для каждаго изъ 5 классовъ по одной центуріи старшихъ и младшихъ, не касаясь однако 18 центурій всадниковъ: такимъ образомъ вмѣсто 175 цент. Сервія Туллія (не считая 18 цент. всадниковъ) является 350 новыхъ центурій, и Ливій указываетъ на невозможность согласовать оба дѣленія.

[2]) Налогъ, идущій на чрезвычайныя нужды государства.

[3]) Подобный смотръ, сопровождаемый принесеніемъ очистительной жертвы, совершался каждые 5 лѣтъ.

[4]) Жилъ во время II Пунической войны; въ своей „Исторіи“ онъ описалъ на греческомъ яз. событія со времени Энея до своего времени, на которомъ онъ останавливается болѣе подробно.

рѣшено было увеличить и городъ: присоединены были два холма — Квиринальскій [1]) и Виминальскій; вскорѣ царь увеличиваетъ населеніе и Эсквилійскаго холма, а чтобы мѣсто это пріобрѣло значеніе, поселился тамъ самъ. Городъ онъ окружаетъ валомъ, рвами и стѣной; такимъ образомъ расширено было и pomerium. Нѣкоторые, обращая вниманіе только на происхожденіе этого слова [2]), объясняютъ, что такъ называется пространство, лежащее внѣ стѣнъ города, тогда какъ на дѣлѣ это скорѣе пространство, лежащее по обѣ стороны стѣнъ; такое пространство нѣкогда этруски посвящали при основаніи города тамъ, гдѣ собирались вести стѣну [3]), точно опредѣливши предварительно посредствомъ гаданія предѣлы; установлено было, чтобы и съ внутренней стороны зданія не доходили до стѣнъ, тогда какъ теперь они обыкновенно примыкаютъ къ нимъ, и съ внѣшней стороны оставалась нѣкоторая часть земли свободной отъ воздѣлыванія. Это-то пространство, которое не позволено было ни заселять, ни пахать, римляне наименовали pomerium, столько же потому, что оно находится за стѣной, сколько и потому, что стѣна находится за нимъ; и при постепенномъ расширеніи города, насколько предстояло подвинуть впередъ стѣны, настолько же всегда были подвигаемы и эти освященные предѣлы.

45. Увеличивъ съ расширеніемъ города число граж-

1) По свидѣтельству другихъ историковъ Квириналъ еще ранѣе былъ занятъ сабинянами; Ливій не говоритъ объ этомъ въ 33 гл.

2) Postmoerium въ связи со словомъ murus.

3) Согласно ученію этрусковъ, основатель города долженъ былъ, запрегши въ плугъ быка и корову, вспахать все пространство, предназначенное для стѣны; гдѣ предполагались ворота, тамъ плугъ слѣдовало приподнять, оставивъ это мѣсто невспаханнымъ. Корова должна была быть запряжена со стороны города, быкъ съ наружной стороны. Назначенное гаданіями пространство для pomerium обозначалось пограничными камнями.

данъ, установивъ дома всѣ учрежденія и для мирныхъ и для военныхъ цѣлей и не желая, чтобы усиленіе государства совершалось исключительно при помощи оружія, Сервій попытался достичь его мирнымъ путемъ, имѣя въ виду вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсть и нѣкоторое украшеніе для города. Уже тогда славился храмъ Діаны Ефесской [1]); по преданію, онъ былъ построенъ сообща государствами Азіи. Такое согласіе и общность боговъ Сервій особенно хвалилъ передъ старѣйшинами латинянъ, съ которыми тщательно поддерживалъ гостепріимство и дружбу и оффиціальнымъ путемъ и частнымъ образомъ. Постоянно повторяя одно и то же, онъ добился наконецъ того, что латинскіе народы вмѣстѣ съ римлянами соорудили въ Римѣ храмъ Діаны. Это было признаніемъ главенства Рима, изъ-за котораго столько разъ вступали въ вооруженную борьбу. Хотя послѣ столькихъ неудачныхъ попытокъ латиняне и перестали уже заботиться о немъ, но одинъ сабинянинъ возмечталъ, что ему представляется случай вернуть первенство при помощи частнаго предпріятія. Разсказываютъ, что въ сабинской землѣ у одного хозяина родилась телка удивительной величины и вида; рога ея, прибитые въ преддверіи храма Діаны, много вѣковъ оставались памятникомъ этого чуда. Это принято было за предзнаменованіе, каковымъ оно и было на самомъ дѣлѣ, и гадатели предрекли, что первенство будетъ принадлежать тому народу, гражданинъ котораго принесетъ ее въ жертву Діанѣ. Это пророчество дошло до слуха предстоятеля капища Діаны. Сабинянинъ, какъ только наступилъ день, подходящій для жертвоприношенія, привелъ телку въ

1) Храмъ этотъ служилъ общимъ святилищемъ 12 іонійскихъ городовъ; то же самое задумалъ и Сервій Туллій, не обращая вниманія на существенное различіе, состоявшее въ томъ, что Римъ не принадлежалъ къ числу городовъ Латинскаго союза. Храмъ былъ сооруженъ на С. сторонѣ Авентинскаго холма.

Римъ къ храму Діаны и поставилъ ее предъ жертвенникомъ. Тутъ римскій предстоятель, замѣтивъ удивительную величину телки, извѣстную ему по слухамъ, и помня о пророчествѣ, обратился съ такой рѣчью къ сабинянину: „Какъ это ты, чужеземецъ, собираешься принести жертву Діанѣ нечестиво? развѣ ты не омоешься раньше въ проточной водѣ? внизу въ долинѣ течетъ Тибръ". Подъ вліяніемъ религіознаго сомнѣнія, чужеземецъ, желавшій все совершить надлежащимъ образомъ, чтобы результатъ соотвѣтствовалъ пророчеству, быстро спускается къ Тибру. Тѣмъ временемъ римлянинъ закалываетъ телку Діанѣ. Это было очень пріятно царю и народу.

46. Будучи на дѣлѣ уже внѣ всякаго сомнѣнія царемъ, Сервій, тѣмъ не менѣе, рѣшился обратиться къ народу, расположеніе котораго онъ предварительно снискалъ, раздѣливъ поголовно отнятую у непріятелей землю,—желаетъ ли онъ и повелѣваетъ ли ему царствовать; это вызвано было слухами о заявленіяхъ, дѣлаемыхъ порой молодымъ Тарквиніемъ, что Сервій царствуетъ безъ воли народа. И онъ провозглашенъ былъ царемъ съ такимъ единодушіемъ, съ какимъ не былъ избранъ доселѣ ни одинъ царь. Но это не уменьшило у Тарквинія надежды добиться царства,—напротивъ, будучи и самъ пылкимъ юношей и встрѣчая поощреніе своему безпокойному характеру дома со стороны жены Тулліи, видя, что раздѣлъ земли плебеямъ совершается противъ воли отцовъ, онъ полагалъ, что ему представляется поводъ тѣмъ настойчивѣе нападать на Сервія предъ сенаторами и усиливать свое вліяніе въ куріи. И римскій царствующій домъ явилъ примѣръ трагическаго злодѣянія, такъ что свобода явилась раньше, потому что цари успѣли надоѣсть, и царствованію, пріобрѣтенному преступленіемъ, суждено было быть послѣднимъ. У этого Л. Тарквинія—не вполнѣ ясно, былъ ли

онъ сынъ, или внукъ царя Тарквинія Древняго,—на основаніи большинства свидѣтелей я склоняюсь считать его сыномъ—былъ братъ Аррунтъ Тарквиній, юноша кроткаго характера. За нихъ, какъ выше было сказано, были выданы двѣ дочери царя Тулліи, также вовсе не похожія одна на другую по характеру. Случайно брачныя узы соединили не два стремительныхъ нрава, полагаю, по волѣ судебъ римскаго народа, чтобы царствованіе Туллія было продолжительнѣе и могли окрѣпнуть государственные порядки. Свирѣпая Туллія не могла успокоиться, что мужъ ея вовсе не имѣетъ наклонности ни къ честолюбивымъ замысламъ, ни къ дерзкимъ предпріятіямъ; обративъ свое вниманіе всецѣло на другого Тарквинія, она восхищается имъ, называетъ его истиннымъ мужемъ и потомкомъ царской крови; негодуетъ на сестру, которая имѣетъ такого мужа, но не обнаруживаетъ смѣлости, доступной и женщинѣ. Какъ обыкновенно случается, сходство скоро сближаетъ ихъ; зло вѣдь больше всего тяготѣетъ ко злу. Но начало всеобщаго безпорядка произошло отъ женщины. Она, привыкши къ тайнымъ бесѣдамъ съ чужимъ мужемъ, не стѣснялась въ выраженіи презрѣнія къ своему мужу предъ братомъ его, къ сестрѣ предъ мужемъ ея; настаиваетъ, что ей лучше бы остаться въ дѣвушкахъ, а ему холостымъ, чѣмъ вступить въ неравный бракъ и изнывать отъ чужого малодушія. Если бы боги дали ей мужа, какого она достойна, то скоро она увидѣла бы у себя въ домѣ царскую власть, которую теперь видитъ у отца. Вскорѣ свое безразсудство она передаетъ юношѣ: Аррунтъ Тарквиній и Туллія младшая, освободившись для новаго брака двумя непосредственно слѣдовавшими одно за другимъ убійствами, сочетаются брачными узами скорѣе безъ возраженій со стороны Сервія, чѣмъ съ одобренія его.

47. Съ этого времени старость Сервія и его власть

стала со дня на день подвергаться большей опасности. Отъ одного преступленія женщина уже спѣшитъ къ другому и не даетъ ни ночью, ни днемъ мужу покоя, побуждая его не оставлять безцѣльными прежнихъ убійствъ; было у нея чьей называться женой и съ кѣмъ молча переносить рабство; но не было человѣка, который бы считалъ себя достойнымъ царства, который бы помнилъ, что онъ сынъ Тарквинія Древняго, который бы предпочиталъ имѣть, а не надѣяться только на царство. „Если ты тотъ, за кого я думала выйти, то я привѣтствую тебя и мужемъ, и царемъ; если же нѣтъ, то я сдѣлала тѣмъ худшую перемѣну, что въ тебѣ съ трусостью соединена преступность. Но воспрянь! тебѣ не нужно, какъ отцу твоему, домогаться царства въ чужой странѣ, происходя изъ Коринѳа или Тарквиній; боги — пенаты, унаслѣдованные отъ отца, отцовское изображеніе [1]), царскій домъ, а въ домѣ царскій тронъ и имя Тарквиній избираетъ и называетъ тебя царемъ. Или, если у тебя не хватаетъ на то мужества, то къ чему ты обманываешь государство? зачѣмъ ты допускаешь смотрѣть на тебя, какъ на царственнаго юношу? Уходи отсюда въ Тарквиніи или въ Коринѳъ, вернись назадъ къ незначительному роду, ты, похожій болѣе на брата, чѣмъ на отца!“ Этими и иными рѣчами укоряетъ и подстрекаетъ она юношу и сама не можетъ успокоиться, что хотя она происходитъ изъ царскаго рода, но царская власть даруется и отнимается помимо ея, тогда какъ Танаквиль, женщина иноземнаго происхожденія, могла имѣть настолько рѣшимости, что два раза подъ рядъ дала царство—разъ мужу, а затѣмъ зятю. Возбужденный этой безумной страстью женщины, Тарквиній ходитъ и заискиваетъ расположеніе преимущественно у младшихъ сенаторовъ, напоминаетъ имъ о

1) См. примѣч. къ гл. 34.

благодѣяніи своего отца и за то проситъ себѣ благодарности; юношей привлекаетъ подарками; свое вліяніе онъ всюду усиливаетъ, и давая щедрыя обѣщанія, и взводя обвиненія на царя. Наконецъ, полагая, что уже настало время дѣйствовать, онъ врывается на форумъ въ сопровожденіи толпы вооруженныхъ. Затѣмъ, среди всеобщаго ужаса онъ садится на царскомъ мѣстѣ впереди въ куріи и приказываетъ глашатаю созвать сенаторовъ въ курію къ царю Тарквинію. Скоро сошлись всѣ: одни уже ранѣе были къ тому подготовлены, другіе опасались, въ случаѣ неявки, навлечь на себя бѣду и, ошеломленные небывалымъ случаемъ, думали, что съ Сервіемъ уже покончено. Здѣсь Тарквиній началъ злословить самое его происхожденіе; этотъ рабъ и сынъ рабыни послѣ возмутительной смерти его родителя захватилъ царство, получивъ его въ даръ отъ женщины, не назначивъ, согласно прежнему обычаю, междуцарствія, не собравъ комицій, не получивъ голосовъ народа и утвержденія отцовъ. Будучи такого происхожденія и такъ ставъ царемъ, онъ покровительствовалъ людямъ низшаго класса, къ которому принадлежалъ и самъ, и, завидуя почетному положенію другихъ, раздѣлилъ самымъ презрѣннымъ людямъ поле, отнятое у первыхъ людей государства; всѣ повинности, нѣкогда бывшія общими, онъ сложилъ на самыхъ состоятельныхъ. Онъ установилъ цензъ, чтобы имущество богатыхъ было извѣстно и возбуждало зависть, а вмѣстѣ, чтобы былъ готовъ источникъ, откуда, въ случаѣ желанія, можно было бы раздавать нуждающимся. **48**. Во время этой рѣчи явился Сервій, вызванный трепещущимъ отъ страха вѣстникомъ, и вдругъ громкимъ голосомъ изъ преддверія куріи заговорилъ такъ: „Что это значитъ, Тарквиній? что за дерзость, смѣть при жизни моей созывать сенаторовъ и садиться на мое сѣдалище?“ Тотъ яростно возразилъ на это, что онъ занимаетъ мѣсто своего отца, что онъ царскій сынъ,

болѣе полноправный наслѣдникъ царства, чѣмъ рабъ; достаточно долго онъ, благодаря дерзости, велъ свою игру и издѣвался надъ господами. Тутъ сторонники того и другого подняли крикъ, народъ бѣжалъ въ курію, и становилось ясно, что царствовать будетъ тотъ, кто побѣдитъ. Тогда Тарквиній, вынужденный уже самою силою необходимости, рѣшается на крайнее средство: будучи сильнѣе и по возрасту своему, и по сложенію, онъ схватываетъ въ охапку Сервія и, вытащивъ его изъ куріи, бросаетъ внизъ по ступенямъ; затѣмъ возвращается въ курію, чтобы собрать сенаторовъ. Прислужники и свита царя бѣгутъ; самъ же онъ, полуживой, былъ убитъ посланными Тарквинія, которые настигли его, когда онъ бѣжалъ. Полагаютъ, что это сдѣлано было по приказанію Тулліи, что согласно со всѣмъ ея преступнымъ поведеніемъ. По крайней мѣрѣ точно извѣстно, что, выѣхавъ на форумъ въ колесницѣ и не стѣсняясь присутствіемъ мужчинъ, она вызвала мужа изъ куріи и первая привѣтствовала его царемъ. Онъ приказалъ ей удалиться изъ этой шумной толпы. Когда она возвращалась домой и, достигнувъ верхней части Кипрской улицы,—еще недавно тамъ было капище Діаны, — чтобы въѣхать на Эсквилійскій холмъ, хотѣла повернуть направо на Урбійскую возвышенность, испуганный возница остановился и сдержалъ лошадей, показывая госпожѣ на лежавшій трупъ Сервія. Тутъ, по преданію, совершилось позорное и нечеловѣческое злодѣяніе, памятникомъ котораго остается это мѣсто, именуемое Злодѣйской улицей: преслѣдуемая тѣнью сестры и мужа и обезумѣвшая отъ этого, Туллія, какъ говорятъ, погнала лошадей черезъ трупъ отца и, осквернившись и обрызгавшись сама кровью, пролитою при умерщвленіи его, принесла часть ея на окровавленной колесницѣ къ пенатамъ своимъ и своего мужа; разгнѣванные, они послали дурное начало царствованія, а вскорѣ подобный же конецъ. Сервій

Туллій царствовалъ 44 года и притомъ такъ, что даже доброму и скромному преемнику трудно было состязаться съ нимъ. Впрочемъ слава его усилилась еще тѣмъ, что вмѣстѣ съ нимъ прекратились царствованія, основанныя на правѣ и законѣ. Нѣкоторые свидѣтельствуютъ, что даже эту, столь кроткую и умѣренную, власть, потому что она была властью одного, онъ имѣлъ въ виду сложить, если бы злодѣйство, вышедшее изъ нѣдръ его семьи, не разрушило его плана освободить отечество.

49. Послѣ того началъ царствовать Л. Тарквиній, прозванный по дѣламъ своимъ Гордымъ, за то, что не позволилъ похоронить тестя, говоря, что и Ромулъ исчезъ безъ погребенія, и за то, что онъ истребилъ сенаторовъ, которыхъ считалъ сторонниками Сервія. Затѣмъ онъ окружилъ себя тѣлохранителями, сознавая, что съ него самого противъ него же можно взять примѣръ пріобрѣтенія царства преступленіемъ; и въ самомъ дѣлѣ, онъ не имѣлъ никакого другого права царствовать, кромѣ права силы, такъ какъ правилъ безъ рѣшенія народа и безъ утвержденія отцовъ. Кромѣ того, такъ какъ онъ вовсе не могъ полагаться на расположеніе гражданъ, то ему приходилось ограждать свою власть страхомъ; чтобы внушить его большему числу людей, онъ производилъ самъ безъ совѣтниковъ разслѣдованіе уголовныхъ дѣлъ и такимъ образомъ получалъ возможность казнить, отправлять въ изгнаніе и лишать имущества не только людей подозрительныхъ или ненавистныхъ, но и такихъ, отъ которыхъ могъ ждать только добычи. Уменьшивъ такимъ образомъ преимущественно число отцовъ, онъ рѣшилъ никого не выбирать на ихъ мѣсто, чтобы этимъ сословіемъ по самой малочисленности его можно было пренебрегать и чтобы меньше было съ его стороны неудовольствій на то, что все рѣшается безъ него; ибо онъ первый изъ царей уничтожилъ существовавшій прежде обычай обо всемъ совѣщаться съ сенатомъ и управлялъ

государствомъ, привлекая на совѣты лишь домашнихъ. Онъ начиналъ и кончалъ войны, заключалъ и нарушалъ миръ, договоры, соглашенія, съ кѣмъ хотѣлъ самъ, безъ воли народа и сената. Больше всего онъ привлекалъ къ себѣ народъ латинскій, чтобы, опираясь и на иноземную помощь, быть въ большей безопасности среди согражданъ, и не только заводилъ съ ихъ старѣйшинами дружбу, но даже вступалъ въ родство. За Октавія Мамилія Тускуланца — онъ былъ знаменитѣе всѣхъ въ латинскомъ племени, если вѣрить преданію, сынъ Одиссея и богини Цирцеи, — онъ выдалъ дочь свою и благодаря этому браку привлекъ на свою сторону многочисленныхъ его родственниковъ и друзей.

50. Пріобрѣвъ уже большой авторитетъ среди латинской знати, Тарквиній издаетъ повелѣніе собраться въ опредѣленный день въ рощѣ Ферентины [1]); онъ-де имѣетъ сдѣлать сообщеніе по общему дѣлу. На разсвѣтѣ сбирается много народу; самъ же Тарквиній день то запомнилъ, но явился однако немного ранѣе заката солнца. Тамъ цѣлый день много было въ собраніи разныхъ разговоровъ. Турнъ Гердоній, родомъ изъ Ариціи, жестоко нападалъ на отсутствующаго Тарквинія; нечего де дивиться, что его прозвали въ Римѣ Гордымъ — ибо, хотя втихомолку, шепоткомъ, но всѣ уже называли его такъ; — или можно представить большую гордость, чѣмъ издѣваться такъ надъ всѣмъ латинскимъ племенемъ? вызвавъ издалека изъ дому первыхъ людей государства, самъ, назначившій собраніе, не является! Конечно онъ испытываетъ ихъ терпѣніе, желая угнетать покорныхъ, въ случаѣ они пойдутъ подъ ярмо; кому въ самомъ дѣлѣ не ясно, что онъ домогается власти надъ латинянами? Если его сограждане хорошо поступили, ввѣривъ ему власть, или вѣрнѣе сказать, если

1) На С. концѣ Альбанскаго озера.

она дѣйствительно ему ввѣрена, а не похищена имъ при помощи отцеубійства, то даже при этомъ условіи латиняне не должны поступить такъ, потому что онъ чужеземецъ; если же свои страдаютъ отъ него, такъ какъ онъ убиваетъ однихъ за другими, посылаетъ въ изгнаніе, лишаетъ имущества, то что предвѣщаетъ латинянамъ лучшія надежды? Если они послушаются его, то всѣ разойдутся по домамъ и забудутъ о днѣ собранія, какъ забылъ о немъ самъ назначившій его. Пока этотъ мятежный и преступный человѣкъ, подобными средствами пріобрѣтшій дома значеніе, разсуждалъ въ такомъ родѣ, явился Тарквиній. Рѣчь на этомъ и кончилась; всѣ отвернулись привѣтствовать Тарквинія. Когда водворилась тишина, онъ, по совѣту приближенныхъ, — оправдаться, что пришелъ такъ поздно, — заявляетъ, что былъ выбранъ третейскимъ судьей между отцомъ и сыномъ, что, стараясь примирить ихъ, запоздалъ, и такъ какъ настоящій день потерянъ, то онъ будетъ завтра говорить то, о чемъ собирался сказать сегодня. Говорятъ, что и тутъ Турнъ не смолчалъ; онъ сказалъ, что не бываетъ разслѣдованія короче, какъ между отцомъ и сыномъ, что дѣло можно покончить немногими словами: если-де не послушаешься отца, то тебѣ будетъ плохо.

51. Сказавъ это противъ римскаго царя, ариційскій гражданинъ ушелъ изъ собранія. Огорченный этимъ гораздо болѣе, чѣмъ казалось, Тарквиній тотчасъ замышляетъ убить Турна, чтобы навести на латинянъ тотъ же страхъ, при помощи котораго онъ держалъ въ трепетѣ народъ дома. Но, не имѣя власти убить его открыто, онъ погубилъ его безъ вины, выставивъ противъ него ложное обвиненіе. При посредствѣ нѣкоторыхъ гражданъ Ариціи, принадлежавшихъ къ противной партіи, онъ подкупилъ золотомъ раба Турна позволить принести тайно въ его палатку большое количество мечей.

Когда это было сдѣлано въ одну ночь, Тарквиній немного раньше разсвѣта призываетъ къ себѣ старѣйшинъ латинскихъ и, точно напуганный неожиданностью, заявляетъ, что вчерашнее замедленіе, случившееся какъ бы по волѣ боговъ, спасло и его, и ихъ. Говорятъ-де, что Турнъ собирался убить его и старѣйшинъ, чтобы одному править латинянами; онъ имѣлъ въ виду сдѣлать нападеніе вчера въ собраніи, но дѣло отложено было по причинѣ отсутствія виновника собранія, на котораго онъ преимущественно и посягалъ. Оттого-то онъ и нападалъ такъ на отсутствующаго, что вслѣдствіе опозданія его потерялъ надежду. Если доносъ вѣренъ, то, конечно, на разсвѣтѣ, когда соберутся въ собраніе, онъ, явится съ отрядомъ заговорщиковъ и съ оружіемъ; говорятъ, что къ нему свезено большое число мечей. Сейчасъ же можно узнать, ложь это, или нѣтъ. Онъ проситъ ихъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Турну. Возбуждали подозрѣніе и суровый характеръ Турна, и вчерашняя рѣчь его, и опозданіе Тарквинія, такъ какъ очевидно было, что оно могло разстроить замыселъ объ убійствѣ. Они идутъ готовыми повѣрить обвиненію, но въ то же время рѣшившись признать все ложью, если не будутъ найдены мечи. Когда они прибыли туда, Турнъ былъ разбужденъ и окруженъ стражей; рабы, изъ преданности къ господину собиравшіеся сопротивляться, были схвачены, а когда изъ всѣхъ угловъ палатки стали вытаскивать спрятанные мечи, то дѣло признано было яснымъ, и на Турна надѣты цѣпи. И немедленно поднимается страшный шумъ и созывается собраніе латинянъ. Когда мечи были вынесены на средину, то послѣдовалъ такой взрывъ негодованія, что безъ суда была совершена небывалая казнь: онъ былъ сброшенъ въ истокъ Ферентинскаго ключа и потопленъ тамъ, послѣ того какъ его голова была покрыта плетенкой и онъ былъ заваленъ каменьями[1]).

1) Ср. IV 50 и примѣч.

52. Созвавъ затѣмъ снова латинянъ на собраніе и похваливъ ихъ за то, что они по заслугѣ казнили Турна за попытку произвести переворотъ, за очевидное покушеніе на убійство, Тарквиній держалъ рѣчь въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ, конечно, дѣйствовать, опираясь на старинное право, такъ какъ всѣ латиняне, происходя изъ Альбы, связаны договоромъ, по которому все альбанское государство вмѣстѣ съ колоніями уже со времени Тулла подчинилось римской власти; но ради общей пользы онъ предпочитаетъ возобновить этотъ договоръ и сдѣлать латинянъ участниками благополучія народа римскаго, освободивъ ихъ отъ необходимости постоянно ожидать или терпѣть разореніе городовъ и опустошеніе полей, которымъ они подвергались сперва въ царствованіе Анка, а потомъ въ царствованіе его отца. Латинянъ не трудно было убѣдить: хотя по этому договору римское государство оказывалось выше, но вожди латинскаго племени, очевидно, были за одно и соглашались съ царемъ, да и недавняя судьба Турна служила напоминаніемъ каждому о грозящей ему опасности, въ случаѣ сопротивленія. Такимъ образомъ возобновленъ былъ договоръ, и младшему поколѣнію латинянъ приказано было, согласно договору, въ опредѣленный день явиться къ рощѣ Ферентины вооруженными и въ большомъ числѣ. Когда, согласно вызову римскаго царя, сошлись представители всѣхъ народовъ, онъ, не желая, чтобы они имѣли своего вождя, отдѣльное главное начальство или собственныя знамена, соединилъ манипулы латинянъ и римлянъ, составляя изъ двухъ полуманипуловъ одинъ полный манипулъ, а изъ полнаго манипула—два полуманипула[1]);

1) Полуманипулъ латинскій и полуманипулъ римскій соединялись въ одинъ манипулъ, затѣмъ воины того и другого племени пополамъ распредѣлялись въ каждый полуманипулъ. Командовали этими смѣшанными манипулами 2 римскихъ центуріона. Прежній порядокъ,

составленные такимъ образомъ изъ двухъ частей манипулы ввѣрены были центуріонамъ.

53. Впрочемъ онъ не былъ такимъ дурнымъ предводителемъ на войнѣ, какимъ несправедливымъ царемъ въ мирное время; напротивъ, въ этомъ искусствѣ онъ сравнялся бы съ прежними царями, если бы испорченность его въ другихъ отношеніяхъ не помѣшала и этой славѣ. Онъ первый поднялъ войну противъ вольсковъ, продолжавшуюся болѣе 200 лѣтъ послѣ него, и взялъ у нихъ Свессу Пометійскую. Набравъ отъ продажи добычи 40 талантовъ серебра [1]), онъ задумалъ соорудить такой величественный храмъ Юпитеру, чтобы онъ достоинъ былъ царя боговъ и людей, достоинъ былъ римскаго государства, наконецъ самаго величія мѣста. Добытыя деньги были отложены на сооруженіе этого храма. Затѣмъ онъ занялся войной, затянувшейся сверхъ ожиданія: открытое нападеніе на сосѣдній городъ Габіи было неудачно, отнята была и надежда на осаду города, такъ какъ царь былъ прогнанъ отъ стѣнъ и, наконецъ онъ прибѣгъ къ хитрости и коварству—средствамъ вовсе не римскимъ. Ибо когда онъ, какъ бы оставивъ войну, прикинулся занятымъ закладкою храма и другими городскими сооруженіями, сынъ его Секстъ, младшій изъ трехъ, преднамѣренно перебѣжалъ въ Габіи, жалуясь на невыносимую жестокость отца; съ чужихъ де онъ перенесъ гордость уже и въ отношенія къ своимъ, ему надоѣла даже многочисленность дѣтей, и онъ хочетъ такъ же опустошить домъ, какъ опустошилъ курію, чтобы не оставить потомства, не оставить наслѣдника престола. Онъ по крайней мѣрѣ, спасшись отъ направленнаго противъ него оружія отца, считаетъ себя въ безопасности только у враговъ Тарквинія. Пусть они не заблуждаются, онъ только прикидывается покинувшимъ войну; она продолжается и, воспользовавшись случаемъ, онъ нападетъ на нихъ неожиданно. Итакъ, если у нихъ нѣтъ мѣста умоляющимъ о помощи, то онъ обойдетъ весь Лацій, затѣмъ отправится къ вольскамъ, эквамъ и герникамъ, пока не найдетъ такихъ людей, которые сумѣютъ защитить дѣтей отъ жестокихъ и безбожныхъ истязаній родителей. Можетъ быть, онъ найдетъ и желаніе начать войну и выступить съ оружіемъ противъ гордаго царя и жестокаго народа. Сдѣлавъ видъ, что онъ возмущенъ и собирается итти оттуда дальше, если они не задержатъ его, онъ былъ ласково принятъ жителями Габій. Нечего дивиться, разсуждали они, что каковъ онъ былъ съ гражданами, каковъ былъ съ союзниками, такимъ въ концѣ концовъ онъ сталъ и по отношенію къ дѣтямъ; если не будетъ противъ кого, то онъ еще станетъ неистовствовать противъ себя; они весьма рады его прибытію и полагаютъ, что въ скоромъ времени, при его помощи, война отъ воротъ Габій будетъ перенесена подъ стѣны Рима.

по которому всякое племя составляло собственный отрядъ и имѣло своего командира, признанъ былъ ненадежнымъ.

[1]) Около 58,000 руб. золот.

54. Затѣмъ его начали приглашать на общественныя совѣщанія. Здѣсь, объявляя себя во всѣхъ другихъ вопросахъ согласнымъ со старожилами Габій, какъ людьми болѣе опытными, самъ онъ постоянно настаивалъ на войнѣ, и въ этомъ дѣлѣ приписывалъ себѣ особенный авторитетъ, такъ какъ ему извѣстны силы обоихъ народовъ и онъ знаетъ, что гордость царя навѣрное ненавистна гражданамъ, если даже дѣти оказались не въ состояніи выносить ее. Побуждая такимъ образомъ постепенно знатнѣйшихъ габинянъ къ возобновленію войны, самъ онъ съ наиболѣе отважными юношами предпринималъ набѣги съ цѣлью грабежа, а вводя ихъ въ обманъ всѣми словами и дѣлами, увеличивалъ довѣріе къ себѣ, конечно, неосновательное, и въ концѣ

концовъ былъ избранъ вождемъ для этой войны. Тутъ, пока происходили незначительныя стычки, перевѣсъ въ большинствѣ случаевъ оказывался на сторонѣ габинянъ, и такъ какъ масса не знала цѣли всѣхъ этихъ дѣйствій, то знатнѣйшіе и самые простые габиняне наперерывъ другъ передъ другомъ вѣрили, что Секстъ Тарквиній богами посланъ имъ въ вожди. А принимая одинаковое участіе въ опасностяхъ и трудахъ и раздѣляя щедро добычу, онъ пріобрѣлъ такое расположеніе среди воиновъ, что Тарквиній отецъ не былъ сильнѣе въ Римѣ, чѣмъ сынъ въ Габіяхъ. Итакъ, видя, что силъ собрано достаточно для любого предпріятія, онъ посылаетъ одного изъ приближенныхъ въ Римъ къ отцу спросить, что онъ долженъ дѣлать, такъ какъ боги даровали ему стать всемогущимъ въ Габіяхъ. Этому вѣстнику, вѣроятно, потому, что онъ казался не особенно надежнымъ, на словахъ не дано было отвѣта; но, какъ бы размышляя, царь перешелъ въ находившійся при домѣ садъ, въ сопровожденіи вѣстника сына и, прогуливаясь здѣсь, молча, говорятъ, сталъ сбивать палкою головки мака. Утомленный вопросами и ожиданіемъ отвѣта, вѣстникъ вернулся въ Габіи, все равно что ничего не сдѣлавъ; передаетъ, что онъ самъ сказалъ и что видѣлъ; вслѣдствіи ли раздраженія, или ненависти, или врожденной гордости, царь не сказалъ-де ни одного слова. Когда Сексту стало ясно, чего хочетъ отецъ и какое онъ даетъ ему наставленіе обинявами безъ словъ, онъ истребляетъ знатнѣйшихъ габинянъ, однихъ при помощи обвиненія предъ народомъ, другихъ, пользуясь ненавистью, вызванною ихъ собственными дѣйствіями. Многіе были убиты открыто, другіе, обвиненіе которыхъ не могло быть достаточно внушительно,—тайно. Нѣкоторымъ, если они того хотѣли, предоставлено было бѣжать, другіе были отправляемы въ изгнаніе, а имущество отсутствующихъ, наравнѣ съ имуществомъ умерщвленныхъ, шло въ раздѣлъ. Это было источникомъ щедрыхъ раздачъ и наживы; и чувство удовольствія, испытываемое отдѣльными людьми отъ выгоды, отнимало сознаніе общественной бѣды, пока осиротѣлая и безпомощная габинская община не была передана безъ битвы въ неограниченную власть римскому царю.

55. Овладѣвъ Габіями, Тарквиній заключилъ миръ съ эквами, а съ тусками возобновилъ договоръ. Затѣмъ онъ сосредоточилъ свое вниманіе на городскихъ сооруженіяхъ; первымъ его дѣломъ было воздвигнуть храмъ Юпитеру на горѣ Тарпейской, который долженъ былъ остаться памятникомъ его царствованія и имени царей Тарквиніевъ, изъ коихъ отецъ далъ обѣтъ [1]), а сынъ выполнилъ его. И чтобы вся площадь не принадлежала никакому другому божеству, кромѣ одного Юпитера и его храма, который сооружался, онъ рѣшилъ снять посвященіе съ капищъ и часовенъ, которыхъ тамъ было нѣсколько; они сперва были обѣщаны царемъ Таціемъ въ критическій моментъ битвы противъ Ромула, а затѣмъ освящены и посвящены [2]). Разсказываютъ, что при закладкѣ этого сооруженія боги явили свою силу, чтобы показать величіе государства: допустивъ снятіе посвященія со всѣхъ остальныхъ капищъ, птицы не согласились на таковое же при храмѣ Термина, и это знаменіе и гаданіе было понято въ томъ смыслѣ, что, такъ какъ сѣдалище Термина не было сдвинуто, такъ какъ онъ одинъ изъ всѣхъ боговъ не былъ вызванъ изъ посвященныхъ ему предѣловъ, то это предвѣщаетъ прочность и незыблемость всего государства. За этимъ знаменіемъ вѣчности послѣдовало другое, предвѣщавшее величіе государства: когда рыли землю для фундамента,

1) См. гл. 38.

2) О посвященіи см. гл. 10; оно предшествовало освященію: о послѣднемъ см. II 8.

говорятъ, найдена была человѣческая голова съ сохранившимися чертами лица. Это явленіе совершенно ясно предсказывало, что тотъ храмъ будетъ твердыней государства и главою его, и въ этомъ смыслѣ высказывались какъ тѣ прорицатели, которые были въ городѣ, такъ и тѣ, которые для совѣщанія объ этомъ были вызваны изъ Этруріи. Царь все болѣе и болѣе не жалѣлъ затратъ; такимъ образомъ помптинской добычи, предназначавшейся, чтобы довести зданіе до вершины, едва хватило на фундаментъ. Тѣмъ болѣе я склоненъ вѣрить Фабію — помимо его древности, — что это было только 40 талантовъ, чѣмъ Пизону, который сообщаетъ, что на этотъ предметъ было отложено 40 тысячъ фунтовъ серебра: такой суммы нельзя было ожидать отъ добычи съ одного тогдашняго города, и ея во всякомъ случаѣ не превысила бы стоимость фундамента даже теперешнихъ великолѣпныхъ зданій. **56**. Стараясь окончить храмъ и вызывая мастеровъ отовсюду изъ Этруріи, онъ пользовался для этого не только общественными деньгами, но и работой простого народа. Хотя этотъ трудъ, весьма тяжелый самъ по себѣ, присоединялся къ военной службѣ, но народъ не такъ тяготился, сооружая своими руками храмы боговъ, какъ послѣ, когда его стали переводить на другія работы, менѣе видныя, но гораздо болѣе трудныя—сооруженія ложъ въ циркѣ и проведеніе подъ землей главной трубы для вмѣщенія всѣхъ городскихъ нечистотъ. Современное великолѣпіе едва ли можетъ выставить что-нибудь равное этимъ двумъ сооруженіямъ. Занявъ этими работами простой народъ и въ то же время полагая, что, по миновании надобности, населеніе будетъ въ тягость городу, а также желая высылкою колоній расширить предѣлы государства, онъ основалъ колоніи Сигнію и Цирцею, будущій оплотъ города на морѣ и на сушѣ.

Въ это время явилось страшное предзнаменованіе:

изъ деревянной колонны выползла змѣя; это обстоятельство произвело смятеніе и бѣготню въ царскомъ дворцѣ, но въ сердце царя вселило не внезапный ужасъ, а постоянное тревожное чувство. Итакъ, въ то время какъ для общественныхъ знаменій приглашаемы были только этрусскіе прорицатели, пораженный этимъ, такъ сказать, домашнимъ видѣніемъ, онъ рѣшилъ послать въ Дельфы къ славнѣйшему на землѣ оракулу; но, не рѣшаясь довѣрить отвѣтъ оракула кому-нибудь другому, онъ послалъ двухъ сыновей въ Грецію чрезъ невѣдомыя въ то время земли и еще болѣе невѣдомыя моря. Отправились Титъ и Аррунтъ. Въ спутники имъ данъ былъ Л. Юній Брутъ, сынъ сестры царя Тарквинія, юноша далеко не такого слабаго ума, какимъ онъ прикидывался. Узнавъ по слухамъ, что знатнѣйшіе люди, въ томъ числѣ его братъ, перебиты дядей, онъ рѣшилъ не давать мѣста въ душѣ царя ни страху передъ его умомъ, ни желанію воспользоваться его состояніемъ и жить безопасно, подвергая себя презрѣнію тамъ, гдѣ мало было надежды на право. Итакъ, нарочито прикинувшись глупымъ и предоставивъ себя въ распоряженіе царя, а имущество въ добычу ему, онъ не отказался и отъ прозвища Брута [1]), чтобы, скрываясь подъ прикрытіемъ его, тотъ, которому суждено было освободить римскій народъ, выждалъ своего времени. Его-то тогда Тарквиніи взяли съ собой въ Дельфы скорѣе ради потѣхи, чѣмъ какъ спутника, и онъ, говорятъ, понесъ въ даръ Аполлону золотую палку, спрятанную въ вишневую, нарочно для того выдолбленную, символически изображая свой умъ. Прибывъ туда и выполнивъ порученіе отца, юноши пожелали узнать, къ кому изъ нихъ перейдетъ царская власть въ Римѣ. Говорятъ, что изъ глубины пещеры раздался голосъ: „вер-

---

[1]) Т. е. тупоумнаго; вѣрнѣе впрочемъ, что прозвище подало поводъ къ составленію сообщаемаго разсказа.

ховную власть въ Римѣ будетъ имѣть тотъ изъ васъ, юноши, кто первый поцѣлуетъ мать". Тарквиніи строго приказываютъ молчать объ этомъ, чтобы Секстъ, оставшійся въ Римѣ, не зналъ объ отвѣтѣ и не получилъ власти; сами же между собой предоставляютъ рѣшить жребію, кому первому по возвращеніи въ Римъ поцѣловать мать. А Брутъ, полагая, что голосъ Пиѳіи имѣетъ въ виду другое, какъ бы поскользнувшись, упалъ и поцѣловалъ землю, потому, конечно, что она общая мать всѣхъ людей. Затѣмъ они вернулись въ Римъ, гдѣ шли усиленныя приготовленія къ войнѣ противъ рутуловъ.

57. Рутулы, народъ по тѣмъ мѣстамъ и по тому времени весьма богатый, владѣли Ардеей. Это-то обстоятельство и было причиною войны, такъ какъ царь римскій, истощивъ средства на великолѣпныя общественныя сооруженія, желалъ обогатиться самъ и задобрить поживой гражданъ, которые, негодуя на царскую власть за разныя проявленія гордости царя, возмущались и тѣмъ, что онъ такъ долго пользуется ими, какъ ремесленниками и рабами. Попробовали, нельзя ли взять Ардею приступомъ; когда же это не удалось, то начали тѣснить врага обложеніемъ и осадными сооруженіями. На этой стоянкѣ, какъ это обычно при болѣе продолжительной, чѣмъ ожесточенной войнѣ, отпуски были довольно свободные, хотя больше для знатныхъ людей, чѣмъ для простыхъ воиновъ; такъ царскіе юноши проводили досужее время въ своемъ кругу, иногда среди пировъ и попоекъ. Когда они бражничали у Секста Тарквинія и въ числѣ ихъ находился и Тарквиній Коллатинъ, сынъ Эгерія, случайно вспомнили о женахъ; каждый чрезвычайно расхваливалъ свою. Когда разгорѣлся споръ, то Коллатинъ замѣтилъ, что нечего тратить слова, что чрезъ нѣсколько часовъ можно убѣдиться, насколько его Лукреція выше другихъ. „Если въ насъ есть юношескія силы, то сядемъ на коней и увидимъ воочію характеръ нашихъ женъ: что представится взорамъ неожиданно пріѣхавшаго мужа, то и должно быть для каждаго наиболѣе убѣдительнымъ". Они были разгорячены виномъ; „ну, конечно!" заявили всѣ. Пришпоривъ коней, они ускакали въ Римъ. Прибывъ туда въ началѣ сумерекъ, они отправляются въ Коллацію, гдѣ находятъ Лукрецію не какъ царскихъ невѣстокъ, которыя проводили время въ роскошномъ пиру со сверстницами, а занятой въ позднюю ночь пряжей, сидящей посрединѣ дома и окруженной прилежными служанками. Побѣда въ этомъ состязаніи женъ была за Лукреціей. Прибывшій мужъ и Тарквиніи были приняты привѣтливо, и побѣдитель-супругъ любезно приглашаетъ царскихъ сыновей. Тутъ Секстомъ Тарквиніемъ овладѣла преступная страсть опозорить насильно Лукрецію; плѣняла его и красота и всѣмъ извѣстное цѣломудріе. Но тогда съ ночной юношеской прогулки они возвращаются въ лагерь.

58. Чрезъ нѣсколько дней С. Тарквиній, безъ вѣдома Коллатина, съ однимъ провожатымъ отправляется въ Коллацію. Не зная о его намѣреніи, его приняли привѣтливо и послѣ обѣда отвели въ спальню для гостей; пылая страстью и видя, что вокругъ все безопасно и всѣ спятъ, обнаживъ мечъ, онъ явился къ спящей Лукреціи и, схвативъ ее лѣвою рукою за грудь, сказалъ: „Молчи, Лукреція; я С. Турквиній; въ рукахъ у меня мечъ; если ты издашь хоть звукъ, то умрешь". Испуганной со сна, безпомощной женщинѣ, видѣвшей предъ собою смерть, Тарквиній сталъ признаваться въ любви, просить, примѣшивать къ мольбамъ угрозы, съ разныхъ сторонъ дѣйствовать на женскій умъ. Но, видя, что она упорна и не поддается даже предъ страхомъ смерти, онъ къ угрозѣ присоединяетъ безчестіе: убивъ-де ее, онъ положитъ съ ней зарѣзаннаго нагого

раба, чтобы говорили, что она убита во время гнуснаго прелюбодѣянія. Когда страсть, побѣда которой была только кажущаяся, одержала при помощи этой угрозы верхъ надъ упорнымъ цѣломудріемъ, и Тарквиній удалился оттуда, гордый безчестіемъ женщины, опечаленная столь великой бѣдой, Лукреція послала одного и того же вѣстника въ Римъ къ отцу и въ Ардею къ мужу, прося ихъ явиться каждаго съ однимъ вѣрнымъ другомъ; такъ-де нужно и притомъ очень скоро; случилось ужасное дѣло. Сп. Лукрецій является съ П. Валеріемъ, сыномъ Волеза, Коллатинъ съ Л. Юніемъ Брутомъ; случайно возвращаясь съ нимъ въ Римъ, онъ повстрѣчался съ вѣстникомъ жены. Они находятъ печальную Лукрецію сидящею въ спальнѣ. При прибытіи своихъ она заплакала и на вопросъ мужа: „все-ли благополучно?“ отвѣчала: „нѣтъ. Какое можетъ быть благополучіе для женщины, когда она потеряла цѣломудріе? На твоемъ ложѣ, Коллатинъ, слѣды чужого мужа; но осквернено только тѣло, душа же невинна; смерть моя будетъ ручаться за то; но дайте руку и слово, что это не пройдетъ безнаказанно прелюбодѣю. С. Тарквиній тотъ, который, явившись врагомъ подъ видомъ гостя, въ прошедшую ночь насильно съ оружіемъ въ рукахъ унесъ отсюда наслажденіе, гибельное для меня и для себя, если вы мужи!“ Всѣ по порядку даютъ слово; утѣшаютъ печальную, слагая вину съ принужденной на виновника позора: погрѣшаетъ духъ, а не тѣло, и гдѣ нѣтъ намѣренія, тамъ нѣтъ и вины. „Вы рѣшите, чему онъ повиненъ“, сказала она: „я же, не признавая за собой грѣха, не освобождаю себя отъ казни; и никакая, нарушившая цѣломудріе, не будетъ жить, ссылаясь на примѣръ Лукреціи“. И она вонзила въ сердце ножъ, который спрятанъ былъ подъ одеждой и, склонивъ голову къ ранѣ, упала замертво. Мужъ и отецъ вскрикнули.

59. Пока тѣ плакали, Брутъ, держа предъ собою

извлеченный изъ раны Лукреціи мечъ, обагренный кровью, сказалъ: „этою непорочною до царской обиды кровью я клянусь и васъ, боги, призываю въ свидѣтели, что буду преслѣдовать Л. Тарквинія Гордаго съ его преступной женой и всѣми потомками мечемъ, огнемъ и чѣмъ только буду въ состояніи, и не позволю ни имъ, ни кому-либо другому царствовать въ Римѣ“. Затѣмъ онъ передаетъ ножъ Коллатину, затѣмъ Лукрецію и Валерію, оцѣпенѣвшимъ отъ удивленія, откуда это въ Брутѣ невѣдомый доселѣ умъ. Они клянутся, какъ имъ было приказано; затѣмъ, смѣнивъ слезы на гнѣвъ, слѣдуютъ за Брутомъ, призывавшимъ прямо оттуда же идти, чтобы отнять силою царскую власть. Вынесши тѣло Лукреціи изъ дому, они идутъ съ нимъ на форумъ и возбуждаютъ населеніе, дивящееся, какъ и слѣдовало ожидать, небывалому дѣлу и негодующее. Каждый жалуется на царское злодѣяніе и насиліе. Производитъ впечатлѣніе печаль отца, порицанія, высказываемыя Брутомъ слезамъ и безсильнымъ жалобамъ, и совѣтъ его взять оружіе противъ дерзнувшихъ на безбожное дѣло: такъ подобаетъ мужамъ, такъ подобаетъ римлянамъ. Наиболѣе храбрые юноши добровольно являются съ оружіемъ, за ними слѣдуютъ и остальные. Затѣмъ, оставивъ часть у воротъ Коллаціи для охраны и поставивъ караулы, чтобы кто-нибудь не извѣстилъ царскую семью объ этомъ движеніи, остальные вооруженные, подъ предводительствомъ Брута, отправились въ Римъ. Прибывъ туда, вооружаенная толпа производитъ смуту и панику всюду, гдѣ ни появляется; однако, видя, что впереди идутъ знатнѣйшіе люди, полагаютъ, что это, какъ-бы то ни было, что-то важное. И это ужасное событіе произвело не меньшее движеніе въ Римѣ, чѣмъ немного ранѣе въ Коллаціи. Итакъ изъ всѣхъ частей города бѣгутъ на форумъ. Когда всѣ собрались туда,

глашатай созвалъ народъ къ трибуну „Быстрыхъ“ [1]), въ каковой должности тогда случайно состоялъ Брутъ. Здѣсь онъ держалъ рѣчь, обнаружившую далеко не такой слабый умъ и способности, какія онъ притворно показывалъ до того дня, — о насиліи и похотливости С. Тарквинія, о неслыханномъ оскорбленіи Лукреціи и ея печальной смерти, о сиротствѣ Триципитина, для котораго причина смерти дочери болѣе возмутительна и прискорбна, чѣмъ самая смерть. Прибавлено было и о гордости самого царя и о страданіяхъ и трудахъ народа, принужденнаго копать рвы и клоаки; римскіе граждане, побѣдители всѣхъ сосѣднихъ народовъ, изъ воиновъ превращены въ ремесленниковъ и каменьщиковъ. Упомянуто и о возмутительномъ убіеніи царя Сервія Туллія, и о томъ, что безбожная дочь проѣхала въ колесницѣ по трупу отца, сдѣлано возваніе и къ богамъ — мстителямъ за родителей Упомянувши объ этихъ ужасныхъ преступленіяхъ, а, вѣроятно, и о другихъ, что подсказывало негодованіе противъ настоящихъ событій и что не легко воспроизвести писателю, онъ заставилъ возмущенную толпу лишить царя власти и изгнать Л. Тарквинія съ женою и дѣтьми. Самъ же, выбравъ и вооруживъ юношей, вызвавшихся добровольно, отправился оттуда въ лагерь въ Ардею бунтовать войско противъ царя; высшую власть въ городѣ онъ оставилъ Лукрецію, который уже раньше царемъ назначенъ былъ префектомъ города. Среди этого смятенія Туллія бѣжала изъ дому и, гдѣ она ни появлялась, мужчины и женщины проклинали ее и призывали фурій, мстительницъ за родителей.

60. Когда вѣсть объ этомъ дошла въ лагерь, царь, смущенный неожиданностью, отправился въ Римъ, чтобы подавить движеніе, а Брутъ, узнавъ о его приближеніи, свернулъ съ дороги, чтобы не повстрѣчаться; и почти въ одно время разными дорогами прибыли Брутъ въ Ардею, а Тарквиній въ Римъ. Предъ Тарквиніемъ были заперты ворота и ему объявлено изгнаніе; напротивъ освободитель города былъ съ радостью принятъ въ лагерѣ, дѣти же царя изгнаны оттуда. Двое послѣдовали за отцомъ, отправившись въ изгнаніе въ Церу въ Этруріи. С. Тарквиній, ушедшій въ Габіи, точно въ свое царство, былъ убитъ въ отмщеніе за прежнюю вражду, которую онъ навлекъ на себя убійствами и грабежомъ. Л. Тарквиній Гордый царствовалъ 25 лѣтъ. Царская власть въ Римѣ отъ основанія города до освобожденія его продолжалась 244 года. Затѣмъ центуріатскими комиціями [1]), созванными префектомъ города, были выбраны, на основаніи записокъ Сервія Туллія [2]), два консула [3]) — Л. Юній Брутъ и Л. Тарквиній Коллатинъ.

[1]) Ср. гл. 15.

[1]) На этихъ собраніяхъ ежегодно принимаютъ участіе въ выборахъ всѣ граждане вмѣстѣ — патриціи и плебеи.

[2]) Этой прибавкой Ливій хочетъ придать характеръ законности совершившемуся перевороту.

[3]) Самъ Ливій (III 55) говоритъ, что въ первое время не было имени консуловъ, а эти должностныя лица назывались преторами.

КНИГА II.

---

1. Отсюда я начну повѣствовать о подвигахъ, совершенныхъ уже свободнымъ римскимъ народомъ въ мирное и военное время, о ежегодно смѣняющихся магистратахъ и господствѣ законовъ, болѣе прочномъ, чѣмъ господство людей. Гордость послѣдняго царя сдѣлала свободу болѣе пріятной: ибо первые цари царствовали такъ, что всѣ одинъ за другимъ совершенно заслуженно считаются основателями по крайней мѣрѣ частей города, которыя они вновь присоединяли, чтобы поселять тамъ прибавившихся при нихъ гражданъ. И нѣтъ сомнѣнія, что тотъ же Брутъ, который пріобрѣлъ такую славу изгнаніемъ царя Тарквинія Гордаго, оказалъ бы очень дурную услугу государству, если бы, несвоевременно увлеченный страстью къ свободѣ, исторгъ власть у кого-нибудь изъ предшествовавшихъ царей. Вѣдь что было бы, если бы среди того сброда пастуховъ и пришельцевъ, бѣжавшихъ изъ своихъ родныхъ странъ, добившихся подъ охраною неприкосновеннаго храма свободы, или по крайней мѣрѣ безнаказанности, сброда, не сдерживаемаго страхомъ предъ царемъ, начались волненія, вызванныя трибунскими смутами, и граждане, живя въ чужомъ городѣ, начали враждовать съ патриціями, прежде чѣмъ успѣли сблизиться между собою, женившись и обзаведшись семьями, а съ теченіемъ времени привязавшись и къ самой землѣ? Раздоры разсѣяли бы слабые

еще элементы государства, которые спокойное управленіе укрѣпило и, постепенно развивая, довело до той зрѣлости, при которой уже возможны добрые плоды свободы. Начало свободы надо видѣть въ томъ, что консульская власть сдѣлана была годичною, а не въ какомъ-нибудь ограниченіи царской власти. Первые консулы удержали всѣ права и всѣ знаки ея; были приняты мѣры только противъ того, чтобы страхъ не оказался удвоеннымъ, если оба одновременно будутъ имѣть ликторовъ [1]). Съ согласія товарища, Брутъ первый имѣлъ ликторовъ; впослѣдствіи онъ съ такимъ же рвеніемъ охранялъ свободу, съ какимъ въ началѣ добивался ея: прежде всего, чтобы впослѣдствіи царскія просьбы или дары не могли поколебать народъ, съ жадностью ухватившійся за невѣдомую свободу, онъ заставилъ его поклясться, что онъ не допуститъ никого царствовать въ Римѣ. Затѣмъ, чтобы самая многочисленность сената содѣйствовала усиленію этого сословія, онъ посредствомъ избранія старѣйшихъ изъ всадниковъ пополнилъ до 300 число сенаторовъ, уменьшившееся вслѣдствіе казней, произведенныхъ царемъ; по преданію, отсюда установился обычай, чтобы были приглашаемы [2]) въ сенатъ „patres“ (отцы) и „conscripti“ (приписанные); именемъ conscripti [3]) называли избранныхъ послѣ, какъ новый сенатъ. Это

---

[1]) На этотъ счетъ показанія авторовъ расходятся: одни говорятъ, что каждый консулъ имѣлъ по 12 ликторовъ, и всѣ они носили fasces, сѣкиры же передавались поочередно каждый мѣсяцъ ликторамъ консула, ведущаго текущія дѣла; самъ Ливій высказывается въ этомъ смыслѣ гл. 55. По свидѣтельству другихъ, упоминаемый здѣсь Ливіемъ порядокъ былъ установленъ Валеріемъ Публиколой.

[2]) Глашатаемъ (praeco).

[3]) Наименованіе всѣхъ членовъ римскаго сената „patres conscripti“ есть сокращеніе изъ patres et conscripti, при чемъ подъ patres разумѣлись сенаторы, пріобрѣтшіе это право по рожденію; образуя особую корпорацію, они, напр., избирали изъ своей среды междуцаря; conscripti были вновь присоединенные изъ плебеевъ сенаторы.

удивительно помогло установленію согласія въ государствѣ и привязанности плебеевъ къ патриціямъ. **2**. Затѣмъ позаботились о церковныхъ дѣлахъ. Такъ какъ нѣкоторыя жертвоприношенія за государство были совершаемы самими царями, то, чтобы въ чемъ-нибудь отсутствіе царя не стало замѣтнымъ, выбираютъ царя-жреца. Этотъ жрецъ былъ подчиненъ понтифику, чтобы почетъ, связанный съ этимъ именемъ, не оказался помѣхою свободѣ, о которой тогда имѣли наибольшее попеченіе. И, пожалуй, даже перешли мѣру, ограждая ее со всѣхъ сторонъ, даже въ самыхъ пустыхъ дѣлахъ: такъ напр., у одного изъ консуловъ, безупречнаго во всѣхъ отношеніяхъ, имя оказалось ненавистнымъ государству: очень-де Тарквиніи привыкли царствовать; начало положилъ Древній; затѣмъ царствовалъ Сервій Туллій; Тарквиній Гордый даже во время перерыва не забылъ о царствѣ, какъ о чемъ-то чужомъ, и захватилъ его путемъ преступнаго насилія, точно свою родовую наслѣдственную собственность; по изгнаніи Гордаго, власть оказывается у Коллатина: Тарквиніи не могутъ жить частными людьми! Не нравится имя: оно опасно для свободы. Такія мысли, которыми сперва исподволь испытывали настроеніе народа, распространились по всему государству, и Брутъ сзываетъ на собраніе народъ, встревоженный подозрѣніемъ. Здѣсь онъ прежде всего читаетъ клятву народа, что онъ не допустить никого царствовать или даже быть въ Римѣ такому человѣку, отъ котораго могла бы грозить опасность свободѣ. Отъ этого всячески надо остерегаться и нельзя пренебрегать ничѣмъ, относящимся сюда. Не охотно-де говоритъ онъ въ виду личности, о которой идетъ рѣчь, и не сталъ бы говорить, если бы любовь къ государству не одерживала верхъ: не вѣритъ римскій народъ въ прочность пріобрѣтенной свободы; царскій родъ, царское имя не только остается въ государствѣ, но и пользуется властью; это противодѣйствуетъ, это стоитъ на дорогѣ свободѣ. „Устрани ты этотъ страхъ добровольно, Л. Тарквиній“, говоритъ онъ: „признаемся, мы помнимъ, что ты изгналъ царей; заверши же свое благодѣяніе, удали отсюда царское имя! По совѣту моему, граждане не только выдадутъ тебѣ все твое имущество, но даже сдѣлаютъ щедрую прибавку, если тебѣ чего-нибудь недостаетъ. Уйди другомъ; освободи государство отъ страха, быть можетъ, неосновательнаго; всѣ убѣждены, что вмѣстѣ съ родомъ Тарквиніевъ устранена будетъ отсюда царская власть“. Сперва консулъ отъ удивленія предъ этимъ новымъ для него и неожиданнымъ обстоятельствомъ не могъ сказать ни слова; затѣмъ, когда онъ попробовалъ заговорить, то его окружили главныя лица государства и начали усиленно просить о томъ же. Всѣ эти рѣчи, однако, производили на него не особенное впечатлѣніе; когда же началъ говорить Спурій Лукрецій, старшій по возрасту и по почету, и притомъ тесть его, то прибѣгая къ просьбамъ, то къ убѣжденіямъ, чтобы онъ преклонился предъ единодушной волей государства, тогда консулъ, опасаясь, что, по возвращеніи его въ частную жизнь, все это будетъ приведено въ исполненіе съ лишеніемъ его всего состоянія да еще съ присоединеніемъ какого-нибудь безчестія, отказался отъ консульства и, перевезши все свое имущество въ Лавиній, удалился изъ государства. Брутъ, согласно постановленію сената, внесъ къ народу предложеніе, чтобы всѣ, принадлежащіе къ роду Тарквиніевъ, объявлены были изгнанниками. Въ центуріатскихъ комиціяхъ онъ избралъ себѣ въ товарищи П. Валерія, содѣйствовавшаго ему при изгнаніи царей.

3. Хотя никто не сомнѣвался, что со стороны Тарквиніевъ грозитъ война, но она послѣдовала позже, чѣмъ можно было ожидать; впрочемъ, сверхъ чаянія, свобода едва не была потеряна вслѣдствіе коварства и

измѣны. Между римской молодежью было нѣсколько юношей довольно знатнаго происхожденія, страстямъ которыхъ во время господства царей было больше простора; то были сверстники и пріятели молодыхъ Тарквиніевъ, привыкшіе жить безъ стѣсненій. Тогда же, по уравненіи правъ всѣхъ, тоскуя по прежней волѣ, они начали жаловаться другъ передъ другомъ, что свобода другихъ обратилась для нихъ въ рабство; царь человѣкъ, разсуждали они, а потому у него можно выпросить необходимое, будетъ ли то законно, или незаконно; тутъ есть мѣсто расположенію, благодѣянію; онъ можетъ и гнѣваться и миловать; онъ умѣетъ различить друга и недруга; между тѣмъ законы глухи, неумолимы, удобнѣе и лучше для слабаго, чѣмъ для сильнаго, и, если преступишь предѣлъ, то нѣтъ тебѣ ни снисхожденія, ни милости! Рискованное дѣло, среди столькихъ человѣческихъ заблужденій, жить, опираясь лишь на невинность! Когда уже само собой существовало такого рода недовольство, являются царскіе послы, требуя лишь выдачи имущества и ни словомъ не упоминая о возвращеніи царей. Когда ихъ требованіе было выслушано въ сенатѣ, то совѣщаніе о немъ продолжалось нѣсколько дней; опасались, что отказъ въ выдачѣ можетъ подать поводъ къ войнѣ, а выдача послужитъ средствомъ и помощью вести ее. Между тѣмъ послы начали усиленно хлопотать о другомъ: открыто требуя возврата имущества, они тайно строили планы возстановленія царской власти и испытывали настроеніе знатныхъ молодыхъ людей, обходя ихъ, будто бы съ цѣлью добиться того, о чемъ они говорили. Кто выслушивалъ безъ возраженій ихъ рѣчи, тѣмъ они передавали письма отъ Тарквиніевъ и вели переговоры о томъ, чтобы ночью тайкомъ впустить семью царя въ городъ. **4**. Сперва это дѣло было довѣрено братьямъ Вителліямъ и Аквиліямъ; сестра Вителліевъ была замужемъ за консуломъ Бру-

томъ, и отъ этого брака были дѣти, уже юноши, Титъ и Тиберій; дяди сдѣлали и ихъ участниками своего плана; кромѣ того, привлечены были къ этому замыслу еще нѣсколько знатныхъ юношей, имена которыхъ утратились съ теченіемъ времени. Между тѣмъ въ сенатѣ взяло верхъ мнѣніе, что имущество слѣдуетъ выдать; это самое обстоятельство послужило для пословъ основаніемъ оставаться въ городѣ, такъ какъ они испросили у консуловъ срокъ на приготовленіе телѣгъ для вывоза царскаго имущества; все это время они проводили въ совѣщаніяхъ съ заговорщиками и своими настояніями добились того, чтобы имъ дано было письменное удостовѣреніе къ Тарквиніямъ: вѣдь какимъ-де образомъ иначе они могутъ повѣрить, что послы докладываютъ имъ о столь важномъ дѣлѣ не вымышленное? Письма были даны; но, будучи предназначены служить гарантіей вѣрности дѣла, они помогли открыть преступленіе. Ибо, когда наканунѣ отъѣзда къ Тарквиніямъ послы случайно обѣдали у Вителліевъ, и заговорщики, удаливъ свидѣтелей, вели тамъ между собой, по обыкновенію, длинныя бесѣды о своей затѣѣ, ихъ разговоръ подслушалъ одинъ изъ рабовъ; онъ уже и раньше подозрѣвалъ, въ чемъ дѣло, но ждалъ момента, когда посламъ будутъ вручены письма, захвативъ которыя можно было изобличить заговоръ. Увидавъ, что они вручены, онъ донесъ о случившемся консуламъ. Консулы, вышедши изъ дому, чтобы арестовать пословъ и заговорщиковъ, безъ шума захватили врасплохъ весь заговоръ; прежде всего озаботились, чтобы письма не были уничтожены. Измѣнники немедленно были закованы, а относительно пословъ нѣсколько призадумались, и хотя они были признаны виновными въ дѣлѣ, за которое ихъ слѣдовало считать врагами, тѣмъ не менѣе международное право восторжествовало. **5**. Дѣло относительно имущества царскаго, которое рѣшили было

выдать, поступило вновь на разсмотрѣніе сената. Подъ вліяніемъ раздраженія сенатъ запретилъ выдачу, но запретилъ и конфискацію въ казну: оно было отдано на разграбленіе народу, чтобы, получивъ часть этой добычи, онъ навсегда потерялъ надежду на примиреніе съ царями. Поле Тарквиніевъ, находившееся между городомъ и Тибромъ, посвящено было Марсу и стало послѣ того называться „Марсовымъ полемъ". Говорятъ, что тамъ была посѣяна пшеница, и она уже созрѣла для жатвы, но такъ какъ ѣсть плоды съ этого поля было грѣшно [1]), то масса народу, пущенная одновременно на ниву, срѣзавъ хлѣбъ, перетащила его вмѣстѣ съ соломою въ коробахъ въ Тибръ, въ которомъ было мало воды, какъ это обыкновенно бываетъ среди жаркаго времени. Вслѣдствіе этого кучи хлѣба, останавливаясь на мелкихъ мѣстахъ, затянуты были тиной; изъ этого и другихъ туда же нанесенныхъ предметовъ, которые безъ разбора несетъ теченіе рѣки, образовался мало-по-малу островъ. Послѣ, вѣроятно, сдѣлана была насыпь, и вообще труды рукъ человѣческихъ помогли образованію возвышенной площади, достаточно прочной даже для сооруженія храмовъ [2]) и портиковъ. По расхищеніи царскаго имущества, измѣнники были осуждены и казнены; казнь эта потому особенно бросалась въ глаза, что консульское званіе налагало на отца обязанность наказать дѣтей, и того именно, котораго слѣдовало удалить, какъ зрителя, судьба сдѣлала исполнителемъ казни. Стояли привязанными къ позорному столбу знатнѣйшіе юноши; но отъ всѣхъ остальныхъ, точно неизвѣстныхъ, отвлекали всеобщее вниманіе дѣти консула и вызывали

1) Такъ какъ поле было посвящено божеству, то считалось преступнымъ, чтобы люди пользовались плодами его.

2) Это insula Tiberina, на которомъ былъ сооруженъ храмъ Эскулапу.

сожалѣніе столько-же наказаніемъ, сколько преступленіемъ, которымъ они заслужили его: они рѣшились предать нѣкогда гордому царю, а нынѣ враждебному изгнаннику отечество, только въ тотъ годъ освобожденное, отца освободителя, консульство, основанное домомъ Юніевъ, сенаторовъ, народъ, наконецъ всѣхъ римскихъ боговъ и гражданъ! Консулы сѣли на свои сѣдалища и послали ликторовъ совершать казнь. Раздѣвъ ихъ, они сѣкутъ розгами и казнятъ сѣкирами, и во все время обращало на себя вниманіе выраженіе лица отца и при совершеніи предписанной закономъ казни ясно проявилось родительское чувство [1]). Послѣ казни виновныхъ, чтобы дать и въ томъ, и въ другомъ отношеніи [2]) достойный примѣръ для удержанія отъ преступленій, назначена была награда донесшему — деньги изъ казны, освобожденіе и право гражданства. Говорятъ, что онъ первый былъ освобожденъ „розгою" [3]); по мнѣнію нѣкоторыхъ, самое названіе „vindicta" произошло отъ него, такъ какъ его имя было Виндицій. Послѣ него

1) По разсказу другихъ писателей, Брутъ сохранялъ безучастное выраженіе лица; Ливій, находя это неестественнымъ, измѣнилъ редакцію сказанія.

2) Т. е. и наказаніемъ виновныхъ, и наградою донесшему властямъ о грозящей опасности.

3) Одна изъ формъ отпущенія на волю называлась manumissio vindicta. Это была фиктивная процедура заявленія въ судѣ, что обладаніе вещью—въ данномъ случаѣ рабомъ—представляется спорнымъ. Для совершенія этого акта необходимы были, кромѣ отпускаемаго на волю раба, 3 лица: преторъ, предъ которымъ дѣлалось заявленіе, господинъ раба и лицо, оспаривающее принадлежность раба господину—сперва другъ его, а послѣ обыкновенно ликторъ Это лицо, касаясь раба палочкой (vindicta или festuca), заявляло, что онъ свободенъ; господинъ, взявъ раба за руку, заявлялъ свое согласіе на то, что онъ свободенъ, и выпускалъ его руку. Преторъ на основаніи этихъ заявленій присуждалъ свободу. — Сообщаемая Ливіемъ со словъ другихъ этимологія, разумѣется, невѣрна; напротивъ Vindicius произошло отъ описаннаго акта.

было соблюдаемо, чтобы освобождаемые этимъ способомъ признаваемы были гражданами.

6. Получивъ извѣстіе о случившемся, Тарквиній, подъ вліяніемъ не только огорченія, что рушатся его великія надежды, но также ненависти и раздраженія, рѣшилъ готовиться къ открытой войнѣ, послѣ того какъ увидѣлъ, что путь для коварства прегражденъ. И вотъ умоляя онъ сталъ обходить города Этруріи; больше всего онъ упрашивалъ жителей Вей и Тарквиній, чтобы они не допустили его, ихъ соотечественника, одной съ ними крови, погибнуть на ихъ глазахъ вмѣстѣ съ юношами-сыновьями изгнанникомъ, нищимъ, который еще недавно обладалъ столь сильнымъ царствомъ. Другіе изъ чужой земли были призываемы въ Римъ на царство, а онъ, царь, прогнанъ преступными заговорщиками изъ близкихъ ему людей, какъ разъ въ то время, когда былъ на войнѣ, заботясь объ увеличеніи римскаго государства. Не нашедши одного человѣка, достойнаго царствовать, они расхитили власть по частямъ; имущество его они отдали на разграбленіе народу, чтобы не осталось никого, кто бы не былъ участникомъ злодѣянія. Онъ хочетъ вернуться въ свое отечество и получить назадъ царскую власть, хочетъ преслѣдовать неблагодарныхъ гражданъ. Пусть они поддержатъ его, помогутъ ему; пусть они отомстятъ вмѣстѣ и за свои прежнія обиды — многократное избіеніе легіоновъ [1]) и отнятіе полей. Эти рѣчи подѣйствовали на вейентовъ, и они грозно и громко заявляютъ, что, хоть подъ предводительствомъ римскаго вождя, слѣдуетъ уничтожить позоръ и вернуть потерянное на войнѣ. Жителей Тарквиній побуждало имя царя и родство съ нимъ: лестнымъ представлялось, чтобы ихъ соотечественники царствовали въ Римѣ. Такимъ образомъ двѣ арміи двухъ

[1]) Обычное у Ливія перенесеніе римскихъ наименованій разныхъ учрежденій на учрежденія другихъ народовъ.

государствъ пошли за Тарквиніемъ добиваться возвращенія царства и преслѣдовать войною римлянъ. Когда непріятель вступилъ въ римскую область, консулы вышли ему на встрѣчу: Валерій велъ пѣхоту, выстроивъ ее въ карре; впереди для развѣдокъ шелъ Брутъ съ кавалеріей. Такъ точно впереди непріятельскаго войска шла конница подъ начальствомъ царскаго сына, Аррунта Тарквинія; самъ царь съ легіонами шелъ сзади. Узнавъ издали по ликторамъ консула, а затѣмъ ближе и яснѣе увидавъ и лицо Брута, Аррунтъ съ гнѣвомъ воскликнулъ: „вотъ тотъ человѣкъ, который изгналъ насъ изъ отечества; вонъ онъ величественно выступаетъ, украшенный нашими знаками власти! Боги, мстители за царей, помогите мнѣ!“ Онъ даетъ шпоры лошади и въ ярости направляетъ ее на самого консула. Брутъ замѣтилъ, что онъ идетъ на него. Въ то время считалось почетнымъ, чтобы вожди лично участвовали въ битвѣ: поэтому онъ съ жаромъ бросается на встрѣчу поединку. Забывъ о прикрытіи своего тѣла, лишь бы ранить врага, они съ такимъ ожесточеніемъ налетѣли одинъ на другого, что оба, пронзивъ сквозь щитъ другъ друга, съ копьями въ ранахъ упали замертво съ коней. Въ то же время началась общая кавалерійская битва, а немного спустя подошла и пѣхота. Побѣда склонялась то на ту, то на другую сторону и была почти нерѣшительной: съ обѣихъ сторонъ побѣдилъ правый флангъ, а лѣвый былъ побѣжденъ. Вейенты, привыкшіе терпѣть пораженія отъ римлянъ, были разсѣяны и обращены въ бѣгство, зато тарквинійцы, новые враги, не только устояли, но даже прогнали находившихся противъ нихъ римлянъ. **7.** Послѣ такого сраженія на Тарквинія и этрусковъ напалъ столь великій ужасъ, что ночью обѣ арміи, вейентская и тарквинійская, оставивъ свое предпріятіе, какъ напрасное, разошлись по домамъ. Присоединяютъ чудесные разсказы объ этой битвѣ: среди

тишины слѣдующей ночи изъ Арсійскаго лѣса слышенъ былъ громкій голосъ; признали его за голосъ Сильвана; онъ сказалъ слѣдующее: „въ битвѣ пало однимъ этрускомъ больше; побѣда на сторонѣ римлянъ“. По крайней мѣрѣ, благодаря этому, римляне ушли оттуда, какъ побѣдители, а этруски, какъ побѣжденные: послѣ того какъ разсвѣло, и не видно было никого изъ враговъ, консулъ П. Валерій собралъ доспѣхи и съ тріумфомъ вернулся оттуда въ Римъ. Товарища онъ похоронилъ съ возможною для того времени торжественностью; но гораздо болѣе почетнымъ для погибшаго былъ общественный трауръ, замѣчательный особенно тѣмъ, что матроны оплакивали его годъ, какъ отца, за то, что онъ явился столь суровымъ мстителемъ за оскорбленіе цѣломудрія.

Затѣмъ оставшійся въ живыхъ консулъ, пользовавшійся расположеніемъ, не только возбудилъ зависть, но даже подвергся подозрѣнію, соединенному съ ужаснымъ обвиненіемъ; такъ измѣнчиво настроеніе толпы! Молва гласила, что онъ стремится къ царской власти, такъ какъ не потребовалъ выбора товарища на мѣсто Брута и строилъ себѣ домъ на вершинѣ Веліи: это-де сооружается неприступная крѣпость на высокомъ и укрѣпленномъ мѣстѣ. Эти рѣчи и довѣріе къ нимъ въ народѣ возмущали духъ консула, а потому, созвавъ гражданъ на собраніе, онъ съ опущенными пучками прутьевъ вошелъ на каѳедру. Пріятно было толпѣ видѣть, что знаки власти преклонились передъ ней, и такимъ образомъ признано, что выше величіе и сила народа, а не консула. Здѣсь, потребовавъ вниманія, консулъ хвалилъ судьбу своего товарища, такъ какъ онъ, освободивъ отечество, въ высшей должности, сражаясь за родину, умеръ на верху славы, когда она не успѣла еще обратиться въ ненависть; онъ же, переживъ свою славу, спасенъ для ненавистнаго обвиненія и, будучи освободителемъ

отечества, приравненъ къ Аквиліямъ и Вителліямъ [1]. „Неужели же“, сказалъ онъ, „никогда никакая доблесть не будетъ уважаема у васъ настолько, чтобы ее не могло оскорбить подозрѣніе? мнѣ ли, жесточайшему врагу царей, было бояться, что я самъ подвергнусь обвиненію въ стремленіи къ царской власти? мнѣ ли было думать, что меня могутъ бояться сограждане, хотя бы я поселился въ самомъ кремлѣ и на Капитоліи? отъ столь ничтожнаго обстоятельства зависитъ у васъ моя репутація? неужели до того слабо обосновано довѣріе ко мнѣ, что важнѣе, гдѣ я, чѣмъ кто я? не помѣшаетъ вашей свободѣ, Квириты, домъ Публія Валерія; безопасна будетъ для васъ Велія. Я снесу свой домъ не только на ровное мѣсто, но даже поставлю его подъ горой, чтобы вы жили выше меня, подозрительнаго гражданина; пусть на Веліи строятся тѣ, которымъ лучше можно довѣрить свободу, чѣмъ П. Валерію!“ Немедленно весь матеріалъ былъ свезенъ подъ Велію, и домъ построенъ у подножья холма, гдѣ теперь находится храмъ Вики Поты [2].

8. Затѣмъ консулъ предложилъ законопроекты, которые не только освобождали его отъ подозрѣнія въ домогательствѣ царской власти, но до такой степени повернули дѣло совсѣмъ въ другую сторону, что сдѣлали его любимцемъ народа, почему и дано было ему прозваніе Публикола. Особенно пріятны были толпѣ законопроекты объ аппелляціи къ народу на рѣшеніе магистратовъ и объ объявленіи внѣ покровительства законовъ и конфискаціи имущества того, кто замыслитъ захватить царскую власть. Послѣ того какъ онъ провелъ ихъ одинъ, чтобы одному пользоваться и благодарностью за нихъ,

---

[1] См. гл. 4.

[2] Богиня могущества и побѣды (отъ корней гл. vincere и potiri, potis).

подъ его предсѣдательствомъ состоялись комиціи для избранія товарища. Консуломъ былъ выбранъ Сп. Лукрецій, который уже не имѣлъ по преклонности возраста достаточно силъ для исполненія консульскихъ обязанностей и умеръ черезъ нѣсколько дней. На мѣсто Лукреція избранъ былъ М. Горацій Пульвиллъ. У нѣкоторыхъ древнихъ писателей я не нахожу имени консула Лукреція; на мѣсто Брута они ставятъ прямо Горація; память о немъ утратилась, вѣроятно, потому, что онъ не прославилъ своего консульства никакимъ дѣяніемъ.

Храмъ Юпитера на Капитоліи не былъ еще освященъ; консулы Валерій и Горацій бросили жребій, кому сдѣлать это; жребій палъ на Горація, а Публикола отправился на войну съ Веями. Родственники Валерія огорчились гораздо сильнѣе, чѣмъ слѣдовало, тѣмъ, что освященіе столь славнаго храма предоставляется Горацію; послѣ всевозможныхъ попытокъ помѣшать этому, напрасно испробовавъ всѣ другія средства, въ тотъ моментъ, когда консулъ держалъ уже косякъ храма и молился богамъ [1]), они передаютъ страшную вѣсть, что сынъ его умеръ, и что онъ, членъ пораженнаго несчастіемъ дома, не можетъ освящать храмъ. Не повѣрилъ ли онъ, или былъ столь силенъ духомъ, это не засвидѣтельствовано съ несомнѣнностью, и рѣшеніе вопроса является труднымъ; но при этомъ извѣстіи, онъ, будто-бы, лишь настолько отвлекся отъ дѣла, что приказалъ похоронить его, а затѣмъ, держась за косякъ, окончилъ молитву и освятилъ храмъ.

Вотъ что свершилось въ первый годъ по изгнаніи царей дома и на войнѣ. Затѣмъ были избраны консулами П. Валерій во второй разъ и Т. Лукреций. 246

[1]) Освящающій магистратъ держитъ косякъ двери храма и повторяетъ слова читаемой жрецомъ молитвы, заключающей въ себѣ передачу храма божеству.

[2]) У Ливія недостаетъ наименованія консуловъ того года, когда шла война съ Порсенной, такъ какъ самъ онъ называетъ въ гл. 19 Валерія консуломъ въ четвертый разъ, по нашему же тексту насчитывается всего три консульства его; кромѣ того, по свидѣтельству другихъ историковъ, эта война началась въ 3-й годъ республики.

9. Уже Тарквиніи бѣжали къ Ларту [1]) Порсеннѣ, царю Клузія [2]). Здѣсь, соединяя совѣты и просьбы, они то просили не допускать оставаться нищими въ изгнаніи ихъ, по происхожденію этрусковъ, одной съ ними крови, носящихъ то же имя, то даже совѣтовали не оставлять безъ отмщенія зарождающійся обычай изгонять царей. Свобода-де сама по себѣ достаточно заманчива; если цари не станутъ защищать своей власти съ той же энергіей, съ какой государства домогаются свободы, то высшіе сравняются съ низшими; не будетъ въ государствахъ ничего высокаго, ничего выдающагося; близокъ конецъ царской власти, учрежденія прекраснѣйшаго, какое только существуетъ у боговъ и у людей. Порсенна, считая для этрусковъ весьма почетнымъ какъ то, чтобы въ Римѣ былъ царь, такъ особенно то, чтобы онъ былъ этрусскаго племени, двинулся съ враждебнымъ войскомъ на Римъ. Никогда раньше сенатъ не былъ въ столь великомъ страхѣ; до того сильно было тогда государство клузійское и велико имя Порсенны. И боялись не только враговъ, но и своихъ гражданъ, опасаясь, какъ бы римская чернь со страха не впустила царей и не приняла мира даже подъ условіемъ рабства. Въ виду этого сенатъ сдѣлалъ въ то время много угоднаго народу. Прежде всего позаботились о продовольствіи, и для закупки хлѣба отправлены были одни въ землю вольсковъ, другіе въ Кумы [3]). Равнымъ

[1]) Лартъ есть титулъ этрусскихъ царей, вѣроятно, значитъ „повелитель".

[2]) Каждый изъ 12 союзныхъ городовъ Этруріи имѣлъ своего царя, но для общихъ предпріятій былъ, вѣроятно, избираемъ одинъ вождь.

[3]) Если опасались недостатка въ продовольствіи, то дѣлались запасы на казенный счетъ, которые затѣмъ продавались гражданамъ по умѣреннымъ цѣнамъ.

образомъ всѣ расходы по добыванію соли были приняты на казенный счетъ и частныя лица лишены были права продавать ее, такъ какъ назначали непомѣрную цѣну; освобожденъ былъ народъ и отъ уплаты пошлинъ и налога на военныя издержки, такъ что вносили ихъ богатые, которые въ состояніи были платить; бѣдные достаточно-де вносятъ, выращивая дѣтей. Благодаря этой снисходительности сенаторовъ, при послѣдовавшихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, во время осады и голода, сохранялось такое согласіе въ государствѣ, что самые безправные столько же страшились имени царя, сколько высокопоставленные, и никто впослѣдствіи не достигъ преступными средствами такой популярности, какой пользовался въ то время весь сенатъ за хорошее управленіе.

10. Когда появились враги, то всѣ изъ деревень переселяются въ городъ; вокругъ самаго города разставляютъ сторожевые отряды. Одни пункты, казалось, были защищены стѣнами, другіе—Тибромъ; мостъ на сваяхъ чуть-чуть не пропустилъ непріятелей, если бы не нашелся одинъ человѣкъ—Горацій Коклесъ: въ лицѣ его въ тотъ день судьба города Рима нашла своего защитника. Находясь случайно на сторожевомъ посту у моста, онъ увидѣлъ, что непріятели, внезапно напавъ, овладѣли Яникульскимъ холмомъ, а оттуда быстро бѣгутъ, тогда какъ его воины въ ужасѣ бросаютъ оружіе и покидаютъ ряды; удерживая отдѣльныхъ воиновъ, становясь имъ на дорогѣ и заклиная ихъ, онъ призывалъ въ свидѣтели боговъ и людей, что они напрасно бѣгутъ, покинувъ постъ; если они перейдутъ и оставятъ за собой мостъ, то въ одинъ мигъ непріятелей будетъ больше на Палатинскомъ и Капитолійскомъ холмѣ, чѣмъ на Яникульскомъ. Поэтому онъ проситъ и объясняетъ имъ, чтобы они разрушили мостъ мечемъ, огнемъ, чѣмъ только они могутъ; онъ же встрѣтитъ напоръ вра-

говъ и окажетъ имъ возможное для одного сопротивленіе. Затѣмъ онъ идетъ къ входу на мостъ и, выдѣляясь изъ толпы бѣглецовъ, спины которыхъ были видны, оружіемъ, обращеннымъ на врага для того, чтобы вступить врукопашную, онъ озадачилъ его самой своей неслыханной дерзостью. Впрочемъ, стыдъ удержалъ съ нимъ двухъ—Сп. Ларція и Т. Герминія, мужей знаменитыхъ происхожденіемъ и подвигами. Вмѣстѣ съ ними онъ короткое время выдерживалъ первое нападеніе и самую ожесточенную схватку; затѣмъ, когда оставалась уже небольшая часть моста, и разрушавшіе звали ихъ къ себѣ, онъ заставилъ и этихъ отступить въ безопасное мѣсто. Затѣмъ, грозно обводя суровыми взорами знатнѣйшихъ этрусковъ, онъ то вызываетъ отдѣльныхъ лицъ, то бранитъ всѣхъ, говоря, что они, рабы гордыхъ царей, не знающіе своей свободы, идутъ отнимать чужую. Нѣкоторое время они медлили, смотря одинъ на другого, не начнетъ ли кто бой. Стыдно затѣмъ стало войску и, поднявъ крикъ, они со всѣхъ сторонъ пускаютъ стрѣлы въ одинокаго врага. Такъ какъ всѣ онѣ повисли въ противопоставленномъ щитѣ, а онъ, твердо стоя, съ тѣмъ же упорствомъ продолжалъ защищать мостъ, то непріятели начали уже пытаться столкнуть этого мужа; но вдругъ трескъ разрушеннаго моста, а вмѣстѣ крикъ римлянъ, ободренныхъ окончаніемъ работы, напугалъ враговъ и остановилъ нападеніе. Тогда Коклесъ воскликнулъ: „отецъ Тиберинъ! къ тебѣ, святому, я молюсь, милостиво прими на свои волны это оружіе и этого воина!“ Съ этими словами онъ прыгнулъ въ оружіи въ Тибръ и подъ градомъ сыпавшихся стрѣлъ невредимо переплылъ къ своимъ, дерзнувъ на подвигъ, которому суждено было встрѣтить среди потомства больше славы, чѣмъ вѣры. Государство было благодарно за такую доблесть: на площади для выборовъ была поставлена его статуя и подарено ему столько земли, сколько онъ могъ обвести плугомъ въ день. Ря-

домъ съ общественными почестями выражалось и усердіе частныхъ лицъ: несмотря на крайнюю нужду, каждый по мѣрѣ достатка приносилъ что-нибудь, отнимая у себя насущно необходимое.

11. Потерпѣвъ первую неудачу, Порсенна вмѣсто штурма города рѣшился на осаду его; расположивъ на Яникульскомъ холмѣ гарнизонъ, самъ онъ сталъ лагеремъ на ровномъ мѣстѣ на берегу Тибра, стянувъ отовсюду суда и для карауловъ, чтобы они не допускали подвоза хлѣба въ Римъ, и для того, чтобы они перевозили черезъ рѣку въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ представится случай, воиновъ для грабежа; и въ короткое время онъ сдѣлалъ всю римскую область до того не безопасной, что не только все остальное имущество свозили съ полей въ городъ, но даже сгоняли туда весь скотъ, и никто не рѣшался выпускать его за ворота. Впрочемъ столько простора предоставлено было этрускамъ скорѣе намѣренно, чѣмъ вслѣдствіе страха: консулъ Валерій, ожидая случая врасплохъ напасть на большую и безпорядочную толпу и не желая мстить за пустяки, берегъ силы, чтобы жестоко наказать за болѣе серьезное. Итакъ, съ цѣлью выманить грабителей, онъ велитъ своимъ на слѣдующій день выгнать большое количество скота за Эсквилійскія ворота[1]), наиболѣе удаленныя отъ непріятеля, полагая, что враги узнаютъ объ этомъ, такъ какъ, тѣснимые осадой и голодомъ, невѣрные рабы перебѣгали къ нимъ. И дѣйствительно, они узнали объ этомъ изъ показанія перебѣжчика и, расчитывая захватить всю добычу, переправились черезъ рѣку въ гораздо большемъ числѣ. Тогда П. Валерій приказываетъ Т. Герминію спрятаться съ небольшимъ отрядомъ у второго камня [2]) по дорогѣ въ

[1]) На восточной сторонѣ города.

[2]) Такіе камни, расположенные на каждой милѣ ($1^1/_3$ версты), по-

Габіи, а Сп. Ларцію стоять съ легко вооруженными юношами у Коллинскихъ воротъ [1]), пока непріятель минуетъ ихъ, а затѣмъ выступить оттуда, чтобы отрѣзать ему отступленіе къ рѣкѣ. Одинъ изъ консуловъ, Т. Лукрецій, вышелъ черезъ Невіевы ворота [2]) съ нѣсколькими манипулами, а самъ Валерій вывелъ отборныя когорты съ Целійскаго холма [3]). Ихъ первыхъ увидѣли враги; Герминій, услыхавъ шумъ, выбѣжалъ изъ засады и, повернувъ этрусковъ на Лукреція, рубилъ ихъ съ тылу; крикомъ отвѣчали справа и слѣва—отъ Коллинскихъ и Невіевыхъ воротъ; попавъ въ середину, грабители были перебиты, такъ какъ не были равны силами, чтобы сразиться, а къ отступленію отрѣзаны были всѣ пути. На этомъ кончились столь безпорядочныя нападенія этрусковъ.

12. Осада тѣмъ не менѣе продолжалась, равно какъ и нужда въ хлѣбѣ, который чрезвычайно поднялся въ цѣнѣ, и Порсенна надѣялся взять городъ при помощи обложенія; но въ это время знатный юноша Г. Муцій вознегодовалъ, что римскій народъ въ пору рабства, находясь подъ властью царей, ни въ одну войну и ни однимъ врагомъ не былъ осажденъ, а теперь, освободившись, запертъ тѣми самыми этрусками, войска которыхъ часто разбивалъ; и вотъ, полагая, что слѣдуетъ отмстить за этотъ позоръ какимъ-нибудь великимъ и смѣлымъ предпріятіемъ, онъ сперва хотѣлъ на свой страхъ пробраться въ непріятельскій лагерь; затѣмъ, опасаясь, что, если онъ пойдетъ безъ разрѣшенія консуловъ и безъ чьего бы то ни было вѣдома, то его схватятъ римскіе стражи и приведутъ, какъ перебѣжчика,

ставлены были позже, но Ливій пользуется этимъ обычнымъ способомъ обозначать разстояніе.

[1]) На С.-В. углу стѣнъ. [2]) На Ю. концѣ города, къ Ю.-В. отъ Авентина.

[3]) Воротами, ведущими на В.—porta Caelimontana.

а современное положеніе города будетъ подтверждать это подозрѣніе, — онъ обратился къ сенату. „Я хочу, отцы“, сказалъ онъ, „перейти Тибръ и, если возможно, пробраться въ непріятельскій лагерь не съ цѣлью грабежа и не съ тѣмъ, чтобы мстить за опустошенія; если боги помогутъ, то я имѣю въ умѣ болѣе серіозное дѣло!“ Сенаторы одобряютъ. Спрятавъ подъ одежду мечъ, онъ отправляется. Прибывъ туда, онъ остановился въ самой густой толпѣ предъ трибуналомъ царя. Случайно тамъ происходила раздача жалованья воинамъ, при чемъ секретарь, сидѣвшій вмѣстѣ съ царемъ, почти въ такой же одеждѣ, былъ очень занятъ, и всѣ воины подходили къ нему; боясь спросить, который Порсенна, чтобы не выдать себя сознаніемъ, что онъ не знаетъ царя, и слѣпо слѣдуя руководству судьбы, онъ убилъ вмѣсто царя секретаря. Пробираясь оттуда чрезъ испуганную толпу туда, куда открывалъ ему путь окровавленный мечъ, онъ былъ схваченъ царскими тѣлохранителями, сбѣжавшимися на крикъ; ставъ предъ трибуналомъ царя и въ такую страшную минуту болѣе внушая другимъ боязнь, чѣмъ боясь самъ, онъ сказалъ: „Я римскій гражданинъ; зовутъ меня Г. Муціемъ; какъ врагъ, я хотѣлъ убить врага, а такъ же готовъ умереть, какъ готовъ былъ совершить убійство. Римляне умѣютъ храбро и дѣйствовать, и терпѣть. И не одинъ я замыслилъ это противъ тебя: за мною слѣдуетъ длинный рядъ ищущихъ той же чести. Итакъ, если тебѣ угодно, то приготовься каждый часъ рисковать своей головой и видѣть въ преддверіи своего дворца мечъ врага: такую войну объявляемъ тебѣ мы, римскіе юноши; не бойся войска, не бойся битвы; ты одинъ будешь имѣть дѣло съ отдѣльными людьми!“ Когда царь, воспламененный гнѣвомъ и напуганный опасностью, отдавалъ приказаніе развести кругомъ огни, грозя ему, если онъ не раскроетъ тотчасъ-же, о какихъ засадахъ онъ говорилъ ему загадочно, тотъ отвѣтилъ: „Вотъ тебѣ, чтобы ты понялъ, какъ мало цѣнятъ тѣло тѣ, которые предвидятъ великую славу!“ При этихъ словахъ, онъ положилъ правую руку на огонь, разведенный для жертвоприношенія. Когда онъ жегъ ее, точно ничего не чувствуя, царь, внѣ себя отъ удивленія, вскочилъ со своего сѣдалища, приказалъ оттащить юношу отъ алтаря и сказалъ: „уходи ты, дерзнувшій на болѣе вражеское дѣло противъ себя, чѣмъ противъ меня! я сказалъ бы, исполать тебѣ, если бы твоя доблесть стояла за мое отечество; теперь же я освобождаю тебя отъ отвѣтственности, которой ты подлежалъ по праву войны, и отпускаю отсюда цѣлымъ и невредимымъ!“ Тогда Муцій, какъ бы желая отблагодарить, сказалъ: „Такъ какъ ты чтишь доблесть, то получи въ даръ отъ меня то, чего ты не могъ добиться угрозами: мы, триста лучшихъ римскихъ юношей, поклялись бороться противъ тебя этимъ способомъ; первый жребій палъ на меня; остальные будутъ являться каждый въ свое время, кому придется по жребію, пока судьба не дастъ попасть въ тебя!“

13. По уходѣ Муція, получившаго затѣмъ за потерю правой руки прозвище „Сцевола“ [1]), въ Римъ явились послы отъ Порсенны: первая опасность, отъ которой спасла его только ошибка убійцы, и перспектива подвергаться ей столько разъ, сколько остается заговорщиковъ, произвели на царя такое впечатлѣніе, что онъ самъ предложилъ римлянамъ мирныя условія. Напрасно при этомъ заводилась рѣчь о возвращеніи Тарквиніевъ на царство; впрочемъ, это дѣлалось скорѣе потому, что онъ не могъ отказать въ просьбѣ Тарквиніямъ, чѣмъ потому, чтобы онъ не предвидѣлъ отказа со стороны римлянъ. Но онъ добился возвращенія вейентамъ поля, и римляне вынуждены были дать заложниковъ, если за-

[1]) Лѣвша.

хотят, чтобы был сведен гарнизон с Яникульскаго холма. По заключении мира на этих условиях, Порсенна свел войско с Яникульскаго холма и удалился из римских пределов. Г. Муцию сенаторы за доблесть подарили поле за Тибром, названное потом Муциевыми лугами. Такой почет, оказанный доблести, побудил и женщин к заслугам пред государством: девица Клелия, одна из заложниц, пользуясь тем, что этрусский лагерь находился недалеко от берега Тибра, обманула стражей, предводительствуя отрядом девиц, переплыла через Тибр под вражескими стрелами и вернула их всех в добром здоровьи в Рим родственникам. Когда это было возвещено царю, он прежде всего, под влиянием раздражения, послал в Рим послов требовать выдачи заложницы Клелии; за остальными-де он не гонится; затем, сменив гнев на удивление, он стал говорить, что это дело превышает подвиги Коклесов и Муциев, и заявлял, что, если заложница не будет выдана, то он сочтет договор нарушенным, если же будет выдана, то он отпустит ее невредимою домой. Обе стороны сдержали слово: и римляне вернули залог мира согласно договору, и царь этрусков не только не наказал, но и почтил доблесть и, похвалив девушку, сказал, что дарит ей часть заложников; пусть сама выберет, кого хочет. Говорят, что, когда все они были выведены, то она выбрала несовершеннолетних, что делало честь ея целомудрию, да и сами заложники единодушно одобряли, что освобождаются из рук врага люди того возраста, в котором легче всего обидеть. По возобновлении мира, римляне воздали невиданной доблести женщины небывалый почет, назначив ей конную статую: в верхней части Священной улицы поставлено было изображение девицы, сидящей на коне.

14. В числе формальностей, соблюдаемых при про-

даже добычи, существует обычай, сохранившийся из древности до наших дней, совершенно не согласный с столь мирным отступлением этрусскаго царя от города,—это обычай продавать имущество царя Порсенны. Он непременно или возник во время войн и сохранился затем в мирное время, или же зародился по менее важному поводу, чем показывает название его — продажа имущества врага. Из дошедших до нас объяснений более всех подходит то, по которому Порсенна, уходя с Яникульскаго холма, в виду тогдашней нужды города, возникшей вследствие продолжительной осады, подарил римлянам богатый лагерь, куда свезено было из близких тучных полей Этрурии много хлеба; затем чтобы народ, если его допустить, не разграбил все это, точно вражеское достояние, оно было продано и названо „имуществом Порсенны“; следовательно, это название скорее обозначает благодарность за милость, чем аукционную продажу царскаго имущества, и не бывшаго даже во власти римскаго народа.

Оставив войну с римлянами, Порсенна, чтобы не показалось, что войско напрасно было приведено в эти места, отправил с частью сил сына Аррунта осаждать Арицию. Неожиданность сперва поразила арицийцев; но затем, призвав помощь от латинских народов и из Кум, они прониклись такой надеждой, что отважились решить дело боем. В начале сражения этруски столь стремительно бросились, что первым же натиском разсеяли арицийцев; куманския же когорты, воспользовавшись против силы искусством, несколько уклонились, а когда враги пронеслись вразсыпную вперед, то они, повернув знамена, напали на них с тылу; попав таким образом в средину, этруски, почти уже одержавшие победу, были перебиты. Незначительная часть их, потеряв вождя, в положении и

въ одеждѣ умоляющихъ, безъ оружія бѣжала въ Римъ, не имѣя ближе никакого пристанища. Здѣсь они ласково были приняты и размѣщены, какъ гости. По выздоровленіи отъ ранъ, одни отправились домой, извѣщая о гостепріимномъ обращеніи римлянъ; многихъ удержала въ Римѣ привязанность къ друзьямъ и къ городу. Имъ отведено было мѣсто для поселенія, наименованное послѣ этого Этрусскимъ кварталомъ [1]).

248 г. **15**. Затѣмъ консулами были Сп. Ларцій и Т. Герминій. Въ этотъ годъ въ послѣдній разъ явились отъ Порсенны послы для переговоровъ о возвращеніи на царство Тарквинія. Имъ данъ былъ отвѣтъ, что сенатъ отправитъ къ царю посольство; и дѣйствительно, немедленно снаряжены были наиболѣе почтенные отцы. Вмѣсто отвѣта его посламъ предпочли отправить избранныхъ отцовъ не потому, чтобы нельзя было коротко отвѣтить, что не примутъ царей, но съ тѣмъ, чтобы навсегда прекратить даже упоминаніе объ этомъ, и чтобы люди, оказавшіе столько взаимныхъ услугъ, не тревожили другъ друга: онъ станетъ просить того, что идетъ наперекоръ свободѣ римскаго народа, а римляне, если не захотятъ легкомысленно губить себя, то должны будутъ отказывать человѣку, которому они ни въ чемъ не хотѣли бы отказать. У римскаго народа не царство, а свободное управленіе. Такъ рѣшили они — скорѣе открыть ворота врагамъ, чѣмъ царямъ; таково желаніе всѣхъ, чтобы конецъ свободы въ городѣ былъ концомъ самаго города. Поэтому они просятъ его, если онъ желаетъ Риму добра, оставить его свободнымъ. Царь, объятый чувствомъ уваженія къ нимъ, отвѣтилъ: „Такъ какъ таково ваше рѣшеніе и вы упорно стоите на немъ, то я не стану больше надоѣдать вамъ, напрасно прося объ одномъ и томъ же, и не стану обманывать Тарквиніевъ, подавая надежду на помощь, которой я вовсе не могу оказать имъ; чтобы ничто не нарушало мира моего съ вами, пусть онъ ищетъ себѣ другого мѣста изгнанія, хочетъ ли онъ воевать, или жить мирно“. Къ этимъ словамъ онъ присоединилъ дѣло, обнаруживавшее еще болѣе его дружеское расположеніе, — вернулъ остальныхъ заложниковъ и отдалъ вейентское поле, отнятое по договору у Яникульскаго холма. Тарквиній, потерявъ всякую надежду на возвращеніе, отправился въ изгнаніе въ Тускулъ къ зятю своему Мамилію Октавію. Такимъ образомъ у римлянъ установился прочный миръ съ Порсенною.

[1]) Между Палатинскимъ и Капитолійскимъ холмомъ.

16. Консулы М. Валерій и П. Постумій. Въ этотъ 249 г.
годъ была удачно ведена война съ сабинянами; консулы праздновали тріумфъ. Затѣмъ сабиняне стали напряженно готовиться къ войнѣ. Противъ нихъ, а вмѣстѣ на случай опасности со стороны Тускула, съ которымъ, хотя и не было открытой войны, но все же можно было опасаться ея, въ консулы были выбраны П. Валерій въ четвертый разъ и Т. Лукреції во второй. Возникшій 250 г.
у сабинянъ споръ между сторонниками войны и мира имѣлъ послѣдствіемъ переселеніе значительнаго числа людей оттуда въ Римъ: такъ, Аттій Клаузъ, называвшійся потомъ въ Римѣ Аппіемъ Клавдіемъ, стоявшій за миръ, но тѣснимый подстрекателями къ войнѣ, не имѣя силъ справиться съ ихъ партіей, перешелъ въ сопровожденіи большой толпы кліентовъ изъ Инрегилла въ Римъ. Имъ дано было право гражданства и отведено поле за Аніеномъ. Послѣ того какъ къ нимъ присоединились новые граждане изъ той же области, образовалась триба, которая получила названіе Старой Клавдіевой. Аппій, принятый въ сенатъ, спустя немного времени пріобрѣлъ уваженіе, какимъ пользовались старѣйшіе члены его. Консулы отправились съ войскомъ въ сабинскую областъ и съ тріумфомъ вернулись въ Римъ, послѣ того какъ

сперва опустошеніями, а затѣмъ въ сраженіи нанесли такой уронъ врагамъ, что надолго можно было не бояться возобновленія войны съ ихъ стороны. Спустя годъ,
251 г. въ консульство Агриппы Менения и П. Постумія, умеръ П. Валерій, по мнѣнію всѣхъ, первый человѣкъ и на войнѣ и въ мирѣ, пользовавшійся огромною славою, но имѣвшій столь скудныя средства, что его не на что было похоронить: деньги были отпущены изъ казны. Матроны оплакали его, какъ Брута. Въ тотъ же годъ отпали къ аврункамъ двѣ латинскихъ колоніи, Пометія и Кора. Началась война съ аврунками, но вся она была сосредоточена около Пометіи послѣ пораженія огромнаго войска, храбро встрѣтившаго консуловъ при вступленіи въ ихъ предѣлы. Рѣзня происходила послѣ битвы въ такихъ же размѣрахъ, какъ во время ея: число убитыхъ было значительно больше числа плѣнниковъ, да и тѣ всюду были избиваемы. Въ пылу военнаго раздраженія не пощадили и заложниковъ, которыхъ было взято до 300. И въ этотъ годъ въ Римѣ праздновали тріумфъ.
252 г. **17**. Слѣдующіе консулы, Опитеръ Вергиній и Сп. Кассій, окружили Пометію сперва арміей, а потомъ винеями[1]) и другими осадными сооруженіями. Аврунки, руководясь скорѣе непримиримою ненавистью, чѣмъ какою-нибудь надеждою, или удобнымъ случаемъ, сдѣлали противъ нихъ вылазку, и такъ какъ большее число ихъ вооружилось огнемъ, чѣмъ мечемъ, то они наполнили все кровопролитіемъ и пожаромъ. Сжегши винеи, ранивъ и убивъ много враговъ, они чуть не убили одного изъ консуловъ (авторы не передаютъ котораго), когда тотъ, тяжко раненый, упалъ съ лошади. Послѣ этой неудачи вернулись въ Римъ. Среди большого числа раненыхъ

[1]) Переносные деревянные навѣсы, которыми прикрывались отъ вражескихъ стрѣлъ воины, производившіе осадныя работы или шедшіе на приступъ къ непріятельскому укрѣпленію.

принесенъ былъ и консулъ, надежда на жизнь котораго была сомнительна. По прошествіи небольшого промежутка времени, достаточнаго для излѣченія ранъ и пополненія войска, сдѣлано было нападеніе на Пометію съ большимъ ожесточеніемъ и съ усиленной арміей. Когда винеи и другія осадныя сооруженія были возобновлены и дѣло было близко къ тому, что воины могли взойти на стѣны, городъ былъ сданъ. Впрочемъ, послѣ сдачи произошла не менѣе жестокая расправа съ аврунками, чѣмъ если бы городъ былъ взятъ силою: старѣйшины были казнены, другіе колонисты проданы, какъ военноплѣнные; городъ разрушенъ, поле продано. Консулы праздновали тріумфъ не столько вслѣдствіе важности оконченной войны, сколько потому, что удовлетворили жаждѣ мести.
18. Въ слѣдующемъ году консулами были Постумъ 253 г.
Коминій и Т. Ларцій. Въ этомъ году, когда во время игръ въ Римѣ сабинская молодежь шутя захватывала публичныхъ женщинъ, вслѣдствіе стеченія народа поднялась драка и чуть не побоище, и этотъ пустячный случай едва не подалъ повода къ мятежу. Кромѣ страха предъ латинской войной, присоединились еще точныя извѣстія о союзѣ 30 народовъ, поднятыхъ Октавіемъ Мамиліемъ. Когда государство встревожено было ожиданіемъ столь серіозныхъ событій, то въ первый разъ заговорили объ избраніи диктатора. Но нѣтъ точныхъ извѣстій, въ которомъ году случилось это, какимъ консуламъ не довѣряли за принадлежность ихъ къ партіи Тарквинія (существуетъ и такое извѣстіе), и кто былъ избранъ первымъ диктаторомъ. Впрочемъ, у древнѣйшихъ писателей я нахожу, что первымъ диктаторомъ былъ выбранъ Т. Ларцій, а начальникомъ конницы Сп. Кассій. Избираемые были консулары[1]): такъ предписывалось въ законопроектѣ, предложенномъ касательно

[1]) Т. е лица, занимавшія ранѣе должность консула.

выбора диктатора[1]). Тѣмъ болѣе я вижу основанія вѣрить тому, что руководителемъ и старшимъ надъ консулами[2]) поставленъ былъ Ларцій, консуларъ, а не М. Валерій, сынъ Марка, внукъ Волеза, не бывшій еще консуломъ; мало того, если бы хотѣли избрать диктатора непремѣнно изъ этого дома, то избрали бы скорѣе отца—М. Валерія, человѣка выдающейся доблести и бывшаго консула.

Такимъ образомъ избранъ былъ въ Римѣ первый диктаторъ. При видѣ несомыхъ передъ нимъ сѣкиръ, народомъ овладѣлъ великій страхъ, такъ что его распоряженій стали больше слушаться[3]). Нельзя тутъ было, какъ при консулахъ, пользовавшихся одинаковой властью, расчитывать на поддержку другого, не было апелляціи, вообще ничто не могло помочь, кромѣ безпрекословнаго послушанія. Избраніе доктатора въ Римѣ напугало и сабинянъ тѣмъ болѣе, что они знали, что это сдѣлано изъ-за нихъ. Поэтому они посылаютъ пословъ просить мира. На просьбы ихъ, обращенныя къ диктатору и сенату, простить проступокъ молодыхъ людей, отвѣчали, что юношей простить можно, а старшихъ нельзя, потому что они за одной войной затѣваютъ другую. Тѣмъ не менѣе переговоры о мирѣ начались, и сабиняне получили бы его, если бы согласились, какъ того требовали римляне, уплатить издержки, произведенныя на эту войну. Она была объявлена; но годъ прошелъ спокойно, такъ какъ обѣ стороны молча соблюдали перемиріе.

---

[1]) Едва-ли это такъ; по крайней мѣрѣ, дальнѣйшій разсказъ Ливія не подтверждаетъ этого.

[2]) Итакъ консулы не слагаютъ своихъ полномочій, а исполняютъ свои обязанности, преимущественно судейскія, въ Римѣ, диктаторъ же отправляется для веденія войны.

[3]) Консулы имѣли лишь fasces (см. гл. 1), диктаторы же и сѣкиры, что служило символомъ, что они, какъ цари, имѣютъ право казнить (ius vitae necisque).

19. Консулы Сервій Сульпицій и М. Туллій; не случилось ничего достойнаго упоминанія. Затѣмъ консулами были Т. Эбуцій и Г. Ветузій. Въ ихъ консульство последовала осада Фиденъ и взятіе Крустумеріи; Пренесте отъ латинянъ отпало къ римлянамъ. Не отлагали долѣе и латинской войны, грозившей уже нѣсколько лѣтъ. Диктаторъ А. Постумій и начальникъ конницы Т. Эбуцій отправились съ большими пѣшими и конными силами, повстрѣчались съ непріятельскимъ войскомъ у Регилльскаго озера въ Тускуланской области и, въ виду слуховъ о присутствіи въ латинскомъ войскѣ Тарквиніевъ, не могли удержаться отъ немедленной битвы. Поэтому и сраженіе это было гораздо серіознѣе и ожесточеннѣе остальныхъ; вожди вѣдь не ограничились высшимъ руководствомъ въ сраженіи, а дрались сами, лично вступая въ битвы, и почти никто изъ начальниковъ ни съ той, ни съ другой стороны не вышелъ безъ раны, кромѣ римскаго диктатора. Когда Постумій, находясь въ первомъ ряду, ободрялъ и разставлялъ своихъ, Тарквиній Гордый, несмотря на преклонный уже возрастъ и слабыя силы, пустилъ коня, имѣя въ виду напасть на него, но, пораженный въ бокъ, унесенъ былъ сбѣжавшимися воинами въ безопасное мѣсто. И на другомъ флангѣ начальникъ конницы Т. Эбуцій напалъ на Октавія Мамилія, но не засталъ врасплохъ тускуланскаго вождя; напротивъ, и онъ пустилъ на него коня. И съ такой силой устремились они, держа копья другъ противъ друга, что у Эбуція была пробита рука, а у Мамилія поражена грудь; и его латиняне взяли во второй рядъ, Эбуцій же, не будучи въ состояніи держать копье въ раненой рукѣ, оставилъ поле сраженія. А латинскій вождь, не смущаясь раной, поощрялъ своихъ къ битвѣ; видя однако, что его воины напуганы, онъ подзываетъ когорту римскихъ изгнанниковъ, состоявшую подъ командой сына Л. Тарквинія. Такъ какъ они сражались

254 г.

255 г.

съ большимъ ожесточеніемъ вслѣдствіе потери имущества и родины, то на нѣкоторое время битва была возобновлена. **20**. Когда римляне начали уже отступать на этой сторонѣ, М. Валерій, братъ Публиколы, увидѣлъ неустрашимаго молодого Тарквинія выставляющимъ себя на показъ въ первомъ ряду изгнанниковъ; воспламененный еще славою своихъ предковъ и желая, чтобы честь убіенія царей принадлежала тому же роду, которому и изгнаніе ихъ, онъ пришпорилъ коня и съ копьемъ въ рукѣ неистово устремился на Тарквинія. Тарквиній отступилъ передъ свирѣпымъ врагомъ въ ряды своихъ; Валерія же, неосторожно врѣзавшагося въ ряды изгнанниковъ, поразилъ кто-то, напавъ съ боку; рана всадника не остановила коня, и римлянинъ замертво покатился на землю, а оружіе упало на его тѣло. Диктаторъ Постумій, увидѣвъ гибель столь важнаго лица, ожесточенное нападеніе изгнанниковъ, несщихся въ карьеръ, панику и отступленіе своихъ воиновъ, даетъ знакъ своей когортѣ, состоявшей изъ отборныхъ воиновъ и находившейся при немъ для охраны, считать за врага того изъ своихъ, кого увидятъ бѣгущимъ. Такимъ образомъ, видя опасность съ обѣихъ сторонъ, бѣжавшіе римляне повернули на врага, и битва завязалась вновь. Только тутъ когорта диктатора вступила въ сраженіе. Бодрые и смѣлые, напали они на усталыхъ изгнанниковъ и стали бить ихъ. Тутъ опять произошло сраженіе между вождями. Латинскій главнокомандующій, видя, что когорта изгнанниковъ почти окружена римскимъ диктаторомъ, быстро выводитъ въ первую шеренгу нѣсколько вспомогательныхъ когортъ. Легатъ Т. Герминій, увидѣвъ, что они стройно приближаются, и узнавъ среди ихъ по одеждѣ и вооруженію Мамилія, съ гораздо большею силою, чѣмъ немного раньше начальникъ конницы, вступилъ въ бой съ непріятельскимъ вождемъ, такъ что, поразивъ въ бокъ Мамилія, убилъ его однимъ

ударомъ, но и самъ, снимая доспѣхи съ врага, былъ пораженъ дротикомъ и, принесенный побѣдителемъ въ лагерь, скончался, пока принимались первыя мѣры для лѣченія раны. Тогда диктаторъ подъѣзжаетъ къ всадникамъ, заклиная ихъ, въ виду утомленія пѣхоты, сойти съ коней и вступить въ бой. Тѣ послушались: соскакиваютъ съ коней, выбѣгаютъ въ первую шеренгу и выставляютъ свои щиты вмѣсто сражающихся передъ знаменами. Пѣхота быстро собирается съ духомъ, увидѣвъ, что битва стала одинакова для всѣхъ, и что знатнѣйшіе юноши сражаются вмѣстѣ съ ними и подвергаются одинаковой опасности. Тутъ только латиняне дрогнули, и строй ихъ подался. Всадникамъ подвели коней, чтобы можно было гнаться за врагомъ; послѣдовалъ и пѣшій строй за ними. Тутъ диктаторъ, прибѣгая и къ божеской, и къ человѣческой помощи, обѣщалъ, говорятъ, храмъ Кастору и объявилъ награду тому воину, который войдетъ первымъ или вторымъ въ непріятельскій лагерь; и воодушевленіе было такъ велико, что римляне однимъ натискомъ прогнали врага и взяли лагерь. Такъ произошло сраженіе при Региллъскомъ озерѣ. Диктаторъ и начальникъ конницы съ тріумфомъ возвратились въ Римъ.

21. Въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ не было ни прочнаго мира, ни войны. Консулами были Кв. Клелій и Т. Ларцій, а затѣмъ А. Семпроній и М. Минуцій. Въ ихъ консульство освященъ былъ храмъ Сатурна[1]) и установленъ праздникъ, именуемый Сатурналіями[2]). Затѣмъ консулами были А. Постумій и Т. Вергиній. У нѣкоторыхъ писателей я нахожу извѣстіе, что только въ этомъ году произошла битва при Региллъскомъ озерѣ:

256 г. 257 г. 258 г.

1) У подножія Капитолія, который прежде былъ посвященъ Сатурну.

2) Первоначально 1 день—19 декабря; по другимъ авторамъ, праздпество это было древне-италійское и учреждено гораздо ранѣе.

А. Постумій, въ виду ненадежности товарища, отказался отъ консульства, и потому былъ выбранъ диктаторъ. Хронологическія неточности сбиваютъ изслѣдователя, такъ какъ одни такъ, другіе иначе распредѣляютъ магистратовъ, и при столь отдаленной древности не только событій, но и авторовъ, нельзя разобрать ни того, какіе консулы за какими слѣдовали, ни того, что когда случилось.

259 г. Затѣмъ консулами стали Ап. Клавдій и П. Сервилій. Этотъ годъ ознаменованъ былъ извѣстіемъ о смерти Тарквинія. Онъ умеръ въ Кумахъ, куда ушелъ къ тирану Аристодему послѣ пораженія латинянъ. Эта вѣсть ободрила и патриціевъ, и плебеевъ; но у патриціевъ радость была чрезмѣрной; сильные люди начали обижать плебеевъ, за которыми до того времени они особенно ухаживали. Въ томъ же году колонія Сигнія, выведенная царемъ Тарквиніемъ, была выведена снова, послѣ того какъ пополнено было число колонистовъ [1]). Въ Римѣ образована 21 триба [2]); въ майскія иды освященъ храмъ Меркурія [3]).

22. Во время латинской войны съ вольсками не было ни мира, ни войны: ибо вольски приготовили вспомогательные отряды для латинянъ и послали бы ихъ, если бы не были предупреждены римскимъ диктаторомъ, а этотъ послѣдній торопился, чтобы не пришлось сражаться одновременно съ латинянами и вольсками. Раздраженные дѣйствіями вольсковъ, консулы двинули легіоны въ ихъ область. Эти не боялись наказанія за одно намѣреніе, а потому были поражены неожиданностью: забывъ объ оружіи, они даютъ 300 заложниковъ—дѣтей первыхъ людей въ Корѣ и Пометіи. Такимъ образомъ легіоны были уведены оттуда не сражавшись. Но, спустя немного времени, вольски, оправившись отъ страха, вернулись къ прежнему плану: опять исподтишка они готовятся къ войнѣ, заручившись союзомъ съ герниками. Кромѣ того, они разсылаютъ всюду пословъ волновать Лацій, но латиняне вслѣдствіе недавняго пораженія, понесеннаго при Региллъскомъ озерѣ, злобствуя и негодуя на всякаго, кто бы ни сталъ совѣтовать войну, не воздержались даже отъ оскорбленія пословъ: схвативъ вольсковъ, они привели ихъ въ Римъ. Передавъ ихъ тамъ консуламъ, они заявили, что вольски и герники готовятъ войну противъ римлянъ. Докладъ сенату по этому дѣлу былъ столь пріятенъ отцамъ, что они вернули латинянамъ 6000 плѣнниковъ и передали новымъ магистратамъ дѣло о заключеніи съ ними договора, въ которомъ чуть не навсегда было отказано [1]). Это конечно обрадовало латинянъ, и сторонники мира были въ большой чести. Въ даръ Юпитеру они посылаютъ въ капитолійскій храмъ золотой вѣнецъ. Вмѣстѣ съ посольствомъ, принесшемъ даръ, явилась цѣлая толпа отпущенныхъ плѣнниковъ: они отправляются въ дома тѣхъ, у кого были въ рабствѣ; благодарятъ за кроткое обращеніе съ ними въ пору ихъ несчастія; затѣмъ заключаютъ гостепріимный союзъ [2]). Никогда раньше того

1) Предполагаютъ, что посланные въ первый разъ (I 56) колонисты были выгнаны туземцами: теперь число ихъ было увеличено и они снова были посланы въ Сигнію. Колонія Сигнія находилась на С. краю Вольсскихъ горъ.

2) 4 городскихъ трибы были установлены при Сервіи Тулліи (I 43); теперь всѣ римскія владѣнія внѣ города раздѣлены были на 16 трибъ, во избѣжаніе же равенства при подачѣ голосовъ по трибамъ, прибавлена была еще 1 триба, быть можетъ, Claudia—см. гл. 19.

3) Около цирка.

1) Въ гл. 20 ничего объ этомъ не сказано; очевидно, въ нашемъ мѣстѣ Ливій слѣдуетъ другому источнику (Валерію Антіату).

2) Въ Римѣ чужестранцы были внѣ покровительства законовъ; но существовали такъ называемыя hospitia, при заключеніи коихъ обмѣнивались tesserae hospitales, которыя передавались изъ рода въ родъ и такимъ образомъ могли всегда удостовѣрить существованіе такого

латинская община и граждане ея не были въ болѣе тѣсномъ единеніи съ римскимъ государствомъ.

23. Но съ одной стороны грозила война въ вольсками, съ другой—внутри государства царило несогласіе вслѣдствіе непримиримой ненависти между патриціями и плебеями, преимущественно изъ-за попавшихъ въ кабалу въ силу долговыхъ обязательствъ. Послѣдніе громко роптали, что, сражаясь въ чужихъ краяхъ за свободу и господство, дома они находятся въ плѣну и угнетеніи у согражданъ, что свобода плебеевъ болѣе обезопашена на войнѣ, чѣмъ во время мира, и среди враговъ, чѣмъ среди согражданъ; и это раздраженіе, которое само по себѣ было готово прорваться каждую минуту, разожгло крайне несчастное положеніе одного человѣка. Какой-то старикъ, на которомъ видны были знаки всѣхъ его страданій, бросился на форумъ; одежда была запачкана грязью, еще болѣе жалкій видъ имѣло тѣло его, по блѣдности и худобѣ похожее на скелетъ; отросшая борода и волосы дѣлали выраженіе лица его дикимъ. Но при всемъ такомъ безобразіи его можно было узнать; говорили, что онъ былъ начальникомъ центурій, упоминали состраданіемъ и о другихъ его военныхъ отличіяхъ; самъ онъ показывалъ раны на груди, свидѣтельсвовавшія о нѣсколькихъ доблестныхъ сраженіяхъ. Когда окружавшая его толпа, очень похожая на народное собраніе, спрашивала, откуда эта одежда и этотъ безобразный видъ, онъ отвѣтилъ, что задолжалъ, служа въ сабинскую войну, такъ какъ вслѣдствіе опустошенія поля потерялъ урожай, мало того, пожаръ истребилъ его домъ, все имущество было расхищено, скотъ угнанъ и въ это тяжелое для него время потребованъ былъ взносъ на военныя надобности. Увеличившійся отъ процентовъ долгъ сперва лишилъ его отцовской и дѣдовской земли, затѣмъ и остального имущества, а наконецъ, точно тля, добрался и до тѣла: кредиторъ не только взялъ его въ рабы, но отвелъ на работы въ подземельи и предалъ на мученія. При этомъ онъ показалъ спину, обезображенную слѣдами отъ недавно полученныхъ ударовъ. Видя это и слыша его разсказъ, народъ подпимаетъ страшный крикъ. И шумъ уже не ограничивается форумомъ, а распространяется всюду, по всему городу. Должники въ оковахъ и безъ оковъ вырываются отовсюду на улицу и взываютъ къ Квиритамъ о защитѣ. Всюду являются готовые слѣдовать за мятежниками; вездѣ многочисленныя толпы по всѣмъ улицамъ съ крикомъ бѣгутъ на форумъ. Случайно находившіеся на форумѣ сенаторы, подвергаясь большой опасности, попали въ эту толпу; и она дала бы волю рукамъ, если бы консулы П. Сервилій и Ап. Клавдій не поспѣшили явиться для подавленія мятежа. Тогда толпа обратилась на нихъ и начала указывать на оковы и обезображенный видъ свой; ссылаясь на службу въ разныхъ мѣстахъ, они говорили, что вотъ до чего дослужились. Гораздо болѣе угрожая, чѣмъ прося, они требуютъ созванія сената и окружаютъ курію, собираясь сами рѣшать и руководить общественнымъ совѣтомъ. Лишь очень немногіе сенаторы, случайно подвернувшіеся, были собраны консулами; прочіе боялись показаться не только въ куріи, но и на форумѣ, и по малочисленности сената не могло быть никакого совѣщанія. Тогда народъ рѣшилъ, что надъ нимъ насмѣхаются и затягиваютъ дѣло; неявившіеся сенаторы отсутствуютъ-де не случайно и не изъ страха, а чтобы затормозить дѣло; сами консулы отстраняются и несомнѣнно издѣваются надъ ихъ бѣдственнымъ положеніемъ. И дѣло было уже близко къ тому, что даже высокое званіе консуловъ не сдержитъ раздраженія тол-

---

договора. Hospes (гость) получалъ не только дружескій пріемъ въ домѣ, но даже, въ случаѣ надобности, поддержку въ судѣ и вообще во всѣхъ политическихъ и частныхъ дѣлахъ.

пы, какъ, наконецъ, сенаторы собираются, не зная, что рискованнѣе, — медлить или идти; когда же наконецъ собраніе куріи было многолюдно, то ни сенаторы, ни даже консулы не могли придти къ соглашенію между собою: Аппій, мужъ крутого нрава, полагалъ, что слѣдуетъ воспользоваться консульской властью: схватить одного — другого, и всѣ успокоятся; Сервилій, болѣе склонный къ кроткимъ мѣрамъ, считалъ и болѣе безопаснымъ и болѣе легкимъ успокоить, а не сокрушить возбужденный народъ.

24. Тѣмъ временемъ появилась другая, большая гроза: прискакали латинскіе всадники съ страшной вѣстью, что вольски двигаются съ арміей осаждать городъ. Это извѣстіе произвело совершенно противоположное впечатлѣніе на патриціевъ и на плебеевъ: такъ рѣзко раздѣлило несогласіе одно государство на двѣ партіи! Плебеи ликовали, говоря, что боги являются карателями гордости патриціевъ, и подстрекали другъ друга не записываться въ войско: лучше вмѣстѣ погибать, чѣмъ поодиночкѣ; пусть патриціи служатъ, пусть берутся за оружіе, чтобы одни и тѣ же подвергались опасности войны и пользовались выгодами отъ нея! Между тѣмъ сенаторы, опечаленные и напуганные двойной опасностью — со стороны гражданъ и со стороны враговъ, стали просить консула Сервилія, который лучше умѣлъ ладить съ народомъ, спасти государство, обуреваемое столь великими опасностями. Тогда консулъ, распустивъ сенатъ, является въ народное собраніе. Здѣсь онъ сообщаетъ, что сенатъ озабоченъ улучшеніемъ положенія плебеевъ; но обсужденію вопроса хоть и о большей, но все же о части государства помѣшалъ страхъ за все государство. Да и невозможно, такъ какъ непріятель почти у воротъ города, предпринять что-нибудь прежде войны; вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы и послѣдовало съ этой стороны какое-нибудь облегченіе, то и

для плебеевъ не было бы почетно, что они взяли оружіе за отечество лишь по полученіи награды, да и для патриціевъ не прилично, что они позаботились о бѣдственномъ положеніи своихъ согражданъ подъ давленіемъ страха, а не послѣ, по доброй волѣ. Довѣріе къ своей рѣчи онъ вызвалъ эдиктомъ, которымъ запрещалъ кому бы то ни было держать римскаго гражданина въ оковахъ или въ заключеніи, лишая его тѣмъ возможности записаться у консуловъ въ войско, и владѣть или продавать имущество воина, или держать въ кабалѣ его дѣтей или внуковъ, пока онъ находится въ лагерѣ. По опубликованіи этого эдикта, и бывшіе на лицо записывались въ войско, и отовсюду, со всего города бѣжали на форумъ для принесенія присяги узники, вырывавшіеся изъ домовъ, такъ какъ право держать ихъ было отнято у кредиторовъ. Такимъ образомъ составился большой отрядъ, и доблесть и усердіе его въ войнѣ съ вольсками выдѣлялись болѣе всѣхъ другихъ. Консулъ выводитъ войска противъ непріятеля и разбиваетъ лагерь на небольшомъ разстояніи отъ него.

25. Въ ближайшую затѣмъ ночь вольски, надѣясь на раздоры римлянъ, пытались напасть на лагерь, расчитывая, не перебѣжитъ ли кто, пользуясь ночнымъ временемъ, или не послѣдуетъ ли какой-нибудь измѣны; караульные услыхали и подняли войско; по данному сигналу всѣ сбѣжались къ оружію; такимъ образомъ это предпріятіе не удалось вольскамъ. Остальную часть ночи оба войска спали. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня вольски, наполнивъ рвы, нападаютъ на валъ. И уже со всѣхъ сторонъ они разрушали укрѣпленія, а консулъ медлилъ нѣкоторое время, чтобы увѣриться въ настроеніи воиновъ, хотя всѣ, а особенно бывшіе въ кабалѣ, громко требовали сигнала къ сраженію; убѣдившись же въ большомъ воодушевленіи, онъ далъ наконецъ сигналъ къ вылазкѣ и выпустилъ воиновъ, жаждавшихъ сра-

зиться. При первомъ же натискѣ враги были прогнаны; когда они бѣжали, ихъ поражали съ тылу, пока пѣхота могла преслѣдовать; кавалерія же гнала оробѣвшихъ до самаго лагеря. Затѣмъ самый лагерь, окруженный легіонами, былъ взятъ и разграбленъ, послѣ того какъ страхъ выгналъ вольсковъ и оттуда. На слѣдующій день легіоны отведены были къ Свессѣ Пометійской, куда бѣжали враги, а чрезъ нѣсколько дней городъ былъ взятъ и преданъ разграбленію. Это нѣсколько подкрѣпило терпѣвшихъ нужду воиновъ. Консулъ съ величайшею славою приводитъ побѣдоносное войско назадъ въ Римъ. На пути въ городъ къ нему являются послы эцетранскихъ вольсковъ [1]), которые, по взятіи Пометіи, испугались за свое существованіе. По постановленію сената [2]) имъ былъ дарованъ миръ, но земля отнята.

26. Вслѣдъ затѣмъ и сабиняне напугали римлянъ; но это скорѣе былъ переполохъ, чѣмъ война. Ночью въ городъ принесено было извѣстіе, что сабинское войско, производя грабежъ, достигло рѣки Аніена: здѣсь повсюду разграбляются и сжигаются усадьбы. Туда немедленно со всѣми конными силами посланъ былъ А. Постумій, бывшій диктаторомъ въ латинскую войну; съ отборнымъ отрядомъ пѣхоты послѣдовалъ консулъ Сервилій. Всадники окружили большую часть бродившихъ вразсыпную грабителей, а когда подошла пѣхота, то сабинское войско не оказало ей сопротивленія: утомленные переходами и ночнымъ грабежомъ, большая часть лежала объѣвшись и опившись по усадьбамъ и едва имѣла достаточно силъ, чтобы бѣжать.

Въ одну ночь услыхали о сабинской войнѣ и окон-

---

1) Какъ латинское, такъ и вольсское племя состояло изъ нѣсколькихъ общинъ, называвшихся по ихъ главному городу. Эцетра, по предположенію, находилась на С. выступахъ Вольскихъ горъ.

2) Сенатъ, не спрашивая народное собраніе, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, какъ это дѣлали цари.

чили ее, а на слѣдующій день, когда уже надѣялись, что вездѣ царитъ глубокій миръ, явились въ сенатъ послы аврунковъ съ объявленіемъ войны, въ случаѣ римляне откажутся отступить съ полей вольсковъ. Одновременно съ послами выступило изъ дому войско аврунковъ; извѣстіе о томъ, что его видѣли уже недалеко отъ Ариціи, произвело такое смятеніе въ Римѣ, что нельзя было по порядку спросить мнѣнія сенаторовъ, и во всякомъ случаѣ, нельзя было дать мирнаго отвѣта, когда враги шли войною, и когда сами римляне готовили оружіе. Въ Арицію двинулось войско съ цѣлью нападенія; неподалеку отъ нея послѣдовало столкновеніе съ войсками аврунковъ, и дѣло было рѣшено одной битвой.

27. Разбивъ аврунковъ, римскій народъ, побѣдоносно окончившій въ немного дней столько войнъ, ожидалъ исполненія обѣщаній консула, подтвержденныхъ сенатомъ, какъ вдругъ Аппій и по врожденной гордости, и съ цѣлью подорвать довѣріе къ товарищу, началъ съ особенною строгостью рѣшать дѣла о долгахъ: одинъ за другимъ стали поступать во власть кредиторовъ тѣ, которые раньше были у нихъ въ кабалѣ, такой же участи подвергались и другіе. Если это касалось какого-нибудь воина, то аппелировали къ товарищу; бѣгутъ къ Сервилію, ссылаются на его обѣщанія; съ упрекомъ указываютъ ему каждый на свои военныя заслуги и на полученныя раны. Требуютъ, чтобы онъ или доложилъ сенату, или самъ помогъ гражданамъ, какъ консулъ, воинамъ, какъ главнокомандующій. Консулъ принималъ это къ сердцу, но обстоятельства заставляли его измѣнить свое мнѣніе: до такой степени не только товарищъ его, но и вся аристократическая партія упорно стояла за противную сторону. И вотъ, стараясь соблюсти средину, онъ не избѣжалъ ненависти плебеевъ и не заслужилъ расположенія патриціевъ: эти

считали его за слабаго и честолюбиваго человѣка, плебеи же за лживаго; а вскорѣ стало ясно, что его ненавидятъ такъ же, какъ Аппія. Между консулами возникъ споръ, которому освящать храмъ Меркурія; сенатъ, отклонивъ рѣшеніе этого дѣла отъ себя, передалъ его народу: кому изъ нихъ воля народа предоставитъ освященіе храма, тотъ долженъ будетъ завѣдывать продовольствіемъ [1]), установить товарищество купцовъ [2]), совершить церемонію освященія въ присутствіи понтифика [3]). Народъ предоставилъ освященіе М. Леторію, центуріону перваго взвода [4]), и было очевидно, что это сдѣлано не столько для возвеличенія его,— предоставленное ему исполненіе государственнаго дѣла было слишкомъ высоко сравнительно съ его положеніемъ, — сколько для униженія консуловъ. Это ожесточило конечно одного изъ консуловъ [5]) и патриціевъ; но плебеи ободрились и начали дѣйствовать совершенно инымъ путемъ, чѣмъ было рѣшили: от-

[1]) Забота о продовольствіи (вмѣстѣ съ тѣмъ надзоръ за цѣною и качествомъ продаваемаго хлѣба) въ это время составляла обязанность консуловъ, или же была поручаема имъ сенатомъ; позже она была передана эдиламъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ назначалось для того особое лицо.

[2]) Коллегія купцовъ, какъ состоявшихъ подъ покровительствомъ Меркурія, должна была завѣдывать культомъ этого бога. Члены этой коллегіи именовались viri Mercuriales, т. е мужи Меркурія; праздникъ основанія ихъ коллегіи былъ позже пріуроченъ къ 15 мая. Обѣ упомянутыя обязанности поручаются консулу, посвящающему храмъ Меркурію, потому что онъ богъ торговли, на каковое значеніе его съ древнѣйшихъ временъ указываетъ его имя (merces, mercari).

[3]) Верховный понтификъ произносилъ молитву посвященія, а консулъ повторялъ ее за нимъ; ср. гл. 8.

[4]) Старшій офицеръ въ легіонѣ. Избраніе плебея для исполненія столь важнаго порученія является дѣломъ вовсе не обычнымъ для того времени; допуская его, народъ преступилъ предложеніе сената, поставившаго вопросъ, которому изъ двухъ консуловъ посвящать храмъ.

[5]) Аппія Клавдія.

чаявшись въ защитѣ со стороны консуловъ и сената, они собирались отовсюду всякій разъ, какъ видѣли, что въ судъ ведутъ должника. И за шумомъ и крикомъ нельзя было слышать рѣшенія консула, и никто не повиновался состоявшемуся приговору. Дѣйствовали насиліемъ, и весь страхъ и опасность потерять свободу съ должниковъ сталъ обращаться на кредиторовъ, такъ какъ толпа на глазахъ консула оскорбляла отдѣльныхъ лицъ. Сверхъ этого, распространился страхъ предъ сабинской войной; когда объявленъ былъ наборъ, никто не записывался; Аппій негодовалъ и нападалъ на честолюбіе товарища, который предаетъ отечество своимъ популярнымъ молчаніемъ, и къ отказу разбирать дѣла о долгахъ присоединяетъ теперь отказъ производить наборъ, несмотря на постановленіе сената; но государство не совсѣмъ покинуто и консульская власть не низвергнута: онъ одинъ защититъ значеніе свое и сената. И дѣйствительно, когда вокругъ него стояла обычная толпа, разбалованная своеволіемъ, онъ приказалъ схватить одного выдающагося вождя мятежа; когда ликторы уже тащили его, онъ аппеллировалъ къ народу; и консулъ, въ виду несомнѣнности рѣшенія народа, не уступилъ бы протесту, если бы его упорство не было, хоть и съ трудомъ, сломлено скорѣе авторитетнымъ совѣтомъ знатныхъ людей, чѣмъ крикомъ народа; столько было у него мужества, чтобы выдерживать ненависть! Зло увеличивалось со дня на день не столько потому, что раздавались громкіе крики, сколько, что было гораздо хуже, потому, что оно принимало видъ крамолы и тайныхъ совѣщаній. Наконецъ ненавистные народу консулы оставили власть; Сервилій не угодилъ ни тѣмъ, ни другимъ, а Аппій пріобрѣлъ рѣшительное расположеніе патриціевъ.

28. Затѣмъ вступаютъ въ консульство А. Вергиній 260 г.
и Т. Ветузій. Плебеи, не зная, каковы будутъ для нихъ

новые консулы, собираются по почамъ частію на Эсквилійскомъ холмѣ, частію на Авентинскомъ, чтобы не становиться на форумѣ въ затруднительное положеніе, принимая рѣшенія безъ предварительнаго соглашенія, и не дѣйствовать во всемъ безразсудно и случайно. Считая это опаснымъ, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ, консулы докладываютъ сенату, но спросить мнѣнія по порядку по поводу этого доклада не удалось: съ такимъ шумомъ принято было это извѣстіе, со всѣхъ сторонъ такъ громко выражали негодованіе сенаторы на то, что консулы слагаютъ отвѣтственность на сенатъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они должны принимать рѣшенія сами въ силу своей власти. Разумѣется, если бы были въ государствѣ настоящія должностныя лица, то въ Римѣ было бы только одно общественное собраніе; теперь государство раздѣлено на тысячу курій и собраній, такъ какъ одни совѣщанія происходятъ на Эсквиліяхъ, другія—на Авентинѣ. Одинъ истинный мужъ, — это вѣдь больше значитъ, чѣмъ быть консуломъ,—каковъ былъ Аппій Клавдій, въ минуту разсѣялъ бы эти собранія. Выслушавъ порицаніе, консулы спросили, что же имъ дѣлать; они заявили, что готовы дѣйствовать такъ энергично и сурово, какъ это будетъ угодно сенаторамъ; рѣшено было строжайшимъ образомъ произвести наборъ: плебеи-де балуется отъ бездѣлья. Распустивъ сенатъ, консулы выступаютъ на трибуналъ; вызываютъ поименно младшихъ. Когда никто не отзывался на вызовъ, стоявшая кругомъ толпа, точно народное собраніе, заявляетъ, что больше нельзя уже обманывать плебеевъ; если государство не будетъ сдерживать обѣщаній, то никогда не найдется ни единаго воина; прежде слѣдуетъ всѣмъ вернуть свободу, чѣмъ раздавать оружіе, чтобы на бой шли за отечество и согражданъ, а не за господъ. Консулы видѣли, чего хочетъ сенатъ, но не видѣли, чтобы кто-нибудь изъ тѣхъ, которые за стѣнами куріи держали

такія страшныя рѣчи, дѣлилъ съ ними народную вражду. Ясно было, что борьба съ народомъ будетъ жестокая. Итакъ, прежде чѣмъ рѣшиться на крайнее средство, они постановили еще разъ посовѣтоваться съ сенатомъ. Тутъ къ стульямъ консуловъ поспѣшно подбѣжали младшіе сенаторы, требуя, чтобы они отказались отъ консульства и сложили власть, поддержать которую у нихъ недостаетъ мужества. **29**. Достаточно испробовавъ то и другое [1]), консулы наконецъ заявили: „чтобы вы не отказались послѣ невѣдѣніемъ, сенаторы, мы объявляемъ вамъ, что предстоитъ огромное возстаніе; мы требуемъ, чтобы тѣ, которые особенно нападаютъ на трусость, присутствовали, когда мы станемъ производить наборъ; если вамъ такъ угодно, то мы будемъ дѣйствовать согласно мнѣнію тѣхъ, которые стоятъ за самыя рѣшительныя мѣры“. Возвращаются на трибуналъ; приказываютъ нарочито звать по имени одного изъ стоявшихъ на виду. Такъ какъ онъ стоялъ молча, а около него нѣсколько человѣкъ образовали кругъ, чтобы его не обидѣлъ кто-нибудь, консулы посылаютъ къ нему ликтора. Когда онъ былъ прогнанъ, стоявшіе около консуловъ сенаторы, крича, что это наконецъ возмутительно, сбѣгаютъ съ трибунала, чтобы помочь ликтору. Но когда отъ ликтора, которому только не позволили взять вызваннаго, народъ бросился на сенаторовъ, то драка была остановлена вмѣшательствомъ консуловъ; дѣло впрочемъ обошлось безъ камней, безъ оружія и ограничилось больше крикомъ и раздраженіемъ, чѣмъ оскорбленіями. Бурно созванъ былъ сенатъ, еще болѣе бурно происходило совѣщаніе, при чемъ побитые требовали слѣдствія и наиболѣе разсвирѣпѣвшіе соглашались съ этимъ, не подавая мнѣніе, а крича и шумя. Когда

[1]) Т. е. произвести наборъ и понудить сенатъ указать другія мѣры для успокоенія народа.

наконецъ раздраженіе успокоилось вслѣдствіе упрека, сдѣланнаго консулами, что въ куріи не больше здравомыслія, чѣмъ на форумѣ, совѣщаніе началось въ порядкѣ. Было три мнѣнія. П. Вергиній полагалъ, что не слѣдуетъ обобщать дѣла, слѣдуетъ имѣть сужденіе только о тѣхъ, которые, повѣривъ П. Сервилію, пошли на войну съ вольсками, аврунками, сабинянами. Т. Ларцій высказывался, что не то теперь время, чтобы только за заслуги награждать; всѣ плебеи обременены долгами, и только общія мѣропріятія могутъ помочь имъ; напротивъ, если положеніе однихъ будетъ одно, а другихъ другое, то несогласіе усилится, а не прекратится. Аппій Клавдій, и по природѣ не склонный къ кроткимъ мѣрамъ, и ожесточенный частію ненавистью къ нему народа, частію похвалами сенаторовъ, заявилъ, что столь сильные безпорядки произошли не отъ бѣдствій, а отъ своеволія, и что плебеи больше балуются, чѣмъ неистовствуютъ. И это именно зло есть слѣдствіе права аппелляціи: вѣдь консулы только грозятъ, а не управляютъ, когда можно аппеллировать къ тѣмъ, которые одинаково виноваты. „А ну-ка“, сказалъ онъ, „выберемъ диктатора, на котораго нѣтъ аппелляціи! И эта ярость, которая теперь все повергаетъ въ пламя, стихнетъ. Пусть тогда кто-нибудь толкнетъ мнѣ ликтора, когда онъ будетъ знать, что право распорядиться его спиной и жизнью находится въ рукахъ одного того, чье величие онъ оскорбилъ!“

30. Многимъ мнѣніе Аппія казалось жестокимъ и суровымъ, каково оно и было на дѣлѣ; съ другой стороны мнѣнія Вергинія и Ларція устанавливали дурной примѣръ, особенно же Ларція, такъ какъ оно уничтожало кредитъ; среднимъ и умѣреннымъ въ обоихъ отношеніяхъ представлялся совѣтъ Вергинія; но вслѣдствіе партійныхъ расчетовъ и соблюденія личныхъ интересовъ, которое всегда мѣшало и будетъ мѣшать

общественнымъ рѣшеніямъ, побѣда осталась за Аппіемъ, и дѣло было близко къ избранію его диктаторомъ. Это непремѣнно ожесточило бы плебеевъ, а между тѣмъ положеніе было весьма опасно, такъ какъ вольски съ эквами и сабиняне случайно всѣ вмѣстѣ были подъ оружіемъ. Но консулы и старѣйшіе сенаторы озаботились, чтобы власть, располагающая къ крутымъ мѣрамъ, была предоставлена кроткому человѣку. Диктаторомъ былъ избранъ М. Валерій, сынъ Волеза. Хотя плебеи и понимали, что диктаторъ избранъ противъ нихъ, но, имѣя права аппелляціи по закону, проведенному его братомъ, не боялись ничего дурного для себя и никакого высокомѣрія со стороны этого рода. Затѣмъ изданный диктаторомъ эдиктъ, весьма похожій на эдиктъ консула Сервилія, укрѣпилъ это настроеніе; полагая, что и на личность его, и на власть можно больше надѣяться, они, оставивъ борьбу, записались въ войско. Составилась армія, какъ никогда до того времени, — десять легіоновъ; по три было дано консуламъ, а четыре взялъ диктаторъ.

И войну уже нельзя было откладывать. Эквы напали на латинскую область. Латинскіе послы просили сенатъ или послать имъ помощь, или позволить имъ самимъ взяться за оружіе для защиты своихъ предѣловъ. Признано было болѣе безопаснымъ защитить безоружныхъ латинянъ, чѣмъ позволить имъ снова взяться за оружіе. Посланъ былъ консулъ Ветузій, и на этомъ опустошеніе кончилось. Эквы отступили съ равнины и, полагаясь болѣе на мѣстоположеніе, чѣмъ на оружіе, стали защищаться на вершинахъ горъ. Другой консулъ пошелъ на вольсковъ; чтобы тоже не терять времени, онъ, преимущественно опустошеніемъ полей ихъ, заставилъ непріятелей придвинуть ближе лагерь и сразиться. На равнинѣ, лежащей между двумя лагерями, обѣ враждебныя арміи выстроились, каждая предъ своимъ валомъ.

Вольски значительно превосходили численностью; поэтому они начали битву, разбившись на части и небрежно. Римскій консулъ, не выдвигая впередъ строя и не позволяя отвѣчать на крикъ враговъ, приказалъ своимъ стоять, вонзивъ копья въ землю, а когда врагъ подойдетъ очень близко, тогда начать со всей силой битву мечами. Утомленные бѣгомъ и крикомъ, вольски бросились на римлянъ, которые, повидимому, оцѣпенѣли отъ страха, но затѣмъ, почувствовавъ натискъ лицомъ къ лицу и увидѣвъ сверкающіе передъ ихъ глазами мечи, въ смущеніи, совершенно какъ будто попавъ въ засаду, обратили тылъ; однако, и для бѣгства у нихъ не было силъ, такъ какъ они бѣгомъ шли на бой. Напротивъ римляне, стоявшіе въ началѣ битвы спокойно, были со свѣжими силами, легко нагнали утомленныхъ и взяли лагерь приступомъ; лишивъ же врага лагеря, они преслѣдовали его въ Велитры и ворвались въ городъ — побѣдители вмѣстѣ съ побѣжденными. И здѣсь при избіеніи всѣхъ безъ различія пролито было больше крови, чѣмъ въ самомъ сраженіи. Пощада была оказана немногимъ, которые сдались безъ оружія.

31. Пока это происходило въ землѣ вольсковъ, диктаторъ разбиваетъ, обращаетъ въ бѣгство и лишаетъ лагеря сабинянъ, война съ которыми была гораздо серіознѣе. Пославъ конницу, онъ привелъ въ смятеніе непріятельскій центръ, который былъ недостаточно крѣпокъ по малочисленности рядовъ въ глубь вслѣдствіе растянутости фланговъ; на смущенныхъ напала пѣхота. Однимъ натискомъ былъ взятъ лагерь и окончена вся война. Послѣ битвы при Регилльскомъ озерѣ не было другой болѣе славной за тѣ годы. Диктаторъ съ тріумфомъ въѣзжаетъ въ городъ. Сверхъ обычныхъ почестей ему и потомкамъ его было даровано мѣсто, чтобы смотрѣть представленія въ циркѣ, и на этомъ мѣстѣ поставлено курульное кресло. Послѣ побѣды надъ вольсками у нихъ было отнято поле, лежащее около Велитръ; а въ Велитры отправлены поселенцы изъ Рима и выведена колонія. Нѣсколько времени спустя, дана была битва эквамъ, хотя и противъ воли консула, такъ какъ приходилось подступать къ врагу на невыгодной позиціи. Но обвиненія со стороны воиновъ, что онъ затягиваетъ дѣло, чтобы диктаторъ сложилъ должность, прежде чѣмъ они вернутся въ городъ, и такимъ образомъ обѣщанія его остались столь же тщетны, какъ и обѣщанія консула, — заставили его рискнуть двинуть войско на противолежащія горы. Это неосторожное предпріятіе удалось вслѣдствіе трусости враговъ: прежде чѣмъ римляне подошли на разстояніе полета стрѣлы, изумленные ихъ смѣлостью непріятели покинули лагерь, хотя онъ былъ расположенъ въ прекрасно укрѣпленномъ мѣстѣ, и бросились въ лежащую сзади равнину; здѣсь было пріобрѣтено много добычи и побѣда стоила мало крови.

Послѣ военной удачи въ трехъ мѣстахъ ни патриціи, ни плебеи не перестали заботиться объ исходѣ домашнихъ недоразумѣній: ибо частію вліяніемъ, частію происками ростовщики приняли такія мѣры, которыя не только обманули надежды плебеевъ, но сдѣлали тщетными и старанія диктатора. Валерій, по возвращеніи консула Ветузія, повелъ въ сенатѣ прежде всего рѣчь о защитѣ интересовъ побѣдителя народа и сдѣлалъ докладъ, какія мѣры представляются ему необходимыми относительно попавшихъ въ кабалу. Когда предложенія его были отвергнуты, то онъ сказалъ: „не нравятся вамъ мои совѣты помириться; клянусь, скоро вы будете желать, чтобы защитники римскихъ плебеевъ походили были на меня. Я же не стану болѣе обманывать своихъ согражданъ и не буду напрасно оставаться диктаторомъ. Внутренніе раздоры и внѣшняя война вызвали необходимость для государства въ этой должности

внѣ миръ достигнутъ, а дома этого не допускаютъ: я буду присутствовать при мятежѣ лучше какъ частный человѣкъ, чѣмъ какъ диктаторъ". Вышедши послѣ этихъ словъ изъ куріи, онъ сложилъ диктатуру. Для плебеевъ было очевидно, что онъ отказался отъ должности, возмущаясь за нихъ; поэтому, когда онъ уходилъ домой, его провожали, выражая ему свое расположеніе и восхваляя его, какъ будто онъ сдержалъ свое обѣщаніе, такъ какъ съ его стороны не было препятствій къ исполненію его.

32. Затѣмъ патриціями овладѣлъ страхъ, какъ бы, въ случаѣ распущенія войска, не начались опять тайныя сходки и совѣщанія. И вотъ, полагая, что, такъ какъ воины давали присягу консуламъ, то она для нихъ обязательна и теперь, хотя наборъ произведенъ былъ диктаторомъ, они приказали вести войска изъ города подъ предлогомъ возобновленія эквами военныхъ дѣйствій. Это распоряженіе ускорило мятежъ. И сперва, говорятъ, шла рѣчь объ убіеніи консуловъ, чтобы освободиться отъ присяги; но узнавъ, что никакое религіозное обязательство не уничтожается преступленіемъ, они, по совѣту нѣкоего Сицинія, безъ позволенія консуловъ ушли на Священную гору (она находится за Аніеномъ въ 3000 шаговъ отъ города; это преданіе болѣе распространено, чѣмъ сообщаемое Пизономъ, что удаленіе послѣдовало на Авентинскій холмъ); здѣсь безъ всякаго вождя, укрѣпивъ лагерь валомъ и рвомъ, забирая съ полей лишь необходимое для пропитанія, они держались нѣсколько дней спокойно, никѣмъ не задѣваемые и не задѣвая никого. Въ городѣ распространилась сильная паника, и обоюдный страхъ держалъ всѣхъ въ напряженномъ состояніи: покинутые своими, плебеи опасались ярости патриціевъ, патриціи боялись оставшихся въ городѣ плебеевъ, не зная, чего лучше желать, чтобы они оставались, или уходили? Долго ли

ушедшая толпа будетъ спокойна? — думали они; далѣе, что будетъ, если тѣмъ временемъ разразится какая-нибудь внѣшняя война? тутъ конечно остается надежда лишь на согласіе гражданъ! правдой или неправдой, но его надо возстановить въ государствѣ! Въ виду этого рѣшено было отправить къ плебеямъ посредникомъ Менепія Агриппу, человѣка, обладавшаго даромъ слова и пріятнаго плебеямъ, изъ среды которыхъ онъ самъ происходилъ. Допущенный въ лагерь, говоря по-старинному, безыскусственно, онъ разсказалъ, по преданію, лишь слѣдующее: „въ то время, когда въ организмѣ человѣка не было такой гармоніи, какъ теперь, а каждый членъ имѣлъ свою волю, свои рѣчи, всѣ части тѣла вознегодовали, что ихъ хлопоты, ихъ труды и услуги достаютъ все для желудка, а онъ, сидя спокойно въ серединѣ, только наслаждается доставляемыми ему благами; поэтому состоялось соглашеніе, чтобы руки не подносили пищу ко рту, ротъ не принималъ предлагаемаго, зубы не жевали; желая въ раздраженіи своемъ усмирить желудокъ голодомъ, сами отдѣльные члены и все тѣло исхудали до крайности. Изъ этого выяснилось, что и служба желудка не лишена значенія, что онъ столько же питается, сколько питаетъ, такъ какъ возвращаетъ во всѣ части тѣла, распредѣляя равномѣрно по жиламъ, изготовленную изъ съѣденной пищи кровь, благодаря которой мы живы и сильны". Проводя отсюда сравненіе, какъ похоже возмущеніе членовъ человѣческаго тѣла на раздраженіе плебеевъ противъ патриціевъ, онъ измѣнилъ настроеніе умовъ. **33**. Затѣмъ начались переговоры о примиреніи и дано было согласіе на выставленное плебеями условіе, чтобы у нихъ были свои неприкосновенные [1]) магистраты, которые имѣли бы право подавать

[1]) Посягнувшій на трибуна считался вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ посвященнымъ богу подземнаго царства; становясь внѣ покровительства законовъ, онъ могъ быть безнаказанно убитъ каждымъ.

помощь противъ консуловъ, и чтобы никто изъ патриціевъ не могъ занимать эту должность. Такимъ образомъ были избраны два народныхъ трибуна—Г. Лициній и Л. Альбинъ. Они избрали себѣ трехъ товарищей; въ числѣ ихъ былъ и Сициній, виновникъ удаленія; кто были два остальные, о томъ существуетъ разногласіе. Нѣкоторые утверждаютъ, что на Священной горѣ было выбрано только два трибуна и тамъ проведенъ законъ о неприкосновенности ихъ.

261 г. Во время удаленія плебеевъ вступили въ консульство Сп. Кассій и Постумъ Коминій. При нихъ заключенъ былъ договоръ съ латинскими народами. Для заключенія его одинъ изъ консуловъ остался въ Римѣ, другой, посланный для веденія войны съ вольсками, разбилъ и обратилъ въ бѣгство антіатскихъ вольсковъ [1]) и, преслѣдуя ихъ до города Лонгулы, овладѣлъ стѣнами его. Вслѣдъ за тѣмъ онъ взялъ Полуску, также вольскій городъ, а послѣ того сдѣлалъ ожесточенное нападеніе на Коріолы. Въ то время находился въ лагерѣ въ числѣ знатнѣйшихъ юношей Гн. Марцій, молодой человѣкъ и умный и храбрый, прозванный впослѣдствіи Коріоланомъ. Онъ случайно стоялъ на сторожевомъ посту, когда римское войско, осаждавшее Коріолы, сосредоточивъ свое вниманіе на запертыхъ въ городѣ гражданахъ, нисколько не опасалось войны съ другой стороны, а между тѣмъ подверглось нападенію вольсскихъ легіоновъ, пришедшихъ отъ Антія; въ то же время осажденные сдѣлали вылазку изъ города. Съ отборнымъ отрядомъ воиновъ онъ не только отразилъ нападеніе сдѣлавшихъ вылазку, но чрезъ открытыя ворота мужественно ворвался въ городъ, произвелъ рѣзню въ ближайшей части его и, схвативъ поспѣшно огонь [2]), зажегъ зданія, при-

[1]) См. къ гл. 25.

[2]) Изъ словъ Ливія не видно, откуда взятъ былъ огонь; вѣроятнѣе всего, съ какого-нибудь жертвенника или очага ближайшаго дома.

легавшія къ стѣнѣ. Крикъ горожанъ, смѣшанный съ плачемъ женщинъ и дѣтей, поднявшимся, по обыкновенію, при смятеніи, прибавилъ храбрости римлянамъ и напугалъ вольсковъ, именно потому, что городъ, на помощь которому они пришли, былъ взятъ. Такимъ образомъ антіатскіе вольски были разбиты, а городъ Коріолы завоеванъ. Этимъ отличіемъ Марцій настолько затмилъ славу консула, что совсѣмъ исчезло бы воспоминаніе о войнѣ Постума Коминія съ вольсками, если бы не оставался памятникомъ договоръ съ латинянами, вырѣзанный на бронзовой колоннѣ [1]) и заключенный, за отсутствіемъ товарища, однимъ Сп. Кассіемъ.

Въ томъ же году умеръ Мененій Агриппа, всю жизнь свою пользовавшійся одинаковымъ расположеніемъ патриціевъ и плебеевъ, а послѣ удаленія сдѣлавшійся еще дороже плебеямъ. Этого посредника и третейскаго судью въ возстановленіи согласія среди гражданъ, посла патриціевъ къ плебеямъ, вернувшаго плебеевъ въ городъ, не на что было похоронить; погребеніе было устроено плебеями, внесшими поголовно по $^{1}/_{6}$ асса [2]).

34. Затѣмъ консулами были избраны Т. Геганій и 262 г.
П. Минуцій. Въ тотъ годъ, когда и внѣ царило спокойствіе, и дома было возстановлено согласіе, государство постигло другое, болѣе тяжелое, бѣдствіе—сперва дороговизна съѣстныхъ припасовъ, явившаяся слѣдствіемъ того, что поля остались, по случаю удаленія плебеевъ, невоздѣланными, а затѣмъ такой голодъ, какой бываетъ у осажденныхъ. И дѣло непремѣнно дошло бы до гибели рабовъ и плебеевъ, если бы консулы не приняли мѣръ, разославъ для закупки хлѣба во всѣ стороны, не только въ Этрурію въ правую сторону по берегу отъ Остіи и въ лѣвую чрезъ страну вольсковъ

[1]) Во время Ливія этой колонны уже не было.

[2]) Считая отъ фунтоваго асса; см. I 43 пр.

въ Кумы, но даже въ Сицилію; такъ вражда съ сосѣдями заставила искать помощи въ отдаленныхъ странахъ. Когда хлѣбъ былъ закупленъ въ Кумахъ, то корабли съ нимъ были задержаны тиранномъ Аристодемомъ [1]) въ залогъ за имущество Тарквиніевъ, котораго онъ былъ наслѣдникомъ. Въ землѣ вольсковъ и Помптинской области даже купить ничего нельзя было; самые покупщики хлѣба подвергались даже опасности нападенія со стороны народа. Хлѣбъ изъ Этруріи пришелъ по Тибру, и онъ поддержалъ плебеевъ. Несвоевременная при столь стѣсненномъ продовольствіи война обрушилась бы на нихъ, если бы вольсковъ, уже бравшихся за оружіе, не поразила страшная моровая язва. Это бѣдствіе такъ напугало враговъ, что, даже когда оно ослабѣло, страхъ ихъ не прошелъ; пользуясь этимъ, римляне увеличили число колонистовъ въ Велитрахъ, а въ горы выслали новую колонію — Норбу, которая должна была служить оплотомъ въ Помптинской области.

263 г. Въ правленіе слѣдовавшихъ затѣмъ консуловъ М. Минуція и А. Семпронія привезено было изъ Сициліи большое количество хлѣба, и возбужденъ былъ въ сенатѣ вопросъ, почемъ отпускать его народу. Многіе высказались, что пришло время прижать плебеевъ и вернуть права, исторгнутыя у патриціевъ насильственно—путемъ удаленія. Въ числѣ первыхъ Марцій Коріоланъ, врагъ трибунской власти, говорилъ: „если они хотятъ прежнихъ цѣнъ на продовольствіе, то пусть вернутъ прежнія права патриціямъ. Почему я вижу силу плебейскихъ чиновниковъ, силу Сицинія, самъ находясь подъ ярмомъ, точно выкупивъ свободу у разбойниковъ? ужели я стану переносить этотъ позоръ долѣе, чѣмъ къ тому вынуждаетъ необходимость? я, не потерпѣвшій царя Тарквинія, стану терпѣть Сицинія? пусть онъ теперь уходитъ, пусть зоветъ съ собой плебеевъ; открыта имъ дорога на Священную гору и другіе холмы. Пусть они грабятъ хлѣбъ съ нашихъ полей, какъ они грабили три года тому назадъ; пусть они пожинаютъ плоды дороговизны, которую создало ихъ возмущеніе. Смѣло утверждаю, что укрощенные этой бѣдой, они предпочтутъ сами стать земледѣльцами, чѣмъ съ оружіемъ въ рукахъ мѣшать воздѣлыванію земли своимъ удаленіемъ". Насколько трудно сказать, слѣдовало ли такъ поступить, настолько, по моему мнѣнію, возможно было патриціямъ подъ условіемъ удешевленія продовольствія избавить себя и отъ трибунской власти, и отъ всѣхъ правъ, тяготившихъ ихъ.

[1]) См. гл. 21.

35. Но и сенатъ призналъ это мнѣніе слишкомъ суровымъ, и раздраженные плебеи едва не взялись за оружіе: ихъ уже тѣснятъ голодомъ, точно непріятелей, лишаютъ пищи и насущно необходимаго; иноземный хлѣбъ, единственное средство прокормленія, неожиданно посланное судьбою, будетъ вырванъ изо рта, если Гн. Марцію не будутъ выданы трибуны связанными, если онъ не получитъ удовлетворенія, бичуя римскихъ плебеевъ. Онъ является новымъ палачемъ для нихъ, такъ какъ приказываетъ или умирать, или идти въ рабство. При выходѣ изъ куріи, онъ подвергся бы нападенію, если бы трибуны въ пору не назначили ему срокъ явиться въ судъ [1]). Это успокоило раздраженіе: всякій видѣлъ себя судьею, господиномъ надъ жизнью и смертью врага. Марцій сперва съ презрѣніемъ слушалъ угрозы трибуновъ: имъ-де дано право защищать, а не наказы-

[1]) Право требовать на судъ народа (не видно, въ трибутскихъ, или въ центуріатскихъ комиціяхъ) покусившихся на права его патриціевъ, вѣроятно, дано было вмѣстѣ съ закономъ о трибунахъ, а не присвоено ими, какъ увѣряетъ Коріоланъ; если бы трибуны незаконно привлекали его къ отвѣтственности, то, разумѣется, сенатъ протестовалъ бы противъ такого превышенія власти.

вать; они трибуны плебеевъ, а не патриціевъ. Но плебеи были до того враждебно настроены, что патриціи считали себя вынужденными пожертвовать однимъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на негодованіе плебевъ, они оказали имъ сопротивленіе, прибѣгая частію къ личному вліянію, частію къ вліянію всего сословія. Сперва попробовали, нельзя ли разстроить дѣло, отстраняя при помощи разосланныхъ кліентовъ угрозами отъ сходокъ и совѣщаній. Затѣмъ выступили всѣ,—можно было подумать, что всѣ патриціи подсудимые,—умоляя плебеевъ подарить имъ одного только гражданина, одного только сенатора, какъ будто виноватаго [1]), если они уже не хотятъ освободить невиннаго [2]). Но такъ какъ онъ самъ въ назначенный день не явился, то раздраженіе упорно держалось. Осужденный заочно, онъ ушелъ въ изгнаніе къ вольскамъ, грозя отечеству и уже тогда питая враждебные замыслы. Вольски любезно приняли его и со дня на день тѣмъ съ большимъ почтеніемъ относились къ нему, чѣмъ больше онъ проявлялъ гнѣвъ на земляковъ, и чѣмъ чаще слышались то жалобы, то угрозы его. Онъ пользовался гостепріимствомъ Атта Туллія. Послѣдній выдѣлялся въ ту время знатностью среди вольскихъ и былъ всегда врагомъ римлянъ. И вотъ они совѣщаются о войнѣ противъ Рима, одинъ—подстрекаемый старинной враждой, другой—недавней обидой. Они понимали, что не легко побудить народъ послѣ столькихъ несчастныхъ попытокъ снова взяться за оружіе; многія предшествовавшія войны, а въ послѣднее время язва истребила молодежь, а это сокрушило духъ сопротивленія; такъ какъ ненависть ослабѣла уже отъ времени, то надо

[1]) По мнѣнію плебеевъ.

[2]) По мнѣнію патриціевъ.

дѣйствовать искусственными средствами, чтобы вызвать раздраженіе какой-нибудь новой обидой.

36. Случайно въ Римѣ готовились къ Великимъ играмъ [1]), подлежавшимъ возобновленію [2]). Причина возобновленія была слѣдующая: во время игръ рано утромъ, еще до начала представленія какой-то хозяинъ гналъ по срединѣ цирка раба подъ колодкой [3]) и сѣкъ его; затѣмъ начались игры, точно будто бы приведенное обстоятельство не имѣло никакого отношенія къ празднеству. Немного спустя, плебей Титъ Латиній видѣлъ сонъ: ему представилось, будто Юпитеръ сказалъ ему, что на играхъ ему не понравился предводитель процессіи; если игры не будутъ повторены въ великолѣпной обстановкѣ, то городъ подвергнется опасности; пусть онъ идетъ и возвѣститъ объ этомъ консуламъ. Хотя умъ его не былъ конечно свободенъ отъ религіознаго страха, однако уваженіе къ значенію должностныхъ лицъ и опасеніе показаться смѣшнымъ одержали верхъ. Эта нерѣшительность дорого обошлась ему: чрезъ нѣсколько дней онъ потерялъ сына. Чтобы причина этой неожиданной бѣды не осталась сомнительной, душевно измученному явилось во снѣ то же лицо, спрашивая, достаточно ли онъ награжденъ за небреженіе къ волѣ божества? предстоитъ еще горшее, если онъ не отправится поскорѣе и не сдѣлаетъ сообщенія консуламъ. Дѣло было уже очень ясно. Когда онъ однако медлилъ и откладывалъ, его поразила страшная болѣзнь, проявившаяся во внезапномъ параличѣ. Тутъ гнѣвъ боговъ уже подѣйствовалъ на него. И вотъ, измученный пред-

[1]) По свидѣтельству Ливія, „Великія игры" были votivi, т. е. учреждены по обѣщанію (ср. I 35).

[2]) Если случалось во время игръ что-нибудь, что могло служить дурнымъ предзнаменованіемъ, то ихъ слѣдовало устроить снова.

[3]) См. I 26 и примѣч.

шествовавшими и настоящими бѣдами, онъ созываетъ на совѣтъ близкихъ и излагаетъ имъ видѣнное и слышанное, неоднократное явленіе во снѣ Юпитера, угрозы и гнѣвъ небожителей, сбывшіеся въ его несчастіяхъ; по единогласному рѣшенію всѣхъ присутствующихъ его несутъ на носилкахъ на форумъ къ консуламъ; внесенный оттуда по приказанію консуловъ въ курію, онъ разсказалъ то же самое сенаторамъ къ великому удивленію всѣхъ; и вотъ свершается новое чудо: разсказываютъ, что онъ, который внесенъ былъ въ курію лишеннымъ движенія всѣхъ членовъ, исполнивъ свой долгъ, ушелъ домой пѣшкомъ.

37. Сенатъ постановилъ отправить игры самымъ торжественнымъ образомъ. На эти игры, по совѣту Аттія Туллія, явилось множество вольсковъ. Передъ началомъ игръ Туллій, согласно уговору съ Марціемъ, явившись къ консуламъ, заявляетъ, что имѣетъ сдѣлать секретное сообщеніе по государственному дѣлу. По удаленіи свидѣтелей, онъ говоритъ: „противъ воли я долженъ сказать нѣчто дурное о своихъ согражданахъ. Но я являюсь не съ обвиненіемъ, что они уже совершили что-нибудь, а съ предостереженіемъ, чтобы имъ не удалось совершить. Наши граждане непостоянны въ гораздо большей степени, чѣмъ я хотѣлъ бы. Это мы испытали во многихъ пораженіяхъ, такъ какъ самымъ существованіемъ своимъ мы обязаны не своимъ заслугамъ, а вашему терпѣнію. Теперь здѣсь большое количество вольсковъ; у васъ игры, граждане будутъ заняты зрѣлищемъ. Я помню, что при такомъ же случаѣ сдѣлали въ этомъ городѣ сабинскіе юноши [1]); страхъ беретъ, чтобы не случилось чего-нибудь необдуманнаго и безразсуднаго. Я рѣшилъ, консулы, въ нашихъ и вашихъ интересахъ напередъ сказать вамъ объ этомъ. Что

[1]) См. гл. 18.

касается до меня, то я рѣшилъ теперь же уйти отсюда домой, чтобы, оставаясь, не попасть въ какую-нибудь бѣду за участіе въ чемъ-нибудь словомъ или дѣломъ“. Сказавъ это, онъ ушелъ. Когда консулы донесли сенату объ этомъ сомнительномъ дѣлѣ, переданномъ однако вѣрнымъ лицомъ, то, по обыкновенію, обратили больше вниманія на свидѣтеля, чѣмъ на существо дѣла, а это повело къ принятію даже излишнихъ мѣръ предосторожности. Состоялось сенатское постановленіе объ удаленіи вольсковъ изъ города, и разосланы были глашатаи съ приказомъ, чтобы они ушли до наступленія ночи. Сперва, когда они бѣжали собрать у знакомыхъ свои вещи, ихъ объялъ великій ужасъ; а затѣмъ, когда они уходили, ими овладѣло негодованіе, что ихъ, точно злодѣевъ и оскверненныхъ, удалили отъ игръ, отъ праздника, отъ этого, такъ сказать, сообщества боговъ и людей. **38.** Шли они почти сплошными вереницами, и Туллій, пришедшій напередъ къ Ферентинскому источнику, встрѣчалъ знатнѣйшихъ, по мѣрѣ прибытія ихъ жалобами и выраженіемъ негодованія; всѣ они, охотно слушая рѣчи, вторившія ихъ раздраженію, пошли за нимъ на поле, лежащее ниже дороги, а за ними собралась и остальная толпа. Здѣсь, точно ораторъ въ народномъ собраніи, упомянувъ о прежнихъ обидахъ, причиненныхъ римскимъ народомъ, и пораженіяхъ, понесенныхъ вольсками, онъ сказалъ: „забывъ все остальное, какъ вы относитесь къ этому сегодняшнему оскорбленію—къ празднованію игръ, начатому нашимъ позоромъ? или вы не понимаете, что сегодня отпразднованъ тріумфъ надъ вами? ваше удаленіе послужило зрѣлищемъ для всѣхъ гражданъ и пришельцевъ, для столькихъ сосѣднихъ народовъ, а ваши жены и ваши дѣти уведены на глазахъ всѣхъ? о чемъ, по вашему мнѣнію, думали всѣ, которые слышали слова глашатая, которые видѣли васъ уходящими, которые повстрѣчались съ этой

опозоренной толпой, какъ не о какомъ нибудь безбожномъ дѣлѣ? потому насъ гонятъ съ мѣста благочестивыхъ, изъ ихъ собранія, что мы своимъ присутствіемъ осквернили бы игры и вызвали бы очистительныя жертвоприношенія. Что же далѣе? вамъ не приходитъ въ голову, что мы живы потому, что поспѣшили уйти? разумѣется, если то, что мы дѣлаемъ, есть удаленіе, а не бѣгство. И вы не считаете враженскимъ этотъ городъ, оставшись въ которомъ одинъ день, вы всѣ бы погибли? Они объявили вамъ войну, и великое горе будетъ объявившимъ, если вы мужи"! Раздраженные сами по себѣ и воспламененные еще болѣе этими словами, они разошлись оттуда по домамъ и, подстрекая каждый свое племя, добились отпаденія всѣхъ вольсковъ.

39. Согласно рѣшенію всѣхъ племенъ, главнокомандующими для этой войны были выбраны Аттій Туллій и римскій изгнанникъ Гн. Марцій, на котораго полагали больше всего надеждъ. И онъ не обманулъ этихъ надеждъ, доказавъ, что римское государство сильнѣе вождями, чѣмъ арміей. Отправившись въ Церцеи, онъ прежде всего выгналъ оттуда римскихъ колонистовъ и, освободивъ такимъ образомъ этотъ городъ, передалъ его вольскамъ. Перешедши отсюда проселочными дорогами на Латинскую дорогу, онъ отнялъ недавно пріобрѣтенные римскіе города — Сатрикъ, Лонгулу, Полуску, Коріолы; затѣмъ взялъ Лавиній; затѣмъ одинъ за другимъ Корбіонъ, Ветеллію, Требій, Лабики, Педъ. Наконецъ отъ Педа онъ двинулся къ Риму и, расположившись лагеремъ въ 5000 шаговъ отъ города у Клуиліева рва, началъ опустошать оттуда римскія поля, пославъ съ опустошителями наблюдателей, которые слѣдили бы за цѣлостью полей патриціевъ, потому ли, что онъ былъ болѣе раздраженъ противъ плебеевъ, или съ цѣлью посѣять раздоръ между патриціями и плебеями.

И онъ бы возникъ,—такъ своими обвиненіями трибуны возбуждали противъ знати и безъ того уже ожесточенныхъ плебеевъ!—но страхъ предъ внѣшнимъ врагомъ, эти самыя крѣпкія узы согласія, соединялъ умы, хоть и относившіеся другъ къ другу съ подозрѣніемъ и непріязнью. Въ одномъ только не было согласія: сенатъ и консулы полагали всю надежду на оружіе, а народъ все предпочиталъ войнѣ. Консулами были уже Сп. Нав- 266 г. [1]
тій и С. Фурій. Когда они дѣлали смотръ легіонамъ и распредѣляли отряды по стѣнамъ и другимъ пунктамъ, гдѣ казалось необходимымъ имѣть сторожевые посты и караулы, ихъ сперва напугала мятежнымъ крикомъ огромная толпа, требовавшая мира, а затѣмъ заставила созвать сенатъ и сдѣлать докладъ относительно отправленія пословъ къ Гн. Марцію. Сенаторы согласились съ докладомъ, когда убѣдились, что мужество плебеевъ поколебалось; но отправленные къ Марцію послы съ просьбою о мирѣ, принесли суровый отвѣтъ: переговоры возможны, если вольскамъ будутъ возвращены поля; если же они хотятъ спокойно пользоваться добытымъ на войнѣ, то онъ, помня объ обидѣ, нанесенной ему гражданами, и о гостепріимствѣ друзей, постарается доказать, что изгнаніе раздражило, а не сокрушило его. Когда тѣ же лица вновь были посланы, то ихъ не пустили въ лагерь. Разсказываютъ, что ходили въ непріятельскій лагерь съ просьбами и жрецы въ своихъ священныхъ одеждахъ; но и они не болѣе, чѣмъ послы, имѣли успѣхъ. **40**. Тогда матроны толпою собираются къ матери Коріолана Ветуріи и

---

[1] Прибавляя *уже*, Ливій показываетъ, что эти консулы не непосредственно слѣдовали за предшествующими (гл. 34); изъ позднѣйшихъ списковъ (фастовъ) дополняютъ двѣ пары: Кв. Сульпицій Камеринъ и Сергій Ларцій Флавъ (264) и Г. Юлій Юлъ и П. Пинарій Руфъ (265 г.).

женѣ Волумніи. Было ли то слѣдствіемъ общественнаго рѣшенія, или страха женщинъ, я не нахожу точныхъ извѣстій; во всякомъ случаѣ онѣ добились того, что и Ветурія, женщина преклонныхъ лѣтъ, и Волумнія, неся съ собою двухъ своихъ маленькихъ сыновей отъ Марція, пошли въ непріятельскій лагерь, и, такъ какъ мужи не въ состояніи были защищать городъ оружіемъ, то женщины попытались защитить его мольбами и слезами. Когда онѣ пришли къ лагерю и Коріолану было возвѣщено, что явилась большая толпа женщинъ, то сперва, при видѣ женскихъ слезъ, онъ обнаружилъ еще большее упорство, такъ какъ остался безчувственнымъ предъ величіемъ государства при появленіи пословъ и предъ святыней, представшей предъ его взорами и умомъ, при прибытіи жрецовъ. Затѣмъ одинъ изъ приближенныхъ, узнавъ среди другихъ пораженную горемъ Ветурію, стоявшую между невѣсткой и внуками, сказалъ: „если меня не обманываютъ глаза, то тутъ твоя мать, жена и дѣти". Тогда Коріоланъ, приведенный въ замѣшательство, почти какъ безумный, побѣжалъ съ своего сѣдалища на встрѣчу матери съ распростертыми объятіями; но эта женщина, смѣнивъ мольбы на гнѣвъ, сказала: „прежде чѣмъ принять объятія, позволь мнѣ узнать, къ врагу, или къ сыну я пришла, плѣнница, или мать я въ твоемъ лагерѣ. Къ тому-ли влекла меня долгая жизнь моя и несчастная старость, чтобы я видѣла тебя сперва изгнанникомъ, а потомъ врагомъ? ты могъ опустошать эту землю, которая родила и вскормила тебя? въ какомъ бы враждебномъ и угрожающемъ настроеніи ты ни пришелъ сюда, неужели твой гнѣвъ не палъ при вступленіи въ эти предѣлы? въ виду Рима не пришло тебѣ на мысль: „за этими стѣнами мой домъ и пенаты, мать, жена и дѣти?" Итакъ, если бы я не родила, то Римъ не былъ бы въ осадѣ; если бы у меня не было сына, то я умерла бы свободною въ свободномъ отечествѣ. Но мнѣ уже не осталось ничего болѣе позорнаго для тебя и болѣе прискорбнаго для меня, и если я весьма несчастна, то не надолго; ты подумай объ этихъ, которыхъ, въ случаѣ твоего упорства, ждетъ или преждевременная смерть, или продолжительное рабство!" Затѣмъ объятія жены и дѣтей, вопль всей толпы женщинъ, оплакивавшихъ себя и отечество, сломили наконецъ рѣшимость этого мужа: обнявъ своихъ, онъ отпускаетъ ихъ, а самъ отодвигаетъ лагерь отъ города. Разсказываютъ, что, когда войска были уведены изъ римской области, то вслѣдствіе негодованія на его поступокъ онъ погибъ— по однимъ одной, а по другимъ — другой смертью. У Фабія, древнѣйшаго писателя, я нахожу извѣстіе, что онъ дожилъ до старости; по крайней мѣрѣ, по его разсказу, на склонѣ дней онъ часто повторялъ, что для старика изгнаніе еще гораздо тяжелѣе. Римскіе мужи не лишили женщинъ должной имъ похвалы—столь чуждо было тому времени стремленіе порочить чужую славу!— и даже для увѣковѣченія этого событія, соорудили и освятили храмъ Женскому Счастію [1]).

Затѣмъ, присоединивъ эквовъ, вольски вернулись въ римскую область, но эквы не согласились признавать долѣе вождемъ Аттія Туллія; изъ спора, вольски или эквы должны дать вождя соединенному войску, возникъ раздоръ, а затѣмъ ожесточенная битва. Тутъ судьба римскаго народа истребила два непріятельскихъ войска въ битвѣ, столь же гибельной, сколько упорной. Консулы Т. Сициній и Г. Аквилій. На долю Сицинія выпала борьба съ вольсками, на долю Аквилія—съ герниками, тоже бывшими 267 г.
подъ оружіемъ. Въ томъ году герники были окончатель-

[1]) Храмъ этотъ находился на Латинской дорогѣ въ 4000 шаговъ отъ города, на 1000 шаговъ ближе лагеря вольсковъ. Вѣроятно, увидавъ женщинъ, Коріоланъ вышелъ сюда на встрѣчу имъ.

но побѣждены; борьба съ вольсками кончилась нерѣшительно.

268 г. **41**. Затѣмъ консулами стали Сп. Кассій и Прокулъ Вергиній. Съ герниками [1]) заключенъ былъ договоръ; $^2/_3$ полей у нихъ было отнято [2]). Половину ихъ консулъ Кассій полагалъ раздѣлить латинянамъ, а половину плебеямъ. Къ этому дару онъ хотѣлъ присоединить часть общественнаго поля, съ упрекомъ указывая, что оно, будучи собственностью государства, находится въ рукахъ частныхъ лицъ [3]). Многимъ патриціямъ, состоявшимъ владѣльцами этой земли, такая мѣра грозила опасностью для ихъ благосостоянія; но безпокоились они и за государство, полагая, что своею щедростью консулъ создаетъ могущество, опасное для свободы. Тогда въ первый разъ опубликованъ былъ аграрный законопроектъ, обсужденіе котораго въ послѣдующее время до нашихъ дней всегда сопровождалось великимъ потрясеніемъ государства. Этой раздачѣ воспротивился другой консулъ, опираясь на сенатъ и встрѣчая противодѣйствіе со стороны не всѣхъ плебеевъ, которые сперва начали роптать, что даръ этотъ теряетъ цѣну, ставъ общимъ для гражданъ и союзниковъ; затѣмъ они неоднократно слышали въ собраніи какъ бы пророчества консула Вергинія, что предлагаемый товарищемъ даръ гибеленъ, что эти поля приведутъ ихъ

[1]) Герники жили въ горахъ и отличались своей храбростью; они дѣлились на нѣсколько самостоятельныхъ кантоновъ, составлявшихъ одинъ союзъ.

[2]) Тутъ что-то не вѣрно: если герники были побѣждены, то приводимыя условія черезъ чуръ выгодны для нихъ, если же они добровольно вступили въ союзъ, то черезчуръ суровы. Весьма возможно, что поровну дѣлилась между союзниками (римлянами, латинянами и герниками) получаемая отъ враговъ добыча и отнимаемая у нихъ земля, а это ошибочно перенесено на землю самихъ герниковъ.

[3]) Неправда состояла въ томъ, что патриціи одни пользовались государственной землей, не допуская до нея плебеевъ. Теперь консулъ предлагаетъ отнять эту землю отъ временныхъ владѣльцевъ и раздать плебеямъ въ собственность.

будущихъ владѣльцевъ къ рабству, что они открываютъ путь къ царской власти. Съ какой стати въ самомъ дѣлѣ было привлекать сюда же союзниковъ и латинское племя? какая иная цѣль была возвращать [1]) третью часть отнятаго поля герникамъ, недавно бывшимъ врагами, какъ не та, чтобы эти народы вмѣсто Коріолана считали вождемъ Кассія? И уже противникъ, мѣшавшій проведенію аграрнаго закона, сталъ дѣлаться популярнымъ. Затѣмъ оба консула наперерывъ другъ передъ другомъ стали угождать народу. Вергиній заявлялъ, что онъ допуститъ отводъ полей лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ произведенъ только римскимъ гражданамъ; Кассій, стремившійся раздачею полей заслужить симпатіи и союзниковъ и потому не особенно угодившій гражданамъ, желая склонить ихъ на свою сторону инымъ даромъ, приказалъ раздѣлить народу деньги, вырученныя отъ продажи сицилійскаго хлѣба. Но плебеи отвергли этотъ даръ, считая его ничѣмъ инымъ, какъ наличной платою за царскую власть: до такой степени, вслѣдствіе зародившагося подозрѣнія въ домогательствѣ царской власти, граждане презирали въ душѣ его подарки, точно все у нихъ было въ изобиліи. Извѣстно, что немедленно по сложеніи должности онъ былъ осужденъ и казненъ. Нѣкоторые передаютъ, что виновникомъ казни его былъ отецъ; онъ, разслѣдовавъ дѣло дома, высѣкъ и казнилъ сына, а имущество его посвятилъ Церерѣ; на эти деньги была изготовлена статуя и на ней вырѣзано: „даръ дома Кассіевъ". У другихъ я нахожу извѣстіе, — и оно ближе къ истинѣ, — что квесторы Цезонъ Фабій и Л. Валерій привлекли его къ суду за государственную измѣну, и онъ осужденъ былъ судомъ народа, а домъ его разру-

[1]) По мнѣнію Вергинія, герники покоренный народъ, а потому у нихъ слѣдовало отнять всю землю, не оставляя имъ и $^1/_3$.

шенъ по распоряженію властей. Это площадь, находящаяся передъ храмомъ Земли. Во всякомъ случаѣ, былъ ли то судъ домашній, или общественный, осужденіе его состоялось въ консульство Сервія Корнелія и Кв. Фабія.

42. Раздраженіе народа противъ Кассія было не продолжительно. Прелесть аграрнаго законопроекта сама по себѣ, по устраненіи предложившаго его, начала привлекать гражданъ, и страстное желаніе добиться его усилилось вслѣдствіе скаредности патриціевъ, которые послѣ побѣды, одержанной въ томъ году надъ вольсками и эквами, обошли народъ добычею: все, взятое у враговъ, консулъ Фабій продалъ и отдалъ въ казну. Изъ-за послѣдняго консула имя Фабіевъ стало ненавистно плебеямъ; тѣмъ не менѣе патриціи добились избранія
270 г. въ консулы Цезона Фабія вмѣстѣ съ Л. Эмиліемъ. Раздраженный этимъ еще болѣе, народъ вызвалъ домашними раздорами внѣшнюю войну; а во время ея гражданскія распри были оставлены. Примирившіеся патриціи и плебеи, предводимые Эмиліемъ, въ удачной битвѣ разбили возставшихъ вольсковъ и эквовъ. Но больше враговъ погибло въ бѣгствѣ, чѣмъ въ битвѣ: съ такимъ упорствомъ всадники преслѣдовали разсѣявшихся. Въ томъ же году въ квинтильскія иды [1]) былъ посвященъ храмъ Кастора [2]); обѣщанъ онъ былъ въ латинскую войну диктаторомъ Постуміемъ; освященіе совершилъ сынъ его, избранный для этого въ дуумвиры [3]).

¹) Т. е. 15 іюля; полагать надо, то былъ день битвы (гл. 20), такъ какъ по списку праздниковъ храмъ былъ посвященъ 27 января.

²) Храмъ этотъ былъ построенъ въ честь обоихъ Діоскуровъ—Кастора и Поллукса, хотя обыкновенно называется именемъ перваго. Онъ находился у подножія Палатинскаго холма и донынѣ отъ него сохранилось 3 колонны.

³) Дуумвиры избирались для наблюденія за постройкой храма; если обѣщавшій построить храмъ не могъ самъ освятить его, то въ число дуумвировъ назначался ближайшій родственникъ его, которому и поручалось это дѣло.

И въ этомъ году умы плебеевъ были волнуемы заманчивымъ аграрнымъ законопроектомъ. Народные трибуны старались проявить свою популярную власть въ угодныхъ народу предложеніяхъ; патриціи же, считая, что и безъ надежды на поживу народъ слишкомъ много неистовствуетъ, съ ужасомъ смотрѣли на эти подачки, побуждавшія его къ безразсудству. Консулы оказались весьма дѣятельными вождями сопротивленія патриціевъ. Поэтому побѣда оказалась на сторонѣ этой партіи и не только въ настоящій моментъ, но и на слѣдующій
годъ привела къ избранію въ консулы М. Фабія, брата 271 г.
Цезона, и Л. Валерія, еще болѣе ненавистнаго плебеямъ за обвиненіе Спурія Кассія. И въ этомъ году шла борьба съ трибунами. Законопроектъ не прошелъ, а тѣ, которые внесли его, оказались хвастунами, такъ какъ не дали предполагаемаго дара. Имя Фабіевъ прославилось тремя слѣдовавшими одно за другимъ консульствами, которыя всѣ сопровождались безпрерывными спорами съ трибунами; поэтому эта высокая честь довольно долго оставалась за этимъ родомъ, такъ какъ считали, что она въ надежныхъ рукахъ. Затѣмъ началась вейентская война и возстаніе вольсковъ. Силъ для веденія внѣшнихъ войнъ было почти въ избыткѣ, и ими злоупотребляли, затѣвая распри между собой. При всеобщемъ уже возбужденіи умовъ почти ежедневно въ городѣ и въ деревняхъ стали появляться грозныя небесныя знаменія. Прорицатели, вопрошаемые и отъ имени государства, и частными лицами, и производившіе гаданія то по внутренностямъ животныхъ, то по полету птицъ, объясняли причину такого раздраженія божества ничѣмъ инымъ, какъ ненадлежащимъ совершеніемъ священнодѣйствій. Однако, всѣ эти ужасы разрѣшились тѣмъ, что весталка Оппія, обвиненная въ прелюбодѣяніи, была казнена.

272 г. **43**. Затѣмъ консулами стали Кв. Фабій и Г. Юлій. Въ этомъ году не утихало разногласіе дома, а внѣ шла еще болѣе ожесточенная борьба. Эквы взялись за оружіе; кромѣ того, вейенты вступили въ римскую область, опустошая поля. Когда тревога, причиняемая этими вой-
273 г. нами, усиливалась, консулами сдѣлались Цезонъ Фабій и Сп. Фурій. Эквы осаждали латинскій городъ Ортону; вейенты, награбивъ уже много добычи, грозили осадить самый Римъ. Эти ужасы, которые должны были укротить плебеевъ, напротивъ содѣйствовали подъему ихъ духа. И не по собственному почину они вновь прибѣгли къ отказу отъ службы, но трибунъ Сп. Лициній, полагая, что пришло время воспользоваться крайне стѣсненнымъ положеніемъ и навязать патриціямъ аграрный законъ, взялся мѣшать веденію войны. Впрочемъ все раздраженіе, которое онъ вызвалъ злоупотребляя трибунской властью, обрушилось на самого виновника. и нападеніе консуловъ на него не было болѣе ожесточенно, чѣмъ нападеніе собственныхъ его товарищей, при содѣйствіи которыхъ консулы и произвели наборъ. Войско набирается для веденія одновременно двухъ войнъ: одно передается Фабію, чтобы онъ велъ его противъ вейентовъ, а другое Фурію — противъ эквовъ. И въ землѣ эквовъ не случилось ничего достойнаго упоминанія; у Фабія же гораздо болѣе хлопотъ было съ гражданами, чѣмъ съ врагами. Одинъ этотъ мужъ, самъ консулъ, поддерживалъ государственное дѣло, тогда какъ войско, изъ ненависти къ нему, старалось предать его, насколько то зависѣло отъ него. Ибо когда консулъ, независимо весьма многихъ талантовъ главнокомандующаго, обнаруженныхъ имъ и въ приготовленіи къ войнѣ, и въ веденіи ея, такъ построилъ войско, что разсѣялъ врага, выпустивъ лишь конницу, пѣхота отказалась преслѣдовать разсѣянныхъ; и ни увѣщанія ненавистнаго вождя, ни даже преступность дѣла и позоръ государства въ настоящую минуту, а затѣмъ и опасность, въ случаѣ мужество вернется къ непріятелю, не могли заставить ихъ ускорить шагъ или хоть, по крайней мѣрѣ, стоять въ строю. Не получивъ приказанія, они поворачиваютъ знамена и печальные—можно бы подумать, что они побѣждены, — возвращаются въ лагерь, проклиная то вождя, то усердіе всадниковъ. И полководецъ не изыскалъ никакихъ средствъ, чтобы побороть этотъ столь пагубный примѣръ: до такой степени у человѣка выдающихся дарованій скорѣе можетъ не хватить умѣнья управиться съ гражданами, чѣмъ побѣдить врага. Консулъ вернулся въ Римъ, не столько увеличивъ свою славу, сколько раздраживъ и ожесточивъ противъ себя ненависть. Тѣмъ не менѣе патриціи добились того, что консульство осталось въ родѣ Фабіевъ: консуломъ выбираютъ М. 274 г.
Фабія, а въ товарищи ему даютъ Гн. Манлія.

44. И въ этомъ году трибунъ выступилъ съ предложеніемъ аграрнаго закона. То былъ Тиб. Понтифицій. Вступивъ на тотъ же путь, какъ Сп. Лициній, точно тотъ имѣлъ успѣхъ, онъ на нѣкоторое время помѣшалъ набору. Когда среди патриціевъ снова произошло смятеніе, то Аппій Клавдій заявилъ, что въ прошедшемъ году трибунская власть побѣждена—на дѣлѣ на то только время, а по примѣру на вѣчныя времена, такъ какъ оказалось, что она разрушается своими силами [1]. Всегда вѣдь найдется такой, который захочетъ одержать побѣду надъ товарищемъ и заручиться расположеніемъ аристократіи, содѣйствуя благу государства; если нужно нѣсколько, то нѣсколько трибуновъ всегда будетъ готово помогать консуламъ, но даже одного достаточно

[1] См. гл. 43. Въ средѣ самихъ трибуновъ обнаружилось разногласіе, вслѣдствіе котораго одни мѣшали мѣропріятіямъ другихъ. На такое разногласіе патриціи могутъ расчитывать и въ будущемъ.

хоть и противъ всѣхъ. Пусть только консулы и старѣйшіе патриціи стараются привлечь на сторону интересовъ государства и сената, если не всѣхъ, то хоть нѣсколькихъ трибуновъ. Убѣжденные совѣтами Аппія, всѣ патриціи стали обращаться вѣжливо и привѣтливо съ трибунами, да и бывшіе консулы, пользуясь правами, вытекавшими изъ частныхъ отношеній къ отдѣльнымъ лицамъ, гдѣ вліяніемъ, гдѣ авторитетомъ добились того, что тѣ согласились обратить силу трибунской власти на пользу государства: опираясь на содѣйствіе девяти [1]) трибуновъ противъ одного противника общаго блага, консулы произвели наборъ.

Затѣмъ они отправились на войну противъ Вей, куда сошлись вспомогательныя войска со всей Этруріи, не столько изъ расположенія къ вейентамъ, сколько въ надеждѣ, что внутренніе раздоры могутъ разрушить римское государство. Знатнѣйшіе люди въ собраніяхъ всѣхъ народовъ Этруріи громко заявили, что сила римская вѣчна, если они сами не станутъ уничтожать другъ друга внутренними раздорами. Это единственный ядъ, это единственная язва для сильныхъ государствъ, дѣлающая великое господство ихъ конечнымъ. Долго было сдерживаемо это зло частію разумными планами патриціевъ, частію терпѣніемъ плебеевъ, но уже дѣло дошло до крайности: изъ одного государства стало два, у каждой партіи свои должностныя лица, свои законы. Сперва безпорядки происходили при наборахъ, но во время войны все-таки оказывали повиновеніе вождямъ; что бы ни происходило въ городѣ, но если въ войскахъ сильна была дисциплина, то государство могло держаться; но обычай не слушаться властей слѣдуетъ за римскимъ

[1]) II 30 упомянуто лишь 5 трибуновъ, такъ что здѣсь слѣдовало бы сказать „четырехъ“; или Ливій имѣлъ передъ собой другого анналиста, или же мы имѣемъ дѣло съ ошибкой переписчика.

воиномъ уже въ лагерь. Въ послѣднюю войну во время самаго боя, въ минуту ожесточенія, вслѣдствіе соглашенія воиновъ, побѣда добровольно была передана побѣжденнымъ эквамъ [1]), знамена покинуты, вождь оставленъ въ строю, безъ приказанія послѣдовало возвращеніе въ лагерь. Конечно, при настойчивости, Римъ можетъ быть побѣжденъ собственными воинами; надо только объявить войну и открыть военныя дѣйствія; остальное сдѣлаетъ сама судьба и боги. Эти надежды вооружили этрусковъ, бывшихъ въ многочисленныхъ превратностяхъ судьбы и побѣжденными, и побѣдителями. **45.** И консулы римскіе ничего не боялись, кромѣ своихъ собственныхъ силъ, своего оружія. Воспоминаніе о дурномъ примѣрѣ, данномъ въ послѣднюю войну, не позволяло доводить дѣло до того, чтобы одновременно надо было бояться двухъ войскъ. Итакъ они держались въ лагерѣ, не рѣшаясь сразиться въ виду двойной опасности: время и самыя обстоятельства, думали они, быть можетъ, ослабятъ раздраженіе и возвратятъ здравомысліе народу. Тѣмъ болѣе спѣшили дѣйствовать вейенты и этруски: сперва они вызывали на бой, подъѣзжая къ лагерю съ громкимъ крикомъ, а наконецъ, когда это нисколько не дѣйствовало, они стали бранить то самихъ консуловъ, то войско: притворные внутренніе раздоры, говорили они, являются лишь прикрытіемъ трусости, и консулы столь же мало надѣются на храбрость воиновъ, сколь мало довѣряютъ ихъ образу мыслей; небывалая форма мятежа—тишина и бездѣйствіе воиновъ. Къ этому они присоединяли частію вѣрныя замѣчанія объ ихъ [2]) необычайномъ происхожденіи. Къ этимъ возгласамъ, раздававшимся подъ самымъ валомъ и у воротъ, консулы относились довольно равнодушно; но неопытная толпа то выражала негодо-

[1]) Въ 43 гл. подобный случай разсказанъ изъ вейентской войны.
[2]) Т. е. римлянъ.

ваніе, то стыдилась и забывала о домашнихъ невзгодахъ: она не желаетъ оставить не отмщенными враговъ, но и не желаетъ успѣха ни патриціямъ, ни консуламъ; въ душѣ плебеевъ происходитъ борьба между ненавистью къ своимъ и къ врагамъ; наконецъ послѣдняя одерживаетъ верхъ: до такой степени высокомѣрно и нагло издѣвался врагъ! Толпою они собираются къ палаткѣ главнокомандующаго, требуютъ, чтобы былъ поданъ сигналъ. Консулы, какъ бы въ раздумьи, перешептываются и долго бесѣдуютъ. Они желали сразиться, но желаніе надо было подавить и скрыть, чтобы сопротивленіемъ и медленностью усилить пылъ разгоряченныхъ воиновъ. Отвѣчаютъ, что это преждевременно, что не пришла еще пора сразиться; пусть остаются въ лагерѣ. Поэтому издаютъ распоряженіе воздерживаться отъ сраженія; если кто безъ приказанія вступитъ въ бой, то будетъ наказанъ, какъ врагъ. Ушедши, воины воспламеняются тѣмъ большимъ желаніемъ сразиться, чѣмъ меньше его видятъ въ консулахъ; и враги еще съ гораздо большимъ ожесточеніемъ раздражаютъ ихъ, узнавъ, что консулы рѣшили не давать битвы: оскорбленія, думали они, останутся безнаказанными, воинамъ не довѣряютъ оружія, вспыхнетъ ожесточенное возстаніе, наступилъ конецъ римскому государству. Въ надеждѣ на это, они подбѣгаютъ къ воротамъ, усиливаютъ брань, едва удерживаются отъ штурма лагеря. Но тутъ римляне не могли уже долѣе выносить обидъ: по всему лагерю, со всѣхъ сторонъ бѣгутъ къ консуламъ; уже не въ сдержанной формѣ, какъ прежде, не чрезъ посредство старшихъ центуріоновъ передаютъ свои требованія, но повсюду всѣ кричатъ. Рѣшеніе назрѣло, но консулы медлятъ. Когда затѣмъ побуждаемый усиливавшимся шумомъ товарищъ готовъ былъ уже уступить, опасаясь возстанія, Фабій, давъ знакъ молчать, сказалъ: „я знаю, Гн. Манлій, что они могутъ побѣдить; но по ихъ собственной винѣ я не знаю, хотятъ ли они этого. Итакъ я безповоротно рѣшилъ не давать сигнала къ битвѣ, если они не поклянутся вернуться изъ этого боя побѣдителями. Консула римскаго воины разъ обманули въ битвѣ, но боговъ не обманутъ никогда!“ Въ числѣ первыхъ, требовавшихъ битвы, находился центуріонъ М. Флаволей; „побѣдителемъ“, сказалъ онъ, „М. Фабій, я вернусь изъ сраженія“. На случай обмана, онъ призываетъ на себя гнѣвъ Отца-Юпитера, Марса-Защитника и иныхъ боговъ. Затѣмъ всѣ воины, выступая впередъ одинъ за другимъ, повторяютъ ту же клятву. Послѣ этого подается сигналъ; берутъ оружіе; идутъ на бой полными гнѣва и надежды. Пусть теперь злословятъ этруски, пусть теперь, когда они вооружены, идутъ на нихъ эти враги, острые на языкъ. Въ тотъ день явили всѣ отмѣнную доблесть—и патриціи, и плебеи; особенно отличился родъ Фабіевъ. Они рѣшили этой битвой примирить съ собою плебеевъ, которыхъ вооружили противъ себя многими гражданскими распрями.

46. Войско выстраивается, не отказываются и вейенты и этрусскіе легіоны. Они почти увѣрены были, что съ ними такъ же будутъ сражаться, какъ сражались съ эквами [1]); можно-де надѣяться и на другое, болѣе тяжкое преступленіе, въ виду столь сильнаго раздраженія и когда къ тому представляется съ двухъ сторонъ случай [2]). Но дѣло вышло совсѣмъ иначе: ни на какую изъ предшествовавшихъ битвъ римляне не шли съ большимъ ожесточеніемъ: такъ озлобило ихъ съ одной стороны издѣвательство врага, съ другой — медлительность консуловъ. Едва этруски успѣли развернуть ряды, какъ въ самомъ началѣ сумотохи дро-

[1]) Ср. къ гл. 44.

[2]) Т. е. они могутъ убить вождей или перейти на сторону враговъ и тѣмъ избавить себя отъ необходимости драться.

тики были не то что пущены, а скорѣе зря брошены, и дѣло дошло до рукопашной, до мечей, когда сраженіе отличается особенной яростью. Въ первомъ ряду Фабіи обращали на себя вниманіе и служили примѣромъ гражданамъ. Тутъ находился и Кв. Фабій, бывшій три года назадъ консуломъ; стремительно несясь въ густые ряды вейентовъ и неосторожно попавъ въ кучу враговъ, онъ былъ проженъ мечемъ въ грудь тускомъ, человѣкомъ страшной силы и мастеромъ владѣть оружіемъ; когда мечъ былъ извлеченъ, Фабій упалъ, склонивъ голову къ раненой груди. Гибель этого одного мужа почувствовали оба войска, и римляне стали отступать; но консулъ Фабій перепрыгнулъ черезъ трупъ и, держа впередъ небольшой щитъ [1]), сказалъ: „въ томъ ли вы клялись, воины, что вернетесь въ лагерь бѣглецами? или вы даже трусливѣйшихъ враговъ боитесь болѣе, чѣмъ Юпитера и Марса, которыми вы клялись? А я, не дававшій клятвы, или вернусь побѣдителемъ, или сражаясь лягу здѣсь около тебя, Кв. Фабій!“ Тогда Цезонъ Фабій, консулъ предшествовавшаго года, сказалъ консулу: „или ты думаешь, братъ, убѣдить ихъ этими словами сражаться? боги, которыми они клялись, заставятъ ихъ; мы же, какъ подобаетъ вождямъ, какъ прилично роду Фабіевъ, будетъ возбуждать мужество воиновъ лучше сражаясь, чѣмъ увѣщавая“. Такъ два Фабія съ копьями впередъ выбѣжали въ первый рядъ и увлекли за собою все войско. **47**. Когда на одной сторонѣ битва была возстановлена, консулъ Гн. Манлій поощрялъ сражаться на другомъ флангѣ, гдѣ счастье было почти такое-же: ибо какъ на томъ флангѣ было съ Кв. Фабіемъ, такъ тутъ за консуломъ Манліемъ, пока онъ гнался за врагами, точно они были уже разбиты, бодро слѣдовали

1) Такимъ щитомъ были вооружены всадники; даже спрыгнувъ съ коня, консулъ не беретъ большого щита пѣхотинца.

воины, когда же онъ, получивъ тяжкую рану, вышелъ изъ строя, они дрогнули, думая, что онъ убитъ, и отступили бы, если бы поколебавшееся счастіе не поддержалъ другой консулъ, прискакавшій во весь опоръ въ эту сторону съ нѣсколькими эскадронами всадниковъ, крича, что товарищъ живъ и что онъ самъ побѣдилъ, такъ какъ другой флангъ враговъ разсѣянъ. Для возстановленія порядка является и самъ Манлій. Узнавъ обоихъ консуловъ, воины ободрились. Вмѣстѣ съ тѣмъ ряды враговъ были уже рѣдки, такъ какъ, надѣясь на численное превосходство, они послали резервы брать лагерь. Сдѣлавъ на него не особенно энергичное нападеніе, они тратили время, думая больше о добычѣ, чѣмъ о битвѣ; тѣмъ временемъ римскіе тріаріи [1]), не бывшіе въ состояніи выдержать перваго натиска, послали къ консуламъ извѣстіе о своемъ положеніи, а сами по собственному почину собрались въ кучу, возвратились къ преторской палаткѣ и возобновили сраженіе. Консулъ Манлій, вернувшись въ лагерь, поставилъ у всѣхъ воротъ воиновъ и отрѣзалъ врагамъ путь. Это отчаянное положеніе возбудило въ этрускахъ скорѣе ярость, чѣмъ храбрость. Ибо послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ нападеній въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ являлась надежда выйти, одна кучка юношей бросилась на самого консула, замѣтивъ его по оружію. Окружавшіе его сперва встрѣтили стрѣлы, но затѣмъ не въ состояніи были выдержать напоръ: консулъ палъ, пораженный смертельной раной, а окружавшіе разсѣялись. Храбрость этрусковъ ростетъ, а трепещущихъ римлянъ страхъ гонитъ черезъ весь лагерь, и они дошли бы до крайности, если бы легаты, схвативъ тѣло консула, не от-

1) Тріаріи называются такъ потому, что въ строю они составляютъ третій рядъ; ихъ обыкновенно оставляютъ на защиту лагеря.

крыли чрезъ однѣ ворота путь врагамъ. Тутъ они выскочили, но, уходя безпорядочной толпой, натолкнулись на побѣдителя—другого консула. Здѣсь они были снова разсѣяны и перебиты. Одержана была блестящая побѣда, но ее омрачила смерть двухъ столь славныхъ мужей. Въ виду этого, хотя и состоялось сенатское опредѣленіе относительно тріумфа, но консулъ заявилъ, что онъ вполнѣ согласенъ допустить тріумфъ войска вслѣдствіе особенной его доблести, проявившейся въ этой войнѣ, если только оно можетъ праздновать тріумфъ безъ вождя; самъ же онъ по причинѣ семейнаго траура по смерти брата Кв. Фабія, въ виду того, что государство, потерявъ одного изъ консуловъ, отчасти осиротѣло, пораженный общественной и частной скорбью, не можетъ принять лавроваго вѣнка. Этотъ отказъ отъ тріумфа былъ славнѣе всякаго тріумфа: такъ иной разъ своевременно отклоненное прославленіе воздавалось въ большей мѣрѣ. Затѣмъ онъ распоряжался подъ рядъ двумя похоронами, товарища и брата, и обоимъ сказалъ надгробныя рѣчи; уступая имъ при этомъ свои заслуги, онъ тѣмъ самымъ вызвалъ признаніе большей части ихъ за собой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, помня о задуманномъ въ началѣ консульства примиреніи съ плебеями, онъ распредѣлилъ между патриціями лѣченіе раненыхъ воиновъ. Большая часть была помѣщена къ Фабіямъ и нигдѣ за ними не было болѣе тщательнаго ухода. Съ этого времени Фабіи стали уже популярны исключительно благодаря средствамъ, полезнымъ для государства.

275 г. **48**. Итакъ вмѣстѣ съ Вергиніемъ получилъ консульство Цезонъ Фабій, опираясь столько же на патрицієвъ, сколько на плебеевъ. Пользуясь тѣмъ, что надежда на примиреніе уже въ нѣкоторомъ смыслѣ возникла, онъ заботился о войнѣ, о наборѣ и о всемъ иномъ въ такой же степени, какъ о томъ, чтобы при каждомъ удобномъ случаѣ плебеи сближались съ патриціями. Съ этою цѣлью въ началѣ года онъ высказалъ мнѣніе, что, прежде чѣмъ выступитъ какой-нибудь трибунъ съ аграрнымъ законопроектомъ, сенаторы должны предупредить его своимъ даромъ, раздѣливъ возможно равномѣрно плебеямъ отнятое у врага поле: вполнѣ справедливо, чтобы имъ владѣли тѣ, чьей кровью и потомъ оно пріобрѣтено. Сенаторы отвергли это предложеніе; нѣкоторые даже жаловались, что энергичный нѣкогда характеръ Цезона вслѣдствіе чрезмѣрной жажды славы слабѣетъ и исчезаетъ. Дальнѣйшей борьбы партій въ городѣ не послѣдовало. Латиняне были тревожимы нападеніями экововъ. Посланный туда съ войскомъ Цезонъ перешелъ въ землю самихъ экововъ, чтобы опустошать ее; послѣдніе отступили въ города и держались въ стѣнахъ; вслѣдствіе этого не произошло ни одной замѣчательной битвы.

Между тѣмъ вейенты нанесли пораженіе вслѣдствіе неосторожности другого консула, и не явись своевременно на помощь Цезонъ Фабій, войско погибло бы. Съ того времени не было ни мира, ни войны съ вейентами; дѣло стало очень похоже на разбой: предъ римскими легіонами они отступали въ города; но какъ только узнавали объ ихъ удаленіи, дѣлали набѣги на поля, превращая попеременно войну въ миръ, а миръ въ войну. Такимъ образомъ нельзя было ни бросить, ни закончить этой борьбы. А между тѣмъ предстояли и другія войны или теперь же, какъ напримѣръ, со стороны экововъ и вольсковъ, которые оставались спокойными лишь до тѣхъ поръ, пока давала себя чувствовать свѣжая боль отъ послѣдняго пораженія,—или же въ ближайшемъ будущемъ, ибо было очевидно, что сабиняне, постоянно настроенные враждебно, и вся Этрурія готовятся къ войнѣ. Но вейенты были врагами не столько страшными, сколько постоянными, и чаще тревожили

обидами [1]), чѣмъ дѣйствительными опасностями; такимъ образомъ они ни минуты не позволяли забыть о себѣ и заняться чѣмъ-нибудь другимъ. Тогда явились въ сенатъ Фабіи. За всѣхъ рѣчь держитъ консулъ: „какъ вамъ извѣстно, сенаторы, вейентская война нуждается не столько въ большомъ, сколько въ постоянномъ отрядѣ. Вы заботьтесь о другихъ войнахъ, а Фабіямъ предоставьте вейентскую. Ручаемся вамъ, что величіе римскаго имени не подвергнется тамъ опасности. Мы имѣемъ въ виду частными средствами вести эту, такъ сказать, нашему роду принадлежащую войну; государство будетъ свободно отъ поставки туда воиновъ и отпуска денегъ“. За это была выражена имъ глубокая признательность. Вышедши изъ куріи, консулъ вернулся домой въ сопровожденіи толпы Фабіевъ, стоявшей въ ожиданіи сенатскаго постановленія въ преддверіи куріи. Имъ приказано было на слѣдующій день явиться въ оружіи къ дому консула; затѣмъ они разошлись по домамъ. **49**. Молва объ этомъ распространяется по всему городу; Фабіевъ превозносятъ до небесъ; одинъ родъ принимаетъ на себя государственное бремя; вейентская война перешла на попеченіе частныхъ лицъ, ведется частнымъ оружіемъ. Если найдется въ городѣ два столь сильныхъ рода, если одинъ возьметъ себѣ вольсковъ, другой эквовъ, то всѣ сосѣдніе народы могутъ быть покорены, тогда какъ римскій народъ будетъ жить въ мирѣ. На слѣдующій день Фабіи вооружаются; сходятся въ назначенное мѣсто. Консулъ, въ военномъ плащѣ [2]), выходя видитъ передъ домомъ своимъ весь родъ Фабіевъ построившимся въ ряды. Вступивъ въ средину, онъ приказываетъ нести знамена. Никогда еще по городу не двигалось войско столь малочисленное, но въ то же время столь славное и возбуждающее большее удивленіе: 306 воиновъ [1]), всѣ патриціи, всѣ одного рода, изъ коихъ никого даже дѣятельный сенатъ не отвергъ бы въ любое время въ роли вождя, шли, грозя силами одного рода погубить вейентскій народъ. За ними слѣдовала цѣлая толпа; тутъ были и свои — родственники и друзья, которые мечтали не о чемъ нибудь обыкновенномъ, будетъ ли то надежда, или страхъ, но непремѣнно о великомъ [2]), — и чужіе, привлеченные заботами о государствѣ, недоумѣвающіе, какъ выразить свое расположеніе и удивленіе. Желаютъ имъ мужества и счастія въ походѣ, желаютъ принести назадъ результатъ, соотвѣтствующій замыслу; послѣ того обѣщаютъ консульства и тріумфы, всякія награды и почести. Когда они проходили мимо Капитолія и кремля и другихъ храмовъ, то сопровождавшіе молились богамъ, которыхъ видѣли и которыхъ мысленно представляли себѣ, чтобы они даровали этому отряду счастливый благополучный походъ и вернули ихъ въ скоромъ времени здоровыми къ родителямъ на родину. Но молитвы были напрасны. Отправившись по Несчастной улицѣ [3]), чрезъ правую арку воротъ Карменты [4]), они дошли до

---

1) Рѣчь идетъ о постоянныхъ нападеніяхъ съ цѣлью грабежа и опустошенія.

2) Такъ какъ предпріятіе Фабіевъ имѣетъ частный характеръ, то едва ли разсказъ Ливія вѣренъ, что консулъ выступаетъ во главѣ отряда: правдоподобнѣе Діонисій Галикарнасскій (IX 25) называетъ вождемъ бывшаго консула М. Фабія, указывая, что Кв. Фабій присоединился къ отряду лишь въ слѣдующемъ году, сложивъ консульство.

1) Показаніе Ливія не противорѣчитъ свидѣтельству другихъ историковъ, говорящихъ, что выступило 4000—5000 человѣкъ; естественно, что Фабіи взяли съ собой прислугу и кое-кого изъ кліентовъ.

2) Они думали, что предпріятіе Фабіевъ или безпримѣрно прославитъ этотъ родъ, или кончится полнымъ истребленіемъ его.

3) Послѣ гибели рода Фабіевъ эта улица стала называться „Несчастной“.

4) Этими воротами они вышли на Марсово поле и переправились черезъ Тибръ выше города.

рѣки Кремеры [1]). Это мѣсто было признано удобнымъ для сооруженія крѣпостцы.

Затѣмъ консулами стали Л. Эмилій и Г. Сервилій. И пока дѣло ограничивалось только опустошеніями, то Фабіевъ было достаточно не только для защиты ихъ крѣпостцы, но на всемъ пространствѣ, гдѣ этрусскія земли прилегаютъ къ римскимъ, ходя по тѣмъ и другимъ границамъ, они защищали все свое и подвергали опасности вражеское. Затѣмъ послѣдовалъ небольшой перерывъ въ опустошеніяхъ; тѣмъ временемъ вейенты, призвавъ войска изъ Этруріи, приступили къ осадѣ крѣпостцы на Кремерѣ, и римскіе легіоны, приведенные консуломъ Л. Эмиліемъ, вступили въ бой съ этрусками; впрочемъ вейенты едва имѣли время построить войско: въ первыя минуты лихорадочной поспѣшности, пока подъ знаменами размѣщаются ряды войска и резервы, налетѣвшій внезапно съ фланга отрядъ римскихъ всадниковъ не далъ возможности не только начать битву, но и устоять на мѣстѣ. Отброшенные такимъ образомъ къ Краснымъ Скаламъ [2]), гдѣ у нихъ былъ лагерь, они умоляютъ о мирѣ; но, по врожденному легкомыслію, еще до удаленія римскаго отряда съ Кремеры, стали жалѣть, что получили его.

50. Опять у вейентскаго народа началась съ Фабіями борьба, хотя приготовленій къ большой войнѣ не было сдѣлано, и дѣло не ограничивалось уже набѣгами на поля или внезапными нападеніями на грабителей, но нѣсколько разъ сражались и въ чистомъ полѣ, съ знаменами съ обѣихъ сторонъ, при чемъ одинъ родъ римскаго народа часто одерживалъ побѣду надъ могущественнѣйшимъ по тому времени государствомъ этрусскимъ. Это сперва огорчало и возмущало вейентовъ, затѣмъ, сообразно съ обстоятельствами, возникъ планъ уловить жестокого врага въ засады; поэтому имъ даже пріятно было видѣть, что отъ большихъ успѣховъ у Фабіевъ увеличивается храбрость. Въ виду этого не однократно на встрѣчу грабителямъ гнали стада, точно они случайно попадались, бѣжавшіе поселяне оставляли поля пустыми, вооруженные отряды, которые были посылаемы, чтобы удержать опустошенія, бѣжали чаще отъ притворнаго, чѣмъ отъ истиннаго страха. И уже Фабіи съ презрѣніемъ смотрѣли на врага, думая, что ихъ непобѣдимаго оружія не можетъ сдержать никакое мѣсто и никакое время. Эта надежда увлекла ихъ такъ далеко, что они бѣжали за скотомъ, который увидѣли далеко отъ Кремеры за большимъ полемъ, хотя тутъ и тамъ замѣтны были вооруженные враги. И когда, не замѣчая того, они проскакали мимо засадъ, расположенныхъ на самомъ пути, и разсыпавшись ловили разбѣжавшійся, по обыкновенію, отъ страха скотъ, внезапно враги поднимаются изъ засадъ и показываются передъ ними вездѣ. Сперва ихъ испугалъ послышавшійся со всѣхъ сторонъ крикъ, а затѣмъ отовсюду посыпались стрѣлы. По мѣрѣ того, какъ этруски сходились, Фабіи были окружаемы уже безпрерывною цѣпью вооруженныхъ, и чѣмъ больше врагъ наступалъ, тѣмъ болѣе и они вынуждаемы были собираться въ тѣсный кругъ; это дѣлало замѣтной ихъ малочисленность и многочисленность этрусковъ, такъ какъ число рядовъ послѣднихъ вслѣдствіе тѣсноты мѣста увеличилось. Прекративъ битву, которая велась равномѣрно на всѣ стороны, они отступаютъ въ одно мѣсто; напирая туда тѣлами и оружіемъ и построившись клиномъ, они проложили себѣ путь. Дорога вела на полого возвышавшійся холмъ. Здѣсь только они остановились; затѣмъ, получивъ возможность на возвышенномъ мѣстѣ пере-

[1]) Впадающая съ правой стороны въ Тибръ маленькая рѣчка Кремера находилась уже въ вейентской области.

[2]) Мѣсто это, лежавшее не далеко отъ Рима на Фламиніевой дорогѣ, именуется теперь grotta Rossa.

вести духъ, они оправились отъ страха, и даже отразили подступавшихъ; пользуясь удобствомъ мѣста, меньшинство побѣдило бы, если бы посланные въ обходъ горами вейенты не взобрались на вершину холма. Это дало опять перевѣсъ врагу. Фабіи всѣ до одного были перебиты и крѣпостца ихъ занята. Согласно засвидѣтельствовано, что всѣ 306 погибли, и остался одинъ только близкій къ совершеннолѣтію наслѣдникъ рода Фабіевъ, которому суждено было и въ мирѣ, и на войнѣ не однократно помогать римскому народу въ критическія минуты [1]).

276—277 г. **51.** Во время этого пораженія консулами были уже Г. Горацій и Т. Мененій. Послѣдній немедленно былъ посланъ противъ этрусковъ, возгордившихся побѣдой. Но и тогда дѣло шло неудачно, и враги заняли Яникулъ; городъ, тѣснимый кромѣ войны дороговизною, былъ бы осажденъ, — этруски перешли уже Тибръ, — если бы консулъ Горацій не былъ отозванъ изъ земли вольсковъ. И эта война угрожала самымъ стѣнамъ, такъ что первая, нерѣшительная битва была у храма Надежды [2]), вторая у Коллинскихъ воротъ. Хотя здѣсь на римской сторонѣ былъ и незначительный перевѣсъ, но въ этой битвѣ къ воинамъ вернулось прежнее мужество и они вышли изъ нея лучшими для будущихъ сраженій.

[1]) Уже Діонисій сомнѣвался, что изъ всѣхъ Фабіевъ остался только одинъ юноша; и самъ Ливій, называя его консуломъ 287 г., тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что въ 276 г. онъ былъ вполнѣ зрѣлымъ мужемъ. День истребленія рода Фабіевъ пріурочивали къ 18 іюля (ср. Лив. VI 1); въ этотъ день считалось непозволительнымъ предпринимать что нибудь важное (dies nefastus). Впрочемъ относительно времени истребленія Фабіевъ остается сомнѣніе: если указанный день вѣренъ, то непонятна прибавка въ началѣ 51 гл. „уже", указывающаго на начало 277 г., а не на конецъ 276.

[2]) Храмъ этотъ находился за Эсквилійскими воротами къ В. отъ города.

Консулами стали А. Вергилій и Сп. Сервилій. Послѣ 278 г.
пораженія, понесеннаго въ ближайшей битвѣ, вейенты воздержались отъ боя; происходили опустошенія и дѣлались нападенія на римскія поля во всѣ стороны съ Яникула, точно изъ крѣпости; ни скотъ, ни поселяне нигдѣ не были въ безопасности. Но они были обмануты тѣмъ же способомъ, какимъ обманули Фабіевъ. Преслѣдуя скотъ, разогнанный нарочито повсюду для приманки, они попали въ засаду. И насколько число ихъ было больше, настолько сильнѣе была рѣзня. Возникшее изъ этого пораженія крайнее ожесточеніе послужило основаніемъ и началомъ для большаго побоища. Ибо, переправившись ночью черезъ Тибръ, они бросились штурмовать лагерь консула Сервилія. Прогнанные оттуда съ большими потерями, они едва отступили на Яникулъ. Немедленно консулъ тоже переходитъ Тибръ и укрѣпляетъ лагерь подъ Яникуломъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, ободренный въ значительной степени вчерашней удачной битвой и еще болѣе побуждаемый недостаткомъ хлѣба хоть и на рискованное предпріятіе, лишь бы оно скоро кончилось, онъ неосторожно направилъ войско прямо на Яникулъ на непріятельскій лагерь, былъ оттуда прогнанъ съ большимъ позоромъ, чѣмъ прогналъ наканунѣ врага, и спасся самъ съ войскомъ лишь благодаря прибытію товарища. Попавъ между двухъ армій и поворачивая тылъ то къ той, то къ другой, этруски были совершенно уничтожены. Такъ, благодаря удачному, но безразсудному предпріятію, окончена была вейентская война.

52. Съ водвореніемъ мира ослабѣла и дороговизна съѣстныхъ припасовъ въ городѣ, какъ потому, что былъ привезенъ хлѣбъ изъ Кампаніи, такъ и потому, что вынуто было все припрятанное, послѣ того какъ всѣ перестали бояться недостатка для себя въ будущемъ. Затѣмъ обиліе и миръ снова сдѣлали народъ необуз-

даннымъ, и онъ сталъ искать прежняго зла дома, когда его не было внѣ. Трибуны начали волновать плебеевъ, прибѣгая къ своей обычной отравѣ—аграрному законопроекту и возбуждая не только противъ всѣхъ патрицiевъ, сопротивлявшихся имъ, но и противъ отдѣльныхъ лицъ. Предложившіе аграрный законопроектъ Кв. Консидій и Т. Генуцій привлекли къ суду Т. Мененія. Въ вину ставилась ему потеря крѣпостцы на Кремерѣ, такъ какъ онъ, будучи консуломъ, стоялъ не подалеку оттуда [1]). Это обвиненіе привело къ осужденію, хотя патриціи не менѣе стояли за него, чѣмъ за Коріолана, и расположеніе къ отцу его Агриппѣ еще не утратилось. Однако, трибуны уменьшили наказаніе: потребовавъ казни, они по обсужденіи приговорили его къ уплатѣ 2000 мѣдныхъ ассовъ [2]). Но оно обратилось для него въ смертную казнь: говорятъ, что онъ не вынесъ позора и огорченія, заболѣлъ и умеръ.

Затѣмъ преданъ былъ суду другой — Сп. Сервилій, какъ только сложилъ консульство, сейчасъ же въ на-
279 г. чалѣ года. Это было при консулахъ Г. Навтіи и П. Валеріи; когда трибуны Л. Цедицій и Т. Стацій назначили ему срокъ явки къ суду, онъ встрѣтилъ вызовъ ихъ не просьбами своими или патриціевъ, какъ Мененій, но выраженіемъ полной увѣренности въ своей невинности и въ расположеніи къ нему. И ему поставлена была въ вину битва съ этрусками у Яникула. Но, будучи человѣкомъ пылкаго характера, какъ прежде при государственной опасности, такъ тогда при своей, онъ уничтожилъ ее смѣлостью: въ грозной рѣчи онъ опровергъ не только трибуновъ, но и плебеевъ и упре-

---

1) Ср., однако, гл. 51.

2) Первоначально наказаніе опредѣлялось тѣмъ или другимъ количествомъ головъ скота, но потомъ оно было переведено на деньги, и въ законѣ опредѣлена высшая мѣра.

калъ ихъ за осужденіе и смерть Т. Мененія, несмотря на то, что его отецъ своими стараніями нѣкогда вернулъ ихъ, и благодаря ему они имѣютъ теперь этихъ должностныхъ лицъ, при посредствѣ которыхъ неистовствуютъ, и эти законы. Поддержалъ его и товарищъ Вергиній, выставленный свидѣтелемъ, удѣливъ ему часть своей славы; особенно же помогъ ему судъ надъ Мененіемъ — такъ перемѣнилось тогда настроеніе!

53. Домашніе споры кончились; началась война съ вейентами, къ которымъ присоединились сабиняне. Консулъ П. Валерій, посланный по прибытіи вспомогательныхъ войскъ отъ латинянъ и герниковъ съ арміей въ Веи, немедленно напалъ на сабинскій лагерь, расположенный предъ стѣнами союзниковъ, и навелъ на сабинянъ такой страхъ, что, пока тѣ дѣлали вылазки отдѣльными манипулами въ разныхъ пунктахъ, чтобы удержать напоръ врага, взялъ лагерь, проникнувъ въ него чрезъ тѣ ворота, на которыя направилъ свое первое нападеніе. За валомъ произошла затѣмъ не битва, а рѣзня. Изъ лагеря смятеніе распространяется и на городъ; вейенты въ страхѣ, точно ихъ городъ взятъ, хватаются за оружіе. Часть идетъ на помощь сабинянамъ, часть нападаетъ на римлянъ, устремившихъ все свое вниманіе на лагерь. На нѣкоторое время римляне поколебались и пришли въ смятеніе; но затѣмъ, повернувъ знамена на обѣ стороны, они и сами оказываютъ сопротивленіе, и посланная консуломъ конница разсѣеваетъ и обращаетъ въ бѣгство этрусковъ; въ одинъ часъ побѣждены были два войска, два могущественнѣйшихъ и величайшихъ сосѣднихъ народа.

Пока это происходитъ у Вей, вольски и эквы расположились лагеремъ въ латинской области и опустошали ее. Сами латиняне, безъ римскаго вождя или помощи, въ союзѣ съ герниками лишили ихъ лагеря; вернувъ свое, они захватили еще большую добычу.

Тѣмъ не менѣе противъ вольсковъ былъ посланъ изъ Рима консулъ Г. Навтій; я полагаю, не понравилось, что союзники безъ римскаго вождя и войска сами, собственными силами и по собственному плану, ведутъ войны. Всѣ роды бѣдствій и обидъ примѣнены были противъ вольсковъ, и все-таки нельзя было добиться, чтобы они вышли на бой.

280 г. **54**. Затѣмъ консулами были Л. Фурій и Г. Манлій. На долю Манлія достались вейенты; но войны не было; согласно просьбѣ, имъ дано было на 40 лѣтъ перемиріе, послѣ того какъ приказано было доставить хлѣбъ и уплатить издержки. За водвореніемъ мира извнѣ немедленно слѣдуютъ раздоры дома. Плебеи неистовствовали, волнуемые аграрнымъ законопроектомъ трибуновъ. Консулы, ни мало не устрашенные осужденіемъ Менения и опасностью Сервилія, усиленно сопротивлялись. Когда они слагали власть, то привлечены были къ суду трибуномъ Гн. Генуціемъ.

Въ консульство вступаютъ Л. Эмилій и Опитеръ Вергиній; въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ вмѣсто Вергинія
281 г. я нахожу консула Вописка Юлія. Въ этомъ году—какіе бы тамъ консулы ни были—обвиненные передъ народомъ Фурій и Манлій обходятъ въ траурной одеждѣ какъ плебеевъ, такъ и младшее поколѣніе патриціевъ. Убѣждаютъ, склоняютъ не принимать должностей и управленія государствомъ; консульскіе пучки, претексту и курульное кресло слѣдуетъ считать ничѣмъ инымъ, какъ принадлежностями похоронной церемоніи; облеченные блестящими знаками власти, точно жертвенными повязками, предназначаются къ смерти. Если имъ такъ нравится консульство, то пусть они уже теперь убѣдятся, что оно находится въ плѣну и угнетеніи у всесильныхъ трибуновъ; консулъ, точно трибунскій служитель, долженъ дѣлать все по мановенію и распоряженію трибуна; если же онъ пошевелится, если обратитъ вниманіе на патриціевъ, если подумаетъ, что въ государствѣ есть еще что-нибудь кромѣ плебеевъ, то онъ долженъ живо представить себѣ изгнаніе Гн. Марція, осужденіе и смерть Менения. Возбужденные такими рѣчами, патриціи начали совѣщаться не въ куріи, а частнымъ образомъ и не доводя о томъ до свѣдѣнія большого числа лицъ. Пришедши здѣсь только къ тому рѣшенію, что подсудимыхъ надо освободить правдой или неправдой, они одобряли всѣ самыя суровыя мнѣнія, и не было недостатка въ исполнителяхъ даже дерзкаго дѣла. И вотъ въ день суда, когда плебеи въ напряженномъ ожиданіи стояли на форумѣ, сперва дивились, отчего не выходитъ трибунъ; затѣмъ, когда замедленіе начало уже представляться очень подозрительнымъ, полагали, что онъ запуганъ знатью, и жаловались, что общественное дѣло покинуто и предано; наконецъ бывшіе у преддверія жилища трибуна возвѣстили, что онъ найденъ дома мертвымъ. Когда молва разнесла эту вѣсть по всему собранію, то подобно тому, какъ войско разсѣевается по убіеніи вождя, и плебеи разбѣжались всѣ въ разныя стороны. Но особенно напуганы были трибуны, убѣдившіеся смертью товарища, сколь лишена значенія помощь, представляемая законами о неприкосновенности ихъ. И патриціи неумѣренно выражали свою радость: до того никто не раскаявался въ винѣ, что даже невинные желали казаться свершившими ее и открыто говорили, что власть трибуновъ слѣдуетъ укротить злодѣяніями.

55. Еще подъ впечатлѣніемъ этой побѣды, дававшей очень дурной примѣръ, объявляется наборъ, и консулы производятъ его безъ всякаго протеста со стороны напуганныхъ трибуновъ. Тогда плебеи стали гнѣваться болѣе на молчаніе трибуновъ, чѣмъ на распоряженія консуловъ, и говорили, что настала конецъ ихъ свободѣ, что опять все вернулось къ старому; вмѣстѣ съ

Генуціемъ погибла и похоронена власть трибуновъ. Надо дѣйствовать иначе и изыскивать иные способы сопротивленія сенату; способъ же тутъ одинъ: плебеи, не находя ни въ комъ защиты, должны сами защищать себя. 24 ликтора служатъ консуламъ, и всѣ они плебеи; нѣтъ учрежденія болѣе достойнаго презрѣнія и болѣе слабаго, если только есть люди, которые могутъ не обращать на нихъ вниманія; но каждый представляетъ ихъ себѣ чѣмъ-то большимъ и страшнымъ. Такими рѣчами возбудили они другъ друга, и вотъ къ плебею Волерону Публилію, который говорилъ, что онъ не обязанъ идти въ солдаты, потому что онъ командовалъ ротой, консулы послали ликтора. Волеронъ обращается къ трибунамъ; когда же никто не подавалъ ему помощи, консулы приказываютъ обнажить его и приготовить розги. „Я апеллирую къ народу“, сказалъ Волеронъ, „такъ какъ трибуны предпочитаютъ видѣть, какъ на ихъ глазахъ сѣкутъ римскаго гражданина, чѣмъ погибать самимъ въ своей постели отъ рукъ вашихъ“. Чѣмъ громче кричалъ онъ, тѣмъ яростнѣе ликторъ рвалъ съ него тогу и раздѣвалъ его. Тогда Волеронъ, очень сильный самъ по себѣ и поддерживаемый подошедшими, оттолкнулъ ликтора и скрылся въ самую средину толпы, откуда раздавался особенно сильный крикъ негодующихъ за него, взывая: „я апеллирую и умоляю народъ о защитѣ; помогите, граждане, помогите, товарищи! Нечего ждать трибуновъ, которые сами нуждаются въ вашей помощи“. Возбужденная толпа готовится точно къ сраженію; и было очевидно, что наступилъ рѣшительный моментъ, что никакое ни общественное, ни частное право не будетъ ни для кого священнымъ. Вышедши на встрѣчу этой ужасной бурѣ, консулы легко убѣдились въ томъ, что величіе безъ силы не достаточно обезопашено. Ликторы были оскорблены, пучки сломаны, съ форума они были загнаны въ курію, не зная, насколько Волеронъ захочетъ пользоваться своей побѣдой. Когда шумъ стихъ, созвавъ сенатъ, они жалуются на причиненную имъ обиду, на насиліе со стороны плебеевъ, на дерзость Волерона. Хотя было высказано много рѣзкихъ мнѣній, но верхъ одержали старѣйшіе, рѣшившіе, что сенаторамъ не слѣдуетъ состязаться съ неразумными плебеями въ раздраженіи.

56. Обративъ на Волерона свое расположеніе, плебеи въ ближайшія комиціи избираютъ его народнымъ трибуномъ на тотъ годъ, когда консулами были Л. Пинарій и П. Фурій. Наперекоръ всеобщему мнѣнію, что онъ займетъ свое трибунство преслѣдованіемъ консуловъ предыдущаго года, онъ, ставя личное оскорбленіе ниже общаго дѣла, ни единымъ словомъ не затронулъ консуловъ, а внесъ къ народу предложеніе, чтобы плебейскіе чиновники избирались на трибутскихъ комиціяхъ. Предложеніе касалось очень важнаго предмета, хотя и озаглавливалось именемъ на первый взглядъ вовсе не страшнымъ: оно совершенно лишало патриціевъ возможности при помощи голосовъ своихъ кліентовъ выбирать угодныхъ имъ трибуновъ [1]). Этому весьма при- 282 г.

---

1) Предложеніе Волерона имѣло цѣлью учрежденіе трибутскихъ комицій, въ которыхъ бы избирались плебейскіе магистраты вмѣсто куріатскихъ комицій, гдѣ оно, по мнѣнію ученыхъ, происходило до сихъ поръ. При новомъ порядкѣ, въ избраніи принимали бы участіе только тѣ плебеи, которые имѣютъ недвижимую собственность, тогда какъ до сихъ поръ въ куріатскихъ комиціяхъ, кромѣ самихъ патриціевъ, голоса подавали и ихъ многочисленные кліенты, дѣйствуя, разумѣется, не въ интересахъ плебеевъ, а въ интересахъ своихъ патроновъ. Понятно, что патриціи самымъ энергичнымъ образомъ воспротивились этому предложенію. Надо однако замѣтить, что самъ Ливій не имѣетъ вполнѣ яснаго представленія о положеніи плебеевъ того времени, а потому въ разсказѣ его встрѣчаются противорѣчія: такъ напр., сообщаемое въ разбираемомъ мѣстѣ не вяжется съ гл. 23 и другими мѣстами, гдѣ говорится о плебеяхъ, какъ не имѣющихъ никакой собственности и опутанныхъ долговыми обязательствами патриціямъ.

ятному для плебеевъ предложенію упорно сопротивлялись патриціи, и хотя вліянію консуловъ и знатнѣйшихъ лицъ не удалось добиться вмѣшательства кого-нибудь изъ коллегіи трибуновъ, что представляло единственную возможность противодѣйствія, тѣмъ не менѣе это дѣло, трудное въ силу своего важнаго значенія, вслѣдствіе партійной борьбы затянулось на цѣлый годъ. Плебеи вновь выбираютъ трибуномъ Волерона, патриціи же, полагая, что дѣло дойдетъ до рѣшительнаго столкновенія, проводятъ въ консулы Аппія Клавдія, сына Аппія, ненавистнаго и враждебнаго плебеямъ уже со времени борьбы, веденной его отцомъ. Въ товарищи ему дается Т. Квинктій.

Съ самаго начала года рѣчь шла прежде всего о законопроектѣ. Но какъ Волеронъ былъ авторомъ его, такъ товарищъ его Леторій былъ столь же новымъ, сколько усерднымъ защитникомъ его. Рѣшительнымъ дѣлала его огромная военная слава, такъ какъ въ то время не было никого, кто бы превосходилъ его личной храбростью. И между тѣмъ какъ Волеронъ говорилъ лишь о законопроектѣ, воздерживаясь отъ нападокъ на консуловъ, этотъ, начавъ съ обвиненія Аппія и рода его, высокомѣрнаго и жестокаго противъ римскихъ плебеевъ, утверждалъ, что патриціи выбрали его не въ консулы, а въ палачи, чтобы мучить и терзать плебеевъ; но грубая рѣчь военнаго человѣка не соотвѣтствовала его свободолюбивому образу мыслей. И вотъ, ощущая недостатокъ въ выраженіяхъ, онъ сказалъ: „такъ какъ я не легко говорю, но твердо держусь того, что сказалъ, то прошу васъ, явитесь завтра сюда. Здѣсь я или умру на вашихъ глазахъ, или проведу законопроектъ". На слѣдующій день трибуны занимаютъ освященное мѣсто [1]);

[1]) Каѳедру; только съ мѣста, освященнаго авгуріями, можно дѣлать предложенія народу.

консулы и знать, чтобы помѣшать закону, остаются въ собраніи. Леторій приказываетъ удалить всѣхъ кромѣ желающихъ подавать голоса [1]). Но знатные юноши стояли, нимало не отступая предъ курьерами [2]). Тогда Леторій приказываетъ взять нѣкоторыхъ изъ нихъ. Консулъ Аппій отрицаетъ право трибуна противъ кого-нибудь кромѣ плебеевъ; онъ вѣдь чиновникъ не всего народа, а плебеевъ; даже самъ онъ [3]), въ силу своей высшей власти, не можетъ, согласно обычаю предковъ, удалять, такъ какъ говорится: „если вамъ угодно, Квириты, уходите". Разсуждая небрежнымъ тономъ о законахъ, онъ легко могъ взволновать Леторія. И вотъ раздраженный трибунъ посылаетъ къ консулу курьера, а консулъ къ трибуну ликтора, крича, что онъ частный человѣкъ, не имѣетъ высшей власти, что онъ не чиновникъ; и трибунъ подвергся бы оскорбленію, если бы все собраніе съ яростью не поднялось на консула въ защиту трибуна и не сбѣжалась бы со всего города на форумъ возбужденная толпа. Но Аппій упорно выдерживалъ эту бурю; и конечно дѣло дошло бы до кровопролитія; но другой консулъ, Квинктій, поручилъ консуларамъ, если нельзя будетъ иначе, то хоть силою увести товарища съ форума, а самъ успокоилъ просьбами разсвирѣпѣвшій народъ и убѣдилъ трибуновъ распустить собраніе; пусть дадутъ срокъ успокоиться гнѣву; время не лишитъ ихъ принадлежащей имъ силы, а прибавитъ къ силѣ разсудительность, и сенатъ подчинится народу, и консулъ сенату. **57.** Съ трудомъ успокоилъ Квинктій плебеевъ, еще съ гораздо большимъ трудомъ

[1]) Право подавать голосъ имѣли всѣ присутствующіе, но не всѣ, конечно, хотѣли пользоваться имъ; многіе являлись, чтобы помѣшать правильному ходу дѣла.

[2]) Viatores (курьеры) исполняли всѣ распоряженія трибуновъ.

[3]) Избираемыя всѣмъ народомъ (populus) должностныя лица имѣли право только *просить* разступиться, *а не приказывать*.

патриціи—другого консула. Когда наконецъ собраніе плебеевъ было распущено, подъ предсѣдательствомъ консуловъ происходитъ засѣданіе сената. Здѣсь страхъ и раздраженіе поочередно вызывали различныя мнѣнія; но съ теченіемъ времени, чѣмъ больше умы отъ увлеченія обращались къ размышленію, тѣмъ больше забывали о борьбѣ, такъ что даже выразили благодарность Квинктію за его содѣйствіе успокоенію раздоровъ. Аппія просятъ стремиться только къ такому величію консульской власти, какое можетъ быть въ государствѣ, желающемъ согласія. Въ то время какъ трибуны и консулы все рвутъ къ себѣ, посрединѣ не остается вовсе силъ [1]); государство раздѣлено и растерзано; стремятся не столько къ цѣлости его, сколько къ обладанію имъ. Напротивъ консулъ призывалъ въ свидѣтели боговъ и людей, что изъ трусости государство предаютъ и покидаютъ; не сенату недостаетъ консула, а консулу сената; принимаются болѣе тягостные законы, чѣмъ были приняты на Священной горѣ. Тѣмъ не менѣе, побѣжденный единодушіемъ сенаторовъ, онъ смолкъ. **58**. Законъ прошелъ тихо. Тогда трибуны въ первый разъ были выбраны въ трибутскихъ комиціяхъ. Пизонъ свидѣтельствуетъ, что прибавлено было три трибуна, какъ будто бы раньше было два. Онъ приводитъ и имена трибуновъ: Гн. Сикцій, Л. Нумиторій, М. Дуэллій, Сп. Ицилій, Л. Мецилій.

Во время безпорядковъ въ Римѣ началась война съ вольсками и эквами. Они опустошили поля, чтобы, въ случаѣ какого-нибудь удаленія плебеевъ, послѣдніе имѣли основаніе обратиться къ нимъ; но когда возстановлено было согласіе, они отодвинули лагерь назадъ. Ап. Клавдій посланъ въ землю вольсковъ, а на долю Квинктія достались эквы. Ту же суровость, которую Аппій проявлялъ дома, проявилъ онъ и на войнѣ, но только съ большей свободой, потому что она не стѣсняема была трибунскими оковами. Онъ ненавидѣлъ плебеевъ ненавистью, превышавшею ту, которую онъ унаслѣдовалъ отъ отца; онъ считалъ, что онъ побѣжденъ ими; хотя и избрали какъ противовѣсъ власти трибуновъ его, единственнаго консула, но законъ прошелъ, тотъ законъ, который при помощи нѣкоторыхъ крутыхъ мѣръ прежніе консулы остановили, хотя сенатъ и не возлагалъ на нихъ такихъ надеждъ. Это раздраженіе и негодованіе побуждали его суровый духъ терзать войско жестокими распоряженіями. И ничѣмъ нельзя было укротить воиновъ; такъ сильно укрѣпился въ нихъ духъ сопротивленія! Все дѣлалось медленно, вяло, небрежно, наперекоръ; ни стыдъ, ни страхъ не мѣшалъ идти тихо всякій разъ, какъ вождь желалъ ускорить маршъ; если онъ являлся поощрять къ работѣ, то всѣ ослабляли прилежаніе, обнаруженное добровольно; въ присутствіи его опускали взоры, и если онъ проходилъ мимо, то втихомолку посылали ему проклятія; все это порой тревожило и этотъ духъ, котораго не могла сломить ненависть плебеевъ. Испробовавъ напрасно всѣ крутыя мѣры, онъересталъ уже разговаривать съ воинами, говоря, что войско развращено центуріонами, называлъ ихъ иногда въ насмѣшку народными трибунами и Волеронами. **59**. Все это было извѣстно вольскамъ, и тѣмъ сильнѣе они наступали, надѣясь, что римское войско будетъ такъ же раздражено противъ Аппія, какъ было раздражено противъ консула Фабія. Впрочемъ, ненависть противъ Аппія была гораздо сильнѣе, чѣмъ противъ Фабія, ибо они не только не желали побѣдить, какъ воины Фабія, но даже желали быть побѣжденными. Выведенные въ строй, они въ позорномъ бѣгствѣ устремились въ лагерь и остановились

[1]) Существуетъ лишь двѣ партіи, а между ними нѣтъ нейтральнаго государства, которое могло бы возстановить равновѣсіе.

только тогда, когда увидѣли движеніе вольсковъ на укрѣпленія и позорное избіеніе арьергарда. Тогда они были вынуждены сразиться, такъ что побѣдоносный уже врагъ былъ отброшенъ отъ вала; тѣмъ не менѣе ясно было, что римскіе воины не хотѣли только отдать своего лагеря, а во всемъ остальномъ они рады своему пораженію и безчестію. Когда, нисколько не смущенный этимъ, суровый Аппій хотѣлъ еще прибѣгнуть къ строгости и готовъ былъ созвать собраніе, къ нему сбѣгаются легаты и трибуны, убѣждая его ни въ какомъ случаѣ не прибѣгать къ власти, вся сила которой основывается на готовности слушаться. Всѣ воины говорятъ, что они не пойдутъ на собраніе, повсюду слышны голоса, требующіе удаленія лагеря изъ вольской области. Побѣдоносный врагъ недавно былъ почти въ воротахъ и на валу, и предъ глазами всѣхъ очевидная, а не призрачная только, великая бѣда. Уступивъ наконецъ въ виду того, что выгадывается только отсрочка наказанія, онъ отмѣняетъ собраніе, приказываетъ объявить на завтрашній день отправленіе, а на разсвѣтѣ сигналомъ даетъ знакъ выступать. Когда войско выступало изъ лагеря, вольски, точно поднятые тѣмъ же сигналомъ, нападаютъ на арьергардъ. Шумъ, достигшій оттуда до авангарда, произвелъ такое смятеніе среди частей и отрядовъ, что невозможно было ни слышать команды, ни строиться. Всѣ думали только о бѣгствѣ. И они неслись вразсыпную чрезъ кучу труповъ и наваленнаго на нихъ оружія такъ, что римляне только тогда остановили бѣгство, когда врагъ прекратилъ преслѣдованіе. Собравъ наконецъ воиновъ изъ разсѣявшаго ихъ бѣгства, консулъ, напрасно посылавшій вслѣдъ своимъ приказаніе вернуться, расположился лагеремъ на дружественной землѣ. Созвавъ собраніе, онъ основательно упрекалъ войско, предавшее военную дисциплину, ушедшее отъ своихъ значковъ, спрашивая отдѣльныхъ лицъ, гдѣ ихъ знамена, гдѣ ихъ оружіе, а затѣмъ, подвергнувъ наказанію розгами, казнилъ безоружныхъ воиновъ, знаменосцевъ, покинувшихъ знамена, кромѣ того центуріоновъ и пользовавшихся двойнымъ пайкомъ [1]), которые оставили свои ряды; изъ остального войска взятъ былъ по жребію для казни десятый.

60. Напротивъ того въ землѣ эквовъ консулъ и воины соперничали въ предупредительности и услугахъ. Квинктій былъ болѣе кротокъ по природѣ своей, а несчастная суровость товарища еще болѣе склоняла его въ пользу своего характера. Не рѣшаясь выступить противъ вождя и войска, столь согласныхъ между собою, эквы позволяли врагу ходить по ихъ странѣ, съ цѣлью опустошить ее; и ни въ одну войну до того не была сгоняема добыча съ болѣе обширнаго пространства. Вся она была предоставлена воинамъ. Присоединялись и похвалы, которыя не менѣе наградъ радовали сердца ихъ. Войско вернулось болѣе расположеннымъ къ вождю, а чрезъ него и къ патриціямъ, говоря, что имъ данъ сенатомъ отецъ, а другому войску тираннъ.

Этотъ годъ, прошедшій при различномъ военномъ счастіи въ жестокой борьбѣ дома и внѣ, особенно прославился трибутскими комиціями, имѣвшими болѣе значенія, какъ побѣда въ затѣянной борьбѣ, чѣмъ по реальной выгодѣ, ибо удаленіе изъ собранія патриціевъ не столько усилило плебеевъ или ослабило патриціевъ, сколько лишило достоинства самыя комиціи.

61. Послѣдующій годъ, годъ консульства Л. Валерія и Т. Эмилія, былъ болѣе бурнымъ, какъ вслѣдствіе борьбы сословій изъ-за аграрнаго законопроекта, такъ и вслѣдствіе суда надъ Ап. Клавдіемъ; этотъ самый ожесточенный противникъ законопроекта, поддерживавшій дѣло владѣльцевъ общественнаго поля, точно третій консулъ,

---
1) Награда эта давалась за храбрость.

былъ привлеченъ къ суду М. Дуилліемъ и Гн. Сикціемъ. Никогда до того не былъ привлекаемъ къ народному суду болѣе ненавистный обвиняемый по злобѣ и противъ него, и противъ отца его. Но и патриціи едва-ли выступали такъ усердно въ защиту кого-нибудь другого: предавался вѣдь раздраженнымъ плебеямъ, думали они, борецъ за сенатъ и защитникъ его достоинства, стоявшій противъ всѣхъ мятежей, поднимавшихся и трибунами, и плебеями, только перешедшій мѣру въ борьбѣ. Самъ Ап. Клавдій единственный изъ сенаторовъ ни во что ставилъ и трибуновъ, и плебеевъ, и судъ надъ собою. Ни угрозы плебеевъ, ни мольбы сената ни на минуту не могли его склонить не только перемѣнить одежду и просьбами заискивать расположенія плебеевъ, но даже смягчить или убавить хоть сколько нибудь обычную рѣзкость рѣчи, когда пришлось вести свое дѣло передъ народомъ. То же выраженіе лица, то же презрѣніе во взорѣ, тотъ же тонъ рѣчи, такъ что большая часть плебеевъ такъ же боялась Аппія подсудимаго, какъ боялась его во время его консульства. Онъ сказалъ одну только рѣчь въ обычномъ своемъ обвинительномъ тонѣ; и до того поразилъ своей твердостью и трибуновъ, и плебеевъ, что они добровольно отсрочили дѣло, а потомъ позволили затянуть его. Между тѣмъ прошло немного времени; но прежде чѣмъ наступилъ назначенный срокъ, онъ заболѣлъ и умеръ. Когда трибуны попытались помѣшать произнесенію надъ нимъ похвальнаго слова, то плебеи не пожелали лишить погребеніе такого великаго мужа обычной почести, и, явившись въ большомъ числѣ на похороны, столь же спокойно выслушали хвалы умершему, какъ слушали обвиненія противъ живого.

62. Въ томъ же году консулъ Валерій, отправившійся съ войскомъ въ землю эквовъ, не будучи въ состояніи вызвать врага на бой, приступилъ къ осадѣ

лагеря. Дѣлу помѣшала посланная небомъ ужасная буря, сопровождавшаяся градомъ и громомъ. Удивленіе затѣмъ усилилось, когда за знакомъ къ отступленію вернулась тихая и ясная погода; въ виду этого приступить вновь къ штурму лагеря, какъ бы находящагося подъ защитою божества, представлялось безбожнымъ. Все вызванное войною раздраженіе обратилось къ опустошенію полей. Другой консулъ, Эмилій, велъ войну въ землѣ сабинянъ. И тамъ поля были опустошены, такъ какъ врагъ держался въ стѣнахъ. Вызванные затѣмъ сожженіемъ не только усадьбъ, но и деревень, которыя были густо заселены, сабиняне вышли на встрѣчу грабителямъ, но послѣ нерѣшительной битвы на слѣдующій день отодвинули лагерь въ болѣе безопасныя мѣста. Консулъ призналъ это достаточнымъ, чтобы оставить врага, какъ побѣжденнаго, хотя вся война не была еще и начата.

63. Когда раздоры дома во время этихъ войнъ про- 285 г.
должались, консулами сдѣлались Т. Нумицій Прискъ и А. Виргиній. Было очевидно, что плебеи не допустятъ долѣе замедленія въ принятіи аграрнаго закона, и готовилось жестокое возмущеніе; но въ это время по дыму отъ пожара усадьбъ и по бѣгству поселянъ узнали, что вольски близко. Это обстоятельство подавило мятежъ, уже подготовленный и почти прорывавшійся. Внезапно отправившіеся по распоряженію сената на войну консулы вывели изъ города всю молодежь и тѣмъ успокоили остальныхъ плебеевъ. И враги форсированнымъ маршемъ удаляются, напрасно только напугавъ римлянъ; Нумицій отправился противъ вольсковъ въ Антій, а Вергиній — противъ эквовъ. Здѣсь, едва не потерпѣвъ большого пораженія вслѣдствіе нападенія изъ засады, воины поправили своей доблестью дѣло, погибшее было по небрежности консула. Лучшая команда была въ землѣ вольсковъ; разбитые въ первомъ сра-

женіи, враги побѣжали къ богатѣйшему по тому времени городу Антію. Не рѣшившись штурмовать его, консулъ взялъ у антіатовъ другой городъ, далеко не такой богатый, Ценонъ. Пока эквы и вольски отвлекали римское войско, сабиняне, производя опустошенія, дошли до самыхъ воротъ города. Затѣмъ спустя немного дней, когда оба раздраженные консула вступили въ ихъ предѣлы, сами понесли отъ двухъ армій больше урона, чѣмъ причинили.

64. Конецъ года прошелъ довольно мирно, но, какъ и прежде всегда, его нарушила борьба патриціевъ и плебеевъ. Разсерженные плебеи не пожелали принять участія въ комиціяхъ для избранія консуловъ; патриціями и ихъ кліентами въ консулы были выбраны Т.
286 г. Квинктій и Кв. Сервилій. Этотъ годъ похожъ былъ на предыдущій — въ началѣ мятежный, а затѣмъ спокойный вслѣдствіе войны съ внѣшними врагами. Сабиняне, прошедши форсированнымъ маршемъ черезъ Крустуминскія поля, произвели рѣзню и пожаръ за Аніеномъ, и, хотя были прогнаны чуть не отъ Коллинскихъ воротъ и стѣнъ города, но угнали огромную добычу и много плѣнныхъ. Консулъ Сервилій, преслѣдуя ихъ съ войскомъ, готовымъ вступить въ бой, самой арміи догнать не могъ, такъ какъ мѣсто было ровное, но произвелъ опустошеніе на столь обширномъ пространствѣ, что не оставилъ ничего не тронутымъ и вернулся, взявъ гораздо большую добычу. И въ землѣ вольсковъ дѣло ведено было отмѣнно, благодаря усердію какъ вождя, такъ и воиновъ. Сперва дана была битва на равнинѣ съ огромными потерями и большимъ кровопролитіемъ съ обѣихъ сторонъ. И римляне, малочисленность которыхъ дѣлала потери болѣе чувствительными для нихъ, отступили бы, если бы консулъ не ободрилъ войска, прибѣгнувъ къ обману, послужившему ко благу, крича, что на другомъ флангѣ враги бѣгутъ. Сдѣлано было нападеніе, и римляне, считая себя одерживающими побѣду, побѣдили на самомъ дѣлѣ. Опасаясь, чтобы чрезмѣрное преслѣдованіе не повело къ возобновленію сраженія, консулъ приказалъ трубить отступленіе. Прошло немного дней, которыми обѣ стороны, какъ бы молча заключивъ перемиріе, воспользовались для отдохновенія; тѣмъ временемъ изъ всѣхъ племенъ вольсковъ и эквовъ сошлось въ лагерь огромное количество людей, не сомнѣваясь, что если римляне замѣтятъ это, то ночью уйдутъ. Поэтому около третьей стражи они идутъ на штурмъ лагеря. Успокоивъ смятеніе, возникшее было отъ внезапнаго страха, Квинктій, приказавъ воинамъ спокойно оставаться въ палаткахъ, выводитъ на стражу когорту герниковъ, а горнистамъ и трубачамъ приказываетъ, сѣвъ на коней, трубить передъ валомъ и держать непріятеля въ тревогѣ до свѣта. Остальную часть ночи въ лагерѣ все было настолько спокойно, что римляне могли даже заснуть. А вольсковъ держали въ напряженномъ состояніи, какъ бы передъ нападеніемъ врага, видъ вооруженныхъ пѣхотинцевъ, которыхъ, имъ казалось, было больше и которыхъ они принимали за римлянъ, а также фырканье и ржаніе коней, которые горячились, чуя необычныхъ всадниковъ и, кромѣ того, слыша звуки трубъ. **65.** Когда разсвѣло, римляне, свѣжіе и выспавшіеся, выведены были въ строй и при первомъ натискѣ поколебали утомленныхъ стояніемъ и караулами вольсковъ; впрочемъ, враги скорѣе отступили, чѣмъ были прогнаны, такъ какъ сзади были холмы, куда безопасно можно было отступить въ полномъ порядкѣ за первые ряды. Консулъ, дошедши до неровнаго мѣста, остановилъ войска. Воины съ трудомъ были сдерживаемы, кричали и требовали, чтобы имъ позволено было наступать на пораженныхъ. Еще энергичнѣе дѣйствовали всадники: окруживъ вождя, они

громко заявили, что пойдутъ впередъ знаменъ. Пока консулъ медлилъ, надѣясь на доблесть воиновъ, но не довѣряя мѣсту, они кричали, что пойдутъ, и за крикомъ послѣдовало дѣло. Вонзивъ метательныя копья въ землю, чтобы съ большей легкостью взбираться на крутизну, они устремляются бѣгомъ. Вольски, пустивъ при первомъ нападеніи копья, бросаютъ валявшіеся подъ ногами камни на наступающихъ и, приведши ихъ частыми ударами въ смятеніе, начинаютъ тѣснить съ возвышеннаго мѣста. И лѣвый флангъ римлянъ очутился бы въ затруднительномъ положеніи, если бы консулъ не разсѣялъ страхъ уже отступавшихъ воиновъ, возбуждая стыдъ, упрекая ихъ и въ безразсудствѣ и въ трусости. Сперва они оказываютъ упорное сопротивленіе; затѣмъ, когда, не покидая своего мѣста, отдохнули, рѣшаются сами двинуться впередъ и съ новымъ крикомъ наступаютъ; возобновивъ нападеніе, они карабкаются вверхъ и преодолѣваютъ трудность мѣстоположенія. Уже они были близки къ тому, чтобы взобраться на вершину холма, какъ враги обратили тылъ; несясь вразсыпную, и бѣгущіе, и преслѣдующіе почти вмѣстѣ вступили въ лагерь. Во время этой паники лагерь былъ взятъ. Тѣ вольски, которые могли убѣжать, устремились въ Антій. Въ Антій приведено было и римское войско. Послѣ осады, продолжавшейся немного дней, городъ былъ сданъ не вслѣдствіе необычайныхъ нападеній осаждавшихъ, но потому, что уже со времени той несчастной битвы и потери лагеря вольски пали духомъ.

КНИГА III.

1. По взятіи Антія консулами стали Т. Эмилій и Кв. Фабій. Это былъ тотъ Фабій, который одинъ пережилъ истребленіе рода своего при Кремерѣ [1]). Эмилій же еще въ первое консульство стоялъ за раздачу плебеямъ земли, вслѣдствіе этого и во второе его консульство въ сторонникахъ раздѣла полей возникла надежда добиться аграрнаго закона, и трибуны снова принимаются за это дѣло, которое они неоднократно затѣвали вопреки консуламъ, расчитывая, что они достигнутъ успѣха, когда одинъ консулъ во всякомъ случаѣ будетъ на ихъ сторонѣ. И консулъ оставался вѣренъ себѣ. Напротивъ, владѣльцы земли—большая часть патриціевъ жаловались, что глава государства забавляется дѣлами, приличными трибунамъ, и щедростью на чужой счетъ добивается популярности; такимъ образомъ всю ненависть за это дѣло они съ трибуновъ обратили на консула. Предстояла жестокая борьба, но Фабій разрѣшилъ споръ совѣтомъ, который не обидѣлъ ни той, ни другой партіи. „Есть“, говорилъ онъ, „много земли, отнятой у вольсковъ въ прошломъ году подъ личнымъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ [2]) 287 г.

[1]) Ср. II. 48.

[2]) Въ выраженіи „ductu et auspiciis“ первая часть указываетъ на личное командованіе, вторая—на верховное руководство, съ которымъ

Т. Квинктія; можно вывести колонію въ Антій [1]), городъ сосѣдній, удобный и при томъ приморскій; такимъ образомъ, не обижая землевладѣльцевъ, плебеи получать поля, а согласіе въ государствѣ не будетъ нарушено". Это мнѣніе было принято. Тріумвирами для раздачи полей онъ выбираетъ [2]) Т. Квинктія, А. Вергинія, П. Фурія. Отдано было приказаніе, чтобы желающіе получить землю записывались. Но, по обыкновенію, изобиліе сейчасъ же привело къ пресыщенію, и записалось до того немного, что для пополненія числа прибавлены были колонисты изъ вольсковъ; остальные предпочли требовать полей, оставаясь въ Римѣ, чѣмъ получить ихъ въ другомъ мѣстѣ. Эквы просили мира у Фабія, который явился туда съ войскомъ, но сами нарушили его, сдѣлавъ внезапное нападеніе на латинскія поля.

288 г. **2.** На слѣдующій годъ Кв. Сервилій, бывшій консуломъ съ Сп. Постуміемъ, посланъ былъ въ землю эквовъ и расположился лагеремъ въ латинской области. Въ войскѣ развилась повальная болѣзнь, и оно по необходимости бездѣйствовало. Война затянулась на тре-
289 г. тій годъ, когда консулами были Кв. Фабій и Т. Квинктій. Она была поручена Кв. Фабію внѣ порядка [3]),

соединено было право производить гаданія по полету птицъ относительно того или другого предпріятія. Въ императорское время, когда императоръ былъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ государства, всѣ войны велись подъ его авспиціями, а слѣдовательно, и честь за всѣ побѣды принадлежала ему, хотя онъ и не былъ въ войскѣ.

[1]) Антій сперва былъ латинскимъ городомъ, а потомъ попалъ во власть вольсковъ; лежалъ онъ къ Ю. отъ Рима на разстояніи ок. 45 верстъ.

[2]) Чрезвычайные чиновники, которые были избираемы въ трибутскихъ комиціяхъ подъ предсѣдательствомъ консула и должны были организовать новую колонію; по крайней мѣрѣ, такой порядокъ существовалъ въ позднѣйшее время.

[3]) Обыкновенно консулы рѣшали по жребію или путемъ соглашенія, кому чѣмъ завѣдывать; теперь въ первый разъ этотъ порядокъ нарушается, и сенатъ опредѣляетъ кругъ дѣятельности консуловъ.

такъ какъ онъ побѣдилъ эквовъ и даровалъ имъ миръ. Отправившись съ непоколебимой увѣренностью, что слава его имени усмиритъ эквовъ, онъ послалъ на собраніе этого племени пословъ, приказавъ имъ объявить, консулъ-де Кв. Фабій говоритъ, что онъ изъ земли эквовъ принесъ въ Римъ миръ, а изъ Рима несетъ къ эквамъ войну, взявъ оружіе въ ту же десницу, которую раньше онъ протягивалъ имъ въ знакъ мира. Чье вѣроломство и клятвопреступленіе виною тому, объ этомъ теперь знаютъ боги, которые вскорѣ явятся мстителями. Но, какъ бы то ни было, онъ и теперь предпочитаетъ, чтобы эквы добровольно раскаялись, чѣмъ стали врагами. Если они повинятся, то найдутъ прибѣжище въ извѣстномъ имъ милосердіи, если же имъ пріятно нарушеніе клятвы, то они будутъ воевать не столько съ непріятелями, сколько съ разгнѣванными богами. Рѣчь эта не только не произвела никакого впечатлѣнія, но даже едва не были оскорблены послы, и противъ римлянъ отправлено было войско на Альгидъ [1]). Когда вѣсть объ этомъ дошла до Рима, то и другой консулъ двинулся изъ города, побуждаемый не столько грозившею опасностью, сколько возмутительностью поступка. Такъ два войска, предводимыя консулами, приблизились къ врагу выстроившись, чтобы немедленно сразиться. Но такъ какъ оставалась лишь небольшая часть дня, то одинъ воинъ съ непріятельской стоянки закричалъ: „это, римляне, значитъ пугать войной, а не вести войну; на ночь глядя вы строите войско; для предстоящаго боя намъ нуженъ очень длинный день. Завтра съ восходомъ солнца вернитесь

[1]) Альгидъ — горный хребетъ, замыкающій на СВ. Альбанскую долину и составлявшій границу эквовъ; отсюда частію одни, частію въ союзѣ съ вольсками и сабинянами, они долго держали въ страхѣ Римъ; это видно и изъ разсказа анналистовъ, хотя они старались скрасить дѣйствительность, выдумывая разныя удачныя битвы.

въ строй; можно будетъ сразиться; не бойтесь!“ Раздраженные этими словами, воины отведены были назадъ въ лагерь до слѣдующаго дня, негодуя, что наступаетъ длинная ночь, оттягивающая сраженіе. Подкрѣпившись пищею и сномъ, на слѣдующій день съ разсвѣтомъ римское войско выстроилось значительно раньше врага; наконецъ выступили и эквы. Началась съ обѣихъ сторонъ ожесточенная битва, такъ какъ римляне дрались подъ вліяніемъ раздраженія и ненависти, а эквовъ вынуждало къ отчаянной храбрости и крайнимъ мѣрамъ сознаніе опасности, навлеченной ихъ собственной виной, и отчаяніе, что имъ уже больше не повѣрятъ. Но не выдержали эквы натиска римскаго войска и были прогнаны; вернувшись въ свои предѣлы, ожесточенная толпа, не болѣе прежняго склонная къ миру, начала бранить вождей, что они рискнули сразиться, тогда какъ римляне превосходятъ ихъ военнымъ искусствомъ; для эквовъ-де удобнѣе опустошенія и набѣги, и разсѣянные повсюду многочисленные отряды съ большей надеждой на удачу ведутъ войны, чѣмъ хоть и многолюдная, но одна армія.

3. Итакъ, оставивъ отрядъ на защиту лагеря, они выступили и столь грозно напали на римскіе предѣлы, что паника распространилась до самаго города. Неожиданность еще увеличивала страхъ, такъ какъ меньше всего можно было бояться опустошеній со стороны побѣжденнаго и почти осажденнаго въ собственномъ лагерѣ врага, а испуганные поселяне, вбѣгая въ ворота, говорили не объ опустошеніи и не о небольшихъ отрядахъ грабителей, а, преувеличивая все подъ вліяніемъ пустого страха, кричали, что близка армія, состоящая изъ легіоновъ враговъ, и что они несутся къ городу колоннами, готовыми къ нападенію. Эти невѣрные слухи въ еще болѣе искаженномъ видѣ передавались другимъ. Бѣготня и крики призывавшихъ къ ору-

жію очень походили на панику въ захваченномъ врагами городѣ. Въ это время случайно вернулся въ Римъ съ Альгида консулъ Квинктій. Прибытіе его успокоило страхъ; когда волненіе улеглось, онъ, порицая за робость предъ побѣжденными врагами, разставилъ караулы у воротъ. Затѣмъ созванъ былъ сенатъ; объявивъ съ одобренія отцовъ суды закрытыми[1]) и оставивъ префектомъ въ городѣ[2]) Сервилія, онъ выступилъ для охраны предѣловъ, но не нашелъ врага въ поляхъ. Другой консулъ велъ дѣло блистательно: зная, гдѣ пойдетъ непріятель, онъ напалъ на него, обремененнаго добычей и потому двигавшагося медленно, и сдѣлалъ грабежъ гибельнымъ для него. Немногіе враги избѣгли засады; вся добыча была отобрана. Такъ, съ возвращеніемъ консула Квинктія въ городъ, окончилось закрытіе судовъ, продолжавшееся 4 дня.

Затѣмъ Квинктій произвелъ цензъ[3]) и принесъ очистительную жертву. Говорятъ, что насчитано было 104714 душъ, кромѣ сиротъ и вдовъ. Въ странѣ эквовъ не совершилось затѣмъ ничего достойнаго вниманія. Они удалились въ свои города, не оказавъ сопротивленія сожженію и разграбленію своего имущества. Консулъ, прошедши, съ цѣлью опустошенія, нѣсколько разъ по всей непріятельской странѣ съ войскомъ, готовымъ къ нападенію, вернулся въ Римъ съ огромной славой и добычей.

4. Затѣмъ консулами были А. Постумій Альбъ и Сп. Фурій Фузъ. Имя Фуріевъ нѣкоторы пишутъ Фузіи; я напоминаю объ этомъ, чтобы кто нибудь это измѣ-

---

1) Iustitium—закрытіе судовъ и прекращеніе всякой общественной дѣятельности было объявляемо въ случаяхъ опасности, угрожавшей государству, или траура.

2) Префектъ города исполняетъ неотложныя дѣла и заботится объ охранѣ его.

3) Первый цензъ, упоминаемый Ливіемъ послѣ Сервія; такъ какъ цензоровъ еще нѣтъ, то его производятъ консулы.

неніе имени не принялъ за наименованіе двухъ разныхъ лицъ. Не подлежало сомнѣнію, что одинъ изъ консуловъ будетъ вести войну съ эквами. И вотъ они обратились за помощью къ эцетранскимъ вольскамъ, и когда она была оказана съ полной готовностью, — до такой степени эти народы соперничали между собою въ непримиримой ненависти къ римлянамъ! — начались усиленныя приготовленія къ войнѣ. Герники узнаютъ объ этомъ и предупреждаютъ римлянъ объ отпаденіи эцетранской общины къ эквамъ. Возбуждала подозрѣніе и колонія Антій, потому что, по взятіи города, оттуда бѣжало большое количество народа къ эквамъ; и дѣйствительно, во время войны съ эквами это были самые ожесточенные воины. Когда затѣмъ эквы были загнаны въ города и эта шайка распалась и вернулась въ Антій, то она возбудила противъ римлянъ колонистовъ [1]), которые и сами по себѣ уже не отличались вѣрностью. И когда, еще до полной организаціи этого дѣла, сенату было доложено, что готовится отпаденіе, то консуламъ дано было порученіе, вызвавъ въ Римъ главныхъ лицъ колоніи, допросить ихъ, что тамъ затѣвается. Прибывъ немедленно, они представлены были консулами въ сенатъ и на предложенные вопросы дали такіе отвѣты, что уходя возбудили еще большее подозрѣніе, чѣмъ когда пришли.

Съ этого времени война считалась внѣ сомнѣнія. Одинъ изъ консуловъ, Сп. Фурій, на долю котораго выпало это дѣло, отправившись противъ эквовъ, нашелъ въ землѣ герниковъ врага производившимъ опустошеніе и, не зная о многочисленности его, такъ какъ онъ нигдѣ не показывался всею массою, безразсудно пустилъ въ бой неравное по силамъ войско. Отраженный при первой же стычкѣ, онъ удалился въ лагерь. Но это не

1) Выраженіе Ливія не точно: онъ говоритъ здѣсь лишь о прежнихъ обитателяхъ Антія, а не о послѣднихъ колонистахъ.

былъ конецъ опасности: и въ ближайшую ночь, и въ слѣдующій день лагерь былъ осаждаемъ и штурмуемъ съ такою силой, что нельзя было даже вѣстника послать оттуда въ Римъ. Герники сообщили о неудачной битвѣ и объ осадѣ консула и войска, и такъ напугали сенаторовъ, что другому консулу, Сп. Постумію, было предписано озаботиться, какъ бы государство не понесло какого-либо ущерба, каковая форма [1]) сенатскаго постановленія всегда считалась признакомъ критическаго положенія. Признано было за лучшее, чтобы самъ консулъ оставался въ Римѣ вербовать всѣхъ способныхъ носить оружіе, а на помощь лагерю былъ посланъ съ союзнымъ войскомъ Т. Квинктій, какъ замѣститель консула [2]); для пополненія же арміи приказано было латинянамъ, герникамъ и колоніи Антію дать Квинктію наскоро набранныхъ воиновъ [3])—такъ назывались тогда внезапно требуемыя вспомогательныя войска.

5. Въ теченіе тѣхъ дней много происходило передвиженій и приступовъ съ разныхъ сторонъ, такъ какъ враги, пользуясь численнымъ превосходствомъ, рѣшились всячески тревожить римскія силы, расчитывая, что ихъ не хватитъ на все. Одновременно штурмовали лагерь, часть же войска отправили опустошать римскія поля, а если представится удобный случай, то попробовать напасть и на самый городъ. Л. Валерій былъ оставленъ на защиту города, а консулъ Постумій от-

1) Сенатское постановленіе такого рода называлось „крайнимъ“ (ultimum senatus consultum) и давало неограниченную власть высшимъ должностнымъ лицамъ, чаще всего консуламъ, а иногда и другимъ магистратамъ.

2) Посылаемый pro consule (позже proconsul) имѣлъ лишь военную власть, которой могъ пользоваться только внѣ города; обыкновенно это дѣлалось, когда ни одного консула не было въ городѣ. Это первый случай назначенія замѣстителя консула.

3) Такъ какъ въ Римѣ набираются всѣ способные носить оружіе, то и отъ союзниковъ требуются резервы.

правленъ остановить опустошеніе страны. И нигдѣ не сдѣлано было никакихъ упущеній по части бдительности или усердія: въ городѣ были разставлены караулы, передъ воротами патрули, а на стѣнахъ сторожевые посты, вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣсколько дней закрыты суды, что было неизбѣжно въ виду такого великаго смятенія. Тѣмъ временемъ консулъ Фурій, сперва спокойно переносившій осаду въ лагерѣ, сдѣлалъ вылазку черезъ заднія ворота противъ неосторожнаго [1]) врага и, хотя имѣлъ возможность преслѣдовать его, но остановился, опасаясь нападенія на лагерь съ какой-нибудь другой стороны. Легатъ Фурій, братъ консула, зашелъ слишкомъ далеко; увлекаемый желаніемъ преслѣдовать: онъ не замѣтилъ удаленія своихъ и нападенія враговъ съ тылу. Отрѣзанный такимъ образомъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ проложить себѣ путь къ лагерю, онъ палъ, храбро сражаясь. Равнымъ образомъ консулъ, получивъ извѣстіе, что братъ его окруженъ, вернулся въ бой и, врѣзавшись безразсудно въ средину враговъ вопреки требованію осторожности, былъ раненъ и едва вырванъ окружающими; это смутило его воиновъ и увеличило храбрость враговъ: смерть легата и рана консула воспламенила ихъ, а затѣмъ уже никакая сила не могла сдержать ихъ, тогда какъ римляне, уступая увѣренностью и силами, были загнаны въ лагерь и осаждены; дѣло дошло бы до крайней опасности, если бы не явился на выручку Т. Квинктій съ чужеземными силами, войскомъ, состоявшимъ изъ латинянъ и герниковъ. Напавъ съ тылу на экововъ, обратившихъ все свое вниманіе на римскій лагерь и яростно показывавшихъ голову легата, онъ окружилъ огромныя полчища враговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ по данному издали сигналу

1) Такъ какъ porta decumana находилась на сторонѣ лагеря, наиболѣе удаленной отъ непріятеля, то онъ и не ждалъ нападенія оттуда; въ этомъ смыслѣ онъ названъ „неосторожнымъ".

сдѣлана была вылазка и изъ лагеря. Избіеніе экововъ на римской землѣ было менѣе значительно, но бѣгство болѣе безпорядочно. Когда они, блуждая вразсыпную, гнали добычу, то Постумій сдѣлалъ на нихъ нападеніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ цѣлесообразно были расположены отряды. Бѣжа въ безпорядкѣ, они наткнулись на побѣдителя Квинктія, возвращавшагося съ раненнымъ консуломъ. Тогда консульское войско въ блистательномъ сраженіи отмстило за рану консула, смерть легата и избіеніе когортъ. Много въ тѣ дни и съ той и съ другой стороны было причинено и понесено потерь; соблюдая достовѣрность, трудно въ такомъ древнемъ событіи съ точностью обозначить, сколько народу принимало участіе въ бояхъ или пало; но Валерій Антіатъ рѣшается подвести итоги: римлянъ пало въ землѣ герниковъ 5800, а консулъ А. Постумій избилъ 2400 грабителей изъ экововъ, которые бродили по римскимъ полямъ, съ цѣлью производить опустошенія; гораздо большій уронъ понесли остальныя полчища, гнавшія добычу и наткнувшіяся на Квинктія: онъ утверждаетъ, что на основаніи точныхъ изслѣдованій число убитыхъ простиралось до 4230 [1]).

По возвращеніи въ Римъ, суды были открыты. Казалось, что небо на широкомъ пространствѣ пылаетъ; являлись предъ глазами или представлялись напуганному воображенію и другія знаменія. Для предотвращенія этихъ ужасовъ назначено было трехдневное празднество, во время котораго толпы мущинъ и женщинъ наполняли храмы боговъ, испрашивая у нихъ милости. Затѣмъ сенатъ распустилъ по домамъ когорты латинянъ

1) Ливій, избѣгающій обыкновенно показывать точныя цифры, съ недовѣріемъ относится къ вычисленіямъ анналиста Валерія Антіата, допустившаго много невѣрныхъ извѣстій въ свою „Римскую Исторію", гдѣ были описаны событія съ основанія Рима до времени Суллы, по крайней мѣрѣ, въ 75 кн.

и герниковъ, выразивъ имъ признательность за усердную службу, 1000 же воиновъ антіатовъ, явившихся на помощь слишкомъ поздно, уже послѣ сраженія, были отосланы почти съ позоромъ.

291 г. **6.** Затѣмъ созваны были комиціи; консулами были выбраны Л. Эбутій и П. Сервилій. Въ консульство они вступили въ секстильскія календы, съ которыхъ тогда начинался годъ [1]). Время года было вообще тяжелое, а въ тотъ годъ еще распространилась моровая язва въ городѣ и по деревнямъ на людей и на скотъ; болѣзнь усилилась вслѣдствіе того, что изъ боязни опустошеній были приняты въ городъ скотъ и поселяне. Это скопленіе всякаго рода живыхъ существъ стѣсняло и горожанъ, такъ какъ распространялось необычное зловоніе, и поселянъ, которые, будучи согнаны въ тѣсныя жилища, страдали отъ жара и безсонницы; а взаимныя услуги и самое соприкосновеніе вело къ распространенію болѣзни. Съ трудомъ можно было переносить наличныя несчастія, какъ вдругъ послы герниковъ приносятъ вѣсть, что соединенныя силы эквовъ и вольсковъ расположились лагеремъ на ихъ землѣ, и оттуда огромное войско опустошаетъ ихъ предѣлы. Уже самая малочисленность сената показывала союзникамъ, что государство находится въ стѣсненномъ положеніи вслѣдствіе моровой язвы, а кромѣ того, имъ данъ былъ печальный отвѣтъ, чтобы герники съ латинянами собственными силами защищали свое достояніе: внезапно обрушившійся гнѣвъ боговъ губитъ Римъ болѣзнью; если эта бѣда хоть сколько-нибудь ослабѣетъ, какъ годъ назадъ тому, то они помогутъ союзникамъ, какъ это дѣлали и въ другихъ случаяхъ. Союзники удалились, неся домой на печальную вѣсть еще болѣе печальный отвѣтъ, такъ

[1]) Годъ служебный начинался съ 1 августа, тогда какъ годъ гражданскій—съ 1 марта.

какъ имъ самимъ приходилось выдерживать войну, которую они съ трудомъ выдержали бы даже при содѣйствіи римскихъ силъ. Но врагъ не особенно долго оставался въ землѣ герниковъ; оттуда онъ направляется въ римскія поля, опустошенныя и безъ бѣдствій войны. Не встрѣчая никого даже безоружнаго и проходя по мѣстамъ, не только не защищеннымъ, но и не обработаннымъ, они дошли до третьяго камня [1]) по дорогѣ, ведущей отъ Рима въ Габіи. Римскій консулъ Эбутій умеръ; товарищъ его Сервилій былъ еще живъ, но подавалъ мало надежды на выздоровленіе; поражены были болѣзнью большая часть лицъ, стоящихъ во главѣ государства, большая часть сенаторовъ, почти всѣ лица призывнаго возраста, такъ что не только для похода, какъ того требовали тогдашнія обстоятельства, но даже для карауловъ на мѣстѣ едва хватило силъ. Обязанности караульныхъ исполняли такіе сенаторы, которымъ позволяли года и состояніе здоровья; плебейскіе эдилы [2]) обходили караулы и заботились о размѣщеніи ихъ; къ нимъ перешло высшее управленіе государствомъ и верховная власть, принадлежавшая консуламъ. **7.** Покинутое, лишенное главы и силъ государство защищали боги-хранители и судьба города, вложивъ вольскамъ и эквамъ мысль быть болѣе грабителями, чѣмъ врагами: въ ихъ сердцахъ не возникло надежды не только овладѣть стѣнами Рима, но даже подойти къ нимъ и, увидавъ издали городъ и высокіе холмы, они не захотѣли занять ихъ; напротивъ того, по всему лагерю поднялся шумъ, зачѣмъ безъ дѣла тратить время въ запустѣлыхъ и покинутыхъ поляхъ среди гніющихъ труповъ животныхъ и людей, не получая добычи, когда можно идти въ нетронутыя опустошеніемъ мѣста, въ богатыя тускуланскія поля? И вотъ,

[1]) См. II 11 пр.

[2]) Плебейскихъ эдиловъ Ливій упоминаетъ здѣсь въ первый разъ, ставя ихъ непосредственно за консулами.

внезапно схвативъ знамена, они перешли поперечными дорогами черезъ лавиканскія поля на Тускуланскіе холмы. Туда обратилась вся сила и всѣ невзгоды войны. Между тѣмъ герники и латиняне, побуждаемые не только состраданіемъ, но и стыдомъ, если они не задержатъ общаго врага, двигающагося на Римъ и готоваго къ нападенію, и не подадутъ никакой помощи осажденнымъ союзникамъ, соединенными силами направляются къ Риму. Не нашедши тамъ врага, они, руководясь слухами и слѣдами, повстрѣчали его, когда онъ шелъ изъ тускуланской долины въ альбанскую. Тутъ произошелъ далеко не равный бой, и вѣрность союзниковъ въ данный моментъ принесла имъ несчастіе. Болѣзнь въ Римѣ произвела не меньшее опустошеніе, чѣмъ оружіе въ рядахъ союзниковъ. Остававшійся въ живыхъ единственный консулъ умеръ; умерли и другіе славные мужи—авгуры М. Валерій [1]) и Т. Вергиній Рутилъ [2]) и старшій куріонъ [3]) Сервій Сульпицій; сильное опустошеніе производила болѣзнь и среди мало извѣстныхъ лицъ. Не находя помощи у людей, сенатъ направилъ народныя молитвы къ богамъ; отдано было приказаніе отправиться на молитву съ женами и дѣтьми и испрашивать милости боговъ. Такъ какъ каждаго побуждала къ этому своя бѣда, то, получивъ распоряженіе со стороны властей, они наполняютъ всѣ капища. Распростертыя всюду матроны, отирающія своими волосами храмы, испрашиваютъ у разгнѣванныхъ небожителей милость и прекращеніе язвы.

8. Затѣмъ пострадавшіе отъ болѣзни начали мало-по-малу поправляться, потому ли, что испрошена была

1) См. II 30.

2) Консулъ 275 г.

3) Каждая изъ 30 курій имѣла свои священнодѣйствія, которыя совершалъ такъ называемый curio; во главѣ ихъ стоялъ curio maximus, объявлявшій объ общихъ праздникахъ курій. Это первое упоминаніе о такомъ куріонѣ.

милость боговъ, или потому, что уже прошло тяжелое время года. Когда умы обратились уже къ заботѣ о государственныхъ дѣлахъ, послѣ нѣсколькихъ междуцарствій [1]) П. Валерій Публикола на третій день по вступленіи въ званіе междуцаря, провозглашаетъ [2]) кон- 292 г.
сулами Л. Лукреція Трицинитина и Т. Ветурія (или, быть можетъ, Ветузія) Гемина. За три дня до секстильскихъ идъ [3]) они вступаютъ въ консульство, когда государство уже достаточно оправилось, такъ что не только могло остановить нападеніе, но и само сдѣлать его. Поэтому, когда герники извѣстили, что враги перешли въ ихъ предѣлы, имъ охотно была обѣщана помощь. Было собрано два войска, которыя были ввѣрены консуламъ. Ветурій былъ отправленъ въ землю вольсковъ вести наступательную войну, Трицинитинъ же, посланный въ землю союзниковъ, чтобы остановить опустошеніе, не пошелъ дальше предѣловъ герниковъ. Ветурій въ первой битвѣ разбиваетъ и обращаетъ въ бѣгство враговъ; отъ Лукреція же, пока онъ былъ въ землѣ герниковъ, ускользнулъ отрядъ грабителей, прошедшій Пренестинскими горами и оттуда спустившійся въ равнину. Они опустошили поля Пренестинское и Габинское, а изъ Габинскаго повернули на Тускуланскіе холмы; наведенъ былъ великій страхъ и на Римъ не столько по недостатку силъ для отраженія нападенія, сколько вслѣдствіе неожиданности его. Префектомъ города былъ Кв. Фабій. Вооруживъ молодежь и разставивъ караулы, онъ устранилъ всякую опасность и успокоилъ умы. Поэтому враги, награбивъ добычу изъ ближайшихъ мѣстъ, не рискнули подступить къ городу, когда же, повернувъ, шли назадъ, ослабляя бдитель-

1) Былъ обычай, чтобы первый междуцарь не производилъ выборовъ.

2) Точнѣе слѣдовало бы сказать: „провозглашаетъ (какъ предсѣдатель собранія), что народъ избралъ въ консулы"...

3) 11-го августа.

ность по мѣрѣ удаленія отъ города, то наткнулись на консула Лукреція, который, уже развѣдавъ раньше пути, построилъ войско и ждалъ битвы. И вотъ подготовленные римляне нападаютъ на пораженныхъ неожиданностью враговъ и, уступая имъ значительно числомъ, обращаютъ въ безпорядочное бѣгство огромныя полчища, и загнавъ ихъ въ долину, въ виду трудности выхода оттуда, окружаютъ ихъ. Здѣсь вольсское племя было почти истреблено. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ я нахожу извѣстіе, что въ битвѣ и во время бѣгства было убито 13470 человѣкъ, взято въ плѣнъ живыми 1750 и принесено домой 27 военныхъ знаменъ; хотя въ числѣ и допущено нѣкоторое преувеличеніе, но во всякомъ случаѣ избіеніе было жестокое. Побѣдоносный консулъ, захвативъ большую добычу, вернулся на прежнюю стоянку. Затѣмъ консулы соединяютъ лагери, сводятъ вмѣстѣ свои ослабленныя силы и вольски съ эквами. Въ тотъ годъ это была третья битва. Такая же удача сопровождала и это сраженіе: враги были разбиты и даже отнятъ у нихъ лагерь.

9. Такимъ образомъ римское государство вернулось къ прежнему положенію, и счастіе въ войнѣ немедленно вызвало волненіе въ городѣ. Народнымъ трибуномъ въ томъ году былъ Г. Терентилій Гарса. Рѣшивши, что отсутствіе консуловъ открываетъ просторъ для трибунскихъ интригъ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней обвинялъ предъ плебеями патриціевъ въ гордости, особенно же нападалъ на власть консуловъ, какъ чрезмѣрную и нетерпимую въ свободномъ государствѣ, говоря, что вѣдь только по имени она менѣе ненавистна, по существу же чуть ли не ужаснѣе царской власти; вмѣсто одного господина принято два, съ неограниченною, не знающей мѣры властью; ничѣмъ не стѣсняемые и не удерживаемые, они примѣняютъ къ плебеямъ всѣ угрозы и всѣ казни, указанныя въ законахъ. Во избѣжаніе

увѣковѣченія этого произвола онъ собирается предложить законопроектъ о назначеніи 5 мужей для составленія законовъ о власти консуловъ; какія права по отношенію къ себѣ даруетъ народъ, тѣми и будетъ пользоваться консулъ, а не станетъ считать закономъ собственное желаніе и произволъ [1]). Съ опубликованіемъ этого законопроекта патриціи стали бояться, какъ бы въ отсутствіе консуловъ имъ не пришлось наложить на себя этого ярма; но префектъ города Кв. Фабій созываетъ сенатъ и съ такимъ ожесточеніемъ нападаетъ на предложеніе и автора его, что даже, если бы оба консула возстали противъ трибуна, то ничего не прибавили бы къ его угрозамъ и запугиванію: онъ говорилъ, что Гарса строитъ козни и, пользуясь удобнымъ случаемъ, нападаетъ на государство. Если бы въ предыдущій годъ, во время эпидеміи и войны, разгнѣванные боги послали трибуна, похожаго на него, то не было бы никакого спасенія. Послѣ смерти обоихъ консуловъ, когда государство страдало отъ болѣзни, при всеобщемъ смятеніи онъ внесъ бы законопроектъ объ уничтоженіи консульской власти въ государствѣ и сталъ бы вождемъ вольсковъ и эквовъ при осадѣ города. Да развѣ наконецъ онъ не имѣетъ права, въ случаѣ высокомѣрнаго или жестокаго поступка консула противъ какого-нибудь гражданина, привлечь его къ отвѣту и обвинять предъ судомъ тѣхъ самыхъ людей, одинъ изъ которыхъ обиженъ [2])? Не консульскую, а трибунскую власть дѣ-

[1]) Особенно давалъ себя чувствовать плебеямъ судъ консуловъ; за отсутствіемъ писанныхъ законовъ и въ виду того, что законы знали лишь патриціи (преимущественно жрецы), консулы имѣли полную возможность произвольно толковать законы и тѣснить плебеевъ въ пользу патриціевъ. Начинающаяся теперь борьба, вызванная не нищетой, а желаніемъ обезпечить себя отъ высокомѣрія знати, длилась почти 100 лѣтъ.

[2]) Право протеста на приговоръ консула къ народу и привлеченіе къ суду его бывшихъ должностныхъ лицъ.

лаетъ онъ ненавистной и невыносимой, возвращая ей послѣ успокоенія и примиренія съ патриціями прежній преступный характеръ. И онъ не обращается къ нему, Терентилію [1]), съ просьбой прекратить начатое: „васъ“, говоритъ Фабій, „прочіе трибуны, мы просимъ прежде всего принять во вниманіе, что ваша власть установлена для охраны отдѣльныхъ лицъ, а не для гибели всѣхъ; вы выбраны трибунами плебеевъ, а не врагами патриціевъ. Нападеніе на покинутое государство намъ приноситъ горе, а противъ васъ возбуждаетъ ненависть; вамъ слѣдуетъ уменьшить не права свои, а ненависть противъ васъ. Убѣдите товарища, чтобы онъ отложилъ все дѣло до прибытія консуловъ. Даже эквы и вольски не воспользовались въ прошломъ году смертью консуловъ отъ эпидиміи и не преслѣдовали насъ настойчиво и высокомѣрно жестокою войной“. Трибуны переговорили съ Терентиліемъ и, когда предложеніе, повидимому, было отложено, а на самомъ дѣлѣ взято назадъ, немедленно были призваны консулы. **10**. Лукрецій вернулся съ огромной добычей и съ гораздо большей славой, которой онъ придалъ еще большій блескъ тѣмъ, что разложилъ всю добычу на Марсовомъ полѣ [2]), гдѣ въ теченіе трехъ дней всякій могъ узнать свое и взять. Остальное, чему не нашлось хозяевъ, было продано. По общему мнѣнію консулу слѣдовало дать тріумфъ, но дѣло было отложено, такъ какъ трибунъ повелъ рѣчь о законопроектѣ; этотъ вопросъ консулъ призналъ болѣе важнымъ. Нѣсколько дней онъ былъ обсуждаемъ въ сенатѣ и передъ народомъ. Наконецъ трибунъ уступилъ обаянію консула и взялъ назадъ предложеніе. Тогда полководцу и войску воздана была подобающая честь: вождь праздновалъ тріумфъ надъ вольсками и

1) Т. е. Терентилію.

2) Такъ какъ онъ имѣлъ въ виду требовать тріумфъ, то остается внѣ города; тамъ же происходило и обсужденіе предложенія трибуна.

эквами, а за нимъ слѣдовали его легіоны. Другому консулу предоставлено было съ оваціей [1]) вступить въ городъ безъ войскъ.

Въ слѣдующій затѣмъ годъ новымъ консуламъ—то были П. Волумній и Сер. Сульпицій—пришлось вѣдаться съ законопроектомъ Терентилія, предложеннымъ всей коллегіей. Въ томъ году казалось, что небо пылаетъ, и было страшное землетрясеніе; повѣрили, что корова заговорила, къ каковому извѣстію въ предыдущемъ году отнеслись съ недовѣріемъ. Между прочими предзнаменованіями падали съ неба, точно дождь, куски мяса, которые, какъ разсказываютъ, подхватывали птицы, летавшія среди ихъ въ огромномъ количествѣ; упавшее же мясо лежало разбросаннымъ нѣсколько дней, не издавая зловонія. Духовные дуумвиры обратились къ книгамъ [2]). Предсказывались опасности отъ сборища чужеземцевъ: можетъ-де произойти нападеніе на возвышенные пункты города и отсюда возникнуть побоище. Между прочимъ дано предостереженіе воздерживаться отъ мятежей. Трибуны жаловались, что это сдѣлано съ цѣлью помѣшать законопроекту; предстояла великая борьба. 293 г.

Но вотъ, какъ бы для того, чтобы ежегодно повторялся обычный кругъ событій, герники сообщаютъ, что вольски и эквы, несмотря на истощеніе, снова собираютъ войска; центральное управленіе находится въ Антіи, а въ Эцетрѣ открыто собираются на совѣщанія антіатскіе колонисты; тамъ руководство, а тутъ средства для войны. Когда это было сообщено сенату,

1) См. IV 43 примѣч.

2) Рѣчь идетъ о Сивиллиныхъ книгахъ; къ нимъ обращались за совѣтомъ въ случаѣ особенныхъ знаменій, для которыхъ не было указано умилостивительныхъ жертвъ въ книгахъ понтификовъ. Сивиллины книги находились въ завѣдываніи двухъ мужей (позже 10), но они смотрѣли въ нихъ лишь по распоряженію сената.

издается распоряженіе о наборѣ. Консуламъ приказано распредѣлить руководство войной между собой, чтобы одинъ взялъ на себя вольсковъ, а другой эквовъ. Трибуны открыто заявляли на форумѣ, что разсказы о войнѣ съ вольсками одна комедія, что и герникамъ дана роль въ ней. Ужъ даже и не доблесть угнетаетъ свободу римскаго народа, а издѣваются надъ ней, прибѣгая къ уловкамъ. Такъ какъ уже невѣроятно, чтобы почти совершенно уничтоженные вольски и эквы сами могли поднять оружіе, то выискиваютъ новыхъ враговъ, безчестятъ вѣрную и близкую колонію. Объявляютъ войну невиннымъ антіатамъ, а ведутъ ее съ римскими плебеями, которыхъ хотятъ поскорѣе вывести изъ города, навьючивъ оружіемъ; изгнаніемъ и удаленіемъ гражданъ мстятъ трибунамъ. Результатъ всего этого одинъ: законопроектъ погибъ, если они, имѣя дѣло въ своихъ рукахъ, находясь дома, будучи еще мирными гражданами, не примутъ мѣръ, чтобы не потерять обладанія городомъ, чтобы не наложить на себя ярма. Если есть мужество, то не будетъ недостатка въ средствахъ; всѣ трибуны единодушны. Извнѣ ничто не грозитъ, нѣтъ никакой опасности; въ предыдущемъ году боги позаботились о томъ, чтобы можно было безопасно защищать свободу. Такъ разсуждали трибуны. **11.** А съ другой стороны консулы, приказавъ поставить предъ ихъ глазами кресла, попробовали производить наборъ. Туда бѣгутъ трибуны и увлекаютъ за собой толпу. Какъ бы для опыта, были вызваны немногіе, и тотчасъ же началось насиліе. Кого только ликторъ схватывалъ по приказанію консула, того трибунъ приказывалъ отпустить. Не право руководило дѣйствіями каждаго, а увѣренность въ превосходствѣ; силою приходилось домогаться того, къ чему кто стремился.

Какъ вели себя трибуны, препятствуя набору, такъ дѣйствовали и патриціи, мѣшая проведенію законопроекта, который былъ предлагаемъ во всѣ дни комицій. Когда трибуны отдавали народу приказаніе разойтись по трибамъ [1]), то начиналась драка, такъ какъ патриціи противились удаленію ихъ. И старѣйшіе изъ нихъ почти не принимали участія, такъ какъ нужны были не совѣты, а лишь безразсудство и дерзость. Сторонились часто и сами консулы, чтобы среди всеобщей сумятицы не понесло ущерба обаяніе ихъ власти.

Жилъ тогда нѣкто Цезонъ Квинктій, юноша рѣшительный, отличавшійся какъ знатностью рода, такъ и огромнымъ ростомъ и физической силой. Къ этимъ дарамъ боговъ онъ самъ присоединилъ много военныхъ отличій и краснорѣчіе на форумѣ, такъ что не было въ государствѣ человѣка болѣе мастера говорить и болѣе храбраго на войнѣ. Стоя въ толпѣ патриціевъ и будучи выше всѣхъ цѣлой головой, онъ одинъ сдерживалъ нападенія трибуновъ и неистовство толпы, точно совмѣщалъ въ своемъ голосѣ и силахъ всю мощь диктатора и консула. Подъ его предводительствомъ много разъ были прогоняемы съ форума трибуны, и разгоняемы и обращаемы въ бѣгство плебеи; если кто выступалъ противъ него, то уходилъ побитымъ и въ разорванной одеждѣ; было ясно, что, если такой образъ дѣйствій будетъ возможенъ и далѣе, то законопроектъ не будетъ проведенъ. Когда уже почти всѣ другіе трибуны были въ смущеніи, то одинъ изъ всей коллегіи А. Вергиній назначилъ Цезону срокъ явиться въ судъ по обвиненію въ уголовномъ преступленіи. Это скорѣе ожесточило, чѣмъ устрашило суровый нравъ; тѣмъ яростнѣе онъ сталъ сопротивляться законопроекту, раздражать плебе-

---

[1]) По прочтеніи предложенія предсѣдательствующій чиновникъ приглашалъ присутствующихъ для подачи голосовъ разойтись по трибамъ, для которыхъ на комиціумѣ были особыя мѣста. Исполненію этого распоряженія мѣшали молодые патриціи.

евъ и преслѣдовать трибуновъ, какъ бы формально объявивъ имъ войну. А обвинитель позволялъ подсудимому неистовствовать, раздувалъ пламя ненависти противъ него и собиралъ матерьялъ для обвиненія; тѣмъ временемъ онъ внесъ законопроектъ не столько въ надеждѣ провести его, сколько съ цѣлью увеличить безразсудство Цезона. Тутъ всѣ многочисленные необдуманные слова и поступки молодежи обрушились на одного подозрительнаго Цезона. Какъ бы то ни было, но законопроекту оказывали сопротивленіе. И А. Вергиній не однократно говорилъ плебеямъ: „понимаете ли вы уже, Квириты, что вамъ нельзя вмѣстѣ и оставить въ числѣ граждан Цезона и получить желаемый вами законъ? Впрочемъ, что я говорю о законѣ? онъ стоитъ на дорогѣ свободѣ! своимъ высокомѣріемъ онъ превосходитъ всѣхъ Тарквиніевъ. Ждите, пока станетъ консуломъ или диктаторомъ тотъ, который, будучи частнымъ человѣкомъ, какъ вы видите, царствуетъ благодаря своей силѣ и дерзости". Многіе соглашались, жалуясь, что они побиты, и даже настаивали, чтобы трибунъ довелъ дѣло до конца.

12. Уже близокъ былъ день суда, и ясно было, что, по убѣжденію большинства, съ вопросомъ объ осужденіи Цезона тѣсно связанъ вопросъ о свободѣ. Тутъ наконецъ по неволѣ, съ большимъ отвращеніемъ онъ сталъ заискивать расположенія отдѣльныхъ лицъ. Его сопровождали близкіе люди, стоящіе во главѣ государства. Т. Квинктій Капитолійскій, бывшій три раза консуломъ [1], указывая на многочисленныя военныя отличія свои и своего рода, утверждалъ, что ни въ родѣ Квинктіевъ, ни вообще въ римскомъ государствѣ не было человѣка столь талантливаго и притомъ такъ рано обнаружившаго доблесть; въ первый разъ онъ служилъ воиномъ

[1]) См. II 56, 64; III 2.

въ его арміи и не разъ сражался противъ враговъ на его глазахъ. Сп. Фурій говорилъ, что подсудимый, будучи посланъ Квинктіемъ Капитолійскимъ, помогъ ему въ критическую минуту; по его мнѣнію, никто въ отдѣльности не содѣйствовалъ болѣе благопріятному исходу дѣла. [1]) Консулъ предшествующаго года Л. Лукрецій, воспоминаніе о славныхъ дѣяніяхъ котораго было свѣжо, удѣлялъ часть своей славы Цезону, упоминалъ о битвахъ, говорилъ о его отмѣнныхъ подвигахъ и въ походахъ, и въ сраженіяхъ, настойчиво совѣтовалъ удержать лучше въ числѣ своихъ гражданъ, а не дѣлать чужимъ этого талантливаго юношу, надѣленнаго всѣми дарами природы и счастія, который станетъ важной опорой могущества всякаго государства, въ какое бы онъ ни пришелъ. Дурныя его качества, горячность и дерзость, все болѣе и болѣе исчезаютъ съ возрастомъ, желательныя же—разсудительность—увеличиваются со дня на день. Такъ какъ пороки старятся, а доблесть крѣпнетъ, то пусть они позволятъ такому способному мужу дожить до старости въ государствѣ. Находившійся тутъ же отецъ его Л. Квинктій, по прозванію Цинцинатъ, не сталъ повторять перечисленія его заслугъ, чтобы не усилить негодованія, а просилъ снисхожденія къ заблужденіямъ молодости, умолялъ подарить сына отцу, не оскорбившему никого ни словомъ, ни дѣломъ. Но одни или изъ почтенія къ Цинциннату, или изъ страха предъ его сыномъ какъ бы не слушали просьбъ[2]), а другіе, жалуясь на побои, нанесенные имъ и ихъ близкимъ, давали суровые отвѣты и тѣмъ напередъ показывали, каковъ будетъ ихъ приговоръ.

13. Кромѣ всеобщей ненависти, къ подсудимому предъявлено было одно тяжкое обвиненіе, свидѣтелемъ

[1]) См. гл. 5.

[2]) Т. е. какъ бы не слыша просьбъ, не выражали своего мнѣнія, враждебнаго подсудимому.

по которому былъ М. Вольсцій Фикторъ, бывшій за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ народнымъ трибуномъ; онъ говорилъ, что немного спустя послѣ морового повѣтрія онъ наткнулся на юношей, безчинствовавшихъ на Субурѣ [1]). Тамъ произошла драка, и его старшій братъ, еще не совсѣмъ оправившійся отъ болѣзни, упалъ отъ удара кулакомъ, нанесеннаго ему Цезономъ; еле живой, онъ на рукахъ отнесенъ былъ домой и умеръ, по его убѣжденію, именно отъ этого; между тѣмъ консулы предшествующихъ лѣтъ не позволили ему преслѣдовать виновнаго судебнымъ порядкомъ. Эти громкія заявленія Вольсція до того возбудили народъ, что Цезонъ едва не сдѣлался жертвою нападенія толпы. Вергиній приказываетъ схватить его и заключить въ оковы. Патриціи встрѣчаютъ насиліе насиліемъ. Т. Квинктій кричитъ, что нельзя до приговора, безъ разбирательства подвергать оскорбленію того, кто привлеченъ по уголовному дѣлу и надъ кѣмъ скоро будетъ судъ. Трибунъ заявляетъ, что онъ не будетъ казнить его ранѣе приговора, но до дня суда хочетъ содержать его въ тюрьмѣ, чтобы римскій народъ имѣлъ возможность наказать убійцу. Призванные на помощь другіе трибуны, предложивъ среднюю мѣру, исполнили свой долгъ защитниковъ: запретивъ заключать подсудимаго въ оковы, они объявили, что онъ долженъ явиться на судъ, а на случай неявки, представить народу денежное обезпеченіе. Возникало сомнѣніе относительно суммы обезпеченія; рѣшеніе этого вопроса передается сенату. Пока происходило совѣщаніе сенаторовъ, подсудимаго держали на форумѣ. Рѣшено было представить поручителей; каждаго изъ нихъ обязали взносомъ 3000 мѣдныхъ ассовъ; а сколько ихъ представить, должны были рѣшить трибуны.

[1]) Субура лежала между Эсквилійскимъ, Виминальскимъ и Квиринальскимъ холмами; позже это была изъ наиболѣе заселенныхъ улицъ, но пользовалась дурной репутаціей.

Они опредѣлили 10. Этимъ поручителямъ обвинитель выдалъ подсудимаго на поруки [1]). То былъ первый случай представленія поручителей казнѣ. Отпущенный съ форума, онъ въ слѣдующую же ночь удалился въ изгнаніе къ этрускамъ. Хотя въ день суда и выставляли въ объясненіе его неявки выселеніе его въ изгнаніе, тѣмъ не менѣе подъ предсѣдательствомъ Вергинія происходили комиціи [2]); но призванные на помощь товарищи его распустили собраніе. Деньги были взысканы съ отца такъ сурово, что, продавъ все имущество, онъ нѣкоторое время жилъ за Тибромъ въ отдаленной хижинѣ, точно изгнанникъ.

14. Судебное разбирательство по этому дѣлу и опубликованіе законопроекта держали государство въ напряженномъ состояніи; внѣшнихъ войнъ не было. Трибуны, точно одержавъ побѣду, считали законопроектъ уже почти проведеннымъ, такъ какъ патриціи были напуганы изгнаніемъ Цезона и, поскольку это касалось старѣйшихъ изъ нихъ, отступились отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ; но младшіе, преимущественно составлявшіе компанію Цезона, еще болѣе озлобились на плебеевъ и не потеряли присутствія духа. Но особенно полезнымъ въ этой борьбѣ оказалось для нихъ то, что они нѣсколько сдержали свою стремительность. Какъ только послѣ изгнанія Цезона зашла рѣчь о законопроектѣ, и трибуны, попытавшись удалить ихъ, подали поводъ, они въ порядкѣ и готовые, въ сопровожденіи цѣлой арміи кліентовъ, сдѣлали дружное нападеніе на трибуновъ; и никто не ушелъ домой оттуда, снискавъ единолично большую славу или вызвавъ боль-

[1]) И въ позднѣйшее время желавшій добровольно удалиться въ изгнаніе выставлялъ поручителей, оставляя имъ въ обезпеченіе свое имущество.

[2]) Повидимому, Вергиній хотѣлъ настоять на смертной казни, но въ этомъ ему помѣшали товарищи.

шее ожесточеніе[1]), а плебеи жаловались, что вмѣсто одного Цезона ихъ стала тысяча. Въ слѣдующіе дни, когда трибуны не заводили рѣчи о законопроектѣ, они были кротки и спокойны, какъ никто другой: любезно привѣтствовали плебеевъ, заговаривали съ ними, приглашали къ себѣ въ дома, помогали имъ на форумѣ, самимъ трибунамъ предоставляли созывать собранія для всякихъ другихъ цѣлей, не оказывая помѣхи, ни въ общественной, ни въ частной жизни не обнаруживали суровости, если только не заходила рѣчь о законопроектѣ; во всѣхъ другихъ случаяхъ молодежь угождала народу. И трибуны не только спокойно исполнили всѣ свои дѣла, но даже были выбраны на слѣдующій годъ. Не произнося ни одного грубаго слова, не говоря уже о насиліи, они мало-по-малу приручили плебеевъ кроткимъ и ласковымъ обхожденіемъ. При помощи такихъ уловокъ они въ теченіе цѣлаго года задерживали проведеніе законопроекта.

294 г. **15.** Консулы Г. Клавдій, сынъ Аппія, и П. Валерій Публикола приняли государство успокоеннымъ. Новый годъ не принесъ ничего новаго; одна часть гражданъ была озабочена проведеніемъ законопроекта, другую тревожила необходимость принять его. Чѣмъ болѣе младшіе патриціи старались заручиться расположеніемъ плебеевъ, тѣмъ ожесточеннѣе трибуны своими обвиненіями внушали народу подозрѣніе противъ нихъ: они говорили, что составленъ заговоръ, что Цезонъ въ Римѣ; подготовленъ планъ умерщвленія трибуновъ и избіенія плебеевъ; старѣйшіе патриціи поручили младшимъ принять мѣры къ устраненію изъ государства власти трибуновъ и возстановленію порядка, существовавшаго до удаленія на Священную гору. Въ то же время боялись со стороны вольсковъ и экивовъ, какъ бы уже установленной и чуть не изъ году въ годъ правильно повторяющейся, войны, а между тѣмъ неожиданно разразилась другая, болѣе близкая и небывалая бѣда. Изгнанники[1]) и рабы, числомъ до 2500, предводимые Ап. Гердоніемъ Сабиняниномъ, заняли ночью Капитолій и кремль[2]). Немедленно въ кремлѣ были избиты всѣ, не желавшіе принять участіе въ заговорѣ и вмѣстѣ съ ними взяться за оружіе, другіе, пользуясь суматохою, стремглавъ въ страхѣ бѣжали на форумъ. И слышны были попремѣнно крики: „къ оружію!“ „враги въ городѣ!“ Консулы боялись дать оружіе плебеямъ[3]) и оставлять ихъ безоружными, такъ какъ не знали, какая бѣда столь неожиданно обрушилась на городъ,—со стороны-ли внѣшняго, или внутренняго врага, есть ли то слѣдствіе ненависти плебеевъ, или коварства рабовъ. Они старались успокоить волненіе, а успокаивая иной разъ сильнѣе возбуждали его: нельзя вѣдь было, опираясь на власть, управлять испуганной и оробѣвшей толпой. Тѣмъ не менѣе раздаютъ оружіе не всѣмъ, а только настолько, чтобы имѣть на всякій случай достаточно сильный отрядъ противъ неизвѣстнаго врага. Разставляя караулы во всѣхъ мѣстахъ города, открытыхъ для нападенія, они провели остатокъ ночи въ тревогѣ и невѣдѣніи, кто такіе враги и сколько ихъ. Съ разсвѣтомъ открылось, что-за война и кто вождь ея. Ап. Гердоній звалъ съ Капитолія рабовъ, обѣщая свободу; онъ-де взялъ на себя защиту всѣхъ несчастныхъ, возвращеніе въ отечество изгнанниковъ,

[1]) Какъ это было съ Цезономъ, который выдѣлялся изъ всѣхъ патриціевъ.

[1]) Очевидно, во время гражданскихъ споровъ не одни Цезонъ и Коріоланъ вынуждены были покинуть Римъ.

[2]) Обѣ вершины Капитолійскаго холма.

[3]) Обыкновенно граждане сами заботились о своемъ вооруженіи и лишь въ крайнихъ случаяхъ раздавали имъ оружіе изъ казенныхъ складовъ.

несправедливо удаленныхъ, и освобожденіе рабовъ отъ тяжкаго ига. Онъ предпочитаетъ сдѣлать это съ соизволенія народа римскаго, если же на такой исходъ дѣла не будетъ надежды, то онъ подниметъ вольсковъ и эквовъ и вообще испробуетъ самыя крайнія средства.

16. Дѣло становилось все болѣе и болѣе яснымъ для сенаторовъ и консуловъ. Но не одни эти извѣстія устрашали ихъ; они боялись, что участниками этого плана окажутся вейенты и сабиняне и что, въ то время какъ столько враговъ находится въ городѣ, явятся, согласно уговору, сабинскія и этрусскія войска, а затѣмъ подойдутъ и вѣчные враги, вольски и эквы, не для опустошенія предѣловъ, какъ прежде, а къ самому городу, пользуясь тѣмъ, что часть его взята. Представлялось много разнообразныхъ основаній бояться; но особенный ужасъ наводили рабы: опасались, какъ бы не оказался у каждаго дома такой врагъ, которому рисковано было вѣрить, но вмѣстѣ съ тѣмъ опасно было недовѣріемъ вызвать большее озлобленіе его; очевидно было, что трудно будетъ спасти государство даже при согласіи гражданъ. Такъ какъ поднимались волны другихъ бѣдствій и грозили потопить государство, то никто не боялся трибуновъ или плебеевъ: полагали, что это зло укротимо, что остановленное страхомъ опасности извнѣ, оно покоится и поднимается только тогда, когда нѣтъ никакой другой бѣды. На самомъ же дѣлѣ оно чуть ли не одно больше всего грозило потрясенному государству. Безуміе трибуновъ было такъ велико, что они утверждали, будто не враги, а пустой призракъ враговъ, друзья и кліенты патриціевъ, засѣли въ Капитолій, чтобы отвлечь умы плебеевъ отъ заботы о законопроектѣ; если онъ пройдетъ и они поймутъ такимъ образомъ, что затѣяли шумъ напрасно, то эти враги уйдутъ тише, чѣмъ пришли. Затѣмъ трибуны остановили вооруженіе народа, и

подъ ихъ предсѣдательствомъ происходитъ собраніе для проведенія законопроекта. А тѣмъ временемъ подъ предсѣдательствомъ консуловъ происходитъ засѣданіе сената, такъ какъ со стороны трибуновъ обнаруживалась другая, болѣе грозная опасность, чѣмъ та, которая возникла съ появленіемъ врага въ ночную пору.

17. Когда было возвѣщено, что народъ складываетъ оружіе и покидаетъ посты, П. Валерій выбѣжалъ изъ куріи,—товарищъ его не распускалъ сената,—а оттуда на ораторскую каѳедру [1]) къ трибунамъ. „Что это такое, трибуны?“ вскричалъ онъ: „подъ личнымъ предводительствомъ и верховнымъ начальствомъ Ап. Гердонія вы собираетесь разрушить государство? онъ, который не повліялъ на рабовъ, былъ настолько счастливъ, что соблазнилъ васъ?! когда врагъ у васъ надъ головой, вамъ угодно оставить оружіе и проводить законопроекты?“ Затѣмъ, обращая рѣчь къ толпѣ, онъ продолжалъ: „если вы, Квириты, нисколько не заботитесь ни о городѣ, ни о себѣ, то побойтесь вашихъ боговъ, которые въ плѣну у враговъ. Всеблагой и всемогущій Юпитеръ, Юнона царица и Минерва, остальные боги и богини въ осадѣ. Лагерь рабовъ окружаетъ пенатовъ вашего государства. Ужели вы признаете это положеніе государства нормальнымъ? Столько враговъ находится не только въ стѣнахъ, но и въ кремлѣ, надъ форумомъ и куріей, а между тѣмъ на форумѣ происходятъ комиціи, въ куріи — засѣданіе сената; точно какъ будто у насъ царитъ глубокій миръ, сенаторы высказываютъ мнѣнія, а другіе—Квириты—подаютъ голоса. Не приличнѣе ли было бы всѣмъ патриціямъ и плебе-

---

[1]) Рѣчь идетъ о томъ мѣстѣ, откуда говорили къ народу; оно называлось позже „rostra“. Мѣсто это должно было быть освящено и выбрано на основаніи гаданія авгура, почему Ливій и называетъ его templum (священное мѣсто)

ямъ, консуламъ, трибунамъ, всѣмъ богамъ и людямъ съ оружіемъ въ рукахъ спѣшить на помощь, бѣжать въ Капитолій, освобождать и умиротворять священнѣйшее жилище всеблагого и всемогущаго Юпитера? Отецъ Ромулъ! Ты вложи въ своихъ потомковъ свой духъ, силою котораго ты нѣкогда вернулъ кремль, захваченный при помощи золота тѣми же самыми сабинянами; вели идти тою же дорогою, которой шелъ ты и предводимое тобою твое войско. Вотъ я, консулъ, первый пойду за тобой и по твоимъ стопамъ, если только смертный можетъ слѣдовать за богомъ". Закончилъ онъ рѣчь заявленіемъ, что онъ беретъ оружіе и призываетъ къ оружію всѣхъ Квиритовъ. Если кто будетъ мѣшать, то онъ, забывъ о консульской власти, о власти трибуновъ и законахъ, гарантирующихъ ихъ неприкосновенность, будетъ считать врагомъ всякаго, кто бы онъ ни былъ, гдѣ бы онъ ни находился, на Капитоліи, или на форумѣ. Такъ какъ трибуны запрещаютъ поднять оружіе противъ Ап. Гердонія, то пусть прикажутъ поднять его противъ консула П. Валерія; онъ не побоится поступить съ трибунами такъ, какъ не побоялся поступить съ царями глава его рода. Очевидно было, что собираются прибѣгнуть къ величайшему насилію, и что усобица въ Римѣ будетъ зрѣлищемъ для враговъ. Однако провести законопроектъ не удалось, но и консулъ не могъ отправиться на Капитолій. Ночь положила конецъ начавшейся борьбѣ. Трибуны, боясь вооруженной силы консуловъ, къ ночи отступили. Затѣмъ, по удаленіи виновниковъ мятежа, патриціи стали обходить плебеевъ и, вмѣшиваясь въ кучки народа, заводили разговоры, соотвѣтствующіе обстоятельствамъ, упрашивали подумать, въ какое критическое положеніе ставятъ они государство: не между патриціями и плебеями идетъ борьба, а патриціи и плебеи вмѣстѣ, кремль, храмы боговъ, общественные и частные пенаты предаются врагамъ. Пока на форумѣ принимались такія мѣры для подавленія мятежа, консулы удалились осмотрѣть ворота и стѣны, опасаясь движенія со стороны вейентовъ или сабинянъ.

18. Въ ту же ночь и въ Тускулъ дошло извѣстіе о захватѣ кремля и занятіи Капитолія и вообще о смутахъ въ городѣ. Тамъ диктаторомъ тогда былъ Л. Мамилій. Немедленно созвавши сенатъ и приведши вѣстниковъ, онъ настаиваетъ, что нечего ждать прибытія изъ Рима пословъ съ просьбою о помощи; этого требуетъ самое крайнее критическое положеніе, боги союзовъ [1]) и вѣрность договорамъ. Никогда боги не представятъ такого удобнаго случая оказать услугу такому сильному и такому близкому государству. Рѣшаютъ подать помощь; собираютъ молодежь, раздаютъ оружіе. Приближеніе ихъ на разсвѣтѣ къ Риму издали походило на приближеніе враговъ; думали, что подступаютъ эквы или вольски; затѣмъ, когда прошелъ ложный страхъ, они были впущены въ городъ и стройно вступили на форумъ. А тамъ П. Валерій, оставивъ товарища для охраны воротъ, строилъ уже войско. Авторитетъ этого мужа произвелъ свое дѣйствіе, такъ какъ онъ увѣрялъ, что, по возвращеніи Капитолія и умиротвореніи города, онъ не будетъ мѣшать собраніямъ плебеевъ, если они позволятъ уяснить имъ, какое коварство скрыто въ предложеніи трибуновъ; онъ помнитъ о своихъ предкахъ, помнитъ о своемъ прозвищѣ, въ силу котораго забота о благополучіи народа, какъ бы по наслѣдству, передана ему отъ отцовъ. Слѣдуя за этимъ вождемъ, они направляются на Капитолійскій холмъ несмотря на крики трибуновъ, напрасно звавшихъ назадъ. Присоединяется и тускуланское войско. Союзники и граждане состязались, кому изъ нихъ будетъ принадлежать честь воз-

[1]) Т. е. боги, призываемые при заключеніи договоровъ; ср. II. 33.

вращенія кремля. Оба вождя ободряють своихъ воиновъ. Враги пришли въ смущеніе и надѣялись только на мѣстоположеніе; пользуясь ихъ испугомъ, римляне и союзники направляютъ на нихъ свои знамена. И уже они ворвались въ преддверіе храма, какъ П. Валерій, поощрявшій, стоя въ первомъ ряду, къ битвѣ, былъ убитъ. Бывшій консулъ П. Волумній видѣлъ, какъ онъ палъ. Поручивъ своимъ прикрыть тѣло, самъ онъ выбѣгаетъ въ первый рядъ на мѣсто консула. Въ пылу битвы воины не замѣтили этого важнаго обстоятельства; они прежде побѣдили, чѣмъ узнали, что сражаются безъ вождя. Многіе изгнанники кровью своей осквернили храмъ, многіе были захвачены живыми. Ап. Гердоній былъ убитъ. Такимъ образомъ Капитолій былъ возвращенъ. Плѣнники были казнены каждый соотвѣтственно своему положенію, былъ ли онъ свободнымъ, или рабомъ; тускуланцамъ выражена благодарность; Капитолій былъ очищенъ и вновь освященъ [1]). Разсказываютъ, что плебеи бросали въ домъ консула монеты по 1/4 асса на устройство болѣе торжественныхъ похоронъ [2]).

19. По возстановленіи мира трибуны стали настойчиво требовать отъ сенаторовъ, чтобы они исполнили обѣщаніе П. Валерія, отъ Г. Клавдія,—чтобы онъ освободилъ тѣнь товарища отъ обвиненія въ обманѣ и позволилъ поднять дѣло о законопроектѣ. Но консулъ заявилъ, что онъ не допуститъ обсужденія законопроекта, пока не выберетъ товарища на мѣсто убитаго. Эти споры продолжались вплоть до комицій для дополнительныхъ выборовъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, благодаря усиленнымъ стараніямъ сенаторовъ, консуломъ былъ выбранъ отецъ Цезона Л. Квинктій Цинциннатъ, который немедленно долженъ былъ вступить въ должность. Плебеи были въ уныніи, такъ какъ консуломъ являлся человѣкъ раздраженный противъ нихъ и въ то же время сильный расположеніемъ патриціевъ, собственной доблестью, своими тремя сыновьями; изъ нихъ ни одинъ по мужеству не уступалъ Цезону, а по умѣнью, въ случаѣ надобности, быть предусмотрительными и умѣренными, они стояли выше его. Какъ только онъ вступилъ въ должность, то въ своихъ постоянныхъ рѣчахъ съ трибунала онъ не съ такой настойчивостью сдерживалъ плебеевъ, какъ порицалъ сенатъ, говоря, что вслѣдствіе вялости его, трибуны стали уже безсмѣнными, и пользуясь своимъ краснорѣчіемъ и предъявляя обвиненія, распоряжаются не какъ въ государствѣ римскаго народа, а какъ въ безпорядочномъ домѣ. Вмѣстѣ съ сыномъ его Цезономъ изгнана изъ города Рима и находится въ ссылкѣ доблесть, постоянство, всѣ высокія качества, отличавшія молодежь въ мирное и военное время; болтуны, мятежники, сѣятели раздоровъ, дѣлаясь при помощи самыхъ грусныхъ происковъ по два и по три раза трибунами, они пользуются царскимъ произволомъ. „Развѣ тотъ Авлъ Вергиній“, говорилъ онъ, „за то, что не былъ въ Капитоліи, меньше заслужилъ казнь, чѣмъ Ап. Гердоній? клянусь Геркулесомъ, гораздо больше, если оцѣнивать дѣла по справедливости. Гердоній уже тѣмъ однимъ, что объявлялъ себя врагомъ, почти заставилъ васъ взяться за оружіе; этотъ же, утверждая, что нѣтъ войны, отнялъ у васъ оружіе и беззащитными поставилъ васъ предъ вашими рабами и изгнанниками. И вы—я не желаю тревожить мира усопшихъ Г. Клавдія и П. Валерія—рѣшились двинуть зна-

[1]) Новое освященіе было необходимо, такъ какъ храмъ былъ оскверненъ убійствомъ.

[2]) Намекъ на такъ называемое funus publicum—погребеніе на общественный счетъ; но здѣсь оно совершается не по постановленію сената и не на средства казны, а на добровольныя пожертвованія гражданъ, вызванныя, помимо заслугъ умершаго, его бѣдностью; ср. II 16, 33.

мена на Капитолійскій холмъ прежде, чѣмъ удалить съ форума этихъ враговъ? стыдно предъ богами и людьми! Когда врагъ былъ въ кремлѣ, и на Капитоліи, когда вождь изгнанниковъ и рабовъ, осквернивъ все святое, поселился въ храмѣ всеблагого и всемогущаго Юпитера, въ Тускулѣ прежде, чѣмъ въ Римѣ, взялись за оружіе; неизвѣстно было, Л. ли Мамилій, вождь тускуланскій, или консулы П. Валерій и Г. Клавдій освободятъ римскій кремль, и мы, прежде не позволявшіе латинянамъ брать оружіе даже для защиты самихъ себя, когда въ ихъ предѣлахъ былъ врагъ, были бы въ плѣну и разорены, если бы они самовольно не взялись за оружіе. Итакъ, трибуны, предавать безоружныхъ плебеевъ врагу, чтобы онъ убилъ ихъ, значитъ помогать имъ! Конечно, если бы какой-нибудь самый послѣдній изъ вашихъ плебеевъ, которыхъ вы сдѣлали какъ бы отторгнутою отъ остального народа частью, вашимъ отечествомъ, государствомъ въ государствѣ, если бы кто изъ нихъ заявилъ вамъ, что его домъ осажденъ вооруженными рабами, то вы считали бы обязательнымъ помочь ему; а всеблагой и всемогущій Юпитеръ, окруженный вооруженными изгнанниками и рабами, не заслуживалъ помощи отъ людей! и эти люди требуютъ, чтобы ихъ считали неприкосновенными, когда для нихъ сами боги не священны и не неприкосновенны? Но вы, подавляемые преступленіями противъ боговъ и людей, заявляете, что проведете въ этомъ году законопроектъ. Въ такомъ случаѣ, т. е. если вамъ удастся это, клянусь Геркулесомъ, плохую услугу оказали государству въ тотъ день, когда меня избрали консуломъ, гораздо хуже, чѣмъ когда погибъ консулъ П. Валерій. Прежде всего, Квириты", закончилъ онъ, „я съ товарищемъ намѣренъ вести войска противъ вольсковъ и эквовъ. Вслѣдствіе какого-то рока боги милостивѣе къ намъ, когда мы воюемъ, чѣмъ когда мы живемъ въ мирѣ. Лучше догадываться, когда бѣда уже миновала, чѣмъ на дѣлѣ испытать, какой бы опасности подверглись мы, если бы эти народы узнали, что Капитолій осажденъ изгнанниками".

20. Рѣчь консула подѣйствовала на плебеевъ; патриціи ободрились и считали порядокъ въ государствѣ возстановленнымъ. Другой консулъ, будучи болѣе энергичнымъ помощникомъ, чѣмъ инціаторомъ, охотно предоставилъ товарищу починъ въ столь важномъ дѣлѣ, а для себя избралъ только участіе въ исполненіи консульскихъ обязанностей. Тогда трибуны, издѣваясь надъ его словами, какъ праздными, настойчиво спрашивали, какъ это консулы выведутъ войско, когда имъ никто не позволитъ производить наборъ, Квинктій отвѣчалъ: „да намъ вовсе и не нужно производить наборъ, такъ какъ, когда П. Валерій раздавалъ плебеямъ оружіе для отнятія Капитолія, всѣ поклялись собраться по приказанію консула и не расходиться безъ его воли. Итакъ мы повелѣваемъ всѣмъ, принесшимъ эту присягу, завтра явиться вооруженными къ Региллъскому озеру". Тогда трибуны начали подтрунивать и хотѣли освободить народъ отъ присяги: Квинктій-де былъ частнымъ человѣкомъ, когда давалась присяга. Но тогда не дошли еще до того пренебреженія къ богамъ, которымъ одержимъ нашъ вѣкъ, и никто путемъ толкованія не приспособлялъ себѣ присягу и законы, напротивъ, свои нравы всѣ сообразовали съ ними. И вотъ трибуны, не имѣя надежды помѣшать дѣлу, стали думать о томъ, чтобы отсрочить сборъ войска, тѣмъ болѣе, что распространился слухъ о приказаніи, отданномъ и авгурамъ, явиться къ Региллъскому озеру и обозначить мѣсто, гдѣ бы, произведши авспиціи, можно было говорить съ народомъ [1]),

[1]) Собраніе всего народа, созванное для принятія какого-нибудь рѣшенія, можетъ состояться только въ томъ случаѣ, если произведены авспиціи утромъ того же дня и на томъ мѣстѣ, гдѣ оно должно происходить, авспиціи же могутъ производиться лишь на мѣстѣ, обо-

съ цѣлью отмѣнить тамъ на комиціяхъ всѣ рѣшенія, которыя будутъ приняты въ Римѣ подъ вліяніемъ трибуновъ: тамъ-де всѣ выскажутся за то, чего захотятъ консулы; вѣдь право аппелляціи къ народу прекращается на разстояніи болѣе 1000 шаговъ [1]) отъ города, и трибуны, явившись туда, окажутся, наравнѣ съ остальной толпой Квиритовъ, въ подчиненіи у консуловъ. Это внушало опасенія; но особенно волновало умы неоднократное заявленіе Квинктія, что онъ не будетъ предсѣдательствовать въ комиціяхъ для избранія консула: не таковъ недугъ государства, чтобы его можно было спасти обычными средствами: для государства нуженъ дикторъ, чтобы покусившійся на нарушеніе общественнаго спокойствія зналъ, что противъ диктатуры не существуетъ аппелляціи.

21. Въ Капитоліи происходило засѣданіе сената; туда явились трибуны со смущенными плебеями. Толпа громко взывала о защитѣ то къ консуламъ, то къ сенаторамъ, но консулъ только тогда отказался отъ своего мнѣнія, когда трибуны дали обѣщаніе подчиниться рѣшеніямъ сената. Когда затѣмъ послѣдовалъ докладъ консула о требованіяхъ трибуновъ и плебеевъ, то состоялись сенатскія постановленія, что трибуны не должны въ тотъ годъ вносить законопроекта, а консулы выводить войско изъ города; вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ признаетъ на будущее время несогласнымъ съ интересами государства продленіе должностей и вторичное избраніе тѣхъ же лицъ трибунами. Консулы повиновались сенату; трибуны, несмотря на протесты консуловъ, выбраны были вновь. Равнымъ образомъ и сенаторы, чтобы не уступать ни въ какомъ отношеніи

значенномъ и освященномъ авгурами для наблюденія за небесными знаменіями. Въ городѣ и по близости его такія мѣста были опредѣлены разъ навсегда; настоящій же случай исключительный, а потому templum долженъ быть освященъ авгуромъ.

[1]) См. II, 11 пр.

плебеямъ, тоже хотѣли снова выбрать въ консулы Л. Квинктія. Но ни разу въ томъ году консулъ не держалъ болѣе энергичной рѣчи. „Дивиться ли мнѣ, сенаторы," сказалъ онъ, „что вашъ авторитетъ предъ плебеями является призрачнымъ? вы ослабляете его; такъ какъ плебеи нарушили сенатское постановленіе относительно продленія должностей, то и вы хотите нарушить его, чтобы не уступить безразсудству толпы. Точно будто бы могущество въ государствѣ измѣряется степенью непостоянства и своеволія! вѣдь конечно о большемъ легкомысліи и ничтожествѣ свидѣтельствуетъ нарушеніе собственныхъ постановленій, чѣмъ чужихъ. Подражайте, сенаторы, несмысленной толпѣ; лучше вамъ, которые должны бы служить примѣромъ для нея, заблуждаться, глядя на другихъ, чѣмъ другимъ поступать правильно, глядя на васъ; но только я не хочу подражать трибунамъ и не допущу назначенія меня консуломъ вопреки сенатскому постановленію. Тебя же, Г. Клавдій, я тоже прошу удержать римскій народъ отъ такого произвола; будь увѣренъ, что я приму такое твое дѣйствіе не за желаніе помѣшать моему возвышенію, а за стремленіе усилить славу роняемой почетной должности и ослабить ненависть, которая грозила бы мнѣ, въ случаѣ продленія моей власти". Затѣмъ сообща они издаютъ распоряженіе, чтобы никто не избиралъ Л. Квинктія въ консулы, и что поданные за него голоса не будутъ ими приняты во вниманіе. **22.** Въ консулы были выбраны Кв. Фабій Вибуланъ въ третій разъ и Л. Корнелій Малугинскій. Въ тотъ годъ произведенъ былъ цензъ; приносить же торжественную очистительную жертву боялись, потому что взятъ былъ Капитолій и убитъ консулъ [1]).

[1]) Эти несчастія могли быть истолкованы, какъ помѣха религіозному торжеству.

Въ началѣ года, въ консульство Кв. Фабія и Л. Корнелія, сразу начались смуты. Трибуны подстрекали плебеевъ, а между тѣмъ латиняне и герники сообщали, что вольски и сабиняне затѣваютъ огромную войну, что войско вольсковъ находится уже въ Антіи. Было много оснований бояться, что отпадетъ и самая колонія; со стороны трибуновъ едва удалось добиться, чтобы они позволили сперва справиться съ этой войной [1]). Затѣмъ консулы раздѣлили сферы дѣятельности: Фабію было поручено вести легіоны въ Антій, Корнелію — оставаться на защиту Рима изъ опасенія, чтобы какая нибудь часть враговъ, по обычаю эквовъ, не явилась опустошать поля. Герникамъ и латинянамъ приказано было, согласно договору, выставить воиновъ; такимъ образомъ $^{2}/_{3}$ войска состояли изъ союзниковъ, а $^{1}/_{3}$ — изъ гражданъ. Послѣ того какъ союзники явились къ назначенному дню, консулъ разбилъ лагерь за Капенскими воротами. Произведя затѣмъ смотръ войску, онъ двинулся къ Антію и остановился недалеко отъ города и отъ стоянки враговъ. Пока вольски, не рѣшаясь вступить тамъ въ битву за неприбытіемъ войска эквовъ, принимали мѣры, какъ бы имъ спокойно защитить себя за валомъ, Фабій на слѣдующій день выстроилъ вокругъ непріятельскаго лагеря не смѣшанный строй изъ союзниковъ и гражданъ, но три отдѣльныхъ строя изъ трехъ народовъ; самъ съ римскими легіонами сталъ въ серединѣ. Затѣмъ приказалъ наблюдать за сигналомъ, чтобы и союзники одновременно начали дѣло и отступили, когда протрубятъ отбой. За первой шеренгой каждаго отряда онъ помѣщаетъ и соотвѣтствующіе отряды кавалеріи. Сдѣлавши такимъ образомъ нападеніе въ трехъ пунктахъ, онъ окружаетъ лагерь и, наступая со всѣхъ сторонъ, прогоняетъ съ вала не выдержавшихъ натиска вольсковъ. Пройдя затѣмъ чрезъ укрѣпленія, онъ выгоняетъ изъ лагеря оробѣвшую и сбившуюся въ одну сторону толпу. Когда враги бѣжали оттуда въ безпорядкѣ, всадники, остававшіеся зрителями этой битвы, такъ какъ имъ трудно было перейти валъ, нагнавъ ихъ на открытой равнинѣ, приняли участіе въ побѣдѣ, избивая перепуганныхъ враговъ. И въ лагерѣ, и внѣ укрѣпленій происходила большая рѣзня бѣжавшихъ, но еще больше была добыча, такъ какъ враги едва имѣли возможность унести съ собой оружіе. И войско было бы уничтожено, если бы бѣгущіе не скрылись въ лѣсу.

[1]) Отложивъ на время ея обсужденіе законопроекта.

23. Пока это происходило подъ Антіемъ, эквы, пославъ впередъ отборныхъ молодцовъ, внезапно почью захватили тускуланскій кремль; съ остальными силами они расположились не далеко отъ стѣнъ Тускула, чтобы раздѣлить силы врага. Извѣстіе объ этомъ быстро достигло Рима, а оттуда лагеря въ Антіи и произвело на римлянъ такое же впечатлѣніе, какъ если бы сообщено было о взятіи Капитолія: такъ недавно оказана была услуга тускуланцами, и всѣ были убѣждены, что самое сходство опасности дѣлаетъ обязательнымъ за оказанную помощь отплатить тѣмъ же. Фабій, бросивъ всѣ другія дѣла, поспѣшно свозитъ добычу изъ лагеря въ Антій; оставивъ тамъ небольшой горнизонъ, онъ спѣшитъ ускореннымъ маршемъ въ Тускулъ. Воинамъ запрещено было брать съ собой что-нибудь, кромѣ оружія и приготовленной пищи, сколько было подъ руками; провіантъ консулъ Корнелій подвозитъ изъ Рима. Война около Тускула длилась нѣсколько мѣсяцевъ. Съ одной частью войска консулъ осаждалъ лагерь эквовъ, другую далъ тускуланцамъ для возвращенія кремля. Штурмовать его было невозможно; наконецъ голодъ вынудилъ враговъ выйти оттуда. Доведенные до крайности, безоружные и нагіе, они были прогнаны ту-

скуланцами подъ ярмомъ. Когда они въ позорномъ бѣгствѣ стремились домой, римскій консулъ настигъ ихъ у Альгида и перебилъ всѣхъ до одного. Приведши назадъ войско, побѣдитель располагается лагеремъ у Колумена [1])—таково названіе этого мѣста. И другой консулъ двинулся отъ Рима, когда, по удаленіи врага, миновала уже опасность для римскихъ стѣнъ. Такимъ образомъ, вступивъ съ двумя арміями во вражескіе предѣлы, консулы производятъ страшное опустошеніе—одинъ въ землѣ вольсковъ, другой—въ землѣ эквовъ.

У большинства писателей я нахожу извѣстіе, что въ томъ же году отложились антіаты, что консулъ Л. Корнелій велъ эту войну и взялъ городъ. Но я не смѣю утверждать этого за вѣрное, такъ какъ у болѣе древнихъ писателей нѣтъ никакого упоминанія объ этомъ.

24. По окончаніи этой войны патриціевъ страшитъ домашняя распря съ трибунами. Послѣдніе громко заявляютъ, что войско коварно держатъ внѣ отечества, что этотъ обманъ имѣетъ цѣлью помѣшать проведенію законопроекта, что они тѣмъ не менѣе доведутъ до конца начатое дѣло. Однако Л. Лукрецій, префектъ города, добился отсрочки замышляемыхъ трибунами дебатовъ до прибытія консуловъ. Появилось еще новое основаніе для волненія. Квесторы А. Корнелій и Кв. Сервилій привлекли къ суду [2]) М. Вольсція за то, что онъ несомнѣнно былъ ложнымъ свидѣтелемъ противъ Цезона [3]). Ибо изъ многихъ показаній вытекало, что братъ Вольсція съ тѣхъ поръ, какъ заболѣлъ, не только не показывался никогда на форумѣ, но даже и не вставалъ съ постели и, проболѣвъ много мѣсяцевъ, умеръ, и что въ то время, къ которому свидѣтель относилъ преступленіе, Цезона не было въ Римѣ, такъ какъ товарищи его по службѣ удостовѣряли, что онъ постоянно былъ съ ними въ войскѣ и не пользовался никакимъ отпускомъ. Многія частныя лица предлагали ему доказать третейскимъ судомъ [1]) противное. Такъ какъ онъ не рѣшался идти на третейскій судъ, то всѣ эти вполнѣ согласныя одно съ другимъ обстоятельства такъ же мало позволяли сомнѣваться въ осужденіи Вольсція, какъ въ свое время въ осужденіи Цезона на основаніи его показаній. Помѣхою служили трибуны, которые заявляли, что не позволятъ квесторамъ собрать комиціи по дѣлу подсудимаго, если не состоятся предварительно комиціи относительно законопроекта. Такимъ образомъ оба дѣла затянулись до прибытія консуловъ. Когда они съ тріумфомъ вступили въ городъ въ сопровожденіи побѣдоноснаго войска, большая часть считала трибуновъ напуганными, такъ какъ относительно законопроекта они хранили молчаніе. А между тѣмъ они, въ виду окончанія года, домогаясь въ четвертый разъ трибунства, перенесли борьбу со споровъ о законопроектѣ на выборныя комиціи. И хотя консулы ратовали противъ продолженія трибунства нисколько не менѣе, чѣмъ если бы былъ опубликованъ законопроектъ объ умаленіи ихъ власти, побѣда однако оказалась за трибунами.

[1]) Гдѣ находится эта мѣстность, неизвѣстно.

[2]) Квесторы, бывшіе первоначально замѣстителями, въ случаѣ надобности, консуловъ, являются здѣсь ежегодно избираемыми чиновниками, производящими слѣдствіе и созывающими комиціи для суда надъ преступникомъ.

[3]) См. гл. 13.

Въ томъ же году эквамъ, согласно ихъ просьбѣ, дарованъ былъ миръ. Цензъ, начатый въ предыдущемъ

[1]) Спорящія стороны представляли извѣстную сумму, которую третейскій судья присуждалъ правому; этотъ приговоръ представлялъ собою какъ бы предварительное рѣшеніе дѣла на судѣ народномъ; отказываясь отъ него, Вольсцій тѣмъ самымъ показывалъ, что онъ не правъ.

году, былъ законченъ; разсказываютъ, что принесенная при этомъ очистительная жертва была десятой отъ основанія города. Насчитано было 117319 душъ гражданъ.

Гражданская и военная слава консуловъ того года была велика, такъ какъ и внѣ отечества они установили миръ, и дома государственная жизнь шла, если не въ полномъ согласіи, то во всякомъ случаѣ съ меньшею враждою, чѣмъ въ другое время.

296 г. **25.** Послѣдовавшіе затѣмъ консулы Л. Минуцій и Г. Навтій приняли два дѣла, оставшихся отъ предыдущаго года. Такъ же, какъ прежде, консулы мѣшали проведенію законопроекта, а трибуны—суду надъ Вольсціемъ; но новые квесторы были болѣе сильны и пользовались большимъ авторитетомъ. Съ М. Валеріемъ, сыномъ Манія, внукомъ Волеза, квесторомъ былъ Т. Квинктій Капитолійскій, бывшій три раза консуломъ. Не имѣя возможности вернуть роду Квинктіевъ Цезона, а государству лучшаго юношу, онъ преслѣдовалъ справедливою и законною враждою лжесвидѣтеля, лишившаго невиннаго человѣка возможности защищаться. Такъ какъ Вергиній больше всѣхъ трибуновъ настаивалъ на обсужденіи законопроекта, то консуламъ данъ былъ двухмѣсячный срокъ для изученія его, съ тѣмъ условіемъ, что голосованіе будетъ допущено послѣ того, какъ они объяснятъ народу, какое въ предлагаемомъ законопроектѣ скрыто коварство. За назначеніемъ этого срока въ городѣ наступило успокоеніе. Но эквы не надолго дали отдыхъ: нарушивъ договоръ, заключенный съ римлянами въ прошломъ году, они передали власть Гракху Клелію; онъ былъ тогда первымъ лицомъ среди эквовъ. Подъ предводительствомъ Гракха они произвели вражеское опустошеніе въ лабиканскихъ, а затѣмъ въ тускуланскихъ поляхъ и съ огромной добычей расположились лагеремъ на Альгидѣ. Въ этотъ

лагерь явились изъ Рима послами Кв. Фабій, П. Волумній и А. Потсумій жаловаться на обиды и требовать, согласно договору, удовлетворенія. Вождь эквовъ приказываетъ имъ изложить требованія римскаго сената дубу; а онъ-де тѣмъ временемъ займется другими дѣлами. Огромный дубъ этотъ возвышался надъ палаткой, и въ тѣни его было прохладное мѣсто. Тогда одинъ изъ пословъ, уходя, сказалъ: „и этотъ священный дубъ, и всѣ боги да услышатъ, что вы нарушили договоръ; да внемлютъ они теперь нашимъ жалобамъ, и да помогутъ оружію, когда мы будемъ преслѣдовать въ недалекомъ будущемъ одновременное нарушеніе законовъ божескихъ и человѣческихъ“. Когда послы вернулись въ Римъ, сенатъ приказалъ одному консулу вести войско противъ Гракха на Альгидъ, а другому поручилъ опустошать предѣлы эквовъ. Трибуны, по обычаю, начали мѣшать набору и, быть можетъ, до конца мѣшали бы, но неожиданно явилась новая опасность. **26.** Огромныя силы сабинянъ, производя ужасный разгромъ, подступили почти къ самымъ стѣнамъ города: поля были страшно опустошены, на городъ наведенъ страхъ. Тогда плебеи смиловавшись взялись за оружіе: несмотря на протесты трибуновъ, набрано было двѣ большихъ арміи. Одну повелъ Навтій противъ сабинянъ и, расположившись лагеремъ у Эрета, съ малыми отрядами, нападая преимущественно въ ночное время, произвелъ такое опустошеніе въ сабинскихъ поляхъ, что сравнительно съ ними римскіе предѣлы казались почти нетронутыми. Минуцій въ исполненіи возложеннаго на него порученія не обнаружилъ такой же силы духа и не имѣлъ такого же счастія; расположившись недалеко отъ врага, не потерпѣвъ никакого значительнаго пораженія, онъ робко держался въ лагерѣ. Замѣтивъ это, враги, ставъ дерзкими при видѣ страха противника, какъ это обыкновенно быва-

етъ, напали ночью на лагерь; но такъ какъ открытое нападеніе не имѣло успѣха, то на слѣдующій день они обложили его окопами. Однако, прежде чѣмъ они успѣли заградить всѣ выходы, пять всадниковъ, пробравшись чрезъ непріятельскіе посты, принесли въ Римъ извѣстіе, что консулъ и армія въ осадѣ.] Ничего не могло случиться такъ нежданно-негаданно. Распространился такой страхъ и такое смятеніе, точно враги осаждали не лагерь, а городъ. Приглашенъ былъ консулъ Навтій; но такъ какъ на него мало было надежды, и рѣшено было выбрать диктатора, который бы поддержалъ потрясенное государство, то съ общаго согласія выбранъ былъ Л. Квинктій Цинциннатъ.

Нижеслѣдующее должны внимательно выслушать тѣ, которые презираютъ всѣ людскія блага кромѣ богатствъ, и думаютъ, что нѣтъ мѣста ни почету, ни доблести тамъ, гдѣ нѣтъ изобилія въ сокровищахъ. Л. Квинктій, единственная надежда римскаго государства, обработывалъ за Тибромъ, противъ того мѣста, гдѣ теперь находится верфь, поле въ 4 югера, именуемое Квинктіевымъ лугомъ. Тамъ, когда онъ усердно рылъ канаву заступомъ, или пахалъ, во всякомъ случаѣ занятъ былъ полевыми работами, — это извѣстно точно, — послы, обмѣнявшись съ нимъ взаимными привѣтствіями, попросили его, на благо ему и государству, выслушать въ тогѣ порученіе сената; спрашивая съ удивленіемъ, все ли благополучно, онъ приказываетъ женѣ своей Рациліи поскорѣе подать изъ хижины тогу. Когда, отерши пыль и потъ и одѣвшись въ тогу, онъ выступилъ впередъ, послы, принося поздравленіе, привѣтствуютъ его диктаторомъ, призываютъ въ городъ, объясняютъ, какая паника въ войскѣ. Для Квинктія было приготовлено по распоряженію властей судно и, когда онъ переправился, его встрѣтили три сына, затѣмъ другіе близкіе и друзья и большая часть сенаторовъ. Въ сопровожденіи этой толпы, въ предшествіи ликторовъ онъ отведенъ былъ въ свой домъ. И плебеи сбѣжались въ большомъ количествѣ; но они далеко не съ такой радостью смотрѣли на Квинктія, считая и власть эту чрезмѣрною, и мужа этого еще болѣе крутымъ, чѣмъ сама власть. И въ ту ночь ограничились тѣмъ, что разставили караулы въ городѣ.

27. На слѣдующій день, вышедши до разсвѣта на форумъ, диктаторъ назначаетъ начальникомъ конницы Л. Тарквитія, человѣка хотя и принадлежавшаго къ патриціанскому роду, но по бѣдности служившаго въ пѣхотѣ [1]); тѣмъ не менѣе по военной доблести онъ считался далеко превосходящимъ всю римскую молодежь. Съ начальникомъ конницы онъ является въ собраніе, объявляетъ суды закрытыми, приказываетъ по всему городу запереть лавки, запрещаетъ всѣмъ заниматься какими бы то ни было частными дѣлами. Затѣмъ всѣмъ, находящимся въ воинскомъ возрастѣ, велитъ явиться до захода солнца на Марсово полѣ, вооружившись, запасшись готовою пищею на 5 дней и взявъ по 12 кольевъ; кто по преклонности лѣтъ не годенъ былъ для службы, тому онъ приказываетъ варить пищу для сосѣда-воина, пока тотъ будетъ готовить оружіе и искать колья. Такимъ образомъ юноши поспѣшно разошлись собирать колья; брали, гдѣ кому было ближе: никто не встрѣчалъ противодѣйствія; и всѣ аккуратно явились согласно распоряженію диктатора. Построивши затѣмъ строй одинаково пригодный для марша и для сраженія, если бы того потребовали обстоятельства, самъ диктаторъ ведетъ легіоны, а начальникъ конницы —всадниковъ. Въ обоихъ отрядахъ сказаны были одобрительныя рѣчи, какихъ требовали обстоятельства: пусть прибавятъ шагу; надо спѣшить, чтобы за ночь

---

[1]) Патриціи служили обыкновенно въ кавалеріи.

добраться до врага; консулъ и войско римское въ осадѣ, они заперты уже третій день; неизвѣстно, что принесетъ каждая ночь или день; часто въ одну минуту рѣшаются величайшія дѣла. И воины, угождая вождямъ, кричали также другъ другу: „спѣши, знаменосецъ, не отставай, воинъ!“ Въ полночь они достигаютъ Альгида и останавливаются, замѣтивъ, что врагъ уже близко.

28. Тутъ диктаторъ, объѣхавши и осмотрѣвши, насколько позволяла ночь, протяженіе и форму лагеря, распорядился, чтобы военные трибуны приказали воинамъ сбросать свою ношу въ одно мѣсто и вернуться въ ряды только съ оружіемъ и кольями. Приказаніе было исполнено. Затѣмъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ были на пути, онъ располагаетъ все войско вокругъ лагеря враговъ длинною шеренгой и приказываетъ по данному сигналу всѣмъ закричать, а затѣмъ каждому рыть передъ собою канаву и насыпать валъ. За распоряженіемъ послѣдовалъ сигналъ. Воины выполняютъ приказаніе. Крикъ раздается вокругъ враговъ; онъ достигаетъ и за предѣлы непріятельскаго лагеря и слышится въ лагерѣ консула. Это вызываетъ на одной сторонѣ панику, на другой радость. Римляне, поздравляя другъ друга, что слышны крики согражданъ и что близка помощь, также наводятъ страхъ на врага съ караульныхъ постовъ. Консулъ говоритъ, что дѣло откладывать нельзя; крикъ этотъ обозначаетъ не только приближеніе помощи, но и начало дѣла; несомнѣнно, что съ наружной стороны лагерь враговъ уже осажденъ. Поэтому онъ приказываетъ воинамъ взяться за оружіе и слѣдовать за нимъ. Ночью началось сраженіе; крикомъ они даютъ знать легіонамъ диктатора, что и на ихъ сторонѣ началось дѣло. Эквы уже готовились помѣшать окапывать ихъ лагерь, какъ запертый врагъ началъ битву; поэтому, обратившись отъ окружающихъ на напавшихъ съ внутренней стороны, изъ опасенія вылазки черезъ ихъ лагерь, они дали возможность безпрепятственно заниматься всю ночь укрѣпленіями; а консулъ дрался до свѣта. На разсвѣтѣ диктаторъ уже окружилъ враговъ валомъ, и они едва выдерживали бой съ однимъ войскомъ. Затѣмъ войско Квинктія, по окончаніи работы взявшись тотчасъ за оружіе, бросилось на валъ. Тутъ предстояла новая битва, а прежняя между тѣмъ нимало не ослабѣвала. Тогда, тѣснимые опасностью съ двухъ сторонъ, они отъ сраженія переходятъ къ мольбамъ, упрашивая и диктатора и консула, чтобы они не пользовались побѣдою для избіенія ихъ, чтобы позволили имъ безъ оружія уйти оттуда. Консулъ отослалъ ихъ къ диктатору; тотъ въ раздраженіи присоединяетъ позорное условіе: приказываетъ привести къ нему связанными вождя Гракха Клелія и другихъ знатныхъ лицъ и удалиться изъ города Корбіона, заявивъ, что кровь эквовъ не нужна ему; они могутъ уйти; но они будутъ прогнаны подъ ярмо, съ цѣлью вынудить у нихъ наконецъ признаніе, что они подчинены и побѣждены. Ярмо дѣлается изъ трехъ копій, изъ которыхъ два втыкаются въ землю, а одно перекидывается сверху и привязывается. Подъ такое-то ярмо диктаторъ и прогналъ эквовъ.

29. По взятіи непріятельскаго лагеря, наполненаго всякимъ добромъ, — враги отпущены были нагими, — всю добычу онъ отдалъ только своимъ воинамъ; а консульскому войску и самому консулу онъ съ упрекомъ сказалъ: „вы не получите, воины, части добычи съ того врага, которому вы сами чуть не стали добычей; и ты, Л. Минуцій, пока пріобрѣтешь духъ, достойный консула, будешь командовать этими легіонами въ качествѣ легата“. При такихъ обстоятельствахъ Минуцій отказывается отъ консульства [1]) и, повинуясь приказанію,

[1]) Въ виду своей высшей власти диктаторъ принуждаетъ консула сложить свои полномочія.

остается у войска. Но въ это время люди съ такой готовностью преклонялись предъ высшей властью, что это войско, болѣе помня о благодѣяніи, чѣмъ о безчестіи, назначило диктатору золотой вѣнокъ въ фунтъ вѣсомъ, а когда онъ уходилъ, привѣтствовало его именемъ защитника. Въ Римѣ сенатъ, собравшійся подъ предсѣдательствомъ городского префекта Кв. Фабія, приказалъ Квинктію съ тріумфомъ вступить въ городъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ шелъ. Предъ колесницей вели вождей враговъ, несли воинскія знамена, а за нею слѣдовало нагруженное добычею войско. Говорятъ, что были накрыты столы съ яствами передъ всѣми домами, и пирующіе провожали колесницу тріумфальными стихами [1]) и обычными шутками, какъ бы гуляя съ собутыльниками. Въ тотъ день съ общаго одобренія даровано было право гражданства Л. Мамилію Тускуланцу [2]). Диктаторъ тотчасъ сложилъ бы власть, если бы его не задержали комиціи по дѣлу лжесвидѣтеля М. Вольсція. Страхъ предъ диктаторомъ остановилъ сопротивленіе трибуновъ. Осужденный Вольсцій удалился въ изгнаніе въ Ланувій. Квинктій, получившій диктатуру на 6 мѣсяцевъ, сложилъ ее на 16-й день. Въ эти дни консулъ Навтій далъ блестящую битву сабинянамъ у Эрета; и этому пораженію предшествовало опустошеніе полей. Фабій посланъ былъ на мѣсто Минуція на Альгидъ. Въ концѣ года трибуны завели рѣчь о законопроектѣ; но въ виду отсутствія двухъ армій, сенаторы настояли на томъ, чтобы не дѣлалось никакихъ предложеній народу; плебеи однако одержали верхъ въ томъ, что избрали въ пятый разъ тѣхъ же трибуновъ. Разсказываютъ, что на Капитоліи показались волки, но были прогнаны собаками; вслѣдствіе этого предзнаменованія на Капитоліи принесена была очистительная жертва. Такія событія произошли въ этомъ году.

1) Рѣчь идетъ не о гимнѣ, составленномъ спеціально для тріумфа, а о стихахъ серіознаго содержанія, которые обыкновенно пѣлись при тріумфѣ рядомъ съ шутливыми стихами.

2) Первый примѣръ дарованія права римскаго гражданства иноземцу за заслуги предъ государствомъ.

30. Далѣе консулами были Кв. Минуцій и М. Горацій Пульвиллъ. Въ началѣ года, пользуясь внѣшнимъ миромъ, дома вызывали смуты тѣ же трибуны, тотъ же законопроектъ; и дѣло пошло бы дальше,—такъ сильно было раздраженіе умовъ,—если бы, точно нарочито, не пришло извѣстіе, что въ Корбіонѣ истребленъ гарнизонъ при ночномъ нападеніи эквовъ. Консулы созываютъ сенатъ; имъ дается приказаніе произвести наскоро наборъ и отправиться съ войскомъ на Альгидъ. Это распоряженіе, прекративъ споръ о законопроектѣ, вызвало новое препирательство изъ-за набора, и протестъ трибуновъ начиналъ уже одолѣвать власть консуловъ, какъ нагрянула новая бѣда: сабинское войско явилось для грабежа въ римскія поля, а оттуда двигалось къ городу. Страхъ предъ этой бѣдой заставилъ трибуновъ допустить наборъ, но подъ условіемъ, чтобы съ этого времени выбираемо было 10 плебейскихъ трибуновъ, такъ какъ надъ ними издѣвались 5 лѣтъ, и въ нихъ оказалось мало помощи плебеямъ. Крайность вынудила сенаторовъ согласиться на это; но они добились только того ограниченія, чтобы послѣ того не были избираемы тѣ же самые трибуны. Немедленно собраны были комиціи для избранія трибуновъ, чтобы послѣ войны и это обѣщаніе, какъ многія другія, не оказалось ложнымъ. На 36 году со времени избранія первыхъ трибуновъ было выбрано ихъ 10—по два изъ каждаго класса, и было выговорено, чтобы этотъ порядокъ остался и на будущее время. Затѣмъ послѣ окончанія набора, Минуцій отправился противъ сабинянъ, но не нашелъ врага. Послѣ того какъ эквы, перебивъ гарнизонъ въ Корбіонѣ, взяли уже и Ортону, Горацій далъ битву на Альгидѣ, истре-

297 г.

билъ много народу и прогналъ врага не только съ Альгида, но и изъ Корбіона и Ортоны. А Корбіонъ онъ даже разрушилъ за предательство гарнизона.

298 г. **31**. Затѣмъ консулами сдѣлались М. Валерій и Сп. Вергиній. Внутри и внѣ государства господствовалъ миръ; но граждане страдали отъ дороговизны съѣстныхъ припасовъ, происшедшей вслѣдствіе проливныхъ дождей. Былъ проведенъ законопроектъ о раздачѣ плебеямъ
299 г. участковъ на Авентинскомъ холмѣ [1]). Вновь избраны были тѣ же народные трибуны. На слѣдующій годъ, въ консульство Т. Ромилія и Г. Ветурія, во всѣхъ своихъ рѣчахъ они постоянно говорили о законопроектѣ: имъ-де стыдно, что число ихъ напрасно увеличено, если въ теченіе двухъ лѣтъ ихъ службы дѣло остается такъ же безъ движенія, какъ оно оставалось въ предыдущее пятилѣтіе. Когда всецѣло заняты были этимъ дѣломъ, изъ Тускула явились перепуганные гонцы съ извѣстіемъ, что эквы находятся въ тускуланской области. Недавняя услуга, оказанная этимъ народомъ, заставила стыдиться медлить подачею помощи. Оба консула, отправившись съ войскомъ, находятъ врага на обычномъ мѣстѣ — на Альгидѣ. Тамъ произошла битва. Болѣе 7000 враговъ было убито, другіе обращены въ бѣгство, пріобрѣтена огромная добыча, которую консулы, вслѣдствіе оскудѣнія казны, продали. Но эта мѣра вызвала негодованіе въ арміи и въ то же время дала трибунамъ предлогъ къ обвиненію консуловъ предъ плебеями. Поэтому-то, какъ только они сложили власть, въ консульство Сп.
300 г. Тарпея и А. Атернія, Ромилій былъ привлеченъ къ суду Г. Кальвіемъ Цицерономъ, народнымъ трибуномъ,

[1]) Такъ какъ Авентинъ мало еще былъ заселенъ, то теперь вносится законъ, чтобы остающаяся свободной земля была роздана плебеямъ. Желая отвлечь плебеевъ отъ Терентилиева законопроекта, патриціи соглашаются на эту уступку.

а Ветурій—Л. Аліеномъ, плебейскимъ эдиломъ. Оба, къ большому огорченію патриціевъ, были осуждены, Ромилій къ уплатѣ 10000 мѣдныхъ ассовъ, а Ветурій—15000. Но несчастіе, постигшее предшественниковъ, не остановило новыхъ консуловъ; они говорили, что осудить можно и ихъ, но провести законопроектъ не въ состояніи будутъ ни плебеи, ни трибуны. Тогда, оставивъ законопроектъ, сдѣлавшійся уже старой пѣсней, трибуны повели дѣло съ сенатомъ мягче, говоря, что пора наконецъ положить конецъ спорамъ; если плебейскіе законопроекты не нравятся, то пусть позволятъ выбрать законодателей сообща — изъ плебеевъ и патриціевъ, которые бы внесли предложенія, полезныя тѣмъ и другимъ, и уравняли бы свободу. Сенаторы не отвергали предложенія, но заявляли, что законодателями должны быть только патриціи. Такъ какъ всѣ согласны были относительно необходимости законовъ, и расходились только относительно того, кому предлагать ихъ, то отправлены были въ Аѳины послы — Сп. Постумій Альбъ, А. Манлій, П. Сульпицій Камеринъ; имъ приказано было списать знаменитые законы Солона и ознакомиться съ учрежденіями, обычаями и правомъ другихъ греческихъ государствъ.

32. За отсутствіемъ внѣшнихъ войнъ годъ этотъ прошелъ спокойно, а слѣдующій, когда консулами были 301 г.
П. Куріацій и С. Квинтилій, былъ еще спокойнѣе, такъ какъ трибуны все время хранили молчаніе, сперва въ ожиданіи отправившагося въ Аѳины посольства и иноземныхъ законовъ, а затѣмъ вслѣдствіе появленія двухъ ужасныхъ бѣдствій—голода и моровой язвы, истреблявшей и людей, и скотъ. Поля опустѣли, въ городѣ постоянно происходили похороны, многіе знатные дома были въ трауръ. Умеръ фламинъ Квирина Сер. Корнелій, авгуръ Г. Горацій Пульвиллъ; на мѣсто его тѣмъ охотнѣе авгуры избрали Г. Ветурія, что плебеи осу-

дили его. Умеръ консулъ Квинктилій, 4 народныхъ трибуна. Многочисленныя бѣдствія омрачили этотъ годъ, внѣшніе враги были спокойны.

302 г. Затѣмъ консулами были Г. Мененій и П. Сестій Капитолійскій. И въ этомъ году не было внѣшней войны, но возникли внутреннія смуты. Ужс послы вернулись съ аттическими законами. Тѣмъ настойчивѣе требовали трибуны, чтобы наконецъ было приступлено къ составленію законовъ. Рѣшаютъ избрать децемвировъ безъ права аппелляціи на нихъ и не назначать на тотъ годъ никакихъ другихъ магистратовъ. Долго спорили о томъ, должны ли быть избираемы и плебеи, наконецъ патриціямъ была сдѣлана уступка, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы не былъ отмѣняемъ законъ Ициліевъ объ Авентинѣ и другіе законы, объявленные неприкосновенными[1]).

33. Въ 302 г. послѣ основанія Рима снова мѣняется форма правленія, такъ какъ власть отъ консуловъ перешла къ децемвирамъ, какъ раньше отъ царей къ консуламъ. Но эта перемѣна не имѣла такого важнаго значенія, такъ какъ продолжалась не долго. Восторгъ, проявившійся при установленіи этой должности, привелъ къ чрезвычайному развитію ея; тѣмъ скорѣе пало это учрежденіе, и потребовали, чтобы имя и власть консуловъ снова были переданы двумъ. Децемвирами были
303 г. избраны Ап. Клавдій, Т. Генуцій, П. Сестій, Л. Ветурій, Г. Юлій, Л. Манлій, П. Сульпицій, П. Куріацій, Т. Ромилій, Сп. Постумій. Клавдію и Генуцію, которые были выбраны консулами на тотъ годъ, вмѣсто одной почести была дарована другая, а равно Сестію, одному

---

1) Таковы законы объ учрежденіи трибуната (II 33) и о числѣ трибуновъ (III 30); Ливій присоединяетъ сюда и законъ Ициліевъ, такъ какъ онъ, въ виду его важности для плебеевъ, былъ утвержденъ центуріатскими комиціями.

изъ консуловъ предшествовавшаго года, такъ какъ онъ противъ воли товарища докладывалъ сенату объ этомъ дѣлѣ. Ближайшіе три были присоединены къ нимъ, какъ бывшіе въ качествѣ пословъ въ Аѳинахъ, съ одной стороны, чтобы почтить ихъ за столь далекое путешествіе, съ другой стороны въ томъ предположеніи, что они, какъ люди, познакомившіеся съ иноземными законами, будутъ полезны при составленіи новаго кодекса. Остальные послужили для пополненія числа 10. Говорятъ, кромѣ того, что при дальнѣйшемъ голосованіи избраны были люди зрѣлаго возраста, чтобы съ меньшимъ ожесточеніемъ сопротивлялись предложеніямъ товарищей. Главенство въ коллегіи принадлежало Аппію, такъ какъ онъ пользовался расположеніемъ плебеевъ; и онъ до того измѣнилъ свой образъ мыслей, что изъ суроваго и ожесточеннаго преслѣдователя плебеевъ сразу сталъ поклонникомъ ихъ и усердно искалъ народнаго расположенія. Въ 10-й день каждый по очереди творилъ судъ народу. И въ тотъ день руководившій судомъ имѣлъ 12 ликторовъ; въ распоряженіи остальныхъ 9 товарищей было по одному курьеру. И несмотря на замѣчательное согласіе, господствовавшее между ними,—оно вредитъ порой частнымъ лицамъ, — они были въ высшей степени справедливы къ остальнымъ. На одномъ примѣрѣ достаточно доказать ихъ умѣренность. Хотя на нихъ не было аппелляціи, но, когда въ домѣ патриція П. Сестія былъ вырытъ трупъ и принесенъ въ собраніе, по этому столь же очевидному, сколь и ужасному дѣлу децемвиръ Г. Юлій привлекъ Сестія къ суду и выступилъ обвинителемъ его предъ народомъ, будучи самъ по закону судьею его; онъ пожертвовалъ своимъ правомъ, чтобы это умаленіе его власти увеличило свободу народа.

34. Въ то время какъ знатные и незнатные одинаково пользовались этимъ быстрымъ и нелицепріятнымъ

судомъ, точно по рѣшенію оракула, децемвиры заботились и о составленіи законовъ; среди напряженнаго ожиданія народа, выставивъ 10 таблицъ, они пригласили всѣхъ на собраніе и предложили идти и читать выставленные законы на благо, счастіе и благополучіе государства, ихъ самихъ и дѣтей ихъ; они-де, насколько могутъ предусмотрѣть 10 человѣкъ, уравняли права всѣхъ, знатныхъ и незнатныхъ; но умъ и совѣтъ всѣхъ имѣетъ большее значеніе. Пусть каждый обсудитъ каждый пунктъ, пусть посовѣтуются между собою, а затѣмъ изложатъ передъ всѣми, гдѣ и какіе есть излишки или недостатки; тогда римскій народъ будетъ имѣть законы, не предложенные другими и только принятые съ общаго согласія, а какъ бы предложенные имъ самимъ. Когда, согласно мнѣнію народа, высказанному по поводу каждой статьи, законы 10 таблицъ были признаны достаточно исправленными, то они были проведены въ центуріатскихъ комиціяхъ; и по настоящее время, среди массы нагроможденныхъ одинъ на другой законовъ, они остаются источникомъ всего уголовнаго и гражданскаго права. Затѣмъ распространяется молва, что недостаетъ двухъ таблицъ, съ прибавленіемъ которыхъ можетъ быть завершенъ сборникъ всего римскаго права. Приближался день комицій, и ожиданіе этой прибавки породило желаніе снова выбрать децемвировъ. Уже и плебеи помимо того, что ненавидѣли имя консуловъ столь же сильно, какъ имя царей, не искали защиты отъ трибуновъ, такъ какъ децемвиры уступали одинъ протесту другого.

35. А послѣ того какъ объявлены были комиціи для выбора децемвировъ черезъ три нундины, [1]) то честолю-

[1]) Нундинами назывался послѣдній (9-ый, по нашему 8-ой, римляне не считаютъ и тотъ день, отъ котораго начинается счетъ, такъ что ихъ недѣля имѣла 9 дней, т. е. 7 дней рабочихъ между 2 нундинами) день недѣли, когда поселяне, свободные отъ полевыхъ работъ, приходили въ городъ за покупками; въ эти дни обыкновенно дѣлались публикаціи о времени комицій и о дѣлахъ, подлежащихъ рѣшенію на нихъ.

біе разгорѣлось такъ сильно, что даже знатнѣйшія лица въ государствѣ ловили людей, униженно выпрашивая у плебеевъ, несмотря на вражду съ ними, должность, на которую усиленно нападали; причиной этого явленія было, вѣроятно, опасеніе, чтобы, за устраненіемъ ихъ, такая сильная власть не попала въ руки недостойныхъ. Препятствія къ достиженію этой должности разжигали Ап. Клавдія, который, несмотря на свою молодость, уже занималъ такіе высокіе посты. Трудно было разобрать, децемвиръ онъ, или кандидатъ; порой онъ болѣе походилъ на ищущаго власти, чѣмъ на обладающаго ею: онъ обвинялъ оптиматовъ, восхвалялъ самыхъ ничтожныхъ и низкихъ кандидатовъ, самъ среди бывшихъ трибуновъ, Дуелліевъ и Ициліевъ, носился по форуму, черезъ нихъ распространялъ выгодное о себѣ мнѣніе среди плебеевъ, пока наконецъ и товарищи, до того времени чрезвычайно преданные ему, обратили на него вниманіе, недоумѣвая, что онъ замышляетъ; очевидно, все это не искренно; разумѣется, обходительность въ столь гордомъ человѣкѣ не пройдетъ даромъ: кто такъ умаляетъ самъ себя и сближается съ частными людьми, тотъ не спѣшитъ покинуть власть, но ищетъ средствъ къ продленію ея. Не рѣшаясь открыто выступить противъ его увлеченія, они берутся успокоить его стремительность угодливостью. Такъ какъ онъ моложе всѣхъ, то на него единогласно возлагаютъ обязанность предсѣдательствовать въ комиціяхъ. Это была уловка, чтобы онъ не могъ избрать себя, чего никто никогда не дѣлалъ, кромѣ народныхъ трибуновъ, да и у нихъ это считалось за дурной примѣръ. Объявивъ, что онъ, ко-

нечно, будетъ предсѣдательствовать въ комиціяхъ, что да послужитъ ко благу, онъ воспользовался, какъ удобнымъ случаемъ тѣмъ, что должно было служить помѣхою: лишивъ путемъ компромисса[1]) должности двухъ Квинктіевъ, Капитолійскаго и Цинцинната, и дядю своего Г. Клавдія, твердо стоявшаго за дѣло знати, и другихъ гражданъ того же ранга, онъ проводитъ въ децемвиры людей, далеко не равныхъ имъ по своему прошлому, и прежде всего себя; такой образъ дѣйствій его благонамѣренные граждане встрѣтили неодобреніемъ, такъ какъ никто не думалъ, что онъ дерзнетъ поступить такъ. Вмѣстѣ съ нимъ были выбраны М. Корнелій Малугинскій, М. Сергій, Л. Минуцій, Кв. Фабій Вибуланъ, Кв. Петилій, Т. Антоній Меренда, К. Дуиллій, Сп. Оппій Горнистъ, М. Рабулей.

304 г. **36**. На этомъ кончилось притворство Аппія: съ этого времени онъ началъ уже жить соотвѣтственно своему характеру и еще до вступленія во власть учить своихъ новыхъ товарищей дѣйствовать, какъ онъ. Ежедневно они собирались безъ свидѣтелей. Утвердившись здѣсь тайно отъ другихъ въ рѣшеніяхъ, расчитанныхъ на установленіе тиранніи, они перестали уже скрывать гордость, рѣдко допускали къ себѣ, были неразговорчивы; такъ дѣло шло до майскихъ идъ. Майскія иды были въ то время обычнымъ срокомъ вступленія въ должность. И вотъ, вступивъ въ должность, они ознаменовали первый день управленія тѣмъ, что навели страшную панику. Ибо въ то время какъ у первыхъ децемвировъ былъ обычай одному имѣть пучки, и это царское отличіе имѣлъ каждый поочередно, вдругъ они всѣ выступили, имѣя по 12 пучковъ. Сто двадцать ликторовъ наполнили форумъ, неся не одни пучки, но и сѣкиры; толковали такъ, что сѣкиры отнять нельзя, такъ какъ децемвиры выбраны безъ права аппелляціи на ихъ рѣшенія. Походило на то, будто въ Римѣ 10 царей, и это усилило ужасъ не только простыхъ людей, но и знатнѣйшихъ изъ патриціевъ, такъ какъ они полагали, что ждутъ только повода начать рѣзню, что въ случаѣ, если кто въ сенатѣ или въ народномъ собраніи проронитъ слово, напоминающее о свободѣ, немедленно пустятъ въ ходъ розги и сѣкиры для устрашенія и остальныхъ. Ибо кромѣ того, что съ уничтоженіемъ права аппелляціи не было никакой надежды на народное собраніе, путемъ взаимнаго соглашенія они уничтожили протестъ товарищей, между тѣмъ какъ первые децемвиры допускали поправку своихъ рѣшеній посредствомъ обращенія къ товарищу, и нѣкоторыя дѣла, подсудныя имъ, предоставляли рѣшенію народа[1]). Нѣкоторое время они наводили страхъ одинаково на всѣхъ; но мало-по-малу всецѣло начали обращать его на плебеевъ; патриціевъ оставляли въ покоѣ, а съ людьми низкаго происхожденія стали поступать произвольно и жестоко. Какъ люди, у которыхъ пристрастіе заступаетъ мѣсто справедливости, они исключительно обращали вниманіе на лица, а не на дѣла. Судебныя рѣшенія составляли дома, а на форумѣ только объявляли. Если кто обращался къ товарищу, то уходилъ отъ него съ раскаяніемъ, что не остался доволенъ рѣшеніемъ перваго. Распространился даже слухъ, неизвѣстно, кѣмъ пущенный, что они не только согласились въ настоящее время поступать несправедливо, но даже тайно заключили между собою клятвенный договоръ не собирать комицій и, оставаясь

---

[1]) Т. е. вступивъ въ соглашеніе съ другими кандидатами относительно передачи другъ другу голосовъ центурій (или трибъ). Этимъ путемъ достигалась подтасовка голосовъ, и пріемъ этотъ считался преступнымъ.

[1]) См. гл. 33.

безсмѣнными децемвирами, удерживать разъ захваченную власть.

37. Тогда плебеи стали обращать свои взоры на патриціевъ и оттуда ждать проблеска свободы, хотя, боясь попасть къ нимъ въ рабство, сами же довели государство до такого положенія. Знатнѣйшіе сенаторы, думали они, ненавидятъ децемвировъ, ненавидятъ и плебеевъ; они не одобряютъ того, что дѣлается, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ, что это случилось съ ними подѣломъ; они не желаютъ помогать тѣмъ, которые, жадно стремясь къ свободѣ, попали въ рабство; они желаютъ даже умноженія обидъ, чтобы безотрадное настоящее сдѣлало наконецъ желательнымъ избраніе двухъ консуловъ и вообще возстановленіе прежняго порядка вещей. Уже прошла большая часть года, и прибавлены были двѣ таблицы законовъ къ двумъ прошлогоднимъ, и если бы и эти законы были проведены въ центуріатскихъ комиціяхъ, то не было бы уже никакого основанія нуждаться государству въ этой должности. Ожидали, скоро ли будутъ объявлены комиціи для избранія консуловъ. Одно волновало плебеевъ, какъ имъ возстановить утраченную трибунскую власть, этотъ оплотъ свободы. А между тѣмъ о комиціяхъ и слуху не было. И децемвиры, которые прежде окружали себя бывшими трибунами, считая это пріятнымъ народу, теперь приблизили къ себѣ патриціанскихъ юношей. Толпы послѣднихъ окружали трибуналы. Они преслѣдовали плебеевъ и грабили ихъ имущество, такъ какъ успѣхъ былъ на сторонѣ сильнаго, чего бы онъ ни пожелалъ. И уже не оказывали пощады и спинѣ: однихъ сѣкли, другихъ казнили, и чтобы жестокость не была напрасной, за казнью хозяина слѣдовала раздача его имущества. Подкупленная такими наградами знатная молодежь не только не противилась несправедливостямъ, но открыто предпочитала свой личный произволъ общей свободѣ.

38. Наступили майскія иды. Такъ какъ на мѣсто 305 г.
старыхъ магистратовъ не было выбрано никакихъ новыхъ, то децемвиры стали частными лицами, сохраняя ту же рѣшимость удерживать власть и не слагая внѣшнихъ знаковъ своего званія. Очевидно было, что это несомнѣнная царская власть. Оплакиваютъ свободу, утраченную на вѣки: не выступаетъ и не виднѣется въ будущемъ никакого защитника ея. И мало того, что сами римляне пали духомъ: они стали предметомъ презрѣнія для сосѣдей, возмущавшихся зависимостью отъ народа, который самъ не пользуется свободой. Большой отрядъ сабинянъ сдѣлалъ нападеніе на римскія поля; опустошивъ обширное пространство, угнавши безнаказанно много людей и скота, эта повсюду блуждавшая толпа располагается лагеремъ у Эрета, надѣясь на римскіе раздоры, которые, по ихъ мнѣнію, должны были помѣшать набору. И не одни вѣстники, но и бѣжавшіе поселяне вызвали панику въ городѣ. Децемвиры, чувствуя себя одинокими вслѣдствіе ненависти патриціевъ и плебеевъ, совѣщаются, что дѣлать. А судьба посылаетъ и другую грозу: Эквы съ другой стороны располагаются лагеремъ на Альгидѣ и, производя оттуда набѣги, опустошаютъ тускуланскія поля. Это извѣстіе приносятъ тускуланскіе послы, прося помощи. Ужасъ побудилъ децемвировъ въ виду опасности войны, угрожавшей городу съ двухъ сторонъ, обратиться за совѣтомъ къ сенату. Они приказываютъ пригласить сенаторовъ въ курію, хорошо понимая, какой взрывъ негодованія ожидаетъ ихъ; вся отвѣтственность за опустошеніе полей и грозящія опасности будетъ взвалена на нихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ сдѣлана попытка лишить ихъ власти; и она будетъ успѣшна, если они не окажутъ единодушнаго сопротивленія и, воспользовавшись властью со всей строгостью по отношенію къ немногимъ, наиболѣе яростнымъ, не сдержатъ попытокъ

остальныхъ. На форумѣ раздался голосъ глашатая, призывавшаго сенаторовъ въ курію къ децемвирамъ, и такъ какъ они уже давно оставили обычай совѣщаться съ сенатомъ, то это обстоятельство, какъ нѣчто новое, обратило на себя вниманіе плебеевъ, удивлявшихся, что это заставило ихъ прибѣгнуть къ мѣрѣ, сдѣлавшейся вслѣдствіе продолжительнаго промежутка необычной: враговъ и войну слѣдуетъ благодарить, что возвращаются къ нѣкоторымъ порядкамъ свободнаго государства. Озираются кругомъ, ища по всему форуму сенаторовъ, и рѣдко кой-гдѣ видятъ ихъ; смотрятъ затѣмъ на курію и пустоту, окружающую децемвировъ, которую и сами они объясняли единодушною ненавистью къ ихъ власти, и плебеи толковали, что отцы не собираются, такъ какъ частныя лица не имѣютъ права созывать сенатъ. Найдется уже вождь у желающихъ вернуть свободу, если плебеи станутъ за-одно съ сенатомъ, и какъ сенаторы, несмотря на приглашеніе, нейдутъ въ сенатъ, такъ плебеи откажутся отъ набора. Такіе разговоры шли среди плебеевъ. Изъ сенаторовъ почти никого не было на форумѣ, немного ихъ было и въ городѣ. Негодуя на положеніе дѣлъ, они удалились въ деревни и, потерявъ руководящую роль въ общемъ дѣлѣ, жили своими личными интересами, полагая, что, отстранившись отъ сообщества и встрѣчи съ тираннами, они не участвуютъ въ неправдѣ. Когда приглашенные не собирались, то разосланы были по домамъ служители взять залоги [1]) и разузнать, намѣренно ли они отказываются явиться. Докладываютъ, что сенаторы въ деревняхъ. Это было децемвирамъ пріятнѣе, чѣмъ если бы имъ доложили, что они, находясь на лицо, отказываются повиноваться ихъ распоряженію. Приказываютъ всѣхъ ихъ вызвать и на слѣдующій день назначаютъ сенатское засѣданіе; собраніе оказалось гораздо болѣе многочисленнымъ, чѣмъ они надѣялись. Въ виду этого плебеи рѣшили, что патриціи предали свободу, такъ какъ сенатъ, какъ будто законно созываемый, повинуется тѣмъ, которые сложили уже власть, которые слѣдовательно, уже частные лица, если они не прибѣгнутъ къ насилію.

39. Но до насъ дошло извѣстіе, что сенаторы, высказывая мнѣнія, не обнаружили того послушанія, съ какимъ пришли въ курію. Разсказываютъ, что послѣ доклада Ап. Клавдія, прежде чѣмъ по порядку были опрошены мнѣнія, Л. Валерій Потитъ потребовалъ разрѣшенія говорить о положеніи государства и на грозное сопротивленіе децемвировъ заявилъ, что онъ выйдетъ къ плебеямъ; это было началомъ волненія. Не съ меньшимъ ожесточеніемъ вступилъ въ пренія М. Горацій Бородатый, называя ихъ десятью Тарквиніями и напоминая, что подъ предводительствомъ Валеріевъ и Горацієвъ изгнаны цари. И не имя „царь“ озлобило тогда людей: можно же называть такъ Юпитера, Ромула, основателя Рима, и послѣдовавшихъ за нимъ царей, сохранено оно, какъ обычное, и въ священнодѣйствіяхъ; но возненавидѣли тогда гордость и жестокость царя. Если въ свое время не признали возможнымъ выносить этихъ качествъ въ царѣ и царскомъ сынѣ, то кто станетъ терпѣть ихъ въ столькихъ частныхъ лицахъ? Какъ бы, запрещая свободно говорить въ куріи, они не вызвали голоса и внѣ куріи! И онъ не видитъ основанія, почему онъ, какъ частный человѣкъ, имѣетъ меньше права созвать народное собраніе, чѣмъ они собирать сенатъ. Если хотятъ, то пусть на опытѣ убѣдятся, насколько скорбное чувство защитниковъ своей свободы сильнѣе страсти удержать беззаконное господство! Они дѣлаютъ

---

[1]) Неявившагося безъ законнаго основанія въ сенатъ приглашающій магистратъ могъ оштрафовать и въ обезпеченіе взысканія штрафа взять залогъ.

докладъ о сабинской войнѣ, точно у римскаго народа есть какая-нибудь болѣе важная война, чѣмъ съ тѣми, которые, будучи выбраны для предложенія законовъ, не оставили въ государствѣ никакихъ законовъ, которые уничтожили комиціи, ежегодно выбираемыхъ должностныхъ лицъ, очередь въ управленіи, это единственное условіе равенства свободы, которые, будучи частными лицами, имѣютъ пучки и царскую власть. По изгнаніи царей существовали патриціанскіе магистраты, затѣмъ, послѣ удаленія плебеевъ, были выбраны плебейскіе; онъ спрашиваетъ ихъ, къ которой категоріи принадлежатъ они? плебейскихъ? а какую мѣру провели они при посредствѣ народа? патриціанскихъ? они-то, которые уже чуть не цѣлый годъ не собирали сената, а теперь собрали, но не позволяютъ говорить о положеніи государства? пусть они не слишкомъ надѣются на страхъ предъ иноземнымъ врагомъ: народъ считаетъ болѣе тяжелымъ то, что уже терпитъ, чѣмъ то, что грозитъ.

40. Таковы были громкія заявленія Горація, и въ то время какъ децемвиры не знали, къ какой мѣрѣ имъ должно сердиться или уступать, и не видѣли, чѣмъ все это кончится, выступилъ Г. Клавдій, дядя Аппія децемвира; рѣчь его была болѣе похожа на мольбу, чѣмъ на упреки, такъ какъ онъ заклиналъ его именемъ своего брата и его родителя болѣе помнить о родномъ ему союзѣ съ гражданами, чѣмъ о беззаконно заключенномъ договорѣ съ товарищами. Проситъ онъ объ этомъ гораздо больше ради его самого, чѣмъ ради государства; государство вѣдь добьется своего права и помимо ихъ воли, если нельзя будетъ иначе. Но ожесточенный споръ почти всегда ведетъ къ сильному раздраженію; его-то исхода онъ и боится. Хотя децемвиры и не дозволяли высказываться о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ предмета ихъ доклада, но прервать Клавдія они постыдились. Итакъ онъ высказался до конца, заявивъ въ заключеніе, что, по его мнѣнію, не можетъ состояться сенатское постановленіе. Всѣ понимали это въ томъ смыслѣ, что Клавдій считаетъ децемвировъ частными лицами; и многіе бывшіе консулы кратко выразили свое согласіе съ нимъ. Мнѣніе другихъ, которые требовали, чтобы сенаторы собрались для назначенія междуцаря, было на первый взглядъ суровѣе, но имѣло гораздо меньше силы; ибо самый фактъ подачи мнѣнія служилъ признаніемъ лицъ, предсѣдательствовавшихъ въ сенатѣ, все-же за магистратовъ, тогда какъ совѣтовавшій не дѣлать никакого постановленія считалъ ихъ за частныхъ лицъ. Когда такимъ образомъ положеніе децемвировъ было уже поколеблено, Л. Корнелій Малугинскій, братъ М. Корнелія децемвира, которому нарочито было предоставлено говорить послѣднимъ изъ бывшихъ консуловъ, притворяясь озабоченнымъ войною, началъ защищать брата и его товарищей, выражая изумленіе, какъ это случилось, что если не исключительно люди, искавшіе децемвирата, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно они нападаютъ на него; или почему это въ теченіе стольких мѣсяцевъ, когда царилъ миръ, никто не возбуждалъ вопроса, законные ли магистраты стоятъ во главѣ государства, а теперь только, когда врагъ почти у воротъ города, затѣваютъ гражданскія смуты? развѣ почему иному, а не вслѣдствіе убѣжденія, что въ смутное время цѣль дѣйствій будетъ менѣе замѣтна? Впрочемъ, считая неправильнымъ предрѣшать столь важное дѣло, когда всѣ озабочены болѣе серіозными обстоятельствами, онъ полагаетъ, что заявленіе Валерія и Горація о сдачѣ должности децемвирами до майскихъ идъ должно поступить на обсужденіе сената послѣ окончанія угрожающихъ теперь войнъ, когда государство будетъ успокоено, и уже теперь Аппій Клавдій долженъ знать, что ему предстоитъ дать отчетъ относительно комицій для избранія децемвировъ, въ которыхъ онъ пред-

сѣдательствовалъ, будучи самъ децемвиромъ,—выбраны ли они были на одинъ годъ, или пока проведутъ недостающіе законы. [Въ настоящую минуту слѣдуетъ оставить въ сторонѣ все, кромѣ войны; если они думаютъ, что слухъ о ней распространенъ ложно, и не только вѣстники, но и тускуланскіе послы говорятъ неправду, то надо отправить соглядатаевъ, которые бы разузнавъ сдѣлали болѣе точное донесеніе; если же вѣстникамъ и посламъ вѣрять, то слѣдуетъ какъ можно скорѣе произвести наборъ, децемвирамъ отправиться съ войскомъ, кто куда пожелаетъ, и ничего другого не дѣлать ранѣе] **41**. Младшіе сенаторы старались дать перевѣсъ этому мнѣнію; но вотъ снова выступившіе еще съ большимъ ожесточеніемъ Валерій и Горацій стали громко требовать позволенія говорить о положеніи государства; если приверженцы децемвировъ не позволятъ сдѣлать этого въ сенатѣ, то они станутъ говорить къ народу; частныя лица вѣдь не могутъ помѣшать имъ ни въ куріи, ни въ народномъ собраніи, и они не отступятъ предъ ихъ призрачными пучками. Тогда Аппій, полагая, что дѣло уже клонится къ побѣдѣ надъ властью, если стремительность противниковъ не будетъ остановлена равной рѣшительностью, сказалъ: „лучше будетъ говорить только о томъ, о чемъ мы спрашиваемъ!" Когда же Валерій заявилъ, что онъ не замолчитъ предъ частнымъ человѣкомъ, то тотъ приказалъ ликтору подойти къ нему [1]). Когда Валерій съ порога куріи уже взывалъ о помощи къ квиритамъ, Л. Корнелій, обнявъ Аппія и заботясь не о томъ, чьей участью притворялся заинтересованнымъ [2]), рознялъ спорившихъ. Благодаря Корнелію Валерій получилъ позволеніе высказать, что онъ

1) Аппій имѣлъ въ виду арестовать Валерія въ сенатѣ, что случалось весьма рѣдко.

2) Т.-е. заботясь на самомъ дѣлѣ объ Аппіи, а не о Валеріи.

хотѣлъ, но свобода не пошла дальше словъ, и децемвиры достигли своей цѣли. Бывшіе консулы и старѣйшіе сенаторы, руководимые ненавистью къ трибунской власти, о которой, думали они, народъ гораздо болѣе тоскуетъ, чѣмъ о власти консуловъ, также склонялись къ тому, чтобы децемвиры потомъ добровольно отреклись отъ власти, предпочитая такой исходъ новому бунту плебеевъ, который можетъ быть вызванъ ненавистью къ нимъ; если дѣло будетъ окончено мирно и управленіе возвращено консуламъ безъ народнаго волненія, то плебеи могутъ забыть о трибунахъ, или занявшись войнами, или видя, что консулы умѣренно пользуются своей властью.

Безъ сопротивленія со стороны сенаторовъ объявляется наборъ. Въ виду того, что на власть децемвировъ не было права аппелляціи, молодежь отзывается на вызовъ. Когда легіоны были набраны, децемвиры распредѣляютъ между собой, кому идти на войну, кому имѣть главное начальство надъ войскомъ. Главными между децемвирами были Кв. Фабій и Ап. Клавдій. Очевидно было, что внутренняя борьба будетъ значительнѣе внѣшней. Свирѣпаго Аппія признали болѣе годнымъ для подавленія движенія въ городѣ, характерѣ же Фабія—не столько постояннымъ въ хорошемъ, сколько опытнымъ въ дурномъ. Этотъ мужъ, выдававшійся когда-то и въ мирное, и въ военное время, такъ перемѣнился подъ вліяніемъ товарищей по децемвирату, что предпочиталъ походить на Аппія, чѣмъ на себя. Ему поручена была война съ сабинянами и даны въ товарищи М. Рабулей и Кв. Петилій. М. Корнелій отправленъ на Альгидъ вмѣстѣ съ Л. Минуціемъ, Т. Антоніемъ, К. Дуилліемъ и М. Сергіемъ. Сп. Оппія они назначили помощниковъ Ап. Клавдію по охранѣ города, распредѣливъ такимъ образомъ поровну власть между децемвирами.

42. На войнѣ дѣла шли не лучше, чѣмъ дома. Вожди были виноваты только въ томъ, что вызвали раздраженіе гражданъ; вся остальная бѣда происходила отъ воиновъ, которые, позоря и децемвировъ, и себя, давали себя побѣждать, чтобы подъ личнымъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ [1]) децемвировъ не совершено было какого-нибудь удачнаго дѣла. Войска были разбиты и сабинянами у Эрета, и эквами на Альгидѣ. Бѣжавъ въ тиши ночи отъ Эрета поближе къ городу, на возвышенномъ мѣстѣ между Фиденами и Крустумеріей они укрѣпили лагерь; преслѣдуемые непріятелемъ и нигдѣ не вступая съ нимъ въ бой при одинаковыхъ условіяхъ, они защищали себя природою мѣста и валомъ, а не доблестью и оружіемъ. Большій позоръ и еще большее пораженіе было на Альгидѣ; тамъ былъ потерянъ и лагерь, и, лишившись всего багажа, воины удалились въ Тускулъ, расчитывая на честность и состраданіе друзей, и эта надежда не обманула ихъ. Въ Римъ пришли такія страшныя извѣстія, что, забывъ о ненависти къ децемвирамъ, сенаторы постановили разставить караулы въ городѣ, приказали всѣмъ, которые по возрасту своему способны были взяться за оружіе, охранять стѣны и расположиться патрулями передъ воротами, рѣшили послать въ Тускулъ оружіе и подкрѣпленія и отправить децемвирамъ приказъ, вышедши изъ тускуланскаго кремля, держать воиновъ въ лагерѣ, другой лагерь отъ Фиденъ перенести въ сабинскую землю и, начавъ наступательную войну, удержать враговъ отъ намѣренія осадить городъ.

43. Къ пораженіямъ, понесеннымъ отъ враговъ, децемвиры присоединили два страшныхъ преступленія — одно въ войскѣ, другое — дома. Въ землѣ сабинянъ посылаютъ высмотрѣть мѣсто для лагеря Л. Сикція, который, ненавидя децемвировъ, въ тайныхъ разговорахъ распространялъ среди воиновъ воспоминанія о выборѣ трибуновъ и удаленіи плебеевъ. Воинамъ, спутникамъ его въ этой экспедиціи, даютъ порученіе напасть на него въ подходящемъ мѣстѣ и убить его. Убійство совершено было не безнаказанно: около него погибло нѣсколько измѣнниковъ, когда этотъ богатырь, храбрость котораго равнялась его силѣ, защищался, будучи окруженъ. Остальные приносятъ извѣстіе въ лагерь, что Сикцій попалъ въ засаду; храбро сражаясь, онъ палъ, и вмѣстѣ съ нимъ погибло нѣсколько воиновъ. Сперва этому извѣстію повѣрили; но отправившаяся затѣмъ съ разрѣшенія децемвировъ когорта для погребенія павшихъ, увидавши, что ни одинъ трупъ тамъ не ограбленъ, что Сикцій съ оружіемъ лежитъ посрединѣ, и тѣла всѣхъ обращены въ его сторону, вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ни одного трупа врага, нѣтъ и слѣдовъ удалявшихся, принесли тѣло, говоря, что онъ несомнѣнно убитъ своими. Негодованіе охватило лагерь; воины хотѣли было немедленно нести Сикція въ Римъ, но децемвиры поспѣшили устроить ему на казенный счетъ похороны съ воинскими почестями. Велика была печаль воиновъ при его погребеніи, репутація же децемвировъ въ арміи стала очень дурна.

44. Слѣдующее преступленіе, вызванное сладострастіемъ, совершилось въ городѣ; исходъ его былъ также позоренъ, какъ исходъ того преступленія (позоръ и смерть Лукреціи), которое привело Тарквиніевъ къ изгнанію изъ города и лишило ихъ царства; такимъ образомъ не только конецъ, но и причина потери власти у децемвировъ была такая же, какъ у царей. Ап. Клавдію страстно захотѣлось опозорить плебейскую дѣвушку. Отецъ ея, Л. Вергиній, занималъ на Альгидѣ почетное мѣ-

[1]) См. примѣч. къ III 1.

сто [1]) и былъ человѣкъ отмѣнной репутаціи въ гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ. Такъ же воспитана была жена его, такъ же воспитывались и дѣти. Дочь была просватана за бывшаго трибуна Л. Ицилія, мужа рѣшительнаго, доблесть котораго въ защитѣ дѣла плебеевъ была испытана. Эту взрослую дѣвушку, замѣчательной красоты, Аппій, пылая любовью, пытался соблазнить подарками и обѣщаніями; но, видя ея неприступное цѣломудріе, онъ задумалъ прибѣгнуть къ жестокому и нахальному насилію. Кліенту своему М. Клавдію онъ поручаетъ объявить дѣвушку своей рабыней и, въ случаѣ требованія предварительнаго рѣшенія вопроса относительно свободы [2]), не уступать, расчитывая, что въ виду отсутствія отца неправда сойдетъ. Когда дѣвушка шла на форумъ,—тамъ въ палаткахъ помѣщались начальныя школы, [3]) — прислужникъ похоти децемвира положилъ на нее руку, называя ее дочерью своей рабыни и рабыней, и приказалъ слѣдовать за нимъ, стращая увести насильно, если она не послушается. Когда

---

[1]) Онъ былъ старшимъ центуріономъ.

[2]) Тотъ, который объявляетъ своимъ рабомъ человѣка, считавшагося до того времени свободнымъ, кладетъ на него руку и требуетъ его, какъ свою собственность. Существуетъ и обратный процессъ, когда требуютъ возвращенія свободы лицу, неправильно находящемуся въ рабствѣ. Въ случаѣ возникновенія спора, подлежащая власть должна присудить временное (до рѣшенія процесса) обладаніе спорной вещью или лицомъ тому, въ чьей власти оно состоитъ. Получившій такой приговоръ даетъ противной сторонѣ поручителей за спорное лицо; въ данномъ случаѣ выставить поручителей долженъ былъ М. Клавдій; но Ап. Клавдій совѣтуетъ ему отказаться идти въ судъ, такъ какъ-де въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ тѣхъ условій, при которыхъ необходимо предварительное рѣшеніе.

[3]) На форумѣ разбивались временныя палатки спеціально для обученія дѣтей грамотѣ и счисленію. Посѣщеніе дѣвушками школъ рѣдко упоминается древними писателями. Что Вергинія выше названа взрослой, а между тѣмъ она лишь учится грамотѣ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго: ей могло быть лѣтъ 12.

оробѣвшая дѣвушка стояла въ оцѣпенѣніи, на крикъ кормилицы, взывавшей къ гражданамъ о помощи, сбѣгается народъ. Называютъ пользующіяся народными симпатіями имена Вергинія—отца и Ицилія—жениха. Расположеніе къ нимъ склоняетъ на сторону дѣвушки знакомыхъ, а возмутительность поступка — цѣлую толпу. Такимъ образомъ отъ насилія она была уже ограждена, но объявившій ее рабыней сказалъ, что возбуждать толпу нѣтъ никакой надобности: онъ дѣйствуетъ законнымъ образомъ, а не путемъ насилія. Онъ зоветъ дѣвушку въ судъ. Защищавшіе дѣвушку совѣтовали ей слѣдовать; такимъ образомъ дошли до трибунала Аппія. Истецъ разсказываетъ предъ судьей извѣстную уже ему сказку, такъ какъ онъ самъ придумалъ содержаніе ея: дѣвушка-де родилась въ его домѣ, затѣмъ была украдена, перенесена въ домъ Вергинія и подкинута ему. Это онъ заявляетъ на основаніи доноса и докажетъ, если судьей будетъ даже самъ Вергиній, который еще больше другихъ потерпѣлъ отъ этого обмана; а пока что, она, какъ служанка, должна слѣдовать за господиномъ. Защитники дѣвушки заявляютъ, что Вергиній находится въ отлучкѣ на службѣ государству, что если его извѣстить, то черезъ два дня онъ явится, что незаконно заочно вести тяжбу о дѣтяхъ, а потому требуютъ отъ Аппія отложить разсмотрѣніе дѣла до прибытія отца, рѣшить вопросъ объ освобожденіи на основаніи имъ самимъ проведеннаго закона и не допускать взрослую дѣвушку рисковать своей репутаціей еще до потери свободы.

45. Аппій предпослалъ своему рѣшенію замѣчаніе, что тотъ самый законъ, на который ссылаются въ своемъ требованіи друзья Вергинія, доказываетъ, до какой степени онъ стоитъ за свободу. Но законъ этотъ только въ томъ случаѣ будетъ твердымъ оплотомъ свободы, если не будетъ измѣняться ни въ какомъ случаѣ, ни

для какого лица. Право это установлено для тѣхъ людей, для которыхъ требуютъ свободы, такъ какъ каждый гражданинъ можетъ пользоваться закономъ; но относительно лица, находящагося во власти отца, господинъ долженъ только ему, и никому другому, уступить свои права; итакъ онъ рѣшаетъ призвать отца, а тѣмъ временемъ не лишать господина права увести дѣвушку, пообѣщавъ представить ее по прибытіи лица, именуемаго отцомъ ея. На это несправедливое рѣшеніе послышался ропотъ въ толпѣ, но никто не рѣшался одинъ выступить противъ него; въ это время являются П. Нумиторій, дѣдъ дѣвицы, и женихъ ея Ицилій. Толпа разступилась, въ надеждѣ, что вмѣшательство Ицилія можетъ оказать Аппію наибольшее сопротивленіе; но ликторъ объявляетъ, что приговоръ состоялся, и пытается удалить Ицилія, несмотря на его протесты. Такая жестокая несправедливость раздражила бы и кроткаго человѣка. „Оружіемъ тебѣ придется удалить меня отсюда, Аппій“, сказалъ онъ, „чтобы я умолчалъ о томъ, что ты хочешь скрыть. Я женюсь на этой дѣвушкѣ и хочу, чтобы моя невѣста была цѣломудренна. Поэтому зови сюда всѣхъ ликторовъ и товарищей своихъ; прикажи имъ приготовить розги и сѣкиры; невѣста Ицилія не останется внѣ дома отца ея. Если вы лишили насъ защиты трибуновъ и права аппелляціи къ римскому народу, этихъ двухъ оплотовъ свободы, то этимъ еще не дано вашему сладострастію царской власти надъ нашими дѣтьми и женами. Изливайте вашу ярость на нашихъ спинахъ и нашихъ шеяхъ; но пусть хоть цѣломудріе будетъ въ безопасности. Если оно подвергнется насилію, то я буду умолять заступиться за невѣсту присутствующихъ здѣсь квиритовъ, Вергиній за единственную дочь—воиновъ, а всѣ—боговъ и людей, и ты, не убивъ насъ, никогда не приведешь въ исполненіе этого приговора. Я требую, Аппій, хорошенько подумай, куда

идешь ты! Вергиній, когда явится сюда, увидитъ, какъ поступить ему съ своей дочерью; но пусть онъ знаетъ одно: если онъ уступитъ требованіямъ М. Клавдія, то ему придется искать партіи для своей дочери. Я же, требуя свободы для своей невѣсты, скорѣе умру, чѣмъ нарушу слово“. **46**. Толпа была возбуждена, и было очевидно, что предстоитъ борьба. Ликторы окружили Ицилія; однако дѣло не пошло дальше угрозъ; Аппій говорилъ, что не Вергинію защищаетъ Ицилій, а, будучи безпокойнымъ человѣкомъ, все еще нося въ себѣ духъ трибуна, ищетъ случая затѣять мятежъ. Въ этотъ день онъ не дастъ ему повода къ тому; но да будетъ ему вѣдомо, что эта уступка дѣлается не его дерзости, а отсутствующему Вергинію, имени отца и свободѣ: дѣла этого онъ сегодня разбирать не будетъ и рѣшенія не постановитъ; М. Клавдія онъ попроситъ отказаться отъ своего права и требовать себѣ дѣвушку въ слѣдующій день; если же отецъ завтра не явится, то онъ объявляетъ Ицилію и ему подобнымъ, что ни законодатель не откажется отъ своего закона, ни децемвиръ отъ рѣшительности. И чтобы обуздать виновниковъ мятежа, ему вовсе не понадобится сзывать ликторовъ своихъ товарищей: съ него хватитъ и его собственныхъ. Когда нарушеніе права было отсрочено, и защитники дѣвушки удалились на совѣщаніе, то рѣшено было прежде всего, чтобы братъ Ицилія и сынъ Нумиторія, проворные юноши, отправились оттуда прямо къ воротамъ [1]) и съ возможной скоростью призвали Вергинія изъ лагеря, сообщивъ ему, что спасеніе дѣвушки зависитъ отъ того, если на слѣдующій день онъ своевременно явится защитить ее отъ несправедливости. Получивъ приказанія, они отправляются и, пришпоривъ коней, приносятъ вѣсть отцу. Въ виду настояній требовавшаго

[1]) Капенскимъ.

дѣвушку въ рабство, чтобы Ицилій предъявилъ требованіе на нее и представилъ поручителей, а равно въ виду заявленій послѣдняго, что онъ объ этомъ именно и хлопочетъ,—а на самомъ дѣлѣ онъ тянулъ дѣло, чтобы посланные въ лагерь выиграли время для дороги [1]),— отовсюду изъ толпы граждане начали поднимать руки и изъявлять готовность быть поручителями. Растроганный до слезъ, онъ сказалъ: „благодарю васъ; завтра я воспользуюсь вашей помощью, а теперь поручителей довольно". Такъ Вергинія была отпущена на поруки родственниковъ. Аппій, помедливъ нѣкоторое время, чтобы не подумали, что онъ ради одного этого дѣла сидѣлъ на трибуналѣ, удалился домой, когда никто не шелъ къ нему, такъ какъ всѣ бросили другія дѣла и озабочены были однимъ; дома онъ написалъ товарищамъ въ лагерь, чтобы они не давали отпуска Вергинію и даже заключили его подъ стражу. Безчестный совѣтъ, какъ и слѣдовало, оказался слишкомъ позднимъ: получивъ отпускъ, Вергиній уже отправился въ первую стражу [2]), а на слѣдующій день рано утромъ напрасно было получено письмо о задержаніи его.

47. А въ городѣ на разсвѣтѣ, когда граждане въ напряженномъ ожиданіи стояли на форумѣ, Вергиній въ траурной одеждѣ, съ большой толпой готовыхъ защищать его привелъ на форумъ дочь въ изношенной одеждѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ матронъ. Здѣсь онъ сталъ обходить гражданъ, пожимая имъ руки, не только умоляя помочь ему изъ милости, но требуя этого, какъ должнаго: онъ-де ежедневно находился въ строю, защищая ихъ дѣтей и женъ, и нѣтъ другого человѣка, который можетъ указать болѣе отважныхъ и рѣшительныхъ подвиговъ на войнѣ; какая польза, если несмотря

1) Ицилій понималъ, что и Аппій пошлетъ товарищамъ извѣстіе.
2) Съ 6 до 9 час. веч.

на то, что городъ цѣлъ, дѣтямъ однако приходится терпѣть то, чего боятся, какъ самого ужаснаго, если онъ взятъ? Говоря такъ какъ будто въ народномъ собраніи, онъ обходилъ гражданъ. Въ томъ же родѣ говорилъ и Ицилій. Тихія слезы сопровождавшихъ женщинъ производили болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ рѣчи. Оставаясь безчувственнымъ ко всему этому, — такое сильное безуміе, вѣрнѣе, чѣмъ любовь, омрачила его разумъ! — Аппій входитъ на трибуналъ и послѣ краткой жалобы истца, что вчера вслѣдствіе происковъ не рѣшено было его дѣло, заговорилъ самъ, не давъ ему изложить свое требованіе и Вергинію отвѣтить. Быть можетъ, древніе писатели вѣрно передали рѣчь, которую онъ предпослалъ своему постановленію; но такъ какъ, при такой гнусности приговора, я не считаю ни одной изъ нихъ правдоподобной, то я рѣшилъ передать только несомнѣнно извѣстное: онъ постановилъ рѣшеніе, по которому Вергинія была признана рабыней. Сперва всѣ оцѣпенѣли отъ удивленія предъ столь страшнымъ приговоромъ; поэтому нѣкоторое время всѣ хранили молчаніе. Затѣмъ, когда М. Клавдій двинулся въ толпу матронъ, чтобы взять дѣвушку, и встрѣченъ былъ жалобными рыданіями женщинъ, Вергиній, простирая къ Аппію руки, сказалъ: „съ Ициліемъ, Аппій, а не съ тобой обручилъ я дочь, и воспиталъ, чтобы выдать ее замужъ, а не отдать на позоръ. Вы хотите по обычаю животныхъ и дикихъ звѣрей безъ разбору вступать въ сожительство? потерпятъ ли это присутствующіе, я не знаю; но я надѣюсь, что тѣ, у кого есть оружіе, не допустятъ этого". Когда претендентъ былъ отогнанъ отъ толпы женщинъ и защитниковъ, окружавшихъ дѣвушку, глашатай потребовалъ молчанія.

48. Децемвиръ, обезумѣвъ отъ страсти, заявляетъ, что не изъ вчерашней только брани Ицилія и неистовствъ Вергинія, о которыхъ можетъ засвидѣтельствовать весь

римскій народъ, но также изъ точныхъ показаній ему извѣстно, что всю ночь въ городѣ происходили сборища, съ цѣлью поднять возстаніе. Въ виду этого, хорошо зная о предстоящей схваткѣ, онъ явился на форумъ съ вооруженными людьми, не для того, чтобы оскорблять мирныхъ гражданъ, но чтобы обуздать нарушителей общественнаго спокойствія, какъ того требуетъ величіе его власти. „Поэтому лучше будетъ не бунтовать“, сказалъ онъ: „иди, ликторъ, удали толпу и расчисти дорогу, чтобы господинъ могъ взять свою рабыню“. Когда онъ съ раздраженіемъ прокричалъ эти слова, толпа сама собой раздвинулась, и дѣвушка осталась покинутой на жертву обидчику. Тогда Вергиній, не видя ниоткуда никакой помощи, сказалъ: „прежде всего, Аппій, прости огорченнаго отца, если я какъ-нибудь слишкомъ рѣзко отозвался о тебѣ; затѣмъ позволь здѣсь, въ присутствіи дѣвушки, разспросить кормилицу, какъ было это дѣло, чтобы я спокойно могъ уйти отсюда, если окажется, что я неправильно назывался отцомъ“. Получивъ разрѣшеніе, онъ отвелъ дѣвушку и кормилицу къ лавкамъ, расположеннымъ около часовни Венеры-очистительницы[1]), именуемымъ теперь „новыми“, и, выхвативъ у мясника ножъ, воскликнулъ: „только такъ, дочь моя, я могу требовать твоей свободы!“ Затѣмъ онъ пронзилъ грудь дѣвушки и, обратившись къ трибуналу, сказалъ: „кровь эта да падетъ, Аппій, на тебя и на твою голову!“ Когда при видѣ этого страшнаго дѣла поднялся шумъ, раздраженный Аппій приказываетъ схватить Вергинія, но онъ, всюду, гдѣ ни шелъ, пролагалъ себѣ путь мечемъ и,

1). Лавки эти, какъ видно изъ этого мѣста, находились въ СВ. углу форума; тутъ находилась часовня Венеры, почитаемой подъ именемъ Cloacina —„очистительница“ (cluere на древнемъ яз.-гл. purgare, очищать).

защищаемый также сопровождавшей его толпой, добрался до воротъ. Ицилій и Нумиторій, поднявъ бездыханное тѣло, показываютъ его народу; жалуются на преступность Аппія, несчастную красоту дѣвушки, безвыходное положеніе отца. Сопровождающія матроны взываютъ, на то ли должны онѣ родить дѣтей? такова ли награда за цѣломудріе? и т. под.; такія рѣчи подсказываетъ женщинамъ ихъ скорбное чувство, которое онѣ выражаютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе владѣютъ собою. Мужчины, и прежде всѣхъ Ицилій, говорили только о томъ, что уничтожена власть трибуновъ и право аппелляціи къ народу и вообще выражали негодованіе на положеніе дѣлъ въ государствѣ. **49**. Съ одной стороны страшное преступленіе, съ другой—надежда, воспользовавшись этимъ случаемъ, вернуть свободу возбуждаетъ толпу. Аппій сперва приказываетъ позвать Ицилія, затѣмъ, въ виду отказа его, схватить, наконецъ, такъ какъ служителей не допускали, то онъ самъ направляется къ нему чрезъ толпу съ горстью патриціанскихъ юношей и велитъ заключить его въ оковы. Около Ицилія не только уже образовалась толпа, но явились и вожди ея, Л. Валерій и М. Горацій, которые, прогнавъ ликтора, говорили, что они защищаютъ Ицилія отъ частнаго человѣка, если Аппій хочетъ дѣйствовать законнымъ путемъ; если же онъ попытается дѣйствовать силой, то и тутъ они помѣрятся съ нимъ. Такъ начинается жестокая драка. Ликторъ децемвира нападаетъ на Валерія и Горація; толпа ломаетъ пучки; Аппій является въ собраніе; Валерій и Горацій слѣдуютъ за нимъ. Ихъ народъ слушаетъ, а децемвиру не даетъ говорить. Валерій, какъ бы опираясь на власть, уже приказываетъ ликторамъ оставить частнаго человѣка, а Аппій, забывъ гордость и боясь за жизнь свою, незамѣтно для враговъ, съ закутанной головой, убѣжалъ въ ближайшій къ форуму домъ. Сп.

Оппій съ другой стороны ворвался на форумъ на помощь товарищу. Видитъ, что сила одолѣла власть. Слыша со всѣхъ сторонъ совѣты и соглашаясь со всѣми, онъ обнаруживаетъ свое смущеніе; наконецъ отдаетъ приказаніе созвать сенатъ. Мысль, что дѣйствія децемвировъ не нравятся большой части сенаторовъ, успокоила толпу, надѣявшуюся, что сенатъ покончитъ съ ихъ властью. Сенатъ рѣшилъ, что плебеевъ раздражать не слѣдуетъ, но особенно надо принять мѣры, чтобы прибытіе Вергинія въ лагерь не подняло военнаго бунта.

50. Поэтому посланы были въ лагерь, находившійся въ то время на горѣ Вецилійской [1]), младшіе сенаторы съ приказаніемъ децемвирамъ принять всѣ мѣры, чтобы не допустить воиновъ до мятежа. Между тѣмъ Вергиній поднялъ тамъ болѣе сильное движеніе, чѣмъ оставилъ въ Римѣ: видѣли его окруженнымъ толпою почти въ 400 человѣкъ; всѣ они послѣдовали за нимъ изъ города подъ впечатлѣніемъ возмутительнаго дѣла; кромѣ того, вниманіе всего лагеря было также обращено на обнаженный мечъ и брызги крови, покрывавшіе его самаго. Да и появленіе тогъ въ разныхъ мѣстахъ лагеря значительно увеличивало размѣры толпы гражданъ сравнительно съ тѣмъ, какова она была на самомъ дѣлѣ. На вопросъ, въ чемъ дѣло, слезы долго не давали ему отвѣчать; наконецъ, когда уже собралась толпа и молчаніе смѣнило шумъ, онъ изложилъ по порядку все, какъ было. Затѣмъ, простирая руки къ товарищамъ, онъ просилъ ихъ не возлагать на него вину Аппія и не отворачиваться отъ него, какъ дѣтоубійцы; жизнь дочери была бы ему дороже его жизни, если бы она могла оставаться свободной и цѣ-

[1]) Гдѣ находилась эта гора, неизвѣстно; полагаютъ, что такъ называлась одна изъ вершинъ Альгида.

ломудренной; но, видя, что ее, подъ предлогомъ рабства, влекутъ для позора, онъ рѣшилъ, что лучше гибнуть дѣтямъ отъ смерти, чѣмъ отъ безчестія, и желая быть сострадательнымъ, впалъ въ кажущуюся жестокость. Онъ не пережилъ бы дочери, если бы не надѣялся при помощи товарищей отмстить за смерть ея. И у нихъ есть дочери, сестры и жены, и похоть Ап. Клавдія не угасла вмѣстѣ съ его дочерью, но безнаказанность увеличитъ только его необузданность. Чужое несчастіе даетъ имъ примѣръ остерегаться отъ подобной же несправедливости. Что касается до него, то судьба похитили у него жену, а дочь, не имѣя долѣе возможности оставаться цѣломудренной, погибла горестной, но честной смертью. Въ его домѣ уже нѣтъ мѣста для похоти Аппія, а отъ иныхъ его жестокостей онъ сумѣетъ защитить себя съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ защитилъ дочь; прочіе должны подумать о себѣ и своихъ дѣтяхъ. Такъ взывалъ Вергиній, и толпа дружно отвѣчала ему, что она отмститъ за его несчастіе и защититъ свою свободу. Вмѣшавшіеся въ толпу воиновъ граждане высказывали тѣ же жалобы и заявляли, что видѣть это было гораздо возмутительнѣе, чѣмъ слышать, вмѣстѣ съ темъ сообщали, что въ Римѣ зло уже почти уничтожено; слѣдующіе за тѣмъ утверждали, что Аппій едва живой удалился въ изгнаніе; все это привело къ тому, что раздался призывъ къ оружію; схвативъ знамена, толпа двинулась къ Риму. Децемвиры, смущенные тѣмъ, что видѣли, и слухами о происшедшемъ въ Римѣ, разбѣгаются по разнымъ концамъ лагеря, чтобы подавить движеніе. Гдѣ они дѣйствовали кротко, тамъ имъ не отвѣчали; но если кто прибѣгалъ къ власти, то тому отвѣчали, что они мужи и притомъ вооружены. Стройно направляются воины къ городу и занимаютъ Авентинъ, склоняя попадавшихся на встрѣчу плебеевъ вернуть свободу и выбрать народныхъ трибуновъ.

Другихъ рѣчей, указывавшихъ на ожесточеніе, не было слышно. Подъ предсѣдательствомъ Сп. Оппія происходитъ засѣданіе сената. Рѣшено было не принимать никакихъ суровыхъ мѣръ, такъ какъ они сами подали поводъ къ мятежу. Отправляютъ послами трехъ бывшихъ консуловъ, Сп. Тарпея, Г. Юлія и П. Сульпиція, спросить отъ имени сената, по чьему приказанію они оставили лагерь, или ради чего они заняли съ оружіемъ въ рукахъ Авентинъ и силою захватили родную землю, бросивъ войну съ врагами. Отвѣчать было что; но не было человѣка, который бы отвѣчалъ, такъ какъ опредѣленнаго вождя еще не оказывалось, а отдѣльныя лица не рѣшались возбуждать противъ себя ненависть. Толпа заявила одно, чтобы имъ выслали Л. Валерія и М. Горація; имъ они дадутъ отвѣтъ. **51**. Когда послы были отпущены, Вергиній напоминаетъ воинамъ, что въ не особенно важномъ дѣлѣ только-что обнаружилось смущеніе, потому что у толпы не было главы; поэтому отвѣтъ данъ былъ, хотя и цѣлесообразный, но болѣе основанный на случайномъ согласіи, чѣмъ на общемъ рѣшеніи. Онъ предлагаетъ избрать 10 руководителей общаго дѣла и, соотвѣтственно ихъ воинскому званію, наименовать ихъ военными трибунами. Когда ему самому первому предложена была эта почетная должность, онъ отвѣтилъ: „это сужденіе обо мнѣ оставьте до того времени, когда и ваше, и мое положеніе улучшится; то обстоятельство, что моя дочь не отмщена, отравляетъ мнѣ удовольствіе, сопряженное съ почетной должностью, и не хорошо, чтобы при смутномъ положеніи государства руководителями вашими являлись лица, наиболѣе заинтересованныя. Если я могу принести какую пользу, то я принесу ее, хотя и останусь частнымъ человѣкомъ“. Такимъ образомъ они выбираютъ 10 военныхъ трибуновъ.

Не было спокойно войско и въ сабинской землѣ. И тамъ, по совѣту Ицилія и Нумиторія, отложились отъ децемвировъ, такъ какъ умы столько же были взволнованы воспоминаніемъ объ убіеніи Сикція, сколько новымъ разсказомъ о такомъ гнусномъ желаніи опозорить дѣвушку. Ицилій, услыхавъ объ избраніи на Авентинѣ военныхъ трибуновъ и опасаясь, какъ бы городскія комиціи, слѣдуя примѣру военныхъ, не избрали тѣхъ же лицъ въ народные трибуны, передъ отправленіемъ въ городъ озаботился, чтобы и его войско избрало столько же трибуновъ съ такою же властью; такъ хорошо онъ понималъ, какъ надо дѣйствовать съ народомъ, и такъ добивался онъ званія трибуна! Черезъ Коллинскія ворота вступили они со знаменами въ городъ и стройно прошли по срединѣ города на Авентинъ. Соединившись тутъ съ другимъ войскомъ, они поручили двадцати военнымъ трибунамъ выбрать двухъ, которые бы руководили всѣмъ дѣломъ. Избираны были М. Оппій и С. Манлій.

Озабоченные положеніемъ государства, сенаторы, несмотря на ежедневныя собранія, проводили время больше въ препирательствахъ, чѣмъ въ совѣщаніяхъ. Децемвирамъ ставили въ упрекъ убіеніе Сикція, похотливость Аппія, военное безчестіе. Высказывались за отправленіе на Авентинъ Валерія и Горація. Тѣ соглашались идти только подъ тѣмъ условіемъ, если децемвиры сложатъ знаки своей должности, срокъ которой истекъ уже съ концомъ прошедшаго года. Децемвиры, жалуясь, что имъ мѣшаютъ пользоваться ихъ властью, говорили, что они не сложатъ ея, пока не проведутъ законовъ, ради чего они и избраны.

52. Плебеи, извѣщенные бывшимъ народнымъ трибуномъ М. Дуилліемъ, что безпрерывные споры мѣшаютъ прійти къ какому нибудь рѣшенію, переходятъ съ Авентина на Священную гору; они вѣрили Дуиллію, что сенаторы только тогда призадумаются, когда увидятъ, что

городъ покинутъ; Священная гора напомнитъ имъ о стойкости плебеевъ, они поймутъ, какъ мало можно надѣяться на возстановленіе согласія въ государствѣ, если не будетъ возстановлена трибунская власть. Отправившись по Номентанской улицѣ, именовавшейся тогда Фикульской, они расположились лагеремъ на Священной горѣ, ничего не трогая и такимъ образомъ подражая скромности своихъ отцовъ. За войскомъ послѣдовали плебеи, и никто изъ тѣхъ, которымъ возрастъ позволялъ идти, не отказывался. Ихъ сопровождали жены и дѣти, жалобно спрашивая, на кого ихъ покидаютъ въ этомъ городѣ, гдѣ не свято ни цѣломудріе, ни свобода.

Когда необычная малолюдность въ Римѣ производила тяжелое впечатлѣніе пустыни, и на форумѣ не было никого, кромѣ немногихъ стариковъ, а собиравшіеся въ курію сенаторы видѣли совсѣмъ покинутый форумъ, уже не одни Горацій и Валерій кричали: „чего хотите вы ждать, сенаторы? если децемвиры не полагаютъ конца своему упорству, то неужели вы готовы допустить всеобщее разрушеніе и истребленіе? И что это за власть, децемвиры, за которую вы такъ крѣпко держитесь? вы собираетесь творить судъ надъ кровлями и стѣнами? не стыдно ли вамъ, что на форумѣ чуть ли не больше видно вашихъ ликторовъ, чѣмъ иныхъ, мирныхъ гражданъ? что станете вы дѣлать, если враги подойдутъ къ городу? что, если плебеи, видя наше равнодушіе къ ихъ удаленію, вскорѣ явятся съ оружіемъ въ рукахъ? или вы хотите сложить свою власть только тогда, когда городъ погибнетъ? Вѣдь мы должны или потерять плебеевъ, или назначить народныхъ трибуновъ. Скорѣе мы можемъ обойтись безъ патриціанскихъ магистратовъ, чѣмъ они безъ плебейскихъ. Не зная и не испытавъ этой власти, они исторгли ее у нашихъ отцевъ; а теперь, вкусивъ сладость ея, они конечно не захотятъ лишиться ея, особенно въ виду того, что мы не знаемъ мѣры въ

пользованіи властью, освобождая ихъ такимъ образомъ отъ необходимости искать защиты? Слыша отовсюду такія рѣчи и уступая единогласному мнѣнію сенаторовъ, децемвиры заявили, что, въ виду такого рѣшенія, они подчинятся власти сената. Они просятъ лишь объ одномъ, чтобы ихъ оградили отъ народнаго негодованія, и убѣждаютъ не показывать плебеямъ ихъ кровь и не пріучать ихъ такимъ образомъ казнить патриціевъ.

53. Тогда отправлены были Валерій и Горацій, чтобы вернуть плебеевъ на условіяхъ, какія они признаютъ нужными, и устроить соглашеніе, озаботившись вмѣстѣ съ тѣмъ огражденіемъ децемвировъ отъ нападенія раздраженной толпы. Съ большой радостью плебеи встрѣтили ихъ въ лагерѣ, такъ какъ считали ихъ, и на основаніи начала движенія, и на основаніи результата его, несомнѣнными освободителями. За это при прибытіи имъ выражена была благодарность. Отъ лица всѣхъ говорилъ Ицилій. Когда зашла рѣчь объ условіяхъ, то на вопросъ пословъ, чего хотятъ плебеи, онъ же, на основаніи соглашенія, состоявшагося еще до прибытія пословъ, предъявилъ требованія, свидѣтельствовавшія, что они болѣе полагаются на ихъ справедливость, чѣмъ на силу оружія. Плебеи требовали возстановленія власти трибуновъ и права аппелляціи къ народу, каковыми средствами защиты они пользовались до избранія децемвировъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они настаивали, чтобы не подвергался преслѣдованіямъ никто изъ лицъ, побудившихъ воиновъ и плебеевъ удалиться и требовать этимъ путемъ обратно свободу. Жестоко было лишь требованіе казни децемвировъ: они считали правильнымъ, чтобы тѣ были выданы, и грозились сжечь ихъ живыми. Послы на это отвѣчали: „спокойно обдуманныя требованія ваши были до того справедливы, что вамъ слѣдовало предложить желаемое даже безъ вашей просьбы: вы требуете средствъ защищать свободу, а не произвола напа-

дать на другихъ; но раздраженіе ваше заслуживаетъ скорѣе извиненія, чѣмъ поощренія, такъ какъ, возмущенные жестокостью, вы впадаете въ жестокость же и, не добившись еще свободы для себя, хотите уже быть господами надъ своими противниками. Ужели въ нашемъ государствѣ никогда не прекратятся казни, совершаемыя или патриціями надъ римскими плебеями, или плебеями надъ патриціями? вамъ нуженъ щитъ, а не мечъ. Довольно приниженъ тотъ, кто сравнялся въ правахъ съ другими гражданами и, не подвергаясь обидамъ, лишенъ возможности и самъ наносить ихъ. Впрочемъ, если когда нибудь вы захотите заставить бояться себя, то, получивъ обратно своихъ магистратовъ и законы, а вмѣстѣ съ тѣмъ право произносить приговоры надъ жизнью и имуществомъ нашимъ, тогда уже вы будете постановлять рѣшенія, соотвѣтствующія каждому отдѣльному случаю. Теперь же слѣдуетъ удовольствоваться возвращеніемъ свободы". **54.** Когда всѣ предоставляли посламъ дѣйствовать по ихъ усмотрѣнію, они объявили, что, окончивъ переговоры, немедленно возвратятся. Отправившись, они изложили сенату требованія плебеевъ; тогда всѣ децемвиры, не слыша, сверхъ ожиданія, ничего о казни ихъ, были согласны на всѣ условія; только Аппій, человѣкъ суроваго характера и ненавистный болѣе всѣхъ другихъ, измѣряя вражду къ нему другихъ по своей собственной, сказалъ: „я хорошо знаю, какая судьба ждетъ меня. Я вижу, что нападеніе на насъ отсрочено до того времени, пока противникамъ будетъ передано оружіе. Кровь должна быть принесена въ жертву ненависти. Тѣмъ не менѣе и я немедленно слагаю званіе децемвира". Состоялось сенатское постановленіе, чтобы децемвиры немедленно сложили свои полномочія, чтобы Кв. Фурій, верховный понтификъ, избралъ народныхъ трибуновъ и чтобы никто не подвергался преслѣдованію за удаленіе воиновъ и плебеевъ.

Постановивъ эти рѣшенія, сенаторы разошлись, а децемвиры явились въ народное собраніе и сложили свои полномочія къ величайшей радости народа. Извѣстіе объ этомъ сообщено было плебеямъ. Всѣ остававшіеся въ городѣ послѣдовали за послами. Къ нимъ вышла на встрѣчу изъ лагеря другая радостная толпа. Поздравляютъ другъ друга съ возстановленіемъ свободы и согласія въ государствѣ. Послы предъ собраніемъ держали такую рѣчь: „да послужитъ сіе на благо, счастіе и благополучіе вамъ и государству, возвращайтесь въ отечество къ своимъ пенатамъ, женамъ и дѣтямъ; но принесите съ собой въ городъ ту же скромность, какую вы сохраняли здѣсь, не тронувъ ничьего поля, несмотря на крайнюю нужду въ средствахъ для продовольствія такой массы народа. Идите же на Авентинъ, откуда вы ушли; тамъ, на этомъ счастливомъ мѣстѣ, гдѣ вы положили начало возстановленія своей свободы, вы выберете народныхъ трибуновъ. Тамъ будетъ верховный понтификъ, который будетъ предсѣдательствовать въ комиціяхъ". Велика была радость и единодушно выражалось одобреніе. Затѣмъ они хватаютъ знамена и, отправившись въ Римъ, выражаютъ восторгъ наперерывъ съ встрѣчающими. Вооруженные тихо идутъ черезъ городъ на Авентинъ. Здѣсь подъ предсѣдательствомъ верховнаго понтифика немедленно состоялись комиціи, и были избраны народные трибуны, прежде всѣхъ Л. Вергиній, затѣмъ Л. Ицилій и П. Нумиторій, дядя Вергинія, всѣ совѣтовавшіе удалиться, потомъ Г. Сициній, потомокъ того, который, по преданію, былъ выбранъ на Священной горѣ первымъ народнымъ трибуномъ, и М. Дуиллій, знаменитый своимъ трибунатомъ, предшествовавшимъ избранію децемвировъ, не покинувшій плебеевъ и въ борьбѣ съ ними. Затѣмъ не столько по заслугамъ, сколько въ надеждѣ на нихъ, были выбраны М. Титиній, М. Помпоній, Г. Апроній, Ап. Виллій, Г. Оппій. Вступивъ въ трибунатъ, Л. Ицилій

немедленно внесъ предложеніе, и народъ согласился съ нимъ, чтобы никто не былъ преслѣдуемъ за измѣну децемвирамъ. Вслѣдъ за тѣмъ М. Дуилій провелъ предложеніе объ избраніи консуловъ съ правомъ апелляціи на ихъ рѣшенія. Всѣ эти постановленія сдѣланы были собраніемъ плебеевъ на Фламиніевомъ лугу, именуемомъ теперь Фламиніевымъ циркомъ[1]).

55. Затѣмъ междуцарь произвелъ выборы консуловъ; избранные Л. Валерій и М. Горацій немедленно вступили въ должность. Ихъ пріятное народу управленіе, хотя и не сопровождалось обидами по отношенію къ патриціямъ, но все-же возбуждало недовольство послѣднихъ; ибо всякую мѣру, служившую къ огражденію свободы плебеевъ, они считали умаленіемъ своего могущества. Прежде всего, въ виду того, что представлялось спорнымъ, обязательны ли для патриціевъ рѣшенія плебеевъ, они провели въ центуріатскихъ комиціяхъ законъ, въ силу котораго рѣшенія трибутскихъ комицій должны были быть обязательны для всего народа. Этотъ законъ открылъ трибунамъ широкую возможность вредить своими предложеніями. Затѣмъ другой консульскій законъ о правѣ апелляціи, этомъ единственномъ въ своемъ родѣ средствѣ защищать свободу, уничтоженный децемвирами, они не только возстановляютъ, но и закрѣпляютъ на будущее время, санкціонируя новый законъ, чтобы не были выбираемы магистраты безъ права апелляціи на нихъ, а кто внесетъ такое предложеніе, то чтобы того можно было убить и чтобы это убійство не считалось уголовнымъ преступленіемъ. Обезпечивъ достаточно плебеевъ и правомъ апелляціи, и защитою трибуновъ, они возстановили и почти уже забытую неприкосновенность самихъ трибуновъ, возобновивъ послѣ долгаго промежутка нѣкоторыя церемоніи; достигли они этого столько же религіознымъ путемъ[1]), сколько установивъ законъ, въ силу котораго оскорбившій народнаго трибуна, эдила или судью изъ коллегіи десяти считался посвященнымъ Юпитеру, а его имущество продавалось у храма Цереры, Либера и Либеры[2]). Юристы объясняютъ, что на основаніи этого закона никто не признается неприкосновеннымъ, а только кто причинитъ вредъ кому-нибудь изъ упомянутыхъ лицъ, голова того посвящается Юпитеру; итакъ высшіе магистраты подвергаютъ аресту эдила; хотя этотъ фактъ и представляется противозаконнымъ, — такъ какъ вредъ причиняется лицу, которому въ силу этого закона нельзя причинять его, — но онъ служитъ доказательствомъ того, что эдилъ не признается неприкосновеннымъ[3]); напротивъ, трибуны неприкосновенны на основаніи древней клятвы, произнесенной плебеями при самомъ избраніи ихъ[4]). Нѣкоторые объясняли, что тотъ же самый Гораціевъ законъ ограждаетъ и консуловъ, и преторовъ, избираемыхъ при однихъ и тѣхъ же ауспиціяхъ, какъ и консулы, ибо консулъ именуется судьей[5]). Но это

---

[1]) Между кремлемъ и Тибромъ, гдѣ впослѣдствіи консулъ Г. Фламиній (павшій въ битвѣ при Тразименскомъ озерѣ) устроилъ Фламиніевъ циркъ.

---

[1]) Плебеи давали клятвенное обѣщаніе мстить за всякое оскорбленіе трибуновъ.

[2]) Въ честь этихъ боговъ, особенно почитавшихся плебеями въ силу того, что они были покровителями земледѣлія, былъ храмъ у подошвы Авентина.

[3]) По свидѣтельству Катона, эдилы были неприкосновенны; въ позднѣйшее время они не состоятъ уже въ такой тѣсной связи съ трибунами и причисляются къ magistratus minores, а потому и могутъ быть арестуемы „старшими магистратами". Къ этому времени и относится упомянутое воззрѣніе юристовъ.

[4]) При первомъ удаленіи на Священную гору.

[5]) Это толкованіе закона принадлежало аристократической партіи, желавшей и консуловъ поставить подъ ту же гарантію, подъ которой находились трибуны. Когда явилось имя „судья", неизвѣстно; имя же „консулъ" впервые является послѣ децемвировъ вмѣсто древнѣйшаго „преторъ"; ср. къ примѣч. къ I 60.

толкованіе опровергается тѣмъ, что въ то время не было еще обычая именовать консула судьей, а преторомъ. Таковы были законы, предложенные консулами. Они же постановили, чтобы сенатскія рѣшенія были доставляемы въ храмъ Цереры[1]) плебейскимъ эдиламъ, тогда какъ прежде они были утаиваемы и поддѣлываемы по произволу консуловъ. Затѣмъ народный трибунъ Г. Дуиллій вошелъ къ плебеямъ съ предложеніемъ, которое они и утвердили, чтобы оставившій плебеевъ безъ трибуновъ и избравшій магистрата безъ права аппелляціи подвергался наказанію розгами и казни. Всѣ эти законы были проведены, хотя и противъ воли патриціевъ, но все-таки безъ противодѣйствія съ ихъ стороны, такъ какъ отдѣльныя лица еще не подвергались нападеніямъ.

56. Когда власть трибуновъ и свобода плебеевъ были обезпечены, тогда трибуны, рѣшивъ, что уже безопасно и благовременно преслѣдовать отдѣльныхъ лицъ, избрали первымъ обвинителемъ Вергинія, а обвиняемымъ Аппія. Когда Вергиній назначилъ Аппію день явки въ судъ, и онъ явился на форумъ въ сопровожденіи патриціанскихъ юношей, сразу при видѣ его и его пособниковъ, ожило у всѣхъ воспоминаніе о его гнусной власти. Тогда Вергиній сказалъ: „краснорѣчіе изобрѣтено для темныхъ дѣлъ; въ виду этого и я не стану терять времени, обвиняя передъ вами человѣка, отъ жестокости

1) Тамъ находился архивъ плебеевъ, состоявшій подъ надзоромъ плебейскихъ эдиловъ; такимъ образомъ безъ вѣдома (и безъ согласія) трибуновъ нельзя было провести ни одного постановленія въ сенатѣ. Важно было доставленіе въ плебейскій архивъ копій съ рѣшеній сената еще потому, что въ то время для дѣйствительности плебисцита нужно было утвержденіе сената. Предыдущее замѣчаніе Ливія на этотъ счетъ (первый законъ этого года—см. нач. гл.) неточно, такъ какъ имѣетъ въ виду болѣе позднія установленія—415 и 467 г. отъ основанія Рима.

котораго вы сами защищались оружіемъ, и ему не позволю къ прочимъ своимъ преступленіямъ присоединить еще безсовѣстную защиту себя. Итакъ я прощаю тебѣ, Аппій Клавдій, всѣ тѣ безбожныя и преступныя дѣла, которыя ты въ теченіе двухъ лѣтъ дерзко совершалъ одно за другимъ; но если по одному пункту обвиненія ты не докажешь предъ судьей, что ты не постановилъ, вопреки законамъ, рѣшенія противъ свободы и въ пользу рабства, то я прикажу заключить тебя въ оковы". Аппій не могъ надѣяться ни на защиту трибуновъ, ни на судъ народа; тѣмъ не менѣе онъ и обратился къ трибунамъ и, арестованный курьеромъ безъ всякаго сопротивленія съ ихъ стороны, воскликнулъ: „я аппеллирую". Услыхавъ это слово, служившее прочной гарантіей свободы, изъ устъ человѣка, недавно постановившаго рѣшеніе противъ свободы, всѣ смолкли. Поднимается глухой ропотъ, что есть же наконецъ боги, которые обращаютъ вниманіе на человѣческія дѣла, что хоть и поздно, но все-таки тяжкая кара постигнетъ гордость и жестокость; аппеллируетъ уничтожавшій право аппелляціи, умоляетъ народъ о защитѣ поправившій всѣ права народа, лишаютъ права свободы и увлекаютъ въ темницу того, который осудилъ свободное лицо на рабство; и среди этого ропота въ народномъ собраніи слышенъ былъ голосъ самого Аппія, взывавшаго о помощи къ римскому народу. Онъ напоминалъ о гражданскихъ и военныхъ заслугахъ предковъ его по отношенію къ государству, о своемъ несчастномъ усердіи по отношенію къ римскимъ плебеямъ, изъ-за котораго, ради уравненія правъ посредствомъ законовъ, онъ сложилъ консульство къ величайшему неудовольствію патриціевъ, напоминаетъ и о своихъ законахъ, при существованіи которыхъ предложившій ихъ заключается въ оковы. Впрочемъ, свои личныя заслуги и свою виновность онъ узнаетъ тогда, когда получитъ возможность защищаться; те-

перь на основаніи общаго права граждань, онъ, римскій гражданинъ, привлеченный къ суду, требуетъ позволенія говорить, позволенія испытать судъ римскаго народа. Онъ не настолько боится ненависти, чтобы вовсе не надѣяться на справедливость и сострадание своихъ согражданъ. Итакъ, если его безъ суда ведутъ въ темницу, то онъ снова обращается къ помощи народныхъ трибуновъ и проситъ не подражать тѣмъ, кого они ненавидятъ. А если трибуны сознаются, что они связаны такимъ же договоромъ относительно уничтоженія обращенія къ нимъ, въ заключенiи какого они обвиняли децемвировъ, то онъ аппеллируетъ къ народу, взываетъ къ законамъ объ аппелляціи, изданнымъ въ этомъ самомъ году и консулами, и трибунами. Кто же будетъ аппеллировать, если этого не позволяютъ еще не осужденному, до выслушиванія дѣла? для какого плебея, и вообще человѣка низкаго происхожденія, будетъ охрана въ законахъ, если ея нѣтъ для Ап. Клавдія? онъ на себѣ убѣдится, укрѣпили-ли новые законы государство или свободу, и право обращенія къ трибунамъ и право аппелляціи къ народу противъ несправедливости должностныхъ лицъ написано-ли только на показъ и останется мертвой буквой, или дано на самомъ дѣлѣ.

57. На это Вергиній возражалъ, что одинъ Ап. Клавдій непричастенъ законамъ, гражданскому и общечеловѣческому праву. Пусть граждане взглянутъ на трибуналъ, это убѣжище для всякаго рода злодѣяній, гдѣ этотъ безсмѣнный децемвиръ, врагъ имущества, неприкосновенности и жизни гражданъ, угрожавшій всѣмъ розгами и сѣкирой, презирающій боговъ и людей, сопровождаемый палачами, а не ликторами, обратившись отъ грабежа и убійства къ прелюбодѣянію, на глазахъ римскаго народа подарилъ своему кліенту, служителю своего ложа, свободно-рожденную дѣвушку, точно военнопленную, вырвавъ ее изъ объятій отца; гдѣ своимъ жестокимъ постановленіемъ и преступнымъ рѣшеніемъ онъ вооружилъ десницу родителя противъ дочери; гдѣ пораженный не столько убійствомъ, сколько помѣхою прелюбодѣянію, онъ приказалъ свести въ тюрьму жениха и дѣда, несшихъ бездыханное тѣло дѣвушки. Тюрьма, которую онъ обыкновенно называлъ домомъ римскихъ плебеевъ, выстроена и для него. Поэтому сколько бы разъ Аппій ни апеллировалъ, столько же разъ онъ предлагалъ ему третейскаго судью и готовъ потерять залогъ, если онъ не постановилъ рѣшенія противъ свободы въ пользу рабства. Если же онъ нейдетъ къ судьѣ, то онъ, Вергиній, приказываетъ свести его, какъ осужденнаго, въ тюрьму. И онъ брошенъ былъ въ темницу, хотя и безъ всякихъ протестовъ, но при сильномъ возбужденіи плебеевъ, которые, видя наказаніе такого важнаго лица, уже сами считали свою свободу чрезмѣрной. Трибунъ отсрочилъ день суда.

Тѣмъ временемъ отъ латинянъ и герниковъ явились послы съ поздравленіемъ по случаю примиренія патриціевъ и плебеевъ и принесли за это въ даръ всеблагому и всемогущему Юпитеру въ Капитолій золотой вѣнокъ небольшого вѣса, такъ какъ вообще богатства тогда не были велики и святынямъ поклонялись съ большимъ благочестіемъ, чѣмъ великолѣпіемъ. Отъ нихъ же узнали, что эквы и вольски усиленно готовятся къ войнѣ. Въ виду этого консуламъ приказано было раздѣлить сферы дѣятельности. На долю Горація достались сабиняне, на долю Валерія—эквы. Когда объявленъ былъ наборъ для этихъ войнъ, то, при усердіи плебеевъ, явились записаться не только молодые люди, но и большая часть добровольцевъ изъ отслужившихъ свой срокъ, а потому, вслѣдствіе присоединенія ветерановъ, войско это было сильно не только своей многочисленностью, но и качествомъ воиновъ. Прежде чѣмъ двинуться изъ города, консулы опубликовали законы децемвировъ, име-

нуемые законами 12 таблицъ, вырѣзавъ ихъ на мѣдныхъ досках. Нѣкоторые писатели сообщаютъ, что это исполнено было эдилами по приказанію трибуновъ.

58. Г. Клавдій, возмущавшійся злодѣяніями децемвировъ, особенно же раздраженный надмѣнностью племянника, удалился въ древнее свое отечество Региллъ; теперь этотъ старецъ, вернувшись, чтобы спасти отъ опасности того, отъ чьихъ пороковъ бѣжалъ, въ траурной одеждѣ, въ сопровожденіи родственниковъ и кліентовъ, останавливалъ на форумѣ каждаго и просилъ не клеймить позоромъ родъ Клавдіевъ, признавая ихъ заслужившими тюремное заключеніе и оковы. Мужъ, изображеніе [1]) котораго должно было бы пользоваться среди потомства большимъ почетомъ, законодатель и основатель римскаго права, валяется скованнымъ среди ночныхъ воровъ и разбойниковъ! Пусть устранятъ на время гнѣвъ, подумаютъ и взвѣсятъ дѣло; лучше помиловать одного за просьбы столькихъ Клавдіевъ, чѣмъ изъ-за ненависти къ одному оставить безъ вниманія просьбы многихъ. Самъ онъ заботится объ интересахъ рода и имени и не мирится съ тѣмъ, которому хочетъ помочь въ бѣдѣ. Свобода возвращена доблестью; кротость можетъ укрѣпить миръ сословій. Нѣкоторые были растроганы не столько дѣломъ человѣка, за котораго онъ хлопоталъ, сколько его родственною привязанностью. Но Вергиній просилъ скорѣе пожалѣть его и дочь, и слушать просьбы не рода Клавдіевъ, которые видятъ свое призваніе въ неограниченной власти надъ плебеями, а родственниковъ Вергиніи, трехъ трибуновъ, которые, будучи выбраны для защиты плебеевъ, теперь сами взываютъ къ плебеямъ о помощи и защитѣ. Ихъ слезы были признаны болѣе справедливыми. Итакъ, потерявъ надежду, до наступленія дня, назначеннаго для суда, Аппій наложилъ на себя руки.

---

[1]) См. примѣч. къ I 34.

Вслѣдъ за тѣмъ П. Нумиторій напалъ на Сп. Оппія, почти столь же ненавистнаго, такъ какъ онъ былъ въ городѣ, когда товарищъ его рѣшилъ несправедливо дѣло. Но большую ненависть противъ Оппія возбудила несправедливость, которую онъ совершилъ, а не та, которой онъ не остановилъ: выставленъ былъ свидѣтелемъ воинъ, прослужившій 27 лѣтъ и восемь разъ получавшій награды не въ очередь; предъявляя всѣ ихъ народу, онъ, разорвавъ одежду, показалъ спину, истерзанную розгами; при этомъ онъ предоставлялъ подсудимому, хотя онъ и частный человѣкъ, опять наказать его, если онъ сумѣетъ назвать хоть одну его вину. И Оппій былъ отведенъ въ тюрьму и покончилъ тамъ съ собой до дня суда. Имущество Клавдія и Оппія трибуны конфисковали. Товарищи ихъ удалились въ изгнаніе; имущество ихъ было конфисковано. И М. Клавдій, требовавшій Вергинію въ рабство, привлеченъ былъ къ суду и осужденъ; но Вергиній освободилъ его отъ казни, и онъ удалился въ изгнаніе въ Тибуръ. Тѣнь Вергиніи, болѣе счастливой послѣ смерти, чѣмъ при жизни, пройдя для свершенія мщенія по столькимъ домамъ, наконецъ успокоилась, не оставивъ ни одного виновнаго.

59. Великій страхъ объялъ патриціевъ, и уже трибуны являли собою нѣкоторое подобіе децемвировъ, но народный трибунъ М. Дуиллій, поставивъ въ пору предѣлъ чрезмѣрной власти, заявилъ: „довольно свободы нашей и казней противниковъ; въ теченіе настоящаго года я не позволю больше никого привлекать къ суду и заключать въ тюрьму. Нечего вспоминать старые, уже забытые грѣхи, когда новые искуплены казнью децемвировъ, а безпрерывная забота обоихъ консуловъ объ охранѣ вашей свободы служитъ ручательствомъ,

что не будетъ допущено ничего, гдѣ оказалась бы надобность въ силѣ трибуновъ". Такая умѣренность трибуна освободила патриціевъ отъ страха, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилила ненависть противъ консуловъ, такъ какъ-де они до того всецѣло преданы были плебеямъ, что плебейскій чиновникъ скорѣе патриціанскаго позаботился о благѣ и свободѣ патриціевъ, и враги прежде пресытились казнями ихъ, чѣмъ увидѣли возможность сопротивленія ихъ произволу со стороны консуловъ. Многіе утверждали, что отцы были слишкомъ уступчивы, утвердивъ предложенные консулами законопроекты, и не подлежало сомнѣнію, что подъ вліяніемъ смутнаго положенія государства они покорились обстоятельствамъ.

60. Упорядочивъ дѣла въ городѣ и обезпечивъ положеніе плебеевъ, консулы разошлись для исполненія своихъ порученій. Валерій, двинувшись противъ успѣвшихъ уже соединиться на Альгидѣ эквовъ и вольсковъ, намѣренно затягивалъ войну; и еслибы онъ сразу ввѣрился случайностямъ сраженія, то, вѣроятно, борьба стоила бы большихъ потерь, принимая во вниманіе тогдашнее настроеніе римлянъ и враговъ, вызванное несчастными предпріятіями децемвировъ. Расположившись лагеремъ въ 1000 шаговъ отъ непріятеля, онъ не выходилъ изъ него. Враги построившись начали наполнять пространство, лежавшее между двумя лагерями, и когда вызывали на бой, то никто изъ римлянъ не отвѣчалъ имъ. Наконецъ, когда эквамъ и вольскамъ надоѣло стоять и напрасно ждать битвы, они ушли грабить—часть въ землю герниковъ, часть въ землю латинянъ, рѣшивъ, что побѣда почти уступлена имъ; оставленныхъ войскъ было достаточно для охраны лагеря, а не для битвы. Замѣтивъ это, консулъ въ свою очередь наводитъ на непріятелей страхъ и, выстроивъ войско, самъ вызываетъ ихъ на битву. Сознавая недостатокъ силъ, непріятели отказывались отъ сраженія; это сразу

увеличило бодрость римлянъ, и они считали побѣжденными напуганныхъ враговъ, остававшихся въ лагерѣ. Простоявъ цѣлый день готовыми къ битвѣ, они къ ночи отступили. Римляне, полные надежды, подкрѣплялись; враги же, бывшіе въ совершенно иномъ настроеніи, въ страхѣ разсылаютъ во всѣ стороны вѣстниковъ, съ цѣлью вернуть назадъ грабителей. Тѣ, которые были въ ближайшихъ мѣстахъ, прискакали обратно; ушедшихъ же дальше не нашли. Съ разсвѣтомъ римляне выступили изъ лагеря, рѣшивъ напасть на валъ, если не будетъ возможности сразиться. И когда солнце было уже высоко, а между тѣмъ врагъ не двигался, консулъ приказываетъ нести впередъ знамена; это движеніе непріятеля вызвало негодованіе въ эквахъ и вольскахъ, что ихъ побѣдоносныя войска защищаются валомъ, а не доблестью и оружіемъ. Поэтому и они вытребовали у вождей сигнала къ битвѣ. И уже нѣкоторые отряды выступили изъ лагеря, а остальные въ порядкѣ, строй за строемъ, занимали каждый свои мѣста, какъ римскій консулъ, не давъ всѣмъ непріятельскимъ силамъ выстроиться, двинулся на нихъ; когда послѣдовало нападеніе, они еще не всѣ были выведены, а вышедшіе не успѣли развернуть своихъ рядовъ; оробѣвшая толпа колыхалась въ разныя стороны, воины озирались другъ на друга и на своихъ товарищей; крикъ и стремительность римлянъ усилили ихъ смущеніе. Враги сперва отступали; когда же собрались съ духомъ, и вожди со всѣхъ сторонъ начали упрекать ихъ, какъ это они отступаютъ передъ побѣжденными, битва возгорѣлась вновь.

61. Съ другой стороны консулъ напоминалъ римлянамъ, что сегодня они въ первый разъ свободные сражаются за свободный Римъ. Для себя они одержатъ побѣду, а не для того, чтобы, побѣдивъ, стать добычею децемвировъ. Предводительствуетъ не Аппій, а консулъ

Валерій, потомокъ освободителей римскаго народа и самъ освободитель. Они должны показать, что въ предыдущихъ сраженіяхъ побѣдѣ мѣшали вожди, а не воины. Позорно, если больше храбрости окажется въ борьбѣ противъ гражданъ, чѣмъ противъ враговъ, и домашнее иго страшнѣе иноземнаго. Цѣломудріе одной Вергиніи подвергалось опасности въ мирное время, одинъ гражданинъ Аппій обнаружилъ опасную похотливость; но если военное счастіе поколеблется, то дѣти всѣхъ гражданъ подвергнутся опасности со стороны столькихъ тысячъ враговъ. Не хочется предрекать, что городъ, основанный при столь счастливыхъ предзнаменованіяхъ, постигнетъ бѣда, которой не потерпѣлъ бы ни Юпитеръ, ни родоначальникъ Рима Марсъ. Онъ напоминалъ объ Авентинѣ и о Священной горѣ, прося, не опозоривъ государства, вернуться туда, гдѣ они нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ пріобрѣли свободу, и показать, что духъ римскихъ воиновъ по изгнаніи децемвировъ остался такимъ же, какимъ онъ былъ до избранія ихъ, и уравненіе правъ посредствомъ законовъ не уменьшило доблести римскаго народа. Сказавъ такую рѣчь среди рядовъ пѣхотинцевъ, онъ скачетъ затѣмъ къ всадникамъ. „Нуте, молодцы, превзойдите пѣхоту доблестью, какъ вы превосходите ее своимъ почетнымъ положеніемъ. При первой стычкѣ пѣхотинцы заставили дрогнуть врага, а вы, пустивъ коней, прогоните его съ поля битвы. Они не выдержатъ вашего натиска, да и теперь они не столько сопротивляются, сколько медлятъ“. Всадники пришпориваютъ коней и устремляются на врага, приведеннаго въ замѣшательство уже въ битвѣ съ пѣхотинцами; прорвавши ряды его, они достигаютъ арьергарда, при чемъ нѣкоторые, пользуясь свободнымъ мѣстомъ, дѣлаютъ обходное движеніе, отрѣзываютъ отъ лагеря большинство уже бѣгущихъ отовсюду непріятелей и отгоняютъ ихъ, проѣзжая взадъ и впередъ. Пѣхота, самъ консулъ и все

вообще вооруженныя силы устремляются въ лагерь и, захвативъ его послѣ ожесточенной рѣзни, получаютъ очень большую добычу.

Вѣсть объ этой битвѣ, дошедшая не только въ городъ, но и въ сабинскую землю къ другому войску, въ городѣ вызвала радость, а въ лагерѣ воспламенила духъ воиновъ желаніемъ соперничать въ славѣ. Уже Горацій, испытывая своихъ воиновъ въ набѣгахъ и небольшихъ стычкахъ, пріучилъ ихъ больше полагаться на себя и забыть о пораженіи, понесенномъ подъ предводительствомъ децемвировъ; и эти незначительныя стычки содѣйствовали всеобщему подъему духа. А сабиняне, ободренные удачами предыдущаго года, безпрестанно подзадоривали и приставали съ вопросами, зачѣмъ тратить время, производя набѣги, какъ разбойники, въ небольшомъ числѣ и поспѣшно удаляясь назадъ, и раздѣлять на многочисленныя и небольшія стычки рѣшеніе войны? Не лучше ли сойтись для окончательнаго боя и предоставить судьбѣ рѣшить дѣло разомъ? **62.** Не одно мужество, разгоравшееся само собою, но и негодованіе воспламеняло римлянъ; другое войско, думали они, уже побѣдоносно вернется въ городъ, а надъ ними все еще издѣвается врагъ! если не теперь, то когда же они будутъ въ силахъ помѣриться съ непріятелемъ? Услыхавъ такіе разговоры въ лагерѣ среди воиновъ, консулъ созвалъ собраніе и сказалъ: „я полагаю, воины, вы слышали о случившемся на Альгидѣ. Войско держало себя такъ, какъ прилично войску свободнаго народа. Предусмотрительностью товарища и доблестью воиновъ пріобрѣтена побѣда. Что касается до меня, то у меня будетъ столько разсудительности и мужества, сколько дадите вы. Безъ ущерба можно тянуть войну, но можно и скоро покончить ее. Если придется тянуть ее, то принятымъ мною способомъ я добьюсь того, что ваша надежда и доблесть будетъ рости со дня на день; если же вы уже

достаточно мужественны и хотите рѣшить дѣло, то закричите здѣсь такъ, какъ вы закричали бы въ строю, и тѣмъ покажите вашу волю и вашу доблесть.“ Когда воины съ величайшей радостью закричали, то консулъ объявилъ: „да послужитъ сіе на благо, я послушаюсь васъ и завтра выведу войско въ битву“. Остальная часть дня была занята приготовленіемъ оружія. На слѣдующій день, увидавъ, что римское войско строится, сабиняне, и сами уже давно желавшіе сразиться, выступили. Сраженіе соотвѣтствовало увѣренности въ себѣ обоихъ войскъ, изъ которыхъ одно ободряла старинная и постоянная слава, а другое недавно одержанная побѣда, составлявшая для него новость. Сабиняне для подкрѣпленія своихъ силъ прибѣгли еще къ хитрости: растянувъ свой строй вровень съ римскимъ, они оставили внѣ строя 2000 человѣкъ для нападенія на лѣвый флангъ римлянъ во время самой битвы. Когда они, сдѣлавъ нападеніе съ боку, стали приводить въ замѣшательство почти окруженный флангъ, около 600 всадниковъ двухъ легіоновъ спрыгиваютъ съ коней и выбѣгаютъ въ первый рядъ предъ отступающими уже товарищами; одновременно они становятся противъ врага и воспламеняютъ мужество пѣхотинцевъ, сперва подвергаясь одинаковой съ ними опасности, а затѣмъ возбуждая въ нихъ чувство стыда. Стыдно было, что всадники принимаютъ участіе и въ обычной имъ, и въ чуждой битвѣ, а пѣхотинцы не могутъ сравняться со спѣшившимися всадниками. **63** И вотъ они вступаютъ въ покинутый ими бой и возвращаются на прежнее мѣсто; въ минуту битва не только возобновилась, но даже дрогнулъ флангъ сабинянъ. Всадники, прикрытые рядами пѣхотинцевъ, вернулись къ своимъ конямъ. Затѣмъ они ускакали на другую сторону возвѣстить своимъ о побѣдѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ они дѣлаютъ нападеніе на враговъ, уже напуганныхъ пораженіемъ болѣе сильнаго фланга ихъ. Всадники отличились въ этой битвѣ болѣе всѣхъ другихъ. Ничто не ускользало отъ вниманія консула: онъ хвалилъ храбрыхъ, порицалъ, если гдѣ видѣлъ битву ослабѣвающей. Пристыженные немедленно совершали подвиги мужества; и стыдъ возбуждалъ однихъ столько же, сколько другихъ похвалы. Снова всѣ римляне съ воинственнымъ крикомъ дружно ударили со всѣхъ сторонъ на врага, и затѣмъ уже ихъ натиска нельзя было выдержать. Разсѣявшіеся повсюду по полямъ сабиняне оставили лагерь въ добычу врагу. Здѣсь римляне вернули свое имущество, отнятое при опустошеніи полей, а не имущество союзниковъ, какъ то было на Альгидѣ.

За двойную побѣду въ двухъ разныхъ сраженіяхъ сенатъ злонамѣренно назначилъ молебствіе на одинъ день [1]) въ знакъ признанія заслугъ консуловъ. Но народъ безъ всякаго приказанія и на слѣдующій день отправился большой толпой молиться. И эта народная молитва, не сопровождавшаяся никакимъ церемоніаломъ, была чуть ли не торжественнѣе вслѣдствіе усердія молившихся. Консулы по уговору подошли къ городу въ теченіе двухъ дней одинъ за другимъ и позвали сенатъ на Марсово поле. Когда они говорили здѣсь о своихъ подвигахъ, старѣйшіе изъ отцовъ роптали, что съ явнымъ намѣреніемъ застращать ихъ сенатъ созванъ среди воиновъ. Въ виду этого, во избѣжаніе обвиненій, консулы пригласили сенатъ оттуда на Фламиніевъ лугъ, гдѣ теперь находится храмъ Аполлона,—уже тогда называли это мѣсто посвященное Аполлону [2]). Такъ какъ сенаторы съ замѣчательнымъ единодушіемъ отказывали консуламъ въ

---

[1]) Слѣдовало назначить по крайней мѣрѣ по одному дню за каждаго.

[2]) Очевидно, и тогда здѣсь было зданіе, если могло состояться сенатское засѣданіе. И въ позднѣйшее время въ этомъ храмѣ Аполлона или въ храмѣ Беллоны не рѣдко возвратившіеся изъ похода вожди давали сенату отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.

тріумфѣ, то народный трибунъ Л. Ицилій внесъ къ народу предложеніе о назначеніи его, хотя многіе выступали съ протестами, особенно же громко говорилъ Г. Клавдій, что консулы хотятъ праздновать тріумфъ надъ сенаторами, а не надъ врагами, и требуютъ не почести за доблесть, а благодарности за частную услугу, оказанную трибуну. Никогда до того народъ не рѣшалъ дѣла о тріумфѣ [1]), всегда сенатъ обсуждалъ и давалъ это отличіе; даже цари не умаляли значенія высшаго сословія; трибуны не должны всюду распространять свою власть, уничтожая тѣмъ всякія общественныя совѣщанія. Только при этомъ условіи государство останется свободнымъ и законы равными, если всякое сословіе сохранитъ свои права, свое значеніе. Хотя въ томъ же смыслѣ много говорили и другіе старѣйшіе отцы, однако всѣ трибы приняли это предложеніе. Тогда въ первый разъ тріумфъ былъ отпразднованъ по рѣшенію народа, безъ утвержденія отцовъ.

64. Эта побѣда трибуновъ и плебеевъ чуть не привела къ вредному своеволію: трибуны согласились между собою относительно ихъ вторичнаго избранія, а чтобы скрыть свое властолюбіе, они рѣшили продлить и власть консуловъ. Причиною они выставляли соглашеніе сенаторовъ, которые презрительнымъ отношеніемъ къ консуламъ пошатнули права народныхъ трибуновъ [2]). Такъ какъ законы еще не окрѣпли, то что можетъ случиться, если патриціи, избравъ консуловъ своего лагеря, нападутъ на новыхъ трибуновъ? Не всегда вѣдь

---

1) Позже это дѣлалось, или же рядомъ съ сенатскимъ постановленіемъ упоминается рѣшеніе народа. Собственно сенатское постановленіе нужно было лишь для того, чтобы сопряженныя съ тріумфомъ издержки были произведены на казенный счетъ; безъ того тріумфаторъ долженъ былъ нести ихъ самъ.

2) Трибуны преувеличиваютъ намѣренно значеніе заявленія Клавдія и сужденій сената.

консулами будутъ Валерій и Гораціи, которые ставятъ свое могущество ниже свободы плебеевъ. Благодаря счастливой случайности, предсѣдательство въ комиціяхъ выпало на долю М. Дуиллія, мужа разумнаго, предвидѣвшаго, что продленіе власти грозитъ взрывомъ негодованія. Онъ заявлялъ, что не допуститъ кандидатуры ни одного изъ старыхъ трибуновъ, и товарищи его настаивали, чтобы онъ или допустилъ свободную подачу голосовъ по трибамъ, или передалъ предсѣдательство въ комиціяхъ товарищамъ, которые будутъ направлять ихъ на основаніи законовъ, а не на основаніи воли патриціевъ. Во время этого спора Дуиллій призвалъ консуловъ къ трибунскимъ скамьямъ и спросилъ ихъ, каковы ихъ намѣренія относительно консульскихъ комицій; и когда они отвѣчали, что имѣютъ въ виду избрать новыхъ консуловъ, то съ этими популярными представителями непопулярнаго мнѣнія онъ вступилъ въ собраніе. Здѣсь консулы были поставлены предъ народомъ и спрошены, какъ они поступятъ, если римскій народъ, помня, что при ихъ помощи дома онъ вернулъ свободу, помня и о ихъ воинскихъ подвигахъ, изберетъ ихъ вновь консулами? Они остались вѣрны своему мнѣнію; тогда, похваливъ консуловъ за то, что они настойчиво не хотятъ быть похожими на децемвировъ, Дуиллій открылъ комиціи. Когда пять народныхъ трибуновъ были выбраны, а остальные кандидаты, въ виду старанія девяти трибуновъ, открыто искавшихъ власти, не получали большинства голосовъ трибъ [1]), то онъ распустилъ собраніе и не созывалъ его болѣе для выборовъ. Онъ говорилъ, что законъ исполненъ, такъ какъ, не опредѣляя числа, онъ требуетъ только сохраненія трибуната и повелѣваетъ, чтобы избранные са-

---

1) При выборахъ считались трибы послѣ предварительнаго счета отдѣльныхъ голосовъ въ каждой трибѣ.

ми избрали себѣ товарищей; при этомъ онъ прочиталъ формулу предложенія, гласившую такъ: „я предложу 10 народныхъ трибуновъ; если вы сегодня изберете менѣе 10 народныхъ трибуновъ, то выбранные ими въ товарищи должны считаться столь же законными трибунами, какъ избранные вами сегодня“. До конца упорно отказываясь признать 15 народныхъ трибуновъ въ государствѣ, Дуиллій сломилъ страстное желаніе товарищей и сложилъ свою власть, одинаково угодивъ и патриціямъ, и плебеямъ.

306 г. **65**. Новые народные трибуны при выборѣ товарищей исполнили желаніе сенаторовъ, принявъ въ свою коллегію даже двухъ патриціевъ, притомъ бывшихъ консулами, Сп. Тарея и А. Атернія [1]). Консулами были выбраны Сп. Герминій и Т. Вергиній Целимонтанъ, не склонявшіеся особенно ни на сторону патриціевъ, ни на сторону плебеевъ; внутри и внѣ государства при нихъ былъ миръ. Народный трибунъ Л. Требоній, негодуя на патриціевъ за то, что они, по его словамъ, перехитрили его при дополнительномъ избраніи трибуновъ, а товарищи предали, внесъ предложеніе, чтобы руководящій плебеями при избраніи народныхъ трибуновъ продолжалъ это дѣло до тѣхъ поръ, пока не будутъ выбраны 10 народныхъ трибуновъ; и весь свой трибунатъ онъ провелъ въ преслѣдованіи патриціевъ, вслѣдствіе чего ему даже дано было прозвище „Суровый“.

307 г. Выбранные затѣмъ въ консулы М. Геганій Мацеринъ и Г. Юлій остановили нападки трибуновъ на знатную молодежь, не преслѣдуя ихъ власти и не нарушая до-

1) Консулы 300 г.; см. гл. 31. Изъ этого мѣста видно, что и патриціи могли получать трибунатъ, но не путемъ народнаго избранія (per rogationem), а путемъ дополнительнаго выбора наличными членами коллегіи (per cooptationem).

стоинства патриціевъ. Мѣшая набору, назначенному для войны противъ вольсковъ и эквовъ, они не допустили плебеевъ до мятежа, утверждая, что, если въ городѣ миръ, то и внѣ все спокойно, а вслѣдствіе гражданскихъ несогласій внѣшніе враги поднимаютъ головы. Забота о внѣшнемъ мирѣ привела и къ внутреннему согласію. Но одно сословіе всегда мѣшало сдержанности другого: когда плебеи были спокойны, то молодые патриціи начинали обижать ихъ. Когда трибуны выступали на защиту униженныхъ, то сперва это мало помогало, а потомъ и сами они стали подвергаться оскорбленіямъ, особенно въ послѣдніе мѣсяцы, такъ какъ обиды наносили общества сильныхъ людей, да и вообще сила всякой власти обыкновенно значительно ослабѣваетъ подъ конецъ года. И уже плебеи стали говорить, что только тогда на трибунатъ можно полагаться, если трибуны будутъ похожи на Ицилія; въ послѣдніе же два года они имѣли трибуновъ только по имени. Напротивъ, старѣйшіе патриціи, хотя и признавали, что ихъ молодежь черезчуръ увлекается, однако предпочитали, ужъ если необходимо переступать предѣлы законнаго, то чтобы больше смѣлости было на сторонѣ ихъ, а не противниковъ. Такъ трудно, охраняя свободу, соблюсти мѣру, такъ какъ всякій, притворяясь стремящимся къ равноправности, возвышается до угнетенія другого, и не желая бояться, люди дѣлаютъ самихъ себя предметомъ страха, отстраняя же обиду отъ себя, наносятъ ее другимъ, какъ будто необходимо или дѣлать, или терпѣть неправду.

66. Затѣмъ выбраны были консулами Т. Квинктій 308 г.
Капитолійскій въ четвертый разъ и Агриппа Фурій; они не застали ни внутренняго мятежа, ни внѣшней войны, но предстояло и то, и другое. Уже нельзя было долѣе сдерживать несогласія въ средѣ гражданъ, такъ какъ и трибуны, и плебеи были возбуждены противъ патриціевъ,

въ дни же, назначенные для суда надъ кѣмъ-нибудь изъ знатныхъ, собранія всегда разстраивались вслѣдствіе новыхъ безпорядковъ. При первыхъ извѣстіяхъ объ этомъ, точно по данному сигналу, эквы и вольски взялись за оружіе; къ тому же вожди, жадные до добычи, убѣдили ихъ, что наборъ, назначенный два года тому назадъ, не могъ состояться, такъ какъ плебеи уже отказываются повиноваться; оттого-то противъ нихъ не было послано войско. Своеволіе уничтожаетъ воинскую дисциплину, и уже не всѣ считаютъ Римъ общимъ отечествомъ. Все раздраженіе и вражду противъ внѣшнихъ враговъ они обратили на себя. Представляется случай напасть на волковъ, ослѣпленныхъ яростью противъ своихъ. Соединивъ войска, они сперва опустошали латинскія поля; затѣмъ, не встрѣчая тамъ никакого сопротивленія, къ торжеству виновниковъ войны, они, съ цѣлью грабежа, подступили подъ самыя стѣны Рима со стороны Эсквилійскихъ воротъ, производя нагло опустошенія полей въ виду города. Когда они безнаказанно въ порядкѣ удалились отсюда къ Корбіону, гоня передъ собою награбленный скотъ, консулъ Квинктій созвалъ народное собраніе.

67. Здѣсь, по свидѣтельству писателей, онъ говорилъ такъ: „Квириты! хотя я не сознаю за собой никакой вины, но выступаю предъ вами подъ гнетомъ величайшаго стыда. Знаете вы, передано будетъ и потомству, что въ четвертое консульство Т. Квинктія эквы и вольски, едва равные по силамъ только герникамъ, безнаказанно съ оружіемъ въ рукахъ подступили подъ стѣны города Рима. Хотя уже давно мы такъ живемъ и государство наше находится въ такомъ положеніи, что нельзя ждать ничего хорошаго, однако, если бы я зналъ, что этому именно году грозитъ такой позоръ, то я, не имѣя иной возможности уклониться отъ почетной должности, избѣжалъ бы ея, или удалившись въ изгнаніе, или наложивъ на себя руки. Такъ значитъ, если бы то оружіе, которое было у нашихъ воротъ, было въ рукахъ мужей, то Римъ могъ быть взятъ въ мое консульство! Довольно имѣлъ я почестей, довольно и предовольно жилъ я! Мнѣ слѣдовало умереть, когда я былъ въ третій разъ консуломъ! Кого же наконецъ презираютъ эти трусливѣйшіе враги? насъ, консуловъ, или васъ, квириты? если виноваты мы, то отнимите власть у недостойныхъ ея, а если этого мало, то покарайте еще насъ; если же вы виноваты, то вашего грѣха, квириты, пусть не караютъ ни боги, ни люди; вы сами только покайтесь въ немъ. Не вашу трусость презираютъ они и не на свои силы они надѣются! Эти люди, столько разъ разбитые и обращенные въ бѣгство, потерявшіе лагерь, наказанные отнятіемъ земли, посланные подъ ярмо, знаютъ и себя, и васъ; подъемъ ихъ духа вызвали раздоры сословій и язва этого города, споръ патриціевъ съ плебеями, такъ какъ мы не знаемъ мѣры власти, а вы—мѣры свободы; вы ненавидите патриціанскихъ магистратовъ, а мы—плебейскихъ. Заклинаю васъ богами, чего хотите вы? вы пожелали народныхъ трибуновъ; чтобы не нарушать согласія, мы уступили. Вы пожелали децемвировъ; мы допустили избраніе ихъ. Вамъ надоѣли децемвиры; мы заставили ихъ сложить власть. Такъ какъ ваше раздраженіе противъ нихъ не успокоивалось, даже когда они стали частными людьми, мы допустили казнь и изгнаніе знатнѣйшихъ и почетнѣйшихъ лицъ. Вы пожелали снова избрать народныхъ трибуновъ, и избрали; пожелали сдѣлать консулами людей вашей партіи; признавая это обиднымъ для патриціевъ, мы однако были свидѣтелями и того, что патриціанская должность была принесена въ даръ плебеямъ. Мы переносили и переносимъ защитниковъ вашихъ трибуновъ, аппелляцію къ народу, навязываніе патриціямъ постановленій плебеевъ, умаленіе нашихъ

правъ подъ именемъ уравненія законовъ. Гдѣ же будетъ конецъ раздорамъ? можно-ли будетъ когда-нибудь имѣть одинъ городъ, считать это отечество общимъ? Мы, побѣжденные, равнодушнѣе сохраняемъ спокойствіе, чѣмъ вы, побѣдители. Довольно ли съ васъ вашего страха передъ вами? Противъ насъ вы занимаете Авентинъ, противъ насъ—Священную гору; мы видѣли, что врагъ едва не завладѣлъ Эсквилійскимъ холмомъ, и никто не отразилъ враговъ вольсковъ, поднимавшихся на валъ; противъ насъ вы мужественны, противъ насъ у васъ есть оружіе. **68**. Осадивъ курію, наведя страхъ на форумъ, наполнивъ тюрьму первыми людьми въ государствѣ, съ той же яростью выходите за Эсквилійскія ворота, или, если вы и на это не дерзаете, со стѣнъ посмотрите, что ваши поля опустошены мечемъ и огнемъ, скотъ угнанъ, повсюду дымятся сожженные дома. А вѣдь общее дѣло изъ-за того еще въ худшемъ положеніи: поля горятъ, городъ въ осадѣ, военная слава принадлежитъ врагамъ. Что же наконецъ? ваше личное имущество въ какомъ положеніи? уже скоро каждый получитъ съ полей вѣсть объ убыткахъ. Чѣмъ наконецъ дома вы пополните ихъ? трибуны вернутъ и исправятъ вамъ потерянное? они наговорятъ вамъ словъ и рѣчей, сколько хотите, изыщутъ, сколько хотите, обвиненій противъ знатнѣйшихъ лицъ, нагромоздятъ законопроекты одни на другіе, созовутъ собранія; но изъ этихъ собраній никто изъ васъ никогда не приходилъ домой богаче. Кто принесъ къ женѣ и дѣтямъ что-нибудь кромѣ ненависти, оскорбленія, вражды государственной и частной? Отъ нея вы должны ограждать себя не своей доблестью и невинностью, а чужой помощью. А когда вы служили подъ предводительствомъ насъ, консуловъ, а не трибуновъ, и въ лагерѣ, а не на форумѣ, когда вашъ крикъ въ строю наводилъ страхъ на враговъ, а не въ народномъ собраніи на патриціевъ, то, клянусь

Геркулесомъ, вы съ тріумфомъ возвращались домой къ пенатамъ, набравъ добычу, отнявъ у врага землю, обогатившись, прославивъ государство и себя; теперь же вы позволяете врагу удалиться, обременивъ себя вашимъ имуществомъ! Оставайтесь постоянно въ собраніяхъ, живите на форумѣ; необходимость военной службы, отъ которой вы бѣжите, послѣдуетъ за вами. Вамъ тяжело было идти на эквовъ и вольсковъ; теперь война у воротъ; не отразите врага оттуда, онъ проникнетъ за стѣны, поднимется въ кремль и на Капитолій, будетъ преслѣдовать васъ въ вашихъ жилищахъ. Два года тому назадъ сенатъ приказалъ произвести наборъ и вести войско на Альгидъ; а мы сидимъ безъ дѣла дома, бранимся между собою, какъ бабы, радуясь настоящему миру и не видя, что отъ бездѣятельности въ короткое время выростетъ война въ разныхъ мѣстахъ. Я знаю, что есть рѣчи болѣе пріятныя; но если бы даже мой умъ не приказывалъ мнѣ, то нужда заставляетъ говорить вамъ правду, а не пріятное. Я желалъ бы быть угоднымъ вамъ, квириты; но гораздо больше я желаю вашего благополучія, что бы вы обо мнѣ ни думали. Такъ ужъ устроила природа, что говорящій передъ толпою въ своихъ интересахъ пріятнѣе, чѣмъ тотъ, умъ котораго имѣетъ въ виду только общее благо; развѣ, можетъ быть, вы думаете, что эти общественные льстецы, эти народолюбцы, не позволяющіе вамъ ни взять оружія, ни жить въ мирѣ, разжигаютъ и раздражаютъ васъ въ вашихъ интересахъ? Приведенные въ волненіе, вы или даете имъ почести, или приносите имъ какую-нибудь иную выгоду; видя свое полное ничтожество при согласіи сословій, они предпочитаютъ быть лучше вождями въ дурномъ дѣлѣ, чѣмъ ни въ какомъ, вождями смутъ и мятежей. Въ случаѣ если все это можетъ наконецъ надоѣсть вамъ, и отъ этихъ новыхъ обычаевъ вы захотите вернуться къ обычаямъ

отцовъ и вашимъ прежнимъ, то я не отказываюсь ни отъ какой казни, если въ нѣсколько дней я не лишу лагеря этихъ опустошителей нашихъ полей, разсѣявъ и обративъ ихъ въ бѣгство, и эту грозную войну, поразившую теперь васъ, не перенесу отъ нашихъ воротъ и стѣнъ къ ихъ городамъ“.

69. Рѣдко когда рѣчь популярнаго трибуна была пріятнѣе плебеямъ, чѣмъ эта рѣчь суровѣйшаго консула. Даже молодежь, которая при такомъ критическомъ положеніи считала отказъ отъ военной службы самымъ сильнымъ средствомъ противъ патриціевъ, желала оружія и войны. И прибѣжавшіе поселяне, и ограбленные на поляхъ и израненные, разсказы которыхъ были ужаснѣе ихъ вида, усилили раздраженіе во всемъ городѣ. Когда собрался сенатъ, то тамъ всѣ обратились къ Квинктію, смотрѣли на него, какъ на единственнаго защитника величія Рима, а знатнѣйшіе отцы признавали его рѣчь достойною власти консула, достойною столькихъ прежнихъ консульствъ, достойною всей его жизни, обильной почестями, которыя онъ часто получалъ и еще чаще заслуживалъ. Другіе консулы или льстили плебеямъ, измѣняя патриціямъ, или, сурово защищая права этого сословія, своими попытками укротить раздражали еще болѣе толпу; Т. Квинктій сказалъ рѣчь, не забывая о значеніи патриціевъ, о примиреніи сословій и прежде всего о современномъ положеніи дѣлъ. Просили его и товарища его усердно взяться за государственныя дѣла; просили трибуновъ, чтобы они единодушно съ консулами позволили отразить войну отъ городскихъ стѣнъ и внушили плебеямъ повиновеніе сенату въ виду такого критическаго положенія: поля опустошены, городъ почти осажденъ; общее отечество взываетъ къ трибунамъ и умоляетъ ихъ о помощи. Съ общаго согласія назначается и производится наборъ. Консулы заявили въ народномъ собраніи, что некогда заниматься разборомъ законности причинъ неявки; завтра на разсвѣтѣ всѣ молодые люди должны явиться на Марсово поле; разслѣдованіемъ причинъ неявки они займутся по окончаніи войны, и если признаютъ ихъ незаконными, то будутъ считать такого дезертиромъ. Вся молодежь на слѣдующій день была на лицо. Каждая когорта избрала себѣ центуріоновъ и была ввѣрена начальству двухъ сенаторовъ. Все это, какъ разсказываютъ, было сдѣлано такъ быстро, что въ тотъ самый день знамена были вынуты квесторами изъ казначейства[1]) и вынесены на Марсово поле, въ 4-мъ часу дня[2]) подняты оттуда, и вновь набранное войско, сопровождаемое немногими когортами добровольно явившихся старыхъ воиновъ, остановилось у 10-го камня[3]). На слѣдующій день показались враги, и около Корбіона былъ расположенъ лагерь близъ непріятельскаго лагеря. На третій день не замедлили сразиться, такъ какъ римлянъ побуждало раздраженіе, а враговъ сознаніе вины — они такъ часто производили возстанія! — и отчаяніе.

70. Хотя въ римскомъ войскѣ было два консула съ одинаковой властью, но высшее начальство съ согласія Агриппы было въ рукахъ его товарища, что въ важныхъ дѣлахъ весьма полезно; тѣмъ не менѣе, будучи поставленъ выше, на уступчивость онъ отвѣчалъ вѣжливостью, сообщая ему свои планы, дѣлясь съ нимъ славою и вообще равняя съ собой неравнаго. Въ строю Квинктій командовалъ правымъ флангомъ, Агриппа — лѣвымъ; центръ былъ врученъ легату Сп. Постумію, а другого легата, П. Сульпиція, они дѣлаютъ начальникомъ конницы. На правомъ флангѣ пѣхота дралась от-

1) Aerarium (казначейство) находился при храмѣ Сатурна; въ немъ хранились знамена, какъ священные предметы, и разныя драгоцѣнности. Здѣсь впервые квесторы упоминаются, какъ хранители казначейства.

2) Часовъ въ 8—9.

3) См. II 11 пр.

лично, несмотря на энергическое сопротивленіе вольсковъ. П. Сульпицій съ конницей прорвался сквозь центръ врага. Имѣя возможность тѣмъ же путемъ вернуться къ своимъ, прежде чѣмъ непріятели соберутъ приведенные въ замѣшательство ряды, онъ предпочелъ аттаковать тылъ ихъ; это нападеніе на тылъ въ мигъ разсѣяло бы непріятелей, такъ какъ имъ угрожала опасность съ двухъ сторонъ, если бы конница вольсковъ и эквовъ не задержала римлянъ на нѣкоторое время, завязавъ съ ними кавалерійское сраженіе. Видя, что медлить некогда, Сульпицій закричалъ, что они будутъ окружены и отрѣзаны отъ своихъ, если, напрягши всѣ свои силы, не окончатъ боя съ конницей; и мало обратить ихъ только въ бѣгство; надо истребить лошадей и людей, чтобы никто оттуда не вернулся въ строй и не возобновилъ битвы; враги не могутъ сопротивляться имъ, такъ какъ предъ ними отступилъ сплошной строй пѣхоты. Его словамъ повиновались. Однимъ ударомъ они разсѣяли всю конницу, многихъ сбросили съ коней и пронзили копьями какъ самихъ, такъ и лошадей. Такъ кончилась кавалерійская битва. Напавъ затѣмъ на пѣхоту, они посылаютъ вѣстниковъ о случившемся къ консуламъ, передъ которыми врагъ также уже колебался. Это извѣстіе ободрило побѣждавшихъ римлянъ и поразило отступавшихъ эквовъ. Побѣда началась съ центра, гдѣ всадники привели въ безпорядокъ ряды, затѣмъ консулъ Квинктій погналъ лѣвый флангъ; труднѣе всего было на правомъ флангѣ. Здѣсь Агриппа, полный юношескихъ силъ, видя, что вездѣ битва идетъ удачнѣе, чѣмъ у него, схватывая знамена у знаменосцевъ, самъ шелъ съ ними на врага, или даже бросалъ ихъ въ густую толпу непріятеля; боясь этого безчестія[1]), воины ударили на врага. Такимъ образомъ побѣда была равна во всѣхъ пунктахъ. Тогда пришло извѣстіе отъ Квинктія, что онъ побѣдилъ и уже угрожаетъ непріятельскому лагерю; но онъ не хочетъ врываться туда, прежде чѣмъ не узнаетъ, что и лѣвый флангъ побѣдилъ; если товарищъ уже разсѣялъ врага, то пусть соединится съ нимъ, чтобы все войско вмѣстѣ овладѣло добычей. Побѣдитель Агриппа при взаимныхъ привѣтствіяхъ подошелъ къ побѣдителю-товарищу и къ лагерю врага. Разсѣявъ быстро немногихъ защитниковъ, безъ боя врываются они въ укрѣпленіе и возвращаются съ войскомъ, овладѣвшимъ огромной добычей, вернувши и все свое, что было потеряно при опустошеніи полей. Я не нахожу извѣстій о томъ, чтобы или сами они требовали тріумфа, или онъ былъ предложенъ имъ сенатомъ; не передаютъ и того, почему пренебрегли или не надѣялись получить этого отличія. Насколько я могу догадываться о событіи, отдѣленномъ столь большимъ промежуткомъ времени, такъ какъ консуламъ Валерію и Горацію, пріобрѣтшимъ, кромѣ побѣды надъ вольсками и эквами, еще славу окончанія войны съ сабинянами, сенатъ отказалъ въ тріумфѣ, то эти консулы посовѣстились за половинное дѣло просить тріумфа, чтобы, въ случаѣ полученія его, не подумали, что больше обращаютъ вниманія на лица, чѣмъ на заслуги.

[1]) Т.-е. опасаясь, что брошенныя въ ряды непріятелей знамена останутся у нихъ.

71. Побѣду надъ врагами, добытую въ честномъ бою, опозорилъ дома постыдный судъ народа въ спорѣ союзниковъ о границахъ. Ариційцы и ардеаты, много разъ сражавшіеся за спорное поле и утомленные многими взаимными пораженіями, выбрали судьею римскій народъ[1]). Явившись на судъ, они съ большой горячностью изложили дѣло предъ народнымъ собраніемъ,

[1]) Обыкновенно третейскимъ судьей по дѣламъ между иноземными общинами является сенатъ; въ настоящемъ случаѣ, вѣроятно, онъ и передалъ рѣшеніе дѣла народу.

созваннымъ магистратами. Когда, по выслушаніи свидѣтелей, слѣдовало уже созвать трибы и подать голоса, поднялся изъ толпы плебеевъ старикъ П. Скаптій и сказалъ: „если вы позволите, консулы, говорить о государственномъ дѣлѣ, то я не дамъ народу ошибиться въ настоящемъ процессѣ". Консулы заявили, что не зачѣмъ слушать его, какъ не заслуживающаго довѣрія; когда-же онъ началъ кричать, что предаютъ государственное дѣло, его велѣли удалить; тогда онъ обратился къ помощи трибуновъ. Эти послѣдніе, какъ всегда почти скорѣе слушаются толпы, чѣмъ управляютъ ею, уступая желанію плебеевъ выслушать, позволили Скаптію сказать, что онъ хочетъ. Тутъ онъ говоритъ, что ему 83-й годъ, что онъ служилъ на той землѣ, о которой идетъ споръ, уже не юношей, а на 20 году службы, во время войны у Коріолъ. Итакъ по этому дѣлу, забытому вслѣдствіе давности, но хорошо ему памятному, онъ заявляетъ, что спорное поле принадлежало коріоланцамъ, а по взятіи Коріолъ, на основаніи военнаго права, стало собственностью римскаго народа. Удивительно ему, съ какими это глазами ардеаты и ариційцы надѣются отнять у римскаго народа, сдѣлавъ его вмѣсто хозяина судьей, поле, на которое никогда не предъявляли своихъ правъ, пока Коріолы были независимы. Немного ему осталось жить; однако онъ не могъ заставить себя на старости лѣтъ отказаться отъ защиты и словомъ, этимъ единственнымъ доступнымъ для него средствомъ, того поля, которое онъ завоевалъ, по мѣрѣ силъ своихъ, когда былъ воиномъ. Поэтому усердно совѣтуетъ онъ народу не рѣшать дѣла въ ущербъ собственному праву изъ-за безполезной стыдливости. **72.** Консулы, видя, что Скаптія слушаютъ не только молча, но даже съ видимымъ сочувствіемъ, призывая въ свидѣтели боговъ и людей, что готовится страшное преступленіе, требуютъ главнѣйшихъ отцовъ. Съ ними они

обходятъ трибы, просятъ не допускать позорнѣйшаго преступленія, обращая въ свою пользу спорный предметъ, и тѣмъ подавая дурной примѣръ; если бы даже судья былъ въ правѣ заботиться о собственной выгодѣ, то отнятіе поля далеко не принесетъ столько выгоды, сколько вреда причинитъ отчужденіе обиженныхъ союзниковъ. Ущербъ, наносимый доброму имени и довѣрію, стоитъ выше оцѣнки; объ этомъ разскажутъ дома послы, молва распространится, узнаютъ о томъ союзники, узнаютъ враги; какое огорченіе для первыхъ, какая радость для вторыхъ! Или они думаютъ, что сосѣдніе народы припишутъ это дѣло Скаптію, таскающемуся по собраніямъ старику? Скаптій прославится этимъ подвигомъ; а римскій народъ будутъ считать обвинителемъ ради корысти и обманно овладѣвающимъ непринадлежащей ему спорной вещью. Какой судья въ частномъ спорѣ присудилъ бы себѣ спорную вещь? Самъ Скаптій не сдѣлалъ бы этого, хотя совѣсть его совсѣмъ уже заглохла. Такъ говорили консулы, такъ говорили отцы; но сильнѣе оказалась жадность и вызвавшій ее Скаптій. Приглашенныя трибы произнесли судъ, что поле принадлежитъ римскому народу. И писатели утверждаютъ, что то же самое случилось бы, если бы они обратились къ суду другихъ; тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ нѣтъ настолько правоты, чтобы ею искуплялось позорное рѣшеніе. И римскіе патриціи признали это дѣло столь же позорнымъ и обиднымъ, какъ и ариційцы съ ардеатами[1]). Остальная часть года прошла спокойно, безъ волненій въ городѣ и безъ внѣшнихъ войнъ.

---

[1]) Приговоръ приписывается плебеямъ, хотя выгода отъ пріобрѣтенія спорнаго участка была всецѣло на сторонѣ патриціевъ.

КНИГА IV.

---

309 г. **1.** Затѣмъ слѣдовали консулы М. Генуцій и Г. Курцій. То былъ годъ тревожный какъ внутри, такъ и внѣ государства. Въ самомъ началѣ его народный трибунъ Г. Канулей обнародовалъ законопроектъ о разрѣшеніи законныхъ браковъ между патриціями и плебеями, который, по мнѣнію патриціевъ, долженъ былъ повлечь за собою оскверненіе крови ихъ и смѣшеніе родовыхъ правъ. Вмѣстѣ съ этимъ трибуны возбудили вопросъ, сначала скромно, о дозволеніи избирать одного консула изъ плебеевъ, а потомъ дѣло дошло до того, что девять трибуновъ обнародовали законопроектъ о предоставленіи народу власти избирать консуловъ по своему усмотрѣнію, изъ плебеевъ ли то, или изъ патриціевъ. Патриціи же были того мнѣнія, что, съ утвержденіемъ подобнаго закона, высшая власть не только раздѣлится съ людьми низшаго сословія, но она прямо перейдетъ отъ первыхъ лицъ въ государствѣ къ плебеямъ. Поэтому-то они обрадовались, услышавъ объ отпаденіи ардатскаго народа, обиженнаго отнятіемъ у него земли, объ опустошеніи пограничныхъ римскихъ полей вейентами и о волненіи вольсковъ и эквовъ, по поводу возведенія укрѣпленій вокругъ города Верруго: до такой степени патриціи предпочитали хотя бы и несчаст-

ную войну унижающему ихъ достоинство миру. Итакъ, преувеличивъ еще болѣе слухи о грозящихъ опасностяхъ, съ цѣлью заставить трибуновъ замолкнуть съ своими требованіями среди шума столькихъ войнъ, сенатъ приказываетъ произвести наборъ и заготовить необходимое для войны оружіе, не щадя средствъ, а еслибы оказалось возможнымъ, то и съ большимъ напряженіемъ силъ, чѣмъ то было въ консульство Т. Квинктія. Тогда Г. Канулей въ короткихъ словахъ громко объявилъ въ сенатѣ, что консулы напрасно стращаютъ плебеевъ, стараясь отклонить ихъ отъ заботы о новыхъ законопроектахъ; что при жизни его они никогда не произведутъ набора, пока плебеи не утвердятъ обнародованныхъ имъ и его коллегами проектовъ,—и за симъ немедленно созвалъ народъ на собраніе.

2. Одновременно, и консулы возбуждали сенатъ противъ трибуна, и трибунъ возбуждалъ народъ противъ консуловъ. Консулы говорили, что нѣтъ уже силъ дольше сносить неистовства трибуновъ; что дѣло дошло уже до крайнихъ предѣловъ; что внутри государства возбуждается больше войны, чѣмъ внѣ его; и въ этомъ виноваты столько же патриціи, сколько плебеи, столько же консулы, сколько трибуны; разъ что-либо въ государствѣ награждается, то всегда развивается съ наибольшимъ успѣхомъ: этимъ объясняется появленіе достойныхъ людей въ мирное время, этимъ-же объясняется появленіе подобныхъ людей и на полѣ брани; что въ Римѣ высшія награды даются за мятежи, и они всегда служили источникомъ почета какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для всѣхъ вообще. Пусть припомнятъ, какое величіе сената они сами унаслѣдовали отъ отцовъ, и подумаютъ, какое передадутъ своимъ дѣтямъ, и какъ плебеи могутъ похваляться, что они усилились и пріобрѣли большій почетъ. Слѣдовательно, нѣтъ конца смутамъ и не будетъ, пока почетъ виновниковъ мятежей

будетъ соотвѣтствовать степени удачи ихъ. Какія же и сколь важныя дѣла задумалъ Г. Канулей? Онъ задумалъ произвести смѣшеніе родовъ, внести разстройство въ государственныя и частныя ауспиціи [1]), чтобы не оставалось ничего чистаго, ничего незапятнаннаго, чтобы, устранивъ всякое различіе, никто не узнавалъ ни себя, ни своихъ. Вѣдь какое-же иное значеніе имѣютъ смѣшанные браки, какъ не то, чтобы, чуть не на подобіе дикихъ звѣрей, плебеи и патриціи вступали во взаимныя сожительства? чтобы родившійся отъ такого брака, полупатрицій-полуплебей, человѣкъ, находящійся въ разладѣ даже самъ съ собой, не зналъ, какой онъ крови, какія священнодѣйствія онъ долженъ совершать [2])? Имъ кажется маловажнымъ, что они вносятъ безпорядокъ во всѣ божескія и человѣческія установленія: возмутители черни добираются уже до консульства. И раньше, ограничиваясь разговорами, они дѣлали попытки только къ тому, чтобы одинъ консулъ избирался изъ плебеевъ; а теперь предлагаютъ законопроектъ о предоставленіи народу права избирать консуловъ, изъ кого онъ захочетъ, изъ патриціевъ ли то, или изъ плебеевъ. А изъ плебеевъ, конечно, они имѣютъ въ виду выбирать самыхъ отчаянныхъ бунтовщиковъ: значитъ, консулами будутъ Канулеи и Ициліи. Да не допуститъ же всеблагой и всемогущій Юпитеръ, чтобы власть съ ея царственнымъ величіемъ пала такъ низко! И они, консулы, готовы скорѣе тысячу разъ умереть, чѣмъ допустить такое великое униженіе. Они увѣрены, что и предки, еслибы только могли предвидѣть, что отъ всевозможныхъ уступокъ плебеи не сдѣлаются покорнѣе въ отношеніи къ нимъ, а будутъ, послѣ первой удачи, все упрямѣе, предъявляя одни за другими, болѣе и болѣе несправедливыя требованія, — съ перваго же раза предпочли бы вступить въ какую угодно борьбу, чѣмъ допустить наложеніе на себя ига подобныхъ законовъ. Но, разъ въ ту пору была сдѣлана уступка относительно трибуновъ, уступили и вторично, и это безъ конца. Совмѣстное существованіе въ одномъ и томъ же государствѣ народныхъ трибуновъ и патриціевъ невозможно: необходимо упразднить или это сословіе, или эту магистратуру, и лучше поздно, чѣмъ никогда, преградить дорогу дерзости и безразсудству. Неужели допускать, чтобы они, сѣя безнаказанно раздоры, сначала возбуждали сосѣдей къ войнамъ, а потомъ не давали государству вооружаться на защиту отъ войнъ, ими же затѣянныхъ? и допускать ли, чтобы они, чуть не призвавъ сами враговъ, не позволяли набирать войска противъ этихъ враговъ? допускать ли, напротивъ, чтобы Канулей дерзко, словно побѣдитель, заявлялъ въ сенатѣ, что онъ не дастъ производить наборъ воиновъ, если сенаторы не согласятся на принятіе законопроектовъ? что-же это такое, какъ не грозить, что онъ предастъ отечество, что онъ допуститъ его осаду и плѣненіе? сколько мужества подобное заявленіе придаетъ не плебеямъ римскимъ, а вольскамъ, эквамъ и вейентамъ? развѣ эти враги, имѣя предводителемъ Канулея, не станутъ надѣяться на возможность взобраться на Капитолій и въ кремль? если трибуны, вмѣстѣ съ отнятіемъ права и величія у сенаторовъ, не лишили ихъ и мужества, то консулы раньше готовы выступить вождями противъ преступности гражданъ, чѣмъ противъ вражескаго оружія.

3. Въ то именно время, когда въ сенатѣ раздавались такія рѣчи, Канулей, защищая свои законопроекты и возражая консуламъ, произнесъ слѣдующую рѣчь:

[1]) Ауспиціи (гаданія) были государственныя и частныя, смотря потому, касались ли они государства, или частныхъ лицъ. Право совершать эти ауспиціи принадлежало въ ту пору исключительно патриціямъ.

[2]) Каждая фамилія имѣла свои особыя наслѣдственныя священнодѣйствія.

„до какой степени, квириты, презираютъ васъ патриціи, сколь недостойнымъ считаютъ сожительство ваше вмѣстѣ съ собою въ одномъ городѣ, за однѣми и тѣми же стѣнами, это, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, я не разъ замѣчалъ и раньше, но теперь особенно, потому что съ такимъ неистовствомъ они возстали противъ нынѣшнихъ нашихъ предложеній, которыми мы желаемъ напомнить только о томъ, что мы ихъ сограждане, и что, если мы и не располагаемъ одинаковыми богатствами, то все-же живемъ въ одномъ и томъ же отечествѣ. Однимъ предложеніемъ мы добиваемся права заключать законные браки, какое въ обычаѣ предоставлять сосѣдямъ и чужеземцамъ: по крайней мѣрѣ, давали же мы права гражданства, значащія больше права заключать законные браки, даже побѣжденнымъ врагамъ. Другимъ предложеніемъ мы не вносимъ ничего новаго, а требуемъ и стараемся получить только то, что принадлежитъ римскому народу, а именно: предоставленія ему права давать почетныя должности тому, кому онъ хочетъ. Къ чему же тутъ приводить въ смятеніе небо и землю? къ чему это чуть не въ самомъ сенатѣ сейчасъ бросаться на меня, говорить, что они дадутъ волю рукамъ, заявлять, что они готовы оскорбить неприкосновенную власть [1])? Если римскому народу дать право свободно подавать голосъ за предоставленіе консульства тому, кому онъ хочетъ, и если у плебея, въ случаѣ онъ окажется достойнымъ высшей почести, не отнимать надежды на достиженіе высшей должности, то неужели отъ этого нашъ городъ не будетъ въ состояніи существовать? неужели тутъ конецъ его владычеству? и вопросъ, быть ли плебею консуломъ, развѣ равносиленъ тому, какъ если бы кто сказалъ, что консуломъ будетъ

1) Особа трибуна считалась священной и неприкосновенной; ср. III 55 и примѣч.

рабъ или вольноотпущенникъ? Чувствуете ли вы, въ какомъ униженіи живете? они отняли бы у васъ долю свѣта дневного, если бы только это было возможно. Что вы дышете, что подаете голосъ, что носите человѣческій образъ,—они и на это негодуютъ, даже больше, если то угодно богамъ: они говорятъ, что назначеніе плебея консуломъ есть преступленіе противъ религіи. Заклинаю васъ! если мы не имѣемъ доступа къ фастамъ [1]) и къ комментаріямъ понтификовъ [2]), то неужели мы не знаемъ и того, что знаютъ даже всѣ иностранцы, именно: что консулы наслѣдовали царямъ, и что они не имѣютъ ни въ своихъ правахъ, ни въ своемъ величіи такихъ преимуществъ, какихъ раньше не было у царей? Даете ли вы когда-либо вѣру доходившимъ до васъ слухамъ, что Нума Помпилій, не будучи не только патриціемъ, но даже римскимъ гражданиномъ, былъ призванъ изъ земли сабинской и царствовалъ въ Римѣ по повелѣнію народа и съ утвержденія отцовъ? что потомъ Л. Тарквиній, не будучи не только римскаго, но даже и италійскаго происхожденія, сынъ коринѳянина Демарата, переселенецъ изъ Тарквиній, сдѣлался царемъ, хотя сыновья Анка были живы? что послѣ него Сервій Туллій, родившійся отъ корникульской плѣнницы, отъ неизвѣстнаго отца и матери-рабыни, достигъ царской власти, благодаря своимъ талантамъ и доблести? что мнѣ сказать о сабинянинѣ Т. Таціи, съ которымъ самъ Ромулъ, основатель города, раздѣлилъ царскую власть? выходитъ, что римское государство возвеличилось за то время, когда никакое происхожденіе человѣка,

1) Въ фасты заносились имена высшихъ должностныхъ лицъ и государственные акты.

2) Комментаріи понтификовъ, такъ назывались книги, находившіяся въ завѣдываніи верховнаго жреца, который заносилъ въ нихъ событія каждаго года.

въ которомъ обнаруживались доблестныя качества, не вызывало чувства гадливости. Выражайте теперь неудовольствіе изъ-за плебейнаго консула, послѣ того какъ наши предки не брезгали пришлыми царями, когда даже и по изгнаніи царей городъ не былъ запертъ для чужеземной добродѣтели! По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что послѣ изгнанія царей Клавдіевъ родъ, происходившій изъ сабинянъ, мы не только приняли въ число гражданъ, но и въ число патриціевъ. Значитъ, иностранца можно сдѣлать патриціемъ, а потомъ и консуломъ; а римскому гражданину будетъ прегражденъ доступъ къ консульству въ случаѣ, если онъ плебейскаго происхожденія? Не вѣримъ ли мы, наконецъ, въ возможность встрѣтить между плебеями мужественнаго и энергичнаго человѣка, достойнаго въ мирное время и на полѣ битвы, въ родѣ Нумы, Л. Тарквинія, Сервія Туллія,—или же мы и въ томъ случаѣ, еслибы такой человѣкъ оказался, не позволимъ ему стать у кормила правленія, и скорѣе готовы имѣть консуловъ, похожихъ на децемвировъ, самыхъ гадкихъ въ мірѣ людей, которые, однако, всѣ были изъ патриціевъ, чѣмъ консуловъ, похожихъ на самыхъ лучшихъ изъ царей, хотя-бы то были „новые" люди [1]). **4**. Но вѣдь, скажутъ: „послѣ изгнанія царей никто изъ плебеевъ не былъ консуломъ"! Что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели не должно вводить ни одного новаго учрежденія, и неужели потому только, что раньше не дѣлалось (а вѣдь въ новомъ народѣ еще многое не сдѣлано), не подобаетъ дѣлать даже и того, что полезно? Понтификовъ, авгуровъ въ царствованіе Ромула вовсе не было: они были избраны Нумой Помпиліемъ. Ценза въ государствѣ и дѣленія гражданъ на центуріи и классы не было: его ввелъ Сервій Туллій. Консуловъ раньше никогда не было: они были избраны послѣ изгнанія царей. Что касается диктатора, то не было ни власти его, ни самаго этого слова: отцы наши положили начало ей. Народныхъ трибуновъ, эдиловъ, квесторовъ вовсе не было: рѣшили учредить эти должности. Въ эти послѣднія десять лѣтъ мы назначили децемвировъ для составленія писанныхъ законовъ, мы же и устранили ихъ въ интересахъ государства. Кто сомнѣвается, что въ городѣ, основанномъ на вѣки вѣчные, расширяющемся безъ конца, понадобится учредить новыя власти, новые жреческіе саны, новыя права родовъ и отдѣльныхъ лицъ? Самое запрещеніе законныхъ браковъ между патриціями и плебеями не децемвиры ли внесли за эти нѣсколько лѣтъ на гибель государства, причинивъ вмѣстѣ съ тѣмъ величайшую обиду плебеямъ? Или можетъ быть еще какое-нибудь большее или болѣе бросающееся въ глаза униженіе, чѣмъ считать недостойною права на законный бракъ часть гражданской общины словно зараженную? не значитъ ли это терпѣть изгнаніе, оставаясь жить за однѣми и тѣми же стѣнами, не значитъ ли это терпѣть ссылку? они боятся свойства съ ними, боятся родства, опасаются смѣшенія крови! Однако, что-же? Если это смѣшеніе крови оскверняетъ пресловутую вашу знатность, которою вы, большею частью выходцы изъ албанцевъ и сабинянъ, располагаете не по общественному положенію и не по крови, но чрезъ принятіе въ сословіе патриціевъ, будучи зачислены въ это сословіе либо царями, либо, послѣ изгнанія этихъ послѣднихъ, волею народа,—развѣ вы не могли сохранить свою знатность въ чистотѣ частными мѣрами, т. е. не женясь на плебеянкѣ и не позволяя своимъ дочерямъ и сестрамъ выходить замужъ не за патриціевъ? Ни одинъ плебей не причинилъ бы насилія дѣвушкѣ патриціанкѣ: эта похотливость свойственна патриціямъ. Никто и никого не понудилъ бы заключить брачный договоръ противъ его воли. Но запрещать то закономъ и

---

[1]) См. гл. 48 примѣч.; ср. I 34 примѣч.

возбранять заключеніе законнаго брака между патриціями и плебеями,—вотъ что собственно оскорбляетъ плебеевъ. Вѣдь почему вы не вносите предложенія, чтобы бракъ не заключался между богатыми и бѣдными? Что всегда и вездѣ было дѣломъ личныхъ соображеній—выходъ замужъ той или иной женщины въ подходящую для нея семью и женитьба мужчины на дѣвушкѣ изъ семейства, съ которымъ онъ вступитъ въ соглашеніе,—эту свободу выбора вы связываете оковами въ высшей степени высокомѣрнаго закона, которымъ вы хотите разъединить гражданскую общину, сдѣлать два государства изъ одного. Почему же вы не налагаете нерушимаго запрещенія жить плебею по сосѣдству съ патриціемъ, ходить по одной и той же дорогѣ, быть на одномъ и томъ же пиру, стоять на одномъ и томъ же форумѣ? вѣдь развѣ въ сущности это не то же, что женитьба патриція на плебеянкѣ, плебея на патриціанкѣ? въ чемъ тутъ наконецъ измѣненіе права? конечно дѣти наслѣдуютъ положеніе отца. И въ томъ, что мы ищемъ права на законный бракъ съ вами, нѣтъ ничего, кромѣ желанія считаться въ числѣ людей, считаться въ числѣ гражданъ; и для вашихъ возраженій нѣтъ никакихъ основаній, если не предполагать, что вамъ просто пріятно унижать и позорить насъ". **5.** „Словомъ, римскому ли народу, наконецъ, принадлежитъ верховная власть, или вамъ? съ изгнаніемъ царей пріобрѣтено ли для васъ господство, или для всѣхъ равная свобода? необходимость требуетъ разрѣшить народу римскому утвердить законопроектъ, если онъ того хочетъ. Или, быть можетъ, вы, всякій разъ, какъ будетъ обнародованъ какой бы то ни было законопроектъ, будете издавать, въ видѣ наказанія, указъ о наборѣ воиновъ, и лишь только я, трибунъ, начну приглашать трибы къ подачѣ голосовъ, ты, консулъ, тотчасъ станешь приводить къ присягѣ юношей и выводить ихъ въ лагерь, будешь грозить плебеямъ, будешь грозить трибуну? и что бы вамъ помѣшало прибѣгнуть къ подобной мѣрѣ, если бы вы уже дважды[1]) не испробовали, что значатъ эти угрозы противъ единодушія плебеевъ? Вы, конечно, скажете, что воздержались отъ борьбы единственно потому, что желали соблюсти наши интересы! а не потому ли дѣло не дошло до боя, что сильнѣйшая сторона оказалась въ то же время и уступчивѣе? Но и теперь дѣло не дойдетъ до борьбы, квириты: они постоянно будутъ испытывать терпѣніе ваше, но силъ вашихъ пробовать не станутъ. Итакъ, консулы, плебеи готовы для васъ идти на эти войны, вымышлены ли онѣ, или справедливы, но только подъ тѣмъ условіемъ, если вы, допустивъ право на законные браки, сдѣлаете наконецъ наше государство единымъ, если плебеямъ можно будетъ сростись, можно будетъ тѣсно соединиться узами частнаго родства съ вами, если людямъ энергичнымъ и мужественнымъ будетъ дана надежда, будетъ данъ доступъ къ почестямъ; если имъ будетъ дозволено быть сотоварищами, быть соучастниками въ управленіи государствомъ, если, благодаря годичнымъ срокамъ магистратуръ, дозволено будетъ имъ поперемѣнно повиноваться и повелѣвать, что собственно и составляетъ признакъ равноправной свободы. Но, если кто-нибудь станетъ этому препятствовать, толкуйте о войнахъ и преувеличивайте ихъ молвою, никто не станетъ записываться въ воины, никто не возмется за оружіе, никто не будетъ сражаться за надменныхъ господъ, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго ни въ дѣлахъ государства въ отношеніи почестей, ни въ дѣлахъ частныхъ въ отношеніи права на законный бракъ".

---

1) Рѣчь идетъ объ удаленіи плебеевъ на Священную гору въ 260 г. (см. II 32) и другой разъ на гору Авентинскую, въ 305 г. (III 305 и слд).

6. Когда въ свою очередь и консулы выступили въ народное собраніе, и дѣло отъ связныхъ рѣчей перешло въ пререканія, тогда на вопросъ трибуна: почему плебею не подобаетъ быть консуломъ? былъ данъ отвѣтъ, хоть, можетъ быть, и основательный, но принесшій мало пользы въ настоящемъ спорѣ: потому-де, что ни одинъ плебей не имѣетъ права совершать ауспиціи, и что вслѣдствіе этого и децемвиры рѣшительно воспретили бракъ между двумя сословіями, чтобы не нарушался порядокъ ауспицій отъ участія въ нихъ лицъ сомнительнаго происхожденія. Негодованію плебеевъ не было границъ вслѣдствіе того главнымъ образомъ, что считали невозможнымъ разрѣшить имъ совершать ауспиціи, какъ будто они ненавистны безсмертнымъ богамъ. И, благодаря тому, что плебеи нашли въ трибунѣ горячаго борца за законопроектъ, да къ тому же и сами не уступали ему въ настойчивости, споры кончились только тогда, когда патриціи, вынужденные наконецъ уступить, согласились на внесеніе предложенія о правѣ на законный бракъ, въ томъ главнымъ образомъ расчетѣ, что, вслѣдствіе этой уступки, трибуны или вовсе откажутся отъ борьбы за плебейскихъ консуловъ, или будутъ ждать окончанія войны, а плебеи, удовольствовавшись на этотъ разъ полученіемъ права на законный бракъ съ патриціями, не откажутся отъ набора. Но, видя, какое громадное значеніе пріобрѣлъ Канулей своею побѣдою надъ патриціями и расположеніемъ къ нему плебеевъ, другіе трибуны тоже, подъ вліяніемъ соревнованія, вступаютъ со всею энергіей въ борьбу за свой законопроектъ и противодѣйствуютъ набору воиновъ, несмотря на то, что слухи о войнѣ росли съ каждымъ днемъ. Консулы же, лишенные всякой возможности, вслѣдствіе трибунскихъ протестовъ, дѣйствовать черезъ сенатъ, стали на дому собирать старшихъ сенаторовъ и тамъ совѣщаться съ ними. Всѣ ясно видѣли, что имъ

приходится отказаться отъ побѣды или въ пользу враговъ, или въ пользу гражданъ. Изъ бывшихъ консуловъ въ этихъ совѣщаніяхъ не принимали участія только Валерій и Гораций. Г. Клавдій въ своемъ мнѣніи высказывался за то, чтобы консулы вооружились противъ трибуновъ; но оба Квинктія, Цинциннатъ и Капитолійскій, высказывались противъ убійства и оскорбленія лицъ, которыхъ по заключенному съ плебеями договору они признали неприкосновенными. Результатомъ этихъ совѣщаній было позволеніе избирать военныхъ трибуновъ съ консульскою властью совмѣстно изъ патриціевъ и плебеевъ; касательно же избранія консуловъ рѣшено было оставить все безъ перемѣны. Этимъ удовлетворились трибуны, удовлетворились и плебеи. Назначается день комицій для избранія трехъ трибуновъ съ консульскою властью. Когда эти комиціи были назначены, тотчасъ всѣ, кто только когда-либо словомъ или дѣломъ хоть сколько-нибудь проявилъ себя мятежникомъ, а въ особенности бывшіе трибуны, облекшись въ одежду кандидатовъ, стали приставать къ гражданамъ съ просьбами подавать за нихъ голоса и при этомъ бѣгали по всему форуму, такъ что патриціи держались въ сторонѣ сначала только вслѣдствіе неувѣренности получить должность, такъ какъ плебеи были настроены противъ нихъ, но потомъ и вслѣдствіе негодованія, при мысли, что имъ придется отправлять должность съ подобными людьми. Въ концѣ концовъ, однако, уступая настоянію вліятельнѣйшихъ людей, патриціи выступили въ качествѣ соискателей, изъ боязни, чтобы не подумали, что они отказались руководить дѣлами государства. Исходъ этихъ комицій показалъ, что одно настроеніе господствуетъ во время борьбы за свободу и почетъ, другое послѣ прекращенія борьбы, когда сужденіе не омрачено уже страстью; въ самомъ дѣлѣ, народъ, довольный уже тѣмъ, что плебеи приняты во вниманіе, всѣхъ трибу-

новъ выбралъ изъ патриціевъ. Гдѣ теперь можно было бы найти даже у одного человѣка такую скромность, безпристрастіе и великодушіе, какія были тогда у цѣлаго народа въ совокупности?

310 г. **7.** Черезъ триста десять лѣтъ послѣ основанія Рима въ первый разъ вступаютъ въ должность военные трибуны вмѣсто консуловъ; то были А. Семпроній Атратинъ, Л. Атилій и Т. Цецилій. Господствовавшее во время ихъ управленія внутреннее согласіе доставило государству и внѣшній миръ. Нѣкоторые историки говорятъ, не упоминая при этомъ о законопроектѣ касательно избранія консуловъ изъ плебеевъ, что поводомъ къ назначенію трехъ военныхъ трибуновъ, съ предоставленіемъ имъ консульской власти и знаковъ ея, послужило то обстоятельство, что одновременно съ войной противъ эквовъ и вольсковъ и съ отложеніемъ ардеатовъ совпала война съ вейентами, и что два консула не могли справиться разомъ со столькими войнами. Во всякомъ случаѣ, эта магистратура не имѣла прочнаго основанія уже по одному тому, что черезъ три мѣсяца по вступленіи своемъ въ должность трибуны, согласно декрету авгуровъ[1]), должны были сложить ее съ себя, какъ избранные ненадлежаще, такъ какъ-де Г. Курцій, предсѣдательствовавшій на ихъ комиціяхъ, неправильно разбилъ палатку.

Въ ту пору изъ Ардеи въ Римъ пришли послы съ жалобами на обиду, изъ которыхъ видно было, что съ устраненіемъ этой обиды, ардеаты останутся въ союзѣ

1) Выборы должностныхъ лицъ сопровождались совершеніемъ гаданій (ауспицій), при чемъ на обязанности коллегіи жрецовъ-авгуровъ лежало наблюденіе за строгимъ исполненіемъ всѣхъ положенныхъ на этотъ случай обрядовъ, и если, послѣ выборовъ, являлось сомнѣніе на счетъ полной правильности совершенія ауспицій, то авгуры, по собственной ли иниціативѣ, или по требованію сената либо магистрата, разслѣдовали дѣло и затѣмъ формулировали свое мнѣніе, которое и называлось декретомъ.

и въ дружбѣ съ Римомъ, стоитъ только возвратить имъ отнятыя у нихъ земли. Сенатъ далъ посольству отвѣтъ, что онъ не можетъ отмѣнить рѣшеніе суда народа, просто ради сохраненія согласія между сословіями, не говоря уже о томъ, что подобная отмѣна не могла бы оправдываться никакимъ ни примѣромъ, ни правомъ; если ардеатамъ угодно выждать благопріятнаго для себя момента, и если они предоставятъ сенату самому обсудить мѣры къ облегченію нанесенной имъ обиды, то впослѣдствіе они не будутъ раскаяваться въ своемъ миролюбіи и поймутъ, что сенатъ одинаково заботится, какъ объ огражденіи ихъ отъ обиды, такъ и о томъ, чтобы, разъ нанесенная, она не оставалась долгое время не заглаженною. Итакъ послы были обласканы и удалились, послѣ того какъ заявили, что они доложатъ дѣло своимъ согражданамъ, не предрѣшая на этотъ счетъ ихъ мнѣнія.

Между тѣмъ, такъ какъ государство оставалось безъ курульной магистратуры, то патриціи собрались и избрали междуцаря. Въ государствѣ много дней продолжалось междуцарствіе вслѣдствіе споровъ о томъ, выбирать ли консуловъ, или военныхъ трибуновъ. Междуцарь и сенатъ стояли за открытіе комицій консульскихъ; а народные трибуны и плебеи — за комиціи военнотрибунскія. Верхъ одержали отцы какъ потому, что плебеи не желали вести борьбы попусту, имѣя въ виду предоставить патриціямъ все равно ту или другую должность, такъ и потому, что вліятельнѣйшіе изъ плебеевъ предпочитали комиціи, на которыхъ вовсе не будетъ допущена ихъ кандидатура, чѣмъ комиціи, на которыхъ ихъ могли бы обойти, какъ недостойныхъ. Къ тому же и трибуны народные отказались отъ безполезной борьбы и уступили вліятельнымъ отцамъ, поставивъ это себѣ въ заслугу передъ ними. Междуцарь Т. Квинктій Бородатый выбираетъ въ консулы Л. Папирія Мугилана и

Л. Семпронія Атратина. Въ ихъ консульство былъ возобновленъ договоръ съ ардеатами, который и служитъ единственнымъ памятникомъ, что въ этотъ годъ были эти консулы; ибо именъ ихъ нѣтъ ни въ древнихъ лѣтописяхъ, ни въ книгахъ магистратовъ. Такъ какъ годъ начался военными трибунами, то, какъ я думаю, имена замѣстившихъ ихъ консуловъ пропущены, какъ будто трибуны были въ должности круглый годъ. Лициній Макръ говоритъ, что имена упомянутыхъ консуловъ находятся и въ текстѣ договора съ ардеатами, а также еще и въ „полотняныхъ книгахъ" [1]), которыя хранятся при храмѣ Монеты [2]). Несмотря на столько войнъ, угрожавшихъ со стороны сосѣдей, миръ царилъ какъ внѣ, такъ и внутри государства.

311 г. **8**. За этимъ годомъ (имѣлъ ли онъ только трибуновъ, или также и консуловъ, замѣстившихъ трибуновъ) слѣдуетъ годъ съ несомнѣнными консулами, М. Геганіемъ Мацериномъ, отправлявшимъ консульство во второй разъ, и Т. Квинктіемъ Капитолійскимъ, отправлявшимъ консульство въ пятый разъ. Этотъ же годъ былъ и годомъ учрежденія цензуры, которая, начавшись съ малаго, впослѣдствіи времени, постепенно развиваясь, достигла такого великаго значенія, что ей ввѣрено было наблюденіе за правами и порядкомъ, обязательнымъ для римлянина: сенатъ и центуріи всадниковъ стали въ положеніе подчиненности этой магистратурѣ; она узаконяла различіе между хорошимъ и дурнымъ поступкомъ; право наблюденія за доходами римскаго народа съ общественныхъ и частныхъ мѣстъ находилось въ полномъ и неограниченномъ вѣдѣніи ея. Поводомъ же къ основанію цензуры послужило то обстоятельство, что имущество народа не подвергалось оцѣнкѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, вслѣдствіе чего ценза нельзя уже было откладывать, а между тѣмъ консуламъ затруднительно было выполнить это дѣло, въ виду предстоявшихъ войнъ съ столь многими народами. Въ сенатѣ зашла рѣчь о томъ, что дѣло сложное и совсѣмъ не подходящее для консула требуетъ особаго для себя должностного лица, въ вѣдѣніи котораго находилось бы письмоводство и забота о храненіи списковъ въ архивахъ, а равно и рѣшеніе вопроса о выработкѣ формы производства переписи. Хотя дѣло было само по себѣ и неважное, но сенаторы приняли его съ удовольствіемъ, желая увеличенія числа патриціанскихъ должностей въ государствѣ и разсуждая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ я думаю и какъ это и подтвердилось, что личная вліятельность людей, которые будутъ завѣдывать этимъ дѣломъ, не замедлитъ сообщить вѣсъ и блескъ самой должности. Да и трибуны, смотря на обязанности цензуры больше какъ на необходимыя, чѣмъ привлекательныя, какъ въ дѣйствительности тогда и было, не оказывали сопротивленія, не желая и въ мелочныхъ вещахъ выступать не кстати съ возраженіями. Такъ какъ вліятельнѣйшія въ государствѣ лица не интересовались этой должностью, то народъ большинствомъ голосовъ ввѣрилъ производство ценза Папирію и Семпронію, консульство которыхъ оспаривалось, чтобы этой магистратурой восполнить неполный годъ ихъ консульства. Отъ возложеннаго на нихъ дѣла они получили и наименованіе цензоровъ.

9. Во время этихъ событій въ Римѣ, изъ Ардеи пришли послы и, во имя стариннаго союза и возобновленнаго недавно договора, просили помощи своему, почти погибшему городу. Дѣйствительно, междоусобія не позволяли ардеатамъ наслаждаться плодами мира, въ которомъ они вполнѣ благоразумно старались жить съ римскимъ народомъ. Причина и начало этихъ междоусобій, по преданію, вызваны были соперничествомъ партій, ко-

[1]) Такъ назывались римскія лѣтописи, писанныя на холстѣ.
[2]) Наименованіе Юноны. При этомъ храмѣ чеканилась монета.

торыя служили и будутъ служить для большинства народовъ источникомъ гибели ихъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ внѣшнія войны, чѣмъ голодъ, эпидеміи и всѣ другія общественныя бѣдствія, которыя люди приписываютъ гнѣву боговъ, считая ихъ самыми ужасными. Была дѣвушка, плебейскаго рода, отличавшаяся чрезвычайною красотою, руки которой искали два молодыхъ человѣка: одинъ, того же сословія, что и дѣвушка, полагался на ея опекуновъ, принадлежавшихъ также къ сословію плебеевъ; другого, знатнаго, влекла къ дѣвушкѣ исключительно красота. Этотъ послѣдній находилъ опору въ знатныхъ гражданахъ, пристрастіе которыхъ къ молодому человѣку сдѣлало то, что раздоръ партій проникъ и въ домъ дѣвушки. Знатный былъ предпочтенъ матерью, желавшей своей дочери возможно болѣе блестящей партіи. Опекуны же выступили на защиту интересовъ своего претендента, руководимые и въ этомъ вопросѣ духомъ партіи. Когда дѣло не могло быть приведено къ окончательному рѣшенію семейнымъ образомъ, прибѣгли къ суду. По выслушаніи претензій матери и опекуновъ, судьи предоставляютъ матери право заключить бракъ по своему личному желанію. Но насиліе восторжествовало надъ судомъ: опекуны, окруженные людьми своей партіи, стали на форумѣ открыто кричать о несправедливости такого рѣшенія и, собравъ толпу, съ помощью ея насильно похищаютъ дѣвушку изъ дома матери. Противъ этой толпы собрался еще болѣе ожесточенный отрядъ знатныхъ, во главѣ съ оскорбленнымъ юношей. Происходитъ ожесточенный бой: плебеи были отбиты. Но въ этомъ случаѣ они оказались вовсе непохожими на плебеевъ римскихъ: вооружившись они вышли изъ города и, занявъ одинъ изъ холмовъ, стали огнемъ и мечемъ опустошать земли знатныхъ. Затѣмъ, усиливъ себя еще толпою всѣхъ ремесленниковъ, раньше не принимавшихъ участія въ

распрѣ, а теперь привлеченныхъ надеждою на добычу, они готовятся къ осадѣ и города. Возникаетъ настоящая война со всѣми ея ужасами, когда городъ былъ словно зараженъ бѣшенымъ изступленіемъ двухъ юношей, искавшихъ пагубнаго брака путемъ гибели отечества. Но обѣ партіи находили, что у нихъ мало своего оружія, мало своей войны, и вотъ, оптиматы [1]) призвали римлянъ для защиты осажденнаго города, а плебеи—вольсковъ для завоеванія вмѣстѣ съ ними Ардеи. Сначала пришли къ Ардеѣ вольски подъ предводительствомъ эква Клуилія и окружили валомъ городскія укрѣпленія. Лишь только объ этомъ дано было знать въ Римъ, какъ тотчасъ же консулъ М. Геганій выступилъ изъ города съ войскомъ и расположился лагеремъ на разстояніи трехъ тысячъ шаговъ [2]) отъ непріятеля, отдавъ приказъ воинамъ отдохнуть, такъ какъ день уже склонялся къ вечеру. Затѣмъ, въ четвертую стражу [3]) консулъ выступилъ и работа пошла такъ живо, что съ восходомъ солнца вольски увидѣли себя окруженными со стороны римлянъ болѣе сильными укрѣпленіями, чѣмъ тѣ, которыя они сами возвели вокругъ Ардеи. При этомъ консулъ съ другой стороны [4]) провелъ валъ къ самой стѣнѣ Ардеи, что бы въ этомъ мѣстѣ его сторонники могли имѣть сообщеніе съ нимъ.

10. Полководецъ вольсковъ, кормившій до того времени своихъ воиновъ не изъ запасовъ, заранѣе приготовленныхъ, но хлѣбомъ, который доставали день изо дня путемъ грабежа полей, оказался вдругъ безъ всякихъ средствъ продовольствія съ того времени, какъ

---

1) Оптиматами у римлянъ называлась партія знатныхъ, въ противоположность партіи народной, опредѣлявшейся словомъ populares народолюбцы,

2) Ср. примѣч. къ III 20.

3) Отъ 3 до 6 ч. у.; см. III 46 пр.

4) Т. е. не съ той, на которой находился его лагерь.

выходъ ему былъ загражденъ окопами. Поэтому, вызвавъ консула для переговоровъ, онъ заявилъ, что если римляне пришли для снятія осады, то онъ готовъ отступить съ войскомъ изъ-подъ Ардеи. На это консулъ возразилъ, что побѣжденные должны принимать, а не предлагать условія, и что вольскамъ не удастся уйти такъ же точно по своей доброй волѣ, какъ они пришли для осады союзниковъ римскаго народа. Онъ потребовалъ выдать полководца, положить оружіе, признать себя побѣжденными и подчиниться его волѣ. Въ противномъ случаѣ, будутъ ли уходить, или останутся на мѣстѣ, они найдутъ въ немъ немилосерднаго врага, который хочетъ вернуться въ Римъ съ побѣдою надъ вольсками, а не съ ненадежнымъ миромъ. Вольски, совершенно лишенные надежды на иную какую бы то ни было помощь, возложили слабую надежду на оружіе. Но, кромѣ всѣхъ другихъ неблагопріятныхъ условій, они очутились еще и на позиціи, невыгодной для сраженія и еще болѣе невыгодной для отступленія. Поэтому, когда ихъ стали рубить со всѣхъ сторонъ, они прекратили борьбу и обратились къ просьбамъ: выдавъ полководца и передавъ оружіе, они въ одной одеждѣ были посланы подъ иго и затѣмъ отпущены съ позоромъ, какъ понесшіе полное пораженіе. А когда остановились не далеко отъ Тускула, тускуланцы истребили ихъ окончательно, выместивъ на безоружныхъ свою старинную ненависть: едва остались въ живыхъ вѣстники этого пораженія. Послѣ этого, казнивъ главныхъ зачинщиковъ настоящаго движенія и конфисковавъ имущество ихъ въ пользу ардеатской казны, римляне водворили въ Ардеѣ спокойствіе, нарушенное смутами. Ардеаты находили, что римскій народъ такою великою услугою искупилъ несправедливость своего суда [1]), но сенатъ полагалъ, что еще не

[1]) См. III 71—72.

все сдѣлано для того, чтобы окончательно сгладить память объ алчности народа. Консулъ съ тріумфомъ возвратился въ Римъ, впереди колесницы шелъ вождь вольсковъ Клуилій, несли и доспѣхи, которые были сняты съ непріятельскихъ воиновъ предъ тѣмъ, какъ консулъ послалъ ихъ подъ иго.

Мирная дѣятельность консула Квинктія не уступала военной славѣ его товарища, чего не такъ легко достигнуть. Заслуга его состояла въ томъ, что онъ сумѣлъ сохранить внутренній миръ и согласіе, отдавая должное правамъ низшаго и высшаго, такъ что, насколько патриціи находили его суровымъ консуломъ, настолько плебеи—гуманнымъ. И противъ трибуновъ онъ дѣйствовалъ успѣшно не столько путемъ борьбы, сколько благодаря своему личному авторитету. Пять консульствъ, которыя онъ отправлялъ одинаковымъ образомъ, и вся жизнь его, проведенная достойнымъ консула образомъ, дѣлали его чуть ли не болѣе почтеннымъ, чѣмъ само званіе консула. Потому о военномъ трибунатѣ вовсе не возбуждался вопросъ въ годъ этихъ консуловъ.

11. Въ консулы избираются М. Фабій Вибуланъ и 312 г.
Постумъ Эбутій Горнистъ. Консулы Фабій и Эбутій, насколько большая, въ ихъ глазахъ, слава покрывала унаслѣдованные ими мирные и военные подвиги истекшаго года, особенно достопамятнаго, въ глазахъ сосѣдей, союзниковъ и враговъ, такою заботливою подачею помощи ардеатамъ на краю гибели ихъ государства, настолько съ большею настойчивостью, желая окончательно сгладить у людей память о постыдномъ судѣ, содѣйствовали изданію сенатскаго постановленія о посылкѣ въ ардеатскую общину, порѣдѣвшую отъ внутреннихъ смутъ, колонистовъ для вооруженной защиты Ардеи отъ вольсковъ. Оффиціально въ сенатское постановленіе были внесены именно эти соображе-

нія съ цѣлью скрыть отъ народа и трибуновъ задуманный планъ отмѣны рѣшенія суда. А между тѣмъ консулы согласились между собою внести въ списокъ колонистовъ значительно большее число рутуловъ, чѣмъ римлянъ, раздать земли только лишь тѣ, которыя были захвачены путемъ позорнаго суда, и на этихъ земляхъ ни одному римлянину не давать въ надѣлъ ни одной пяди поля раньше, чѣмъ оно не будетъ распредѣлено между всѣми рутулами. Такимъ способомъ земли вновь отошли къ ардеатамъ [1]). Тріумвирами [2]) для отвода колоніи въ Ардею были назначены Агриппа Мененій, Т. Клуилій Сициліецъ и М. Эбутій Гелва. Своею совсѣмъ непопулярною обязанностью, заключавшеюся въ надѣленіи союзниковъ землей, которую римскій народъ присудилъ себѣ, эти тріумвиры провинились передъ плебеями, а въ то же время и со стороны вліятельнѣйшихъ изъ патрицiевъ они также не пользовались полнымъ расположеніемъ, потому что не оказали никому никакой услуги; вслѣдствіе всего этого, когда трибуны назначили уже имъ день для явки на судъ народа, они остались жить въ колоніи, свидѣтельницѣ ихъ невинности и справедливости, и такимъ образомъ избѣжали непріятностей суда.

12. Миръ царилъ внутренній и внѣшній и въ этомъ
313 г. году, и въ слѣдующемъ, въ консульство Г. Фурія Пацила и М. Папирія Красса. Въ этотъ годъ были устроены игры, обѣщанныя, согласно сенатскому постановленію, децемвирами по случаю удаленія [3]) плебеевъ отъ патрицiевъ. Попытки Петелія найти поводъ къ смутамъ не привели ни къ чему; ибо, хотя онъ и былъ вторично избранъ въ народные трибуны именно за свои такія заявленія, однако внесенія консулами доклада въ сенатъ на счетъ надѣла плебеевъ землею вовсе не могъ

[1]) Ардея была столица рутуловъ.
[2]) См. I 26 пр. 3.
[3]) См. III 50 слд.

добиться, внесенія же на обсужденіе сената вопроса о томъ, открывать ли комиціи для выбора консуловъ, или комиціи для выбора военныхъ трибуновъ, хотя и добился съ большими усиліями, но послѣдовало распоряженіе объ избраніи консуловъ. При этомъ угрозы трибуна, заявлявшаго, что онъ не позволитъ произвести наборъ, были смѣшны, такъ какъ сосѣди держались спокойно, а потому не было надобности ни въ войнѣ, ни въ приготовленіяхъ къ ней.

За этимъ спокойнымъ годомъ слѣдовалъ годъ, въ 314 г.
консульство Прокула Геганія Мацерина и Л. Менения Ланата, отмѣченный множествомъ грозныхъ бѣдствій, смутами, голодомъ, едва не послѣдовавшимъ принятіемъ на себя ига царской власти изъ-за увлеченія щедрыми подачками. Недоставало только одного: внѣшней войны. А если бы къ затрудненіямъ государства присоединилась и она, то едва ли возможно было бы бороться даже при помощи всѣхъ боговъ. Бѣдствія начались съ голода; годъ ли былъ неурожайный, или причиною тому было пренебреженіе обработкой полей вслѣдствіе увлеченія городскими сходками (ссылаются на ту и на другую причину), только патриціи обвиняли народъ въ праздности, а народные трибуны объясняли причину бѣдствій то коварствомъ, то небрежностью консуловъ. Наконецъ трибуны, не встрѣчая возраженій со стороны сената, побудили народъ назначить префектомъ продовольствія Л. Минуція, который въ этой должности, какъ впослѣдствіи оказалось, былъ болѣе счастливымъ хранителемъ свободы, чѣмъ исполнителемъ обязанностей своей службы, хотя въ концѣ концовъ и за мѣры къ облегченію снабженія продовольствіемъ онъ заслужилъ вполнѣ справедливую какъ благодарность, такъ и славу. Онъ разослалъ множество посольствъ по морю и по сушѣ къ сосѣднимъ народамъ; но это ни къ чему не привело, потому что

только изъ Этруріи была доставлена небольшая партія хлѣба, и такимъ образомъ эта мѣра его не оказала никакого вліянія на нужды продовольствія; тогда онъ вернулся опять къ равномѣрному распредѣленію ничтожныхъ запасовъ, заставляя каждаго объявлять объ имѣвшемся у него хлѣбѣ и продавать остатокъ отъ мѣсячнаго потребленія, уменьшая вмѣстѣ съ тѣмъ дневную порцію пищи рабамъ, а также привлекая къ отвѣтственности хлѣбныхъ торговцевъ и отдавая ихъ на судъ разгнѣваннаго народа; но и строгими розысками онъ не столько облегчалъ размѣры нужды, сколько убѣждался въ существованіи ихъ, и многіе изъ простого народа, въ припадкѣ полнаго отчаянія, предпочитали, закрывъ себѣ голову, броситься въ Тибръ, чѣмъ влачить жизнь въ мученіяхъ.

13. Въ это время нѣкто Сп. Мелій, принадлежавшій къ сословію всадниковъ, человѣкъ по тому времени очень богатый, предпринялъ дѣло полезное, но подавшее пагубный примѣръ, таившее еще болѣе пагубное намѣреніе. Дѣло въ томъ, что онъ, скупивъ хлѣбъ въ Этруріи на частныя деньги при посредствѣ довѣренныхъ лицъ изъ знакомыхъ чужестранцевъ и кліентовъ, обстоятельство, которое тоже, по моему мнѣнію, послужило помѣхой государству въ заботахъ его объ облегченіи нуждъ продовольствія, учредилъ даровую раздачу этого хлѣба, и всюду, куда ни шелъ, бросался всѣмъ въ глаза, таща за собою, съ видомъ высокомѣрія, не соотвѣтствовавшаго положенію частнаго человѣка, толпу плебеевъ, очарованныхъ его щедростью и внушавшихъ ему своимъ расположеніемъ несомнѣнную надежду на полученіе консульства. Но самъ онъ, поскольку человѣческая душа не удовлетворяется тѣмъ, что сулитъ судьба, сталъ стремиться къ осуществленію болѣе высокихъ и въ то же время недозволенныхъ плановъ, и въ томъ расчетѣ, что все равно ему и консульство придется вырывать насильно у патриціевъ, сталъ помышлять о царскомъ тронѣ, полагая, что онъ будетъ единственной наградой, соотвѣтствующей такъ дорого стоящимъ замысламъ и борьбѣ, которую предстоитъ выдержать въ огромныхъ размѣрахъ. Комиціи для выборовъ консуловъ уже наступали; но они застигли Мелія, когда планы его дѣйствій не были еще окончательно рѣшены и недостаточно созрѣли. Въ консулы въ шестой разъ избранъ былъ Т. Квинктій Капитолійскій, человѣкъ, совершенно неудобный для затѣвающаго переворотъ. Въ товарищи Квинктію даютъ Агриппу Менѐнія, носившаго прозвище Ланата. Оставался префектомъ продовольствія и Л. Минуцій, будучи ли вновь выбранъ, или считаясь назначеннымъ на неопредѣленный срокъ, пока того будутъ требовать обстоятельства; извѣстно одно только, что въ числѣ магистратовъ обоихъ лѣтъ занесено было въ полотняныя книги и имя префекта. Этотъ Минуцій, выполняя тѣ же самыя обязанности отъ имени государства, исполненіе которыхъ Мелій взялъ на себя частнымъ образомъ, благодаря именно тому обстоятельству, что въ обоихъ домахъ вращались одни и тѣ же люди, обнаружилъ замыселъ и донесъ сенату, что въ домъ Мелія сносится оружіе, что онъ на дому собираетъ сходки, и что существуютъ несомнѣнные планы на счетъ водворенія царской власти; что время исполненія замысла еще не назначено, а на счетъ всего другого состоялось уже соглашеніе; что трибуновъ подкупомъ склонили предать свободу, и что распредѣлены между вожаками толпы роли; что онъ доноситъ объ этомъ едва-ли не позже, чѣмъ того требовала безопасность, только лишь изъ нежеланія сообщать что-либо невѣрное и неосновательное. По выслушаніи настоящаго донесенія, когда старшіе изъ сенаторовъ со всѣхъ сторонъ начали корить консуловъ предыдущаго года за допущеніе указываемой даровой раздачи хлѣба и сходокъ плебеевъ въ

частномъ домѣ, а новыхъ консуловъ за то, что они ждали, пока префектъ донесетъ сенату о такомъ важномъ дѣлѣ, которое отъ консула требовало не только своевременнаго сообщенія, но и кары,—тогда Квинктій заявилъ, что консулы не заслуживаютъ этихъ упрековъ, такъ какъ они, будучи связаны законами объ аппелляціи, отмѣняющими дѣйствія ихъ власти, насколько мужественны, настолько же, несмотря на свою должность, безсильны покарать это дѣло соразмѣрно всей преступности его. Нуженъ человѣкъ не только мужественный, но еще свободный и не связанный законами. Поэтому онъ намѣренъ назначить диктатора въ лицѣ Л. Квинктія, въ которомъ мужество соотвѣтствуетъ такой великой власти. Несмотря на то, что всѣ одобряли мнѣніе консула, Квинктій сначала отказывался, спрашивая, что они себѣ думаютъ, поручая человѣку въ такомъ преклонномъ возрастѣ, такую страшную борьбу. Но потомъ, когда со всѣхъ сторонъ стали говорить, что въ этой старческой душѣ больше, чѣмъ у всѣхъ прочихъ, не только разумной опытности, но и мужественной энергіи, и стали воздавать вполнѣ заслуженныя похвалы, а консулъ съ своей стороны продолжалъ настаивать, тогда только Цинциннатъ, обратившись къ безсмертнымъ богамъ съ молитвой, да не причинитъ его старость урона иль позора государству при такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, принимаетъ назначеніе отъ консула. Затѣмъ самъ назначаетъ себѣ въ начальники конницы Г. Сервилія Агалу.

14. На слѣдующій же день были разставлены караулы, и Цинциннатъ сходитъ на форумъ. Плебеи, изумленные неожиданностью событія, все свое вниманіе обратили на диктатора, тогда какъ соумышленники Мелія и самъ вождь ихъ понимали, что такая грозная власть направлена противъ нихъ. Съ другой стороны, люди, непричастные къ замысламъ захватить царскую власть,

спрашивали другъ друга, что за тревога, что за внезапная война поставила государство въ необходимость прибѣгнуть къ величію диктатуры, или назначить правителемъ Квинктія, старика за восемьдесятъ лѣтъ. Но въ это время [диктаторъ послалъ за Меліемъ начальника всадниковъ Сервилія,] который обратился къ Мелію съ словами: „Тебя зоветъ диктаторъ!“ Въ то время какъ на робкіе вопросы его, въ чемъ дѣло, Сервилій сообщалъ о необходимости держать отвѣтъ и смыть обвиненіе, предъявленное къ нему Минуціемъ въ сенатѣ, Мелій сталъ отступать въ толпу своихъ соумышленниковъ и сначала, озираясь безпокойно во всѣ стороны, отнѣкивался; когда же наконецъ служитель сталъ вести его, повинуясь приказанію начальника всадниковъ, онъ, тогда уже вырванный изъ рукъ служителя окружавшею толпою, сталъ убѣгать, взывая къ римскому народу о защитѣ и говоря, что за оказанное имъ благодѣяніе плебеямъ патриціи согласились погубить его; при этомъ просилъ подать ему помощь въ рѣшительную минуту и не допустить умерщвленія его на ихъ же глазахъ. Но Агалла Сервилій, догнавши Мелія, убиваетъ его въ то самое время, когда тотъ произносилъ эти восклицанія; затѣмъ, обрызганный кровью и окруженный толпою юношей-патриціевъ, онъ доноситъ диктатору, что Мелій, будучи позванъ къ нему, оттолкнулъ служителя, но понесъ заслуженную кару въ то время, какъ возмущалъ толпу. Тогда диктаторъ воскликнулъ: „Исполать тебѣ, Г. Сервилій, за твое мужество, такъ какъ ты освободилъ государство!“

15. Такъ какъ толпа стала послѣ этого волноваться, не зная, что думать о происшедшемъ, то диктаторъ приказалъ созвать народъ на собраніе и объявилъ, что если-бы даже Мелій оказался невиновнымъ въ посягательствѣ на царскую власть, онъ все-же убитъ на законномъ основаніи, такъ какъ не явился къ диктатору, несмотря

на зовъ начальника конницы; что онъ собирался судебнымъ порядкомъ разобрать дѣло, и по разслѣдованiи его Мелiя постигла бы заслуженная участь; а такъ какъ онъ хотѣлъ прибѣгнуть къ насилiю съ цѣлiю уклониться отъ суда, то и наказанъ насилiемъ же. Не приходилось обращаться какъ съ гражданиномъ съ этимъ человѣкомъ, который, родившись среди свободнаго народа, гдѣ дѣйствуютъ права и законы, въ городѣ, изъ котораго, какъ онъ зналъ, цари были изгнаны, гдѣ въ томъ же году были казнены отцомъ сыновья царской сестры и дѣти консула-освободителя за обнаруженный умыселъ возвратить въ городъ царей; въ городѣ, изъ котораго консулу Коллатину Тарквинiю вслѣдствiе ненавистнаго имени велѣно было сложить съ себя консульство и удалиться въ изгнанiе; въ городѣ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ послѣ того казненъ былъ Сп. Кассiй за одни только намѣренiя достигнуть царской власти; въ городѣ, въ которомъ недавно децемвиры за царскую гордость были наказаны конфискацiей имущества, изгнанiемъ, смертью, — возымѣлъ надежду сдѣлаться царемъ въ этомъ городѣ! Да и что это за человѣкъ? Хотя никакая знатность, никакiя почести, никакiя заслуги никому не открываютъ пути къ неограниченному господству, все-же Клавдiи, Кассiи, если свои помыслы и вознесли къ тому, что было преступно, сдѣлали это опираясь на свои консульства и децемвираты, на почести предковъ и блескъ своихъ фамилiй. Спурiй же Мелiй, которому и о трибунатѣ народномъ надо было больше мечтать, чѣмъ расчитывать на полученiе его, богатый хлѣбный торговецъ, надѣялся, что за два фунта полбы онъ купилъ свободу своихъ согражданъ и расчитывалъ, что, предлагая пищу, можно заманить въ рабство народъ, побѣдившiй всѣхъ сосѣдей; хотѣлъ, чтобы государство стало терпѣть въ качествѣ царя съ знаками власти и съ властью основателя Ромула, происходившаго отъ боговъ и опять при-

нятаго въ сонмъ боговъ, того человѣка, котораго оно едва могло бы переварить въ званiи сенатора. Не за преступленiе слѣдуетъ считать умыселъ тотъ, а скорѣе за нѣчто чудовищное, и кровью его онъ еще не вполнѣ искупленъ, если не будутъ разнесены кровъ и стѣны, за которыми зародилось такое безумiе, и если имущество, оскверненное цѣною покупки царской власти, не будетъ обращено въ собственность государства. Поэтому онъ приказываетъ квесторамъ продать имущество преступника и деньги обратить въ казну. **16**. Послѣ этого диктаторъ приказалъ немедленно разрушить домъ Мелiя, чтобы пустопорожнее мѣсто служило памятникомъ подавленiя преступной надежды. Мѣсто то получило наименованiе Эквимелiй [1]). Л. Минуцiй былъ награжденъ за воротами, называемыми porta Trigemina, позолоченнымъ быкомъ [2]), безъ возраженiй даже и со стороны плебеевъ, потому что онъ приказалъ раздѣлить между ними принадлежавшiй Мелiю хлѣбъ, назначивъ ассъ [3]) за модiй [4]). У нѣкоторыхъ историковъ я нахожу извѣстiе, что этотъ Минуцiй перешелъ изъ сословiя патрицiевъ въ сословiе плебеевъ и, принятый тамъ одиннадцатымъ въ коллегiю трибуновъ, прекратилъ возстанiе, бывшее слѣдствiемъ убiенiя Мелiя. Однако, едва ли вѣроятно, чтобы патрицiи допустили увеличенiе числа трибуновъ, и особенно, чтобы подобное нововведенiе исходило отъ человѣка-патрицiя; едва ли вѣроятно также и то, чтобы плебеи, разъ было допущено такое нововведенiе, не удержали его, или, по крайней мѣрѣ,

---

¹) Такъ называлось пустое мѣсто близъ Капитолiя, служившее во время Цицерона рынкомъ для продажи скота и своимъ названiемъ напоминавшее о мятежномъ Мелiи.

²) Было въ обычаѣ, въ знакъ награды, золотить рога быка, предназначеннаго награжденнымъ для принесенiя въ жертву.

³) См. I 43 пр.

⁴) Модiй нѣсколько больше нашихъ $2^1/_2$ гарнцевъ.

не пытались удержать. Но лучше всего опровергается невѣрность надписи на его статуѣ закономъ, изданнымъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и запрещавшимъ трибунамъ принимать въ составъ своей коллегіи товарища[2]). Изъ коллегіи трибуновъ только Кв. Цецилій, Кв. Юній и Сокст. Титиній не только не приняли участія въ предложеніи о награжденіи Минуція почестями, но еще не переставали обвинять предъ народомъ то Минуція, то Сервилія и жаловаться на недостойное умерщвленіе Мелія. Итакъ они добились открытія комицій для выбора военныхъ трибуновъ вмѣсто комицій для выбора консуловъ, увѣренные въ томъ, что на шесть мѣстъ (уже разрѣшалось выбрать такое число) попадутъ въ военные трибуны и кое-кто изъ плебеевъ, если объявятъ себя мстителями за убійство Мелія. Однако, плебеи, хотя въ тотъ годъ было много разнообразныхъ обстоятельствъ, волновавшихъ ихъ, все-же выбрали только трехъ трибуновъ съ консульскою властью и въ числѣ ихъ Л. Квинктія Цинцинната, сына того, въ ненависти къ диктатурѣ котораго искали повода къ смутамъ. Еще большее, чѣмъ Квинктій, число избирательныхъ голосовъ получилъ Мамеркъ Эмилій, человѣкъ высоко-достойный. Третьимъ выбираютъ Л. Юлія.

17. Во время магистратуры этихъ трибуновъ Фидены, римская колонія, отпала къ Ларту[1]) Толумнію, царю вейентскому, и къ вейентамъ. Вина отпаденія усугублялась еще преступленіемъ: колонисты, по приказанію Толумнія, убили Г. Фульцинія, Клелія Тулла, Сп. Антія и Л. Росція, римскихъ пословъ, пришедшихъ спросить о причинѣ неожиданнаго рѣшенія. Нѣкоторые хотятъ оправдать поступокъ царя, будто слово, произнесенное имъ во время удачнаго метанія въ игрѣ въ

———

[1]) См. III 65.
[2]) См. примѣч. къ II 9.

кости, и понятое фиденатами, по недоразумѣнію, въ смыслѣ приказанія убить, было для пословъ причиной ихъ смерти; дѣло невѣроятное, чтобы приходъ фиденатовъ, новыхъ союзниковъ, посовѣтоваться объ убійствѣ, имѣвшемъ нарушить международное право, не могъ отвлечь вниманія отъ игры, и чтобы преступленіе это хоть потомъ не могло объясниться ошибкой!? Ближе къ истинѣ то, что царь хотѣлъ связать народъ фиденскій сознаніемъ такого великаго преступленія и тѣмъ отнять у него всякую надежду на какое бы то ни было снисхожденіе со стороны римлянъ. Государство воздвигло у ораторской каѳедры[1]) статуи пословъ, убитыхъ въ Фиденахъ. Предстояла страшно-упорная борьба съ вейентами и фиденатами, какъ потому уже, что это были народы сосѣдніе, такъ и потому еще, что они подали поводъ къ войнѣ такимъ безбожнымъ поступкомъ. Итакъ, благодаря тому обстоятельству, что плебеи и трибуны ихъ, озабоченные интересами всего государства, были спокойны, не послѣдовало никакихъ возраженій противъ выбора консуловъ, М. Геганія Мацерина въ третій разъ и Л. Сергія Фидената, получившаго это прозвище, какъ я думаю, отъ войны, которую онъ за симъ велъ; онъ дѣйствительно первый по сю сторону Аніена далъ удачное сраженіе царю вейентскому, хотя побѣда стоила ему очень много крови; поэтому больше было печали отъ потери гражданъ, чѣмъ радости по случаю разбитія враговъ, и сенатъ, какъ при тревожномъ положеніи государства, прибѣгъ къ назначенію диктатора въ лицѣ Мамерка Эмилія. Въ начальники конницы этотъ взялъ себѣ Л. Квинктія Цинцинната, юношу достойнаго своего отца, притомъ своего товарища предыдущаго года, когда они вмѣстѣ были военными трибунами съ консульскою властью. Войскамъ,

316 г.

———

[1]) См. III 17 пр.

набраннымъ консулами, дали еще старыхъ центуріоновъ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, и пополнили убыль воиновъ, происшедшую въ послѣднемъ сраженіи. Квинктію Капитолійскому и М. Фабію Вибулану диктаторъ повелѣлъ слѣдовать за нимъ въ качествѣ легатовъ. На этотъ разъ, какъ авторитетъ высшей власти, такъ и мужъ, стоявшій на высотѣ этой власти, заставили враговъ удалиться съ римской территоріи за рѣку Аніенъ. Отступая съ лагеремъ, они заняли холмы между Фиденами и Аніеномъ, и не сходили въ открытое поле до тѣхъ поръ, пока не пришли къ нимъ на помощь легіоны фалисковъ. Только послѣ этого этруски расположили свой лагерь предъ стѣнами Фиденъ. Римскій диктаторъ расположился тоже не вдалекѣ отъ того мѣста, при сліяніи двухъ рѣкъ, на берегахъ ихъ обѣихъ, и соорудилъ окопы между ними тамъ, гдѣ берега позволяли воздвигнуть укрѣпленія. На другой день онъ выступилъ на поле сраженія.

18. Среди враговъ высказывались различныя мнѣнія. Фалиски, тяготясь военною службою вдали отъ родины и вполнѣ увѣренные въ своихъ силахъ, требовали сраженія; вейенты же и фиденаты больше расчитывали на успѣхъ, если война затянется. Толумній, хотя и раздѣлялъ мнѣніе своихъ, но изъ боязни, что фалиски не станутъ нести военной службы вдали отъ своего отечества, объявляетъ, что на слѣдующій день дастъ сраженіе. Между тѣмъ диктатору и римлянамъ уклоненіе непріятеля отъ сраженія придало мужества; и на слѣдующій день, когда воины грозили уже пойти на штурмъ лагеря и города, если не будетъ возможности сразиться, войска съ обѣихъ сторонъ выступаютъ на средину поля между двумя лагерями. Вейенты, располагавшіе многочисленнымъ войскомъ, послали отрядъ въ обходъ горъ для нападенія на римскій лагерь въ самый разгаръ сраженія. Армія трехъ народовъ построена была такимъ

образомъ, что правое крыло занимали вейенты, лѣвое фалиски, въ центрѣ стояли фиденаты. На фалисковъ, на правомъ крылѣ, наступалъ диктаторъ, на вейентовъ, на лѣвомъ—Капитолійскій Квинктій, а предъ центромъ съ своей кавалеріей выдвинулся начальникъ конницы. Глубокое молчаніе и спокойствіе царило нѣкоторое время, такъ какъ этруски намѣревались вступить въ сраженіе только въ томъ случаѣ, если они будутъ вынуждены къ тому, а диктаторъ все время оглядывался на кремль римскій, въ ожиданіи, когда авгуры выбросятъ на немъ условленный знакъ, лишь только то позволятъ птицы, сообразно гаданіямъ. Какъ только онъ замѣтилъ знакъ, первою пустилъ кавалерію, которая съ крикомъ бросилась на непріятеля. За кавалеріей двинулись ряды пѣхоты и ударили на врага съ страшною силою. Ни на одномъ пунктѣ этрусскіе легіоны не выдержали натиска римлянъ: особенную стойкость, однако, выказывала непріятельская конница; самъ царь, отважнѣйшій изъ всадниковъ, появляясь на всѣхъ концахъ верхомъ на конѣ предъ римлянами, преслѣдовавшими врага вразсыпную, затягивалъ бой.

19. Былъ въ то время между всадниками военный трибунъ А. Корнелій Коссъ, человѣкъ чрезвычайной красоты, не менѣе того отважный и сильный, гордившійся унаслѣдованнымъ блескомъ своего рода, который оставилъ потомству еще болѣе увеличеннымъ и еще болѣе славнымъ. Этотъ самый Коссъ, видя, что римскіе эскадроны робѣютъ при нападеніи Толумнія въ тѣхъ пунктахъ, куда бы онъ ни устремлялся, и, благодаря блеску царской одежды, узнавъ, что то именно онъ летаетъ по всему полю сраженія, закричалъ: „не это ли нарушитель договора между людьми и оскорбитель правъ народовъ? вотъ я его, если только боги хотятъ, чтобы на землѣ оставалось что-либо ненарушимое, принесу

въ жертву манамъ [1]) пословъ!“ Съ этими словами, пришпоривъ коня, съ копьемъ, готовымъ поразить, онъ устремляется на одинокаго врага. Ударомъ сбросивъ его съ коня, самъ, опершись на копье, онъ тоже соскакиваетъ на землю. Тутъ царь хотѣлъ подняться, но Коссъ ударомъ щита опрокидываетъ его навзничь и, нанося ему ударъ за ударомъ, пригвоздилъ его копьемъ къ землѣ. Тогда съ мертваго были сняты доспѣхи, и Коссъ, побѣдоносно неся отрубленную голову на остріи копья, разсѣеваетъ враговъ, объятыхъ ужасомъ при видѣ убитаго царя. Такъ была разбита и конница, которая одна дѣлала бой нерѣшительнымъ. Диктаторъ наступаетъ на обращенные въ бѣгство легіоны и, загнавъ враговъ къ лагерю, разбиваетъ ихъ наголову. Изъ фиденатовъ большая часть, благодаря знакомству съ мѣстностью, успѣла убѣжать въ горы. Коссъ переправился съ конницею черезъ Тибръ, унося въ Римъ огромную добычу, награбленную имъ въ землѣ вейентовъ. Въ самый разгаръ сраженія произошелъ бой и у римскаго лагеря съ отрядомъ, посланнымъ, какъ выше было сказано, Толумніемъ для нападенія на лагерь. Фабій Вибуланъ первоначально защищалъ валъ цѣпью воиновъ; но потомъ, когда враги всецѣло были заняты нападеніемъ на валъ, онъ, выйдя черезъ правыя главныя [2]) ворота, внезапно ударилъ на нихъ съ тріаріями [3]). Враги были поражены ужасомъ; но рѣзни здѣсь было меньше, потому что отрядъ былъ сравнительно малочисленный; зато бѣгство было такъ же безпорядочное, какъ и на полѣ сраженія. **20**. Одержавъ рѣшительную побѣду на всѣхъ пунктахъ, диктаторъ вернулся въ Римъ съ тріумфомъ, дарованнымъ ему по постановленію сената и по повелѣнію народа. Въ тріумфальномъ шествіи наибольшее вниманіе обращалъ на себя Коссъ, несшій „тучные доспѣхи [1])“ съ убитаго царя. Въ честь его воины пѣли свои нескладныя пѣсни, сравнивая въ нихъ Косса съ Ромуломъ. Доспѣхи, принесши въ храмъ Юпитера Феретрійскаго въ даръ, Коссъ прибылъ съ торжественнымъ посвященіемъ, рядомъ съ доспѣхами Ромула, первыми и единственными, которые въ ту пору именовались „тучными“. Всѣ взоры гражданъ онъ обратилъ на себя, отвративъ ихъ отъ колесницы диктатора: онъ былъ въ тотъ день чуть-ли не единственнымъ героемъ торжества. Диктаторъ положилъ въ даръ Юпитеру въ Капитоліи золотой вѣнокъ въ фунтъ [2]) вѣсомъ, сдѣланный на казенныя деньги, согласно повелѣнію народа.

Разсказывая, что А. Корнелій Коссъ принесъ вторые „тучные доспѣхи“ въ храмъ Юпитера Феретрійскаго, будучи тогда въ званіи военнаго трибуна, я слѣдовалъ указаніямъ всѣхъ бывшихъ до меня историковъ. Однако, не говоря уже о томъ, что собственно тѣ только доспѣхи считаются „тучными“, которые военачальникъ снялъ съ военачальника, а мы знаемъ военачальника только того, подъ главнымъ начальствомъ кого ведется война,—не говоря уже объ этомъ, сама надпись, начертанная на доспѣхахъ, показываетъ, вопреки моимъ показаніямъ и показаніямъ упомянутыхъ историковъ, что Коссъ добылъ тѣ доспѣхи, будучи въ званіи консула. Послѣ того какъ я услышалъ объ этомъ отъ Августа Цезаря, основателя и реставратора всѣхъ

[1]) Манами назывались у римлянъ тѣни усопшихъ.

[2]) Во всю ширину лагеря проходила улица шириною въ сто футовъ, называвшаяся „главною“, потому что вдоль ея располагались палатки начальниковъ. Справа и слѣва она заканчивалась воротами, которыя и назывались „главными“.

[3]) Тріаріями назывались въ римскомъ легіонѣ воины, занимавшіе, при построеніи войска въ боевой порядокъ, третью линію; о нихъ см. кн. VIII, 8.

[1]) См. 1 10 и примѣч.

[2]) Римск. фунтъ=0,8 русск. фунта.

нашихъ храмовъ, что онъ, посѣтивъ храмъ Юпитера Феретрійскаго, разрушавшійся отъ ветхости и имъ обновленный, самъ читалъ надпись на полотняныхъ латахъ,— послѣ этого я считаю чуть не святотатствомъ отнимать у Косса такого свидѣтеля своихъ доспѣховъ, какъ Цезарь, которому мы обязаны самымъ храмомъ. Какая заключается ошибка въ томъ, что такія древнія лѣтописи и что книги магистратовъ, полотняныя, хранившіяся въ храмѣ Монеты, которыя Макръ Лициній безпрестанно приводитъ, какъ источникъ, только десятью годами позже упоминаютъ имя консула А. Корнелія вмѣстѣ съ другимъ консуломъ, Т. Квинктіемъ Пенномъ,—объ этомъ всякому предоставляется имѣть свое сужденіе. Относить такое славное сраженіе на этотъ годъ мѣшаетъ еще то обстоятельство, что почти три года, около времени кон-
317 г. сульства А. Корнелія, вслѣдствіе чумы и неурожая, протекли безъ войнъ, такъ что даже нѣкоторыя лѣтописи, словно облеченыя въ трауръ, не даютъ ничего, кромѣ именъ консуловъ. Въ третьемъ году послѣ консульства Косса приводится имя его въ званіи военнаго трибуна съ консульскою властью, въ томъ же самомъ году и въ званіи начальника конницы; въ этой должности онъ далъ другое блистательное кавалерійское сраженіе. Тутъ полная свобода для догадокъ. Но, какъ я думаю, всѣ мнѣнія можно считать неосновательными, разъ виновникъ сраженія, положивъ только-что снятые доспѣхи въ священномъ мѣстѣ, чуть не на глазахъ самого Юпитера, которому они были посвящены, и Ромула, этихъ двухъ свидѣтелей ложной надписи, которыхъ нельзя было бы не страшиться, написалъ о себѣ, какъ консулѣ А. Корнеліи Коссѣ.

318 г. **21.** Въ консульство М. Корнелія Малугинскаго и Л. Папирія Красса войска ходили въ землю вейентовъ и фалисковъ и оттуда угнали въ добычу людей и скотъ. Непріятеля на поляхъ нигдѣ не нашли, и такимъ образомъ случая сразиться не встрѣчалось; но къ осадѣ городовъ не приступали, потому что народъ постигла чума. Хотя дѣлались дома попытки къ возбужденію смутъ, но народному трибуну Сп. Мелію не удалось ихъ поднять; расчитывая на то, что популярность имени Мелія поможетъ ему произвести какое-нибудь волненіе, онъ съ одной стороны привлекъ къ суду Минуція, а съ другой— внесъ предложеніе о конфискаціи имущества Сервилія Агалы, при чемъ относительно Минуція старался доказать, что Мелій оклеветанъ имъ путемъ ложныхъ обвиненій, а Сервилію ставилъ въ вину убійство гражданина не осужденнаго. Но эти обвиненія были въ глазахъ народа менѣе значительны, чѣмъ самъ обвинитель. Впрочемъ, больше тревожило упорное возрастаніе болѣзни и грозныя предзнаменованія, а въ особенности извѣстія изъ деревень о разрушеніяхъ жилищъ отъ частыхъ землетрясеній. Въ виду этого народъ устроилъ умилостивительныя жертвоприношенія, повторяя за дуумвирами[1]) слова молитвы объ отвращеніи бѣдствія.

Еще болѣе чумный годъ, въ консульство Г. Юлія, 319 г.
выбраннаго въ консулы во второй разъ, и Л. Вергинія, произвелъ такое опустошеніе въ городѣ и деревняхъ, что не только никто не думалъ выходить за предѣлы римской территоріи для добычи, не только ни патриціи, ни плебеи не думали о наступательной войнѣ, но еще безъ всякаго вызова со стороны римлянъ, ихъ владѣнія подверглись опустошительному нашествію фиденатовъ, которые первое время сидѣли или въ горахъ, или за стѣнами. Потомъ они призвали войско вейентовъ (фалисковъ не могли понудить къ возобновленію войны ни бѣдствіе римлянъ, ни просьбы союзниковъ), и два народа, перешедши Аніенъ, водрузили знамена не далеко отъ Коллинскихъ воротъ. Вслѣдствіе этого поднялась

1) См. III 10 пр.

тревога не только въ деревняхъ, но и въ городѣ. Консулъ Юлій разставляетъ на валу и по стѣнамъ войска, Вергиній совѣщается съ сенатомъ въ храмѣ Квирина. Рѣшено было назначить диктатора въ лицѣ Кв. Сервилія, который, по однимъ преданіямъ, носилъ прозвище Приска, по другимъ — Структа. Вергиній, подождавъ только, пока посовѣтовался съ товарищемъ, и получивъ отъ него согласіе, ночью же назначилъ диктатора. Этотъ послѣдній назначаетъ себѣ въ начальники конницы Постума Эбутія Гелву.

22. Диктаторъ приказываетъ всѣмъ съ разсвѣтомъ уже быть за Коллинскими воротами. Кто только былъ въ силахъ носить оружіе, всѣ оказались на лицо. Знамена вынули изъ казначейства и принесли къ диктатору. Во время этихъ приготовленій непріятель отступилъ на возвышенныя мѣста. Туда направляется диктаторъ съ войскомъ, готовымъ къ аттакѣ, и, давъ сраженіе невдалекѣ отъ Номента, разбиваетъ этрусскіе легіоны, загоняетъ потомъ ихъ въ городъ Фидены и окружаетъ валомъ. Однако, невозможно было взять приступомъ городъ, укрѣпленный на возвышенномъ мѣстѣ, безполезно было приступать и къ обложенію, потому что хлѣба было не только достаточно для удовлетворенія насущной потребности, но, благодаря заранѣе сдѣланному подвозу, его доставало въ изобиліи и для болѣе щедраго расходованія. Итакъ, потерявъ равно надежду на взятіе города штурмомъ и на принужденіе его къ сдачѣ, диктаторъ рѣшилъ провести въ кремль подкопъ въ мѣстахъ, хорошо ему знакомыхъ, благодаря близости ихъ, съ противоположной стороны города, наименѣе охраняемой въ виду того, что она была вполнѣ защищена самою природою мѣстности. Самъ диктаторъ, подходя съ наивозможно болѣе разныхъ сторонъ къ стѣнамъ, раздѣливъ при этомъ войско на четыре части, для веденія ими аттаки посмѣнно, старался непрерывнымъ день и

ночь боемъ отвлечь вниманіе враговъ отъ работъ, пока наконецъ съ прорытіемъ горы не проведенъ былъ прямой путь отъ лагеря въ кремль, и пока непріятельскій крикъ, раздавшійся надъ головами этрусковъ въ то самое время, когда фальшивыми аттаками вниманіе ихъ было отвлечено отъ дѣйствительной опасности, не далъ имъ понять о взятіи города.

Въ этотъ годъ цензоры Г. Фурій Пацилъ и М. Геганій Мацеринъ произвели пріемъ отстроенной на Марсовомъ полѣ общественной виллы[1]): здѣсь въ первый разъ и былъ произведенъ цензъ народа.

23. У Макра Лицинія я нахожу извѣстіе, что тѣ же самые консулы были выбраны и въ слѣдующемъ году, 220 г.
Юлій въ третій разъ и Вергиній въ второй; Валерій же Антіатъ и Кв. Туберонъ считаютъ консулами этого года М. Манлія и Кв. Сульпиція. Однако, несмотря на такія противорѣчивыя данныя, и Туберонъ, и Макръ ссылаются на полотняныя книги[2]); ни тотъ, ни другой не скрываютъ при этомъ свидѣтельства, сообщаемаго древними писателями, что въ этомъ году были военные трибуны. Лициній склоненъ безъ всякаго колебанія слѣдовать указаніямъ полотняныхъ книгъ, тогда какъ Туберонъ не увѣренъ въ томъ, гдѣ истина. Вопросъ этотъ долженъ оставаться въ числѣ тѣхъ сомнительныхъ вопросовъ, разъясненію которыхъ мѣшаетъ отдаленность времени.

[Взятіе Фиденъ произвело въ Этруріи смятеніе, потому что не только вейенты страшились подобнаго же разоренія, но и фалиски, которые помнили о первой войнѣ, затѣянной вмѣстѣ съ вейентами, хотя и не помогали имъ во вторичную войну. Итакъ, эти два города, разо-

---

1) Такъ называлось въ Римѣ зданіе, гдѣ помѣщались авгуры во время комицій, и гдѣ цензоры занимались дѣлами переписи.

2) См. гл. 7.

славъ пословъ къ двѣнадцати сосѣднимъ народамъ, упросили ихъ назначить собраніе представителей всей Этруріи у храма Волтумны[1]). По этой причинѣ сенатъ, въ томъ предположеніи, что отсюда угрожаетъ великая опасность для государства, повелѣлъ во второй разъ назначить диктаторомъ Мам. Эмилія, который назначилъ начальникомъ конницы А. Постумія Туберта; и приготовленія къ войнѣ были сдѣланы настолько съ большею тщательностью въ сравненіи съ послѣднею, насколько большая опасность угрожала со стороны всей Этруріи, чѣмъ со стороны двухъ только народовъ.

24. Дѣло это причинило значительно меньше безпокойства, чѣмъ всѣ того ожидали. Итакъ, когда отъ купцовъ узнали объ отказѣ вейентамъ въ помощи и о предложеніи имъ вести до конца войну, затѣянную по своему рѣшенію, своими же собственными силами, а не искать товарищей по несчастію въ людяхъ, которымъ они не позволили быть участниками своихъ надеждъ въ пору счастія, тогда диктаторъ, чтобы назначеніе его не было безплоднымъ, въ виду того, что средства снискать военную славу были у него отняты, задумалъ въ мирное время совершить какое-нибудь дѣло, которое оставило бы память о его диктатурѣ, и съ этою цѣлью вознамѣрился ослабить значеніе цензуры, въ томъ ли соображеніи, что власть ея слишкомъ обширна, или потому, что сознавалъ вредъ не столько отъ широкихъ полномочій, связанныхъ съ должностью, сколько отъ продолжительности ея. И вотъ, созвавъ народъ на собраніе, онъ заявилъ, что внѣшнія дѣла и заботу объ общей безопасности государства безсмертные боги приняли на себя, а онъ имѣетъ въ виду позаботиться о томъ, что

1) Вольтумна—этрусская богиня; храмъ ея, сооруженный 12-ю союзными городами, лежалъ, вѣроятно, на Вадимонскомъ озерѣ или на берегу Тибра, между Волсиніями и Фалеріями.

относится къ внутренней жизни государства, именно — о свободѣ римскаго народа. Самая же надежная охрана свободы зиждется на непродолжительности и на ограниченіи во времени тѣхъ должностей съ широкими полномочіями, правъ которыхъ нельзя ограничить. Всѣ другія должности имѣютъ годичный срокъ, тогда какъ цензура длится пять лѣтъ. Тяжело жить въ теченіе столькихъ лѣтъ, въ продолженіе значительной части жизни, въ зависимости отъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Онъ думаетъ внести законопроектъ объ ограниченіи продолжительности цензуры полуторагодичнымъ срокомъ. На слѣдующій же день диктаторъ, при полномъ сочувствіи народа, провелъ законъ и при этомъ сказалъ: „А чтобы вы, граждане, на дѣлѣ знали, насколько мнѣ не нравится продолжительность власти, я слагаю съ себя диктатуру“! Сложивъ свою должность и ограничивъ другую магистратуру, Эмилій пошелъ къ своему дому въ сопровожденіи народа, поздравлявшаго его и выражавшаго ему громко знаки своего расположенія. Цензоры, недовольные на Мамерка за ослабленіе магистратуры римскаго народа, исключили его изъ трибы[1]), обложили налогомъ, въ восемь разъ большимъ противъ оцѣнки его имущества, и зачислили въ эраріи[2]). Эту обиду, какъ разсказываютъ, самъ Мамеркъ перенесъ съ полнымъ мужествомъ, обращая вниманіе не столько на потерю гражданской чести, сколько на причину этой потери. Вліятельнѣйшіе изъ патриціевъ, хотя и не желали ослаб-

1) Въ V-мъ в. до Р. Х. римская территорія дѣлилась на 21 округъ; такой округъ назывался трибой. Городъ Римъ дѣлился на четыре трибы; остальныя семнадцать были сельскія. Римскій гражданинъ обязательно долженъ былъ состоять членомъ какой-нибудь трибы, при чемъ сельская триба ставилась выше городской. Въ данномъ мѣстѣ исключеніе изъ трибы надо понимать въ томъ смыслѣ, что цензоры перевели Мамерка изъ сельской трибы въ городскую.

2) „Эраріемъ“ назывался гражданинъ, лишенный права избирательнаго голоса.

ленія правъ цензуры, все-таки чувствовали себя оскорбленными такимъ примѣромъ цензорской строгости, такъ какъ каждый изъ нихъ понималъ, что ему чаще и дольше придется испытывать зависимость отъ цензоровъ, чѣмъ самому отправлять цензуру. Что же касается народа, то его негодованіе было весьма велико, и только вліяніе самого Мамерка могло защитить цензоровъ отъ насилія.

25. Народные трибуны неустанно собирали сходки и, не давая открывать консульскія комиціи, когда дѣло уже едва не дошло до междуцарствія, настояли наконецъ на выборѣ военныхъ трибуновъ съ консульскою властью. Желанной награды за побѣду, — выбора — плебея, имъ, однако, не удалось получить, потому что избран-
321 г. ными оказались все патриціи: то были М. Фабій Вибуланъ, М. Фолій и Л. Сергій Фиденатъ. Чума въ тотъ годъ не позволила думать о чемъ-нибудь другомъ. Данъ былъ обѣтъ построить храмъ Аполлону за здравіе народа. Многочисленныя мѣры принимались дуумвирами [1]), согласно указаніямъ священныхъ книгъ, для умилостивленія гнѣва боговъ и избавленія народа отъ мора; тѣмъ не менѣе и во городѣ, и въ деревняхъ испытывали страшное бѣдствіе отъ смертности какъ людей, такъ и животныхъ. Болѣзненное состояніе земледѣльцевъ заставляло опасаться, какъ бы моровое повѣтріе не вызвало голода; вслѣдствіе этого правительственныя лица послали за хлѣбомъ въ Этрурію, въ Помптинскую областъ и въ Кумы, а въ концѣ концовъ также и въ Сицилію. О консульскихъ комиціяхъ никакого упоминанія не дѣлалось: военными трибунами съ консульскою властью
322 г. были выбраны все патриціи: то были Л. Пинарій Мамеркъ, Л. Фурій Медуллинъ и Сп. Постумій Альбъ.

Въ этомъ году болѣзнь ослабѣла, не было опасенія

[1]) См. III 10, примѣч.

и на счетъ недостачи хлѣба, благодаря заранѣе принятымъ мѣрамъ. На собраніяхъ вольсковъ и эквовъ, а также и въ Этруріи, у храма Волтумны, вырабатывались планы о томъ, какъ начать войны. На этихъ собраніяхъ рѣшено было отложить дѣла на годъ и формальнымъ декретомъ постановлено до истеченія года не созывать собранія, такъ что ни къ чему не привели и жалобы вейентскаго народа, что Вейямъ угрожаетъ та же участь, какая привела къ разрушенію Фиденъ.

Тѣмъ временемъ въ Римѣ вліятельнѣйшіе плебеи, уже долго и безплодно стремившіеся къ осуществленію своихъ надеждъ на полученіе высшей должности, пользуясь внѣшнимъ спокойствіемъ, стали назначать сходки въ домахъ народныхъ трибуновъ; тутъ они вырабатывали секретные планы, жаловались на пренебреженіе къ нимъ плебеевъ, доходящее до того, что, несмотря на назначеніе уже въ продолженіе столькихъ лѣтъ военныхъ трибуновъ съ консульскою властью, ни разу ни одному плебею не дали доступа къ этой должности; указывали на большую предусмотрительность предковъ, которые позаботились о закрытіи всякому патрицію доступа къ плебейскимъ должностямъ, — иначе патриціевъ пришлось бы имѣть народными трибунами: вотъ до какой степени ими брезгаютъ даже люди собственнаго сословія, и плебеи презираютъ ихъ въ той же мѣрѣ, какъ и патриціи! Иные, однако, оправдывали плебеевъ, сваливали всю вину на патриціевъ: это-де вслѣдствіе ихъ заискиванія и интригъ загражденъ для плебеевъ путь къ почести; что, если бы они дали плебеямъ передохнуть отъ своихъ просьбъ, смѣшанныхъ съ угрозами, то плебеи, подавая голоса, помнили бы о своихъ кандидатахъ и, пріобрѣвъ защиту, достигли бы и власти. Составляется рѣшеніе, что трибуны, для устраненія злоупотребленія при соисканіи должностей, должны обнародовать законопроектъ о запрещеніи гражданину

придавать своему платью большую бѣлизну ради цѣлей искательства [1]). Теперь дѣло это могло бы показаться пустымъ и едва-ли заслуживающимъ серьезнаго вниманія; но въ ту пору оно повело къ ожесточенной борьбѣ между патриціями и плебеями. Одержали верхъ, однако, трибуны, настоявъ на утвержденіи закона, и ясно было, что плебеи, подъ вліяніемъ раздраженія умовъ, будутъ держать сторону своихъ. Но чтобы стѣснить свободу ихъ, послѣдовало сенатское постановленіе объ открытіи комицій для выбора консуловъ.

26. Поводомъ къ изданію такого постановленія послужило извѣстіе латинянъ и герниковъ объ опасности, грозившей со стороны эквовъ и вольсковъ. Въ консулы
323 г. были выбраны Т. Квинктій Цинциннатъ, сынъ Луція (ему же дается еще прозвище Пенъ), и Гн. Юлій Ментонъ. Ужасъ войны не заставилъ себя долго ждать. Наборъ войска у эквовъ и вольсковъ былъ произведенъ съ примѣненіемъ священнаго закона [2]), служившаго у нихъ наиболѣе сильною понудительною мѣрою къ созыву воиновъ; съ обѣихъ сторонъ выступили два сильныхъ войска и сошлись на Альгидѣ, гдѣ вольски и эквы расположились въ укрѣпленныхъ лагеряхъ особо одни отъ другихъ, и здѣсь вожди ихъ стали прилагать большую, чѣмъ когда либо раньше, заботливость объ укрѣпленіи лагеря и объ упражненіи воиновъ. Извѣстія объ этомъ усилили ужасъ въ Римѣ. Сенатъ рѣшилъ прибѣгнуть къ назначенію диктатора, потому что, хотя эти народы не разъ были побѣждаемы, но принялись вновь за войну съ бо́льшимъ усердіемъ, чѣмъ когда-

[1]) Кандидаты старались сообщить особенную бѣлизну своимъ тогамъ, натирая ихъ кимольскимъ (Cimolus, одинъ изъ Цикладскихъ островковъ) мѣломъ. Самое слово кандидатъ происходитъ отъ этого обычая, и значитъ собственно „одѣтый въ бѣлое“.

[2]) Этотъ законъ обрекалъ въ жертву подземнымъ богамъ всякаго, кто отказывался идти подъ знамена.

либо раньше; сверхъ того, болѣзнь унесла не мало римской молодежи. Больше всего страшили римлянъ эгоизмъ консуловъ, ихъ раздоры между собою и препирательства на всѣхъ совѣщаніяхъ. Нѣкоторые историки свидѣтельствуютъ, что эти консулы неудачно сразились на Альгидѣ, и это послужило поводомъ къ назначенію диктатора. Хорошо извѣстно, что, расходясь во всемъ другомъ, консулы въ одномъ были согласны,—въ противодѣйствіи желанію сената назначить диктатора. Наконецъ, когда стали приходить извѣстія одно другого тревожнѣе, а консулы не хотѣли подчиняться волѣ сената, тогда Кв. Сервилій Прискъ, который заслужилъ безупречную репутацію за отправленіе самыхъ высокихъ должностей, обратившись къ народнымъ трибунамъ, сказалъ: „Такъ какъ дѣло дошло до крайнихъ предѣловъ, то сенатъ призываетъ васъ, народные трибуны, въ силу вашей власти, принудить консуловъ назначить диктатора, въ виду столь критическаго положенія государства“. При этихъ словахъ трибуны, сообразивъ, что представился удобный случай усилить свою власть, отходятъ въ сторону и затѣмъ, отъ имени своей коллегіи, провозглашаютъ рѣшеніе о необходимости консуламъ повиноваться распоряженію сената; что, если консулы будутъ и дальше противиться единодушному мнѣнію почтеннѣйшаго сословія, то они прикажутъ ихъ заключить въ темницу. Консулы предпочли скорѣе уступить трибунамъ, чѣмъ сенату, но при этомъ указывали на дѣйствія сенаторовъ, предавшихъ права верховной власти и отдавшихъ ее подъ иго власти трибунской, коль скоро трибунъ, въ силу своей власти, можетъ принуждать къ чему нибудь консуловъ и даже заключать ихъ въ темницу: какой же мѣры, болѣе суровой, чѣмъ эта, приходится бояться частному человѣку? Жребій предоставилъ назначеніе диктатора Т. Квинктію; ибо и въ этомъ дѣлѣ не оказалось между товарищами согласія.

Квинктій назначилъ диктаторомъ А. Постумія Тубсрта, своего тестя, человѣка, отличавшагося чрезвычайной строгостью власти. Тубертъ назначилъ начальникомъ конницы Л. Юлія. Вмѣстѣ съ этимъ издается указъ о наборѣ и о закрытіи судовъ [1]) и предписывается во всемъ городѣ заняться исключительно военными приготовленіями. Разборъ дѣлъ объ освобожденіи отъ военной службы былъ отложенъ на время послѣ окончанія войны. Вслѣдствіе этого потянулись записываться въ воины и сомнительные [2]). Латинянамъ и герникамъ было также повелѣно доставить воиновъ. Какъ тѣ, такъ и другіе съ ревностью оказали повиновеніе диктатору.

27. Все это было исполнено съ чрезвычайною быстротою. Оставивъ консула Гн. Юлія для защиты города, а начальника конницы Л. Юлія—для выполненія непредвидѣнныхъ порученій, требуемыхъ войною, чтобы не было задержки въ доставкѣ всего необходимаго въ лагерѣ, диктаторъ, повторяя за верховнымъ понтификомъ А. Корнеліемъ слова формулы, далъ обѣтъ отпраздновать Великія игры по случаю смутнаго времени въ государствѣ, и, выступивъ изъ города съ войскомъ, раздѣленнымъ между нимъ и консуломъ Квинктіемъ, прибылъ къ мѣсту стоянки враговъ. Видя, что непріятели расположились двумя лагерями на недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, римскіе военачальники также и съ своей стороны выбрали мѣсто для двухъ лагерей на разстояніи около тысячи шаговъ [3]) отъ непріятеля: диктаторъ поближе къ Тускулу, а консулъ поближе къ Ланувію. Такимъ образомъ, четыре арміи и столько же укрѣпленныхъ лагерей имѣли посреди себя равнину, до-

[1]) Ср. III 3, примѣч.

[2]) Т. е. тѣ, которые могли сомнѣваться, обязаны ли они къ военной службѣ; ср. III 69.

[3]) $1^{2}/_{5}$ версты.

статочно обширную не только для малыхъ стычекъ, но даже для боевого построенія обѣихъ армій. И съ того времени, какъ размѣстились лагерь съ лагеремъ, легкія стычки слѣдовали безпрерывно, такъ какъ диктаторъ не запрещалъ своимъ воинамъ мѣряться силами и пріобрѣтать надежду на рѣшительную побѣду, путемъ ряда успѣховъ въ отдѣльныхъ стычкахъ. Непріятели, такимъ образомъ, переставъ возлагать надежду на правильное сраженіе, ночью нападаютъ на лагерь консула, предоставивъ тотъ или иной исходъ дѣла случаю. Поднялся внезапный крикъ, который разбудилъ не только караульныхъ воиновъ консула, а потомъ и все его войско, но и диктатора. Гдѣ обстоятельства требовали личной помощи консула, тамъ онъ являлся исполненный мужества и распорядительности: часть воиновъ усиливаетъ охрану воротъ, другіе становятся цѣпью на валу. Въ другомъ лагерѣ, у диктатора, тѣмъ цѣлесообразнѣе принимались необходимыя мѣры, чѣмъ меньше было тамъ смятенія. Немедленно подъ командой легата Сп. Постумія Альба былъ посланъ вспомогательный отрядъ къ лагерю консула. Самъ диктаторъ съ другимъ отрядомъ, сдѣлавъ небольшой обходъ, устремляется къ мѣсту, совершенно отдаленному отъ шума битвы, откуда онъ могъ бы ударить въ тылъ непріятелю врасплохъ. Лагерь оставляетъ подъ начальствомъ легата Кв. Сульпиція; другому легату, М. Фабію, поручаетъ командованіе кавалеріей, съ приказаніемъ не трогаться съ мѣста раньше утра, въ виду того, что среди ночной свалки трудно надлежаще направить отрядъ. Всѣ распоряженія и дѣйствія, какія въ подобномъ случаѣ предпринялъ бы всякій другой предусмотрительный и энергичный полководецъ, диктаторъ выполнилъ въ надлежащемъ порядкѣ. Но особенно примѣрная предусмотрительность его ума и единственная въ своемъ родѣ заслуга выразилась въ томъ, что онъ, по собственно-

му почину, послал с отборными когортами М. Гегания для нападения на неприятельский лагерь, из котораго вышла, как донесли разведчики, значительно большая часть войска. Напав на неприятелей в то время, когда они, спокойные за себя и безпечные на счет караулов и аванпостов, со всею внимательностью следили за исходом опаснаго предприятия своих товарищей, Геганий завладел лагерем едва ли не раньше, чем враги вполне узнали о штурме. Диктатор, лишь только заметил данный отсюда дымом условленный знак, тотчас громко объявляет о взятии неприятельскаго лагеря и приказывает дать знать об этом во все части. **28**. Уже стало разсветать, и можно было ясно все видеть; тогда Фабий ударил с своей кавалерией, вслед за ним консул из лагеря сделал вылазку на оторопевших уже врагов; а диктатор напал с другой стороны на резервы, составлявшие вторую линию, и свою пехоту и кавалерию победоносно противоставлял врагу всюду, куда ни метался он по направлению нестройных криков и внезапных аттак. Таким образом окруженные уже со всех сторон, они все до последняго понесли бы должное возмездие за свое возстание, еслибы один из вольсков, Веттий Мессий, известный больше своими подвигами, чем родом, видя, что воины его уже сбиваются в кучу, не стал кричать на них зычным голосом: „так это здесь вы намерены подставить свою грудь под неприятельские дротики, беззащитные, неотомщенные? на что же в таком случае у вас оружие, зачем сами вы, нарушители тишины во время мира, трусы на войне, без вызова, пошли войною? на что вы надеетесь, стоя здесь? иль, вы думаете, бог какой-нибудь прикроет вас щитом и унесет отсюда? Нет! мечем надо прокладывать путь! Смотрите, куда я пойду, и идите за мной, кто из вас

хочет увидеть дом свой и родителей, жен и детей! Не стена и не вал преграждают путь, но вооруженные вооруженным. Если храбростью вы равны, зато превосходите безвыходностью положения, этим последним и самым могучим оружием, какое есть“. Так сказал он и стал приводить в исполнение свои слова: воины, подняв вновь крик, пошли следом за ним, направляя свой натиск в упор на когорты Постумия Альба; и они сдвинули победителя с места, заставив его начать уже отступление, пока наконец не явился на помощь к своим диктатор, и тут сосредоточилось все сражение. От одного мужа, Мессия, зависит участь врагов. Много было с обеих сторон раненых, много повсюду убитых. Уже даже и военачальники римские сражаются окровавленные. Один Постумий, с пробитой камнем головой, вышел из строя; но ни диктатор, несмотря на рану в плечо, ни Фабий, бедро котораго было почти пригвождено к коню, ни консул с отрубленною рукою не покинули столь упорнаго с обеих сторон сражения. **29**. Стремительность Мессия уносит его вместе с толпою храбрейших юношей через трупы врагов к лагерю вольсков, который еще не был взят. Туда же направляется вся армия. Консул, преследуя разсыпавшихся врагов вплоть до вала, нападает на самый вал лагеря. Туда же с другой стороны направляет войска и диктатор. К штурму приступают с той же энергией, с какою велся бой. Разсказывают, что консул бросил еще за вал и знамя, чтобы усилить рвение воинов, и что вторжение в лагерь началось из-за желания вернуть знамя. И диктатор, прорвав вал, внес бой уже во внутрь лагеря. Тогда неприятели повсюду начали бросать оружие и сдаваться. А когда и этот лагерь был взят, все неприятели, за исключением сенаторов, были проданы в рабство. Часть до-

бычи, признанная латинянами и герниками за свое имущество, была имъ возвращена; остальное диктаторъ продалъ съ аукціона, и затѣмъ, поставивъ начальникомъ лагеря консула, самъ съ тріумфомъ въѣхалъ въ Римъ и тутъ сложилъ съ себя диктатуру. Память о такой блестящей диктатурѣ омрачается, однако, историками, которые сообщаютъ, что А. Постумій казнилъ сына, несмотря на одержанную имъ побѣду, за то, что тотъ, увлекшись представившимся ему случаемъ удачно сразиться, оставилъ свой постъ вопреки приказанію диктатора. Не хочется этому вѣрить, да и можно не вѣрить, въ виду противорѣчивыхъ мнѣній; основаніемъ моего недовѣрія можетъ служить еще и то обстоятельство, что о суровости принято говорить imperia Manliana[1]), а не imperia Postumiana, между тѣмъ какъ, кто первый подалъ такой суровый примѣръ, тотъ и долженъ былъ бы получить прозвище, указывающее на жестокость. Манлію еще дано было наименованіе Imperiosus[2]); имя же Постумія вовсе не отмѣчено какимъ бы то ни было прискорбнымъ прозвищемъ.

Консулъ Гн. Юлій освятилъ храмъ Аполлона въ отсутствіе товарища, безъ метанія жребія. Досадно то было Квинктію, вернувшемуся въ городъ послѣ распущенія войска; но жалобы его въ сенатѣ ни къ чему не привели.

Къ году, отмѣченному важными событіями, относятъ еще обстоятельство, казавшееся тогда не имѣющимъ никакого отношенія къ римскому государству; это именно то, что карѳагеняне, такіе страшные впослѣдствіи враги, въ ту пору, по случаю волненій среди сицилійцевъ, впервые переправились съ войскомъ въ Сицилію на помощь одной изъ партій.

[1]) Что значитъ—Манліевы повелѣнія; см. VIII 7.
[2]) Что значитъ—властный; впрочемъ это прозвище у Ливія приписано не Титу Манлію, а Луцію, о которомъ см. VII 4.

30. Въ Римѣ народные трибуны вели агитацію въ пользу назначенія военныхъ трибуновъ съ консульскою властью, но не могли достигнуть успѣха. Выбраны были консулы Л. Папирій Крассъ и Л. Юлій. Эквы черезъ пословъ просили у сената заключенія союзнаго договора, а имъ вмѣсто союзнаго договора указывали на безусловную сдачу; въ виду этого, они добились только восьмилѣтняго перемирія. Что касается вольсковъ, то государство ихъ, ослабленное уже раньше понесеннымъ на Альгидѣ пораженіемъ, страдало отъ ссоръ и смутъ, вслѣдствіе упорной борьбы между сторонниками мира и войны; благодаря этому обстоятельству, у римлянъ царило спокойствіе на всѣхъ границахъ. Трибуны приготовляли очень пріятный для народа законопроектъ о таксѣ штрафовъ; но консулы, вслѣдствіе измѣны одного изъ сочленовъ трибунской коллегіи, перехватили этотъ законопроектъ и сами раньше внесли его.

Слѣдуютъ консулы Л. Сергій Фиденатъ, выбранный во 325 г.
второй разъ, и Гостъ Лукреції Трицsmåпитинъ. Въ ихъ консульство не произошло ничего достопримѣчательнаго. За ними слѣдовали консулы А. Корнелій Коссъ и Т. Квинктій 326 г.
Пенъ, выбранный въ консулы во второй разъ. Вейенты произвели нападеніе на римскія владѣнія. Молва ходила, что нѣсколько фиденскихъ юношей принимали участіе въ этомъ грабежѣ; производство слѣдствія по этому дѣлу было поручено Л. Сергію, Кв. Сервилію и Мам. Эмилію. Нѣсколько фиденатовъ было сослано въ Остію, такъ какъ причина отлучки ихъ изъ Фиденъ въ дни набѣга осталась не вполнѣ выясненной. Число колонистовъ было увеличено, и они получили въ надѣлъ поля, принадлежавшія погибшимъ на войнѣ. Въ этотъ годъ народъ сильно страдалъ отъ засухи, и не только не было атмосферныхъ водъ, но и ничтожной подпочвенной влаги едва доставало для неизсякаемыхъ рѣкъ. Въ иныхъ мѣстахъ отсутствіе воды въ высохшихъ источникахъ и

ручьяхъ производило падежъ скота, издыхавшаго отъ жажды. Другія животныя гибли отъ коросты. Болѣзни вслѣдствіе зараженія распространились на людей, и первое время страдали отъ нихъ деревенскіе жители и рабы, а потомъ онѣ начали свирѣпствовать и въ самомъ городѣ. Но не одни тѣла страдали отъ чумы: душами также овладѣлъ страхъ, проявившійся во многихъ суевѣріяхъ, большею частью иноземнаго происхожденія; ибо люди, для которыхъ охватившее умы суевѣріе служило источникомъ корыстныхъ выгодъ, проповѣдовали новые религіозные обряды и вносили ихъ въ дома, пока наконецъ первые люди въ городѣ стали стыдиться за государство, видя, какъ на всѣхъ улицахъ и въ часовняхъ совершаются необычныя и чужеземнаго происхожденія очистительныя жертвоприношенія для умилостивленія боговъ. Вслѣдствіе этого дано было эдиламъ порученіе наблюсти за тѣмъ, чтобы чтились только римскіе боги и притомъ не иначе, какъ по національнымъ обычаямъ.

327 г. Месть вейентамъ была отложена на слѣдующій годъ, на консульство Г. Сервилія Агалы и Л. Папирія Мугилана. Но и въ этотъ годъ религіозный страхъ помѣшалъ немедленно объявить войну и послать войска; рѣшили предварительно отправить феціаловъ [1]) съ требованіемъ удовлетворенія. Съ вейентами недавно произошло сраженіе при Номентѣ и Фиденахъ, послѣ чего было заключено перемиріе, но не миръ. Хотя срокъ перемирія не истекъ, но они взялись за оружіе еще до истеченія его; тѣмъ не менѣе были отправлены феціалы; но требованія ихъ, предъявляемыя въ обычно-принятой отцами нашими формѣ, даже не были выслушаны. Вслѣдствіе этого вышелъ споръ, надо ли для объявленія войны испросить волю народа, или достаточно по-

1) См. кн. I гл. 24.

становленія сената. Трибуны объявили, что они не допустятъ набора, и тѣмъ заставили консула Квинктія вопросъ о войнѣ внести на рѣшеніе народа. Всѣ центуріи подали голосъ за войну. Плебеи одержали еще побѣду, настоявъ, чтобы консулы не выбирались на предстоящій годъ.

31. Выбраны были четыре военныхъ трибуна съ консульскою властью: Т. Квинктій Пенъ—вслѣдъ за оставленіемъ консульской должности, Г. Фурій, М. Постумій и А. Корнелій Коссъ. Изъ нихъ Коссу ввѣрено было управленіе городомъ. Трое другихъ, по окончаніи набора, выступили противъ Вей, гдѣ еще разъ доказали, какъ вредно для войны вручать командованіе не одному лицу. Настаивая каждый на своемъ планѣ и высказывая противорѣчащія одно другому соображенія, они тѣмъ временемъ дали врагу возможность уловить удобный моментъ: вейенты напали на войско какъ-разъ въ то время, когда оно стояло въ нерѣшительности, потому что одни приказывали подать сигналъ къ наступленію, а другіе — къ отступленію. Римляне были смяты и обратились въ бѣгство, но укрылись въ лагерѣ, отстоявшемъ недалеко отъ мѣста сраженія; такимъ образомъ они понесли не столько пораженіе, сколько позоръ. Государство, не привыкшее нести пораженія, было опечалено: высказывали озлобленіе противъ трибуновъ, требовали назначенія диктатора: на немъ граждане строили свои надежды. Но такъ какъ и здѣсь опять былъ помѣхой суевѣрный страхъ, что назначеніе диктатора могло исходить только отъ консула, то обратились за совѣтомъ къ авгурамъ, и они разрѣшили это религіозное сомнѣніе. А. Корнелій диктаторомъ назначилъ Мам. Эмилія и самъ имъ былъ назначенъ въ начальники конницы. Такимъ образомъ, какъ только положеніе дѣлъ въ государствѣ потребовало истинно доблестнаго мужа, наложенное цензорами наказаніе ни- **328 г.**

сколько не помѣшало ввѣрить кормило правленія человѣку, принадлежавшему къ дому, несправедливо опороченному. Вейенты, гордые своею удачей, разослали по всѣмъ городамъ Этруріи пословъ, хвастаясь, что они въ одномъ сраженіи разбили трехъ римскихъ вождей; однако, участія въ войнѣ, основаннаго на рѣшеніи всего союза, они не вызвали; зато надеждою на добычу привлекли со всѣхъ сторонъ добровольцевъ. Одинъ только фиденскій народъ рѣшилъ снова начать войну, и, какъ будто-бы грѣшно начинать войну иначе, какъ преступленіемъ, фиденаты обагрили теперь оружіе кровью новыхъ колонистовъ точно такъ, какъ тотъ разъ поступили съ послами, и затѣмъ соединились съ вейентами. Послѣ этого начальники обоихъ народовъ стали совѣщаться, выбрать ли театромъ войны Веи, или Фидены. Фидены казались болѣе удобнымъ пунктомъ. Итакъ, переправившись черезъ Тибръ, вейенты перенесли войну въ Фидены. Въ Римѣ господствовалъ страшный ужасъ. Было отозвано изъ-подъ Вей войско, которое уже отъ понесенной неудачи лишено было надлежащаго мужества; лагерь располагаютъ предъ Коллинскими воротами; по стѣнамъ разставляютъ вооруженныхъ воиновъ, на форумѣ суды объявляются закрытыми, лавки запираются. **32.** Словомъ, дѣлается все то, что скорѣе напоминало лагерь, чѣмъ городъ, а диктаторъ, разославъ по улицамъ глашатаевъ, созвалъ на собраніе встревоженныхъ гражданъ и укорялъ ихъ, что они отъ такихъ легкихъ ударовъ судьбы потеряли присутствіе духа и, послѣ ничтожнаго пораженія, которое собственно понесено не вслѣдствіе храбрости враговъ или трусости римскаго войска, а единственно отъ раздора военачальниковъ, боятся вейентовъ, врага, уже шесть разъ разбитаго, и Фиденъ, которыя чуть-ли не больше разъ были взяты, чѣмъ осаждены; что и римляне, и враги все тѣ же, какими они были въ теченіе столькихъ вѣковъ, то же мужество, тѣ же самыя силы, то же у нихъ оружіе; и онъ тотъ же диктаторъ, Мам. Эмилій, который раньше, при Номентѣ, разбилъ войско вейентовъ и фиденатовъ, соединенное съ фалисками; что и начальникъ конницы, А. Корнелій, будетъ въ бою такимъ же, какъ и въ прежнюю войну, когда онъ, будучи военнымъ трибуномъ, убилъ на глазахъ двухъ армій царя вейентскаго Ларта Толумнія и принесъ въ храмъ Юпитера Феретрійскаго „тучные доспѣхи"; поэтому, пусть они возьмутся за оружіе, помня, что за нимъ тріумфы, за нимъ доспѣхи, за нимъ побѣда, а за врагомъ преступное убійство пословъ, вопреки международному праву, избіеніе въ мирное время фиденскихъ колонистовъ, нарушеніе перемирія, седьмое несчастное для нихъ отпаденіе; чуть-только сомкнется лагерь съ лагеремъ, онъ вполнѣ увѣренъ, что преступнѣйшіе враги не долго будутъ ликовать по случаю униженія, понесеннаго римскимъ войскомъ, а римскій народъ въ то же время пойметъ, насколько выше предъ государствомъ заслуги людей, назначившихъ его въ третій разъ диктаторомъ, по сравненію съ тѣми, которые, мстя за отнятіе у цензуры неограниченной власти, заклеймили его вторую диктатуру. Произнесши потомъ обѣты, диктаторъ выступаетъ и располагается лагеремъ по сю сторону Фиденъ, на разстояніи 1500 шаговъ отъ нихъ, подъ прикрытіемъ горъ съ правой стороны и рѣки Тибра съ лѣвой. Легату Т. Квинктію Пену приказываетъ занять горы и незамѣтно утвердиться на той вершинѣ, которая находится въ тылу враговъ. На слѣдующій день этруски, воодушевляемые воспоминаніемъ о томъ днѣ, когда они имѣли скорѣе благопріятный случай, чѣмъ удачное сраженіе, вышли на поле битвы; диктаторъ же началъ наступленіе, прождавъ сначала нѣкоторе время, пока лазутчики не донесутъ о занятіи Квинктіемъ вершины, лежащей близъ кремля Фиденъ; затѣмъ, построивъ пѣхоту въ боевой

порядокъ, онъ ведетъ ее скорымъ маршемъ на врага. Начальнику конницы наказываетъ не начинать сраженія безъ его приказанія, говоря, что онъ дастъ знакъ, когда понадобится помощь кавалеріи, и чтобы тогда онъ вступилъ въ дѣло, помня о своемъ сраженіи съ царемъ, о „тучныхъ доспѣхахъ“, о Ромулѣ и Юпитерѣ Феретрійскомъ. Легіоны съ яростью нападаютъ другъ на друга. Римляне, воодушевляемые ненавистью, бранятъ нечестиваго фидената, разбойника вейента, нарушителей перемирія, запятнанныхъ гнуснымъ убійствомъ пословъ, обагренныхъ кровью колонистовъ, вѣроломныхъ союзниковъ, трусливыхъ враговъ, и дѣломъ и словомъ утоляютъ свою ненависть.

33. При первомъ же столкновеніи римляне поколебали непріятеля, какъ вдругъ изъ Фиденъ черезъ открытыя ворота вырывается новое войско, неслыханное и невиданное до той поры: громадная толпа, вооруженная огнями, вся освѣщенная пылающими факелами, бѣгущая словно въ порывѣ изступленія, обрушивается на врага и необычайностью сраженія на нѣкоторое время приводитъ римлянъ въ ужасъ. Тогда диктаторъ, призвавъ начальника конницы съ кавалеріей, а потомъ приказавъ и Квинктію спуститься съ горъ, самъ, поддерживая бой, устремляется на лѣвый флангъ, напоминавшій скорѣе пожаръ, чѣмъ сраженіе, и уже отступившій въ страхѣ предъ пламенемъ, и здѣсь громкимъ голосомъ кричитъ: „Дымомъ ли побѣжденные, словно рой пчелиный, и прогнанные съ своего мѣста вы отступаете предъ невооруженнымъ врагомъ? и вы мечомъ не погасите огней? если приходится сражаться огнемъ, а не оружіемъ, то почему каждый изъ васъ не вырветъ эти самые факелы и не понесетъ ихъ самъ на врага? Вспомните объ имени римскомъ, о доблести отцевъ и доблести вашей, обратите пожаръ этотъ на вражескій городъ и ихъ собственнымъ пламенемъ уничтожьте Фидены, которыхъ вы

не могли укротить благодѣяніями. Объ этомъ напоминаетъ вамъ кровь пословъ вашихъ и колонистовъ и опустошеніе предѣловъ“. Въ отвѣтъ на приказъ диктатора весь строй двинулся впередъ. Одни подбираютъ брошенные факелы, другіе вырываютъ ихъ изъ рукъ непріятелей силою: оба войска вооружаются огнемъ. Начальникъ конницы тоже придумываетъ новый способъ кавалерійскаго сраженія: онъ даетъ приказъ разнуздать коней, и самъ верхомъ впереди, пришпоривъ разнузданную лошадь, устремляется въ средину огней, а за нимъ и прочіе разгоряченные кони неудержимо несутъ всадниковъ на врага. Поднявшаяся пыль, смѣшавшись съ дымомъ, заволокла свѣтъ предъ глазами людей и коней. Но видъ, устрашившій воиновъ, нисколько не испугалъ лошадей: вездѣ, куда ни налетали, всадники оставляли слѣды полнаго разрушенія. Потомъ раздается новый крикъ; когда онъ, поразивъ удивленіемъ обѣ арміи, обратилъ на себя всеобщее вниманіе, то диктаторъ закричалъ, что легатъ Квинктій съ своимъ отрядомъ ударилъ въ тылъ непріятелю; самъ, вновь поднявъ крикъ, наступаетъ еще съ большею стремительностью. Такимъ образомъ двѣ арміи, сражаясь на двухъ противуположныхъ концахъ, тѣснили этрусковъ, окруженныхъ съ фронта и съ тылу, и путь къ бѣгству былъ отрѣзанъ какъ назадъ въ лагерь, такъ и на горы, откуда угрожалъ новый непріятель, между тѣмъ какъ всадники на своихъ невзнузданныхъ коняхъ разсыпались во всѣ стороны; тогда большая часть вейентовъ въ безпорядкѣ устремляется къ Тибру, а уцѣлѣвшіе изъ фиденатовъ направляются къ городу Фиденамъ. Но это бѣгство увлекаетъ оторопѣвшихъ враговъ въ самый центръ рѣзни: ихъ рубятъ на берегахъ; другихъ, загнанныхъ въ воду, уносятъ волны; даже умѣвшіе плавать тонутъ отъ усталости, ранъ и страха; только немногимъ изъ массы удается переплыть. Другая часть непріятельскаго войска

устремляется черезъ лагерь въ городъ Фидены; но и тутъ преслѣдуютъ ихъ римляне, увлеченные нападеніемъ, въ особенности Квинктій и съ нимъ вмѣстѣ отрядъ, только-что спустившійся съ горъ,—все воины со свѣжими вполнѣ для дѣла силами, потому что подошли только къ концу сраженія. **34.** Эти-то, вмѣшавшись въ толпу враговъ и вмѣстѣ съ ними ворвавшись въ ворота, взлѣзаютъ на стѣны и оттуда подаютъ своимъ сигналъ о взятіи города. Едва диктаторъ завидѣлъ сигналъ,—онъ и самъ уже проникъ въ лагерь непріятелей, покинутый ими,—какъ тотчасъ же, суля воинамъ, хотѣвшимъ уже разсѣяться искать добычи, еще большую добычу въ самомъ городѣ, ведетъ ихъ къ воротамъ и, очутившись внутри стѣнъ, направляется въ кремль, куда, какъ онъ видѣлъ, ринулась толпа убѣгавшихъ непріятелей. И рѣзня произошла въ городѣ такая же, какъ и на полѣ сраженія, пока наконецъ враги не бросили оружія и не сдались диктатору, моля только о пощадѣ жизни. Городъ и лагерь отданы на разграбленіе. На слѣдующій день всѣ всадники и центуріоны получили по жребію по одному плѣннику, а тѣ, которые отличились особенною храбростью,—по два; остальные были проданы въ рабство, послѣ чего диктаторъ вмѣстѣ съ побѣдоноснымъ войскомъ, обремененнымъ богатою добычей, съ тріумфомъ возвратился въ Римъ, гдѣ, сначала приказавъ начальнику конницы сложить съ себя должность, потомъ самъ сложилъ диктатуру, возвративъ такимъ образомъ черезъ шестнадцать дней, среди полнаго мира, ту власть, которую получилъ во время войны, при тревожномъ положеніи государства. Нѣкоторые историки занесли въ лѣтописи еще сообщеніе о томъ, будто-бы въ сраженіи съ вейентами при Фиденахъ принималъ участіе и флотъ, дѣло столь же трудное, какъ и невѣроятное, потому что и теперь рѣка недостаточно широка для этого, а въ ту пору, судя по свидѣтельству древнихъ, была еще уже.

Тутъ можно только допустить, что во время защиты переправы черезъ рѣку, произошла стычка какихъ-нибудь судовъ, и эту стычку, что и естественно, нѣкоторые лѣтописцы преувеличили, желая приписать ей, вопреки дѣйствительности, значеніе морской побѣды.

35. Въ слѣдующемъ году были военные трибуны съ консульскою властью А. Семпроній Атратинъ, Л. Квинктій Цинциннатъ, Л. Фурій Медуллинъ и Л. Горацій Бородатый. Вейентамъ дано перемиріе на двадцать лѣтъ, эквамъ на три года, хотя они просили большаго срока; въ Римѣ было спокойно, благодаря отсутствію городскихъ смутъ. 329 г.

Слѣдующій годъ, не замѣчательный ни внѣшними войнами, ни внутренними смутами, былъ ознаменованъ играми, обѣщанными по случаю войны и отличавшимися особымъ блескомъ, благодаря заботамъ военныхъ трибуновъ и большому стеченію сосѣдей. Трибунами съ консульскою властью были Ап. Клавдій Крассъ, Сп. Навтій Рутилъ, Л. Сергій Фиденатъ и Секс. Юлій Юлъ. Всеобщая привѣтливость, съ какою хозяева относились къ иностранцамъ, увеличивала еще для этихъ послѣднихъ прелесть зрѣлища. Послѣ окончанія игръ, народные трибуны стали на сходкахъ произносить мятежныя рѣчи и упрекать толпу за ея подобострастное отношеніе къ ненавистнымъ для нея людямъ, вслѣдствіе чего она сама себя держитъ въ вѣчномъ рабствѣ и не только не осмѣливается стремиться къ осуществленію надежды на достиженіе консульства, но даже при выборахъ военныхъ трибуновъ на комиціяхъ, въ которыхъ патриціи и плебеи пользуются одинаковыми правами, забываетъ и о себѣ, и о своихъ; въ такомъ случаѣ пусть плебеи перестанутъ удивляться, если никто не печется о ихъ выгодахъ; ибо трудъ, сопряженный съ опасностью, тратится только тамъ, гдѣ можно надѣяться на полученіе выгоды и почести: люди будутъ рѣшаться на все, но 330 г.

только въ томъ случаѣ, если имъ за ихъ рискованныя попытки будутъ предлагаться и великія награды. Нечего расчитывать, нечего требовать, чтобы какой-нибудь народный трибунъ слѣпо бросался на борьбу, сопряженную съ огромною опасностью и въ то же время ничѣмъ не вознаграждаемую, изъ-за которой, навѣрное, патриціи, соперники трибуна, будутъ преслѣдовать его непримиримою враждою, а въ глазахъ плебеевъ, несмотря на борьбу за нихъ, онъ ничуть не сдѣлается почетнѣе. Энергію порождаютъ великія почести. Никто не будетъ стыдиться того, что онъ плебей, коль скоро плебеи перестанутъ быть презираемы. Надо наконецъ испробовать на томъ или другомъ лицѣ, годенъ ли какой-нибудь плебей къ отправленію высшей должности, или появленіе между плебеями отважнаго и дѣятельнаго человѣка похоже на нѣчто чудесное и удивительное. Цѣною чрезвычайныхъ усилій завоевано плебеями право быть выбираемыми въ военные трибуны съ консульскою властью: выступили кандидатами на эту должность люди, отличившіеся и въ мирное время, и на войнѣ; и тѣмъ не менѣе, въ первые же годы, они были поруганы, провалились, явились потѣхою для патриціевъ; въ концѣ концовъ они перестали и показываться, во избѣжаніе насмѣшекъ. Такимъ образомъ, становится уже непонятнымъ, почему не отмѣнить и самаго закона, коль скоро онъ разрѣшаетъ то, чему никогда не бывать: по крайней мѣрѣ не такъ чувствительно будетъ униженіе при неравноправности, какъ въ томъ случаѣ, если ихъ будутъ обходить, какъ недостойныхъ.

36. Такого рода рѣчи выслушивались сочувственно и побудили нѣкоторыхъ искать военнаго трибуната, причемъ каждый заявлялъ о намѣреніи своемъ внести, во время отправленія должности, тотъ или иной проектъ, клонившійся къ выгодамъ плебеевъ. Сулили надежду на раздѣлъ государственныхъ полей, на основаніе новыхъ

колоній, на образованіе, посредствомъ обложенія землевладѣльцевъ налогомъ, особаго капитала для жалованья воинамъ. Но потомъ военные трибуны, уловивъ моментъ, когда, благодаря отъѣзду изъ города многихъ гражданъ, они могли негласнымъ извѣщеніемъ созвать сенаторовъ на извѣстный день, побудили ихъ воспользоваться отсутствіемъ народныхъ трибуновъ и издать сенатское постановленіе о необходимости, въ виду слуховъ, что вольски выступили въ землю герниковъ съ цѣлью грабежа, отправить военныхъ трибуновъ для ознакомленія съ положеніемъ дѣла, и объ открытіи консульскихъ комицій. Выступивъ изъ Рима, трибуны оставляютъ префектомъ города Ап. Клавдія, сына децемвира, юношу энергичнаго и притомъ уже съ самой колыбели всосавшаго ненависть къ плебеямъ и къ народнымъ трибунамъ. Народные трибуны видѣли безплодность борьбы какъ съ виновниками сенатскаго постановленія, въ виду ихъ отсутствія, такъ и съ Аппіемъ, въ виду совершившагося факта. **37** Были избраны консулы Г. Семпро- 331 г.
ній Атратинъ и Кв. Фабій Вибуланъ.

Преданіе гласитъ, что въ тотъ годъ произошло событіе, правда у иностранцевъ, тѣмъ не менѣе заслуживающее упоминанія: этрусскій городъ Волтурнъ, нынѣ Капуя, былъ взятъ самнитянами и переименованъ въ Капую, по имени вождя самнитскаго Капія, или, что вѣрнѣе, благодаря степному характеру мѣстности [1]. Взяли же самнитяне Волтурнъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: раньше этруски, ослабленные войною, приняли самнитянъ въ число согражданъ и надѣлили ихъ землей; но потомъ, когда старые обитатели, по случаю праздничнаго дня, напившись допьяна, спали крѣп-

---

1) Осское имя Capua въ переводѣ значитъ „городъ, лежащій въ равнинѣ“, и сродно со словомъ campus „поле“.

кимъ сномъ, новые поселенцы ночью напали на нихъ и произвели рѣзню.

Послѣ этихъ событій вышеупомянутые консулы вступили въ отправленіе своей должности, въ декабрьскія иды [1]). Уже не только нарочно посланные доносили объ угрожающей со стороны вольсковъ войнѣ, но и послы отъ латинянъ и герниковъ сообщали, что вольски никогда раньше не обнаруживали такой тщательности, какъ теперь, ни въ выборѣ вождей, ни въ наборѣ войска. Со всѣхъ сторонъ у нихъ раздавались голоса, что или слѣдуетъ навсегда предать забвенію оружіе и войну и принять иго, или ни мужествомъ, ни настойчивостью, ни военною дисциплиною не надо уступать своимъ соперникамъ въ борьбѣ за господство. И извѣстія вполнѣ оправдывались; но какъ сенаторы не были этимъ встревожены, такъ точно и Г. Семпроній, на долю котораго выпала эта кампанія, положившись на счастье, какъ на нѣчто самое постоянное, потому что выступалъ въ данномъ случаѣ вождемъ народа-побѣдителя противъ побѣжденныхъ, дѣйствовалъ во всемъ до такой степени легкомысленно и небрежно, что римской дисциплины оказалось въ вольсскомъ войскѣ больше, чѣмъ въ римскомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что часто бываетъ и въ другихъ случаяхъ: счастье перешло на сторону доблести. Въ первомъ же сраженіи, данномъ Семпроніемъ безъ всякихъ мѣръ предосторожности и безъ всякаго опредѣленнаго плана дѣйствій, произошло столкновеніе при условіяхъ, когда армія не была подкрѣплена резервами, а конница не была помѣщена на удобномъ пунктѣ. Уже одинъ крикъ со стороны непріятеля, сравнительно порывистый и изобличающій многочисленность людей, показывалъ, куда склоняется успѣхъ; со стороны римлянъ крикъ нестройный, неровный, робко, хотя и часто возобновляемый, выдавалъ испугъ людей. Тѣмъ яростнѣе набросился непріятель и сталъ тѣснитъ римлянъ, напирая щитами и махая сверкающими мечами. На другой сторонѣ поворачиваніе шлемовъ указывало, что люди озираются во всѣ стороны, въ нерѣшительности робѣютъ и тѣснятся туда, гдѣ образовалась толпа; на одномъ мѣстѣ знамена еще держатся крѣпко, хотя и покинуты своими защитниками, на другомъ—ихъ прячутъ въ средину своихъ манипуловъ. Не было еще настоящаго бѣгства, не было еще побѣды; римляне больше прикрываются щитами, чѣмъ сражаются; вольски же наступаютъ, тѣснятъ армію, но видятъ среди непріятелей больше умирающихъ, нежели бѣгущихъ.

38. Уже на всѣхъ пунктахъ началось отступленіе, и ни упреки, ни увѣщанія консула Семпронія не имѣли успѣха. Не производили никакого дѣйствія ни власть, ни величіе ея; и вотъ-вотъ воины готовы были обратиться въ бѣгство, еслибы кавалерійскій декуріонъ [1]), Секс. Темпаній, не обнаружилъ присутствія духа въ тотъ моментъ, когда дѣло казалось уже проиграннымъ. Громкимъ голосомъ онъ закричалъ всадникамъ, приказывая спрыгнуть съ коней тѣмъ изъ нихъ, которые желаютъ блага государству; словно въ отвѣтъ на приказъ консула, тронулись всадники всѣхъ эскадроновъ, и тогда Темпаній воскликнулъ: „если наша когорта [2]), вооруженная кавалерійскими щитами, не можетъ остановить напора враговъ, то владычеству римлянъ пришелъ конецъ. Слѣдуйте за моимъ копьемъ, какъ за знаменемъ! Покажите римлянамъ и вольскамъ, что нѣтъ равныхъ

---

1) Т. е. 13 декабря.

1) Такъ назывался офицеръ, подъ командой котораго находилось 10 или 30 всадниковъ.

2) Подраздѣленіе пѣшаго войска; въ данномъ мѣстѣ это названіе дано отряду всадниковъ, такъ какъ они спѣшились.

вамъ всадниковъ, когда вы на коняхъ, и нѣтъ равныхъ вамъ пѣхотинцевъ, когда вы спѣшитесь". Увѣщаніе его встрѣчено было криками одобренія, и Темпаній двинулся впередъ, высоко держа свое копье. Всюду, куда ни направлялись, они силою прокладывали себѣ дорогу; неслись они подъ прикрытіемъ своихъ малыхъ щитовъ туда, гдѣ видѣли наибольшее затрудненіе своихъ. Успѣшно возстановляется сраженіе вездѣ, куда стремительное нападеніе уносило кавалеристовъ; и не было сомнѣнія, что враги обратились бы въ бѣгство, если бы такой малочисленный отрядъ могъ разомъ исполнять все. **39**. Такъ какъ уже ни одна часть не могла устоять предъ напоромъ Темпанія, то полководецъ вольсскій даетъ сигналъ открыть этой когортѣ съ кавалерійскими щитами, этой пѣхотѣ новаго рода, дорогу и позволить ей нестись до тѣхъ поръ, пока она, увлекшись наступленіемъ, не будетъ отрѣзана отъ своей арміи. Это было сдѣлано, и всадники, отрѣзанные отъ своихъ, не могли уже прорваться тою самою дорогою, которою прошли, въ виду наибольшаго скопленія враговъ на проложенномъ ими пути, а консулъ съ римскими легіонами, въ свою очередь, не видя нигдѣ отряда, служившаго не задолго передъ тѣмъ прикрытіемъ цѣлой арміи, устремляется, готовый подвергнуться какой угодно опасности, чтобы только враги не отрѣзали столько отчаянныхъ храбрецовъ и не истребили ихъ. Тогда вольски, дѣйствуя на два противуположные фронта, на одномъ удерживали нападеніе консула и его легіоновъ, а на другомъ напирали на Темпанія и его всадниковъ, которые, не будучи въ состояніи, несмотря на частыя попытки, прорваться къ своимъ, въ концѣ концовъ заняли одинъ холмъ и, образовавъ карре, мужественно защищались, не даромъ отдавая свою жизнь, и сраженіе не прекращалось до наступленія ночи. Консулъ также ни на одномъ пунктѣ не ослаблялъ боя и удерживалъ врага, пока совсѣмъ не стемнѣло. Ночь заставила прекратить нерѣшительный бой; и неизвѣстность исхода держала оба лагеря въ такомъ страхѣ, что, покинувъ раненыхъ и большую часть обоза, оба войска удалились на ближайшія горы, каждое считая себя побѣжденнымъ. Однако непріятель сидѣлъ вокругъ холма за полночь, и осаждавшіе только при извѣстіи объ оставленіи лагеря, считая вслѣдствіе этого своихъ побѣжденными, тоже и сами обратились въ бѣгство, каждый во мракѣ устремляясь туда, куда его увлекалъ страхъ. Темпаній, однако, боясь засады, держалъ своихъ до разсвѣта. Потомъ, сошедши самъ съ нѣсколькими всадниками для развѣдокъ и узнавъ отъ раненыхъ враговъ, что лагерь вольсскій покинутъ, онъ радостно зоветъ своихъ товарищей съ холма и проникаетъ съ ними въ римскій лагерь. Нашедши здѣсь все въ запустеніи и покинутымъ и тотъ же самый безпорядокъ, что и у враговъ, онъ, торопясь, чтобы вольски, понявъ свою ошибку, не вернулись, и не зная, по какому направленію пошелъ консулъ, устремляется къ Риму по кратчайшимъ дорогамъ съ тѣми изъ раненыхъ, которыхъ онъ могъ взять съ собою.

40. Сюда уже достигъ слухъ о несчастномъ сраженіи и объ оставленіи лагеря; однако, больше всего оплакиваемы были всадники, потеря которыхъ вызывала такую же великую печаль со стороны государства, какъ и со стороны отдѣльныхъ частныхъ лицъ, и консулъ Фабій, видя, что и городъ въ паникѣ, стоялъ предъ воротами карауломъ, какъ вдругъ вдали показались всадники; первоначально граждане смотрѣли на нихъ не безъ страха, не зная навѣрное, кто это именно, но потомъ сейчасъ же всадники были узнаны, и съ появленіемъ ихъ страхъ смѣнился такой великой радостью, что весь городъ огласился кликами гражданъ, поздравлявшихъ другъ друга съ возвращеніемъ всадни-

ковъ здравыми и побѣдителями, и изъ опечаленныхъ незадолго передъ тѣмъ домовъ, которые уже посылали своимъ послѣднее *прости*, выбѣжали люди на улицы, а испуганныя матери и супруги, забывъ отъ радости о приличіи, бѣгомъ устремились на встрѣчу отряду, каждая бросаясь съ увлеченіемъ къ своимъ близкимъ и едва отъ радости владѣя собою. Народные трибуны, привлекшіе къ суду М. Постумія и Т. Квинктія за неудачныя дѣйствія ихъ въ сраженіи подъ Веями, пользуясь свѣжимъ чувствомъ озлобленія къ консулу Семпронію, находили настоящій случай удобнымъ для возобновленія ненависти къ обвиняемымъ. Итакъ, въ то время когда трибуны предъ созваннымъ на сходку народомъ кричали, что вожди предали государство Веіямъ, что, вслѣдствіе безнаказанности ихъ, консулъ теперь предалъ свое войско въ войнѣ съ вольсками, отдалъ на избіеніе храбрѣйшихъ всадниковъ, постыдно покинулъ лагерь,—въ это время одинъ изъ трибуновъ, Г. Юній, приказалъ позвать всадника Темпанія и въ присутствіи всѣхъ обратился къ нему съ слѣдующими вопросами: „спрашиваю тебя, Секстъ Темпаній, находишь ли ты, что консулъ Г. Семпроній вступилъ въ сраженіе въ удобный моментъ, что онъ подкрѣпилъ армію резервами, что онъ вообще выполнилъ обязанности хорошаго консула? и когда римскіе легіоны были разбиты, ты ли это самъ и по собственному ли своему почину спѣшилъ всадниковъ и далъ благопріятное направленіе сраженію? а потомъ, когда ты съ своими всадниками былъ отрѣзанъ отъ нашей арміи, подоспѣлъ ли консулъ лично на помощь къ тебѣ, или послалъ подкрѣпленіе? на слѣдующій, наконецъ, день получилъ ли ты откуда-нибудь подкрѣпленіе, или ты съ своею когортою пробился въ свой лагерь исключительно своею храбростью? въ лагерѣ нашелъ ли ты консула, нашелъ ли ты войско, или ты нашелъ лагерь покинутымъ и

раненыхъ воиновъ брошенными? Нынѣ, во имя вѣрности и доблести твоей, единственно благодаря которымъ наше государство уцѣлѣло въ настоящую войну, обо всемъ этомъ ты долженъ сказать. Спрашиваю наконецъ, гдѣ Г. Семпроній, гдѣ наши легіоны? покинутъ ли ты консуломъ и его войскомъ, или ты самъ ихъ покинулъ? наконецъ, побѣждены ли мы, или мы побѣдили“? **41**. На эти вопросы, говорятъ, Темпаній въ безыскусственной рѣчи, вполнѣ, однако, достойной, какъ прилично воину, безъ всякой пустой похвальбы себѣ и радости по случаю ошибки другого, отвѣтилъ, что, насколько велико въ Г. Семпроніи знаніе воинскаго дѣла, въ томъ воинъ не судья своему полководцу: это обязанъ былъ знать римскій народъ, когда выбиралъ его на комиціяхъ консуломъ. Слѣдовательно, нечего его допрашивать на счетъ плановъ полководца, равно какъ на счетъ способностей консульскихъ, которыя подлежатъ оцѣнкѣ людей также даровитыхъ и умныхъ: онъ можетъ сообщить только то, что видѣлъ. А видѣлъ онъ то, что консулъ предъ тѣмъ, какъ они были отрѣзаны отъ арміи, сражался въ первомъ ряду, воодушевлялъ воиновъ, находился среди знаменъ римскихъ и стрѣлъ непріятельскихъ. Потомъ онъ, хотя и потерялъ своихъ изъ виду, по шуму, однако, и по крику могъ судить, что бой тянулся до самаго наступленія ночи, и, по мнѣнію его, въ виду многочисленности враговъ, нельзя было прорваться къ занятому имъ холму. Гдѣ теперь армія, онъ не знаетъ; но думаетъ, что, подобно тому какъ онъ въ моментъ опасности защитилъ себя вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ мѣстоположеніемъ, такъ точно и консулъ для спасенія войска выбралъ для лагеря болѣе безопасное мѣсто. Что касается вольсковъ, то, по мнѣнію его, положеніе ихъ не лучше положенія римлянъ: роковая ночь сдѣлала то, что въ обѣихъ арміяхъ всѣ дѣйствія были исполнены ошибокъ. Потомъ Темпаній сталъ просить не

удерживать долѣе его, такъ какъ онъ усталъ отъ трудовъ и ранъ. Онъ былъ отпущенъ среди шумныхъ похвалъ столько же за мужество, сколько и за его благородную скромность. Въ это самое время консулъ находился уже на Лабиканской дорогѣ у храма Спокойствія [1]). Туда были отправлены изъ города повозки и разнаго рода вьючныя животныя, которыя и приняли войско, изнуренное сраженіемъ и ночнымъ путемъ. Немного спустя вступилъ въ городъ и самъ консулъ, при чемъ столько же старался снять съ себя вину, сколько превозносилъ Темпанія вполнѣ заслуженными похвалами. М. Постумій [2]), который, будучи военнымъ трибуномъ, замѣщалъ консула подъ Веями, предсталъ предъ судомъ гражданъ, опечаленныхъ неудачею и озлобленныхъ противъ вождей, и былъ присужденъ къ штрафу въ 10,000 тяжелыхъ ассовъ [3]). Товарища его, Т. Квинктія, принимая во вниманіе успѣшныя его дѣйствія какъ въ войнѣ съ вольсками, гдѣ онъ сражался въ званіи консула подъ главнымъ начальствомъ диктатора Постумія Туберта, такъ и подъ Фиденами, гдѣ онъ дѣйствовалъ въ качествѣ легата при другомъ диктаторѣ, Мамеркѣ Эмиліи, оправдали всѣ трибы, тѣмъ болѣе, что онъ всю вину за то время взваливалъ на осужденнаго уже товарища. Говорятъ, что Квинктію помогла память объ отцѣ его Цинциннатѣ, мужѣ высокочтимомъ, а равно и смущенныя просьбы престарѣлаго уже Капитолійскаго Квинктія, не ставить его, Капитолійскаго, въ необходимость, на исходѣ дней жизни, нести Цинциннату такую печальную вѣсть о сынѣ.

42. Въ народные трибуны плебеи выбрали отсутствовавшихъ Секс. Темпанія, М. Азеллія, Тиб. Антистія и Тиб. Спурилія, уже ранѣе выбранныхъ всадниками въ

[1]) За городомъ, близъ Коллинскихъ воротъ. [2]) См. гл. 40.
[3]) См. I 43 пр.

центуріоны [1]), согласно предложенію Темпанія. Сенатъ, видя, что озлобленіе противъ консула Семпронія дѣлало непопулярнымъ и самое званіе консула, повелѣлъ выбрать военныхъ трибуновъ съ консульскою властью. Избранными оказались Л. Манлій Капитолійскій, Кв. Антоній Меренда и Л. Папирій Мугиланъ. Съ самаго же начала года народный трибунъ Л. Гортензій привлекъ къ суду Г. Семпронія, консула предыдущаго года. Несмотря на просьбы четырехъ товарищей, которые, на глазахъ римскаго народа, упрашивали не тревожить ихъ невиннаго военачальника, такъ какъ ему нельзя поставить въ упрекъ ничего, кромѣ злой судьбы, Гортензій только разсердился, находя въ просьбахъ товарищей желаніе испытать его настойчивость и думая, что обвиняемый расчитываетъ не на эти просьбы, обращенныя къ нему только для вида, а на помощь трибуновъ. Итакъ, обратившись, съ одной стороны къ Семпронію, Гортензій спрашивалъ, что сталось съ гордостью его, патриція, куда дѣвалась твердость духа и увѣренность въ невинности, если мужъ, несшій званіе консула, рѣшился укрываться подъ тѣнь трибунской власти; а съ другой стороны, обращаясь къ товарищамъ, говорилъ: „а вы что намѣрены дѣлать, если я буду настаивать на обвиненіи? или вы намѣрены отнять у народа право его и ниспровергнуть трибунскую власть?“ Когда трибуны отвѣчали, что и надъ Семпроніемъ, и надъ всѣми вообще верховная власть принадлежитъ римскому народу, и что они не хотятъ, да и не могутъ упразднить народнаго суда, а только облекутся вмѣстѣ съ Семпроніемъ въ траурныя одежды [2]) въ случаѣ, если ничего не достигнутъ просьбы ихъ за

332 г.

[1]) Это было, когда всадники во время битвы спѣшивались и образовывали когорту (ср. гл. 38); въ другихъ случаяхъ у нихъ не было центуріоновъ.
[2]) Обвиняемые, а равно и сочувствовавшіе ему, облекали себя обыкновенно въ ветхую и грязную одежду, съ цѣлью тронуть судей.

полководца, который замѣщаетъ имъ отца, тогда Гортензій сказалъ: „нѣтъ! римскій народъ не увидитъ своихъ трибуновъ въ изорванномъ и грязномъ платьѣ! я не держу Г. Семпронія, коль скоро онъ во время своего командованія пріобрѣлъ такую великую любовь воиновъ“. И плебеи, и патриціи одинаково испытывали чувство удовольствія, видя, съ одной стороны, такую нѣжную любовь четырехъ трибуновъ, а съ другой — такую покорную уступчивость Гортензія къ справедливымъ просьбамъ ихъ.

Счастье далѣе не благопріятствовало эквамъ, которые поторопились сомнительную побѣду вольсковъ приписать личному своему успѣху. **43**. Въ слѣдующемъ 333 г.
году, въ консульство Нум. Фабія Вибулана и Т. Квинктія Капитолійскаго, сына Капитолійскаго, командованіе войскомъ досталось по жребію Фабію; но онъ не совершилъ ничего достопамятнаго. Не успѣли эквы построить свое оробѣвшее войско въ боевой порядокъ, какъ тотчасъ были обращены въ постыдное бѣгство, не давъ такимъ образомъ консулу получить большой славы; поэтому ему отказано было въ тріумфѣ, но за снятіе позора отъ пораженія Семпронія разрѣшено было вступить въ городъ съ оваціей [1]).

Но если война завершилась менѣе значительнымъ сраженіемъ, чѣмъ того боялись, зато въ Римѣ спокойствіе неожиданно смѣнилось массою раздоровъ между плебеями и патриціями; дѣло началось съ вопроса объ удвоеніи числа квесторовъ. Консулы вошли въ предложе-

[1]) Въ то время, какъ тріумфаторъ въѣзжалъ въ городъ на позолоченной колесницѣ, запряженной четверкою бѣлыхъ коней, въ облаченіи Юпитера, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, сопровождаемый кликами „io triumphe“,—полководецъ, удостоенный оваціи, вступалъ въ городъ пѣшкомъ или верхомъ на конѣ и былъ одѣтъ въ toga praetexta, съ миртовымъ вѣнкомъ на головѣ; при оваціи полководецъ приносилъ въ жертву овцу, тогда какъ тріумфаторъ закалывалъ при жертвоприношеніи быка.

ніемъ о назначеніи, кромѣ двухъ городскихъ квесторовъ, еще двухъ другихъ, которые состояли бы при консулахъ для нуждъ военныхъ. Предложеніе консуловъ нашло полную поддержку со стороны сенаторовъ; но народные трибуны вступили въ борьбу, настаивая на избраніи части квесторовъ изъ плебеевъ; ибо до этого времени квесторы избирались только изъ патриціевъ. Первое время какъ консулы, такъ и сенаторы всѣми силами противились этому требованію; потомъ они сдѣлали уступку въ томъ смыслѣ, чтобы подобно тому, какъ допустили уравненіе права при выборахъ трибуновъ съ консульскою властью, чтобы такъ точно и выборъ квесторовъ былъ предоставленъ свободной волѣ народа; но такъ какъ и эта уступка не приводила ни къ чему, то вопросъ объ увеличеніи числа квесторовъ былъ совсѣмъ оставленъ. Покинутое дѣло трибуны принимаютъ на себя, а вслѣдъ за тѣмъ являются и другія мятежныя требованія, между прочимъ и требованіе аграрнаго закона. Эти волненія были причиной того, что сенатъ желалъ назначенія консуловъ, а не военныхъ трибуновъ; но такъ какъ, вслѣдствіе трибунскихъ протестовъ, невозможно было издать сенатскаго опредѣленія на этотъ счетъ, то управленіе государствомъ переходитъ отъ консуловъ къ междуцарямъ, хоть и тутъ дѣло не обошлось безъ упорной борьбы, такъ какъ трибуны не давали патриціямъ собираться.
Большая половина слѣдующаго года потрачена была на 334 г.
борьбу между новыми народными трибунами и нѣсколькими междуцарями [1]), и когда трибуны то мѣшали патриціямъ собираться для назначенія междуцаря, то не давали междуцарю возможности издать сенатское постановленіе о консульскихъ комиціяхъ, тогда наконецъ Л. Папирій Мугиланъ, назначенный междуцаремъ, упрекая

[1]) Каждый междуцарь оставался въ должности 5 дней; ср. I 17 и примѣч.

и патриціевъ, и народныхъ трибуновъ, говорилъ, что государство, вполнѣ заброшенное людьми и принятое богами подъ свое заботливое покровительство, обязано своимъ существованіемъ единственно перемирію съ вейентами и нерѣшительности эквовъ. А если будетъ грозить съ этой стороны какая-либо опасность, то неужели граждане согласились погубить государство изъ нежеланія имѣть патриціанскихъ магистратовъ? неужели они хотятъ, чтобъ не было войска, чтобъ не было военачальника для набора его? или, быть можетъ, они думаютъ войною внутреннею предотвратить войну внѣшнюю? но вѣдь, если только та и другая сольются въ одну, тогда и съ помощью боговъ съ трудомъ можно будетъ остановить разрушеніе римскаго государства. Пусть же каждый изъ нихъ поступится преимуществами своего права для установленія согласія посредствомъ взаимныхъ уступокъ: патриціи пусть допустятъ выборъ военныхъ трибуновъ на мѣсто консуловъ, а народные трибуны пусть прекратятъ возраженія противъ предоставленія народу свободнаго выбора четырехъ квесторовъ на равныхъ правахъ какъ изъ плебеевъ, такъ и изъ патриціевъ.

44. Прежде всего открыты были трибунскія комиціи. Въ трибуны съ консульскою властью были избраны все патриціи: Л. Квинктій Цинциннатъ въ третій разъ, Л. Фурій Медуллинъ во второй разъ, М. Манлій и А. Семпроній Атратинъ. Этотъ послѣдній трибунъ предсѣдательствовалъ въ квесторскихъ комиціяхъ, и хотя въ числѣ нѣсколькихъ плебеевъ соискателями квестуры выступили сынъ народнаго трибуна Антистія и братъ другого народнаго трибуна Сек. Помпилія, но ни вліяніе этихъ трибуновъ, ни избирательное давленіе ихъ не помогли: народъ за знатность оказалъ предпочтеніе тѣмъ лицамъ, отцовъ и дѣдовъ которыхъ онъ видѣлъ въ званіи консуловъ. Неистовствовали всѣ народные

трибуны, а особенно задѣты были невыборомъ своихъ кандидатовъ Помпилій и Антистій, спрашивая, что-же это значитъ? ни благодѣянія ихъ, ни обиды патриціевъ, ни, наконецъ, желаніе, нынѣ исполнимое, воспользоваться тѣмъ, что раньше не было достижимо, не повліяли на избраніе кого-нибудь изъ плебеевъ, не только въ военные трибуны, но даже въ квесторы? Не повліяли просьбы отца за сына, просьбы брата за брата, просьбы народныхъ трибуновъ, представителей неприкосновенной власти, учрежденной для охраны свободы! Тутъ несомнѣнный обманъ, и А. Семпроній, руководя комиціями, употребилъ больше пронырства, чѣмъ честности. Они жалуются, что ихъ кандидаты лишены должности, именно благодаря неправильнымъ дѣйствіямъ Семпронія. И вотъ, такъ какъ невозможно было напасть на самого А. Семпронія, неуязвимаго какъ благодаря его невинности, такъ и отправляемой имъ въ ту пору должности, то трибуны обратили гнѣвъ свой на Г. Семпронія, двоюроднаго брата Атратина, и, поддерживаемые своимъ товарищемъ М. Канулеемъ, привлекли Гая къ суду за пораженіе римлянъ въ войнѣ съ вольсками. Вслѣдъ за этимъ тѣ же трибуны завели въ сенатѣ рѣчь о раздѣлѣ полей, чему Г. Семпроній всегда былъ самымъ жестокимъ противникомъ; трибуны были увѣрены, какъ то и оправдалось, что Г. Семпроній или откажется отъ защиты интересовъ своей партіи, и тогда онъ, въ качествѣ обвиняемаго, найдетъ въ патриціяхъ меньшее участіе къ себѣ, или будетъ упорствовать, и въ такомъ случаѣ озлобитъ плебеевъ ко времени суда. Гай предпочелъ скорѣе подвергнуться ненависти противной стороны и повредить своимъ личнымъ интересамъ, чѣмъ отказаться отъ защиты интересовъ общихъ, и поэтому твердо продолжалъ стоять на томъ же мнѣніи—не оказывать плебеямъ милости, имѣющей только увеличить популярность трехъ трибу-

новъ, которые-де и теперь не столько добиваются раздѣла земель плебеямъ, сколько стараются возбудить ненависть народа къ нему; что онъ также мужественно встрѣтитъ бурю этой ненависти, а сенату не слѣдуетъ ни его, ни иного какого-нибудь гражданина цѣнить настолько высоко, чтобы благополучіе одного человѣка покупать цѣною общаго несчастія. То же мужество онъ обнаружилъ и въ своей личной защитѣ въ день суда; но, несмотря на всевозможныя старанія патриціевъ смягчить плебеевъ, онъ все-таки былъ присужденъ къ уплатѣ штрафа въ пятнадцать тысячъ ассовъ.

Въ тотъ же годъ весталка Постумія защищалась предъ судомъ отъ обвиненія въ нарушеніи обѣта дѣвственности; будучи на самомъ дѣлѣ невинной въ преступленіи, она подавала сильный поводъ къ подозрѣнію слишкомъ большою изысканностью своего костюма и болѣе вольнымъ, чѣмъ то было прилично для дѣвушки, поведеніемъ. Дѣло о ней разбиралось дважды, и затѣмъ верховный понтификъ, послѣ оправданія, отъ имени коллегіи, предложилъ ей воздерживаться отъ шутокъ и одѣваться съ большею пристойностью, чѣмъ кокетливостью.

Въ этомъ же году были взяты кампанцами Кумы, городъ, которымъ въ то время владѣли греки.

335 г. Въ слѣдующемъ году военными трибунами съ консульскою властью были Агриппа Мененій Ланатъ, П. Лукреції Трицинитинъ и Сп. Навтій Рутилъ. **35.** Годъ этотъ, благодаря только счастливой судьбѣ римскаго народа, отмѣченъ не столько дѣйствительнымъ бѣдствіемъ, сколько чрезвычайною опасностью. Рабы составили заговоръ въ разныхъ пунктахъ поджечь городъ и занять вооруженною силою кремль и Капитолій въ то самое время, когда народъ вездѣ будетъ занятъ тушеніемъ горящихъ домовъ. Преступные замыслы отвратилъ Юпитеръ: по доносу двухъ рабовъ, виновные были

схвачены и понесли наказаніе. Доносчики получили въ награду свободу и изъ казны по десять тысячъ тяжелыхъ мѣдныхъ ассовъ [1]), что въ то время считалось богатствомъ.

Вслѣдъ за этимъ эквы снова начали приготовляться къ войнѣ, при чемъ въ Римѣ получено было извѣстіе изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, что къ старымъ врагамъ собираются присоединиться новые, именно лабиканцы. Римляне уже свыклись съ чуть не ежегодными вторженіями эквовъ; въ Лабики же отправлено было посольство; но послы вернулись съ уклончивымъ отвѣтомъ, изъ котораго явствовало, что къ войнѣ сейчасъ они не приготовляются, но что и миръ не долго будетъ продолжаться. Вслѣдствіе этого на тускуланцевъ возложено было порученіе слѣдить за тѣмъ, чтобы со стороны Лабикъ не произошло никакого новаго движенія.

Въ слѣдующемъ году къ военнымъ трибунамъ съ консульскою властью, по вступленіи ихъ въ должность, отъ 336 г.
города Тускула явились послы; трибунами были Л. Сергій Фиденатъ, М. Папирій Мугиланъ и Г. Сервилій, сынъ того самаго Приска, въ диктаторство котораго взяты были Фидены. Послы сообщали, что лабиканцы взялись за оружіе и, опустошивъ, совмѣстно съ войсками эквовъ, поля тускуланцевъ, расположились лагеремъ на Альгидѣ. Тогда лабиканцамъ была объявлена война; но, вслѣдъ за изданіемъ сенатскаго постановленія, предписывавшаго двумъ изъ трибуновъ отправиться на войну, а третьему завѣдывать дѣлами въ Римѣ, среди трибуновъ вдругъ возникли споры: каждый доказывалъ, что онъ лучшій военачальникъ, каждый отказывался отъ завѣдыванія дѣлами города, какъ роли неблагодарной и непочетной. Сенаторы съ недоумѣніемъ смотрѣли на непристойныя препирательства среди товарищей, и Кв.

1) См. I 43 примѣч.

Сервилій наконецъ сказалъ: „разъ нѣтъ у васъ уваженія ни къ этому [1]) сословію, ни къ государству, то конецъ этимъ позорнымъ пререканіямъ положитъ отцовская власть: начальникомъ города останется безъ метанія жребія мой сынъ. О если бы только люди, которые домогаются командованія на войнѣ, вели ее съ большею осмотрительностью и съ большимъ согласіемъ, чѣмъ высказываютъ это желаніе“. **46.** Рѣшено было произвести наборъ, но не повсемѣстно изъ всего народа, а только изъ десяти трибъ, выбранныхъ по жребію; изъ нихъ-то были записаны въ воины молодые граждане, которые и отправились на войну подъ командой двухъ трибуновъ. Но раздоры, начавшіеся между трибунами еще въ городѣ, вслѣдствіе все того же страстнаго желанія командовать, приняли въ лагерѣ еще большіе размѣры. Не имѣли они никакого общаго плана, каждый отстаивалъ свое мнѣніе: каждый хотѣлъ, чтобы его планы, его распоряженія единственно принимались въ расчетъ, не скрывая при этомъ взаимнаго презрѣнія другъ къ другу, пока, наконецъ, уступая укоризнамъ легатовъ, не рѣшили командовать по очереди черезъ день. Когда объ этомъ дано было знать въ Римъ, Кв. Сервилій, наученный долголѣтнимъ опытомъ, говорятъ, обратившись съ молитвою къ безсмертнымъ богамъ, да не потерпитъ государство еще большаго урона отъ несогласія трибуновъ, чѣмъ то было подъ Веями, и, какъ бы предчувствуя несомнѣнное пораженіе, настоялъ, чтобы сынъ произвелъ наборъ воиновъ и заготовилъ оружіе. И онъ оказался неложнымъ пророкомъ. Дѣйствительно, въ то время когда Л. Сергій, въ день своего командованія, расположившись на невыгодной позиціи подъ самымъ лагеремъ непріятельскимъ, послѣдовалъ за непріятелемъ, отступившимъ къ своимъ окопамъ въ

1) Т. е. сенаторскому.

притворномъ страхѣ, и зашелъ туда, увлекаемый тщетною надеждою взять лагерь приступомъ, въ это время внезапнымъ натискомъ эквовъ римляне были отброшены внизъ въ долину и при этомъ движеніи, которое правильнѣе назвать низверженіемъ, чѣмъ бѣгствомъ, было задавлено и перебито много людей. И лагерь, съ трудомъ удержанный въ тотъ день, на слѣдующій день, когда враги уже почти со всѣхъ сторонъ обступили его, былъ покинутъ въ постыдномъ бѣгствѣ черезъ заднія ворота. Вожди, легаты и отборная часть войска, окружавшая знамена, устремились въ Тускулъ; остальное войско, разсѣявшись во всѣ стороны по полямъ, разными дорогами направилось въ Римъ, принося съ собою вѣсть о болѣе тяжеломъ пораженіи, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Въ городѣ произошло неособенное смятеніе вслѣдствіе того обстоятельства, что исходъ оказался именно такой, какого боялись, равно какъ и потому, что военный трибунъ заготовилъ резервы, на которые можно было опереться въ настоящемъ опасномъ положеніи. И по приказу того же Сервилія, когда, благодаря стараніямъ низшихъ магистратовъ, тревога въ городѣ улеглась, поспѣшно были отправлены лазутчики, которые донесли, что вожди съ войскомъ находятся въ Тускулѣ, и что непріятель стоитъ лагеремъ на мѣстѣ. Тогда, что подѣйствовало особенно ободрительно на умы гражданъ, было издано сенатское постановленіе о назначеніи диктатора въ лицѣ Кв. Сервилія Приска, человѣка, предусмотрительность котораго въ управленіи дѣлами государства была испытана какъ раньше, во многихъ другихъ опасныхъ случаяхъ, такъ и въ исходѣ настоящей войны, потому что онъ одинъ предугадалъ несчастныя послѣдствія соперничества трибуновъ. Выбравъ себѣ въ начальники конницы военнаго трибуна, которымъ самъ былъ назначенъ въ диктаторы, именно своего сына (по свидѣтельству однихъ;

ибо, по свидѣтельству другихъ, въ тотъ годъ начальникомъ конницы былъ Агала Сервилій), онъ съ новой арміей выступилъ на войну и, присоединивъ къ ней войска, вызванныя изъ Тускула, расположился лагеремъ на разстояніи двухъ тысячъ шаговъ отъ непріятеля. **47**. Самоувѣренность и небрежность, которыми раньше страдали римскіе полководцы, теперь, благодаря успѣху, перешли къ эквамъ. Итакъ, диктаторъ, пустивъ конницу въ самомъ же началѣ сраженія, смялъ передніе ряды непріятелей; а за кавалеріей приказалъ немедленно двинуться легіонамъ, при чемъ убилъ одного изъ своихъ знаменосцевъ за его медлительность. Римляне съ такимъ воодушевленіемъ бросились въ бой, что-эквы не выдержали натиска и, побѣжденные на полѣ сраженія, устремились въ безпорядочномъ бѣгствѣ къ лагерю; но на осаду лагеря потребовалось меньше времени и меньше усилій, чѣмъ на самое сраженіе. Лагерь былъ взятъ и разграбленъ, при чемъ добычу диктаторъ предоставилъ воинамъ. Тѣмъ временемъ всадники, погнавшіеся за убѣгавшимъ изъ лагеря непріятелемъ, донесли, что всѣ лабиканцы побѣждены, и что большая часть эквовъ убѣжала въ Лабики; тогда на слѣдующій-же день войско было направлено къ Лабикамъ, и городъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, былъ взятъ штурмомъ и разграбленъ. Затѣмъ диктаторъ отвелъ побѣдоносное войско въ Римъ и тамъ сложилъ съ себя должность черезъ восемь дней по избраніи на нее. А сенатъ, улучивъ удобный моментъ и желая предупредить аграрныя смуты, которыя готовы были поднять народные трибуны, заведя рѣчь о раздѣлѣ лабиканскихъ земель, въ многочисленномъ собраніи высказался въ пользу необходимости вывода колоніи въ Лабики. Высланные изъ Рима колонисты, въ числѣ 1500 человѣкъ, получили въ надѣлъ по два югера[1]) земли.

1) Югеръ (iugerum) имѣлъ 240 фут. въ длину и 120 ф. въ ширину.

Вслѣдъ за взятіемъ Лабикъ и потомъ два года, одинъ, когда были военными трибунами съ консульскою властью Агриппа Меневій Ланатъ, Г. Сервилій Структъ, П. Лукрецій Трицipитинъ, всѣ три во второй разъ, и Сп. Рутилій Крассъ, и другой годъ, когда трибунами были А. Семпроній Атратинъ въ третій разъ, а два другихъ, М. Папирій Мугиланъ и Сп. Навтій Рутилъ, во второй разъ, протекли въ полномъ спокойствіи извнѣ, но среди несогласій изъ-за аграрныхъ законопроектовъ внутри. **48**. Возмутителями черни выступили народные трибуны Сп. Мецилій и М. Метилій, оба выбранные въ свое отсутствіе, первый въ четвертый разъ, а второй въ третій разъ. Такъ какъ эти трибуны обнародовали законопроектъ о раздѣлѣ всѣхъ земель, взятыхъ у непріятелей, между всѣми поголовно, и такъ какъ по этому плебисциту[1]) богатства значительной части знатныхъ должны были отойти въ казну (ибо городу, заложенному на чужой почвѣ, не принадлежало ни одной почти пяди земли, которая не была бы пріобрѣтена оружіемъ, и только плебеи владѣли тѣмъ, что имъ было продано или дано въ надѣлъ государствомъ), то очевидно было, что плебеямъ и патриціямъ предстоитъ самая отчаянная борьба. И, военные трибуны, ни въ сенатѣ, ни на частныхъ собраніяхъ, созываемыхъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ, не находили пути къ изысканію плана дѣйствій, когда Ап. Клавдій, внукъ того, который былъ децемвиромъ въ коммиссіи для составленія законовъ, самый младшій изъ членовъ сената, бывшихъ на собраніи, сказалъ, говорятъ, что онъ принесъ изъ дому старинный и фамильный планъ: прадѣдъ его, Ап. Клавдій, показалъ сенаторамъ единственный путь сломить трибунскую власть: путь этотъ — протестъ товарищей трибуновъ. Вліятельность, которою пользуются 337—338 гг.

1) См. III 55 нач. и примѣч.

первыя лица въ государствѣ, легко можетъ заставить „новыхъ“ [1]) людей отказаться отъ мнѣнія, если порой прибѣгать къ рѣчамъ, въ которыхъ патрицій долженъ помнить не столько о своемъ величіи, сколько о требованіяхъ обстоятельствъ. Трибуны вооружаются энергіей только въ борьбѣ за свои интересы; поэтому, какъ только они замѣтятъ, что товарищи-иниціаторы требованія предвосхитили все расположеніе у плебеевъ, и имъ не осталось средствъ для пріобрѣтенія такой-же популярности, они съ большою охотою примкнутъ къ защитѣ интересовъ сената, чтобы тѣмъ снискать себѣ расположеніе не только у вліятельнѣйшихъ изъ отцевъ, но и у цѣлаго сословія. Всѣ одобряли предложенный планъ дѣйствія, но больше всѣхъ хвалилъ юношу за вѣрность традиціямъ рода Клавдіевъ Кв. Сервилій Прискъ. Итакъ, на каждаго возлагается порученіе склонять по возможности членовъ трибунской коллегіи къ протестамъ. Послѣ распущенія сената, вліятельнѣйшіе изъ сенаторовъ пожимаютъ руки трибунамъ; совѣтами, убѣжденіями, увѣреніями, что это будетъ пріятно для каждаго изъ сенаторовъ въ частности, пріятно, наконецъ, для всего сената, они подготовили шесть трибуновъ къ протесту. И на слѣдующій день, когда, по заранѣе сдѣланному уговору, было доложено сенату, что Мецилій и Метилій поднимаютъ смуту, предлагая оказать народу милость, могущую послужить пагубнымъ примѣромъ на будущее время, то старшіе изъ сенаторовъ стали держать рѣчи въ томъ смыслѣ, что каждый-де ничего уже не можетъ посовѣтовать отъ себя, а что единственную помощь видитъ только въ содѣйствіи трибуновъ, и государство, опутанное коварствомъ, подобно частному человѣку, ищущему помощи, прибѣгаетъ подъ защиту этой власти; лестно-де и для самихъ три-

[1]) См. I 34 пр.

буновъ, и для власти ихъ, что трибунатъ располагаетъ одинаково средствами какъ для того, чтобы тревожить сенатъ и возбуждать разладъ между сословіями, такъ и для того, чтобы сдержать безчестныхъ товарищей. Вслѣдъ за этимъ раздается всеобщій шумъ въ сенатѣ, такъ какъ во всѣхъ частяхъ куріи слышались обращенія къ трибунамъ. А когда водворилось молчаніе, то трибуны, заранѣе уже подготовленные вліяніемъ вельможъ, объявляютъ вовсеуслышаніе, что они будутъ протестовать противъ всякаго законопроекта, обнародованнаго товарищами, который, въ глазахъ сената, клонится къ тому, чтобы пошатнуть государство. Готовность трибуновъ протестовать встрѣчена была благодарностью со стороны сената; а авторы законопроекта, созвавъ народъ на сходку, хотя и называли своихъ товарищей измѣнниками интересамъ плебеевъ, рабами бывшихъ консуловъ и громили ихъ разными ругательными словами, все-же взяли свой проектъ обратно.

49. Въ слѣдующемъ году, когда военными трибунами съ консульскою властью были П. Корнелій Коссъ, Г. Валерій Потитъ, Кв. Квинктій Цинциннатъ и Нум. Фабій Вибуланъ, Риму пришлось бы вести двѣ войны, еслибы война съ веіентами не была отсрочена вслѣдствіе суевѣрія веіентскихъ начальниковъ, испугавшихся по случаю разлитія Тибра, который, вышедши изъ береговъ и разрушивъ преимущественно усадьбы, произвелъ опустошенія въ ихъ поляхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ пораженіе, понесенное эквами три года назадъ, удержало ихъ отъ подачи помощи единоплеменному съ ними народу боланамъ. Со стороны этихъ послѣднихъ были произведены набѣги на смежныя съ ними поля лабиканцевъ, и такимъ образомъ были открыты военныя дѣйствія противъ новыхъ римскихъ колонистовъ. Боланы расчитывали на сочувствіе всѣхъ эквовъ и съ по- 339 г.

мощью ихъ думали отвратить вредныя послѣдствія своихъ набѣговъ; но, покинутые своими единоплеменниками, они не потребовали даже сколько-нибудь серьезной войны противъ себя, а потеряли и городъ, и владѣнія свои послѣ осады и одного незначительнаго сраженія. Старанія народнаго трибуна Л. Деція провести проектъ о посылкѣ колонистовъ и въ Болы, какъ были посланы въ Лабики, разстроились вслѣдствіе протеста товарищей, которые категорически объявили, что не пропустятъ никакого плебисцита безъ утвержденія сената.

340 г. Въ слѣдующемъ году Болы были отобраны эквами, которые выслали туда колонію и усилили охрану города новыми отрядами. Въ Римѣ въ этомъ году военными трибунами съ консульскою властью были Гн. Корнелій Коссъ, Л. Валерій Потитъ, Кв. Фабій Вибуланъ во второй разъ и М. Постумій Регилльскій. Война съ эквами была поручена этому послѣднему, человѣку, исполненному коварства, которое, однако, обнаружила въ немъ скорѣе побѣда, чѣмъ сама война. Наборъ онъ произвелъ энергично и, отправившись съ войскомъ къ Боламъ, послѣ легкихъ стычекъ съ эквами сокрушилъ мужество ихъ и наконецъ вторгся въ городъ. Но затѣмъ, покончивъ борьбу съ врагами, онъ переноситъ ее на согражданъ: объявивъ воинамъ во время штурма, что добыча будетъ принадлежать имъ, онъ, послѣ взятія города, измѣнилъ своему слову. Я больше склоняюсь вѣрить тому, что это именно обстоятельство и было причиной озлобленія воиновъ, чѣмъ тому, будто въ городѣ, незадолго предъ тѣмъ разграбленномъ, и въ колоніи, недавно основанной, добычи оказалось меньше, чѣмъ о томъ раньше предсказывалъ трибунъ. Озлобленіе противъ себя Постумій усилилъ тѣмъ, что, вызванный по случаю внутреннихъ раздоровъ, производимыхъ трибунами, по возвращеніи своемъ въ городъ, на сходкѣ, на которой народный трибунъ М. Секстій предлагалъ аграрный законопроектъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ также и о намѣреніи войти съ проектомъ о посылкѣ колонистовъ въ Болы (ибо, говорилъ трибунъ, справедливость требуетъ предоставить городъ Болы вмѣстѣ съ его землею тѣмъ, чьимъ оружіемъ этотъ городъ былъ взятъ), онъ, обращаясь къ Секстію, вовсеуслышаніе сказалъ фразу безсмысленную и чуть не безумную: „Ну, горе[1]) же моимъ воинамъ, ежели они не успокоятся“! Эта фраза оскорбила собраніе, а вслѣдъ за тѣмъ такъ-же непріятно подѣйствовала и на сенаторовъ. А народный трибунъ, человѣкъ пылкій и въ рѣчи находчивый, наткнувшись среди противниковъ на человѣка надменнаго и настолько невоздержнаго на языкъ, что подзадориваніемъ и раздраженіемъ онъ, трибунъ, могъ вызвать его на произнесеніе словъ, которыя возбудили негодованіе не только противъ самого Постумія, но и противъ дѣла его партіи и даже цѣлаго сословія,—никого изъ коллегіи военныхъ трибуновъ не вызывалъ на споръ такъ часто, какъ Постумія; а затѣмъ послѣ такого жестокаго и безчеловѣчнаго слова онъ сказалъ: „Вы слышите, Квириты, угрозу воинамъ, точно рабамъ, въ словѣ *горе*? и все-же этотъ дикій звѣрь окажется въ глазахъ вашихъ болѣе достойнымъ такой великой чести, чѣмъ люди, которые, посылая васъ въ колоніи, надѣляютъ васъ городомъ и землею, которые пекутся объ убѣжищѣ для старости вашей, которые отстаиваютъ интересы ваши въ борьбѣ со такими жестокими и надменными противниками? Съ этого времени можете удивляться, почему уже немногія только

1) Словомъ *горе* переведено здѣсь латинское слово *malum*, служившее терминомъ и употреблявшееся только по отношенію къ рабамъ, когда кто-либо грозилъ имъ ударами плетьми, казнью. Поэтому, болѣе свободный переводъ въ данномъ случаѣ слова *malum* былъ бы: „плетей вамъ, воины!“

лица берутъ на себя трудъ защищать ваше дѣло! На что имъ надѣяться отъ васъ? не на почести ли, которыя вы скорѣе предоставляете противникамъ своимъ, чѣмъ защитникамъ римскаго народа? только-что вы застонали, услыхавъ его слово: но что-жъ изъ этого? если вамъ предоставить право подачи голосовъ, вы все равно окажете предпочтеніе этому человѣку, который грозитъ вамъ плетьми, предъ тѣми, которые хотятъ закрѣпить за вами землю и дать вамъ прочную и обезпеченную осѣдлость".

50. Фраза Постумія, дойдя до воиновъ, возбудила въ лагерѣ еще большее негодованіе: похитителю добычи и обманщику грозить еще воинамъ словомъ *горе?* говорили въ лагерѣ. Итакъ, когда ропотъ сталъ раздаваться открыто, квесторъ П. Сестій, полагая, что возмущеніе можно сдержать той-же жестокостью, которая вызвала волненіе, посылаетъ ликтора къ одному изъ кричавшихъ воиновъ; тогда съ той стороны поднялся крикъ и брань, и квесторъ, получивъ ударъ камнемъ, удалился изъ толпы, между тѣмъ какъ ранившій его воинъ съ бранью кричалъ ему въ слѣдъ, что квесторъ получилъ то, чѣмъ полководецъ грозилъ воинамъ. Вызванный изъ Рима по случаю этого волненія въ лагерѣ, Постумій суровымъ производствомъ слѣдствія, жестокими казнями, еще болѣе обострилъ положеніе всего дѣла. Наконецъ, не зная границъ своему гнѣву, онъ, совершенно обезумѣвъ, самъ сбѣгаетъ съ трибунала къ воинамъ, столпившимся около своихъ кричавшихъ товарищей, которыхъ Постумій приказалъ умертвить подъ плетенкой [1]), и не дававшимъ совершать казнь. Но тутъ, когда ликторы и центуріоны стали вездѣ грубо раздвигать толпу, негодованіе возросло до такой

[1]) Одинъ изъ видовъ казни: преступникамъ прикрѣплялась на головѣ плетенка и заваливалась камнями. Ср. I 51.

степени, что военнаго трибуна совершенно засыпало камнями его собственное войско. Лишь только вѣсть о такомъ ужасномъ преступленіи пришла въ Римъ, военные трибуны немедленно стали требовать отъ сената назначенія слѣдствія по дѣлу о смерти ихъ товарища; но народные трибуны протестовали противъ этого. Однако, настоящая борьба находилась въ связи съ другимъ вопросомъ, который заботилъ патриціевъ, боявшихся, какъ-бы плебеи, отъ страха предъ слѣдствіями и подъ вліяніемъ озлобленія, не выбрали военныхъ трибуновъ изъ плебеевъ, вслѣдствіе чего патриціи направили всѣ усилія къ тому, чтобы были назначены консулы. Такъ какъ народные трибуны не допускали изданія сенатскаго опредѣленія на этотъ счетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ протестовали противъ консульскихъ комицій, то дѣло дошло до междуцарствія, а затѣмъ побѣда осталась за патриціями.

51. На комиціяхъ, состоявшихся подъ предсѣдательствомъ междуцаря Кв. Фабія Вибулана, выбраны были въ консулы А. Корнелій Коссъ и Л. Фурій Медуллинъ. 341 г.

Въ самомъ же началѣ года ихъ консульства было издано сенатское постановленіе, предписывавшее трибунамъ безотлагательно внести къ плебеямъ предложеніе о назначеніи слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ Постумія, при чемъ плебеямъ предоставлялось право поставить во главѣ слѣдствія, кого они захотятъ. По единодушному приговору народа дѣло это поручается консуламъ, которые, несмотря на крайнюю сдержанность и снисходительность, выразившуюся въ томъ, что дѣло кончилось казнью нѣсколькихъ воиновъ, добровольно лишившихъ себя жизни, какъ тому всѣ вѣрили, не могли, однако, не вызвать неудовольствія плебеевъ, говорившихъ, что такъ долго не даютъ хода требованіямъ, предъявляемымъ въ интересахъ плебеевъ, между тѣмъ какъ предложеніе о кровавой казни

ихъ немедленно приводится въ исполненіе, и ему придаютъ такую громадную силу! Послѣ совершенія кары надъ мятежниками, былъ самый удобный моментъ успокоить настроеніе умовъ предложеніемъ о раздѣлѣ боланской земли; этою мѣрою можно было ослабить желаніе провести аграрный законопроектъ, который требовалъ лишенія патриціевъ общественнаго поля, несправедливо находившагося въ ихъ владѣніи; а въ ту пору это именно и было причиной негодованія, возмущавшаго умы: знать-де не только упорно хочетъ удержать за собою государственныя земли, которыми она владѣетъ насильственно, но она не хочетъ раздѣлить плебеямъ даже пустопорожней земли, недавно отнятой у непріятелей, а напротивъ, сейчасъ-же хочетъ сдѣлать ее, какъ и все прочее, добычею немногихъ лицъ.

Въ томъ же году, подъ предводительствомъ консула Фурія, были отправлены легіоны противъ вольсковъ, опустошавшихъ владѣнія герниковъ. Не найдя нигдѣ врага, римляне взяли Ферентинъ, въ который укрылось большое число вольсковъ. Добычи здѣсь оказалось меньше, чѣмъ расчитывали, потому что вольски, потерявъ почти всякую надежду защитить городъ, ночью покинули его, забравъ съ собою свое имущество; на слѣдующій день городъ былъ взятъ почти совсѣмъ пустымъ. Ферентинъ и земля, принадлежавшая ему, были подарены герникамъ.

342 г. **52**. Годъ спокойный, благодаря сдержанности трибуновъ, смѣнился годомъ дѣятельности народнаго трибуна Л. Ицилія, въ консульство Кв. Фабія Амбуста и Г. Фурія Пацила. Въ самомъ же началѣ года Ицилій обнародованіемъ аграрныхъ законопроектовъ сталъ возбуждать раздоры между партіями, словно считая то обязанностью своего родового имени; но въ это время появилась чума, не столько, впрочемъ, смертоносная, сколько грозная, и отвлекла помыслы людей отъ форума и политической борьбы къ семьѣ и заботѣ о поддержаніи здоровья; думаютъ даже, что эта чума причинила городу меньше урона, чѣмъ причинили-бы готовившіеся раздоры между партіями. Когда государство освободилось отъ болѣзни, сильно свирѣпствовавшей, хотя и съ незначительнымъ числомъ смертныхъ случаевъ, чумный годъ смѣнился неурожайнымъ, въ консульство М. Папирія Атратина и Г. Навтія Рутила, 343 г.
вслѣдствіе того, что обработка полей была, какъ это большею частью бываетъ, заброшена. Уже голодъ давалъ себя чувствовать больше чумы, если бы разсылка уполномоченныхъ для скупки хлѣба по всѣмъ окрестнымъ народамъ, жившимъ какъ по берегу Этрусскаго моря, такъ и по берегамъ Тибра, не помогла дѣлу продовольствія. Самнитяне, владѣвшіе Капуей и Кумами, съ надменностью отказались имѣть торговыя сношенія съ уполномоченными, зато сицилійскіе тираны выказали полную готовность помочь имъ; благодаря особенному усердію Этруріи, были свезены по рѣкѣ Тибру огромные запасы хлѣба. Консулы вполнѣ убѣдились въ безлюдьи, царившемъ въ больномъ городѣ: не находя для посольствъ болѣе, какъ по одному сенатору, они вынуждены были включить въ составъ ихъ по два всадника [1]). За исключеніемъ чумы и голода, другой невзгоды, внутренней или внѣшней, никакой въ это двухлѣтіе не было. Зато, лишь только миновало безпокойство, причиняемое этими бѣдствіями, тотчасъ появилось все то, отъ чего въ государствѣ возникалъ обыкновенно безпорядокъ: внутри раздоръ, извнѣ война.

53. Въ консульство М. Эмилія и Г. Валерія Потита 344 г.
эквы стали готовиться къ войнѣ вмѣстѣ съ вольсками

1) Депутаціи, которымъ даваемы были дипломатическія порученія, состояли исключительно изъ сенаторовъ, назначаемыхъ или по жребію, или голосованіемъ сената, или, по его порученію, магистратомъ-предсѣдателемъ.

взявшимися за оружіе хоть и не по рѣшенію правительства, но все-же отправившимися на службу въ качествѣ добровольцевъ за жалованье. Въ то время какъ, съ извѣстіемъ о появленіи этихъ враговъ (а они уже, дѣйствительно, успѣли вступить въ поля латинянъ и герниковъ), консулъ Валерій приступилъ къ набору войска, а народный трубунъ М. Мененій, вошедшій съ аграрнымъ законопроектомъ, мѣшалъ консулу, и опираясь на заступничество трибуна, никто противъ воли не давалъ присяги, — въ это время приходитъ извѣстіе о занятіи врагами Карвентской крѣпости. Оскорбленіе, нанесенное этимъ обстоятельствомъ чести римскаго имени, съ одной стороны, возбудило ненависть патриціевъ къ Мененію, а съ другой, прочимъ трибунамъ, уже заранѣе настроеннымъ къ протесту противъ аграрнаго законопроекта, подало еще болѣе законный поводъ къ сопротивленію своему товарищу. И вотъ, когда дѣло тянулось въ пререканіяхъ, и консулы, призывая въ свидѣтели боговъ и людей, говорили, что всякое пораженіе и оскорбленіе, какое только враги причинили уже или грозятъ причинить, падетъ на голову Мененія, такъ какъ онъ противодѣйствуетъ набору, а Мененій съ своей стороны кричалъ, что онъ перестанетъ задерживать наборъ, если незаконные владѣтели общественнаго поля откажутся отъ владѣнія имъ, — тогда остальные девять трибуновъ, вмѣшавшись съ своимъ постановленіемъ, положили конецъ спорамъ, объявивъ отъ имени коллегіи, что они будутъ поддерживать консула Г. Валерія, если онъ найдетъ нужнымъ, вопреки протестамъ товарища, но въ интересахъ набора, примѣнить штрафъ и иныя мѣры строгости къ гражданамъ, уклоняющимся отъ военной службы. Когда консулъ, вооружившись этимъ постановленіемъ, приказалъ насильно притащить къ своему трибуналу нѣсколькихъ упрямцевъ, взывавшихъ къ трибуну о помощи, тогда и

прочіе въ страхѣ стали давать присягу. Войско, отправленное къ Карвентской крѣпости, несмотря на свою ненависть и враждебность къ консулу, съ самого же перваго приступа энергичнымъ нападеніемъ опрокинуло гарнизонъ и отобрало назадъ крѣпость; успѣху нападенія содѣйствовала безпечность гарнизона, часть котораго ушла на добычу. Благодаря постояннымъ набѣгамъ и тому обстоятельству, что непріятель все складывалъ въ безопасное мѣсто, добычи здѣсь оказалось довольно много. Выручку отъ публичной продажи этой добычи консулъ приказалъ квесторамъ обратить въ доходъ казны, предупреждая при этомъ войско, что оно будетъ получать свою долю добычи только тогда, когда не будетъ отказываться отъ военной службы. Это усилило озлобленіе плебеевъ и воиновъ противъ консула. Поэтому, когда онъ, согласно сенатскому постановленію, входилъ въ городъ съ оваціей, слышны были импровизованныя пѣсни, распѣваемыя съ солдатскою вольностью двумя смѣнявшими другъ друга хорами; въ этихъ пѣсняхъ консула бранили, а имя Мененія превозносили похвалами, между тѣмъ какъ кругомъ стоявшій народъ, выражая свое расположеніе къ трибуну, при всякомъ упоминаніи его имени, отвѣчалъ на голоса воиновъ сочувственными рукоплесканіями. И рукоплесканія эти внушали сенаторамъ больше безпокойства, чѣмъ почти вошедшія въ обычай вольныя шутки воиновъ на счетъ консула [1]); въ виду этого, назначивъ консульскія комиціи, они исключили его изъ числа кандидатовъ, какъ будто-бы несомнѣнно было, что Мененій попадаетъ въ число военныхъ трибуновъ, если только будетъ искать этой должности.

———

1) Долго существовалъ у римлянъ обычай, въ силу котораго воины, во время тріумфальнаго шествія, сопровождали своего военачальника импровизованными пѣснями насмѣшливаго и язвительнаго содержанія.

345 г. **54**. Въ консулы были выбраны Гн. Корнелій Коссъ и во второй разъ Л. Фурій Медуллинъ. Никогда плебеи не досадовали въ такой степени на то, что имъ не предоставлены были военно-трибунскія комиціи. Эту досаду они дали почувствовать на квесторскихъ комиціяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ же и отомстили, выбравъ въ первый разъ квесторовъ изъ плебеевъ, такъ что, несмотря на выборы четырехъ лицъ, только одна ваканція была предоставлена патрицію, Кв. Фабію Амбусту, а три плебея, Кв. Силій, П. Элій и Г. Аппій, были предпочтены юношамъ изъ самыхъ блестящихъ фамилій. Изъ источниковъ я узнаю, что такой смѣлый выборъ былъ внушенъ народу тремя Ициліями, принадлежавшими къ наиболѣе враждебной патриціямъ фамиліи и избранными на этотъ годъ въ народные трибуны, въ виду того, что они сулили массу разнообразныхъ и важныхъ проектовъ страшно жадному до этого народу, заявивъ при этомъ, что они пальцемъ не двинутъ, если даже въ квесторскихъ комиціяхъ, единственныхъ, на которыхъ сенатъ предоставилъ право выбора, наравнѣ съ патриціями, и плебеевъ, не хватитъ у народа достаточно мужества для достиженія того, чего плебеи такъ долго хотѣли, и что, наконецъ, разрѣшено имъ законами. Такимъ образомъ, результатъ квесторскихъ комицій былъ въ глазахъ плебеевъ великою побѣдою, не потому, чтобы они смотрѣли на полученіе квестуры, какъ на достиженіе своихъ стремленій собственно къ почетной должности, но потому, что „новымъ“ [1]) людямъ, казалось имъ, открытъ доступъ къ консульству и тріумфамъ. Патриціи, напротивъ, роптали, что тутъ дѣло идетъ не столько о предоставленіи доли права на полученіе высшихъ должностей, сколько о совершенной потерѣ ихъ; что

1) См. I 34 примѣч.

въ такомъ случаѣ нечего воспитывать дѣтей, если они, лишенные положенія предковъ, должны смотрѣть, какъ другіе владѣютъ ихъ достоинствомъ, и ограничиваться лишь службою саліевъ и фламиновъ [1]) для возношенія жертвоприношеній за народъ, безъ всякой власти, военной и гражданской. Когда умы обѣихъ партій были раздражены, а плебеи набрались мужества, имѣя для защиты народнаго дѣла трехъ такихъ именитыхъ вождей,— патриціи, видя, что всякія комиціи, на которыхъ плебеямъ представлено право дѣлать выборы изъ обоихъ сословій, будутъ походить на комиціи квесторскія, всемѣрно настаивали на комиціяхъ консульскихъ, которыя еще не для всѣхъ доступны; Ициліи, напротивъ, возражали, что слѣдуетъ выбрать военныхъ трибуновъ и наконецъ-то предоставить плебеямъ возможность участія въ высшихъ почестяхъ.

55. Но не было никакого дѣйствія со стороны консуловъ, мѣшая которому трибуны могли бы добиться желаемаго, какъ вдругъ болѣе чѣмъ кстати приходитъ извѣстіе, что вольски съ эквами выступили для грабежа за предѣлы своихъ владѣній на поля латинянъ и герниковъ. Лишь только консулы, согласно сенатскому постановленію, принялись производить наборъ для этой войны, трибуны тотчасъ всѣми мѣрами стали имъ противодѣйствовать, указывая, что сама судьба посылаетъ трибунамъ и плебеямъ настоящій случай. Три было трибуна и всѣ они отличались чрезвычайною энергичностью, да къ тому же уже и родовитостью, насколько то позволяло имъ плебейское происхожденіе. Двое изъ нихъ берутъ на себя, каждый по одному, неусыпное наблюденіе за консулами; третьему поручаютъ то сдерживать, то возбуждать плебеевъ своими рѣчами на собраніяхъ. И ни консулы не могли кончить съ наборомъ, ни трибуны не могли добиться желаемыхъ коми-

1) См. I 20 пр.

цій. Затѣмъ судьба стала склоняться на сторону плебеевъ, и пришли извѣстія, что эквы, воспользовавшись удаленіемъ гарнизонныхъ воиновъ, разсѣявшихся для добычи, ворвались въ Карвентскую крѣпость, перебивши при этомъ немногочисленную стражу; прочіе изъ гарнизона перебиты частью тогда, когда они бѣжали обратно въ крѣпость, частью въ то время, когда врассыпную бродили по полямъ. Это несчастное для государства событіе придало требованіямъ трибуновъ новыя силы: напрасно къ Ициліямъ дѣлали всевозможные подходы, желая заставить ихъ отказаться наконецъ отъ противодѣйствія войнѣ; не уступая ни передъ бѣдствіемъ государственнымъ, ни передъ ненавистью, которую возбуждали противъ себя, они добились изданія сенатскаго постановленія объ избраніи военныхъ трибуновъ съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, чтобы не принималась во вниманіе кандидатура ни одного изъ народныхъ трибуновъ того года, и чтобы ни одинъ изъ нихъ не былъ выбираемъ на предстоящій годъ; этимъ сенатъ ясно указывалъ на Ициліевъ, которыхъ патриціи обвиняли въ стремленіи къ консульству, какъ наградѣ за мятежныя требованія во время своего трибуната. Только послѣ этого приступили къ набору войскъ, и всѣ сословія начали съ полнымъ единодушіемъ дѣлать приготовленія къ войнѣ. Оба ли консула отправились къ Карвентской крѣпости, или одинъ изъ нихъ оставался въ городѣ для предсѣдательствованія въ комиціяхъ, это подлинно неизвѣстно, въ виду разногласія источниковъ; несомнѣннымъ приходится считать то, въ чемъ эти послѣдніе не расходятся, именно, что, послѣ продолжительной, но безуспѣшной осады, армія отступила отъ Карвентской крѣпости, но зато отобрала въ землѣ вольсковъ Верруго, при чемъ, совершивъ опустошительные набѣги какъ на владѣнія эквовъ, такъ и на поля вольсковъ, захватила съ собою огромную добычу.

56. Въ Римѣ побѣда осталась на сторонѣ плебеевъ, такъ какъ они добились того, что состоялись желанныя для нихъ комиціи, зато самый результатъ комицій далъ перевѣсъ патриціямъ: ибо, вопреки всеобщему ожиданію, въ военные трибуны съ консульскою властью были выбраны всѣ три патриція: Г. Юлій Юлъ, П. 346 г. Корнелій Коссъ и Г. Сервилій Агала. Говорятъ, что патриціи прибѣгли къ уловкѣ, въ которой Ициліи тогда же обвиняли ихъ, говоря, что они нарочито вмѣстѣ съ достойными кандидатами выставили цѣлую толпу недостойныхъ, чтобы, пользуясь отвращеніемъ народа, которое онъ питалъ къ запятнанной чести нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ, отклонить расположеніе его отъ всѣхъ плебейныхъ кандидатовъ.

Затѣмъ доносится слухъ, что вольски и эквы, подъ вліяніемъ ли увѣренности въ своихъ силахъ по случаю удержанія Карвентской крѣпости, или подъ вліяніемъ озлобленія вслѣдствіе потери гарнизона въ Верруго, стали съ величайшимъ напряженіемъ готовиться къ войнѣ, и что во главѣ предпріятія стоятъ антіаты, послы которыхъ обошли народы обоихъ племенъ, упрекая ихъ въ трусости, что они укрылись за стѣны и тѣмъ допустили въ прошломъ году опустошительные набѣги римлянъ на свои поля и истребленіе верругскаго гарнизона. Уже-де въ ихъ владѣнія посылаются не только вооруженныя арміи, но и колоніи, и римляне не только владѣютъ ихъ достояніемъ, раздѣливъ его себѣ, но еще, взявши отъ нихъ Ферентинъ, подарили его герникамъ. Подобныя рѣчи разжигали въ людяхъ страсти, и, къ какимъ народамъ послы ни приходили, вездѣ набирался отрядъ юношей. Такимъ образомъ, отъ всѣхъ народовъ молодые люди стянулись въ Антій; тутъ они, расположившись лагеремъ, ожидали врага. Лишь только въ Римъ пришли извѣстія объ этомъ съ преувеличенною еще противъ дѣйствительности тревогою, сенатъ

тотчасъ-же приказалъ назначить диктатора, что было крайнимъ средствомъ, къ которому прибѣгали при критическомъ положеніи государства. Разсказываютъ, что Юлій и Корнелій были очень недовольны этимъ распоряженіемъ сената, и дѣло приняло характеръ жестокой борьбы страстей, когда старшіе изъ сенаторовъ, видя, что жалобы ихъ на неповиновеніе военныхъ трибуновъ волѣ сената остаются напрасными, стали въ концѣ концовъ обращаться даже къ содѣйствію народныхъ трибуновъ, ссылаясь на то, что и консуламъ власть ихъ давала чувствовать свою силу при подобныхъ обстоятельствахъ; а народные трибуны, довольные разладомъ между патриціями, отвѣчали, что имъ нечего расчитывать на помощь трибуновъ, которыхъ они не считаютъ въ числѣ гражданъ, не считаютъ, наконецъ, въ числѣ людей; что они примутъ мѣры противъ того, чтобы сенатскія постановленія не оставались втунѣ по прихоти магистратовъ только въ томъ случаѣ, если почести будутъ доступны безразлично всѣмъ, если дѣла государства будутъ вѣдаться сообща; а до того времени они—трибуны, и трибунская власть, не мѣшаютъ патриціямъ жить, оставаясь свободными отъ уваженія къ силѣ законовъ и должностныхъ лицъ.

57. Эти препирательства, въ совершенно неподходящее время, когда на плечахъ лежало столько хлопотъ по дѣламъ войны, всецѣло занимали помыслы людей; наконецъ, видя, что Юлій и Корнелій, которые считали себя вполнѣ способными вождями для этой войны, ужъ слишкомъ долго, то одинъ, то другой, разсуждали о несправедливости лишать ихъ ввѣренной имъ народомъ чести,—военный трибунъ, Агала Сервилій, заявилъ, что онъ молчалъ такъ долго не потому, чтобы колебался на счетъ своего мнѣнія (ибо какой благонамѣренный гражданинъ отдѣляетъ интересы свои отъ интересовъ государства?), но потому, что ему больше

хотѣлось, чтобы товарищи его по собственному почину уступили волѣ сената, а не заставляли его обращаться къ трибунской власти съ просьбами помочь противъ нихъ. Онъ и теперь, еслибъ только обстоятельства позволяли, охотно предоставилъ бы имъ время отказаться отъ такого упорнаго рѣшенія; но, такъ какъ нужды военныя не ждутъ соображеній человѣческихъ, то для него на первомъ планѣ будетъ государство, а не расположеніе товарищей, и, если сенатъ останется при своемъ мнѣніи, онъ въ предстоящую-же ночь назначитъ диктатора; и если кто будетъ возражать противъ изданія сенатскаго постановленія, онъ удовольствуется и одною волею сената [1]). Пріобрѣвъ этимъ поступкомъ вполнѣ заслуженную похвалу и всеобщее расположеніе, Агала назначилъ диктаторомъ П. Корнелія, а самъ былъ выбранъ имъ въ начальники конницы, и послужилъ примѣромъ товарищамъ, взиравшимъ на него и на себя, какъ кстати иной разъ достаются популярность и почетъ людямъ, не ищущимъ ихъ. Война ничѣмъ не была замѣчательна. Въ одномъ, и то легкомъ, сраженіи враги были побиты подъ Антіемъ; побѣдоносное войско опустошило поля вольсковъ; крѣпостца при озерѣ Фуцинскомъ взята приступомъ, и въ ней было захвачено въ плѣнъ 3000 человѣкъ, между тѣмъ какъ остальные вольски, загнанные въ укрѣпленные города, даже и не думали защищать свои поля. Окончивъ войну, въ которой, повидимому, такую большую роль играло счастье, Корнелій вернулся въ Римъ ско-

---

1) Мнѣніе (*sententia*) сената могло имѣть значеніе сенатскаго постановленія или опредѣленія, иначе senatusconsultum'а, только въ томъ случаѣ, если противъ этого мнѣнія не послѣдовало никакого возраженія (*intercessio*) со стороны народныхъ трибуновъ, и только въ такомъ случаѣ „сенатское постановленіе" заносилось въ оффиціальный журналъ. Иначе мнѣніе сената называлось лишь *волею сената*, или *auctoritas senatus*. Сервилій и говоритъ, что простая „воля сената" будетъ имѣть для него значеніе „сенатскаго постановленія".

рѣе съ репутаціей счастливаго человѣка, чѣмъ славнаго полководца, и здѣсь сложилъ съ себя диктатуру. Военные трибуны, пользуясь тѣмъ, что никто не упоминалъ о консульскихъ комиціяхъ (а я полагаю, отъ досады за назначеніе диктатора), издали указъ о военно-трибунскихъ комиціяхъ. Это обстоятельство поселило въ патриціяхъ весьма серьезную заботу, такъ какъ они видѣли, что ихъ дѣлу измѣняютъ собственные сочлены. Итакъ, подобно тому какъ въ прошломъ году, подставивъ въ кандидаты самыхъ недостойныхъ изъ плебеевъ, они отвратили симпатіи отъ всѣхъ плебеевъ, даже и достойныхъ, такъ теперь, чтобы не дать пройти ни одному плебею, они завладѣли всѣми мѣстами, приготовивъ заранѣе въ кандидаты самыхъ выдающихся изъ патриціевъ по своему блеску и популярности. Четверо было выбрано, всѣ уже раньше исправлявшіе эту должность, Л. Фурій Медуллинъ, Г. Валерій Потитъ, Нум. Фабій Вибуланъ и Г. Сервилій Агала; изъ нихъ этому послѣднему было продолжено трибунство и на слѣдующій годъ, какъ вообще за его добродѣтельныя качества, такъ и въ виду расположенія, недавно пріобрѣтеннаго имъ рѣдкой скромностью.

347 г. **58**. Въ этомъ году, такъ какъ срокъ перемирія съ вейентскимъ народомъ истекъ, были начаты черезъ пословъ и феціаловъ переговоры касательно требованія удовлетворенія. Когда феціалы подошли къ границѣ, къ нимъ навстрѣчу вышло посольство изъ Вей, которое просило не вступать въ Веи, пока оно само не посѣтитъ римскій сенатъ. Сенатъ по ходатайству этого посольства согласился не требовать отъ вейентовъ удовлетворенія, во вниманіе къ внутреннимъ раздорамъ, отъ которыхъ они въ то время страдали: такъ далеки были римляне отъ мысли воспользоваться благопріятнымъ случаемъ на счетъ невзгоды другого! А между тѣмъ въ землѣ вольсковъ понесено было пораженіе,

вслѣдствіе потери гарнизона въ Верруго; этотъ случай показалъ, какое громадное значеніе можетъ имѣтъ самый ничтожный промежутокъ времени: хотя къ воинамъ, просившимъ помощи во время самой осады ихъ вольсками, можно было поспѣшивши подоспѣть вовремя, однако войско, посланное на помощь, явилось собственно для той цѣли, чтобы истребить враговъ уже тогда, когда они, только-что окончивъ рѣзню, разсѣялись за добычей. Замедленіе произошло столько же по винѣ сената, сколько и трибуновъ, которые, полагаясь на извѣстія о необычайной стойкости гарнизона, забыли, что человѣческія усилія имѣютъ предѣлъ, превзойти который не можетъ никакое мужество. Во всякомъ случаѣ храбрые воины не остались безъ отомщенія—ни живые, ни мертвые.

Въ слѣдующемъ году, когда военными трибунами 348 г. съ консульскою властью были П. Корнелій Коссъ вмѣстѣ съ Гнеемъ, Нум. Фабій Амбустъ и Л. Валерій Потитъ, возгорѣлась война съ вейентами, вызванная дерзкимъ отвѣтомъ ихъ сената, который, на требованіе послами удовлетворенія, повелѣлъ объявить, что, если послы не оставятъ немедленно ихъ города и владѣній, то они дадутъ то, что далъ Лартъ Толумній [1]). Внѣ себя отъ негодованія на такой отвѣтъ, сенаторы постановили, чтобы военные трибуны безотлагательно внесли на обсужденіе народа вопросъ объ объявленіи вейентамъ войны. Лишь только это постановленіе было обнародовано, среди молодежи сталъ раздаваться ропотъ, что и съ вольсками еще не кончена война; что только-что совершенно истреблены два гарнизона [2]), и самыя укрѣпленія удерживаются съ большою опасностью; ни одного года не проходитъ, чтобы не было съ ними сраженія въ открытомъ полѣ; а теперь, словно ску-

1) Т. е.: смерть; см. гл. 17.
2) Въ Карвентѣ и въ Верруго.

чая за недостаткомъ работы, затѣваютъ новую войну съ сосѣднимъ и могущественнымъ народомъ, который готовъ возмутить всю Этрурію. Въ этомъ выражалось возбужденіе умовъ, господствовавшее уже само собою, а тутъ народные трибуны еще болѣе его подогрѣли, твердя повсюду, что самая страшная война у плебеевъ—это война ихъ съ патриціями; что плебеевъ нарочито мучатъ военными трудами и отдаютъ врагамъ на избіеніе; что плебеевъ ссылаютъ подальше отъ города и держатъ ихъ тамъ, чтобы они, оставаясь дома, на досугѣ, не вспоминали о свободѣ и о колоніяхъ, не строили плановъ о раздѣлѣ общественныхъ полей или о неограниченныхъ избирательныхъ правахъ. И, останавливая ветерановъ, трибуны пересчитывали годы службы каждаго, пересчитывали его раны и шрамы, спрашивая при этомъ, есть ли еще живое мѣсто на тѣлѣ для принятія новыхъ ранъ, остается ли еще сколько-нибудь крови для пролитія ея за государство. Время отъ времени произнося такія рѣчи въ разговорахъ и на сходкахъ, они внушили народу нежеланіе высказаться за войну, и такимъ образомъ откладывается до другого времени предложеніе, непринятіе котораго было очевидно, разъ судьба его будетъ зависѣть отъ рѣшенія озлобленныхъ людей.

59. А пока рѣшено было отправить войско подъ командой военныхъ трибуновъ въ землю вольсковъ; Гн. Корнелій одинъ оставался въ Римѣ. Три трибуна, не встрѣтивъ нигдѣ лагеря вольсковъ и убѣдившись, что они не вступятъ въ сраженіе, раздѣлили армію на три колонны и разошлись въ разныя стороны для опустошенія ихъ предѣловъ. Валерій направился въ Антій, Корнелій въ Ецетры; вездѣ, куда ни вступали, они на большомъ пространствѣ опустошали жилища и поля, чтобы держать врозь силы вольсковъ; Фабій, не производя никакихъ опустошеній, приступилъ къ осадѣ Анксура, что составляло главную цѣль похода. Самый городъ Анксуръ, нынѣ Таррацины, спускался по покатости въ болота. Фабій сдѣлалъ видъ, что на эту сторону направляется аттака. Въ обходъ были посланы съ Г. Сервиліемъ Агалой четыре когорты, которыя, занявъ высившійся надъ городомъ холмъ, потомъ спустились съ значительной высоты тамъ, гдѣ не было никакой охраны, и съ страшнымъ крикомъ и шумомъ ворвались за стѣны. Отъ этого шума враги, защищавшіе противъ Фабія низовую часть города, растерялись и тѣмъ дали время придвинуть лѣстницы; всѣ мѣста города наполнились врагами; долго происходила безпощадная рѣзня горожанъ, безъ разбора, убѣгавшихъ и сопротивлявшихся, вооруженныхъ и безоружныхъ. Не видя никакой надежды на спасеніе отъ своей покорности, они и побѣжденные вынуждаемы были продолжать сраженіе, какъ вдругъ раздалось приказаніе не трогать никого, кромѣ вооруженнаго, и это приказаніе заставило всю остальную толпу добровольно положить оружіе; изъ нея живыми были взяты въ плѣнъ до 2500. Къ прочей добычѣ Фабій не допускалъ воиновъ до прихода ихъ товарищей, говоря, что во взятіи Анксура принимали участіе и тѣ войска, которыя отвлекли другихъ вольсковъ отъ защиты этого пункта; только съ приходомъ ихъ изстари богатѣйшій городъ былъ отданъ тремъ арміямъ на разграбленіе; такая доброта со стороны полководцевъ положила начало примиренію плебеевъ съ патриціями. Затѣмъ присоединено было еще другое благодѣяніе, весьма благовременно оказанное народу вліятельнѣйшими въ городѣ лицами: раньше какого бы то ни было упоминанія со стороны плебеевъ и ихъ трибуновъ, послѣдовало сенатское постановленіе о выдачѣ воину жалованья изъ казны, тогда какъ до этого времени каждый воинъ несъ военную службу на своемъ иждивеніи. **60.** Преданіе гласитъ, что ничего

и никогда плебеями не было принято такъ радостно: сбѣжались къ куріи, хватали выходившихъ сенаторовъ за руки, называли ихъ во-истину отцами; раздавались заявленія, что послѣ этого никто уже не будетъ щадить за такое доброе отечество ни тѣла, ни крови, пока будетъ оставаться хотя капля силъ. Уже одна выгода отъ мысли, что имуществу не грозитъ разореніе за то время, когда человѣкъ будетъ жертвовать своею жизнью и трудиться для государства, была пріятна, а тутъ еще умножало радость и усиливало благодарность плебеевъ за благодѣяніе то обстоятельство, что предложеніе это сдѣлано имъ другою стороною добровольно, безъ всякаго когда бы то ни было заявленія со стороны народныхъ трибуновъ, безъ всякихъ требованій въ разговорахъ плебеевъ. Одни только народные трибуны не принимали участія въ общей радости и согласіи сословій и говорили, что это событіе радостно не для всѣхъ патриціевъ, да и для плебеевъ окажется не столь желаннымъ, какъ они то думаютъ. Мѣра эта только на первый взглядъ показалась хорошей; на дѣлѣ же она окажется не такою; ибо какимъ инымъ путемъ можно достать деньги на жалованье, какъ не обложеніемъ народа податью? Выходитъ, что патриціи щедры къ другимъ на чужой счетъ. И если бы даже всѣ прочіе высказались въ пользу этой мѣры, то выслужившіе свои сроки не допустятъ того, чтобы другіе несли военную службу при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ служили они сами, не допустятъ того, чтобы одни и тѣ же люди несли издержки на службу другихъ, понесши раньше на свою. Такими рѣчами трибунамъ удалось смутить часть плебеевъ. Напослѣдокъ, когда уже было назначенъ налогъ, трибуны даже оффиціально объявили, что всякому, кто не захочетъ вносить налога на жалованье воинамъ, они окажутъ защиту. Патриціи настойчиво защищали такъ хорошо начатое ими дѣло: сами первые

стали дѣлать взносы, и, такъ какъ въ ту пору не было еще чеканной монеты, то нѣкоторые свозили къ казначейству мѣдь въ слиткахъ на повозкахъ, чѣмъ взносъ свой дѣлали даже эффектнымъ. Когда сенаторы внесли налогъ съ полною добросовѣстностью, согласно цензу каждаго, тогда и вліятельные изъ плебеевъ, дружившіе съ знатными, сговорились между собою и начали тоже дѣлать взносы. Видя, какъ ихъ хвалятъ сенаторы, видя, что всѣ граждане призывного возраста смотрятъ на нихъ, какъ на подлинно добрыхъ гражданъ, плебеи тотчасъ же отказали отъ заступничества трибуновъ и стали наперерывъ другъ передъ другомъ вносить налогъ. А когда предложеніе объ объявленіи войны вейентамъ было принято, то новые военные трибуны съ консульскою властью вывели войско, состоявшее большею частію изъ добровольцевъ.

61. А трибунами были Т. Квинктій Капитольскій, 349 г.
Кв. Квинктій Цинциннатъ, Г. Юлій Юлъ во второй разъ, А. Манлій, Л. Фурій Медуллинъ и М. Эмилій Мамеркъ. Прежде всего ими были осаждены Веи. Предъ началомъ этой осады при храмѣ Волтумны состоялось многочисленное собраніе представителей Этруріи, на которомъ, однако, не могли окончательно рѣшить, слѣдуетъ ли защищать Веи военными силами отъ имени правительствъ всего этрусскаго племени. На слѣдующій годъ осада Вей шла болѣе вяло, вслѣдствіе отозванія части трибуновъ и арміи для войны съ вольсками.

Въ этотъ годъ военными трибунами съ консуль- 350 г.
скою властью были Г. Валерій Потитъ въ третій разъ, М. Сергій Фиденатъ, П. Корнелій Малугинскій, Гн. Корнелій Коссъ, Кв. Фабій Амбустъ и Сп. Навтій Рутилъ, вторично. Съ вольсками встрѣтились между Ферентиномъ и Эцетрой, и тамъ произошло сраженіе; побѣда осталась за римлянами. Вслѣдъ за этимъ трибуны приступили къ осадѣ вольсскаго го-

рода Артены. Врагъ попытался сдѣлать оттуда вылазку, но загнанный обратно въ городъ, далъ римлянамъ случай ворваться, и кромѣ кремля, все уже было въ ихъ власти; въ кремль, укрѣпленный самою природою, забралась значительная кучка вооруженныхъ людей; внизу кремля перебито и взято въ плѣнъ множество народа. Затѣмъ приступили къ обложенію кремля; но ни приступомъ нельзя было его взять, благодаря тому, что гарнизона хватало на все протяженіе мѣстности, ни на сдачу нельзя было расчитывать въ виду того, что весь общественный хлѣбъ, еще до взятія города, былъ свезенъ въ кремль; и уже готовы были снять скучную осаду кремля, еслибы рабъ не предалъ его римлянамъ. Проведеные имъ по утесистой мѣстности, воины завладѣли кремлемъ, и, когда начали убивать стражу, тогда и вся прочая толпа, ошеломленная внезапнымъ страхомъ, сдалась. И кремль, и городъ были разрушены, послѣ чего легіоны удалились изъ страны вольсковъ, и всѣ военыя силы римскія направлены были въ Веи. Измѣннику, кромѣ свободы, дано было въ награду имущество двухъ семействъ. Сталъ онъ зваться Servius Romanus. Нѣкоторые того мнѣнія, что Артена принадлежала вейентамъ, а не вольскамъ. Къ тому заблужденію даетъ поводъ то обстоятельство, что былъ городъ того же имени между Церой и Веями; но этотъ городъ разрушили еще римскіе цари, и принадлежалъ онъ все-же не вейентамъ, а перейцамъ; другой же одноименный городъ, именно тотъ, о разрушеніи котораго мы разсказали, находился въ землѣ вольсковъ.

КНИГА V.

---

1. Въ то время, когда миръ былъ пріобрѣтенъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, римляне и вейенты стояли подъ оружіемъ и были проникнуты такимъ крайнимъ озлобленіемъ и ненавистью, что наступленіе конца побѣжденной сторонѣ было очевидно. На комиціяхъ у обоихъ народовъ образъ дѣйствій былъ совершенно противуположный. Римляне увеличили число военныхъ трибуновъ съ консульскою властью: ихъ было избрано восемь; такого числа раньше никогда не назначалось; то были: М. Эмилій Мамеркъ—во второй разъ, Л. Валерій Потитъ—въ третій разъ, Ап. Клавдій Крассъ, М. Квинктилій Варъ, Л. Юлій Юлъ, М. Постумій, М. Фурій Камиллъ и М. Постумій Альбинъ. Вейентамъ, наоборотъ надоѣли ежегодно повторяющіеся избирательные происки, порождавшіе иной разъ раздоры, и они избрали царя. Это произвело непріятное впечатлѣніе на народы Этруріи, проникнутые ненавистью больше къ личности самого царя, чѣмъ къ царской власти. Непріятенъ былъ этотъ человѣкъ для этрусскаго народа уже раньше за свою кичливость богатствомъ, проявившуюся въ насильственномъ разстройствѣ торжественныхъ игръ, прерывать которыя считается преступленіемъ противъ религіи. Дѣло въ томъ, что онъ, вслѣдствіе предпочтенія, ока- 351 г.

заннаго двѣнадцатью народами другому лицу при выборахъ въ жрецы, въ пылу раздраженія за отказъ, среди самого представленія, увелъ внезапно актеровъ, большею частью его собственныхъ рабовъ. Поэтому-то этрусское племя, болѣе всѣхъ другихъ племенъ преданное религіознымъ обрядамъ, тѣмъ болѣе, что оно отличалось особеннымъ умѣніемъ совершать ихъ, рѣшило отказать веіентамъ въ помощи, пока они будутъ находиться подъ управленіемъ царя. Въ Веяхъ слуху объ этомъ рѣшеніи не давалъ распространяться страхъ предъ царемъ, который всякаго гражданина, распространявшаго что-либо подобное, считалъ не пустымъ болтуномъ, но зачинщикомъ возмущенія. Хотя, по извѣстіямъ изъ Этруріи, тамъ все было спокойно, но, въ виду донесеній, что на всѣхъ собраніяхъ рѣчь идетъ о помощи Веямъ, римляне стали возводить двойныя укрѣпленія: одни по направленію къ городу, въ огражденіе отъ вылазокъ осажденныхъ, а другія фронтомъ къ Этруріи, на случай появленія помощи оттуда.

2. Римскіе полководцы, расчитывая больше на осаду, чѣмъ на штурмъ, приступили даже къ сооруженію зимняго лагеря, дѣлу новому для римскаго воина, и рѣшено было продолжать войну, расположившись на зимнихъ квартирахъ. Лишь только извѣстіе объ этомъ дошло въ Римъ до слуха народныхъ трибуновъ, уже давно не находившихъ никакого повода къ волненіямъ, они тотчасъ устроили сходку и стали возбуждать умы плебеевъ, утверждая, что это нововведеніе есть результатъ назначенія жалованья воинамъ, и отъ нихъ де не ускользнуло, что этотъ подарокъ враговъ будетъ облитъ ядомъ. Продана свобода плебеевъ; молодежь, удаленная навсегда и сосланная подальше отъ города и отъ дѣлъ государства, отнынѣ уже не можетъ располагать даже зимою или вообще какимъ-нибудь временемъ года и навѣстить свои семьи, и освѣдомиться о своихъ дѣлахъ

дома. Какое же, думаютъ они, основаніе для непрерывности военной службы? никакого другого не найдется, кромѣ желанія не дать возможности возбуждать вопросы о выгодахъ плебеевъ при содѣйствіи многочисленной молодежи, въ которой и заключаются всѣ ихъ силы. Независимо отъ этого, ихъ юноши терпятъ гораздо болѣе чувствительныя тягости и неудобства, чѣмъ веіенты, такъ какъ послѣдніе проводятъ зиму подъ своими кровлями, защищая городъ, укрѣпленный превосходными стѣнами и такою же природою мѣста, а римскій воинъ среди трудовъ за лагерными работами, весь въ снѣгу и инеѣ, живетъ подъ прикрытіемъ однихъ шкуръ, не слагая оружія даже въ зимнее время, которое предназначено для отдохновенія отъ всякихъ войнъ на сушѣ и на морѣ. Ни цари, ни тѣ надменные консулы, бывшіе до учрежденія трибунской власти, ни суровая власть диктатора, ни невыносимые децемвиры не налагали такого рабства, чтобы сдѣлать военную службу продолжающеюся цѣлый годъ, а между тѣмъ такое тиранство примѣняютъ къ римскимъ плебеямъ военные трибуны. Какъ же поступали бы въ званіи консуловъ или, еще лучше, въ званіи диктаторовъ тѣ люди, которые только призракъ консульской власти сдѣлали такимъ свирѣпымъ и грознымъ? Но это происходитъ вполнѣ по винѣ плебеевъ: даже въ числѣ восьми военныхъ трибуновъ не оказалось мѣста ни для одного плебея. Раньше патриціи имѣли обыкновеніе занимать три мѣста послѣ упорной борьбы, а теперь они уже въ числѣ восьми идутъ по пути къ захвату власти, и въ эту толпу не замѣшался ни одинъ плебей, который, еслибы не достигъ ничего другого, то по крайней мѣрѣ, напомнилъ бы своимъ товарищамъ о томъ, что несутъ военную службу не рабы, а свободные и сограждане ихъ, которыхъ слѣдуетъ, хотя зимою, отводить домой въ крытыя жилища, давать имъ возможность въ какое нибудь

время года навѣстить своихъ родителей, дѣтей и женъ и, возпользовавшись выгодами своей свободы, произвести выборы должностныхъ лицъ. Произнося во-всеуслышаніе эти и подобнаго рода рѣчи, трибуны вызвали вполнѣ равного себѣ противника въ лицѣ Ап. Клавдія, оставленнаго товарищами въ городѣ для подавленія возбуждаемыхъ трибунами бунтовъ, человѣка. воспитаннаго уже съ юности въ борьбѣ съ плебеями, того самаго, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ было упомянуто [1]), первый подалъ мысль сломить власть трибуновъ путемъ протеста ихъ товарищей.

3. И вотъ онъ, обладая въ ту пору уже не однимъ только талантомъ, но и пріобрѣтенной путемъ практики опытностью, произноситъ такого рода рѣчь: „если когда-либо было сомнѣніе, квириты, ради ли васъ, или ради себя народные трибуны постоянно затѣвали смуты, то въ нынѣшнемъ году, я увѣренъ, люди перестали въ этомъ сомнѣваться. Поэтому, радуясь наступившему наконецъ концу продолжительнаго вашего заблужденія, я поздравляю какъ васъ, такъ за васъ и государство, что заблужденіе это разсѣяно именно въ пору вашего благополучія. Можетъ ли кто-нибудь сомнѣваться, что никакія обиды по отношенію къ вамъ, если какія когда-нибудь и случались, никогда въ такой мѣрѣ не задѣвали и не разжигали народныхъ трибуновъ, какъ милость плебеямъ, оказанная сенаторами назначеніемъ жалованья лицамъ, отбывающимъ военную службу? чего они, полагаете, боялись раньше, или что хотятъ разстроить нынче, какъ не согласіе сословій, которое, въ ихъ глазахъ, всего болѣе ведетъ къ ослабленію трибунской власти? такимъ-то путемъ, клянусь Геркулесомъ, словно нечестные врачи-шарлатаны, ищутъ они себѣ работы: хотятъ какой-нибудь постоянной болячки

1) Кн. IV гл. 48.

въ государствѣ, за излѣченіемъ которой вамъ приходилось бы обращаться къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ: защищаете ли вы плебеевъ, или ведете борьбу противъ нихъ? противники ли вы отбывающихъ военную службу, или держите ихъ сторону? Впрочемъ, можетъ быть, вы говорите слѣдующее: „все, что патриціи ни дѣлаютъ, намъ не нравится, за плебеевъ ли то, или противъ плебеевъ“, и, подобно тому какъ господа запрещаютъ всякое сношеніе постороннихъ лицъ съ своими рабами и считаютъ одинаково справедливымъ не допускать по отношенію къ нимъ ни злодѣяній, ни благодѣяній, такъ точно вы запрещаете патриціямъ сношеніе съ плебеями, изъ боязни, чтобы мы своею предупредительностью и щедростью не привлекли къ себѣ плебеевъ, и чтобы плебеи не оказывали намъ послушанія и повиновенія. А между тѣмъ, еслибы въ васъ было какое-либо, не говорю гражданское, но просто человѣческое чувство, то какъ вамъ слѣдовало бы сочувствовать и, по мѣрѣ своихъ силъ, содѣйствовать предупредительности патриціевъ и повиновенію плебеевъ! Если бы это согласіе оставалось вѣчно, кто не рѣшился бы торжественно поручиться, что вскорѣ держава наша станетъ величайшею среди сосѣдей“ **4**. „Въ какой степени настоящее рѣшеніе моихъ товарищей—не отводить арміи отъ Вей, не окончивъ дѣла, было не только полезно, но даже необходимо, я разъясню потомъ; теперь же я хочу поговорить о самомъ положеніи отбывающихъ военную службу; и рѣчь моя, будь она сказана не передъ вами только, а и въ лагерѣ, будь она поставлена на судъ самого войска, могла бы, какъ я убѣжденъ, показаться основательною. Если бы въ этой рѣчи мнѣ самому могло и не прійти на умъ, что сказать, то съ меня во всякомъ случаѣ довольно было бы ограничиться только рѣчами противниковъ. Они недавно заявляли, что не слѣдуетъ давать

жалованья воинамъ потому, что оно никогда не давалось. Послѣ этого какимъ же образомъ они могутъ теперь негодовать за то, что на тѣхъ, кому предоставлена нѣкоторая новая выгода, соотвѣтственно ей возлагается и новый трудъ. Нигдѣ не бываетъ труда безъ выгоды, нигдѣ почти не бываетъ и выгоды безъ затраты труда. Трудъ и удовольствіе, будучи совершенно непохожими другъ на друга по своей природѣ, связаны однако между собою извѣстнымъ естественнымъ соотношеніемъ. Тяжело было раньше воину, находясь на своемъ иждивеніи, нести трудъ для государства, и радъ онъ былъ половину года обработывать свое поле, изыскивать средства для содержанія себя и семьи въ мирное и военное время; радъ онъ теперь, что государственная служба служитъ ему источникомъ дохода, и онъ получаетъ жалованье съ удовольствіемъ; поэтому-то онъ и долженъ безропотно сносить нѣсколько болѣе продолжительную отлучку отъ дома и хозяйства, на которомъ уже не лежатъ тяжелые расходы. Развѣ государство, позвавъ воина къ расчету, не имѣло бы права ему сказать: „ты располагаешь годовымъ жалованьемъ, поэтому подавай и годовой трудъ; или, по-твоему, справедливо получать жалованье полностью за службу лишь полугодичную“? Не хотѣлось бы мнѣ останавливаться на этой части своей рѣчи, квириты, потому что такъ должны поступать только тѣ, у кого воины наемные; мы же желаемъ поступать съ вами все равно, какъ съ гражданами, но вмѣстѣ съ тѣмъ находимъ справедливымъ, чтобы и съ нами поступали совершенно такъ, какъ съ отечествомъ. Или не слѣдовало вовсе предпринимать войны, или ее надлежитъ вести согласно съ достоинствомъ римскаго народа и окончить какъ можно скорѣе. А окончена она будетъ въ томъ случаѣ, если мы стѣснимъ осажденныхъ, если мы уйдемъ изъ-подъ Вей послѣ осуществленія своей надежды, послѣ взятія ихъ.

Если, клянусь Геркулесомъ, нѣтъ никакого другого побужденія, то, по крайней мѣрѣ, одно самолюбіе долно было бы обязывать насъ къ настойчивости. Нѣкогда изъ-за одной только женщины десять лѣтъ осаждала городъ вся Греція, и притомъ какъ далеко отъ родины, за сколько земель, за сколько морей! А мы тяготимся выносить осаду всего въ теченіе одного года, на разстояніи двадцати камней [1]) отъ нашего города, почти въ виду его! это, разумѣется, оттого, что поводъ къ войнѣ совсѣмъ неважный, что нѣтъ никакого достаточнаго основанія для озлобленія, побуждающаго насъ упорно добиваться цѣли! семь разъ вейенты возобновляли войну; никогда добросовѣстно не соблюдали мира; тысячу разъ опустошали поля наши; побудили къ отпаденію отъ насъ фиденатовъ; убили тамъ нашихъ колонистовъ; были виновниками нечестиваго убійства нашихъ пословъ вопреки праву; хотѣли поднять противъ насъ всю Этрурію и нынѣ силятся это сдѣлать; а когда послы наши требовали удовлетворенія, то отъ оскорбленія ихъ былъ только одинъ шагъ!“ **5**. „И съ такими людьми неужели слѣдуетъ вести войну вяло, съ отсрочками? Если насъ нисколько не волнуетъ чувство справедливаго негодованія, то неужели, спрашиваю васъ, на наши соображенія не оказываетъ вліянія даже то обстоятельство, что городъ оцѣпленъ громадными осадными сооруженіями, которыя заставляютъ враговъ держаться за стѣнами? что полей они не обработывали, а обработанныя опустошены войною? кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что, съ удаленіемъ нашихъ войскъ, враги, не изъ одной только жажды мщенія, но и вынужденные необходимостью, потерявъ свое, добывать себѣ пропитаніе на чужой сторонѣ, нападутъ на нашу территорію? Такимъ образомъ, рѣшеніемъ ва-

---

1) См. II 11 пр.

шимъ, трибуны, мы не отсрочиваемъ войну, а напротивъ, — переносимъ ее еще въ свои предѣлы. Ну, а каково собственно положеніе самихъ воиновъ, у которыхъ добрые народные трибуны раньше хотѣли отнять жалованье, а теперь вдругъ хотятъ о нихъ позаботиться? Они провели на такомъ громадномъ протяженіи валъ и ровъ, оба сооруженія, стоившія огромнаго труда; возвели форты, сначала немногіе, а потомъ, съ приращеніемъ войска, вплотную одинъ возлѣ другого; соорудили укрѣпленія не только фронтомъ къ городу, но и въ сторону Этруріи, на случай появленія съ этой стороны какихъ-нибудь подкрѣпленій. А стоитъ ли еще говорить о башняхъ, о винеяхъ [1]) и черепахахъ [2]) и вообще о разныхъ приспособленіяхъ, устраиваемыхъ для осады городовъ? И вотъ, когда потрачено столько труда, когда съ сооруженіями уже наконецъ совершенно покончили, теперь всѣ эти сооруженія, по вашему мнѣнію, слѣдуетъ бросить съ тѣмъ, чтобы, при наступленіи лѣта, опять и сызнова потѣть за новой работой по устройству ихъ? Насколько же меньше требуется усилій, чтобы удержать за собою уже сдѣланное, чтобы настойчиво продержаться и такимъ образомъ въ короткое время освободиться отъ заботы? А вѣдь въ самомъ дѣлѣ работа сокращается, если она совершается за одинъ присѣстъ и если мы сами перерывами и остановками не замедляемъ достиженія своей цѣли. До сихъ поръ я говорилъ о потерѣ труда и времени. А что мнѣ сказать объ опасности, которой мы подвергаемся, откладывая войну? Неужели намъ позволяютъ забыть о ней такія частыя собранія, происходящія въ настоящее время въ Этруріи по вопросу о посылкѣ въ Веи подкрѣпленій? При нынѣшнемъ положеніи дѣла

[1]) См. II 17 пр. [2]) Навѣсы, подъ прикрытіемъ которыхъ осаждающіе взбирались на вражескія стѣны.

этруски разсержены, находятся въ состояніи озлобленія, отказываются послать подкрѣпленія; насколько отъ нихъ зависитъ, есть возможность взять Веи. Но кто можетъ поручиться, что настроеніе этрусковъ и съ отсрочкой войны останется неизмѣннымъ, когда, съ предоставленіемъ передышки осажденнымъ, оттуда направится болѣе значительное посольство, когда то, что теперь производитъ неудовольствіе среди этрусковъ, избраніе царя въ Веяхъ, можетъ быть съ теченіемъ времени измѣнено или по волѣ гражданъ, которые пожелаютъ такимъ путемъ примирить съ собою этрусковъ, или же по собственному желанію царя, который порѣшитъ не служить своимъ царствованіемъ во вредъ благу согражданъ? Всмотритесь, сколько обстоятельствъ и какихъ невыгодныхъ могутъ оказаться послѣдствіемъ принятія такого рода рѣшенія: потеря сооруженій, на которыя потрачено такъ много труда, опустошеніе, угрожающее нашей странѣ, возникновеніе войны этрусской вмѣсто вейентской. Эти ваши совѣты, трибуны, — клянусь Геркулесомъ! — совершенно похожи на то, какъ еслибы кто-нибудь больному, соглашающемуся подвергнуться энергичному лѣченію и такимъ образомъ имѣющему возможность выздоровѣть немедленно, позволилъ бы, изъ-за минутнаго позыва къ ѣдѣ или питью, затянуть болѣзнь на продолжительное время, а то, пожалуй, и сдѣлать ее неизлечимою". **6.** „Клянусь небомъ! еслибы даже для настоящей войны это и было безразлично, то вообще для военной дисциплины имѣло бы огромное значеніе развитіе въ нашемъ воинѣ привычки не только пользоваться добытой побѣдой, но и, въ случаѣ медленнаго хода дѣла, не тяготиться однообразіемъ, а терпѣливо ждать хоть и поздняго достиженія цѣли, умѣнья сидѣть и зимою, если война не окончена въ теченіе лѣта, а не высматривать, какъ лѣтнія птицы, съ самаго наступленія осени, нѣтъ ли гдѣ крытыхъ

убѣжищъ. Скажите на милость! страсть къ охотѣ и удовольствіе увлекаетъ же людей, не взирая на снѣга и иней, въ горы и лѣса; почему же намъ не примѣнить и къ потребностямъ войны той же выносливости, какую обыкновенно вызываетъ въ насъ одна пріятная забава? Неужели мы считаемъ воиновъ нашихъ до такой степени безсильными тѣломъ, до такой степени изнѣженными духомъ, что они и одной зимы не могутъ провести въ лагерѣ, не могутъ выносить холода, словно въ морскую войну, когда необходимо не упускать благопріятной погоды, наблюдая время года? Да воины сами навѣрное покраснѣли бы отъ стыда, еслибы кто-нибудь упрекнулъ ихъ въ этомъ, и стали бы утверждать, что въ ихъ тѣлахъ и душахъ есть приличная мужу выносливость, что они въ силахъ вести войну одинаково и зимою, и лѣтомъ, что они не поручали заступничеству трибуновъ лѣни и нѣги, помня, что и предки ихъ создали эту самую трибунскую власть, не подъ сѣнью и не подъ кровлей. [1]) Обращать вниманіе не на Веи только и не на эту нынѣ выдерживаемую нами войну, но искать славы для другихъ войнъ, искать славы на будущее время въ глазахъ всѣхъ остальныхъ народовъ—вотъ что достойно доблести вашихъ воиновъ, вотъ что достойно римскаго имени! Или, быть можетъ, вы думаете, что неважныя будутъ послѣдствія оттого, станутъ ли сосѣди считать римскій народъ непремѣнно такимъ, что его нечего бояться какому-нибудь городу, оказавшемуся способнымъ выдержать лишь первый натискъ, продолжающійся къ тому же самый ничтожный промежутокъ времени, или наше имя будетъ наводить ужасъ тѣмъ, что ни тягость продолжительной осады, ни зимняя стужа не могутъ заставить римское войско

[1]) См. II 33.

удалиться отъ города, разъ уже осажденнаго, и войско это знаетъ только одинъ конецъ войны—побѣду, и такъ же хорошо умѣетъ пользоваться на войнѣ настойчивостью, какъ и натискомъ? Хотя настойчивость необходима при отбываніи всякаго рода военной службы, но все-же она особенно необходима при осадѣ городовъ, большая часть которыхъ, будучи неприступны по своимъ укрѣпленіямъ и природнымъ свойствамъ мѣстности, окончательно завоевываются именно только временемъ при помощи голода и жажды, какъ будутъ завоеваны и Веи, если только народные трибуны не придутъ на помощь врагамъ, и если вейенты, безуспѣшно ищущіе защиты въ Этруріи, не найдутъ ея въ Римѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ быть для вейентовъ что-нибудь столь желательнымъ, какъ то, чтобы сначала въ римскомъ городѣ, а потомъ, словно отъ заразы, и въ лагерѣ распространились мятежи? А у враговъ, клянусь Геркулесомъ, такое великое самообладаніе, что ни тягость осады, ни даже тягость царской власти не вызвали у нихъ никакого переворота, а отказъ со стороны этрусковъ въ помощи не смутилъ ихъ умовъ; объясняется это тѣмъ, что у нихъ немедленно умретъ всякій, кто вздумаетъ затѣять бунтъ, и никому не будетъ дозволено говорить то, что у васъ говорится безнаказанно. Покидающій знамена или уходящій съ караула несетъ заслуженное наказаніе, умирая подъ ударами палокъ; а между тѣмъ совѣтники, предлагающіе покинуть знамена и бросить лагерь не тому или другому воину, а цѣлымъ арміямъ, выслушиваются открыто, на сходкѣ народа. Вотъ до какой степени вы привыкли сочувственно выслушивать все, что ни говоритъ народный трибунъ, хотя бы то клонилось къ измѣнѣ отечеству и къ разрушенію государства, и, увлекаясь этою властью, позволяете укрываться подъ защитой ея какимъ-угодно преступленіямъ. Остается имъ еще только

эти самыя рѣчи, которыя они вовсеуслышаніе говорятъ тутъ, произнести въ лагерѣ, предъ воинами, и такимъ образомъ деморализовать армію, возбудить въ ней неповиновеніе къ вождямъ, такъ какъ свобода въ Римѣ именно и заключается въ неуваженіи къ сенату, властямъ, законамъ, обычаямъ предковъ, установленіямъ отцовъ, военной дисциплинѣ".

7. Уже и на сходкахъ Аппій успѣлъ пошатнуть вліяніе народныхъ трибуновъ, какъ вдругъ, чего всего менѣе можно было ожидать, понесенное подъ Веями пораженіе не только дало Аппію окончательный перевѣсъ, но и установило согласіе между сословіями и усугубило у нихъ рвеніе къ еще болѣе настойчивой осадѣ Вей. Дѣло въ томъ, что, когда насыпь была доведена до самаго города и оставалось только уже подвести къ стѣнамъ винеи [1]), вдругъ огромная толпа людей, вооруженныхъ большею частью факелами, пользуясь тѣмъ, что осадныя сооруженія не съ такимъ усердіемъ охранялись ночью, съ какимъ воздвигались днемъ, черезъ открытыя ворота бросилась съ огнемъ и въ одинъ моментъ были поглощены пламенемъ насыпь и винеи, плодъ такого продолжительнаго труда; много тутъ было истреблено огнемъ и мечомъ людей, безуспѣшно пытавшихся подать помощь. Это событіе, лишь только о немъ дано было знать въ Римъ, произвело на всѣхъ удручающее впечатлѣніе, а сенату внушило безпокойство и страхъ, что теперь уже невозможно будетъ сдержать возмущенія ни въ городѣ, ни въ лагерѣ, и что народные трибуны будутъ глумиться надъ государствомъ, словно ими побѣжденнымъ, — какъ вдругъ граждане, принадлежавшіе по цензу къ всадническому сословію, но не имѣвшіе отъ государства коня, по предварительному между собою соглашенію являются въ сенатъ и, получивъ разрѣшеніе говорить, заявляютъ о своей готовности отбывать службу на собственныхъ лошадяхъ. Когда сенатъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ ихъ, и слухъ объ этомъ обошелъ форумъ и городъ, тогда вдругъ плебеи стали сбѣгаться къ куріи, заговорили, что теперь долгъ пѣхотинцевъ предложить государству свои услуги внѣ обычнаго порядка, все равно, хотятъ ли ихъ вести подъ Веи, или въ другое какое-нибудь мѣсто; если ихъ поведутъ подъ Веи, то они обѣщаютъ вернуться оттуда только послѣ взятія непріятельскаго города. Тутъ уже трудно было сенату сдерживать свою безмѣрную радость; ибо пѣхотинцевъ не было приказано благодарить, какъ всадниковъ, черезъ магистратовъ, и ихъ не пригласили въ курію выслушать отвѣтъ, а равно и сенаторы не оставались уже за порогомъ куріи, но каждый изъ нихъ, по мѣрѣ силъ своихъ, стоя на возвышенномъ мѣстѣ, предъ толпой, стоявшей на комиціи, выражалъ словами и жестами всеобщую радость, называлъ римскій городъ блаженнымъ, непобѣдимымъ и вѣчнымъ, благодаря такому согласію; превозносилъ всадниковъ, превозносилъ плебеевъ, восхвалялъ самый день, сознавался, что предупредительность и доброжелательство сената вознаграждены съ избыткомъ. Трудно было сказать, кто больше проливалъ слезъ радости, патриціи, или плебеи, пока наконецъ сенаторы не были снова приглашены въ курію, гдѣ и было составлено сенатское постановленіе, предписывавшее военнымъ трибунамъ созвать народъ на собраніе, выразить благодарность всадникамъ и пѣхотинцамъ и объявить, что сенатъ будетъ помнить о ихъ преданности и любви къ отечеству, но что все-же рѣшено отпускать жалованье всѣмъ, хоть и добровольно заявившимъ о желаніи своемъ нести военную службу внѣ очереди. И всаднику былъ назначенъ опредѣленный размѣръ жалованья. Съ этого именно времени

[1]) С1 . 7 пр.

всадники начали отбывать службу на собственныхъ коняхъ. Отправленная подъ Веи армія добровольцевъ не только возобновила уничтоженныя сооруженія, но построила еще и новыя. Съѣстные припасы подвозились изъ Рима съ большею заботливостью, чѣмъ прежде, чтобы войско, оказавшее такія услуги государству, ни въ чемъ не испытывало нужды.

352 г. **8.** Въ слѣдующемъ году военными трибунами съ консульскою властью были Г. Сервилій Агала въ третій разъ, Кв. Сервилій, Л. Вергиній, Кв. Сульпицій и выбранные во второй разъ А. Манлій и М. Сергій. При этихъ трибунахъ былъ уничтоженъ гарнизонъ въ Анксурѣ послѣ внезапнаго, измѣннически произведеннаго нападенія на стражу, стоявшую у воротъ; это нападеніе произошло въ то время, когда всѣ заботы были сосредоточены на войнѣ съ вейентами, и Анксуръ вслѣдствіе этого оставленъ былъ безъ вниманія: воины находились въ отпуску, а вольсскіе купцы имѣли безпрепятственный доступъ въ городъ. Воиновъ здѣсь погибло немного вслѣдствіе того обстоятельства, что всѣ, за исключеніемъ больныхъ, на манеръ маркитантовъ, разошлись промышлять по деревнямъ и сосѣднимъ городамъ. Не лучше дѣло шло и въ Веяхъ, главномъ пунктѣ, служившемъ предметомъ всеобщихъ заботъ въ государствѣ; ибо, въ то время какъ римскіе вожди питали больше злобы другъ къ другу, чѣмъ мужества противъ врага, опасности войны усилились, вслѣдствіе неожиданнаго прибытія капенатовъ и фалисковъ. Эти два этрусскихъ народа, ближайшіе къ театру войны и поэтому увѣренные, что, съ покореніемъ Вей, раньше всѣхъ другихъ подвергнутся тоже вооруженному нападенію римлянъ, фалиски же, кромѣ того имѣя еще и собственныя причины опасаться, такъ какъ уже раньше впутались въ войну фиденскую, заключили между собою клятвенный союзъ при посредствѣ взаимно от-

правленныхъ посольствъ и неожиданно явились съ своими войсками подъ Веи. Они напали на лагерь какъ-разъ съ той стороны, гдѣ командовалъ военный трибунъ М. Сергій, и навели на римлянъ паническій страхъ, такъ какъ тѣ были увѣрены, что вся Этрурія поднялась съ мѣстъ и явилась въ огромной массѣ. То же самое мнѣніе на вейентовъ въ городѣ подѣйствовало ободрительно. Итакъ, римскій лагерь подвергся двухстороннему нападенію; поспѣшно перебѣгая и перенося знамена съ одного мѣста на другое, римляне не имѣли достаточно силъ въ одно и то же время и удерживать вейентовъ за ихъ стѣнами, и отразить нападеніе на свои окопы и защищаться отъ враговъ извнѣ. Оставалась одна надежда, не придетъ ли подкрѣпленіе изъ главнаго лагеря, съ помощью котораго легіоны могли бы сражаться съ двухъ противуположныхъ фронтовъ, одни противъ капенатовъ и фалисковъ, а другіе противъ вылазки осаждаемыхъ; но лагеремъ командовалъ Вергиній, питавшій личную непріязнь къ Сергію и въ свою очередь ненавидимый имъ. Этотъ Вергиній несмотря на получаемыя извѣстія о штурмѣ большей части фортовъ, о занятіи непріятелемъ укрѣпленій, о нападеніи его съ двухъ сторонъ, держалъ воиновъ вооруженными, твердя, что если будетъ надобность въ подкрѣпленіи, то товарищъ пошлетъ къ нему. Заносчивости Вергинія равнялось упрямство Сергія, который, чтобы только не сказали, что онъ обратился за помощью къ личному своему врагу, предпочиталъ скорѣе понести пораженіе отъ непріятеля, чѣмъ одержать побѣду съ помощью согражданина. Долго длилась рѣзня нашихъ воиновъ среди двухъ аттакъ; наконецъ, бросивъ укрѣпленія, нѣкоторые изъ нихъ устремились въ главный лагерь, но большая часть вмѣстѣ съ самимъ Сергіемъ направилась въ Римъ. Такъ какъ здѣсь онъ всю вину взваливалъ на товарища, то рѣшено было отозвать

Вергинія изъ лагеря, а командованіе на время поручить легатамъ. Затѣмъ дѣло разбиралось въ сенатѣ, и тутъ товарищи стали между собою спорить и браниться. Немногіе только думали о государствѣ, а прочіе стояли то за того, то за другого, смотря по личному пристрастію или расположенію.

9. Старшіе изъ сенаторовъ, не разбирая, по винѣ ли полководцевъ, или вслѣдствіе неудачи понесено такое постыдное пораженіе, высказались за то, что нѣтъ надобности дожидаться законнаго срока комицій, а слѣдуетъ немедленно назначить новыхъ военныхъ трибуновъ съ тѣмъ, чтобы они вступили въ должность съ октябрьскихъ же календъ [1]). Съ этимъ мнѣніемъ согласился весь сенатъ, не возражали противъ него и прочіе трибуны; но зато Сергій и Вергиній, бывшіе именно виновниками того, что сенатъ раскаявался въ выборѣ магистратовъ текущаго года, сначала просили избавить ихъ отъ позора, а потомъ начали протестовать противъ сенатскаго поставленія, настаивая на томъ, что они не выйдутъ въ отставку раньше декабрьскихъ идъ [2]), дня, установленнаго для вступленія магистратовъ въ должность. Среди этихъ препирательствъ народные трибуны, вынужденные во время согласія между гражданами и благополучія въ государствѣ молчать, хотя и противъ воли, теперь вдругъ дерзко стали грозить военнымъ трибунамъ тѣмъ, что прикажутъ отвести ихъ въ тюрьму, если они не подчинятся волѣ сената. Тогда военный трибунъ Г. Сервилій Агала сказалъ: „что касается васъ, народные трибуны, и вашихъ угрозъ, то, хотя мнѣ и хотѣлось бы испытать, какъ мало вы имѣете права и мужества привести ихъ въ исполненіе, но этому препятствуетъ воля сената, идти противъ которой я считаю преступленіемъ. Поэтому перестаньте искать въ

1) 1-е октября 2) 13-го декабря.

нашихъ спорахъ повода къ нанесенію оскорбленія, а товарищи или исполнятъ рѣшеніе сената, или, въ случаѣ ихъ дальнѣйшаго упорства, я немедленно назначу диктатора, который принудитъ ихъ сложить должность“. Рѣчь Агалы встрѣчена была всеобщимъ одобреніемъ, а сенаторы рады были, что, не прибѣгая къ застращиваніямъ трибунскою властью, нашли другую, еще болѣе значительную силу для обузданія магистратовъ, которые, будучи вынуждены уступить общему требованію, допустили созваніе комицій для избранія военныхъ трибуновъ, съ условіемъ, чтобы они вступили въ должность въ октябрьскія календы, и затѣмъ раньше срока вышли въ отставку.

10. Въ годъ, когда военными трибунами съ консульскою властью были Л. Валерій Потитъ въ четвертый разъ, М. Фурій Камиллъ во второй разъ, М. Эмилій Мамеркъ въ третій разъ, Гн. Корнелій Коссъ во второй разъ, К. Фабій Амбусъ и Л. Юлій Юлъ, произошло много событій во внутренней и внѣшней жизни государства. Такъ, въ то время, когда приходилось вести одновременно войну на нѣсколько фронтовъ, подъ Веямя, подъ Капеной, Фалеріями, наконецъ войну съ вольсками, съ цѣлью возвратить Анксуръ,— въ Римѣ наборъ войска, а вмѣстѣ съ нимъ и взиманіе налога встрѣчали затрудненія; кромѣ того, возникъ споръ на счетъ пополненія коллегіи народныхъ трибуновъ, и не мало волненій возбудилъ судъ надъ двумя лицами, бывшими раньше военными трибунами съ консульскою властью. Первымъ дѣломъ военныхъ трибуновъ было произвести наборъ войска, и тутъ взяты были на службу не только молодые люди, но заставили записаться и стариковъ, возложивъ на нихъ охрану города. А по мѣрѣ увеличенія числа воиновъ, возрастала и потребность въ деньгахъ на уплату жалованья; между тѣмъ, взиманіе налога на этотъ предметъ встрѣчало 353 г.

неудовольствіе со стороны плательщиковъ въ городѣ, потому что охрана города была также связана съ необходимостью трудиться надъ военными сооруженіями и служить государству. Это, уже само по себѣ серьезное положеніе вещей народные трибуны старались сдѣлать еще болѣе обиднымъ, доказывая въ своихъ мятяжныхъ рѣчахъ, что жалованье воинамъ и установлено для того, чтобы часть плебеевъ заморить военною службою, а часть—налогомъ. Одну войну тянутъ уже третій годъ и нарочно ведутъ ее плохо, для того только, чтобъ вести подольше. Потомъ, въ одинъ наборъ набрали войска на четыре войны и потянули даже дѣтей и стариковъ [1]). Не разбираютъ уже, лѣто или зима, чтобы не дать несчастнымъ плебеямъ ни одной минуты покоя; теперь, обложенные еще податью, они доведены до крайне бѣдственнаго положенія, такъ какъ, вернувшись изнуренными отъ труда, отъ ранъ, наконецъ уже въ преклонномъ возрастѣ и найдя дома все въ запустѣніи, вслѣдствіи продолжительнаго отсутствія хозяина, они должны еще изъ своего разстроеннаго имущества взносить налогъ и сторицею возвращать государству воинское жалованье, словно взятое ими на проценты.

Среди хлопотъ по набору воиновъ и взиманію налога, среди заботъ о болѣе важныхъ дѣлахъ, которыми заняты были умы гражданъ, не было возможности выбрать на комиціяхъ полное число народныхъ трибуновъ. Поэтому началась горячая агитація, чтобы коллегія выбрала на вакантныя мѣста патриціевъ. Когда добиться этого оказалось невозможнымъ, тогда, по крайней мѣрѣ, задались цѣлью пошатнуть законъ, и достигли того, что коллегіей народныхъ трибуновъ были выбраны, несомнѣнно благодаря проискамъ патриціевъ, Г. Лацерій и М. Акутій. **11**. Случилось какъ разъ такъ, что въ тотъ годъ народнымъ трибуномъ былъ Гн. Требоній, который считалъ долгомъ своего родоваго имени выступить защитникомъ требоніева закона. Онъ кричалъ, доказывая, что то, чего нѣкогда добивались [1]) патриціи, вынужденные, однако, отказаться отъ первой своей попытки, въ концѣ концовъ завоевали военные трибуны; что законъ требоніевъ упраздненъ, и число народныхъ трибуновъ заполнено не голосованіемъ народа, а властью патриціевъ; дѣло клонится уже къ тому, что народными трибунами приходится имѣть или патриціевъ, или прислужниковъ ихъ; силою отнимаютъ ненарушимые законы, съ корнемъ вырываютъ трибунскую власть; а это произошло вслѣдствіе хитрыхъ происковъ патриціевъ и преступной измѣны товарищей-трибуновъ. Когда озлобленіе въ народѣ росло не только противъ патриціевъ, но и противъ народныхъ трибуновъ, какъ избранныхъ, такъ и избиравшихъ, тогда трое изъ коллегіи, П. Куратій, М. Метилій и М. Минуцій, изъ боязни за себя, нападаютъ на Сергія и Вергинія, военныхъ трибуновъ прошлаго года, и, привлекши ихъ къ суду, переносятъ гнѣвъ и озлобленіе плебеевъ съ себя на нихъ. Всѣмъ, на комъ лежалъ тяжелымъ бременемъ наборъ, налогъ, продолжительная военная служба и притомъ на отдаленномъ театрѣ войны, всѣмъ, кто испытывалъ скорбь отъ понесеннаго подъ Веями пораженія, всѣмъ у кого семейства въ трaурѣ по случаю потери дѣтей и братьевъ, родственниковъ и близкихъ,—всѣмъ такимъ гражданамъ они объявляли о предоставленіи права и возможности судебнымъ порядкомъ искать съ этихъ двухъ виновныхъ удовлетворенія за несчастія, постигшія, государство и частныхъ лицъ. Ибо, по ихъ словамъ, причи-

1) Римскіе граждане обязаны были нести военную службу въ возрастѣ отъ 16 до 50 лѣтъ.

1) Кн. III 65.

ною всѣхъ бѣдъ являются Сергій и Вергиній; и не столько уликъ представляютъ противъ нихъ обвинители, сколько уличаютъ сами себя обвиняемые, такъ какъ, будучи оба виноваты, они сваливаютъ вину одинъ на другого, Вергиній, укоряя Сергія въ бѣгствѣ, а Сергій—Вергинія въ предательствѣ. Безуміе ихъ совершенно невѣроятно, такъ что гораздо ближе къ истинѣ предположеніе, что это дѣло рукъ патриціевъ, заранѣе и сообща условившихся совершить вѣроломный поступокъ. Они и первый разъ дали вейентамъ возможность зажечь осадныя сооруженія, съ цѣлью затянуть войну, и нынѣ предали армію и передали фалискамъ римскій лагерь. Все это дѣлается для того, чтобы юношество состарилось подъ Веями, а трибуны не могли входить къ народу съ предложеніями о раздѣлѣ полей и о другихъ предметахъ, служащихъ къ выгодамъ плебеевъ, не могли, пользуясь многолюдностью городского населенія, проводить своихъ проектовъ и противодѣйствовать тайнымъ умысламъ патриціевъ. Уже раньше-де произнесенъ надъ виновными судъ и сенатомъ, и римскимъ народомъ, и собственными ихъ товарищами: сенатъ своимъ опредѣленіемъ устранилъ ихъ отъ управленіе государствомъ, товарищи, въ отвѣтъ на отказъ сложить съ себя должность, принудили ихъ сдѣлать это, пригрозивъ назначить диктатора, а народъ римскій выбралъ трибуновъ и повелѣлъ имъ вступить въ должность не въ декабрьскія иды, день, для того установленный въ году, но немедленно, въ октябрьскія же календы, такъ какъ было признано, что дальнѣйшее существованіе государства немыслимо, если эти два человѣка будутъ оставаться въ должности; и, несмотря на безповоротное предварительное осужденіе въ столькихъ судахъ, они все-же идутъ на судъ народа, думая, что находятся внѣ опасности и достаточно уже наказаны, если двумя мѣсяцами раньше сдѣлались частными

гражданами; а между тѣмъ не понимаютъ, что въ то время у нихъ была только отнята возможность продолжать вредить, а наказанія еще не было наложено; ибо отрѣшены были отъ власти и ихъ товарищи, которые во всякомъ случаѣ не совершили никакого проступка. Пусть же квириты проникнутся тѣмъ самымъ настроеніемъ, которое они имѣли послѣ понесеннаго недавно пораженія, когда видѣли, какъ войско, съ трудомъ переводя духъ отъ бѣгства, израненное, въ страхѣ кидалось въ ворота, обвиняя не судьбу или кого-либо изъ боговъ, а этихъ самыхъ вождей. Навѣрное, нѣтъ и теперь на собраніи ни одного человѣка, который бы въ тотъ день не посылалъ всевозможныхъ проклятій на голову, домъ и имущество Л. Вергинія и М. Сергія. Было бы совершеннымъ безразсудствомъ не пользоваться, когда можно и должно, своею властью противъ тѣхъ, на которыхъ каждый призывалъ гнѣвъ боговъ. Боги сами никогда не налагаютъ рукъ на виновныхъ; достаточно, если они предоставляютъ обиженнымъ, въ видѣ оружія, благопріятный случай для отмщенія". **12**. Подъ вліяніемъ такихъ рѣчей плебеи присудили каждаго обвиняемаго къ уплатѣ штрафа въ десять тысячъ тяжелыхъ мѣдныхъ ассовъ, несмотря на то, что Сергій винилъ бога войны, одинаково располагающаго судьбою обѣихъ воюющихъ сторонъ, а Вергиній умолялъ не дѣлать его болѣе несчастнымъ среди своихъ согражданъ, чѣмъ онъ былъ среди враговъ. Такимъ образомъ народъ, обративъ гнѣвъ свой на нихъ, забылъ о произведенномъ дополнительномъ избраніи трибуновъ и о вѣроломномъ умыслѣ патриціевъ противъ требоніева закона.

Побѣдители трибуны, желая тотчасъ же заплатить плебеямъ за этотъ судъ ихъ, обнародываютъ аграрный законопроектъ и не позволяютъ производить сборъ налога, не смотря на необходимость платить жалованье

столькимъ войскамъ, и притомъ въ то время, когда военныя дѣла шли хоть и успѣшно, но все-же такъ, что ни на одномъ театрѣ войны не предвидѣлось близкаго ея окончанія. Такъ, въ Веяхъ лагерь раньше потерянный, хотя и былъ отобранъ, но его необходимо было укрѣпить фортами и снабдить гарнизономъ; здѣсь командовали военные трибуны М. Эмилій и К. Фабій. Затѣмъ М. Фурій, дѣйствовавшій въ землѣ фалисковъ, и Гн. Корнелій, дѣйствовавшій въ землѣ капенатовъ, совсѣмъ не встрѣтили враговъ внѣ укрѣпленныхъ стѣнъ и поэтому ограничились тѣмъ, что угнали добычу и опустошили владѣнія, уничтоживъ огнемъ хлѣбъ и усадьбы; городовъ не штурмовали и не осаждали. Зато въ странѣ вольсковъ, послѣ опустошенія полей, было приступлено къ правильной осадѣ Анкурса; штурмомъ взять этотъ городъ, расположенный на высокомъ мѣстѣ, оказалось невозможнымъ, и, послѣ напрасно потраченныхъ усилій, онъ былъ окруженъ валомъ и рвомъ. Веденіе военныхъ дѣйствій въ землѣ вольсковъ досталось на долю Валерія Потита.

Таково было положеніе военныхъ дѣлъ, когда въ городѣ разразились смуты, потребовавшія еще болѣе значительныхъ усилій для борьбы съ ними, чѣмъ сами войны; и не далеко было отъ того, что и лагерь возмутится, заразившись городскими смутами, потому что трибуны не давали возможности собрать налогъ и послать жалованье полководцамъ, а между тѣмъ воины требовели выдачи денегъ за время службы. Пользуясь настоящимъ раздраженіемъ плебеевъ противъ патриціевъ, народные трибуны стали говорить, что теперь-то насталъ давно ожидаемый случай утвердить свободу и передать высшій санъ въ государствѣ мужественнымъ и энергичнымъ плебеямъ, отнявъ его у людей, подобныхъ Сергію и Вергинію; однако, дѣло ограничилось тѣмъ, что плебеи, лишь бы только воспользоваться даннымъ

правомъ, избрали изъ своей среды въ военные трибуны съ консульскою властью одного П. Лицинія Кальва; 354 г. прочіе избранные, П. Манлій, Л. Титиній, П. Мелій, Л. Фурій Медуллинъ и Л. Публилій Вольскъ, были все патриціи. Сами плебеи удивлялись, что достигли такого значительнаго результата, а не только избранный, человѣкъ раньше не отправлявшій никакихъ высшихъ должностей, старый лишь и преклонныхъ уже лѣтъ сенаторъ. Намъ въ точности неизвѣстно, почему ему первому и преимущественно предъ другими предоставлено было насладиться незнакомымъ дотолѣ высшимъ почетомъ: одни думаютъ, что онъ выдвинулся на такой высокій постъ, благодаря популярности своего брата Гн. Корнелія, который, будучи военнымъ трибуномъ истекшаго года, выдалъ всадникамъ тройное жалованье; другіе же полагаютъ, что онъ самъ, произнесши очень кстати рѣчь на тему о согласіи сословій, угодилъ и патриціямъ и плебеямъ [1]). Гордясь одержанною въ комиціяхъ побѣдою, народные трибуны перестали говорить о налогѣ, вопросъ о которомъ больше всего ставилъ государство въ затрудненіе. Теперь налогъ былъ внесенъ съ покорностью, и деньги отправлены къ войску.

13. Анксуръ въ землѣ вольсковъ въ скоромъ времени былъ взятъ обратно, благодаря праздничному дню, по случаю котораго сторожевые посты въ городѣ были оставлены безъ стражи.—Въ этомъ году зима была необыкновенно холодная и до такой степени снѣжная, что по дорогамъ

---

[1]) Вѣроятно, одинъ изъ предковъ Лицинія зачисленъ былъ въ сенатъ Брутомъ (см. II 1); братомъ патриція Корнелія онъ могъ быть или потому, что родился отъ матери—патриціанки, бывшей замужемъ сперва за плебеемъ Лициніемъ, потомъ за патриціемъ Корнеліемъ, или же потому, что его мать—плебейка, бывшая сперва въ замужествѣ за плебеемъ, вышла, послѣ принятія закона Канулея (IV 6), за патриція.

прекратилось сообщеніе, и суда перестали плавать по Тибру. Впрочемъ, цѣны на хлѣбъ нисколько не измѣнились, благодаря заранѣе сдѣланнымъ запасамъ. Такъ какъ П. Лициній, получивъ должность безъ всякаго потрясенія государства и вызвавъ скорѣе радость у плебеевъ, чѣмъ негодованіе у патриціевъ, продолжалъ и отправлять ее при такомъ же настроеніи, то явилось желаніе выбрать плебеевъ и на слѣдующихъ военнотрибунскихъ комиціяхъ. Изъ патриціанскихъ кандидатовъ удалось занять мѣсто одному М. Ветурію; за остальныхъ военныхъ трибуновъ съ консульскою властью, плебеевъ М. Помпонія, Гн. Дуиллія, Волерона Публилія, Гн. Генуція и Л. Атилія, высказались почти всѣ центуріи. Суровая зима, вслѣдствіе ли непостоянной погоды, происходившей отъ рѣзкихъ перемѣнъ въ воздухѣ, или по другимъ какимъ-нибудь причинамъ, смѣнилась лѣтомъ, принесшимъ съ собою тяжкую и губительную для всего живущаго болѣзнь. Такъ какъ не могли ни найти причины такого лѣта, ни предвидѣть послѣдствій его, а между тѣмъ средствъ для борьбы съ несчастіемъ не было, то, согласно сенатскому постановленію, обратились за справкою къ Сивиллинымъ книгамъ [1]). Дуумвиры [2]), завѣдывавшіе устройствомъ жертвоприношеній, посредствомъ лектистернія [3]), въ ту пору впервые устроеннаго въ римскомъ городѣ, умилостивляли въ теченіе восьми дней на трехъ разостланныхъ ложахъ со всевозможною по тому времени пышностью, особо Аполлона и Латону, Геркулеса и Діану, Меркурія и Нептуна. Въ частныхъ домахъ также совершалось это религіозное торжество. Во всемъ городѣ въ домахъ, какъ

[1]) См. III 10.
[2]) См. I 26 пр.
[3]) Lectisternium отъ lectos sternere, что значитъ „стлать постели"; такъ называлось у римлянъ особаго рода умилостивительное жертвоприношеніе богамъ, когда на подушкахъ (pulvinaria) ставили статуи боговъ, а предъ ними столы съ кушаньями.

говорятъ, двери оставались раскрытыми; все было выставлено на открытомъ мѣстѣ для общаго пользованія; пріѣзжихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, приглашали въ гости; и съ личными врагами обращались радушно и предупредительно; не слышно было брани и споровъ; съ узниковъ также сняты были оковы на время торжественныхъ дней, послѣ чего, впрочемъ, побоялись снова заковать тѣхъ, которымъ сами боги оказали помощь.

Между тѣмъ подъ Веями одна опасность смѣнялась другой, такъ какъ вмѣсто одной войны пришлось вести три, потому что подобно тому, какъ раньше, когда, 355 г.
вслѣдствіе внезапнаго прихода на помощь капенатовъ и фалисковъ, обложены были укрѣпленія, такъ и теперь римляне сражались на двухъ фронтахъ, съ тремя арміями. Но тутъ больше всего помогло воспоминаніе о приговорѣ, произнесенномъ надъ Сергіемъ и Вергиніемъ: поэтому, изъ главнаго лагеря, откуда въ тотъ разъ медлили помощью, теперь очень скоро подошли отряды и, сдѣлавъ обходъ, напали съ тылу на капенатовъ, вниманіе которыхъ направлено было на римскій валъ; завязавшійся на этомъ пунктѣ бой навелъ ужасъ и на фалисковъ, которые въ замѣшательствѣ отступили передъ сдѣланною какъ разъ въ пору вылазкою нашихъ изъ лагеря. Отбивъ враговъ, побѣдители пустились преслѣдовать ихъ и произвели страшную рѣзню. А немного спустя, когда уже враги брели врассыпную, имъ навстрѣчу, какъ нарочно, попались фуражиры, грабившіе капенскія поля, и въ конецъ истребили остатки, уцѣлѣвшіе послѣ сраженія. Что же касается вейентовъ, то, во время обратнаго ихъ бѣгства въ городъ, множество ихъ было изрублено предъ воротами, потому что жители города, опасаясь, чтобы одновременно съ ними не ворвались и римляне, заперли ворота и такимъ образомъ отрѣзали аріергардъ своего войска.

14. Вотъ событія этого года. И наступали уже военно-трибунскія комиціи, чуть не больше заботившія патриціевъ, чѣмъ сама война, такъ какъ они видѣли, что не только раздѣлили верховную власть съ плебеями, но почти и вовсе потеряли ее. Итакъ, согласившись между собою выставить въ кандидаты самыхъ именитыхъ людей, которыхъ, по ихъ мнѣнію, совѣстно будетъ обойти, они и сами, точно всѣ выступали кандидатами, принимая всяческія мѣры, призывали на помощь не только людей, но и боговъ, потому что считали преступленіемъ противъ религіи результаты выборовъ двухъ послѣднихъ годовъ; они указывали при этомъ на то, что въ первый годъ свирѣпствовала нестерпимая зима, служившая однимъ изъ посылаемыхъ богами знаменій; въ слѣдующій, ближайшій годъ явились уже не знаменія, а слѣдствія ихъ—чума, ниспосланная на деревни и городъ, указывавшая на несомнѣнный гнѣвъ боговъ, которыхъ, ради отвращенія этого мора, необходимо было умилостивлять, согласно указаніямъ, найденнымъ въ книгахъ судебъ; богамъ показалось недостойнымъ, что на комиціяхъ, освящаемыхъ ауспиціями, высшія почести предоставляются всѣмъ и уничтожается различие между родами. Не говоря уже о значительности кандидатовъ, на людей повліяла еще и боязнь нарушить требованія религіи, и они выбрали въ трибуны съ консульскою властью однихъ патриціевъ, большею частью людей самыхъ заслуженныхъ: Л. Валерія Потита въ пятый разъ, М. Валерія Максима, М. Фурія Камилла во второй разъ, Л. Фурія Медуллина въ третій разъ, Кв. Сервилія Фидената во второй разъ и Кв. Сульпиція Камерина во второй разъ. Въ ихъ трибунство подъ Веями ничего въ сущности достопамятнаго не произошло; всѣ дѣйствія ограничивались опустошительными грабежами. Оба главнокомандующіе, Потитъ и Камиллъ, угнали въ добычу множество скота и людей, первый отъ города Фалерій, а второй отъ Капены, не оставивъ неповрежденнымъ ничего, чему можно было нанести вредъ огнемъ или мечомъ.

15. Между тѣмъ приходили извѣстія о многочисленныхъ знаменіяхъ, большей части которыхъ, съ одной стороны, мало вѣрили, потому что слухи о нихъ шли отъ отдѣльныхъ лицъ, а съ другой — ими и пренебрегали, потому что не было гаруспиковъ[1]) вслѣдствіе враждебныхъ отношеній съ этрусками, которые занимались предотвращеніемъ дурныхъ предзнаменованій; но однимъ предзнаменованіемъ всѣ были особенно озабочены, а именно: вода въ озерѣ Альбанской рощи, несмотря на отсутствіе всякой атмосферной влаги или какой-нибудь иной причины, которая исключала бы это явленіе изъ числа чудесъ, поднялась на необычайную высоту. Посланы были къ Дельфійскому оракулу послы съ порученіемъ спросить, что именно боги предвѣщаютъ этимъ знаменіемъ; но судьба послала истолкователя поближе, одного вейента старика; онъ, среди насмѣшекъ, которыми обмѣнивались римскіе и этрусскіе воины, стоявшіе на караульныхъ постахъ, пророческимъ тономъ объявилъ, что римлянинъ овладѣетъ Веями только тогда, когда вода изъ Альбанскаго озера будетъ спущена. Въ первое время на эту фразу, какъ будто брошенную случайно, не обращено было никакого вниманія; но потомъ она сдѣлалась предметомъ оживленныхъ толковъ, пока наконецъ одинъ воинъ изъ римскаго караула не получилъ отъ ближе всѣхъ стоявшаго къ нему гражданина осажденнаго города точныхъ свѣдѣній о человѣкѣ, произнесшемъ таинственныя слова на счетъ Альбанскаго озера; пользуясь въ этомъ случаѣ установившимися, вслѣдствіе продолжительности войны, близкими сноше-

[1]) Гаруспикомъ (haruspex) назывался человѣкъ, профессія котораго состояла въ разъясненіи предзнаменованій по внутренностямъ животныхъ.

ніями между воюющими сторонами и услышавъ, что этотъ старикъ гаруспикъ, воинъ, будучи самъ человѣкомъ внимательнымъ къ тому, что касается религіи, подъ предлогомъ желанія посовѣтоваться въ досужее для гаруспика время на счетъ отвращенія дурного предзнаменованія, лично до него, воина, касающагося, выманилъ прорицателя на бесѣду. И когда они, оба безоружные, внѣ всякаго опасенія за себя, отошли нѣсколько подальше, римскій юноша сильными руками схватилъ въ виду всѣхъ слабаго старика и понесъ къ своимъ, не обращая никакого вниманія на кричавшихъ этрусковъ. Когда гаруспикъ, сначала приведенный къ главнокомандующему, потомъ отправленъ былъ въ Римъ къ сенату, то тамъ, на вопросы о значеніи его словъ на счетъ Албанскаго озера, отвѣтилъ, что боги дѣйствительно разгнѣвались на вейентскій народъ въ тотъ день, когда внушили ему мысль выдать тайну роковой гибели отечества. Поэтому онъ не можетъ вернуть назадъ того, что вѣщалъ въ тотъ разъ вдохновенный внушеніемъ свыше, да и помимо этого, быть можетъ, умолчаніе о томъ, что безсмертные боги хотятъ открыть всѣмъ, навлекаетъ на человѣка такой же грѣхъ, какъ и открытіе сокровенныхъ тайнъ. Такъ ужъ заповѣдано книгами судебъ, такъ ужъ заповѣдано наукой этрусской, что, когда вода альбанская поднимется выше уровня, тогда римляне получатъ побѣду надъ вейентами, если спустятъ эту воду съ соблюденіемъ надлежащихъ обрядовъ; раньше этого боги не оставятъ безъ защиты стѣнъ вейентскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ объяснять, какими торжественно-религіозными обрядами долженъ сопровождаться отводъ воды. Однако, сенаторы, по своимъ соображеніямъ не находя увѣреній этого гаруспика серьезными и вполнѣ надежными въ такомъ важномъ дѣлѣ, сочли необходи-

мымъ обождать возвращенія пословъ съ отвѣтомъ отъ Пиѳійскаго оракула.

16. Еще до возвращенія изъ Дельфъ пословъ и до отысканія такого рода очистительныхъ жертвъ, которыя предотвратили бы альбанскія предзнаменованія, вступаютъ въ должность новые трибуны съ консульскою властью, Л. Юлій Юлъ, Л. Фурій Медуллинъ въ четвертый разъ, Л. Сергій Фиденатъ, А. Постумій Регилльскій, П. Корнелій Малугинскій и А. Манлій. 357 г. Въ этомъ году появились новые враги, тарквинійцы. Видя, что римляне одновременно заняты нѣсколькими войнами,— съ вольсками подъ Анксуромъ, гдѣ осаждался гарнизонъ, при Лабикахъ съ эквами, нападавшими здѣсь на римскую колонію, а также войною съ вейентами, фалисками и капенатами; видя, кромѣ того, что и въ самомъ городѣ дѣла идутъ не совсѣмъ спокойно вслѣдствіе несогласій между патриціями и плебеями, и соображая, что настоящее положеніе дѣлъ представляетъ удобный моментъ для враждебныхъ дѣйствій, тарквинійцы посылаютъ на римскія поля легкіе отряды для грабежа; они думали, что римляне или оставятъ эти враждебныя дѣйствія безъ возмездія, не желая обременять себя новою войною, или же, если и будутъ преслѣдовать, то съ незначительнымъ и потому не достаточно сильнымъ войскомъ. Набѣгъ тарквинійцевъ вызвалъ въ римлянахъ больше негодованія, чѣмъ тревоги; поэтому за дѣло принялись безъ особенныхъ приготовленій, но и не стали его откладывать надолго. А. Постумій и Л. Юлій, не имѣя возможности произвести правильный наборъ войска, вслѣдствіе противодѣйствій со стороны народныхъ трибуновъ, а собравъ только просьбами отрядъ почти изъ одних добровольцевъ, отправились окольными путями черезъ землю церетовъ и, напавъ на тарквинійцевъ, когда они, нагруженные до-

бычею, возвращались съ набѣговъ, совершенно ихъ уничтожили. Множество людей они избили, у всѣхъ отняли имущество и, вернувъ добычу, награбленную на ихъ поляхъ, возвратились въ Римъ. Владѣльцамъ данъ былъ двухдневный срокъ для распознанія своихъ вещей; на третій день не опознанное, принадлежавшее большею частью самимъ врагамъ, было продано съ аукціона, и выручка отъ продажи распредѣлена между воинами.

Исхода прочихъ войнъ, а въ особенности войны съ вейентами, нельзя было предвидѣть; и римляне, отчаявшись въ средствахъ человѣческихъ, возлагали уже надежды только на судьбу и на боговъ, какъ въ это самое время прибыли изъ Дельфъ послы съ отвѣтомъ оракула, совершенно согласовавшимся съ отвѣтомъ плѣннаго прорицателя: „Римлянинъ! не допускай, чтобы албанская вода оставалась въ озерѣ, не допускай, чтобы она истекла своимъ собственнымъ теченіемъ въ море; спустивъ разлей ее по полямъ и раздѣливъ отведи по каналамъ; тогда смѣло наступай на вражескія стѣны, помня, что тебѣ заповѣдана побѣда надъ городомъ, который ты осаждаешь въ теченіе столькихъ лѣтъ, именно этимъ, нынѣ открываемымъ, велѣніемъ рока. По окончаніи войны, ты, въ качествѣ побѣдителя, долженъ принести въ мой храмъ богатый даръ и, возстановивъ священнодѣйствія своего отечества, оставленныя въ пренебреженіи, совершить ихъ какъ подобаетъ". **17.** Тогда-то плѣнный гадатель сразу получилъ чрезвычайное значеніе въ глазахъ римлянъ, и военные трибуны Корнелій и Постумій стали обращаться къ нему за содѣйствіемъ къ предотвращенію албанскаго знаменія и надлежащему умилостивленію боговъ; и наконецъ открыто было, гдѣ, по указаніямъ боговъ, допущена небрежность въ церемоніяхъ или гдѣ временно нарушена торжественность; какъ оказалось, небрежность выразилась только въ томъ, что магистраты, будучи ненадлежаще выбраны, отпраздновали Латинскіе праздники и совершили жертвоприношеніе на Албанской горѣ безъ соблюденія должныхъ обрядовъ; что есть одинъ путь къ очищенію отъ этого, именно, чтобы военные трибуны сложили съ себя должность, ауспиціи были повторены сызнова и учреждено междуцарствіе. Такъ и было сдѣлано, согласно постановленію сената. Междуцарями были подъ рядъ трое: Л. Валерій, Кв. Сервилій Фиденатъ и М. Фурій Камиллъ. Въ теченіе всего этого времени волненія не прекращались ни на минуту, такъ какъ народные трибуны постоянно мѣшали ходу комицій, пока не вошли въ предварительное соглашеніе, чтобы большая часть военныхъ трибуновъ выбрана была изъ плебеевъ.

Въ то время, какъ въ Римѣ были заняты всѣмъ этимъ, въ Этруріи состоялось собраніе ея представителей у храма Волтумны [1]); здѣсь капенатамъ и фалискамъ, требовавшимъ, чтобы всѣ народы общими силами и по общему плану освободили Веи отъ осады, сказано было въ отвѣтъ, что раньше этруски отказали вейентамъ потому, что не подобаетъ просить помощи у тѣхъ, у кого раньше не просили совѣта въ такомъ важномъ дѣлѣ; а теперь уже вмѣсто нихъ, этрусковъ, даетъ отрицательный отвѣтъ само положеніе ихъ государства: ближе всего къ этой части Этруріи [2]) живетъ невѣдомый народъ, новые сосѣди-поселенцы, галлы, съ которыми, хотя нѣтъ настоящей войны, но нѣтъ и вполнѣ надежнаго мира. Впрочемъ, ради кровнаго родства единоплеменниковъ и ради грозящей опасности, сдѣлается уступка въ томъ смыслѣ, что они, этруски, не будутъ удерживать свою молодежь, если она добровольно пожелаетъ идти на войну вейентовъ

---

[1]) См. IV 23, 61. [2]) Т. е. на сѣверной.

съ римлянами. Въ Римѣ ходилъ слухъ, что такихъ добровольцевъ-непріятелей явилось множество, и поэтому, какъ обыкновенно случается, въ виду общей опасности начали утихать внутреннія несогласія.

18. Патриціи не выразили неудовольствія, что въ военные трибуны былъ выбранъ прерогативой [1]) не искавшій этой должности П. Лициній Кальвъ, человѣкъ, хотя уже въ ту пору и старый, но извѣстный своимъ тактомъ по прежнему трибунству [2]); вторичное избраніе всѣхъ подъ рядъ членовъ коллегіи того же года, Л. Титинія, П. Менія, Кв. Манлія, Гн. Генуція и Л. Атилія, было внѣ всякаго сомнѣнія. Еще не было объявлено результата голосованія по окончаніи призыва трибъ въ установленномъ порядкѣ, когда П. Лициній Кальвъ, съ разрѣшенія междуцаря, произнесъ слѣдующую рѣчь: „вижу я, что вы, граждане, помня о нашей магистратурѣ, ищете въ настоящихъ комиціяхъ предзнаменованія, что согласіе, особенно полезное при настоящихъ обстоятельствахъ, не будетъ нарушено на слѣдующій годъ; но если вы вновь выбираете товарищей, остающихся все тѣми же, сдѣлавшихся даже лучшими отъ пріобрѣтенной ими опытности, то я, какъ вы видите, уже не тотъ, во мнѣ осталась уже только тѣнь и имя П. Лицинія. Силы физическія подорваны, чувства зрѣнія и слуха притуплены, память измѣняетъ, бодрость духа ослабѣла. Вотъ вамъ юноша", сказалъ Лициній, указывая на сына, „живой образъ мужа, котораго вы раньше первымъ изъ плебеевъ выбрали въ военные трибуны. Онъ прошелъ мою школу, и его я

358 г.

[1]) Прерогативой (praerogativa) называлась та центурія 1-го класса, которой выпадалъ жребій первой подавать въ избирательныхъ комиціяхъ свой голосъ, имѣвшій часто рѣшающее значеніе, такъ какъ прочія центуріи охотно присоединялись къ ней.

[2]) См. гл. 13 (и 12).

посвящаю въ даръ государству въ качествѣ моего замѣстителя; прошу васъ, граждане, должность, предоставленную мнѣ по вашему почину, поручить ему, такъ какъ онъ ищетъ ея и я присоединяю за него свои просьбы". Просьба отца была уважена, и сынъ, П. Лициній, былъ провозглашенъ военнымъ трибуномъ съ консульскою властью вмѣстѣ съ вышеупомянутыми. Военные трибуны Титиній и Генуцій отправились противъ фалисковъ и капенатовъ; но, дѣйствуя болѣе мужественно, чѣмъ разсудительно, они и не опомнились, какъ попали въ засаду. Генуцій свою неосторожность искупилъ честною смертью, павъ передъ знаменами въ первыхъ рядахъ; Титиній, хотя и возстановилъ правильное сраженіе, собравъ воиновъ среди полнаго ихъ замѣшательства на возвышенный холмъ, но вступить въ бой съ непріятелемъ на ровномъ мѣстѣ не рѣшился. Было больше позора, чѣмъ пораженія, которое однако чуть не превратилось въ страшное несчастіе, потому что навело ужасный страхъ не только на Римъ, куда доходили самые преувеличенные слухи, но и на лагерь подъ Веями. Тутъ воиновъ съ трудомъ можно было удержать отъ бѣгства, когда глухимъ гуломъ пронеслось по лагерю, что вожди вмѣстѣ съ войскомъ убиты и капенаты съ фалисками и всею этрусскою молодежью, оставшись побѣдителями, расположились недалеко отъ лагеря. А въ Римѣ смятеніе было еще значительнѣе: были увѣрены, что лагерь подъ Веями уже штурмуется, что часть враговъ грознымъ маршемъ направляется уже къ Риму; сбѣжались на стѣны; матроны, бросившія свои дома въ виду тревоги въ государствѣ, возносили молитвы въ храмахъ; умоляли боговъ, да отвратятъ гибель отъ жилищъ города, отъ храмовъ и стѣнъ римскихъ, и да перенесутъ страхъ этотъ въ Веи, если священнодѣйствія были возобновлены съ соблюденіемъ должныхъ обрядовъ, если были совершены умилостиви-

тельныя жертвоприношенія для отвращенія зловѣщихъ предзнаменованій.

19. Уже игры, связанныя съ Латинскими праздниками, были сызнова отпразднованы, уже и вода изъ Альбанскаго озера была спущена на поля [1]), и наступалъ для Вей роковой часъ. И вотъ, волею судебъ предназначенный для сокрушенія этого города и для спасенія отечества вождь, М. Фурій Камиллъ, былъ объявленъ диктаторомъ и взялъ себѣ въ начальники конницы П. Корнелія Сципіона. Все вдругъ измѣнилось съ перемѣной главнокомандующаго; казалось, люди одушевились новою надеждою, другимъ настроеніемъ; инымъ казалось и положеніе города. Первымъ дѣломъ Камиллъ строго по военнымъ порядкамъ наказалъ бѣжавшихъ въ постыдномъ страхѣ изъ-подъ Вей и тѣмъ внушилъ воинамъ, что нихъ не должно больше всего бояться врага. Потомъ, объявивъ на извѣстный день наборъ, онъ самъ тѣмъ временемъ поспѣшилъ въ Веи, чтобы поднять духъ воиновъ; оттуда опять вернулся въ Римъ для набора новой арміи, при чемъ никто не уклонялся отъ военной службы. Даже молодые люди изъ перегриновъ [2]), латиняне и герники, явились въ Римъ съ предложеніемъ своихъ услугъ для этой войны; поблагодаривъ ихъ въ сенатѣ, диктаторъ, когда всѣ приготовленія для этой войны были уже окончены, далъ обѣтъ, согласно сенатскому постановленію, отпраздновать, по взятіи Вей, Великія игры и, обновивъ храмъ Матери-Матуты [3]), освятить его, хотя это освященіе уже раньше было совершено царемъ Серв. Тулліемъ.

1) Спускъ воды изъ Альбанскаго озера производится и по-нынѣ.
2) Peregrini назывались люди иноземнаго происхожденія, не состоявшіе въ числѣ гражданъ, но имѣвшіе осѣдлость на римской территоріи.
3) Mater-Matuta была древне-италійской богиней утра. Въ Римѣ въ честь ея былъ установленъ праздникъ Matralia, 11-го іюня.

Выступивъ съ войскомъ изъ города, населеніе котораго не столько надѣялось, сколько находилось въ состояніи ожиданія. Камиллъ первую схватку съ фалисками и капенатами имѣлъ въ области, принадлежавшей городу Непете. Здѣсь все было выполнено съ величайшимъ расчетомъ и предусмотрительностью, а потому, какъ это обыкновенно бываетъ, дѣйствія сопровождались и удачей. Онъ не только разбилъ враговъ въ сраженіи, но и отнялъ у нихъ лагерь, завладѣвъ при этомъ огромной добычей, большая часть которой поступила къ квестору, не такъ много досталось воину. Отсюда войско было направлено къ Веямъ, гдѣ возвели форты вплотную одинъ подлѣ другого, и гдѣ воинамъ, согласно приказу главнокомандующаго, запрещавшему вступать въ сраженіе безъ его позволенія, было велѣно прекратить схватки, которыя часто ни съ того ни съ сего завязывались между городскою стѣною и римскимъ валомъ, и заняться работой. Самою важною и самою трудною работою былъ подкопъ, который начали проводить въ непріятельскій кремль. Чтобы не прерывать этой работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не истомлять людей безсмѣннымъ трудомъ подъ землею, Камиллъ приказалъ всѣхъ работавшихъ надъ подкопомъ раздѣлить на шесть партій; каждой партіи для работы назначено было по шести часовъ, смѣняясь вкруговую; работу приказано было не прекращать ни днемъ, ни ночью, пока не будетъ прорытъ путь въ кремль.

20. Видя побѣду уже въ своихъ рукахъ, видя, что сейчасъ долженъ быть взятъ богатѣйшій городъ и что добычи будетъ столько, сколько не могло бы быть, если бы всѣ войны, бывшія раньше, соединить въ одну, и не желая впослѣдствіи навлечь на себя ни гнѣва воиновъ скупымъ раздѣломъ добычи, ни ненависти патриціевъ расточительной щедростью, диктаторъ отправилъ въ сенатъ письмо съ сообщеніемъ, что

благодаря милости безсмертныхъ боговъ, его предусмотрительнымъ мѣрамъ и настойчивости воиновъ, Веи уже будутъ во власти римскаго народа; въ виду этого, какъ, по ихъ мнѣнію, надлежитъ поступить съ добычей? Въ сенатѣ высказывалось два противуположныхъ мнѣнія, одно—старика П. Лицинія, который, говорятъ, спрошенный сыномъ прежде другихъ, сказалъ, что онъ стоитъ за обнародованіе эдикта, предлагающаго всѣмъ, кто хочетъ принять участіе въ дѣлежѣ добычи, идти въ лагерь подъ Веи; другое мнѣніе Ап. Клавдія, который, нападая на такую щедрость, какъ на небывалую, расточительную, неравномѣрную, безразсудную, стоялъ за употребленіе взятыхъ у непріятелей денегъ на жалованье воинамъ съ цѣлью облегчить плебеямъ тяжесть налога, разъ ужъ сенаторы находятъ непозволительнымъ помѣщеніе этихъ денегъ въ истощенную войнами казну; ибо участіе въ этомъ подаркѣ тогда въ равной степени ощущалось бы всѣми семействами, а алчущія расхищенія руки праздныхъ горожанъ не воспользовались бы раньше храбрыхъ воителей принадлежащею имъ наградою, какъ почти всегда и бываетъ въ результатѣ, что тотъ, кто несетъ большій трудъ и опасность, обыкновенно остается позади другихъ при пріобрѣтеніи добычи. Лициній на это возражалъ, что такое употребленіе денегъ будетъ постоянно возбуждать подозрѣніе и ненависть и подавать поводъ къ обвиненіямъ предъ плебеями, а слѣдовательно къ смутамъ и новымъ законопроектамъ; поэтому, было бы лучше задобрить этимъ подаркомъ плебеевъ, помочь истощеннымъ и обѣднѣвшимъ отъ взноса налога въ теченіи столькихъ лѣтъ и дать имъ почувствовать, что добыча—это вознагражденіе имъ за ту самую войну, въ теченіе которой они почти-что состарѣлись. Больше удовольствія и больше радости будетъ въ томъ случаѣ, если каждый понесетъ домой то, что взялъ самъ собственными руками у врага, чѣмъ если получитъ и больше, но по усмотрѣнію другого. Самъ диктаторъ желаетъ избѣжать ненависти и обвиненій за раздѣлъ добычи; поэтому онъ обратился къ сенату; сенатъ въ свою очередь долженъ рѣшеніе дѣла, предложеннаго ему, предоставить плебеямъ и позволить каждому имѣть то, что дастъ ему жребій войны. Послѣднее мнѣніе показалось болѣе основательнымъ, потому что оно могло вызвать въ народѣ расположеніе къ сенату. Итакъ, былъ изданъ указъ, разрѣшавшій всѣмъ, кто захочетъ, идти за вейентскою добычею въ лагерь къ диктатору.

21. Огромная толпа народа отправилась въ лагерь и переполнила его. Тогда диктаторъ, совершивши ауспиціи, вышелъ къ войску и, приказавъ воинамъ вооружиться, сказалъ: „подъ твоимъ предводительствомъ, Пиѳійскій Аполлонъ, и по твоему внушенію иду я, чтобы сокрушить городъ Веи, и обѣщаю тебѣ изъ него десятую долю добычи. Молю я также и тебя, царица Юнона, нынѣ обитающая въ Веяхъ, послѣдуй за нами, побѣдителями, въ нашъ городъ, который скоро будетъ и твоимъ, гдѣ тебя приметъ храмъ, достойный твоего величія“. Произнесши такую молитву и пользуясь избыткомъ людей, Камиллъ наступаетъ на городъ со всѣхъ пунктовъ, чтобы не дать замѣтить врагамъ опасности, грозившей имъ со стороны подкопа. Вейенты, не зная того, что они уже обречены на гибель и своими собственными прорицателями, и чужеземными оракулами, что къ долѣ въ добычѣ, ожидаемой отъ нихъ, призваны уже боги, а другіе вызваны молитвами изъ ихъ города и взираютъ на новыя мѣста пребыванія въ храмахъ враговъ, что они проводятъ послѣдній тотъ день, и, менѣе всего боясь за то, что стѣны уже подрыты подкопомъ и кремль уже наполненъ врагами, вооруженные, каждый по мѣрѣ силъ своихъ, бѣгутъ по разнымъ направленіямъ на стѣны и только удивляются, почему

римляне, изъ числа которыхъ до сихъ поръ въ теченіе столькихъ дней ни одинъ ни на шагъ не отходилъ отъ своего поста, теперь, словно въ припадкѣ внезапнаго изступленія, очертя голову, бѣгутъ къ стѣнамъ.

Къ этому именно моменту пріурочиваютъ баснословный разсказъ, будто въ то самое время, когда царь веіентскій закалывалъ жертву, римскіе воины, бывшіе въ подкопѣ, услышали слова гаруспика[1]), говорившаго, что побѣда достанется тому, кто разсѣчетъ внутренности приносимой жертвы; эти слова, будто бы, побудили римлянъ пріоткрыть подкопъ и похитить внутренности, которыя затѣмъ отнесли къ диктатору. Но, разъ дѣло касается такихъ отдаленныхъ событій, мнѣ, полагаю, остается только признать несомнѣннымъ то, что лишь похоже на правду; а подтверждать или опровергать подобныя легенды, которыя больше годятся для сцены, интересующейся диковинами, чѣмъ для достовѣрной исторіи, не стоитъ труда.

Тѣмъ временемъ изъ подкопа, наполненнаго отборными воинами, совершенно неожиданно вышли вооруженные люди прямо въ храмъ Юноны, находившійся въ веіентскомъ кремлѣ, и одни сзади нападаютъ на враговъ, стоявшихъ на стѣнахъ, другіе открываютъ запоры въ воротахъ, третьи поджигаютъ крыши домовъ, съ которыхъ женщины и слуги бросали камнями и черепицами. Все огласилось крикомъ, въ которомъ слышались разнообразные голоса испуга и ужаса и среди нихъ вопли женъ и дѣтей. Въ одну минуту защитники города сброшены были по всѣмъ мѣстамъ со стѣнъ, и городъ наполнился врагами, изъ которыхъ одни толпою врывались въ открытыя ворота, а другіе взлѣзали на покинутыя стѣны; бой шелъ на всѣхъ пунктахъ и сталъ утихать только тогда, когда лежало уже множество трупов; тутъ диктаторъ черезъ глашатая отдаетъ приказъ не трогать безоружныхъ. Этимъ былъ положенъ конецъ кровопролитію. Потомъ безоружные стали сдаваться, и воины, съ разрѣшенія диктатора, разбѣгаются за добычей. Видя своими глазами, что добычи несутъ гораздо больше и что она цѣннѣе, чѣмъ можно было ожидать и надѣяться, Камиллъ, говоритъ, воздымая руки къ небу, молился, прося, если кому изъ боговъ и людей покажется счастіе его и римскаго народа чрезмѣрнымъ, то да позволено будетъ утолить эту зависть возможно меньшимъ несчастьемъ лично для него и для всего римскаго народа"[1]). Преданіе гласитъ, что, поворачиваясь во время совершенія этой молитвы, онъ поскользнулся и упалъ; этотъ случай, по мнѣнію людей, дѣлающихъ заключеніе о событіяхъ по послѣдствіямъ, служилъ предвѣстіемъ наступившаго вскорѣ осужденія самого Камилла, а потомъ и взятія римскаго города, что случилось нѣсколько лѣтъ спустя. Весь тотъ день былъ употребленъ на избіеніе враговъ и расхищеніе громаднѣйшихъ богатствъ города. **22**. На слѣдующій день свободныхъ гражданъ диктаторъ продалъ въ рабство. Только эти деньги и были обращены въ казну, хотя не безъ недовольства со стороны плебеевъ; да и за отнесенную съ собой добычу они выражали признательность не вождю, который, стараясь имѣть оправданіе для своей скупости, препроводилъ на рѣшеніе сената дѣло, подлежавшее личному его усмотрѣнію, и не сенату, а семейству Лициніевъ, изъ которыхъ сынъ сдѣлалъ докладъ въ сенатѣ, а отецъ подалъ также пріятное народу мнѣніе. Когда уже вывезены были изъ Вей богатства человѣческія, стали собирать и дары,

[1]) См. гл. 15.

[1]) По понятіямъ древнихъ, боги были завистливы къ слишкомъ большому благополучію человѣка и подъ вліяніемъ этой зависти насылали на него то или другое несчастіе.

посвященные богомъ, а равно и самихъ боговъ, но съ видомъ скорѣе почитателей, нежели похитителей. Самые видные во всемъ войскѣ юноши, которымъ было поручено отнести царицу Юнону въ Римъ, чисто омывшись и въ бѣлыхъ одеждахъ, съ благоговѣніемъ вступили въ храмъ, сначала лишь съ трепетомъ простирая руки къ статуѣ, потому что, по этрусскому обычаю, дотрогиваться до нея имѣлъ право только жрецъ, и то извѣстной фамиліи. Потомъ, когда кто-то, вдохновленный ли свыше, или въ шутку, какъ свойственно молодому человѣку, сказалъ, „хочешь ли, Юнона, идти въ Римъ?"— всѣ остальные воскликнули, что богиня кивнула головою въ знакъ согласія. Этотъ разсказъ послужилъ источникомъ и другой басни, будто слышали даже голосъ богини, произнесшей слово „хочу"; во всякомъ случаѣ снята она была съ своего постамента почти безъ всякой посторонней помощи и, какъ гласитъ преданіе, будто идя слѣдомъ, дала себя перенести рѣшительно безъ всякихъ усилій и неповрежденной была внесена на Авентинъ, вѣчную свою обитель, куда ее призывали обѣты римскаго диктатора, и гдѣ впослѣдствіи освятилъ для нея храмъ тотъ же, кто далъ и обѣтъ,—Камиллъ. Такъ совершилось паденіе Вей, богатѣйшаго города этрусскаго племени, обнаружившаго могущество даже при самомъ послѣднемъ своемъ несчастіи, потому что, осаждаемый безъ перерыва десять лѣтъ и десять зимъ, нанесшій за это время гораздо больше пораженій, чѣмъ испытавшій ихъ, напослѣдокъ, преслѣдуемый и самимъ рокомъ, онъ завоеванъ былъ все-же не силою, а искусствомъ.

23. Хотя къ предотвращенію грозныхъ знаменій и были приняты всѣ мѣры, и отвѣты порицателей, а также оракулъ Пиѳійскій были извѣстны, хотя главнокомандующимъ выбрали величайшаго полководца, М. Фурія. если только тутъ могла помочь дѣлу человѣческая предусмотрительность, все-же, лишь только пришло въ Римъ

извѣстіе о взятіи Вей, такъ какъ война велась здѣсь столько лѣтъ съ перемѣннымъ успѣхомъ и понесено было много пораженій, событіе это, словно неожиданное, вызвало безграничныя ликованія, и еще до изданія сенатскаго распоряженія всѣ храмы наполнились римскими матронами, возносившими благодаренія богамъ. Сенатъ назначилъ четыре дня на молебствія: столько дней не назначалось ни въ одну до тѣхъ поръ бывшую войну. Самое прибытіе диктатора сопровождалось такимъ стеченіемъ народа всѣхъ сословій, высыпавшаго къ нему навстрѣчу, какого не бывало никогда раньше при прибытіи какого-либо другого лица, и тріумфъ значительно превзошелъ всякую обычную торжественность такихъ дней. Особенное вниманіе обращалъ на себя самъ диктаторъ, когда онъ въѣзжалъ на своей колесницѣ, запряженной бѣлыми конями, мало напоминая не только гражданина, но даже и человѣка. Казалось, диктаторъ позаимствовалъ коней у Юпитера и Солнца, и это внушало даже религіозный трепетъ; уже по этому одному тріумфъ скорѣе былъ блестящимъ, чѣмъ восторженнымъ. Тогда же Камиллъ сдалъ подрядъ на постройку храма царицѣ Юнонѣ на Авентинѣ и освятилъ храмъ Матуты[1]), а по окончаніи этихъ религіозныхъ обрядовъ и гражданскихъ обязанностей, сложилъ съ себя диктатуру Потомъ стали разсуждать о дарѣ Аполлону. Несмотря на заявленіе Камилла, что онъ пообѣщалъ Аполлону десятую долю добычи, несмотря на заключеніе понтификовъ, что народъ долженъ освободить себя отъ лежащаго на немъ религіознаго обязательства, нелегко было изыскать средство заставить возвратить добычу, для выдѣленія изъ нея части, обѣщанной на святое дѣло. Наконецъ остановились на мѣрѣ, которая, казалось, наименѣе могла раздражить: предложили всѣмъ,

[1]) См. гл. 19, прим.

кто хочетъ освободить себя и свой домъ отъ обязательства предъ богомъ, оцѣнить самому свою добычу и внести въ казну сумму, равную стоимости десятой доли, чтобы на эти деньги сдѣлать соотвѣтствующій великолѣпію храма и имени бога золотой подарокъ, какъ того требуетъ достоинство римскаго народа. Но и такой способъ уплаты настроилъ плебеевъ противъ Камилла. Въ это самое время отъ вольсковъ и эквовъ прибыли посольства просить мира, на что и было изъявлено согласіе, но скорѣе съ цѣлью дать отдыхъ гражданамъ, утомленнымъ такого продолжительною войною, чѣмъ потому, что просители были достойны этого.

24. Въ слѣдовавшій за взятіемъ Вей годъ было шесть
359 г. военныхъ трибуновъ съ консульскою властью, два Публія Корнелія, Коссъ и Сципіонъ, М. Валерій Максимъ во второй разъ, К. Фабій Амбустъ во второй разъ, Л. Фурій Медуллинъ въ пятый разъ и Кв. Сервилій въ третій разъ. На долю Корнеліевъ выпало по жребію веденіе войны съ фалисками, а на долю Валерія и Сервилія—съ капенатами. Они не приступали ни къ штурму, ни къ осадѣ городовъ, а ограничились только опустошеніемъ полей и захватомъ съ нихъ добычи, не оставили ни одного фруктоваго дерева, не оставили на полѣ ничего приносящаго плодъ. Это разореніе заставило капенскій народъ изъявить покорность; просьбы ихъ о мирѣ были уважены. Оставалась еще война съ фалисками.

Въ Римѣ тѣмъ временемъ происходили разнаго рода раздоры, ради прекращенія которыхъ сенатъ призналъ необходимымъ вывести въ страну вольсковъ колонію, въ которую должны были записаться 3000 римскихъ граждан: выбранные для этой цѣли тріумвиры[1]) надѣлили уже каждаго изъ нихъ землею въ три и семь двѣнадцатыхъ югера[1]). Къ этой милости уже съ самаго начала отнеслись съ пренебреженіемъ, такъ какъ полагали, что къ ней прибѣгли лишь какъ къ средству заставить отказаться отъ надежды на что-нибудь болѣе значительное: зачѣмъ-де это, въ самомъ дѣлѣ, ссылать народъ въ область вольсковъ, когда подъ руками находится такой прекраснѣйшій городъ, какъ Веи, вмѣстѣ съ его полями, болѣе плодоносными и просторными, чѣмъ поля римскія? Самый городъ Веи ставили выше города Рима какъ относительно мѣстоположенія, такъ и относительно великолѣпія общественныхъ и частныхъ зданій и площадей. Мало того: заговорили даже о переселеніи въ Веи, этомъ проектѣ, который особенно серьезно занималъ умы послѣ взятія Рима галлами. Впрочемъ, предполагалось, что въ Веяхъ поселится половина плебеевъ и половина сената, и что такимъ образомъ могутъ быть заселены однимъ и тѣмъ же римскимъ народомъ два города, а государство у нихъ будетъ общее. Тогда оптиматы[2]), возражая противъ этихъ проектовъ, стали открыто заявлять, что они скорѣе готовы умереть на глазахъ римскаго народа, чѣмъ допустить обсужденіе чего-нибудь подобнаго: теперь, когда въ одномъ городѣ встрѣчается столько поводовъ къ несогласіямъ, что же будетъ въ двухъ? развѣ можетъ кто-нибудь предпочесть отечество покоренное отечеству покорившему и допустить, чтобы Веи послѣ взятія пользовались большимъ благополучіемъ, чѣмъ будучи невредимыми!? а, наконецъ, сограждане могутъ покинуть ихъ въ отечествѣ, но чтобы они сами оставили отечество и своихъ гражданъ, къ этому ихъ никогда не принудитъ никакая сила; пусть они идутъ за Т. Сициніемъ (изъ среды народныхъ трибуновъ онъ былъ авторомъ этого

1) Т. е. коммисія въ составѣ трехъ лицъ.

[1]) См. IV 47 примѣч. [2]) См. IV 9 прим.

проекта) въ Веи, взявъ его себѣ въ основатели и покинувъ Ромула, бога и сына бога, родителя и зиждителя города Рима! **25.** Когда стали раздаваться такія рѣчи и борьба принимала безобразный характеръ (ибо часть народныхъ трибуновъ сенаторы привлекли на свою сторону), то отъ насилія удерживало плебеевъ лишь то, что старшіе сенаторы, гдѣ только поднимался крикъ, готовый перейти въ драку, бросаясь первыми на толпу, приказывали бить себя, ранить, убивать. Пока еще удерживались отъ оскорбленія сѣдинъ, званія, чести; почтительная робость не давала озлобленію дойти и до другихъ подобныхъ попытокъ. Камиллъ неоднократно во всѣхъ мѣстахъ обращался къ народу со словами, что „ничего нѣтъ удивительнаго въ этомъ умоизступленіи гражданъ, которые, будучи обязаны исполнить обѣтъ, заботятся обо всемъ, только не объ освобожденіи себя отъ религіознаго обязательства. Онъ ничего не говоритъ о взносѣ десятины, которую столь же правильно можно назвать милостыней, такъ какъ каждый, лично обязавъ себя ею, тѣмъ самымъ освободилъ отъ обязательства народъ въ цѣломъ его составѣ; но по истинѣ совѣсть не позволяетъ ему умалчивать о томъ, что десятина намѣчена нынѣ только изъ той добычи, которая составляетъ движимое имущество; а о взятомъ городѣ и о взятомъ полѣ, на которые также простирается обѣтъ, вовсе не упоминается. Когда разрѣшеніе этого вопроса, казавшагося сенату спорнымъ, было предоставлено понтификамъ, то коллегія, пригласивъ участвовать въ совѣщаніи и Камилла, дала заключеніе въ томъ смыслѣ, что десятину, посвященную Аполлону, должна составлять часть всего того, что принадлежало вейентамъ до совершенія обѣта и что послѣ обѣта досталось во власть римскаго народа; такимъ образомъ оцѣнена стоимость города и его поля. Деньги взяли изъ казны и дали порученіе военнымъ трибунамъ купить на эти деньги золота. Но, такъ

какъ золота вообще въ изобиліи не было, то матроны, собравшись и посовѣтовавшись, сообща рѣшили предложить военнымъ трибунамъ золото и принести въ казну всѣ свои украшенія. Никогда и никакое пожертвованіе не было для сената пріятнѣе этого; и за эту щедрость, говорятъ, матронамъ былъ оказанъ особый почетъ: имъ было предоставлено право ѣздить на церемоніи и игры въ пилентѣ [1]), а въ дни праздничные и непраздничные въ карпентахъ [2]). Когда золото было принято отъ каждой по вѣсу и оцѣнено для уплаты за него денегъ, тогда рѣшено было сдѣлать золотую чашу и отвезти ее въ даръ Аполлону въ Дельфы.

Давши умамъ успокоиться отъ религіознаго страха, народные трибуны снова затѣваютъ смуту; они настраиваютъ толпу противъ всѣхъ вліятельнѣйшихъ гражданъ, а больше всего противъ Камилла: онъ-де, обращая добычу, взятую отъ вейентовъ, въ доходъ казны и посвящая богу, свелъ ее на ничто. Но, если они яростно нападали на отсутствовавшихъ, зато присутствовавшимъ, хотя тѣ сами шли навстрѣчу раздраженнымъ людямъ, оказывали робкую почтительность. Увидавъ, что дѣло остается неоконченнымъ въ этомъ году, выбрали въ народные трибуны тѣхъ же лицъ, авторовъ законопроекта, еще на годъ, а патриціи постарались добиться того же самаго въ отношеніи къ противникамъ законопроекта. Такимъ образомъ въ народные трибуны были выбраны большею частію тѣ же лица. **26.** На военнотрибунскихъ комиціяхъ патриціи, хотя и съ очень большими усиліями, но добились избранія М. Фурія Камилла. Они лицемѣрно увѣряли, что готовятъ вождя для войнъ; но въ дѣйствительности искали борца противъ расточительныхъ затѣй трибуновъ. Вмѣстѣ съ Ка-

1) Четырехколесная карета. 2) Двухколесный экипажъ.

милломъ были выбраны въ военные трибуны съ консульскою властью Л. Фурій Медуллинъ въ шестой разъ, Г. Эмилій, Л. Валерій Публикола, Сп. Постумій и П.
360 г. Корнелій во второй разъ. Въ началѣ года народные трибуны не поднимали никакихъ вопросовъ, выжидая, когда отправится противъ фалисковъ М. Фурій Камиллъ, которому было поручено веденіе этой войны. Потомъ дѣло все откладывалось и такимъ образомъ само собой затихло, а между тѣмъ слава подвиговъ Камилла, противника, котораго больше всѣхъ боялись, все росла въ войнѣ съ фалисками. Такъ, когда первое время враги держались за стѣнами, находя это для себя самымъ безопаснымъ, онъ, опустошивъ поля и сжегши усадьбы, заставилъ ихъ выйти изъ города. Трусость однако, не позволяла имъ отойти слишкомъ далеко; они устраиваютъ лагерь на разстояніи около тысячи шаговъ отъ города, увѣренные въ достаточной его безопасности, исключительно вслѣдствіе трудности доступа, обусловленной неровностями и рытвинами на окрестныхъ дорогахъ, то узкихъ, то съ трудными подъемами. Но Камиллъ, взявъ себѣ въ проводники плѣнника, захваченнаго въ одной изъ тамошнихъ же деревень, въ глубокую полночь снялся съ лагеря, и съ разсвѣтомъ показался на высотахъ, значительно господствовавшихъ надъ лагеремъ враговъ. Тріаріи римскіе занялись возведеніемъ укрѣпленій, остальная армія стояла наготовѣ къ сраженію. И тутъ-то враги, пытавшіеся помѣшать работамъ, были разбиты на-голову; а затѣмъ на фалисковъ напалъ такой страхъ, что они въ безпорядочномъ бѣгствѣ, миновавъ свой лагерь, хотя онъ находился и ближе, устремились прямо въ городъ. Много непріятелей было убито и ранено, прежде чѣмъ они въ страхѣ успѣли вбѣжать въ ворота. Лагерь былъ взятъ; добыча поступила къ квесторамъ къ большому неудовольствію воиновъ; но, уступая предъ суровою

властью, они и дивились, и въ то же время ненавидѣли его непреклонность. Потомъ началось обложеніе города окопами; по временамъ, при удобныхъ случаяхъ, стали происходить нападенія осажденныхъ на римскіе аванпосты, сопровождавшіяся стычками; время шло, а замѣтнаго перевѣса въ ту или другую сторону не было, между тѣмъ осажденные, благодаря заранѣе сдѣланному подвозу, имѣли хлѣба и другихъ припасовъ больше, чѣмъ осаждающіе. И казалось, здѣсь предстоитъ такой же продолжительный трудъ, какъ и подъ Веями, но сама судьба дала римскому полководцу вмѣстѣ съ скорой побѣдой и случай обнаружить примѣрную черту своей доблести, до сихъ поръ проявлявшейся только въ дѣлахъ военныхъ.

27. У фалисковъ было въ обычаѣ ввѣрять обученіе и воспитаніе дѣтей одному и тому же лицу, при чемъ попеченію одного поручалось въ одно и то же время много дѣтей, какъ это принято и нынѣ[1]) въ Греціи. По обыкновенію, дѣтей вельможъ обучалъ человѣкъ, отличавшійся предъ другими своими познаніями. И вотъ такой человѣкъ, принявъ за правило въ мирное время водить дѣтей для упражненій и игръ за городъ и не оставляя этого обычая и во время войны, продолжая уводить ихъ то ближе, то дальше отъ воротъ, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и, среди разнообразныхъ игръ и бесѣдъ зайдя дальше обыкновеннаго, въ центръ непріятельскихъ аванпостовъ, а потомъ въ римскій лагерь, привелъ дѣтей въ палатку самого Камилла. Тутъ онъ усугубилъ свое преступленіе еще болѣе преступною рѣчью, заявивъ, что онъ, отдавая во власть римлянъ дѣтей тѣхъ родителей, которые стоятъ во главѣ государства, тѣмъ самымъ передалъ Фалеріи въ ихъ руки. Въ отвѣтъ на эти слова, Камиллъ сказалъ: „не

1) Ливій умеръ въ 17-мъ г. по Р. X.

къ похожему на тебя народу и не къ похожему на тебя полководцу пришелъ ты, самъ преступный и съ преступнымъ подаркомъ. У насъ, правда, съ фалисками нѣтъ союза, заключеннаго согласно установившимся у людей обычаямъ, но у насъ есть и будетъ такой союзъ, который указала намъ природа. Есть и у войны, какъ и у мира, свои права; и такъ-же свято, какъ и мужественно, мы умѣемъ соблюдать ихъ. Оружіе мы имѣемъ не противъ того возраста, который щадятъ даже при взятіи городовъ, но противъ вооруженныхъ, какъ и мы, которые, не будучи ни обижены, ни раздражены нами, напали на римскій лагерь подъ Веями. Но ты, насколько это отъ тебя зависѣло, превзошелъ ихъ неслыханнымъ доселѣ преступленіемъ; я Фалеріи одолѣю, какъ и Веи, по-римски, храбростью, осадными работами, оружіемъ". Затѣмъ, приказавъ раздѣть его и связать ему назадъ руки, онъ передалъ его дѣтямъ отвести обратно въ Фалеріи, при чемъ далъ мальчикамъ по розгѣ, чтобы они стегали ею измѣнника, гоня его въ городъ. На это зрѣлище сбѣжался прежде всего народъ, а потомъ власти созвали сенатъ по случаю неслыханнаго до тѣхъ поръ дѣла; тутъ произошла такая перемѣна въ настроеніи умовъ, что то государство, которое еще недавно увлекалось дикою ненавистью и озлобленіемъ и готово было предпочесть участь вейентовъ миру, данному капенатамъ, теперь единодушно настаивало на заключеніи мира. Римской честности, справедливости полководца вовсеуслышаніе воздавали хвалы на форумѣ, въ куріи; по единогласному рѣшенію, отправлены были послы для сдачи Фалерій къ Камиллу въ лагерь, а потомъ, съ позволенія Камилла, и въ Римъ къ сенату. Допущенные въ сенатъ, они, по преданію, сказали слѣдующее: „отцы сенаторы! вы и вашъ полководецъ одержали надъ нами такую побѣду, которая не можетъ возбуждать негодованія ни въ богахъ, ни въ

людяхъ, и мы сдаемся вамъ, считая, что лучше мы будемъ жить подъ вашей властью, чѣмъ подъ защитой нашихъ законовъ, а для побѣдителя нѣтъ ничего прекраснѣе такого убѣжденія побѣжденныхъ. Исходъ настоящей войны преподалъ роду человѣческому два благодѣтельныхъ примѣра: вы на войнѣ дали предпочтеніе честности предъ несомнѣнной побѣдой, мы, тронутые этой честностью, добровольно предоставили вамъ побѣду. Мы въ вашемъ распоряженіи; посылайте людей принять отъ насъ оружіе, заложниковъ, городъ; ворота открыты и вы всегда будете довольны вѣрностью нашей, а мы вашей верховной властью". Камиллу и враги, и граждане воздавали благодарность. На фалисковъ возложена была уплата денегъ на жалованье воинамъ за текущій годъ, чтобы освободить римскій народъ отъ налога. Данъ былъ миръ, и войско вернулось въ Римъ.

28. По возвращеніи въ городъ, Камилла восхваляли еще больше, чѣмъ тогда, когда во время тріумфа везли его по городу бѣлые кони, прославили за побѣду надъ врагами, одержанную справедливостью и честностью, и одно его скромное молчаніе побудило сенатъ немедленно снять съ него тягость неисполненнаго еще обѣта; и вотъ, Л. Валерій, Л. Сергій и А. Манлій на военномъ кораблѣ въ качествѣ пословъ были отправлены въ Дельфы, съ порученіемъ принести въ даръ Аполлону золотую чашу; но липарскіе пираты захватили ихъ недалеко отъ Сицилійскаго пролива и увезли въ Липары. Въ этомъ городѣ было въ обычаѣ дѣлить добычу между всѣми гражданами, точно разбой, которымъ она пріобрѣтена, былъ дѣломъ государственнымъ. Какъ разъ въ тотъ годъ высшій постъ въ городѣ занималъ нѣкто Тимасиѳей, напоминавшій собою больше римлянина, чѣмъ своихъ согражданъ. Онъ, услыхавъ имя „послы", затѣмъ узнавъ о дарѣ, о богѣ, которому даръ посылался, о причинѣ этого дара, испугался, а отъ него

этотъ основательный страхъ перешелъ и на народную толпу, которая всегда почти въ дѣйствіяхъ своихъ подражаетъ своему правителю; предложивъ посламъ отъ имени государства гостепріимство, онъ даже подъ прикрытіемъ своихъ кораблей провелъ ихъ въ Дельфы, а оттуда благополучно доставилъ въ самый Римъ. По опредѣленію сената съ нимъ былъ заключенъ гостепріимный союзъ [1]), и даны на казенный счетъ подарки.

Въ томъ же году велась война въ землѣ эквовъ, но съ такимъ перемѣннымъ успѣхомъ, что ни среди самихъ войскъ, ни въ Римѣ не могли навѣрное сказать, кто побѣдилъ, а кто побѣжденъ. Римскими полководцами были изъ числа военныхъ трибуновъ Г. Эмилій и Сп. Постумій. Первое время они вели дѣло сообща; затѣмъ, послѣ пораженія враговъ въ открытомъ бою, рѣшено было Эмилію занимать гарнизономъ Верруго, а Постумію опустошать владѣнія. Тутъ, когда Постумій вольнымъ строемъ довольно безпечно возвращался послѣ удачнаго дѣла, на него напали эквы и, перепугавъ войско, загнали на ближайшіе холмы; и отсюда страхъ перешелъ и въ Верруго, къ другому войску, стоявшему тамъ гарнизономъ. Укрывъ своихъ воиновъ въ безопасномъ мѣстѣ и затѣмъ созвавъ ихъ вокругъ себя, Постумій сталъ укорять ихъ за испугъ и за бѣгство, говоря, что они разбиты трусливѣйшимъ врагомъ, готовымъ при малѣйшей опасности обратиться въ бѣгство; тогда всѣ воины въ одинъ голосъ закричало, что они заслужили эти упреки и сознаются въ совершеніи постыднаго дѣла, но что они же и поправятъ его, и враги не долго будутъ радоваться этой удачѣ. Настоятельно требуя немедленно съ этого мѣста вести ихъ къ непріятельскому лагерю (а онъ былъ расположенъ въ виду ихъ на равнинѣ), они говорили, что готовы подвергнуться какому угодно

[1]) См. II 22 пр.

наказанію, если только до ночи не возьмутъ его. Похваливъ за это воиновъ, Постумій приказываетъ имъ отдохнуть и быть готовыми къ четвертой стражѣ [1]). Враги въ свою очередь, желая отрѣзать римлянамъ ночное бѣгство съ холма, заградили имъ дорогу, ведущую въ Верруго; и сраженіе завязалось еще до наступленія разсвѣта; впрочемъ, ночь была лунная, и ходъ сраженія можно было видѣть не хуже, чѣмъ днемъ. Но шумъ битвы отсюда былъ слышенъ въ Верруго и подалъ поводъ думать, что римскій лагерь подвергся нападенію; это навело тамъ такой страхъ, что воины вразсыпную бросились бѣжать въ Тускулъ, не взирая ни на приказанія, ни на просьбы Эмилія. Изъ Тускула дошелъ въ Римъ слухъ, что Постумій убитъ и войско его уничтожено. Между тѣмъ онъ, лишь только утренній свѣтъ позволилъ отрядамъ двигаться свободно, не боясь засады, объѣхавъ фронтъ своего войска, напомнилъ ему объ обѣщаніяхъ и такъ воодушевилъ воиновъ, что эквы уже больше не могли выдерживать стремительнаго нападенія. Съ этого момента, на погибель враговъ, началось такое избіеніе убѣгавшихъ, какое бываетъ подъ вліяніемъ ярости, а не отваги; и вотъ, вслѣдъ за печальною вѣстью, пришедшею изъ Тускула, въ то самое время, когда граждане были объяты неосновательнымъ страхомъ, пришла отъ Постумія депеша, украшенная лавровымъ вѣнкомъ [2]), увѣдомлявшая о побѣдѣ римскаго народа и объ истребленіи войска эквовъ.

29. Такъ какъ требованія народныхъ трибуновъ еще не достигли своей цѣли, то плебеи постарались продолжить трибунство авторовъ проекта, а патриціи приняли всѣ мѣры къ вторичному избранію противниковъ

[1]) Т. е. къ 3-мъ часамъ утра. См. IV 9, прим.

[2]) Депеши командующаго, увѣдомлявшія о побѣдѣ, обвивались лавровымъ вѣнкомъ.

проекта; но сильнѣе на своихъ комиціяхъ оказались плебеи; эту неудачу выместили патриціи изданіемъ сенатскаго постановленія о назначеніи консуловъ, магистратуры, столь ненавистной для плебеевъ. Итакъ, послѣ пятнадцатилѣтняго промежутка были избраны консулы:
361 г. Л. Лукрецій Флавъ и Сер. Сульпицій Камеринъ. Въ началѣ этого года, въ то самое время, когда народные трибуны, пользуясь нежеланіемъ кого-либо изъ товарищей выступать съ протестами, высокомѣрно заговорили о своемъ проектѣ, непремѣнно желая добиться его утвержденія, а консулы именно потому не съ меньшею энергіею старались помѣшать тому плану, и вниманіе всего государства обращено было на одну эту борьбу,— въ это самое время эквы завоевываютъ находившуюся на ихъ землѣ римскую колонію Вителлію. Значительнѣйшей части колонистовъ удалось невредимо спастись въ Римъ, благодаря только тому обстоятельству, что измѣнники предали ночью городъ, и это и дало возможность колонистамъ безпрепятственно убѣжать изъ города задними ходами. На долю консула Л. Лукреція досталось веденіе войны съ эквами. Онъ отправился туда съ войскомъ, въ открытомъ сраженіи разбилъ враговъ и побѣдоносно вернулся въ Римъ, для того, чтобы здѣсь вступить въ болѣе серьезную борьбу. Назначенъ былъ день для явки въ судъ народнымъ трибунамъ истекшаго двухлѣтія, А. Вергинію и Кв. Помпонію, защитить которыхъ цѣлымъ сословіемъ требовала честь сената; и въ самомъ дѣлѣ, ихъ никто не обличалъ ни въ предосудительномъ поведеніи въ частной жизни, ни въ неправильномъ исполненіи должности, а только въ томъ, что они, изъ одного желанія угодить патриціямъ, выступали съ протестами противъ предложенія трибуновъ. Озлобленіе плебеевъ взяло, однако, верхъ надъ значеніемъ сената, и былъ поданъ прискорбнѣйшій примѣръ осужденія невинныхъ: они были приговорены каждый къ уплатѣ штрафа въ десять тысячъ тяжелыхъ мѣдныхъ ассовъ. Это сильно огорчило патриціевъ. Камиллъ открыто обвинялъ плебеевъ въ преступленіи, говоря, что они, обратившись уже противъ своихъ, не понимаютъ, какъ своимъ недобросовѣстнымъ судомъ надъ трибунами уничтожили право протеста, а упразднивъ это право, ниспровергли и самую власть трибунскую. Ибо заблуждаются тѣ, которые расчитываютъ, что сенатъ будетъ сносить разнузданное своеволіе этой магистратуры. Если отъ произвола трибуновъ нельзя избавиться при помощи трибуновъ же, то сенаторы сумѣютъ найти для этого другое средство. При этомъ онъ громко упрекалъ консуловъ за то, что они допустили, чтобы народные трибуны, выступившіе сторонниками воли сената, обманулись въ покровительствѣ, обѣщанномъ имъ отъ имени государства. Открыто выступая съ подобнаго рода рѣчами на сходкахъ народа, Камиллъ съ каждымъ днемъ все больше разжигалъ людское озлобленіе; **30.** а сенатъ онъ неустанно подстрекалъ энергически противодѣйствовать законопроекту, говоря, что, когда наступитъ день внесенія законопроекта, то они не должны всходить на форумъ иначе, какъ помня, что имъ предстоитъ вступить въ жестокій бой за жертвенники, за очаги, за храмы боговъ, за ту землю, на которой они родились. Что касается лично его, Камилла, то если бы только не грѣшно было думать о своей славѣ среди такой опасной борьбы въ отечествѣ, для него было бы даже лестно, чтобы городъ, имъ взятый, былъ густо заселенъ, для него было бы лестно ежедневно созерцать памятникъ своей славы и имѣть предъ глазами городъ, изображеніе котораго несли во время его тріумфа[1]), для него было бы лестно, чтобы всѣ ходили

[1]) Во время тріумфа, впереди самаго шествія везли на колесницахъ военную добычу, шесты съ надписями именъ побѣжденныхъ

по мѣстамъ, гдѣ остались слѣды его славныхъ подвиговъ; но онъ считаетъ грѣхомъ заселять городъ, покинутый и преданный безсмертными богами, онъ считаетъ грѣхомъ жить римскому народу на плѣненной землѣ и перемѣнять отечество побѣдившее на отечество побѣжденное. Возбужденные такими увѣщаніями перваго среди гражданъ человѣка, патриціи, и старые и молодые, въ день внесенія законопроекта, сомкнутой толпою явились на форумъ, и, разсѣявшись по своимъ трибамъ, каждый подходилъ къ своимъ землякамъ по трибѣ и умолялъ ихъ со слезами на глазахъ не покидать того самаго отечества, за которое такъ мужественно и такъ счастливо сражались они сами и ихъ отцы, указывая при этомъ на Капитолій, на храмъ Весты, на прочіе лежащіе вокругъ храмы боговъ, не гнать римскій народъ въ изгнаніе, на чужбину, отъ родной земли, отъ боговъ-пенатовъ, въ непріятельскій городъ, не доводить дѣла до того, чтобы, во избѣжаніе необходимости покинуть Римъ, приходилось сожалѣть о взятіи Вей. Дѣйствовали они не силою, но просьбами, въ которыхъ притомъ же постоянно слышалось слово „боги", поэтому значительная часть народа проникласъ чувствомъ религіознаго страха, и законопроектъ былъ отвергнутъ большинствомъ одной трибы. И до такой степени побѣда эта была радостна для патриціевъ, что на слѣдующій же день, по предложенію консуловъ, было издано сенатское постановленіе раздѣлить между плебеями вейентскую землю по семи югеровъ на человѣка, и не только между отцами семействъ, но принимать въ расчетъ всѣхъ свободныхъ членовъ семьи, чтобы они съ удовольствіемъ ростили дѣтей въ надеждѣ на такое обезпеченіе.

народовъ и изображенія покоренныхъ странъ и городовъ, и затѣмъ уже слѣдовали знатнѣйшіе плѣнные въ оковахъ, сопровождаемые своими родственниками.

31. Очарованные такимъ щедрымъ подаркомъ, плебеи не стали оказывать никакого противодѣйствія открытію консульскихъ комицій. Консулами выбраны были Л. Ва- 362 г.
лерій Потитъ и М. Манлій, получившій потомъ прозвище Капитолійскаго. Эти консулы отпраздновали тѣ Великія игры, которыя М. Фурій, будучи диктаторомъ, пообѣщалъ въ Вейентскую войну. Въ этомъ же году освященъ храмъ царицы Юноны, обѣщанный тѣмъ же диктаторомъ и въ ту же войну; и преданіе повѣствуетъ, что освященіе это имѣло особенную торжественность, благодаря необыкновенному усердію римскихъ матронъ.

Съ эквами велась на Альгидѣ война, но совсѣмъ не заслуживающая вниманія, потому что враги были разбиты чуть не прежде, чѣмъ вступили въ бой. Валерію за особенную неутомимость, которую онъ обнаружилъ при избіеніи враговъ во время бѣгства ихъ, назначенъ былъ тріумфъ, а Манлію разрѣшено вступить въ городъ съ оваціей [1]). Въ томъ же году возгорѣлась война съ новыми врагами, волсинійцами [2]); однако, не было средствъ отправить туда армію, вслѣдствіе голода и чумы, свирѣпствовавшей въ римской области и вызванной засухою и страшнымъ зноемъ. Безнаказанность придала волсинійцамъ слишкомъ большую самоувѣренность, и они, соединившись съ саппинатами, безъ всякаго вызова, сдѣлали набѣгъ на римскія поля; это послужило поводомъ къ объявленію войны обоимъ этимъ народамъ.

Умеръ Г. Юлій, цензоръ; на его мѣсто былъ избранъ М. Корнелій; такое замѣщеніе признано было впослѣдствіи несогласнымъ съ волею боговъ, потому что въ то пятилѣтіе взятъ былъ Римъ; и съ того времени уже никогда не назначается новый цензоръ на мѣсто умершаго. Когда заболѣли и оба консула, тогда рѣшено было

1) См. IV гл. 43, прим.
2) Какъ и ниже саппинаты, волсинійцы, съ городомъ Volsinii, были однимъ изъ этрусскихъ народовъ.

прибѣгнуть къ междуцарствію для того, чтобы возобновить ауспиціи. Итакъ, согласно постановленію сената, консулы сложили съ себя должность, и междуцаремъ назначенъ былъ М. Фурій Камиллъ, который выбралъ въ междуцари П. Корнелія Сципіона, а этотъ въ свою очередь Л. Валерія Потита. Подъ предсѣдательствомъ послѣдняго произведены были выборы шести военныхъ трибуновъ съ консульскою властью, для того, чтобы, въ случаѣ болѣзни кого-либо изъ нихъ, государство не оставалось безъ достаточнаго числа магистратовъ.

363 г. **32**. Въ квинктильскія календы [1]) вступили въ должность военныхъ трибуновъ Л. Лукрецій, Серв. Сульпицій, М. Эмилій, Л. Фурій Медуллинъ въ седьмой разъ, Агриппа Фурій и Г. Эмилій во второй разъ. Изъ нихъ на долю Л. Лукреція и Г. Эмилія выпало веденіе войны съ волсинійцами, а на долю Агриппы Фурія и Серв. Сульпиція—съ саппинатами. Раньше сраженіе произошло съ волсинійцами. По числу враговъ война эта была страшная, но по степени боевого напряженія совсѣмъ незначительная. Въ первой же схваткѣ войско волсинійпевъ было разбито, 8000 вооруженныхъ обращены были въ бѣгство и, окруженные со всѣхъ сторонъ нашей конницей, они положили оружіе и сдались. Слухъ объ исходѣ этой войны заставилъ саппинатовъ отказаться отъ мысли попытать счастье на полѣ сраженія; вооруженные, они защищались за стѣнами. Не встрѣчая теперь никакого сопротивленія своимъ дѣйствіямъ, римляне отовсюду угоняли добычу, и съ полей саппинатовъ, и съ полей вольсинійцевъ, пока наконецъ вольсинійцамъ, утомленнымъ войною, не было дано на двадцать лѣтъ перемиріе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они дали римскому народу удовлетвореніе и заплатили войску жалованье за текущій годъ.

[1]) 1-го іюля.

Въ этомъ же году одинъ плебей, по имени М. Цедиций, сообщилъ трибунамъ, что на Новой улицѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ часовня, за храмомъ Весты, онъ услышалъ среди ночной тишины голосъ громче человѣческаго, повелѣвавшій предупредить власти о приближеніи галловъ. На это сообщеніе, какъ исходившее отъ простолюдина, по обыкновенію, не обращено было никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что рѣчь шла о народѣ далекомъ и потому менѣе извѣстномъ. И, несмотря на угрозы рока, не только пренебрегли предостереженіями боговъ, но въ лицѣ М. Фурія удалили изъ города и единственнаго человѣка, который могъ бы помочь бѣдѣ. Какъ только народный трибунъ Л. Апулей назначилъ ему день для явки въ судъ по дѣлу о вейентской добычѣ, онъ, опечаленный еще за послѣднее время смертью сына-юноши, предварительно пригласилъ къ себѣ въ домъ земляковъ по трибѣ и кліентовъ, большою частью плебеевъ, съ тѣмъ, чтобы узнать ихъ настроеніе; получивъ отъ нихъ отвѣтъ, что они готовы заплатить за него всякій штрафъ, къ какому онъ будетъ присужденъ, но освободить его отъ суда не могутъ, онъ удалился въ изгнаніе, моля безсмертныхъ боговъ какъ можно скорѣе заставить неблагодарныхъ гражданъ, причинившихъ ему безвинно такую обиду, пожалѣть о немъ. Уже въ свое отсутствіе Камиллъ былъ присужденъ къ уплатѣ штрафа въ размѣрѣ пятнадцати тысячъ тяжелыхъ мѣдныхъ ассовъ.

33. Удаленъ былъ въ изгнаніе гражданинъ, который, оставаясь въ городѣ, могъ помѣшать взятію Рима, если только въ человѣческихъ дѣлахъ есть что-нибудь вѣрное, а между тѣмъ роковой для города день приближался, и въ это-то время отъ клузійцевъ пришли послы съ просьбой о помощи противъ галловъ. Народъ этотъ, какъ передаетъ молва, прельщенъ былъ сладостью плодовъ и особенно виномъ, служившимъ ему въ ту пору

еще незнакомымъ удовольствіемъ, перешелъ Альпы и силою занялъ поля, раньше воздѣланныя этрусками; а вино завезъ, говорятъ, въ Галлію одинъ клузіецъ, по имени Аррунтъ, и съ тою именно цѣлью, чтобы привлечь галловъ; онъ былъ опекуномъ Лукумона и разсердился на него за то, что тотъ соблазнилъ его жену, а отмстить ему, вслѣдствіе могущества юноши [1]), могъ только при помощи чужеземной силы; этотъ-то Аррунтъ, говорятъ, и былъ проводникомъ галловъ во время ихъ перехода черезъ Альпы и подстрекателемъ къ осадѣ Клузія.

Я, положимъ, готовъ допустить, что къ Клузію привелъ галловъ Аррунтъ или другой какой-нибудь клузіецъ; но вполнѣ достовѣрно то, что тѣ галлы, которые осадили Клузій, не первые перешли Альпы: галлы спустились въ Италію за двѣсти лѣтъ до осады Клузія и до взятія Рима; и галльскія войска вступили въ столкновеніе въ первый разъ не съ этимъ этрусскимъ народомъ: они часто сражались еще гораздо раньше съ этруссками, жившими между Аппеннинскими и Альпійскими горами. Туски [2]) еще до основанія Рима владѣли огромными пространствами на сушѣ и на морѣ. Наименованія Верхняго и Нижняго морей, омывающихъ Италію на подобіе острова, указываютъ на прошлое могущество тусковъ, потому что италійскіе народы одно море назвали Тусскимъ [3]), по имени всего народа, а другое—Атріатическимъ моремъ, по имени Атріи, колоніи тусковъ; греки эти самыя моря зовутъ одно Тирренскимъ, а другое Адріатическимъ. И земли, простирающіяся отъ одного моря до другого, туски заселили, основавъ тамъ по двѣнадцати городовъ, раньше по сю [4])

1) См. I 34 пр.
2) Туски, Tusci, впослѣдствіи тосканцы, основное племя этрусковъ. 3) Т. е. Тосканскимъ. 4) Т. е. западную.

сторону Аппеннинъ до Нижняго моря, а съ теченіемъ времени выславъ колоніи и по ту сторону Аппеннинъ, въ такомъ же числѣ, сколько и метрополій, и занявъ этими колоніями всѣ мѣстности за рѣкою Падомъ [1]) вплоть до Альпъ, за исключеніемъ земли венетовъ, заселявшихъ уголъ морского залива. Отъ нихъ, несомнѣнно, ведутъ начало и альпійскіе народы, особенно реты; но, вслѣдствіе характера мѣстности, они сдѣлались дикими до того, что изъ прошлаго не сохранили ровно ничего, кромѣ акцента въ языкѣ, да и то испорченнаго.

34. О переходѣ галловъ въ Италію мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ царствованіе въ Римѣ Тарквинія Древняго [2]) верховная власть надъ кельтами, составляющими третью часть Галліи [3]), находилась въ рукахъ битуриговъ; они же всякій разъ назначали и царя въ Кельтику. Такимъ царемъ былъ въ ту пору Амбигатъ; онъ располагалъ громаднымъ вліяніемъ, благодаря личнымъ качествамъ и тому богатству, которымъ обладалъ и онъ самъ, и его область; дѣйствительно, во время его владычества Галлія до такой степени изобиловала плодами и жителями, что оказывалось почти невозможнымъ управлять слишкомъ увеличившимся народонаселеніемъ. И вотъ онъ, самъ уже тогда человѣкъ очень старый, желая освободиться отъ безпокойной толпы, обременявшей его царство, выразилъ желаніе послать двухъ сыновей своей сестры, Белловеза и Сеговеза, юношей весьма дѣятельныхъ, въ тѣ мѣста, какія боги укажутъ въ гаданіяхъ; онъ предоставилъ имъ вызвать столько людей, сколько сами захотятъ, чтобы никто не могъ задержать ихъ наступательнаго движе-

1) Падъ, Padus, римское названіе рѣки По.
2) Царствовалъ 138—176 г. отъ осн. Р.
3) Кельты занимали пространство между Сеной, Луарой и Рейномъ.

нія. Тогда Сеговезу по жребію достались Геркинскіе лѣса [1]), а Белловезу боги указывали гораздо болѣе пріятный путь въ Италію. Этотъ-то Белловезъ взялъ съ собою излишекъ населенія у битуриговъ, арверновъ, сеноновъ, эдуевъ, амбарровъ, карнутовъ, аулерковъ. Двинувшись съ огромными полчищами пѣхоты и конницы, онъ прибылъ въ область трикастиновъ [2]). Здѣсь путь преграждался Альпами, перейти которыя казалось невозможнымъ, чему я, разумѣется, и не удивляюсь, потому что, насколько, по крайней мѣрѣ, простираются связныя историческія извѣстія, черезъ нихъ еще до того времени никто не переступалъ, развѣ только пожелаемъ вѣрить баснямъ о Геркулесѣ. Здѣсь галловъ, попавшихъ среди горныхъ высотъ словно въ западню и высматривавшихъ, какимъ бы путемъ пробраться въ другой міръ по хребтамъ, высящимся до неба, еще заставило пріостановиться сознаніе священной обязанности, такъ какъ они получили извѣстіе, что пришельцы, ища себѣ земель, подверглись нападенію со стороны племени саллувіевъ [3]). То были массилійцы, уплывшіе изъ Фокеи. Разсматривая это событіе, какъ предвѣстіе благополучнаго исхода своего предпріятія, галлы рѣшили помочь массилійцамъ укрѣпиться съ согласія саллувіевъ на первомъ мѣстѣ, какое они заняли сейчасъ по выходѣ своемъ на сушу. Сами, подвигаясь черезъ ущелья Тауринскія [4]) и долину Дуріи [5]), они переходятъ Альпы, недалеко отъ рѣки Тичино разбиваютъ въ открытомъ

1) Нынѣ Шварцвальдъ. 2) Народъ, жившій между рѣками Дромой и Изеромъ. 3) Народъ, жившій у устьевъ Роны.

4) Названо такъ по имени тауриновъ, лигурійскаго народа, занимавшаго границы нынѣшняго Пьемонта и принадлежавшаго, вѣроятнѣе всего, къ древнеиталійскому племени.

5) Дурія притокъ р. По, вытекающій изъ M. Cenis; тутъ же, по словамъ Ливія, перешелъ Альпы и Ганнибалъ.

бою тусковъ и, узнавъ, что мѣстность, на которой они остановились, зовется Инсубрійской областью, по имени инсубровъ, составлявшихъ сельскую общину гедуевъ [1]), принимаютъ это обстоятельство за добрый знакъ и закладываютъ здѣсь городъ, назвавъ его Медіоланій [2]).

35. Другой отрядъ, состоявшій изъ кеномановъ, двинувшись подъ предводительствомъ Элитовія непосредственно по слѣдамъ первыхъ, перешелъ Альпы по тому же самому ущелью, при содѣйствіи Белловеза, и занялъ тѣ мѣстности, гдѣ теперь стоятъ города Бриксія и Верона. Либуи помѣщаются позади кеномановъ, равно какъ и саллувіи, имѣя свою осѣдлость вблизи древняго народа лѣвыхъ лигуровъ, по берегамъ рѣки Тичино. Перешедшіе затѣмъ по Пенинскимъ Альпамъ бои и лингоны, найдя все пространство между Падомъ и Альпами уже занятымъ, переправляются на плотахъ черезъ Падъ и прогоняютъ съ ихъ земель не только этрусковъ, но и умбровъ; дальше Аппеннинъ, однако, они не пошли. Въ то же время, о которомъ мы говоримъ, пространство между рѣками Утентомъ и Эзіемъ занято было сенонами, пришельцами, переселившимися позже всѣхъ другихъ. За вѣрное могу утверждать, что это и былъ тотъ народъ, который пришелъ въ Клузій, а затѣмъ и въ Римъ; но пришелъ ли онъ одинъ, или подкрѣпленный всѣми народами изъ цизальпійскихъ галловъ, это не вполнѣ извѣстно.

Устрашенные войною съ совершенно новымъ врагомъ, глядя на массу народа, глядя на невиданную наружность людей и на ихъ особенное вооруженіе и слыша о неоднократныхъ пораженіяхъ, нанесенныхъ ими этрускамъ по сю и по ту сторону Пада, клузійцы,

1) Кельтскій народъ между Лаурой и Соной. 2) Нынѣ Миланъ.

хотя имъ ничто не давало права на союзъ или дружбу римлянъ, кромѣ того только, что они не вступились за своихъ единоплеменниковъ вейентовъ въ борьбѣ противъ римскаго народа, отправили въ Римъ посольство просить у сената помощи. Насчетъ помощи просьбы ихъ не имѣли никакого успѣха; но все-же были отправлены три сына М. Фабія Амбуста въ качествѣ пословъ для переговоровъ съ галлами отъ имени сената и римскаго народа, съ требованіемъ не нападать на союзниковъ и друзей римскаго народа, которые имъ не причинили никакой обиды; римляне-де вынуждены будутъ, въ случаѣ надобности, защищать ихъ и съ оружіемъ въ рукахъ, хотя, впрочемъ, лучше было бы, по ихъ мнѣнію, отклонить эту войну, если только возможно, и познакомиться съ галлами, народомъ новымъ, скорѣе путемъ мирныхъ сношеній, чѣмъ на полѣ сраженія.

36. То было миролюбивое посольство, но только состояло оно изъ слишкомъ опрометчивыхъ пословъ, похожихъ больше на галловъ, чѣмъ на римлянъ. Послѣ того какъ они передали въ собраніи галловъ о своемъ порученіи, имъ данъ былъ отвѣтъ, что, хотя галлы въ первый разъ слышатъ имя римлянъ, но въ храбрости ихъ не сомнѣваются, потому что клузійцы при тревожныхъ обстоятельствахъ обратились къ нимъ за помощью; и такъ какъ римляне предпочли защищать своихъ союзниковъ при посредствѣ посольства, а не оружіемъ, то и они не отказываются отъ предлагаемаго мира, если только клузійцы, владѣющіе землей въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ могутъ обработать, уступятъ часть своихъ владѣній галламъ, нуждающимся въ землѣ; на миръ съ иными условіями они не могутъ согласиться. И отвѣтъ они хотятъ получить въ присутствіи римлянъ, и сражаться намѣрены, въ случаѣ отказа въ надѣлѣ землею, въ присутствіи тѣхъ же римлянъ, чтобы они дома могли сообщить, насколько галлы превосходятъ

доблестью прочихъ смертныхъ. Когда римляне спрашивали, по какому праву они требуютъ земли отъ собственниковъ ея или грозятъ имъ оружіемъ, и какое галлы имѣютъ дѣло въ Этруріи, а галлы надменно отвѣчали, что право у нихъ основывается на оружіи и что все принадлежитъ храбрымъ, тогда обѣ стороны раздражаются, бѣгутъ къ оружію, и сраженіе завязывается. Тутъ, когда уже сама судьба толкала римскій городъ на несчастіе, послы, вопреки международному праву, берутся за оружіе. И не могло это остаться въ тайнѣ, такъ какъ сражались впереди этрусскихъ знаменъ три самыхъ знатныхъ и самыхъ отважныхъ изъ римскихъ юношей; до такой степени иноземная храбрость бросалась въ глаза. Сверхъ того, Кв. Фабій, выѣхавъ верхомъ на конѣ впереди всего фронта, произаетъ копьемъ въ бокъ и убиваетъ галльскаго вождя, яростно налетавшаго на самыя знамена этрусковъ; и когда онъ сталъ снимать съ вождя доспѣхи, галлы узнали въ немъ римскаго посла, и тотчасъ объ этомъ было оповѣщено по всему войску. Послѣ этого галлы оставляютъ свой гнѣвъ противъ клузійцевъ и даютъ сигналъ къ отступленію, грозя римлянамъ. Нѣкоторые изъ нихъ высказывались за немедленное движеніе на Римъ; но верхъ одержали старики, настоявшіе на томъ, чтобы предварительно отправлено было посольство съ жалобой на незаконныя дѣйствія Фабіевъ и съ требованіемъ выдачи ихъ, какъ возмездія за нарушеніе святости международныхъ правъ. Когда послы галльскіе изложили свои требованія въ томъ видѣ, какъ имъ было приказано, то сенатъ, хотя и не одобрялъ поступка Фабіевъ и находилъ требованія варваровъ справедливыми, тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ пристрастія къ людямъ такой знатной фамиліи, отказался осудить ихъ согласно своему внутреннему убѣжденію. Поэтому, чтобы не навлечь исключительно на себя однихъ обвине-

нія за могущее произойти отъ войны съ галлами несчастіе, они передаютъ разсмотрѣніе требованій галловъ на рѣшеніе народа; тутъ чувство пріязни къ лицамъ и ихъ могущественное вліяніе оказались настолько сильнѣе чувства законности, что люди, о карѣ которыхъ шла рѣчь, избираются еще на предстоящій годъ въ военные трибуны съ консульскою властью. Совершенно справедливо возмущенные такимъ оборотомъ дѣла, галлы, открыто грозя войною, удалились обратно къ своимъ. Вмѣстѣ съ тремя Фабіями въ военные трибуны выбраны были Кв. Сульпицій Лонгъ, Кв. Сервилій въ четвертый разъ и П. Корнелій Малугинскій.

364 г. **37**. Несмотря на близость такой грозной опасности (до того судьба ослѣпляетъ умы тамъ, гдѣ она хочетъ показать свою роковую силу), тѣ же самые граждане, которые въ войнахъ съ такими врагами, какъ фиденаты и вейенты и другіе сосѣдніе народы, прибѣгали къ крайнимъ средствамъ, назначая неоднократно по требованію обстоятельствъ диктатора, теперь, когда шелъ войною невиданный и неслыханный врагъ, отъ самаго океана и крайнихъ предѣловъ міра, совершенно не позаботились ни о чрезвычайномъ начальникѣ, ни о чрезвычайномъ наборѣ [1]). Во главѣ государства стояли тѣ самые трибуны, безразсудство которыхъ навлекло эту войну, и они-то теперь производили наборъ ничуть не съ большею тщательностью, чѣмъ это обыкновенно дѣлалось при обыкновенныхъ войнахъ, даже еще умаляя толки объ опасностяхъ настоящей войны. Между тѣмъ галлы, когда узнали, что нарушителямъ святости общечеловѣческихъ правъ оказана вдобавокъ еще и высшая почесть, и что ихъ посольство осмѣяно, пылая гнѣвомъ, котораго этотъ народъ не умѣетъ сдерживать,

1) Подъ чрезвычайнымъ наборомъ надо разумѣть наборъ рекрутъ не только изъ римлянъ, но и изъ союзниковъ.

тотчасъ же поднимаютъ знамена и скорымъ маршемъ выступаютъ въ путь. Такъ какъ пораженное ихъ шумнымъ и стремительнымъ движеніемъ населеніе городовъ въ страхѣ бросалось къ оружію, а жители деревень разбѣгались, то галлы громкимъ крикомъ давали знать, что они идутъ на Римъ, и занимали при этомъ, на протяженіи всего своего пути людьми и лошадьми огромное пространство, разсыпавъ войско вдоль и вширь. Но, хотя и молва, и гонцы отъ клузійцевъ, а вслѣдъ за ними по порядку и отъ другихъ народовъ, предшествовали появленію враговъ, все-же быстрота движенія ихъ навела на Римъ панику, потому что, несмотря на поспѣшную отправку словно по тревогѣ набраннаго войска, встрѣча едва успѣла произойти у одиннадцатаго камня [1]), въ томъ мѣстѣ, гдѣ Алія, сбѣгая очень глубокимъ русломъ съ Крустуминскихъ горъ, впадаетъ немного ниже дороги въ рѣку Тибръ. Уже все и по пути, и въ окрестностяхъ полно было непріятелями, и народъ, по свойству своей природы вообще находившій удовольствіе во всякого рода пустомъ шумѣ, съ страшнымъ воемъ оглашалъ всѣ мѣстности дикимъ завываніемъ и разнообразными криками.

38. Здѣсь военные трибуны, не выбравъ заранѣе для лагеря мѣста, не возведя заранѣе окоповъ, куда бы можно было укрыться, забывъ даже о помощи боговъ, а не то что людей, не совершивъ ауспицій, не испросивъ добрыхъ предзнаменованій по жертвеннымъ животнымъ, выстраиваютъ войско въ боевую линію, растянувъ ее на фланги, изъ предосторожности, чтобы не быть окруженными многочисленнымъ непріятелемъ; но все-таки они не могли уровнять своего фронта съ фронтомъ непріятелей, хотя, растянувъ боевую линію, они сдѣлали центръ ея слабымъ и едва сомкнутымъ. Справа у нихъ было небольшое возвышенное мѣсто, которое и рѣшили занять резервами; и

1) См. II 11 пр.

эта мѣра, явившись причиною начала смятенія и бѣгства, въ то же время послужила и единственнымъ спасеніемъ для убѣгавшихъ. Ибо Бреннъ, галльскій князь, въ виду малочисленности непріятелей боясь больше всего хитрости и соображая, что возвышенное мѣсто и занято собственно съ тою цѣлью, чтобы, при первомъ прямо-фронтовомъ столкновеніи галловъ съ боевымъ строемъ легіоновъ, резервы ударили имъ въ тылъ и во фланги, идетъ въ аттаку на резервный отрядъ, не сомнѣваясь въ томъ, что стоитъ ему сбить этотъ отрядъ съ позиціи, и побѣду легко будетъ одержать на равнинѣ поля при такой превосходной численности его войска; до такой степени на сторонѣ варваровъ было не только счастье, но и искусство. Въ рядахъ противника, наоборотъ, ни у полководцевъ, ни у воиновъ не дѣлалось ничего, напоминавшаго римлянъ. Паническое бѣгство смутило ихъ умы и до того лишило ихъ памяти, что больше воиновъ устремилось, не глядя на Тибръ, въ Веи, въ городъ непріятелей, чѣмъ прямою дорогою въ Римъ, къ женамъ и дѣтямъ. Нѣкоторое время резервный отрядъ держался подъ прикрытіемъ позиціи; что же касается остального войска, то тамъ люди, лишь только ближайшіе заслышали крикъ съ боку, а стоявшіе на концѣ съ тылу, какъ бросились бѣжать раньше почти, чѣмъ увидѣли въ лицо незнакомаго врага, не только не пытаясь сразиться, но даже не отвѣтивъ на крикъ, и не только не получивъ ни одной раны, но даже не испытавъ столкновенія съ врагомъ; и кровопролитія никакого въ бою не было; пострадали только спины тѣхъ, которые, обгоняя другъ друга среди безпорядочной толпы, мѣшали бѣгству. Кругомъ по берегу Тибра, куда, бросивъ оружіе, устремилось внизъ все лѣвое крыло, легла масса людей, а многихъ, неумѣвшихъ плавать или ослабѣвшихъ подъ тяжестью панцырей и прочаго вооруженія, поглотили

пучины. Значительнѣйшей, однако, части войска удалось невредимо добраться до Вей, не только не пославшихъ римлянамъ никакого подкрѣпленія, но даже не отправившихъ въ Римъ гонца съ вѣстью о пораженіи. Съ праваго фланга, стоявшаго далеко отъ рѣки и ближе къ подошвѣ горы, всѣ устремились въ Римъ и сбѣжались въ кремль, забывъ даже запереть за собою городскія ворота.

39. Галлы въ свою очередь, словно оцѣпенѣлые, держались неподвижно при видѣ такого чуда, при видѣ такой неожиданной побѣды, и тоже въ страхѣ стояли первое время, какъ вкопанные, словно не въ состояніи были дать себѣ отчета въ томъ, что случилось; потомъ стали опасаться засады; наконецъ принялись снимать доспѣхи съ убитыхъ и сваливать, по обычаю своему, оружіе въ кучи; только тогда, когда нигдѣ не видно было ничего напоминавшаго о присутствіи враговъ, они двинулись въ путь и не задолго до захода солнца подступили къ городу Риму. Здѣсь, когда авангардъ изъ всадниковъ донесъ, что ворота не заперты, что караула предъ воротами нѣтъ, что вооруженныхъ людей не видно на стѣнахъ, ихъ опять заставило остановиться это другое удивительное явленіе, сходное съ первымъ; опасаясь ночного времени и незнакомые съ мѣстоположеніемъ города, они расположились между Римомъ и Аніеномъ [1]), пославъ развѣдчиковъ осмотрѣть кругомъ стѣны и прочія ворота и разузнать, какія именно мѣры принимаетъ непріятель въ своемъ такомъ отчаянномъ положеніи. Такъ какъ римское войско большею частью устремилось не въ Римъ, а въ Веи, и такъ какъ всѣ были увѣрены, что уцѣлѣли только тѣ, которые прибѣжали въ Римъ, то почти весь городъ огласился рыданіями отъ оплакиванія всѣхъ римлянъ безъ разбора,

1) Притокъ Тибра.

какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ. Только потомъ уже, когда пришла вѣсть о появленіи враговъ, страхъ за государство подавилъ проявленія печали у отдѣльныхъ лицъ; черезъ минуту стали доноситься до слуха вой и нестройныя пѣсни варваровъ, толпой бродившихъ вокругъ стѣнъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ римляне все время до слѣдующаго утра находились въ состояніи безпрерывнаго напряженія, ожидая каждую минуту нападенія на городъ: они ожидали его тотчасъ по прибытіи галловъ, потому что тѣ подступили уже къ городу, ибо они оставались бы у Аліи, еслибъ нападеніе не входило въ ихъ намѣреніе; потомъ около захода солнца—потому, что день былъ на исходѣ, и они разсуждали, что галлы должны напасть до наступленія ночи; затѣмъ стали предполагать, что галлы отложили свое намѣреніе на ночь, съ цѣлью навести большій страхъ; наконецъ съ разсвѣтомъ всѣ впадаютъ въ состояніе окончательнаго оцѣпенѣнія; и не прекращавшійся все время страхъ непосредственно смѣнился дѣйствительнымъ бѣдствіемъ, когда знамена непріятельскія грозно показались въ воротахъ. Однако, ни въ эту ночь, ни на слѣдующій день граждане совсѣмъ не были похожи на тѣхъ, которые при Аліи убѣжали въ такомъ смятеніи. Ибо, хотя при такомъ незначительномъ отрядѣ, оставшемся въ городѣ, не было никакой надежды на возможность защищать его, тѣмъне менѣе рѣшили, чтобы молодежь, способная носить оружіе, и сенаторы, бывшіе еще въ силахъ, удалились съ женами и дѣтьми въ кремль и Капитолій и, запасшись оружіемъ и хлѣбомъ, защищали съ этого укрѣпленнаго мѣста боговъ и людей и римское имя; чтобы фламинъ и жрицы-весталки отнесли подальше отъ мѣста убійствъ и пожаровъ общественныя святыни и не прекращали культа боговъ, пока будутъ въ живыхъ блюстители его. Лишь бы только кремль и Капитолій, мѣстопребываніе боговъ, лишь бы только

сенатъ, жизненный нервъ государства, лишь бы только годная для службы молодежь пережили грозящее городу разрушеніе, а съ потерею толпы стариковъ, оставленной въ городѣ на неминуемую гибель, легко примириться. И для того чтобы масса плебеевъ съ большимъ спокойствіемъ отнеслась къ этому, старые тріумфаторы и бывшіе консулы громко говорили о своей готовности встрѣтить смерть совмѣстно съ ними и не обременять и безъ того угнетаемыхъ нуждою воиновъ своими немощными тѣлами, неспособными ни носить оружіе, ни защищать отечество.

40. Такія слова утѣшенія слышались среди стариковъ, обреченныхъ на смерть. Потомъ они же обратились со словами увѣщанія къ отряду юношей, провожаемыхъ въ Капитолій и въ кремль, поручая мужеству и юношескимъ силамъ ихъ судьбу города, какъ ни кажется она отчаянной, но все-же города, остававшагося побѣдителемъ во всѣхъ войнахъ въ теченіи трехсотъ шестидесяти лѣтъ. Когда тѣ, на которыхъ покоилась вся надежда и опора, стали уходить отъ тѣхъ, которые рѣшили не переживать гибели плѣненнаго города, то уже одной этой сцены довольно было для того, чтобы возбудить въ присутствующихъ чувство жалости; но когда раздался плачъ женщинъ и началось нерѣшительное перебѣганіе ихъ то къ тѣмъ, то къ другимъ, потому что онѣ бросались къ мужьямъ и сыновьямъ, спрашивая, на какую участь они ихъ обрекаютъ, тогда уже ничего не оставалось, чтобы дополнить картину человѣческаго бѣдствія. Большая часть женщинъ послѣдовала, однако, въ кремль, за своими родными; никто ихъ отъ этого не удерживалъ, но никто и не звалъ, потому что расчетъ о выгодѣ для осажденныхъ отъ уменьшенія безполезной для войны толпы народа встрѣчалъ возраженіе въ чувствѣ состраданія. Другая толпа, состоявшая преимущественно изъ плебеевъ, которую

нельзя было ни помѣстить на такомъ маломъ холмѣ, ни прокормить при такомъ громадномъ недостаткѣ въ хлѣбѣ, высыпала изъ города и направилась въ видѣ одной уже массы къ Яникулу. Отсюда одни разсѣялись по полямъ, другіе направились въ сосѣдніе города, безъ вождя, безъ соглашенія, каждый слѣдуя своему собственному внушенію, каждый преслѣдуя свои собственныя цѣли, такъ какъ общія считались погибшими. Тѣмъ временемъ фламинъ Квирина [1]) и дѣвы весталки, совершенно оставивъ попеченіе о своей собственности, а совѣщаясь только о томъ, какіе изъ священныхъ предметовъ имъ слѣдуетъ взять съ собою, а какіе, въ виду физической невозможности нести ихъ всѣ, оставить, или какъ придумать надежное мѣсто, въ которомъ бы можно было сохранить такіе предметы въ цѣлости, сочли за лучшее, закупоривъ ихъ въ боченки, зарыть въ часовнѣ, ближайшей къ дому Квиринова фламина, на томъ мѣстѣ, гдѣ и понынѣ люди остерегаются плевать; прочіе же предметы, раздѣливъ ношу между собою, понесли по улицѣ, ведущей по свайному мосту къ Яникулу. На откосѣ этого холма одинъ плебей, по имени Л. Альбиній среди прочей толпы, безполезной для войны и потому уходившей изъ города, везъ на повозкѣ жену съ дѣтьми; такъ какъ въ ту пору еще не утрачено было отличіе божьяго отъ людского, то, завидѣвъ весталокъ, онъ разсудилъ, что совѣстно допустить общественныхъ жрицъ идти пѣшкомъ съ такою ношею, какъ святыни римскаго народа, тогда какъ онъ и семья его со своей телѣгой находится у всѣхъ на виду,—и приказалъ женѣ и дѣтямъ сойти съ повозки, а дѣвъ съ ихъ священными предметами посадилъ въ нее и довезъ до города Цере, куда жрицамъ и лежалъ путь.

41. Тѣмъ временемъ въ Римѣ, когда уже все было

[1]) См I 20 пр.

приготовлено для защиты кремля настолько, насколько позволяли обстоятельства, толпа стариковъ вернулась домой и тамъ съ непреклонною рѣшимостью умереть, ждала прихода враговъ. Тѣ изъ нихъ, которые раньше отправляли курульныя должности, желая умереть со знаками отличія своего прежняго почетнаго и доблестнаго положенія, облачились въ самую торжественную одежду, какую надѣваютъ только лица, сопровождающія колесницы боговъ или тріумфаторы, и такъ сидѣли на креслахъ изъ слоновой кости въ своихъ домахъ. Нѣкоторые писатели сообщаютъ, что они, повторяя слова молитвы за верховнымъ понтификомъ М. Фоліемъ, обрекли себя на смерть за отечество и римлянъ-квиритовъ. Галлы же, отчасти потому, что за ночь остылъ у нихъ пылъ къ битвѣ, отчасти и потому, что до сихъ поръ нигдѣ благопріятный исходъ сраженія не внушалъ имъ сомнѣній, и теперь еще не собирались брать городъ аттакой или штурмомъ, безъ гнѣва, безъ задора вошли на слѣдующій день въ городъ черезъ открытыя Коллинскія ворота и, благополучно достигнувъ форума, стали осматривать кругомъ себя храмы боговъ и кремль, единственное мѣсто, напоминавшее своимъ видомъ войну. Оставивъ тутъ отрядъ, достаточный для того, чтобы предохранить разсыпавшихся въ разныя стороны галловъ отъ нападенія изъ кремля или Капитолія, они разбрелись за добычей по совершенно безлюднымъ улицамъ, и часть ихъ повалила толпою во всѣ ближайшія жилища, а часть направилась къ самымъ отдаленнымъ, предполагая, что они еще не тронуты и потому переполнены добычей. Отсюда, смущенные самымъ безлюдіемъ, они, чтобы, бродя вразсыпную, не сдѣлаться жертвой непріятельскаго обмана, стали возвращаться на форумъ и ближайшія къ нему мѣста, сплотившись густою толпою; здѣсь, хотя дома плебеевъ были заперты на запоры, а у вельможъ даже залы были от-

крыты, тѣмъ не менѣе они едва-ли не больше колебались нападать въ открытыя жилища, чѣмъ въ запертыя; положительно съ благоговѣніемъ смотрѣли они на мужей, сидѣвшихъ въ преддверіяхъ [1]) домовъ и совершенно напоминавшихъ боговъ не только великолѣпіемъ одѣянія, болѣе блестящаго, чѣмъ то подобаетъ смертному, но еще и величавымъ выраженіемъ лицъ. Въ то время, когда галлы стояли, внимательно созерцая неподвижныхъ, какъ статуи, старцевъ, одинъ изъ этихъ послѣднихъ, говорятъ, М. Папирій, слоновымъ жезломъ нанесъ ударъ въ голову галлу, который сталъ гладить его длинную, какъ тогда было въ обычаѣ носить, бороду и тѣмъ вызвалъ его гнѣвъ; съ Папирія началось избіеніе, и всѣ прочіе старики были умерщвлены въ своихъ креслахъ; послѣ избіенія первыхъ сановниковъ не пощадили уже никого изъ смертныхъ, жилища расхищали и, обобравъ ихъ, сожигали.

42. Однако, я не могу рѣшить, желанія ли не было у всѣхъ уничтожать до основанія городъ, или же у начальниковъ галльскихъ былъ такой планъ, чтобы, съ одной стороны, навести нѣсколькими пожарами ужасъ на осажденныхъ, въ расчетѣ, нельзя ли страхомъ за цѣлость своихъ гнѣздъ принудить ихъ къ сдачѣ, а съ другой, — не сожигать до тла всѣхъ строеній, чтобы все, что уцѣлѣетъ въ городѣ, служило залогомъ, при помощи котораго можно было бы сломить твердость противника,—только въ первый день огонь разгуливалъ не въ такомъ множествѣ разныхъ пунктовъ и не на такомъ обширномъ пространствѣ, какъ это бываетъ во взятомъ непріятелями городѣ. Римляне, глядя съ кремля на городъ, наполненный врагами, и на ихъ бѣготню по всѣмъ улицамъ въ разныхъ направленіяхъ, глядя, какъ то въ одной, то въ другой сторонѣ появляется какое-нибудь новое бѣдствіе, не только потеряли способность соображать, но даже не могли дать себѣ яснаго отчета въ томъ, что слышатъ и видятъ. Куда бы только ни отвлекалъ ихъ вниманіе крикъ враговъ, вопль женщинъ и дѣтей, шумъ пламени и трескъ валившихся зданій, на все они въ смятеніи устремляли свои мысли, свои лица, свои взоры, словно приговоренные самою судьбою созерцать гибель своего отечества, не имѣя возможности защищать ничего изъ своего достоянія, кромѣ жизни, возбуждая къ себѣ чувство состраданія больше, чѣмъ кто-либо изъ подвергавшихся когда-нибудь осадѣ, потому особенно, что, отрѣзанные отъ отечества, они, подвергаясь осадѣ, въ то же самое время собственными глазами созерцали, какъ все ихъ достояніе попадаетъ въ руки враговъ. И день, такъ плачевно проведенный, смѣнился такою же тревожною ночью; за ночью потомъ послѣдовало безпокойное утро; и ни на минуту нельзя было отдохнуть отъ зрѣлища все новыхъ и новыхъ утратъ. Но угнетенные и подавленные столькими бѣдами, римляне, какъ ни больно было имъ видѣть, что все ихъ достояніе до тла истреблено разрушительнымъ пламенемъ, все-же твердо рѣшились мужественно защищать занимаемый ими хотя бѣдный и малый холмъ, но тѣмъ не менѣе оставшійся единственною для нихъ опорой свободы; и сверхъ того, видя ежедневно все одно и то же, они словно уже свыклись съ бѣдами, стали нечувствительны къ тому, что такъ близко ихъ касалось, и только не спускали глазъ съ оружія и желѣза, которое держали въ правыхъ рукахъ, какъ съ единственной оставшейся у нихъ надежды.

43. Галлы съ своей стороны, соскучившись вести въ теченіе нѣсколькихъ дней безцѣльную войну, на-

[1]) Рѣчь идетъ о такъ назыв. vestibulum; то была небольшая площадка передъ дверью, черезъ которую входили въ залу (atrium), или во внутреннее помѣщеніе; въ началѣ гл. Ливій говоритъ, что старцы сидѣли въ „домахъ“, конечно въ залѣ, а не въ „преддверіи“.

правленную единственно противъ городскихъ жилищъ, и видя, что среди пожарищъ и развалинъ плѣненнаго города не остается уже ничего, кромѣ защитниковъ, безуспѣшно устрашаемыхъ громадными потерями и готовыхъ сдаться, уступая лишь силѣ, рѣшаются испробовать послѣднюю мѣру, аттаковать кремль. Рано утромъ, по данному сигналу, вся масса войска выстраивается на форумѣ; оттуда, поднявъ крикъ и, подъ прикрытіемъ черепахи [1]), они подступаютъ къ кремлю. Римляне встрѣчаютъ ихъ нисколько не растерявшись и не смутившись; усиливъ караульные посты на всѣхъ доступныхъ пунктахъ и ставя всякій разъ по направленію аттаки отборныхъ молодцовъ, они позволили непріятелю влѣзть на верхъ, въ томъ расчетѣ, что чѣмъ выше онъ взберется по крутизнѣ, тѣмъ легче можно будетъ сбросить его по покатости. Почти на срединѣ отлогаго спуска римляне встрѣтили галловъ и затѣмъ уже отсюда, съ высоты, которая какъ-бы сама собою толкала броситься на врага, ударили на галловъ и произвели въ ихъ рядахъ страшное опустошеніе, такъ что послѣ этого они уже ни разу, ни отдѣльными отрядами, ни всѣми силами, не рѣшались на подобное предпріятіе. Итакъ, отказавшись окончательно отъ надежды подступить къ кремлю силою и съ оружіемъ, они приготовляются къ осадѣ, о которой раньше не думали, и потому истребили во время городскихъ пожаровъ не только хлѣбъ, бывшій въ городѣ, но и дозволили въ теченіи этихъ дней поспѣшно перевезти хлѣбъ, бывшій въ поляхъ, въ Веи. Поэтому, раздѣливъ армію на двѣ половины, они рѣшили поручить одной собирать добычу

---

1) Выраженіе техническое на военномъ языкѣ римлянъ. „Черепахой" (testudo) называется покровъ, образуемый изъ щитовъ, вплотную сдвинутыхъ надъ головами осаждающихъ и въ такомъ видѣ напоминавшихъ собою покровъ черепахи.

по сосѣднимъ народамъ, а другой осаждать кремль, такъ чтобы въ то время, когда одни будутъ заняты осадой, другіе доставляли имъ награбленный въ поляхъ хлѣбъ.

Когда часть галловъ шла отъ города, сама судьба, желая дать имъ познакомиться съ римскою доблестью, привела ихъ въ Ардею, гдѣ жилъ въ изгнаніи Камиллъ; здѣсь, скорбя больше объ участи отечества, чѣмъ о своей собственной судьбѣ, Камиллъ, ропща на боговъ и людей и съ негодованіемъ удивляясь, куда дѣвались тѣ мужи, которые съ нимъ брали Веи и Фалеріи, которые вели и другія войны всегда не столько счастливо, сколько мужественно, вдругъ узнаетъ о появленіи галльскаго войска и о совѣщаніяхъ по этому поводу ардеатовъ, пришедшихъ въ смятеніе. И, точно исполненный вдохновенія свыше, онъ, никогда раньше не появлявшійся въ подобнаго рода собраніяхъ, теперь бросился въ самую середину собранія и сказалъ слѣдующее: **44**. „Ардеаты, старые друзья, а теперь еще и новые мои соотечественники, такъ какъ вы сдѣлали мнѣ столько добра и такъ какъ такова была воля судьбы моей,—пусть никто изъ васъ не подумаетъ, что я явился сюда, забывъ о своемъ положеніи! Только общее дѣло и общая опасность обязываютъ каждаго, при тревожныхъ обстоятельствахъ, оказать помощь обществу, по мѣрѣ силъ своихъ. И когда-же я отблагодарю васъ за ваши великія услуги мнѣ, если теперь останусь безъ дѣла? или въ какомъ случаѣ я вамъ буду полезенъ, какъ не во время войны? Знанію этого дѣла я былъ обязанъ своимъ положеніемъ въ отечествѣ и, непобѣдимый на войнѣ, я изгнанъ въ мирное время неблагодарными гражданами. Вамъ же, ардеаты, представился случай не только отблагодарить римскій народъ за тѣ великія благодѣянія, о которыхъ вы и сами помните (а разъ помните, не слѣдуетъ васъ ими и попрекать),

но и снискать для своего города громкую славу въ войнѣ съ общимъ врагомъ, приближающимся нестройными полчищами. Это народъ, которому природа дала тѣло и душу не столько крѣпкія, сколько великія; поэтому, на всякаго рода бой они являются болѣе страшными, нежели сильными. Доказательствомъ этому служитъ пораженіе римлянъ: взяли они городъ, когда ворота были открыты; изъ кремля и Капитолія имъ сопротивляются съ ничтожною ратью; но имъ наскучило уже осаждать, и они удаляются отъ осады и вразсыпную бродятъ по полямъ. Набросившись съ жадностью на пищу и вино и усладивъ себя ими досыта, они, съ приближеніемъ ночи, безъ укрѣпленій, безъ постовъ и карауловъ, вблизи ручьевъ растягиваются, гдѣ придется, на подобіе дикихъ звѣрей, и теперь, благодаря успѣху, стали еще болѣе неосмотрительными, чѣмъ обыкновенно. Если у васъ есть желаніе защищать свои стѣны и не допускать, чтобы все это стало Галліей, то въ первую стражу [1]) беритесь за оружіе и всею толпою слѣдуйте за мной на бойню, а не на бой. Если я не отдамъ ихъ, скованныхъ сномъ, на безпощадный зарѣзъ, какъ барановъ, я согласенъ испытать въ Ардеѣ ту же участь, что и въ Римѣ". **45**. И друзья, и враги, всѣ держались одного и того-же мнѣнія, что нигдѣ въ ту пору не было болѣе способнаго къ войнѣ человѣка. Собраніе было распущено, и ардеаты ушли подкрѣпить свои силы, всякую минуту съ напряженіемъ ожидая, что будетъ поданъ сигналъ. Сигналъ данъ, и вмѣстѣ съ наступленіемъ ночной тишины они стояли уже у воротъ, готовые къ услугамъ Камилла. Отойдя недалеко отъ города, они дѣйствительно, какъ сказано было напередъ, находятъ лагерь галловъ не защищеннымъ и оставленнымъ со всѣхъ сторонъ безъ присмотра и съ

1) Между 6—9 часами вечера.

оглушительнымъ крикомъ нападаютъ на него. Ни въ одномъ мѣстѣ не было сраженія, вездѣ только одна рѣзня; безпощадно рѣжутъ голыхъ и сонныхъ. Однако, находившіеся на другомъ концѣ лагеря успѣли подняться съ своихъ постелей; но отъ страха не будучи въ состояніи дать себѣ отчета, что за нападеніе и откуда оно, они бросились бѣжать, и нѣкоторые неожиданно наткнулись прямо на врага. Большая часть галловъ забѣжала на поля антіатовъ, и тутъ жители города, сдѣлавъ нападеніе, окружили бродившихъ вразсыпную враговъ.

Въ землѣ вейентской произошло подобное же истребленіе тусковъ, которые такъ мало имѣли жалости къ городу, уже въ теченіи почти четырехсотъ лѣтъ бывшему ихъ сосѣдомъ, тѣснимому невиданнымъ и неслыханнымъ врагомъ, что въ это самое время сдѣлали набѣгъ на римскія поля и, нагрузившись тамъ добычею, вздумали напасть и на Веи, послѣдній оплотъ и надежду римскаго имени. Увидѣли ихъ римскіе воины, какъ они рыщутъ по полямъ и потомъ, собравшись кучею, угоняютъ добычу, стали ясно различать лагерь, расположенный не вдалекѣ отъ Вей. Сначала ихъ взяла жалость за себя, потомъ досада, перешедшая въ гнѣвъ: этрускамъ ли, которыхъ они избавили отъ войны съ галами, навлекши ее на себя, издѣваться надъ ихъ несчастіями? Едва удержались отъ того, чтобы не броситься на нихъ тотчасъ же; сдержанные центуріономъ Кв. Цедиціемъ, котораго они сами назначили себѣ въ начальники, они прождали до ночи. Недоставало только вождя, равнаго Камиллу; все прочее сдѣлано тѣмъ же порядкомъ и увѣнчалось тѣмъ же успѣхомъ. Даже больше того: взявъ себѣ въ проводники плѣнниковъ, уцѣлѣвшихъ отъ ночной рѣзни, и отправившись съ ними къ другому отряду тусковъ, около соляныхъ вар-

ницъ, они на слѣдующую ночь неожиданно произвели еще большую рѣзню и, торжествуя двойную побѣду, возвратились обратно въ Веи.

46. Въ Римѣ между тѣмъ почти все время осада шла вяло, и у обоихъ противниковъ царила тишина, такъ какъ галлы заняты были только тѣмъ, чтобы не дать никому изъ враговъ проскользнуть черезъ аванпосты, какъ вдругъ на диво согражданъ и враговъ появляется римскій юноша. Въ родѣ Фабіевъ было установлено особое жертвоприношеніе на Квиринальскомъ холмѣ. Для совершенія его, Г. Фабій Дорсуо, препоясанный по-габински [1]), съ священными предметами въ рукахъ, сошелъ съ Капитолія и, прошедши сквозь непріятельскіе аванпосты, не обращая при этомъ никакого вниманія ни на чьи оклики и угрозы, благополучно достигъ Квиринальскаго холма; совершивъ здѣсь всѣ положенные обряды, онъ пошелъ тою же дорогой съ прежнимъ спокойствіемъ на лицѣ и въ поступи, вполнѣ полагаясь на милость боговъ, почитанія которыхъ не оставилъ даже въ виду смерти, и возвратился къ своимъ въ Капитолій, потому ли, что галлы, какъ громомъ, были поражены его дивною смѣлостью, или благодаря благочестію, которое далеко не чуждо этому народу. Въ Веяхъ между тѣмъ росло со дня на день не только мужество, но и силы. И сходились сюда изъ деревень не одни римляне, которые бродили врозь, если не со времени несчастнаго пораженія [2]), то уже навѣрное со времени потери плѣненнаго города: стекались сюда добровольцы и изъ Лація, чтобы быть въ долѣ при дѣлежѣ добычи; теперь уже, казалось, насталъ часъ возвратить отечество и вырвать его изъ вражескихъ

[1]) Cinctus Gabinus: такъ назывался особый способъ препоясанія, при которомъ правая пола подбиралась и закидывалась на лѣвое плечо; при этомъ человѣкъ придерживалъ ее правою рукою на груди.

[2]) При Аліи.

рукъ; только этому крѣпкому тѣлу недоставало головы. Все въ Веяхъ напоминало о Камиллѣ; кромѣ того, тутъ большинство воиновъ принадлежали къ тѣмъ, которые одерживали побѣды подъ его личнымъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ; и Цедицій, говорившій, что онъ никогда не допуститъ ничего такого, изъ-за чего бы командованію его положилъ конецъ кто-нибудь изъ боговъ или изъ людей, а не онъ самъ, помня свое званіе, первый потребовалъ назначенія полководца. Единогласно рѣшено было вызвать изъ Ардеи Камилла, но только послѣ предварительнаго разрѣшенія сената, пребывавшаго въ Римѣ; вотъ до какой степени во всемъ руководились чувствомъ долга и старались соблюдать установившіеся порядки даже тогда, когда государство было почти на краю гибели. Приходилось съ огромной опасностью пробираться черезъ непріятельскіе караулы. Дѣло это взялся выполнить одинъ энергичный юноша, по имени Понтій Коминій: лежа въ древесной корѣ, онъ теченіемъ Тибра снесенъ былъ до самаго Рима. Отсюда, по ближайшему къ берегу пути, по чрезвычайно крутой и потому оставленной непріятелями безъ охранной стражи скалѣ, онъ пробирается въ Капитолій и тутъ, представъ предъ властями, излагаетъ порученіе арміи. Отсюда, получивъ сенатское постановленіе, повелѣвавшее куріатскимъ комиціямъ возвратить Камилла изъ изгнанія и, съ соизволенія народа, назначить его немедленно диктаторомъ, а равно и предоставлявшее воинамъ право имѣть своимъ полководцемъ, кого они хотятъ, Коминій тѣмъ же путемъ сползъ внизъ и устремился съ извѣстіемъ въ Веи; посланные въ Ардею за Камилломъ послы привели его въ Веи; или въ отсутствіи Камилла изданъ былъ куріатскій законъ [1]),

[1]) „Куріатскій законъ" (lex curiata)—это былъ формальный актъ, необходимый въ томъ случаѣ, если назначеніе или избраніе лица связано было съ предоставленіемъ ему верховнаго командованія

назначавшій его диктаторомъ; послѣднее представляется болѣе вѣроятнымъ, именно, что Камиллъ оставилъ Ардею только послѣ того, какъ получилъ извѣстіе объ изданіи закона, такъ какъ только съ соизволенія народа онъ могъ перемѣнить мѣсто жительства, и только послѣ назначенія своего въ диктаторы имѣть ауспиціи [1]) въ арміи.

47. Пока это происходило въ Веяхъ, въ Римѣ кремль и Капитолій подверглись огромной опасности. Галлы, потому ли, что замѣтны были человѣческіе слѣды въ томъ мѣстѣ, гдѣ прошелъ гонецъ изъ Вей, или сами обратили вниманіе на скалу съ плоскимъ подъемомъ у храма Карменты, только въ довольно свѣтлую ночь пославъ сперва впередъ безоружнаго испытать дорогу, упираясь поперемѣнно на оружіе, которое передавали другъ другу всякій разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣчалось какое-нубудь затрудненіе, и, то поддерживая другъ друга подъ плечи, то втаскивая одинъ другого, смотря по требованію мѣстности, такъ тихо вскарабкались на самый верхъ, что не только не были замѣчены стражей, но не разбудили даже собакъ, такъ чуткихъ ко всякому ночному шороху. Но не ускользнули они отъ гусей, которыхъ, какъ посвященныхъ Юнонѣ, несмотря па крайнюю нужду въ пищѣ, римляне все-таки сохранили. Это-то обстоятельство и послужило къ спасенію города: разбуженный ихъ крикомъ и шумными взмахами крыльевъ, М. Манлій, тотъ самый, который три года тому назадъ былъ консуломъ, человѣкъ, отличившійся въ бояхъ, схватившись за оружіе и призывая и прочихъ къ оружію, идетъ впередъ и, пока всѣ

(imperium). Актъ этотъ получилъ свое названіе отъ того, что онъ издавался въ собраніи патриціевъ по куріямъ, или въ „куріатскихъ комиціяхъ“ (comitia curiata).

[1]) „Имѣть ауспиціи“ (habere auspicia) техническій терминъ въ смыслѣ „имѣть право совершать ауспиціи“.

другіе въ смятеніи, ударомъ щита сваливаетъ съ крутизны галла, успѣвшаго уже подняться на самый верхъ, и, въ то время, когда паденіе катившагося внизъ галла валило ближайшихъ, безпощадно колетъ другихъ, которые въ смятеніи, бросивъ оружіе, держались руками за камни, крѣпко повисши на нихъ. Уже и другіе дротиками и градомъ камней стали сваливать внизъ враговъ, и, покатившись лавиною, цѣлый отрядъ свалился въ пропасть. Когда потомъ тревога улеглась, остатокъ ночи былъ посвященъ отдыху, насколько онъ доступенъ встревоженнымъ людямъ, такъ какъ и миновавшая опасность поддерживала въ нихъ возбужденное состояніе. Съ разсвѣтомъ, когда воины сигнальной трубой были созваны на собраніе предъ трибунами, гдѣ праваго и неправаго ожидало должное воздаяніе, прежде всего слава была воздана доблести Манлія, который былъ награжденъ не одними только трибунами, но и единодушнымъ приговоромъ воиновъ, потому что всѣ снесли къ его дому, находившемуся въ кремлѣ, по полфунта муки и по квартѣ вина [1]), награда, повидимому, пустая, однако крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ дѣлалъ ее блестящимъ доказательствомъ непритворной любви, потому что, лишая себя пищи и питья для того только, чтобы почтить одного человѣка, каждый отдавалъ то, что отнялъ у себя изъ предметовъ первой необходимости. Послѣ того вызваны были стражи, оберегавшіе пунктъ, гдѣ врагъ взобрался незамѣченнымъ; но, когда военный трибунъ Кв. Сульпицій объявилъ, что онъ со всѣхъ ихъ взыщетъ по-военному, воины въ одинъ голосъ закричали, что виноватъ только одинъ изъ стражей; и трибунъ, въ виду этого крика, оставилъ ихъ въ покоѣ и приказалъ только несомнѣнно

[1]) Римскій фунтъ=76-ти съ лишкомъ золотн.; „кварта“ (quartarius)=0,1112 кружки.

виновнаго сбросить со скалы при всеобщемъ одобреніи. Послѣдствіемъ этого событія было то, что оба противника стали бдительнѣе относиться къ карауламъ, галлы потому, что обнаружены были сношенія посредствомъ гонцовъ между Веями и Римомъ, а римляне потому, что не могли забыть о бывшей ночной опасности.

48. Но, кромѣ всѣхъ бѣдъ, неразлучныхъ съ осадой и войной, больше всего давалъ себя чувствовать и тому и другому войску голодъ, а галламъ еще и моровая язва, потому что лагерь ихъ расположенъ былъ между холмами, гдѣ въ душномъ воздухѣ оказалось много вредныхъ испареній и, кромѣ того, съ выжженныхъ пожарами окрестностей, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, неслась не одна пыль, но и зола. Народъ, привыкшій къ влагѣ и прохладѣ, совершенно неспособный выносить что-либо подобное, изнывая отъ жары и духоты, умиралъ, какъ скотъ, отъ повальныхъ болѣзней; имъ стало уже въ тягость погребать мертвыхъ поодиночкѣ, и потому они сожигали ихъ цѣлыми кучами, наваливъ безъ разбора, откуда и площадь получила наименованіе Гальскихъ Костровъ [1]). Затѣмъ заключено было съ римлянами перемиріе, и съ разрѣшенія командующихъ начаты были переговоры; во время этихъ переговоровъ, когда галлы постоянно ставили римлянамъ на видъ голодъ и, опираясь на это, предлагали имъ сдаться, тогда, говорятъ, съ цѣлью разубѣдить ихъ, во многихъ мѣстахъ съ Капитолія набросали на непріятельскіе аванпосты печенаго хлѣба. Однако, дальше невозможно было ни скрывать голода, ни переносить его. Итакъ, пока диктаторъ лично производилъ наборъ въ Ардеѣ, приказавъ начальнику конницы Л. Валерію привести войско изъ Вей, пока онъ дѣлалъ приготовленія и принималъ мѣры, необходимыя для нападенія на враговъ

[1]) Busta Gallica—площадь эта находилась въ срединѣ города:

съ силами вполнѣ равными, капитолійская армія, хотя и истомленная сторожевыми постами и ночными караулами, все-же преодолѣвала всѣ людскія бѣдствія, но не могла осилить въ борьбѣ съ природою голода и, день-изо-дня всматриваясь вдаль, не видно ли какого подкрѣпленія отъ диктатора, въ концѣ концовъ, лишившись не только пищи, но уже и надежды, когда, при выходѣ на аванпосты, ослабленное тѣло почти падало подъ тяжестью оружія,—заявила желаніе или сдаться, или предложить за себя выкупъ на какихъ бы то ни было условіяхъ, тѣмъ болѣе, что галлы давали ясно понять о готовности своей удовлетвориться незначительнымъ выкупомъ за снятіе осады. Тогда состоялось засѣданіе сената, и военнымъ трибунамъ дано было порученіе вступить въ переговоры о мирѣ. Вслѣдъ за тѣмъ на переговорахъ между военнымъ трибуномъ Кв. Сульпиціемъ и галльскимъ княземъ Бренномъ состоялась сдѣлка, и народъ, которому предстояло вскорѣ повелѣвать цѣлымъ міромъ, оцѣненъ былъ въ тысячу фунтовъ золота. Къ постыднѣйшей уже самой по себѣ сдѣлкѣ прибавилось еще новое униженіе: гири, принесенныя галлами, были невѣрны; когда трибунъ сталъ возражать противъ этого, нахальный галлъ прибавилъ еще къ гирямъ свой мечъ, и римлянамъ пришлось выслушать тягостныя слова: „горе побѣжденнымъ“!

49. Но боги и люди не допустили римлянъ оставаться въ положеніи выкупленныхъ. По какой-то случайности, прежде чѣмъ неслыханный выкупъ былъ сполна выплаченъ, потому что вслѣдствіе пререканій еще не все золото было отвѣшено, какъ разъ въ это время подоспѣлъ диктаторъ и приказалъ убрать золото и удалить галловъ. Когда тѣ упираясь говорили, что они заключили договоръ, онъ сталъ отрицать дѣйствительность договора, заключеннаго должностнымъ лицомъ низшаго ранга уже послѣ того, какъ состоялось

назначеніе его диктаторомъ, и безъ его соизволенія; и тутъ же объявляетъ галламъ, чтобы они готовились къ сраженію. Своимъ приказываетъ сбросить въ кучу походную ношу, привести въ порядокъ оружіе и желѣзомъ, а не золотомъ вернуть себѣ отечество, имѣя предъ собою на глазахъ капища боговъ, а равно женъ дѣтей, отечественную землю, обезображенную бѣдствіями войны, и все, что защитить и отобрать и за что отомстить составляетъ для человѣка священную обязанность. Затѣмъ выстраиваетъ войско въ боевой порядокъ, насколько то позволяло мѣстоположеніе полуразрушеннаго города и природная неровность мѣстности, и предусмотрительно принимаетъ всѣ мѣры, какія только военное искусство могло изыскать или заранѣе приготовить для обезпеченія успѣха. Галлы, въ смятеніи отъ неожиданности, берутся за оружіе и яростно, безъ осмотрительности набрасываются на римлянъ. Уже счастье повернулось, силы боговъ и разумъ человѣческій стали на сторону римлянъ. Итакъ, въ первой же схваткѣ галлы были разбиты съ такимъ же небольшимъ напряженіемъ, какъ они побѣдили при Аліи. Вслѣдъ за этой побѣдой подъ личнымъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ того же Камилла опять была одержана побѣда надъ ними въ новомъ, еще болѣе правильномъ сраженіи, у восьмого камня [1]) на Габинской дорогѣ, куда они направились, спасаясь бѣгствомъ. Здѣсь смерть не пощадила никого; лагерь былъ взятъ, и не осталось даже гонца, чтобъ дать вѣсть о пораженіи. Отвоевавъ у враговъ отечество, диктаторъ съ тріумфомъ вернулся въ городъ, и въ нескладныхъ пѣсняхъ-шуткахъ, которыя обыкновенно распѣваютъ воины, его вполнѣ справедливо величали славными именами Ромула, отца отечества, второго основателя Рима.

[1]) См. III 6, примѣч.

Вслѣдъ затѣмъ спасенное отъ войны отечество онъ безспорно спасъ вторично и во время мира, не допустивъ переселенія въ Веи, несмотря на то, что и трибуны, послѣ сожженія города, еще настойчивѣе требовали осуществленія этого проекта, и что сами плебеи теперь въ большей степени выражали расположеніе къ этому плану; это обстоятельство и послужило основаніемъ къ удержанію имъ диктатуры послѣ тріумфа, когда сенатъ заклиналъ его не оставлять государство въ неопредѣленномъ положеніи. **50.** Первымъ дѣломъ Камилла, какъ ревностнѣйшаго блюстителя религіи, было — назначить засѣданіе сената для доклада по дѣламъ, касавшимся безсмертныхъ боговъ, и издать сенатское постановленіе о приведеніи въ порядокъ всѣхъ святыхъ мѣстъ, чтобы они были въ томъ же видѣ, какъ раньше, до занятія ихъ врагомъ, о возведеніи кругомъ нихъ оградъ и объ очищеніи ихъ, а равно объ отысканіи въ священныхъ книгахъ черезъ дуумвировъ указаній на счетъ порядка очищенія, о заключеніи съ церитами отъ имени государства гостепріимнаго союза за то, что они пріютили святыни римскаго народа и жрицъ, и по милости этого народа не было прервано почитаніе безсмертныхъ боговъ; о празднованіи Капитолійскихъ игръ въ благодарность всеблагому и всемогущему Юпитеру за то, что онъ при тревожномъ положеніи спасъ свою обитель и твердыню римскаго народа, а равно и о порученіи диктатору М. Фурію составить для выполненія этого дѣла коллегію изъ лицъ, живущихъ въ Капитоліи и кремлѣ. Независимо отъ этого, зашла рѣчь объ искупленіи вины за пренебреженіе къ голосу, слышанному ночью и предупреждавшему о несчастіи еще до войны съ галлами, и повелѣно было соорудить на Новой улицѣ часовню Аію Локутію [1]). Золото, вы-

[1]) Т. е. „вѣщающему, говорящему“. Установляя поклоненіе новому

рванное изъ рукъ галловъ, а равно и то, которое снесли изъ другихъ храмовъ среди сумятицы въ божницу Юпитера, признано „священнымъ“ и повелѣно положить его подъ сѣдалищемъ Юпитера, такъ какъ не могли разобраться, куда какое слѣдуетъ отнести обратно. Уже раньше религіозность гражданъ обнаружилась въ томъ, что, когда въ казнѣ недоставало золота для пополненія суммы условленнаго съ галлами выкупа, его взяли отъ матронъ, добровольно предложившихъ свои услуги, чтобы только не трогать священнаго золота. За это матронъ благодарили, оказавъ имъ новую честь, дозволивъ торжественное прославленіе ихъ послѣ смерти, наравнѣ съ мущинами.

Когда исполнено было все то, что относилось къ богамъ и могло быть сдѣлано только при посредствѣ сената, тогда, наконецъ, видя, что трибуны неустанными рѣчами подбиваютъ плебеевъ бросить развалины и переселиться въ готовый городъ Веи, Камиллъ, въ сопровожденіи всего сената, явился на народную сходку и тутъ держалъ такую рѣчь. **51**. „Мнѣ, квириты, до такой степени тягостны споры съ народными трибунами, что не только единственнымъ утѣшеніемъ моего скорбнаго изгнанія, во время пребыванія въ Ардеѣ, была жизнь вдали отъ этихъ препирательствъ, но, имѣя въ виду эти самыя препирательства, я никогда и не вернулся бы обратно, хотя бы вы тысячу разъ вызывали меня и сенатскимъ постановленіемъ, и повелѣніемъ народа. И теперь побудила меня вернуться не перемѣна моего образа мыслей, но ваша судьба, такъ какъ дѣло шло о томъ, чтобы отечество оставалось на своемъ прежнемъ мѣстѣ, а не о томъ, чтобы я во что бы то ни стало былъ въ отечествѣ. И теперь я охотно

божеству, римляне даютъ ему имя, напоминающее объ услугѣ, оказанной имъ невѣдомымъ дотолѣ богомъ.

держался бы спокойно и молчалъ, если бы и настоящая жестокая борьба не была борьбой за отечество, когда не являться на помощь, пока хватаетъ жизни, для другихъ постыдно, а для Камилла еще и преступно. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ мы его отвоевали, зачѣмъ, когда оно было осаждено, вырвали изъ рукъ враговъ, если отобравъ сами бросаемъ на произволъ судьбы? И неужели, когда побѣдили галлы, когда взяли весь городъ, все-же боги и юноши римскіе отстояли хоть Капитолій и кремль и остались въ нихъ жить, а когда побѣдили римляне и отняли обратно городъ, даже самый кремль и Капитолій будутъ брошены на произволъ судьбы, и удача причинитъ этому городу больше опустошенія, чѣмъ несчастія? даже если бы, вмѣстѣ съ закладкою города, не было положено основаній всѣмъ религіознымъ установленіямъ и они не передавались преемственно изъ рукъ въ руки, все-же въ настоящихъ обстоятельствахъ вмѣшательство божества такъ очевидно содѣйствовало успѣху римскаго дѣла, что, по моему мнѣнію, этимъ самымъ люди лишены всякаго права на безразличное отношеніе къ культу боговъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на рядъ удачъ и неудачъ за эти послѣдніе годы, и вы увидите, что все кончалось удачно тогда, когда вы слѣдовали указаніямъ боговъ, и неудачно тогда, когда вы ими пренебрегали. Уже прежде всего вейентская война — сколько лѣтъ она тянулась. сколько труда она стоила! — кончена была лишь тогда, когда, слѣдуя велѣнію боговъ, спустили воду изъ Альбанскаго озера. А что сказать мнѣ о нынѣшнемъ, небываломъ бѣдствіи нашего города? развѣ оно случилось раньше того, какъ пренебрегли небеснымъ голосомъ, предупреждавшимъ о приближеніи галловъ, раньше того, какъ нарушена была нашими послами святость международнаго права, раньше того, какъ мы, обязанные отстаивать это право, все отъ того же безразличнаго

отношенія къ богамъ оставили нарушеніе его безнаказаннымъ? Вотъ для того, чтобы послужить цѣлому міру урокомъ, мы, побѣжденные, плѣненные, выкупленные, и понесли столько каръ отъ боговъ и людей. Несчастіе заставило насъ потомъ вспомнить объ обязанностяхъ предъ религіей. И бѣжимъ мы въ Капитолій къ богамъ, къ сѣдалищу всеблагого и всемогущаго Юпитера; видя достояніе свое въ развалинахъ, однѣ святыни мы скрыли въ землѣ, другія удалили съ глазъ непріятелей, отвезши въ сосѣдніе города; культа боговъ мы, даже покинутые богами и людьми, все-же не прервали. И вотъ, благодаря только этому, они вернули теперь намъ снова отечество и побѣду и утерянную-было старинную военную честь, а страхъ, вмѣстѣ съ бѣгствомъ и кровопролитіемъ, обратили на враговъ, которые, ослѣпленные корыстью, вздумали нарушить на вѣсѣ золота вѣрность договору". **52**. „Теперь, видя, какое громадное вліяніе на дѣла человѣческія имѣетъ почитаніе и непочитаніе боговъ, неужели вы, квириты, не соображаете, какой великій грѣхъ мы замышляемъ сотворить теперь, когда едва начинаемъ оправляться отъ крушенія за первую вину, принесшую намъ столько бѣдствій? У насъ есть городъ, основанный послѣ совершенія ауспицій и въ предѣлахъ, указанныхъ гаданіями; каждое мѣсто въ немъ внушаетъ благоговѣйный страхъ предъ богами; торжественныя жертвоприношенія должны совершаться не только въ установленные дни, но и на установленныхъ мѣстахъ. И всѣхъ этихъ боговъ, общественныхъ и частныхъ, вы, квириты, собираетесь покинуть? какъ мало сходства въ вашемъ поступкѣ съ тѣмъ подвигомъ, который недавно, во время осады, на глазахъ враговъ, не менѣе насъ удивленныхъ, совершилъ благородный юноша Кв. Фабій, когда среди гальскихъ дротиковъ, спустившись съ кремля, онъ совершилъ на Квиринальскомъ холмѣ обрядъ, торжественно совершае-

мый въ родѣ Фабіевъ! Неужели священнодѣйствія въ родахъ желательно не прекращать и во время войны, а общественныя священнодѣйствія и римскихъ боговъ можно бросить на произволъ судьбы даже во время мира? и неужели желательно, чтобы понтифики и фламины съ меньшимъ уваженіемъ относились къ общественному богослуженію, чѣмъ частный человѣкъ отнесся къ торжественному обряду, установленному въ его родѣ? Пожалуй, кто-нибудь можетъ замѣтить, что мы или будемъ совершать тѣ же священнодѣйствія въ Веяхъ, или для совершенія ихъ будемъ оттуда посылать сюда жрецовъ своихъ; но ни того, ни другого, съ строгимъ соблюденіемъ обрядности, сдѣлать невозможно. И чтобъ не перечислять всѣхъ разнаго рода священнодѣйствій и всѣхъ боговъ,—въ случаѣ пиршества Юпитеру, неужели можно взять на себя приготовить пуловинаръ [1]) гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Капитолія? а что сказать мнѣ о вѣчныхъ огняхъ Весты и объ изображеніи, которое, какъ залогъ владычества, надежно хранится подъ защитою ея храма? что сказать о щитахъ [2]) вашихъ, Марсъ Градивъ, и ты, Квиринъ—отецъ? И всѣ эти святыни, по древности равныя городу, иныя даже древнѣе основанія его, вы рѣшаетесь покинуть на оскверненномъ мѣстѣ? Но посмотрите, какое различие между нами и предками. Они передали намъ извѣстныя священнодѣйствія съ тѣмъ, чтобы мы совершали ихъ на Альбанской горѣ и въ Лавиніи; страшно было переносить священнодѣйствія изъ вражескихъ городовъ къ себѣ въ Римъ [3]), а мы безъ святотатства перенесемъ ихъ отсюда во вражескій городъ Веи? Припомните-же теперь всѣ тѣ случаи повторенія священнодѣйствій вслѣдствіе ка-

---

1) То же, что ликтистерніе; см. гл. 13 примѣч. 2) См. кн. I гл. 20. 3) См. I 31.

кого-нибудь упущенія въ завѣщанномъ отцами обрядѣ, происшедшаго или по небрежности, или случайно. Недавно еще, при совершившемся на Альбанскомъ озерѣ чудѣ, что спасло наше государство, изнемогавшее подъ бременемъ войны съ вейентами, какъ не повтореніе священнодѣйствій вмѣстѣ съ возобновленіемъ ауспицій? Но, сверхъ того, соблюдая старинные религіозные обряды, мы еще перенесли въ Римъ боговъ изъ другихъ странъ и учредили новыхъ. Юнона-царица, перевезенная изъ Вей, недавно была освящена на Авентинѣ въ столь памятный необычайнымъ усердіемъ матронъ и торжественный день! Аію Локутію, по случаю услышаннаго съ неба голоса, мы велѣли соорудить храмъ на Новой улицѣ; къ другимъ празднествамъ мы еще прибавили Капитолійскія игры и для того учредили, съ утвержденія сената, новую коллегію; какая надобность была предпринимать это, если мы вмѣстѣ съ галлами собирались покинуть римскій городъ? или мы не сами по доброй волѣ оставались въ Капитоліи въ теченіи столькихъ мѣсяцевъ осады, а только враги и страхъ удерживали насъ тамъ? Мы говоримъ все о священныхъ обрядахъ и храмахъ; а что же сказать намъ еще о жрецахъ? неужели намъ не приходитъ на умъ, какое при этомъ совершается святотатство? у весталокъ, объ этомъ и говорить нечего, есть одна только та обитель, изъ которой ничто и никогда, кромѣ взятія города, не могло ихъ заставить выйти; для фламина Юпитера провести одну ночь внѣ города уже грѣхъ; а между тѣмъ вы собираетесь ихъ сдѣлать изъ римскихъ вейентскими жрецами, и весталки твои покинутъ тебя, Веста, и фламинъ, живя въ чужой странѣ, каждую ночь будетъ навлекать на себя и государство вину такого святотатства! Да что и говорить! А все то, что мы совершаемъ вообще съ ауспиціями и почти исключительно въ пре-

дѣлахъ померія [1]), какому забвенію и какому небреженію мы предаемъ его? Комиціи куріатскія, комиціи центуріатскія, вѣдающія военныя дѣла, на которыхъ вы избираете консуловъ и военныхъ трибуновъ,—гдѣ могутъ происходить съ ауспиціями, какъ не на своемъ обычномъ мѣстѣ? въ Веи ли мы ихъ перенесемъ? или, можетъ быть, ради комицій народъ будетъ, несмотря на всѣ неудобства, собираться въ этомъ покинутомъ богами и людьми городѣ?“

53. „Но, возразятъ намъ, дѣйствительно, все оскверняется и никакими искупительными жертвами не можетъ быть очищено; но сами обстоятельства заставляютъ оставить городъ, опустошенный пожарами и разрушеніемъ, переселиться въ Веи на все готовое и не мучить бѣдныхъ плебеевъ, заставляя ихъ здѣсь заниматься постройками. Но, я думаю и безъ моего указанія вамъ очевидно, квириты, что это основаніе только выставляется, а не существуетъ на дѣлѣ: вы помните, что еще до прибытія галловъ, когда цѣлы были общественныя и частныя зданія, когда и городъ стоялъ нерушимо, рѣчь шла о томъ же самомъ проектѣ нашего переселенія въ Веи. Однако посмотрите, какая разница между мнѣніемъ моимъ и вашимъ, трибуны: вы полагаете, что, если бы тогда и не было надобности сдѣлать это, то теперь оно во всякомъ случаѣ необходимо; я же, наоборотъ, того мнѣнія (и не удивляйтесь ему, а сначала выслушайте, въ чемъ оно заключается!), что, если бы даже въ ту пору, когда весь городъ стоялъ нерушимо, и слѣдовало переселиться, то теперь оставлять эти развалины я не находилъ бы нужнымъ, и вотъ почему: тогда поводомъ къ переселенію во взятый городъ могла бы намъ служить побѣда, славная для насъ и потомковъ нашихъ; а теперь это переселеніе, горестное и

---

[1]) См. I 44.

постыдное для насъ, принесетъ славу галламъ. Ибо будетъ казаться, что мы не оставили отечества какъ побѣдители, но потеряли его какъ побѣжденные; что это бѣгство при Аліи, это плѣненіе города, это осада Капитолія вынудили насъ покинуть своихъ пенатовъ и рѣшиться на изгнаніе и бѣгство съ того мѣста, котораго мы не сумѣли защитить. И галлы могли разорить Римъ, а не будетъ ли казаться, что римляне безсильны возстановить его? А если они теперь явятся съ новыми полчищами (а вѣдь, какъ извѣстно, трудно повѣрить, какъ они многочисленны!) и пожелаютъ жить въ этомъ городѣ, взятомъ ими, покинутомъ нами, то что остается дѣлать, какъ не допустить это? Если бы не галлы, но старые наши враги, эквы, вольски, устроили такъ, чтобы переселиться въ Римъ, пожелали ли бы вы признавать ихъ за римлянъ, а себя за вейентовъ? иль, быть можетъ, вы скорѣе пожелали бы, чтобы Римъ былъ пустыней, но вашей, чѣмъ городомъ, но непріятельскимъ? Я, по крайней мѣрѣ, не вижу, что болѣе преступно. Неужели вы, изъ-за того только, что вамъ лѣнь строить, готовы допустить подобныя преступленія, подобный позоръ? Если бы въ цѣломъ городѣ нельзя было соорудить ни одного зданія лучше или обширнѣе, чѣмъ извѣстная всѣмъ хижина нашего основателя, то и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ ли намъ лучше жить въ хижинахъ, какъ пастухи и крестьяне, но среди своихъ святынь и пенатовъ, чѣмъ идти цѣлымъ государствомъ въ изгнаніе? Предки наши, пришлецы и пастухи, не посмотрѣли на то, что на этихъ мѣстахъ ничего не было, кромѣ лѣсовъ и болотъ, и соорудили новый городъ въ такое короткое время; а намъ, когда Капитолій и кремль остаются нерушимыми, когда стоятъ храмы боговъ, намъ лѣнь отстроить сожженныя зданія? И, что каждый изъ насъ въ отдѣльности сдѣлалъ бы, если бы

сгорѣлъ его домъ, то мы отказываемся дѣлать на общественномъ пожарищѣ всѣ совмѣстно?“

54. „Что-же еще наконецъ? Если бы по злонамѣренности или просто случайно произошелъ пожаръ въ Веяхъ, и пламя, распространившись отъ вѣтра, что можетъ всегда случиться, истребило значительную часть города, то мы пожелаемъ оттуда переселиться въ Фидены или Габіи, или въ другой какой городъ? неужели такъ мало привязываетъ родная страна и та земля, которую мы зовемъ матерью, неужели вся привязанность наша къ отечеству тяготѣетъ только къ домамъ и бревнамъ? Такъ и быть, признаюсь ужъ вамъ, хотя вспоминать объ обидахъ вашихъ и о моемъ несчастіи и не особенно пріятно: когда меня здѣсь не было, всякій разъ какъ приходилось мнѣ вспоминать о родинѣ, холмы и луга, Тибръ, знакомый для глазъ кварталъ, это небо, подъ которымъ я родился и выросъ, — всѣ эти предметы рисовались въ моемъ воображеніи: пусть же и васъ, квириты, привязанность ко всему этому лучше теперь побудитъ остаться въ своемъ гнѣздѣ, чѣмъ потомъ, когда вы его оставите, изнывать отъ тоски по немъ. Не даромъ боги и люди выбрали для основанія города эту именно мѣстность, эти въ высшей степени благопріятные для здоровья холмы, эту рѣку, удобную какъ для вывоза продуктовъ съ материка, такъ и для ввоза товаровъ заморскихъ, это море настолько недалекое отъ васъ, насколько это намъ выгодно, и не настолько близкое, чтобы иноземные флоты удобно могли нападать, это положеніе въ центрѣ Италіи, единственное въ своемъ родѣ и какъ-бы созданное для расширенія города. Подтвержденіемъ могутъ служить самые размѣры такого молодого города. Всего триста шестьдесятъ пятый годъ, квириты, идетъ городу; среди столькихъ весьма древнихъ народовъ вы постоянно ведете

войны, а между тѣмъ, не говоря о каждомъ городѣ въ отдѣльности, ни вольски, соединенные съ эквами, владѣющіе столькими и такъ сильно укрѣпленными пунктами, ни вся вмѣстѣ Этрурія, такъ могущественная на сушѣ и на морѣ и занимающая вширь громадное пространство Италіи между двумя морями, не могутъ съ вами равняться въ войнѣ. А если это такъ, какой — досадно даже! — смыслъ, испытавъ одно только хорошее, стараться испытать нѣчто другое, когда, допуская даже, что вы можете перенести въ другое мѣсто свою доблесть, безусловно невозможно перенести самихъ судебъ этого мѣста? здѣсь Капитолій, гдѣ нѣкогда была найдена человѣческая голова [1]) и было дано прорицаніе, что въ этомъ мѣстѣ будетъ глава міра и центръ государства; здѣсь же, когда согласно указаніямъ авгурій освобождали Капитолій отъ святынь, Юность и Терминъ, къ великой радости вашихъ предковъ, не допустили сдвинуть себя съ мѣста; здѣсь огни Весты, здѣсь щиты, ниспосланные съ неба, здѣсь всѣ боги, готовые помогать вамъ, если останетесь".

55. Сильное, говорятъ, впечатлѣніе произвела рѣчь Камилла, но больше всего тѣ мѣста ея, которыя касались религіи; однако дѣло, все еще не рѣшенное, рѣшилъ какъ разъ кстати раздавшійся голосъ центуріона, который, въ то самое время, когда засѣданіе сената для обсужденія этихъ вопросовъ нѣсколько времени спустя происходило въ Гостиліевой куріи, а когорты, возвращавшіяся съ караула, маршировали случайно по форуму, громко скомандовалъ на комиціи: „знаменосецъ! поставь знамя; здѣсь намъ удобнѣе всего остановиться"! Услыхавъ эти слова, сенаторы, вышедшіе изъ куріи, единогласно объявили, что они принимаютъ это за добрый знакъ, и кругомъ обступившіе ихъ плебеи тоже одобрили это. Вслѣдъ за тѣмъ законопроектъ былъ отвергнутъ, и какъ-попало начали обстраивать городъ. Черепицы были доставлены отъ казны, дано было право, гдѣ кто захочетъ, ломать камни и рубить лѣсъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы постройки были окончены въ тотъ же годъ. Поспѣшность, съ какою производили постройку зданій на пустырѣ, не различая своего отъ чужого, не дала позаботиться о распланировкѣ улицъ. Вотъ причина того, что старыя клоаки, проведенныя въ первый разъ подъ улицами, нынѣ проходятъ вездѣ подъ частными зданіями, и что расположеніе города напоминаетъ скорѣе видъ города, наскоро занятого, чѣмъ правильно распланированнаго.

---

[1]) См. 55.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I ТОМА.

доносная война съ вольсками 25. Отраженіе сабинянъ и аврунковъ 26. Притѣсненія плебеевъ; война съ эквами, вольсками и сабинянами 27—31. Удаленіе плебеевъ на Священную гору; миссія Менения Агриппы 32—33. Подвигъ Гн. Марція Коріолана 33 и изгнаніе его 34—35. Чудесная болѣзнь и исцѣленіе Латинія 36. Оскорбленіе вольсковъ 37—38. Коріоланъ, вождь ихъ, подъ стѣнами Рима 39—40. Аграрный законъ Кассія и гибель послѣдняго 41. Аграрныя смуты и внѣшнія войны; раздраженіе плебеевъ 42—43. Измѣна трибуновъ интересамъ плебеевъ; борьба съ веіями и побѣда римлянъ 44—47. Подвигъ Фабіевъ и гибель ихъ 48—50. Отраженіе веіентовъ отъ Рима 51. Судъ надъ Т. Мененіемъ и Сп. Сервиліемъ 52. Война съ веіентами и сабинянами; нападеніе вольсковъ и эквовъ на латинянъ 53. Перемиріе съ Вольсками; судъ надъ Фуріемъ и Манліемъ; убіеніе нар. триб. Гн. Генуція 54. Плебеи сопротивляются набору 55. Законъ Волерона 56—57. Выборъ 5 нар. трибуновъ; вражда плебеевъ противъ Аппія и бѣгство ихъ передъ вольсками 58—59. Удачная война Квинкція съ эквами 60. Судъ надъ Аппіемъ и смерть его 61. Опустошеніе полей эквовъ и сабинянъ 62. Отраженіе Эквовъ, вольсковъ и сабинянъ; взятіе Антія 63—65.

III книга. Выведеніе колоніи въ Антій 1. Война Фабія съ эквами; цензъ 2—3. Возстаніе эцентранскихъ вольсковъ и измѣна антіатовъ; неудача Фурія; помощь латинянъ и герниковъ 4—5. Нападеніе эквовъ и Вольсковъ на латинянъ и герниковъ и движеніе къ Риму 6. Безпомощное положеніе государства; умилостивленіе боговъ 7. Избіеніе Вольсковъ 8. Попытка ограничить власть консуловъ 9. Внутренніе раздоры 10—14. Занятіе Капитолія изгнанниками и рабами; трибунскія интриги 15—17. Помощь изъ Тускула 18. Протестъ Квинкція противъ трибуновъ 19—21. Война съ вольсками 22. Захватъ эквами Тускуланскаго кремля и возвращеніе его 23. Судъ надъ вольсціемъ 24. Возстаніе эквовъ 25. Нападеніе сабинянъ; Цинциннатъ избранъ диктаторомъ 26. Пораженіе эквовъ и сабинянъ 27—29. Новое нападеніе Эквовъ и Сабинянъ; увеличеніе числа народныхъ трибуновъ 30. Внутреннія смуты; рѣшено издать законы 31. Выборъ децемвировъ 32—33. Изданіе 10 таблицъ законовъ; новый выборъ децемвировъ 34—35. Терроръ 36—37. Протестъ сената 38—39; пренія 40.—41. Военныя неудачи 42. Убіеніе Сикція 43. Гибель Вергиніи 44—48. Возстаніе въ Римѣ 49 и въ лагерѣ 50. Выборъ военныхъ трибуновъ 50—51. Переходъ плебеевъ съ Авентина на Священную гору; смятеніе сената 52. Переговоры съ плебеями 53. Децемвиры слагаютъ власть; возвращеніе плебеевъ и избраніе нар. трибуновъ 54. Законы, обезпечивающіе свободу 55. Судъ надъ Аппіемъ 56—57 и самоубійство его; судъ надъ Оппіемъ и М. Клавдіемъ 58. Прекращеніе казней 59. Побѣда надъ эквами и вольсками 60—61. Побѣда надъ сабинянами; тріумфъ консуловъ 62—63. Выборы новыхъ магистратовъ на 306 г. 64. Вражда патриціевъ и плебеевъ 65. Нападеніе эквовъ

и Вольсковъ и побѣда надъ ними 66—70. Рѣшеніе спора между ариційцами и ардеатами 70—71.

IV книга. Пренія о законѣ Канулея о (бракѣ между патриціями и плебеями) и его товарищей (о выборѣ консуловъ изъ плебеевъ) 1—6. Избраніе военныхъ трибуновъ съ консульской властью 6. Удаленіе ихъ; посольство изъ Ардеи; междуцарствіе и выборъ консуловъ 7. Учрежденіе цензуры 8. Раздоры въ Ардеѣ 9. Пораженіе вольсковъ 10. Выведеніе колоніи въ Ардею 11. Голодъ въ Римѣ 12. Замыселъ Сп. Мелія и казнь его 13—14. Недовольство плебеевъ 15—16. Отпаденіе и наказаніе фиденатовъ 17—20. Чума въ Римѣ и нападеніе фиденатовъ 21. Взятіе Фиденъ 22. Волненіе въ Этруріи; сокращеніе продолжительности цензуры 23—24. Чума въ Римѣ; нар. трибуны волнуютъ плебеевъ 25. Пораженіе эквовъ и вольсковъ 26—29. Засуха и чума; нападеніе веіентовъ 30. Пораженіе воен. триб. подъ Веями; движеніе Веіентовъ къ Фиденамъ 31. Пораженіе ихъ диктаторомъ Мамеркомъ Эмиліемъ, взятіе Фиденъ, тріумфъ 32—34. Безуспѣшныя старанія нар. триб. о полученіи плебеями военнаго трибуната 35—36. Война съ вольсками и неудача Семпронія 37—40. Судъ надъ военными трибунами 326 г. 40—41. Судъ надъ Семпроніемъ не состоялся 42. Пораженіе Эквовъ; споры патриціевъ и плебеевъ изъ-за квестуры 43. Осужденіе Семпронія 44. Заговоръ рабовъ; возстаніе Лабикъ; раздоры военныхъ трибуновъ; неудачи римлянъ; побѣда ихъ и взятіе Лабикъ 45—47. Аграрные споры 48. Война съ Болами; споры о выводѣ туда колоніи; умерщвленіе воен. триб. Постумія 49—50. Казнь виновныхъ; взятіе Ферентина 51. Чума и голодъ 52. Нападеніе эквовъ и вольсковъ; побѣда консула Валерія и раздраженіе противъ него народа 52—53. Выборъ плебейскихъ квесторовъ 54. Смуты изъ-за выбора воен. триб. вмѣсто консуловъ 55. Эквы готовятся къ войнѣ; споры изъ-за выбора диктатора; побѣда римлянъ 56—57. Потеря Верруго; война съ веіентами 58. Взятіе у вольсковъ Анксура 59. Установленіе жалованья за военную службу 60. Осада Веій; взятіе у Вольсковъ Артены 61.

V книга. Осада Веій 1. Волненія плебеевъ изъ-за службы зимой 2—6. Возстановленіе согласія между сословіями 7. Раздоры военныхъ триб. подъ Веями 8. Выборъ новыхъ магистратовъ и осложненіе войны 9—10. Судъ надъ Сергіемъ и Вергиніемъ 11—12. Выборъ плебеевъ въ военные трибуны; моровая язва; затрудненія подъ Веями 13. Возвращеніе къ власти патриціевъ; знаменія; побѣда надъ тарквинійцами 14—16. Совѣтъ Дельфійскаго оракула; совѣщанія этрусковъ; битва римлянъ съ фалисками и капенатами 17—18. Паденіе Веій 19—23. Капенаты изъявили покорность; толки о переселеніи въ Веи 24. Даръ Аполлону Дельфійскому 25. Война съ фалисками 26—27. Посольство въ Дельфы; пораженіе фалисковъ 28. Отнятіе у нихъ римской колоніи Вителліи; раздоры по вопросу о переселеніи въ Веи 29—30. Пораженіе эквовъ; нападеніе вольсинійцевъ

и сапинатовъ; моръ 31. Побѣда надъ вольсниiйцами и усмиреніе сапинатовъ; осужденіе Камилла 32. Появленіе галловъ въ Италіи 33—35. Посольство къ нимъ изъ Рима 36. Движеніе галловъ на Римъ 37—38. Занятіе и сожженіе Рима 39—42. Неудачный штурмъ кремля 43. Пораженіе ихъ подъ Ардеей и избіеніе тусковъ въ вейентской землѣ 44—45. Возвращеніе Камилла изъ изгнанія и назначеніе его диктаторомъ 46. Неудачная попытка взять Капитолій 47. Сдача римлянъ 48; освобожденіе ихъ Камилломъ 49. Исполненіе религіозныхъ обѣтовъ 50. Отклоненіе Камилломъ переселенія въ Веи 51—54. Возстановленіе Рима 55.